

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ
№ 5 2021

Главный редактор:

чл.-корр. АН РТ, доктор исторических наук *А.Г. Ситдиков*

Редакционный совет:

Г.Атанасов, д.и.н., проф. (Силистра, Болгария); **А.Авербух**, д-р, (Париж, Франция); **Х.А.Афонсо Марреро**, проф. (Гранада, Испания); **Б.В. Базаров**, д.и.н., проф., академик РАН (Улан-Удэ); **Н.Бороффка**, д-р, проф. (Берлин, Германия); **Н.Б. Виноградов**, д.и.н., проф. (Челябинск); **А.Р. Канторович**, д.и.н., проф. (Москва); **В. Кожокару**, д-р хабилитат (Яссы, Румыния); **Н.Н. Крадин**, член-корр. РАН, д.и.н. (Владивосток); **В.В. Напольских**, д.и.н., чл.-корр. РАН (Казань); **А. Самзун**, д-р. (Париж Франция); **В. Франсуа**, д-р хабилитат (Экс-ан-Прованс, Франция); **Р.Р. Хайрутдинов**, к.и.н. (Казань); **Е.Н. Черных**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Москва); **М.В. Шуньков**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Новосибирск); **Ю. Янхунен**, д.и.н., проф. (Хельсинки, Финляндия).

Ответственные редакторы номера:

канд. ист. наук *А.А. Чижевский*, канд. ист. наук *Д.В. Серых*,
канд. ист. наук *Е.Е. Воробьева*

Редакционная коллегия номера:

А.Г. Ситдиков, д.и.н. (Казань); **Р.Р. Хайрутдинов**, к.и.н. (Казань); **Е.Н. Голубева** (Казань); **Л.А. Вязов** к.и.н. (Казань); **Е.Е. Воробьева** к.и.н. (Казань); **Е.Ф. Шайхутдинова** к.т.н. (Казань), **А.А. Чижевский**, к.и.н. (Казань); **Д.В. Серых** к.и.н. (Санкт-Петербург).

Ответственный секретарь: А.С. Беспалова

Журнал основан в мае 2017 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-79080
от 28 августа 2020 г. выдано Роскомнадзором

Адрес редакции, издателя:

420012, г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Телефон: (843)236-55-42

Адрес учредителя:

420111, г. Казань, ул. Баумана, 20
E-mail: archeostepps@gmail.com

https://www.evrastep.ru

Индекс ПП754, электронный каталог печатных изданий
«Почта России»
Выходит 6 раз в год

**ARKHEOLOGIIA EVRAZIISKIKH STEPPI
ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES
No 5 2021**

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **Airat G. Sitdikov**

Executive editors:

Georgy Atanasov, Dr. Hab., Prof. (Silistra, Bulgaria); **José Andrés Afonso Marrero**, PhD, Prof. (Granada, Spain); **Aline Averbouh**, Dr. (Paris, France); **Boris V. Bazarov**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Academic of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude); **Nikolaus Boroffka**, PhD, Prof. (Berlin, Germany); **Nikolay B. Vinogradov**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk); **Evgenii N. Chernykh**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Victor Cojocaru**, Dr. Hab. (Yassy, Romania); **Véronique François**, Dr. Hab. (Aix-en-Provence, France); **Anatolii R. Kantorovich**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Moscow); **Nikolay N. Kradin**, Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok); **Ramil R. Khayrutdinov**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Vladimir V. Napol'skikh**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Kazan); **Anaick Samzun**, Dr. (Paris, France); **Michael V. Shunkov**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); **Juha Janhunen**, PhD, Prof. (Helsinki, Finland).

Executive Editors:

Candidate of Historical Sciences **Andrei A. Chizhevsky**, Candidate of Historical Sciences **Danila V. Serykh**, Candidate of Historical Sciences **Elena E. Vorobeva**,

Editorial board:

Ayrat G. Sitdikov, Doctor of Historical Sciences (Kazan); **Ramil R. Khayrutdinov**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Ekaterina N. Golubeva** (Kazan); **Leonid A. Vyazov** Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Elena E. Vorobeva** Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Eugenia F. Shaykhutdinova** Candidate of Technical Sciences (Kazan); **Andrei A. Chizhevsky** Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Danila V. Serykh** Candidate of Historical Sciences (Saint Petersburg).

Executive Secretary: Antonina S. Beshpalova

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Telephone: (843)236-55-42
E-mail: archeostepps@gmail.com
<https://www.evrzstep.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к разделу	8
История, отлитая в металле (к 70-летию Сергея Владимировича Кузьминых).....	10
Источниковедение истории археологии	
Белозерова И.В., Демирова Н.И. (Москва, Россия) Материалы по истории российской археологии в собрании ОПИ ГИМ	14
Институциональная история археологии	
Щавелёв С.П. (Курск, Россия) Губернские статистические комитеты в истории русской археологии	29
Жук А.В. (Омск, Россия) Отечественная полевая археология в конце XIX-го века	42
Ковалев М.В. (Москва, Россия) Археологический институт имени Н.П. Кондакова в Праге и его связи с венгерскими учеными	57
Палиенко С.В. Долгий путь одной обобщающей работы (о подготовке «Очерков древней истории Украины» в Институте археологии АН УССР).....	68
Судьба археологических памятников и коллекций	
Полин С.В., Дараган М.Н. (Киев, Украина) Нечаева Могила – последний скифский царский курган-гигант в Причерноморской Скифии	75
Тихонов И.Л. (Санкт-Петербург, Россия) Археологическое собрание Артиллерийского музея в Санкт-Петербурге (1872-1932 гг.)	108
Онощенко В.В., Серых Д.В. (Санкт-Петербург, Россия) Академия наук, Эрмитаж и Московский университет: решение судьбы Музея классической археологии в 1894 году.....	117
Медведева М.В. (Санкт-Петербург, Россия) Академия истории материальной культуры и издание ноин-улинской коллекции. 1920е гг. ..	123
Усачук А.Н., Гриб В.К. (Донецк, Украина) О рисунке Н.Е. Макаренко «чумацкая ложка»	131
Биографии и судьбы ученых	
Руденко К.А. (Казань, Россия) Гендерные аспекты казанской археологии во второй половине XIX – XX вв.	145
Сташенков Д.А. (Самара, Россия) Новые документы о начале научно-педагогической деятельности А.С. Башкирова	153
Детлова Е.В. (Красноярск, Россия) С.А. Теплоухов и Геро фон Мергарт: диалог длиною в век	157
Вдовин А.С. (Красноярск, Россия) «Этот год – тяжелый для меня год»: Николай Константинович Ауэрбах в 1930 г.....	166
Захарова Е.Ю., Пахомов Р.В. (Воронеж, Россия) Сергей Николаевич Замятнин - аспирант ГАИМК (по материалам архива ВОКМ)	175
Кузьминых С.В. (Москва, Россия), Саенко В.Н. (Киев, Украина) «Вы ведь единственный, который может обнять еще русскую археологию во всем ее объеме»: переписка А.И. Тереножкина и В.А. Городцова.....	183
Виноградов Н.Б. (Челябинск, Россия) Владимир Савельевич Стоколос в истории археологии Южного Зауралья	212
Юзеев А.Н. (Казань, Россия) Арабский географ ал-Идиси (XII в.) о тюркских народах Средней Азии	221

Междисциплинарные исследования в археологии: достижения и вызовы

Абрамова А.Н. (<i>Краснодар, Россия</i>) Предварительное сообщение о черепках с поселения Чекупс-2.....	228
Вильданова Е.В. (<i>Оренбург, Россия</i>) Инокультурные параллели в погребальном обряде ранних кочевников Южного Урала (историографический аспект).....	237
Кузнецов В.Е. (<i>Пермь, Россия</i>) Изучение древнерусских связей с территорией Пермского Предуралья в эпоху средневековья в трудах исследователей камской археолого-этнографической экспедиции Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета	248
Курлович П.С., Лукша Е.И., Панкевич Г.Д. (<i>Минск, Беларусь</i>) Городища у д. Речки Вилейского района Минской области: история изучения и современное состояние памятников	254
Макласова Л.Э. (<i>Казань, Россия</i>), Макласов В.Ю. (<i>Элиста, Россия</i>), Камалеев Э.В. (<i>Уфа, Россия</i>) «Боктаг» из двух погребений Башкир-Беркутовского курганного могильника (предварительный анализ)	267
Бегимбаева Ж.С., Мохиборода В.В. (<i>Актобе, Республика Казахстан</i>) Научный вклад Н.Ф. Катанова в деятельность «Общества археологи, истории и этнографии» при Казанском университете во второй половине XIX века.....	276
Муратбакиева А.Д. (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>) Птица с личиной на груди: иконография и функция.....	285
Назарова А.Ю. (<i>Пермь, Россия</i>) Процесс неолитизации на территории лесной полосы	297
Осипова Е.В. (<i>Москва, Россия</i>) Погребальный обряд носителей дольменной культуры северо-западного Кавказа: краткий историографический обзор.....	302
Петровичева Т.О. (<i>Москва, Россия</i>) Интерпретация клада астрагалов XI-XII века с Самосдельского городища	306
Сагидуллаев Д.З. (<i>Казань, Россия</i>) Гончарная печь для обжига с городища Сарайчик по материалам раскопок 1950 года.....	313
Сагидуллаев Д.З., Яранцева Н.С. (<i>Казань, Россия</i>) История археологического изучения городищ Золотой Орды Северо-Восточного Прикаспия	320
Храмцов М.В. (<i>Екатеринбург, Россия</i>) К вопросу о шлифованных дисках Среднего Зауралья: технология, функция, интерпретация	328
Бондарь И.А. (<i>Кишинев, Молдавия</i>) Новое антропоморфное изваяние с единичной сарматской тамгой из ущелья реки Солонец.....	335
Ленькова Е.Н. (<i>Москва, Россия</i>), Бондарь И.А. (<i>Кишинев, Молдавия</i>) К вопросу о влиянии кочевых племён степи на происхождение ряда символов раннесредневекового поклонного камня близ села Рудь.....	343

Хроника

Мельникова О.М. (<i>Ижевск, Россия</i>) Археолог как историк науки (по страницам историко-научных публикаций С.В. Кузьминых)	358
Список сокращений	365
Правила для авторов	367

CONTENTS

Foreword	8
Dedicated to the 70 th Anniversary of Sergei Vladimirovich Kuzminykh	10

Source Studies Of The History Of Archaeology

Belozerova I. V., Demirova N. I. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Materials on the History of Russian Archaeology in the Collection of the Department of Written Sources of the State Historical Museum.....	14
Shchhavelev S.P. (<i>Kursk, Russian Federation</i>) Governorate Statistical Committees in the History of Russian Archaeology	29
Zhuk A.V. (<i>Omsk, Russian Federation</i>) Russian Field Archaeology at the End of the 19 th Century	42
Kovalev M.V. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Kondakov Archaeological Institute in Prague and Its Relationship with Hungarian Scientists	57
Palienko S.V. The Long Journey of a Summary Publication (On the Preparation of the “Outlines of Ancient History of Ukraine” at the Institute of Archaeology of the Ukrainian SSR Academy of Sciences).....	68

The Fate Of Archaeological Monuments And Collections

Polin S.V., Daragan M.N. (<i>Kiev, Ukraine</i>) Nechaeva Mogila – the last Scythian royal giant barrow in the Black Sea Scythia	75
Tikhonov I. L. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Archaeological Collection of the Artillery Museum In St. Petersburg (1872 – 1932).....	108
Onoshchenko V.V., Serykh D.V. (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>) Academy of Sciences, Hermitage and Moscow University: the Decision of the Fate of the Museum of Classical Archaeology in 1894.....	117
Medvedeva M.V. (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>) Academy for the History of Material Culture and Publication of Noin-Ula Collection. 1920s	123
Usachuk A.N., Grib V.K. (<i>Donetsk, Ukraine</i>) About the Drawing N.E. Makarenko «Chumack's Spoon»	131

Biographies And Fates Of Scientists

Rudenko K.A. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Gender Aspects of Kazan Archaeology in the Second Half of the 19 th –20 th Centuties.....	145
Stashenkov D. A. (<i>Samara, Russian Federation</i>) New Documents on the Beginning of A.S. Bashkirov’s Scientific and Pedagogical Activity.....	153
Detlova E. V. (<i>Krasnoyarsk, Russian Federation</i>) S.A. Teploukhov and Gero Von Merhart: Century-Long Dialogue	157
Vdovin A. S. (<i>Krasnoyarsk, Russian Federation</i>) “This Year Is A Difficult Year For Me”: Nikolai Konstantinovich Auerbach in 1930	166
Zakharova E. Yu., Pakhomov R. V. (<i>Voronezh, Russian Federation</i>) Sergey Nikolaevich Zamyatnin – Graduate Student of Gaimk (According To Vokm Archive Materials).....	175
Kuzminykh S.V. (<i>Moscow, Russian Federation</i>), Saenko V.N. (<i>Kiev, Ukraine</i>) “You’re the Only One Who Can Still Hug Russian Archaeology in Its Entirety”: Correspondence of A.I. Terenozhkin and V.A. Gorodtsov.....	183
Vinogradov N.B. (<i>Chelyabinsk, Russian Federation</i>) Vladimir Savelievich Stokolos in the History of Archaeology of the South Trans-Urals	212
Yuzeev A. N. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) The Arab geographer al-Idrisi (XII century) about the Turkic Peoples of Central Asia.....	221

Interdisciplinary Research in Archaeology: achievements and challenges

Abramova A.N. (<i>Krasnodar, Russian Federation</i>) Preliminary Report about Turtles from Checups-2	228
Vildanova E.V. (<i>Orenburg, Russian Federation</i>) Foreign Cultural Parallels in the Burial Rite of the Early Nomads of the Southern Urals (the historiographical aspect)	237
Kuznetsov V. E. (<i>Perm, Russian Federation</i>) The Study of Ancient Russia's Relations with the Territory of the Perm Cis-Urals in the Middle Ages in the Works by Researchers of the Kama Archaeological and Ethnographic Expedition of the Perm State Humanitarian and Pedagogical University	248
Kurlovich P.S., Luksha E.I., Pankevich G.D. (<i>Minsk, Belarus</i>) Hillforts Near Rechki Village in Vileyka District of Minsk Oblast: study history and current state of the sites	254
Maklasova L.E. (<i>Kazan, Russian Federation</i>), Maklasov V.Yu. (<i>Elista, Russian Federation</i>), Kamaleev E.V. (<i>Ufa, Russian Federation</i>) Boktag From Two Burials of the Bashkir-Berkutov Burial Mound (preliminary analysis)	267
Beginbayeva Z.S., Mohiboroda V.V. (<i>Aktobe Republic of Kazakhstan</i>) Scientific Contribution of N.F.Katanov in the Activity of the "Society of Archaeology, History and Ethnography" at Kazan University in the Second Half of the XIX Century	276
Muratbakieva A.D. (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>) Bird With a Human Mask on the Chest: iconography and function	285
Nazarova A.Yu. (<i>Perm, Russian Federation</i>) The Process of Neolithization in the Forest Belt	297
Osipova E.V. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Burial Rite of Dolmen Culture Carriers from Northwestern Caucasus: brief historiographic review	302
Petrovicheva T.O. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Interpretation of the 11 th –12 th Century Hoard of Astragalus from Samosdelka Settlement	306
Sagidullaev D.Z. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Pottery Kiln from Saraychik Settlement Based on the Excavation Materials of 1950	313
Sagidullaev D.Z., Yarantseva N. S. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) History of Archaeological Study of Golden Horde's settlements in North-Eastern Caspian Sea Region	320
Khramtsov M.V. (<i>Yekaterinburg, Russian Federation</i>) The Grinded Discs of the Middle Urals: technology, function, interpretation	328
Bondar I.A. (<i>Chisinau, Moldova</i>) The New Anthropomorphic Stone Stele with a Single Sarmatian Tamga from The Gorge of The River Of Solonets	335
Lenkova E.N. (<i>Moscow, Russian Federation</i>), Bondar I.A. (<i>Chisinau, Moldova</i>) The Issue of the Influence of Steppe Nomadic Tribes on the Origin of Several Symbols on the Early Medieval Worship Stone Near Rudi Village	343
Chronicle	
Melnikova O. M. (<i>Izhevsk, Russian Federation</i>) Archaeologist as a Historian of Science (according to historical and scientific publications by S. V. Kuzminykh)	358
List of Abbreviations	262
Instructions for Authors	263

ПРЕДИСЛОВИЕ К РАЗДЕЛУ

Настоящий раздел журнала содержит статьи по истории отечественной археологической науки и посвящен 70-летию Сергея Владимировича Кузьминых.

История отечественной археологии как отдельная субдисциплина в настоящее время практически полностью основана на архивных источниках. Разработка архивов ведется интенсивно во многих городах России, а также дальнего и ближнего зарубежья. Представленные вниманию читателя статьи подразделены на несколько рубрик, соответствующих основным направлениям исследований в сфере истории археологической науки.

В начале идут статьи, посвященные юбилею С.В. Кузьминых, личная биография которого на разных этапах связана с Казанью и Москвой, а научные интересы столь обширны, что их достаточно сложно вместить в какие-либо географические и хронологические рамки. В статье П.Г. Гайдукова, Л.Б. Орловской (ИА РАН), И.В. Белозеровой (ГИМ), А.Г. Ситдикова и А.А. Чижевского (ИА им. А.Х. Халикова АН РТ) авторы характеризуют основные работы С.В. Кузьминых на ниве отечественной археологии. В статье О.М. Мельниковой (УдГУ) отдельно рассматриваются работы С.В. Кузьминых по истории науки, причем на примере юбилея ставится вопрос о том, как у археолога зарождается интерес к прошлому своей науки, который по мере разработки тематики, изучения архивных источников перерастает из любознательности в профессиональный интерес, становящийся дополнительной специализацией.

Остальные материалы в настоящем номере подразделены по рубрикам.

В рубрике «Источниковедение истории археологии» единственная статья, в которой И.В. Белозерова и Н.И. Демирова (ОПИ ГИМ) дают обзор архивных фондов Отдела письменных источников Государственного исторического музея, связанных с историей археологии – это и личные фонды, и фонды институций. Ценность архивных фондов ОПИ ГИМ для истории археологии является общеизвестной, однако подробный обзор на эту тему (включая характеристику фондов, обработанных буквально недавно) публикуется впервые. Убеждены, что статья будет очень полезна и напрямую повлияет на востребованность ряда фондов исследователями и их введение в научный оборот.

В рубрику «Институциональная история археологии» включено четыре статьи. При этом спектр интересов авторов широк – от небольших провинциальных организаций до известных зарубежных институций, от отдельных персоналий и изданий до обобщений, касающихся общих подходов к археологической науке и написанию национальных историй. Статья С.П. Щавелева (КуГМУ) – обобщающая о роли губернских статистических комитетов в археологии. В большинстве регионов России начало археологических наблюдений связано именно с этими структурами. А.В. Жук (независимый исследователь) на примере нескольких российских известных археологов раскрывает различные концепции полевых исследований, бытовавшие в конце XIX века. М.В. Ковалев (ИВИ РАН, АРАН) предлагает экскурс в историю взаимоотношений такого крупного научного института русской послереволюционной эмиграции как Археологический институт им. Н.П. Кондакова в Праге с венгерскими учеными. С.В. Палиенко (независимый исследователь) прослеживает путь создания всего одного, но очень важного, обобщающего научного труда – «Очерков древней истории Украины».

В рубрике «Судьба археологических памятников и коллекций» – пять статей, каждая из которых посвящена ранее неизученным страницам истории предмета, коллекции или целого музейного собрания. С.В. Полин и М.Н. Драган () обращаются к истории изучения одного из скифских царских курганов – Нечаевой могилы. И.Л. Тихонов (СПбГУ) предлагает обзор археологического собрания Артиллерийского музея в Санкт-Петербурге. В.В. Онощенко (СПбФ АРАН) и Д.В. Серых (независимый исследователь) публикуют эпистолярные материалы по истории Музея классической археологии Академии наук, ликвидированного в 1894 году. М.В. Медведева (ИИМК РАН) характеризует роль Академии истории материальной культуры в издании ноин-улинской коллекции. Статья А.Н. Усачук и В.К. Гриб (ДКМ) посвящена рисунку археолога Н.Е. Макаренко.

Завершают сборник 7 статей рубрики «Биографии и судьбы ученых». Среди персонажей, которым посвящены статьи этого раздела, нет незначительных лиц. К.А. Руденко (КГИК) обращается к гендерным аспектам казанской археологии второй

половины XIX – XX вв., рассказывая о выдающихся женщинах в поволжской археологии. Д.А. Сташенков (СОИМК им. П.В.Алабина) раскрывает сюжет, связанный с приездом в Самару А.С. Башкирова. Работа Е.В. Детловой (КККМ) посвящена взаимоотношениям С.А. Теплоухова и Геро фон Мергарта. Статья А.С. Вдовин (КККМ) – про переломный год из биографии Н.К. Ауэрбаха, Е.Ю. Захарова (ВГУ) и Р.В. Пахомов (ВОКМ, ВГУ) обращаются к аспирантскому периоду биографии С.Н. Замятина. С.В. Кузьминых (ИА РАН) и В.Н. Саенко (МККУ) публикуют переписку В.А. Городцова с его учеником А.И. Тереножкиным. Н.Б. Виноградов (ЮУрГГПУ) дает оценку работам В.С. Стоколоса в контексте развития археологии Южного Зауралья.

География авторов настоящего сборника обширна, и следует отметить, что вокруг

имени С.В. Кузьминых не первый раз собираются историки археологической науки. Участие в этом и прошлом сборниках самого юбиляра как соавтора или вдохновителя ряда статей – еще одно подтверждение той связующей роли, которую он играет в относительно небольшом кружке ученых, избравших историю отечественной археологии в качестве сферы своих профессиональных интересов.

Коллектив авторов (и ряда других коллег, не сумевших в силу своей занятости принять участие в настоящем номере журнала) желает юбиляру крепкого здоровья и новых работ и открытий в области истории науки!

А.Г. Ситдилов, Д.В. Серых

ИСТОРИЯ, ОТЛИТАЯ В МЕТАЛЛЕ (К 70-ЛЕТИЮ СЕРГЕЯ ВЛАДИМИРОВИЧА КУЗЬМИНЫХ)

В этом году Сергей Владимирович Кузьминых – известный российский археолог, обладающий неутомимой творческой энергией, завидным усердием и коммуникабельностью, встречает свое 70-летие. Юбиляр родился 11 сентября 1951 г. в семье учителей в д. Отары Республики Марий Эл. Фамилия и место рождения (юго-западные пределы б. Вятской губ.) выдают в нем уроженца вятской земли.

В 1968 г. по окончании средней школы С.В. Кузьминых поступил на историко-филологический факультет Казанского государственного университета и обучался азам профессии у известного советского археолога А.Х. Халикова, под влиянием которого самозабвенно увлекся первобытной археологией. Немалую роль в становлении характера сыграли экспедиции – Чебоксарская, Нижнекамская, Марийская и Татарская. Уже с первого курса Сергей Кузьминых стал участником студенческого археологического кружка, в работе которого принимал самое деятельное участие. Тематикой его докладов и курсовых работ стала проблематика абашевской культуры, металлургия волосовской, гаринско-борской и ананьинской культур. В 1971 г. на Всесоюзной студенческой археологической конференции в МГУ С.В. Кузьминых познакомился с Е.Н. Черных, встреча с которым радикально определила всю его дальнейшую судьбу.

Евгений Николаевич обратил внимание казанского студента на необходимость изучения цветного металла ананьинского мира как продолжения его исследований по древнейшей металлургии Волго-Уралья. Так наметилось направление ближайших научных поисков: с 3-го курса Сергей Кузьминых начал обработку коллекций ананьинских бронз, хранившихся в Казани и Йошкар-Оле, включая отбор проб металла для спектроаналитического изучения.

Окончив в 1973 г. Казанский университет, С.В. Кузьминых поступил в аспирантуру Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР, а через год, обработав коллекции в музеях Волго-Уралья и Ленинграда, продолжил обучение и подготовку диссертационного исследования в Институте археологии АН СССР. Закономерным итогом работы аспирантских лет стала защита в 1978 г. кандидат-

ской диссертации по теме «Бронзовые орудия и оружие в Среднем Поволжье и Приуралье (I тысячелетие до н.э.)». Его научным руководителем, беспристрастным критиком и идейным вдохновителем был Е.Н. Черных, много сделавший для всестороннего развития начинающего вдумчивого исследователя.

В 1976–1984 гг. С.В. Кузьминых работал в ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. В 1983 г. вышла его первая монография «Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза)», обширная сводка аналитических данных к которой увидела свет лишь в 2017 г. В те же годы им были подготовлены разделы коллективных трудов «Инструментарий биллярских ювелиров и меднолитейщиков» (1985), «Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии» (соавт. Е.Н. Черных, 1987), не потерявших своей актуальности до сих пор. Активно шла и работа над шестью выпусками «Археологической карты Татарской АССР» (1981–1990), проспектами многотомной «Археологии Среднего Поволжья и Приуралья» (составитель томов «Энеолит», «Бронзовый век», «Ранний железный век»), где на него легла не только черновая работа по сбору материала и анализу первичных данных, но их систематизация и аналитика. Несомненное природное дарование и неумная работоспособность позволяли ему одновременно заниматься разноплановыми исследованиями, а широкая эрудиция – быть душой компаний как на экспедиционных посиделках, так и просто в быту.

С конца 1970-х гг. на первый план в исследованиях С.В. Кузьминых выходит проблематика бронзового века и, в первую очередь, изучение сейминско-турбинских бронз. Интерес к теме, возникший еще в студенческие годы, стимулировался предложением Е.Н. Черных подготовить совместный труд «Бронзы типа Сейма-Турбино в Евразии» для известной европейской серии «Prähistorische Bronzefunde», издаваемый под редакцией Г. Мюллера-Карпе. Подготовка книги потребовала года стажировки в Институте археологии, командировок в Томск, Новосибирск, Барнаул, Бийск, Горно-Алтайск, Омск, Екатеринбург, Пермь, Владимир и Ленинград для пополнения базы данных СТ-бронз. К сожалению, по неясной для авторов причине

эта сводка так и не была опубликована, хотя рукопись уже была переведена на немецкий язык и проведена переделка иллюстраций. Но в лаконичном виде результаты этой работы были использованы в разделе фундаментального тома «Эпоха бронзы лесной полосы СССР (1987), соавтором которого он стал.

В конце 1984 г. С.В. Кузьминых был принят на работу в лабораторию естественнонаучных методов ИА АН СССР (ныне ИА РАН), где и где и продолжает плодотворно служить вплоть по настоящее время.

За эти годы сложились основные направления его исследований – древнейшая металлургия Северной Евразии, эпоха бронзы и ранний железный век, уралистика, история отечественной археологии.

С приходом в многопрофильную лабораторию С.В. Кузьминых стал душой и активным членом группы археометаллургии, в составе которой занимался творческой разработкой концепции Евразийской (Западноазиатской) и Центральноазиатской металлургических провинций. Совместно с Е.Н. Черных, С.А. Агаповым и Л.Б. Орловской он публикует серию статей об ЕАМП как особой системе, разрабатывает ее зональную структуру. Немало времени уделялось и радиоуглеродной хронологии входящих в нее культур. Особо пристальное внимание было обращено на исследование сейминско-турбинского феномена, закономерным итогом чего стала монография «Древняя металлургия Северной Евразии» (1989, соавт. Е.Н. Черных), которая на десятилетия задавала вектор исследовательских поисков в отечественной и мировой археологии бронзового века. Неподдельный интерес она вызвала в Китае, где в 2010 г. была переведена и вышла завидным для научной литературы тиражом. В связи с появлением новых уникальных памятников (Усть-Ветлуга, Сатыга XVI, Шайтанское озеро II) и глобальным пересмотром исследователем старых коллекций (Галичский «клад») в 1990-е – начале 2000-х гг. сейминско-турбинская проблематика нашла развитие в цикле его персональных и коллективных публикаций этого периода.

Историко-металлургическая проблематика была и остается основой научных изысканий С.В. Кузьминых. Закономерным результатом изучения металла культур эпохи бронзы Южной Сибири (лугавская, карасукская, ирменская и др.) стала книга «Древняя металлургия Среднего Енисея» (1997, соавт. В.В. Бобров, Т.О. Тенейшвили). Персонально и совместно с коллегами (С.А. Агапов,

А.Д. Дегтярева, Ю.А. Семькин, А.С. Ермолаева и др.) в коллективных трудах опубликованы очерки о цветной металлообработке Волжской Булгарии (2005), металле городища Чича-1 в Барабинской лесостепи (2009), общности культур с «валиковой» керамикой в Азиатской зоне ЕАМП (2013), укрепленного поселения Устье и могильника Кривое Озеро в Южном Зауралье (2003, 2013, 2017), поселения металлургов Талдысай в Улытауской степи Казахстана (2020). Большая серия работ С.В. Кузьминых посвящена общим проблемам археометаллургии и характере металлообработки многих культур и классических памятников широчайшего временного диапазона от энеолита до раннего железного века Северной Евразии.

Начиная с 1989 г., особую роль в научной деятельности всего коллектива лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН и юбилея сыграли работы Восточноевропейской (Каргалинской) археологической комплексной экспедиции. В сложных условиях развала страны и выживания отечественной науки, когда группе археометаллургии пришлось прервать аналитические работы, Е.Н. Черных ориентировал сотрудников на полевые исследования крупнейшего в Восточной Европе горно-металлургического центра Каргалы в Южном Приуралье, сумел добиться их целевого стабильного финансирования. Проект предполагал раскопки поселения Горный 1, разведочное обследование Каргалинского рудного поля и эксперименты по выплавке меди. В работе экспедиции принимали активное участие и испанские коллеги – М.И. Мартинес-Наваретте, Х. Висент, С. Ровира и др. Разумеется, работы на Каргалах потребовали самозабвенной отдачи всего коллектива проекта, что не замедлило сказаться на его результатах, который был ознаменован выходом в свет фундаментальной пятитомной серии монографий «Каргалы» (2002–2007) под редакцией Е.Н. Черных – издания, ставшего заметным событием в отечественной и мировой археологии эпохи раннего металла. Важно отметить, что в организации и проведении работ экспедиции, а затем в публикации ее результатов юбиляру принадлежит самая действенная роль.

В настоящее время генеральным научным направлением деятельности группы археометаллургии (Е.Н. Черных, С.В. Кузьминых, Л.Б. Орловская, С.А. Агапов и В.Ю. Луньков) служит «История производящей экономики в Евразии в V тыс. до н. э. – II тыс. н.

э.». В процессе изысканий коллективом была сформирована серия уникальных по объему и составу электронных баз данных металлических изделий и литейных форм, ставших фундаментальной основой комплексных исследований последних десятилетий. Крайне важно подчеркнуть, что это собрание, не имеющее аналогов в нашей стране, востребовано и мировым научным сообществом.

Решение проблемы не только относительной, но и абсолютной хронологии археологических комплексов, из которых происходили металлические изделия и литейные формы, потребовало в 1990–2020-е гг. создания баз данных радиоуглеродных дат археологических культур эпохи раннего металла, входивших в системы базовых металлургических провинций Северной Евразии – Балкано-Карпатской, Циркумпонтийской и Евразийской (Западноазиатской). В современных работах группы археометаллургии, и прежде всего Е.Н. Черных, Л.Б. Орловской и С.В. Кузьминых, эти исследования в настоящее время являются наиболее приоритетными.

В те же годы после длительного перерыва группа (В.Ю. Луньков, С.В. Кузьминых и Л.Б. Орловская) возобновила аналитические работы на базе рентгенофлуоресцентного анализа. Эти работы не столь масштабны, как в советские годы, тем не менее, они позволяют пополнять лабораторную базу данных металлических изделий, а также откликаться на заявки сотрудников ИА РАН и внешних профильных организаций.

В начале XXI века С.В. Кузьминых вновь обращается к «любимому детищу» – изучению ананьинской проблематики. В аналитической статье «Археологическое изучение ананьинского мира в XX в.: основные достижения и проблемы» (2000) для обозначения своеобразия ситуации, сложившейся в раннем железном веке Волго-Камья, им предложено и обосновано выделение гносеологического понятия «ананьинская культурно-историческая область» (АКИО). Суть этого явления – по мнению исследователя – состоит в симбиозе разнородных в генетическом отношении культурных групп населения. Немалым вкладом в науку служит и раскрытый им механизм формирования своеобразных черт, которые отличают АКИО от других культур и общностей. В своих работах по уралистике Сергей Владимирович рассматривает АКИО как своеобразный «котел», в котором проходило формирование культурной и языковой основ будущих прибалтийско-финских, поволжско-

финских и пермских народов. Эта гипотеза нашла положительный отклик в среде лингвистов.

Среди особых заслуг юбиляра отметим организацию (вместе с А.А. Чижевским) серии конференций «Ананьинский мир» (см. альманах «Археология евразийских степей» за 2009, 2014, 2017, 2019 гг.), которые регулярно проходят в Казани, Елабуге и Болгаре и раз в 3–4 года собирают специалистов в области изучения позднего бронзового и раннего железного веков Северной Евразии. И сама конференция, и ее труды придали заметный импульс разработке всей ананьинской проблематики. В этом же ряду – монографии В.Н. Маркова, А.А. Чижевского, Е.М. Черных, Л.И. Ашихминой, А.В. Новикова, в издании которых велика заслуга юбиляра.

Важно отметить участие С.В. Кузьминых в подготовке нового учебника «Археология», изданного Московским университетом под редакцией акад. В.Л. Янина (2006, 2012, соавт. А.Р. Канторович, А.Д. Дегтярева), карт железного века для 4-го тома фундаментального «Национального атласа России» (2008, соавт., И.О. Гавритухин, А.Р. Канторович), каталогов выставок «Unbekanntes Kasachstan. Archäologie im Herzen Asiens» (2013), «Бронзовый век: Европа без границ» (2013), «Ранний железный век: Европа без границ» (2020), состоявшихся в Музее горного дела в Бохуме (Германия), Эрмитаже и Историческом музее.

Уже более трех десятилетий неотъемлемой частью научной биографии С.В. Кузьминых стали работы по историографии и истории отечественной археологии. Поначалу они были сосредоточены на дискуссионных проблемах бронзового и раннего железного веков, а затем стали включать обзоры о деятельности археологов, особенно близких юбиляру в научном отношении (М.Г. Худяков, В.Ф. Смолин, А.М. Тальгрэн, В.В. Гольмстен, В.А. Городцов, А.Х. Халиков и др.). Последние годы в круг его интересов (часто в соавторстве с А.С. Вдовиным, Д.В. Серых, И.В. Белозёровой, А.С. Смирновым, П.Г. Гайдуковым) обращены к судьбе археологических коллекций И.П. Товостина и В.И. Заусайлова, организации в 1920-е гг. Всесоюзного археологического съезда, истории Северо-Восточного археологического и этнографического института в Казани, Института археологии и искусствознания РАНИОН, Института археологии РАН в 1920–40-е гг.

Перу С.В. Кузьминых принадлежит немало биографических очерков, написанных живо

и заинтересованно, с детальным знанием их характеров и особенностей, посвященных памяти друзей и коллег (А.М. Ефимова, Т.А. Хлебникова, В.Е. Стоянов, К.Ф. Мейландер, В.Н. Марков, И.Б. Васильев, Н.Л. Членова, С.В. Студзицкая, Г.В. Бельтикова, А.С. Смирнов, В.А. Коренько и др.), юбилейным датам видных российских археологов (В.А. Городцов, В.Ф. Смолин, О.Н. Бадер, А.А. Формозов, Е.Н. Черных, В.В. Никитин и др.), но значительная часть – по заказу Большой Российской энциклопедии. Следует особо отметить его интерес к публикации эпистолярного наследия предшественников – отечественных (В.А. Городцов, А.А. Спицын, Н.Е. Макаренко, М.Г. Худяков, А.С. Лебедев, С.А. Теплоухов, Б.Э. Петри, В.Н. Чернецов, М.П. Грязнов, П.С. Рыков, П.Д. Рау, Д.Н. Лев, А.И. Тереножкин, И.Б. Васильев и др.) и зарубежных (А.М. Тальгрэн, Э.Х. Миннз) ученых, дневников и воспоминаний В.А. Городцова, Г. Мергарта, А.Я. Брюсова, О.Н. Бадера, неизданных сочинений М.Г. Худякова и А.Х. Халикова. Большая часть трудов этих классиков издана С.В. Кузьминых в содружестве с коллегами из разных отечественных и зарубежных научных центров (А.С. Вдовин, Е.В. Детлова, И.В. Белозёрова, М.Г. Гришкина, И.Е. Сафонов, А.Н. Усачук, Т. Салминен, С.П. Щавелёв и др.).

Крайне трудно в журнальном очерке трудно охватить все научные интересы и занятия юбиляра, частью повседневной работы которого стала и деятельность в качестве редактора и составителя различных изданий. Среди них справочник «Археологи Волго-Уральского региона» (2002), книги Л.С. Клейна «История российской археологии» (2014), Н.Б. Виноградова и З.А. Валиахметовой «Лики археологов Южного Зауралья (XVIII

век – середина 1970-х годов)» (2018), сборники, посвященные памяти А.А. Формозова, В.С. Ольховского, В.А. Коренько. В последнее десятилетие в ИА РАН прошли конференции по истории русской и советской археологии, в числе организаторов которых (вместе с А.С. Смирновым и И.А. Сорокиной) неизменно был и С.В. Кузьминых. А совместно с Г. Парцингером, С. Хансенем, А. Наглером, Е.В. Детловой, М.В. Ковалевым он приложил немало усилий, чтобы под эгидой Евразийского отдела Германского археологического института и Института археологии РАН стали традиционными дискуссии ученых из разных стран, посвященные судьбам археологии в Европе в XX веке.

Широкий научный кругозор С.В. Кузьминых востребован в БРЭ, редколлегиях журналов «Российская археология», «Краткие сообщения ИА РАН», «Уральский исторический вестник», «Поволжская археология», «Археология евразийских степей», «Вестник археологии, антропологии и этнографии». И уж совсем не лишним будет напомнить, что за эти годы им опубликовано 20 монографий и коллективных трудов и свыше 600 научных статей, без которых невозможно представить себе современную российскую археологическую науку.

Свое 70-летие Сергей Владимирович встречает в расцвете сил и энергии. От имени коллег по лаборатории естественнонаучных методов, сотрудников Института археологии РАН, Института археологии им. А.Х. Халикова, Отдела письменных источников ГИМ, а также учеников и друзей в разных уголках России, ближнем и дальнем зарубежье хочется пожелать юбиляру крепкого здоровья и новых творческих успехов.

Институт археологии РАН, Москва

П.Г. Гайдуков, Л.Б. Орловская, А.Н. Сорокин

Государственный исторический музей, Москва

И.В. Белозёрова

Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Казань

А.Г. Ситдилов, А.А. Чижевский

Источниковедение истории археологии

УДК 930.253

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.5.14.28>МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИИ
В СОБРАНИИ ОПИ ГИМ¹

© 2021 г. И.В. Белозерова, Н.И. Демирова

В ОПИ ГИМ хранится одно из крупнейших в нашей стране собраний документов по истории российской археологии. Оно представлено личными архивами археологов, архивами различных научных организаций и обществ, личными архивами разных лиц (историков, музейных работников, краеведов, общественных деятелей и пр.), в составе которых находятся документы, связанные с археологией. Степень изученности каждого из этих комплексов различна. В статье дан обзор архивов, еще недостаточно введенных в научный оборот, и библиография по тем фондам ОПИ ГИМ, в которых содержатся материалы по истории российской археологии XIX–XX вв.

Ключевые слова: история археологии, архивы археологов, ОПИ ГИМ.

MATERIALS ON THE HISTORY OF RUSSIAN ARCHAEOLOGY
IN THE COLLECTION OF THE DEPARTMENT OF WRITTEN
SOURCES OF THE STATE HISTORICAL MUSEUM²

I. V. Belozeroва, N. I. Demirova

One of the largest collections of documents on the history of Russian archaeology is deposited at the Department of Written Sources of the State Historical Museum. It is represented by personal archives of archaeologists, archives of different scientific organizations and societies, personal archives of various persons (historians, museum workers, local historians, public figures, etc.), which include documents related to archaeology. The study degree of each of these complexes varies. The article provides an overview of archives that have not yet been sufficiently introduced into scientific discourse, and a bibliography of those collections of the Department of Written Sources of the State Historical Museum, which contain materials on the history of Russian archaeology of the 19th-20th centuries.

Keywords: history of archaeology, archives of archaeologists, the Department of Written Sources of the State Historical Museum.

Несколько десятилетий продолжается научное сотрудничество нашего юбиляра, ведущего научного сотрудника Института археологии РАН С.В. Кузьминых, с ОПИ ГИМ. Сергей Владимирович, сочетающий в себе глубокую эрудицию, широкий источниковедческий и историографический кругозор, феноменальную работоспособность, увлеченность и вместе с тем искреннюю доброжелательность, смог вовлечь в совместную работу многих сотрудников отдела. За эти годы небольшим коллективом была проделана значительная по объему работа: изучено множество архивных фондов отечественных археологов и на их основе введены в научный оборот ценнейшие документы, написа-

ны десятки статей, сделана серия докладов. Большая часть этих трудов была посвящена патриарху отечественной археологии В.А. Городцову. Но широта интересов и знаний позволила С.В. Кузьминых включить в орбиту исследований по истории археологии материалы других ученых – А.Е. Алиховой, Ф.В. Баллода, А.С. Башкирова, А.Я. Брюсова, М.В. Воеводского, В.В. Гольмстен, А.А. Захарова, Н.Е. Макаренко, В.Ф. Смолина, А.И. Тереножкина, М.Г. Худякова и др.

Дорогой юбиляр, в качестве поздравления примите нашу статью, которая подготовлена специально для этого сборника. Жизненного и творческого Вам долголетия, дорогой Сергей Владимирович!

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, № 18-09-40115 Древности.

² The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, No. 18-09-40115 Antiquities.

История археологической науки в России уверенно оформляется в самостоятельную дисциплину, что повышает интерес к этой области знания в научном сообществе. Вводимые в научный оборот архивные материалы дают новые данные о тех или иных явлениях в науке, фиксируя процесс формирования отдельных научных концепций и смену парадигм, позволяют изучать развитие археологии в целом. В связи с этим большой интерес для исследователей представляют материалы по истории археологии, хранящиеся в различных архивных фондах ОПИ ГИМ. Условно их можно разделить на три группы: личные архивы профессиональных археологов; архивы различных археологических организаций и обществ; личные архивы разных лиц (историков, музейных работников, краеведов, общественных деятелей и пр.), в составе которых находятся документы, связанные с археологией. На данный момент фокус внимания исследователей сосредоточен на первых двух группах. Причем имеются как хорошо изученные архивные фонды, так и практически не введенные в научный оборот. Например, материалы архивных фондов Уваровых (Ф. 17)¹, А.В. Орешникова (Ф. 136)², И.Е. Забелина (Ф. 440)³, В.А. Городцова (Ф. 431) постоянно в работе и имеют довольно обширную библиографию. Безусловно, информационные возможности каждого из них далеко не исчерпаны, и их научное изучение продолжается. Но в тени остается целый ряд архивных фондов, которые содержат ценнейшие сведения по различным периодам археологии, и они еще не нашли своих исследователей. Самая общая информация о части из них содержится в справочном издании ОПИ ГИМ (Письменные источники..., 1967), другие поступили в фонды ГИМ или были описаны уже после выхода в свет данного издания. Именно на них будет сосредоточено основное внимание в предлагаемом обзоре. Кроме того, будет дана библиография, дающая представление об использовании материалов архивных фондов (обзоры, статьи, доклады, публикации).

Личные архивы профессиональных археологов

Наиболее востребованы исследователями личные архивы профессиональных археологов. Один из самых ранних фондов — часть личного архива Карла Карловича Гёрца (1820–1883), археолога, искусствоведа, профессора Московского университета, одно-

го из сподвижников А.С. Уварова по созданию МАО, многолетнего сотрудника Румянцевского музея. Архив К.К. Гёрца (Ф. 19. 64 ед. хр.) поступил в РИМ в составе его библиотеки⁴. В 1891 г. большая часть архива была передана из РИМ по завещанию Э.К. Гёрц (сестры ученого) в Архив РАН⁵. Оставшаяся в музее часть материалов была описана в 1938 г. Она дает общее представление о научной деятельности ученого, в частности об археологических раскопках 1850–1860-х гг. в Керчи, Феодосии, Александрополе, Фанагории и пр., рукописях его лекций и научных работ («Археологические и художественные новости», «Археологическая топография Таманского полуострова», «Таманский полуостров и его древние пепелища, курганы и катакомбы», «Заметки о г. Керчи в археолого-нумизматическом отношении», «Библиография по истории археологии», «Обзор археологических изысканий, произведенных в окрестностях Керчи и на Таманском полуострове», «Отчеты о произведенных археологических раскопках со следам поселений древних киммерийцев» и др.), а также небольшой по объему переписке.

Малоизвестным для исследователей остается архив Дмитрия Николаевича Анучина (1843–1923), географа, антрополога, этнографа и археолога, профессора Московского университета, члена Ученого совета РИМ. Он был активным членом МАО (с 1875 г. действительный член, с 1884 г. товарищ секретаря, с 1888 г. товарищ председателя, с 1919 г. председатель), участником археологических экспедиций общества и многих АС, автором и редактором ряда его изданий. Весь свой личный и научный архив при жизни ученый завещал РИМ, но это не было выполнено, и в музей попала лишь небольшая его часть, находившаяся у брата М.Н. Анучина⁶. Архив Д.Н. Анучина (Ф. 448; 19 ед. хр.) был описан в 1948 г. Документы содержат ценные биографические сведения, данные о научной, преподавательской, общественной деятельности, в том числе письма брату за 1861–1906 гг., личные дневники и записные книжки (1891–1923), конспекты лекций, рукописи докладов, статей и пр.

Для истории отечественной археологии большой интерес представляет архив Алексея Алексеевича Захарова (1884–1937), выпускника историко-филологического факультета Московского университета, преподавателя МАИ, приват-доцента ФОН (с 1917 г.), а затем профессора этнологического факультета 1

МГУ, действительного члена НИИ археологии и искусствоведения РАНИОН, с 1924 г. секретаря Археологической комиссии МС РАИМК–ГАИМК. С 1914 г. в РИМ, с 1922 г. возглавлял отдел греко-римской и скифо-сарматской археологии. Архив А.А. Захарова (Ф. 453; 77 ед. хр.) был передан на хранение в ГИМ его женой, сотрудницей ОПИ С.П. Григоровой-Захаровой в 1964 г. и тогда же ею описан⁷. Среди документов архива – личные и служебные документы, а также дневники и записные книжки ученого (1921–1927), материалы о его научной деятельности, в том числе касающиеся подготовки 2-го издания книги «Эгейский мир» и пр. Здесь же черновая рукопись труда по истории археологического изучения Казахстана, написанная в ссылке в Алма-Ате в середине 1930-х гг.⁸ Особый интерес представляет обширная научная переписка ученого. Среди корреспондентов А.А. Захарова были видные отечественные и зарубежные ученые Ф.В. Баллод, И.Н. Бороздин, В.П. Бузескул, В.В. Гольмстен, В.А. Городцов, К.Э. Гриневич, П.П. Ефименко, С.А. Жебелёв, С.Н. Замятнин, М.В. Никольский, А.А. Спицын, Б.В. Фармаковский, П.С. Уварова, А. Эванс, А.М. Тальгрэн, Б. Грозный, Э. Миннз и др. Ученый поддерживал также связи с музеями, книгоиздательствами, научными учреждениями Англии, Германии, Венгрии, Финляндии, Италии, США, Швеции и др. стран. Важным источником к биографии ученого являются его письма к жене 1935–1937 гг. из Алма-Аты. Сохранилась также подборка оттисков статей отечественных и зарубежных ученых, в том числе с автографами авторов, что делает их ценным источником информации для реконструкции сети профессиональных коммуникаций ученого.

Личные архивы археологов, отложившиеся в ОПИ ГИМ, имеют особенно большое значение для изучения истории московской школы археологии. А если говорить точнее, то научной школы В.А. Городцова – одной из ведущих в истории отечественной археологии XX века. Наряду с его собственным архивом (Ф. 431) в ГИМ хранятся архивы его учеников Д.Н. Эдинга (Ф. 473), А.П. Смирнова (Ф. 496), А.Я. Брюсова (Ф. 545), М.Е. Фосс (Ф. 487).

Материалы архива В.А. Городцова (Ф. 431; 518 ед. хр.) привлекают самое пристальное внимание исследователей. Они были переданы на хранение в ГИМ сыном ученого, М.В. Городцовым, в 1957 г. За эти годы составлено несколько обзоров фонда (Розенфельд, 1964; Самсонова, 1988), рассмотрен опыт его науч-

ного использования (Демирова, 2020), опубликован большой блок статей (Белозерова, 1988; 2001; 2010; 2012; 2016а; 2016б; Белозёрова, Кузьминых, 2010; Белозерова, Кузьминых, Сафонов, 2011; Кузьминых, Белозёрова, 2012; 2014а; 2014б; 2014в; 2018; Мелешко, 2001; Сафонов, 2001; 2002; Стрижова, 1988; и др.), материалы фонда стали базовыми при написании кандидатских диссертаций Б.В. Мелешко (1996) и И.Е. Сафопова (2002). Документы архива содержат сведения о биографии, научной, музейной, педагогической деятельности В.А. Городцова, включая материалы археологических экспедиций 1890–1939 гг. Особый интерес представляют личные дневники ученого, часть которых опубликована (Городцов, 2015а; 2015б; 2019а; 2019б), и обширная научная переписка. Среди его корреспондентов – историки, археологи, антропологи, этнографы, генетики, нумизматы, музейщики, искусствоведы, краеведы, коллекционеры, художники, писатели, военные, общественные деятели и др.; сохранились письма зарубежных коллег (Т. Арне, Ж. де Бай, А.М. Тальгрэн, Э. Миннз, Е.А. Гольмшток, Л.Г. Нидерле и др.). Отложились в архиве многочисленные рисунки, фотографии, различные издания, в том числе оттиски статей его коллег и учеников.

Дмитрий Николаевич Эдинг (1887–1946), археолог, геолог, выпускник МАИ (1910), один из первых учеников В.А. Городцова. Основной массив документов личного архива (Ф. 473; 601 ед. хр.) поступил в ГИМ в 1958 г.⁹, его описание было завершено в 2000 г. Наряду с личными документами в архиве отложились материалы о учебе в МАИ (сохранился диплом об окончании МАИ на бланке по рисунку В.М. Васнецова), Московском университете, дневниковые записи 1914 г. о подготовке несостоявшегося XVI Археологического съезда в Пскове, рукописи и машинописные варианты текстов научных работ, полевая документация, в том числе материалы раскопок Уницкой палеолитической стоянки (1927–1928), Сарского городища (1924–1930), Горбуновского и Кировоградского торфяников (1926–1939) и др. Часть документов отражает его служебную деятельность в Наркомземе (1919–1921), Политехнической библиотеке (1924), в РИМ–ГИМ (с 1918 г. в отделе народного творчества, в 1923–1946 гг. зав. отделом славяно-финской археологии). Наряду с личными фото в архиве Эдинга немало фотографий московских археологов, участников архнадзора на строительстве

первой очереди московского метрополитена, членов Уральской секции музейно-археологической конференции в ГИМ, сотрудников ГИМ (1935–1939). Часть документов архива принадлежат Ф.А. Эдинг (ур. Афремовой) (1889–1942), жене Д.Н. Эдинга, археологу, слушательнице МАИ, ученице В.А. Городцова. Это личные, служебные документы, материалы ее археологических раскопок в Тульской, Владимирской, Рязанской губ. и др.

Мало востребован исследователями архив Алексея Петровича Смирнова (1899–1974), специалиста в области финно-угорской и болгарской археологии. Его архив (Ф. 496; 186 ед. хр.) был подарен сыном К.А. Смирновым, описание фонда завершено в 1982 г. С 1922 г. А.П. Смирнов обучался на археологическом отделении ФОН МГУ, с 1926 г. аспирант ИАИ РАНИОН, его учителями были В.А. Городцов и Ю.В. Готье. В 1929 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Археология прикамских финнов в X–XIV вв.», а в 1944 г. – докторскую по теме «Волжские болгары». Материалы архива содержат тексты его научных работ, докладов, отзывов и рецензий. Часть документов связана со служебной деятельностью в ГИМ в 1925–1962 гг., где он заведовал отделом раннеклассовых обществ (с 1929), был зам. директора по научной части (1951–1962), затем консультантом музея (1962–1974). Отражена в архиве также работа в ИИМК – ИА АН СССР, где он был зам. директора (1950–1956), зав. сектором скифо-сарматской археологии (1956–1974). Сохранились документы, связанные с педагогической деятельностью в МГУ (профессор с 1951 г.), руководством аспирантурой ГИМ и аспирантами ИА АН СССР. Большая часть архива содержит материалы археологических экспедиций, проводившихся ученым начиная с 1924 г. в Московской и Ивановской областях, в Краснодарском крае (Фанагория). Но основной их блок связан с раскопками болгарских городов (Болгар, Сувар), Куйбышевской и Чебоксарской экспедиций (1930–1960-е гг.) Среди них полевая документация как самого А.П. Смирнова, так и руководителей отдельных раскопок: планы, обмеры, зарисовки, дневники, описи находок, имеется обширный фотоматериал. Его переписка с археологами, музейщиками, краоведами касается вопросов создания и работы музея-заповедника в Болгарах, реставрации здесь архитектурных памятников, раскопок самого городища и пр. Среди корреспондентов А.П. Смирнова известные ученые – О.Н. Бадер, А.С. Башки-

ров, В.Ф. Генинг, Т.Ф. Гелах, М.П. Грязнов, А.М. Ефимова, Л.С. Клейн, Н.Я. Мерперт и др.

Несомненный интерес для исследователей представляет архив яркого представителя первого поколения советских археологов Александра Яковлевича Брюсова (1885–1966), одного из учеников В.А. Городцова, работавшего в отделе археологии ГИМ с 1925 по 1960 г. Научное описание архива ученого (Ф. 595; 400 ед. хр.) завершено в 2020 г. Архив поступил в ОПИ ГИМ в 1988 г. из отдела археологии, где он до этого хранился. Другая часть архива ученого в 1975 г. была передана родными в РГБ (Ф. 708). В фонде А.Я. Брюсова в ГИМ отложились личные документы, материалы его служебной, научной, преподавательской деятельности, творческие материалы, обширная переписка с учреждениями и различными учеными, изобразительные материалы и пр. Материалы архива вводятся в научный оборот (Белозерова, Марштупа, 2017; Белозерова и др., 2021).

Ещё одна ученица В.А. Городцова – Мария Евгеньевна Фосс (1899–1955), крупнейший исследователь каменного и бронзового века Севера и Центра Европейской части России, оставила после себя большое научное наследие и обширный архив (Ф. 487; 155 ед. хр.). Он поступил в ОПИ ГИМ в 1960 г. от ее племянницы; описание было завершено в 2005 г., опубликованы обзоры фонда (Якушкина, 2010; Якушкина, Кашина, 2019). Основу архива составляют материалы, непосредственно связанные с научной деятельностью Фосс. Практически полностью сохранилась полевая документация ее археологических экспедиций 1924–1954 гг., материалы, связанные с подготовкой и защитой кандидатской «Каргопольская культура» (1945 г.) и докторской диссертаций (1953 г.), черновики многих работ, в том числе монографии «Древнейшая история Севера Европейской части СССР» (1952), отзывы и рецензии на труды коллег, протоколы заседаний, рабочие записи, выполненные в ходе заседаний Ученого совета ИИМК АН СССР и сектора первобытной археологии, а также переписка за 1925–1955 гг.

Научная судьба Алексея Степановича Башкирова (1885–1963), археолога-антиковеда, этнографа, искусствоведа, музейного деятеля, также оказалась тесно связанной с фигурой В.А. Городцова, который пригласил его на работу в ГИМ, что, несомненно, оказало большое влияние на всю последующую

научную работу ученого; сюда же попал и его личный архив (Ф. 598; 315 ед. хр.); описание фонда было завершено в 2015 г., опубликован его обзор (Белозерова, 2016). Документы отражают археологическую деятельность начиная с раскопок в Крыму под руководством Р.Х. Лепера и Б.В. Фармаковского (1910–1914). Сохранились сведения о педагогической и исследовательской работе в Самаре (1919–1922), о раскопках Болгарского, Билярского и Джукетауского городищ Волжской Булгарии (1919, 1928), полевых исследованиях 1920–1960-х гг. в Крыму, Поволжье, на Северном Кавказе, в Закавказье и Средней Азии. Особую ценность представляет обширнейшая коллекция полевых археологических фотографий. Материалы фонда постепенно вводятся в научный оборот (Белозерова, Сиротина, 2015; Белозерова, Кузьминых, 2016; Кузьминых, Белозерова, 2017).

В 2012 г. в ОПИ ГИМ поступил семейный архив археологов М.В. Воеводского (1903–1948) и его жены А.Е. Алиховой (1902–1989) – ярких представителей палеоэтнологического направления в отечественной археологической науке, учеников Б.С. Жукова. Материалы фонда (Ф. 595; 85 ед. хр.), несмотря на небольшой объем, отражают все основные этапы биографии ученых, их разностороннюю научную, педагогическую и музейную деятельность. В опубликованном обзоре фонда (Белозерова, Кузьминых, 2015) дан перечень его основных разделов. Однако большая часть документов не введена в научный оборот и практически неизвестна широкому кругу исследователей. Между тем в них отражена деятельность не только Воеводского и Алиховой, но и различных научных учреждений, музеев, а также многих советских археологов 1920–1970-х гг.

Архивы научных организаций и обществ

Ценные сведения по истории археологии содержат в ОПИ ГИМ архивы научных обществ и организаций. Это архивы Московского археологического общества (Ф. 104), Московской секции ГАИМК (Ф. 540) и Музейного отдела Наркомпроса (Ф. 54).

Московское археологическое общество – одна из крупнейших научных организаций дореволюционной России – в течение многих лет было тесно связано с РИМ. В его помещениях проходили многие заседания МАО, часть коллекций, собранных обществом, была передана в музей, многие сотрудники РИМ были членами МАО, участвовали в заседаниях различных его комиссий, работе

Археологических съездов и пр. В ОПИ ГИМ сохранился небольшой фонд МАО (Ф. 104, оп. 1, 38 ед. хр.; оп. 2, 54 ед. хр.)¹⁰. Он включает документы как самого Общества, так и общественных и государственных структур археологического профиля: МАИ, ПАИ, ИАК. Материалы МАО и МАИ поступали в ОПИ ГИМ спустя годы после их упразднения, начиная с 1935 г. Не исключено, что их спасли от уничтожения во время разгрома и закрытия общества в 1923 г. сотрудники РИМ. В фонде 104 отложились отдельные материалы МАО: документы ревизионной комиссии общества (1902–1903), отчеты (1914–1916), протоколы его заседаний (1914–1917). Большой интерес представляют письма корреспондентов с информацией об археологических находках и раскопках в разных уголках России, адресованные члену МАО Д.Я. Самоквасову, за 1872–1911 гг. и комплекс материалов секретаря МАО В.К. Трутовского: письма разных лиц об археологических раскопках за 1882–1906 гг., свидетельства, выданные МАО Трутовскому на право археологических раскопок (1885–1888), и его записная книжка. Здесь же сохранились адреса и приветствия МАО в связи с установлением памятника первопечатнику Ивану Федорову (1909) и в связи с 50-летием Общества. В этот же фонд в 1988 г. из Отдела археологических памятников ГИМ поступила переписка МАО и РИМ за 1882–1907 гг. Кроме того, здесь же находится комплекс документов МАИ, в том числе диссертации В.В. Арендта, В.А. Ермолина, В.П. Лапчинского, В.Д. Цветкова, В.И. Чернопятава, В.И. Шумова и др., а также разрозненные материалы МАИ, в том числе проект Положения о Московском Археологическом институте (1907), пригласительные билеты на присутствие при закладке здания МАИ и пр.

Среди материалов фонда 104 сохранились протоколы собрания членов Петербургского археологического института за 1897–1898 гг. и материалы по археологии Сибири, присланные в ИАК Д.А. Клеменцем; здесь же находятся материалы археологических исследований А.В. Адрианова в Минусинском крае (1895–1908); письма секретаря Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии Л.Я. Штернберга Н.И. Веселовскому. Несмотря на то, что перечисленные документы – разрозненные, они, несомненно, представляют большой интерес для исследователей.

Ценнейшим источником по истории археологии советского периода является собрание документов Московской секции ГАИМК (Ф.

540). В 1924–1929 гг. это учреждение размещалось в здании ГИМ. После закрытия секции ее документация попала в ведомственный архив музея, а оттуда в 1954–1955 г. была передана в ОПИ. Научное описание документов фонда МС ГАИМК (Ф. 540; 170 ед. хр.) было завершено в 1986 г., их краткий обзор опубликован (Катагощина, 1993). Основную часть фонда составляют документы МС ГАИМК и ее различных комиссий: археологической, этнологической, музейной, истории быта, истории искусств, а также Научно-технической лаборатории по изучению древних тканей (рук. В.К. Клейн). Особый интерес как для изучения истории организации науки, так и для реконструкции творческих биографий многих научных деятелей, представляют списки личного состава и краткие автобиографии многих членов Московской секции. Они дополняются протоколами заседаний, а также докладами на заседаниях различных комиссий МС ГАИМК в 1924–1929 гг. (Бухерт, 2005). Эти документы содержат информацию о контактах МС ГАИМК с другими научными учреждениями, подробности археологических изысканий (Крым, Грузия, Армения, Средняя Азия и пр.). Большой интерес представляют документы, содержащие сведения о судьбе библиотеки и архива МАО (Серых, 2012).

Архив Музейного отдела Главнауки Наркомпроса (Ф. 54; 1261 ед. хр.) является практически неисчерпаемым источником сведений не только по истории музейного дела, но и по истории археологии советского периода (1917–1942). Документы фонда включают материалы более чем по 50 губерниям РСФСР и другим республикам, образовавшиеся в основном в ходе переписки Музейного отдела НКП с центральными, губернскими и уездными органами охраны памятников и музеями и получения от них отчетов и других сведений. Географически материалы фонда охватывают практически все регионы Европейской России, а также Сибирь, Урал, Среднюю Азию и т. д. Исследователей, занимающихся историей археологии, интересуют документы, связанные с деятельностью Археологического подотдела Музейного отдела НКП (рук. В.А. Городцов). В основном это протоколы заседаний, открытые листы на производство раскопок, сметы, инструкции, удостоверения, мандаты, переписка, касающаяся археологических раскопок и охраны памятников в разных уголках страны. Материалы фонда отражают работу различных курсов по музееведению и музей-

ной технике, проводившихся в 1919–1926 гг. в московских музеях и 1 МГУ, занятия на которых вели А.А. Спицын, Д.Н. Анучин, В.А. Городцов и др. Среди материалов Главнауки отдельный раздел занимают документы ГУС НКП, который решал вопросы методологического и программного руководства научными и научно-художественными учреждениями, в т. ч. и музеями. С 1924 г. в составе ГУС работала научная музейно-библиотечная секция, в которую входили многие известные ученые под председательством М.Н. Покровского. Сохранившиеся протоколы заседаний включали вопросы о параллелизме Московской секции РАИМК с ИАИ РАНИОН (21.07.1924), рассмотрение проекта устава РАИМК. К некоторым приложены доклады, например, В.А. Городцова 1924–1925 гг. «О методах археологических изысканий и раскопок», «Идеальные типы археологических музеев, распределение в них археологических памятников, организация и управление ими», «Скрытая энергия археологических памятников», «К вопросу установления единой системы экспозиции археологических коллекций»; некоторые из них опубликованы (Кузьминых, Белозерова, 2012; 2014в).

Разрозненные материалы по истории археологии из различных архивных фондов

Наряду с личными архивами археологов-профессионалов ценные сведения по истории археологической науки содержат личные архивы археологов-краеведов. Они интересны не только как источник по изучению региональной археологии, но и для реконструкции системы научных связей ведущих археологов страны. В связи с этим первостепенный интерес при изучении этих архивов исследователи обращают на переписку фондообразователя, хотя ею далеко не исчерпывается научное значение данных комплексов.

Архив Иллариона Александровича Тихомирова (1861–1933), ярославского краеведа, архивиста, археолога, реставратора, поступил на хранение в ГИМ вскоре после его смерти. Не исключено, что не последнюю роль в этом сыграл В.А. Городцов, который жил в Ярославле в 1893–1903 гг., работал с Тихомировым в ЯГУАК, ЯЕИО и участвовал в совместных раскопках. Архив (Ф. 99; 51 ед. хр.) прошел научное описание в 1938 г.; опубликован обзор фонда (Белозерова, 1991). Эти документы лишь малая часть уцелевшего, некогда большого архива Тихомирова¹¹, сгоревшего в июле 1918 г. во время белогвардейского мятежа в Ярославле. Большая часть документов

отражает деятельность ученого в ЯГУАК в 1890–1919 гг., где он работал архивариусом, секретарем, библиотекарем, хранителем музея комиссии, занимался археологической деятельностью и охраной памятников. Исследователей, безусловно, привлекут материалы археологических исследований, в том числе в Ярославской и Тверской губернии. Сведения об охране памятников, музейной и археологической деятельности ученого содержатся в его переписке.

Еще один перспективный в научном отношении архив (Ф. 547, оп. 1. 19 ед. хр., оп. 2, 191 ед. хр.) принадлежал костромскому краеведу, зав. Костромским музеем Василию Ивановичу Смирнову (1882–1941). В нем отложились биографические материалы, научные работы (печатные и неопубликованные), документы о Костромском крае в геологическом и археологическом отношении, составленные им анкеты, программы, зарисовки, этнографические записи, карты и др. за 1915–1935 гг.; материалы о работе в Костромском музее и комитете по делам музеев и охране памятников ГубОНО. Особенно интересна обширнейшая переписка В.И. Смирнова (6014 писем) как с исследователями-костромичами, так и с учеными Москвы и Санкт-Петербурга/Ленинграда, а также с писателями и общественными деятелями. Подробный обзор этого архива опубликован (Якушкина, 2002).

Кроме того, в многочисленных архивных фондах ОПИ ГИМ сохранились материалы об участии разных ученых в деятельности МАО, его комиссий и секций, Археологических съездов. Многие из них сыграли важную роль в становлении отечественной археологии. Эти материалы отражают круг теоретических и практических вопросов, связанных с региональными и общерусскими археологическими исследованиями в дореволюционный период. Перечислим лиц, личные архивы которых, по нашему мнению, могут дать исследователям ценный документальный материал.

Савелов Леонид Михайлович (1868–1947), историк, специалист по генеалогии русского дворянства. Архив (Ф. 216) содержит материалы о его деятельности в МАО: член-корреспондент (19.05.1899), действительный член (29.04.1905). Савелов был участником XI–XVI Археологических съездов. Среди документов: извещения, пригласительные и членские билеты делегата съезда, повестки заседаний, фотографии участников XVIII АС в Екатеринославе (1905) и XIV АС в Чернигове (1908), материалы, связанные с работой

в Археографической комиссии МАО (1906–1917), Комиссии по изучению Старой Москвы (1912–1917), преподавательской деятельностью в МАИ, где он читал курс генеалогии (с 1908 г.). Среди его корреспондентов А.А. Бобринской (1898), И.Е. Забелин (1894), А.А. Титов (1901–1910), В.К. Трутовский (1897–1916), П.С. Уварова (1905–1916) и др.

Тарабрин Иван Мемнонович (1876–1942), архивист, историк древнерусской литературы; сотрудник ГИМ: помощник библиотекаря (с 1902), ученый секретарь (1905–1916, 1918–1920), зав. отделом архива (1920–1929). Архив ученого (Ф. 203) отразил его работу в МАО, участие в подготовке к изданию XI выпуска «Материалы по археологии Кавказа» (1897). Часть документов связана с участием И.М. Тарабрина в Археологических съездах; сохранились приглашения и переписка с МАО (1902–1914). На XIV АС в Чернигове (1908) он был секретарем секции «Памятники искусства и художеств». Сохранились ведшиеся им протоколы заседаний, записи докладов, дневниковые записи об участии в АС; некоторые из них частично опубликованы (Гайдуков, Жервз, 2011, с. 166–168). В архиве сохранилась большая подборка периодических печатных изданий, в том числе газета «Черниговское слово», № 505–509 (02–08.08.1908), отразившая ход заседаний XIV АС в Чернигове, «Утро России» (№ 177 от 07.07.1911) – XV АС в Новгороде (1911) и пр. Кроме того, сохранились материалы об участии Тарабрина в работе по составлению Археологического словаря («Программа для составления Археологического словаря»), доклад комиссии МАО, посвященный обсуждению словаря; его совместный доклад с Н.И. Борисовой «О словаре наименований предметов материальной культуры» (прочитан 25.07.1919 в Обществе друзей РИМ); записки А.И. Соболевского об издании Археологического словаря (03.03, 20.03.1920). Тарабрин участвовал также в работе по написанию «Биографического словаря МАО», вошедшего в книгу «Императорское Московское Археологическое общество» (1915). В архиве сохранились корректурные листы издания с пометами П.С. Уваровой; биографические статьи; автобиографии членов общества; письма с биографиями Л.Г. Нидерле, С.И. Ноаковича и пр. (26.03.1913).

В дореволюционной российской археологии большую роль в становлении археологической деятельности в провинции играли губернские статистические комитеты. Члены

комитетов занимались разнообразной деятельностью: собирали сведения о местных древностях, включая курганы, каменные «бабы» и др., были инициаторами создания музеев и древлехранилищ. В качестве примера можно привести архивный фонд Николая Петровича Бочарова (1838–1912), краеведа, секретаря Московского статистического комитета, сотрудника газет «Русский листок», «Московский листок» и пр., автора многочисленных работ по истории Москвы и Подмосковья. Он принимал активное участие в работе МАО с момента его основания: член-корреспондент (1864), действительный член (1871). В его архиве (Ф. 304) сохранился блок документов, посвященных А.С. Уварову: выписки к статье «Граф А.С. Уваров как организатор и председатель Императорского Московского археологического общества», включающие сведения о роли Уварова в создании АС, Археографического словаря, восстановлении древних зданий, об Уваровской премии, о Порецком музее; материалы к биографии Уваровых; библиография его работ и пр. Сохранилась статья Н.П. Бочарова в художественно-литературном журнале «Гусляр», № 4 (1885), посвященная А.С. Уварову. Эти сведения дополняет большая переписка, в том числе письма П.С. Уваровой (1889) и др.

Активное участие в работе МАО и съездов принимали ученые, далекие от археологии. Среди них Барсов Елпидифор Васильевич (1836–1917), историк литературы, этнограф, фольклорист, археограф, хранитель отдела рукописей Румянцевского музея, библиотекарь Чертковской библиотеки, затем библиотекарь Дашковского этнографического музея. Его уникальная коллекция из 500 древнерусских рукописей была удостоена Уваровской премии. В 1914 г. свое рукописное собрание (2728 рукописей XV–XIX вв.) и старопечатные книги Барсов передал в РИМ. В 1870-е гг. в музей древностей МАО он передал старинные головные украшения и принадлежности русского костюма. Был избран действительным членом МАО (1874). В ОПИ ГИМ в его личном архиве (Ф. 450) среди обширной переписки сохранились письма многих археологов: А.С. Уварова (1875–1878), П.С. Уваровой (1884–1914), И.Е. Забелина (1872–1887), А.А. Титова (1870–1910), В.Ф. Миллера (1892), В.Е. Румянцева (1874–1881), А.К. Жизневского (1884) и др.

Сведения о работе МАО можно найти в архиве Беляева Ивана Степановича (1860–1918), помощника секретаря МАМО (Ф.

121). В фонде сохранилась его переписка с МАО, Б.Д. Грековым (1911), В.К. Трутовским (1917), П.С. Уваровой (1910–1916) и др.

В архиве архитектора Владимира Алексеевича Гамбурцева (1849–1903) (Ф. 327) отложилась переписка с Комиссией по сохранению древних памятников МАО, в том числе о результатах осмотра архитектурных памятников. Документы Гамбурцева есть также в архиве коллекционера А.П. Бахрушина (Ф. 1), среди них письма Д.Я. Самоквасова к П.С. Уваровой (1897).

Миллер Всеволод Федорович (1848–1913), филолог, этнограф-кавказовед, профессор Московского университета, директор ЛИВЯ, академик; член-корреспондент (1875), действительный член (1876) МАО, один из основателей его Восточной комиссии. В архиве (Ф. 451) сохранилась большая служебная переписка, в том числе письма Д.Н. Анучина (1889–1903), Д.И. Багалея (1901), А.А. Кизеветтера (1902), М.В. Никольского (1890–1909), П.С. Уваровой (1889–1909), Н.Н. Харузина (1888–1900) и др.

Румянцев Василий Егорович (1822–1897), историк, археолог, инспектор Московской Синодальной типографии, был секретарем МАО, затем товарищем председателя и редактором десяти томов «Трудов» общества. Вместе с И.Е. Забелиным возглавлял Комиссию по сохранению древних памятников МАО¹². В архиве (Ф. 179) сохранились материалы о его деятельности в МАО (1872–1885): отношения и письма разных учреждений, обществ и организаций и членов МАО (1870–1880-е гг.). Среди его корреспондентов В.Б. Антонович (1876–1878), Д.Н. Анучин (1884–1886), К.К. Гёргс (1871–1879), А.К. Жизневский (1875, 1880–1885), И.Е. Забелин (1874–1884), В.Ф. Миллер (б. д.), А.В. Орешников (1882), Д.Я. Самоквасов (1881), А.А. Титов (1880–1885), В.К. Трутовский (1888), А.С. Уваров (1874–1883), П.С. Уварова (1880–1885) и др. Небольшая часть материалов Румянцева отложилась в архиве Е.В. Барсова (Ф. 450, ед. хр. 858–860). Среди них блок документов, связанных с его деятельностью в МАО: в Археографической комиссии Предварительного комитета VII АС (1885), комитете по устройству АС в Ярославле в 1887 г., секретарской работой, в том числе официальная переписка МАО (1870–1889); отчеты МАО; протоколы заседаний; речь проф. Д.Я. Самоквасова на XIV АС; материалы Московского Археологического института (проект положения, расписания занятий, списки слушателей;

письма от К.К. Гёрца, В.К. Трутовского, П.С. Уваровой, А.К. Жизневского, А.А. Титова и др.

Симони Павел Константинович (1859–1939), историк древней литературы, библиограф, письмоводитель Отделения русского языка и словесности Академии наук (1892–1921). Сохранились письма к нему от Ю.В. Готье (1906–1908), В.Ф. Миллера (1897–1912), С.Ф. Ольденбурга (1907–1920), А.В. Орешникова (1903–1907), В.К. Трутовского (1898–1915) и др.

Соколов Матвей Иванович (1854–1906), славист, профессор, декан историко-филологического факультета Московского университета, член МАО, делегат IX АС (1893). В его архиве (Ф. 38) сохранились письма Д.Н. Анучина (1893), В.Ф. Миллера (1892–1904), В.К. Трутовского (1895–1899), П.С. Уваровой (1878–1900) и др.

Суслов Илья Андреевич (1836–?), делопроизводитель Императорской Археологической комиссии в Петербурге. В его архиве (Ф. 163) сохранились письма Д.Н. Анучина (1899), А.А. Бобринского (1886–1900), Н.И. Веселовского (1895–1899), В.В. Латышева (1891–1902), Н.П. Лихачева (1890), А.В. Орешникова (1889–1917), В.И. Сизова (1899–1902), В.К. Трутовского (1902), П.С. Уваровой (1902) и др.

Фирсов Николай Николаевич (1864–1933), историк, профессор Казанского университета (с 1903) и МАИ (1914–1916), ректор Восточной академии (1920–1922), председатель Научного общества татароведения (1923–1929) и ОАИЭ при Казанском университете (1924–1930). В его архиве (Ф. 449,

217 ед. хр.) сохранились документы научной и педагогической деятельности, в том числе записные книжки, дневники (1883–1933), а также письма В.В. Бартольда (1927), А.И. Успенского (1912–1932), В.В. Радлова (1914–1916) и др.

При работе с архивными фондами ОПИ ГИМ часто удается обнаружить ранее неизвестные материалы по истории археологии. Примером тому случайная находка в архиве коллекционера П.И. Щукина. Из его переписки с коллекционером М.М. Савостиным (Ф. 265, ед. хр. 56) удалось узнать подробности покупки археологической Кавказской и Керченской коллекции А.В. Комарова¹³, которая попала в собрание Исторического музея вместе с «Музеем древностей П.И. Щукина» в 1905 г. (Горбушина, 2016). Другим примером служат обнаруженные в фонде барона Г.В. Розена 29 документов с описаниями археологических раскопок курганов возле крепости Анапа, проведенных подполковником Б.Ф. Гринфельдом в 1837 г. (Демирова, 2018).

Работа по описанию архивных фондов продолжается. В настоящее время идет научное описание архивов Б.Н. Гракова (Ф. 531), Чернышевых-Ефименко (Ф. 609) и др. В целом документальные материалы ОПИ ГИМ содержат уникальные сведения по истории археологии. Выявление и систематизация этих важных для истории археологии источников является научно значимой и перспективной задачей для сотрудников ОПИ ГИМ. Мы надеемся, что в ближайшие годы удастся систематизировать и обобщить ранее накопленный материал и представить его заинтересованным исследователям.

Примечания:

¹ Материалы архива Уваровых (Ф. 17) использованы в: Сиротина, 2017; Стрижова, 1991; 1998; на основе исследования фонда написана кандидатская диссертация (Сиротина, 2015).

² См. публикацию личных дневников А.В. Орешникова (Ф. 136): Алексей..., 2010; 2011.

³ На основе хранящихся в архиве И.Е. Забелина (Ф. 440) материалов опубликованы его дневники и записные книжки за 1837–1908 гг.; см.: Забелин, 2011.

⁴ Обширная библиотека К.К. Гёрца (6150 названий) с собранием гравюр, фотографий, архивных материалов после его смерти перешла к сестре Э.К. Гёрц, которая продала её в РИМ.

⁵ РГАЛИ, Ф. 732, 3 ед. хр., 1868–1890; Архив РАН, Ф. 28, 521 ед. хр., 1832–1894; ГБЛ, Ф. 183, 34 ед. хр., 1585–1840; ГИМ, Ф. 19, 50 ед. хр., 1817–1879.

⁶ Отдельные части архива хранятся в ГБЛ, Ф. 10, 1016 ед. хр., 1822–1923; РГАЛИ, Ф. 1011, 4 ед. хр., 1890–1900; архиве научной библиотеки МГУ, Ф. 23, 6 ед. хр., 1899–1919.

⁷ Основная часть архива ученого хранится в архиве ИА РАН, Ф. 7, 33 ед. хр.

⁸ В настоящее время ведется подготовка этой рукописи к публикации.

⁹ Отчеты о раскопках и разведках Д.Н. Эдинга за 1921–1939 гг. отложились также в научном архиве ИИМК РАН, Ф. 2, оп. 1.

¹⁰ О судьбе библиотеки, архива МАО и местах их хранения см.: Серых, 2012, с. 124–130.

¹¹ Ныне части архива И.А. Тихомирова хранятся в нескольких фондах ГАЯО: И.А. Тихомирова (Ф. Р.411),

Ярославского отделения ЦГРМ (Ф. 1401), ЯЕИО (Ф. 1541, Ф. Р-221), Губернского статистического комитета (Ф. 642), а также в архиве ученого в ОПИ Ярославского историко-архитектурного музея-заповедника.

¹² В.Е. Румянцев был автором ряда трудов: «Сборник памятников, относящихся до книгопечатания в России» (1872; удостоен Уваровской премии); «Дом Московского Археологического общества на Берсеневке» (1875); «Белая Палата в Ростове Великом» («Труды Московского археологического общества», т. X, 1885).

¹³ Комаров Александр Виссарионович (1830–1904), генерал от инфантерии. По окончании Академии генерального штаба (1855) служил на Кавказе, военный начальник южного Дагестана и начальник Кавказского военного управления (до 1883), начальник Закаспийской области (1883–1885). Действительный член МАО (27.01.1889). На V АС в Тифлисе (1881 г.) был избран председателем. Собирает материалы по археологии и этнографии и пр. Передал обширную палеонтологическую коллекцию из Дагестана в Кавказский музей; около 3000 наиболее редких восточных монет в Государственный Эрмитаж. Часть монет описана бароном В.Г. Тизенгаузеном в «Записках Восточного Отдела Императорского Русского Археологического Общества», в томе VI (стр. 229–264, с таблицами) и др. Комаров, автор трудов «Народонаселение Дагестанской области» («Записки Кавказского Отд. Императорского Географического общества», кн. VIII, с этнографической картой), «Адаты (обычное право) дагестанских горцев и судопроизводство по ним», «История кюринских и казикумыкских ханов» (в «Сборнике сведений о кавказских горцах») и др. Часть археологической коллекции, собранной им на Кавказе (предметы начала железного века), описана в издании Эрнеста Шантра: «Recherches anthropologiques dans le Caucase» (Париж и Лион, 1885 и сл., и таблицами).

ЛИТЕРАТУРА

Алексей Васильевич Орешников. Дневник 1915–1933 / Сост.: П.Г. Гайдуков, Н.Л. Зубова, М.В. Катагощина, Н.Б. Стрижова, А.Г. Юшко. Кн. 1. М.: Наука, 2010. 659 с.

Алексей Васильевич Орешников. Дневник 1915–1933 Кн. 2. / Сост.: П.Г. Гайдуков, Н.Л. Зубова, М.В. Катагощина, Н.Б. Стрижова, А.Г. Юшко. М.: Наука, 2011. 717 с.

Белозерова И.В. Музейная деятельность В.А. Городцова // Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии / Труды ГИМ. Вып. 68 / Отв. ред. С.В. Студзицкая. М.: ГИМ, 1988. С. 14–26.

Белозерова И.В. Обзор документальных материалов И.А. Тихомирова из фондов ОПИ ГИМ // Краеведческие записки. Вып. VII. / Отв. ред. Т.Л. Козлова. Ярославль, 1991. С. 4–12.

Белозерова И.В. Воспоминания В.А. Городцов о В.И. Сизове // Археологический сборник. Гнёздово. 125 лет исследования памятника / Труды ГИМ. Вып. 124. / Отв.ред. В.В. Мурашева. М.: ГИМ, 2001. С. 208–215.

Белозерова И.В. Жизнь и научная деятельность В.А. Городцова в годы Великой Отечественной войны (по материалам личного архива в ОПИ ГИМ) // Человек и древности: Памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009) / Отв. ред. И.С. Каменецкий, А.Н. Сорокин. М.: Гриф и К., 2010. С. 690–702.

Белозёрова И.В. Москва в дневниках и воспоминаниях В.А. Городцова // Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры / Труды ГИМ. Вып. 190 / Отв. ред. В.Л. Егоров. М.: ГИМ, 2012. С. 192–219.

Белозёрова И.В. Обзор научного архивного фонда археолога А.С. Башкирова из Отдела письменных источников ГИМ // МИРАС – НАСЛЕДИЕ. Том 1. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 гг.: в 3 т. / Сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдилов. Казань: Астер Плюс, 2016а. С. 575–580.

Белозёрова И.В. «В надежде на Ваше доброе отношение ко мне, остаюсь с полным к Вам уважением и преданностью»: письма Е.Н. Клетновой к В.А. Городцову: из собрания ОПИ ГИМ // Край Смоленский. 2016б. № 5. С. 85–97.

Белозёрова И.В., Кузьминых С.В. Василий Алексеевич Городцов и Рязанский край (по материалам его дневников и воспоминаний) // Проблемы изучения и сохранения археологического наследия Центральной России / Отв. ред. Д.А. Иванов. Рязань: РИИМЗ, 2010. С. 15–29.

Белозёрова И.В., С.В. Кузьминых С.В. Научное наследие М.В. Воеводского и А.Е. Алиховой (по материалам ОПИ ГИМ) // Ученые и идеи: страницы истории археологического знания / Отв. ред. П.Г. Гайдуков, И.В. Тункина. М.: ИА РАН, 2015. С. 8–10.

Белозёрова И.В., Кузьминых С.В. Жизненный путь и научное наследие профессора А.С. Башкирова // МИРАС – НАСЛЕДИЕ. Том 1. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 гг.: в 3 т. / Сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдилов. Казань: ООО «Астер Плюс», 2016. С. 100–126

Белозёрова И.В., Кузьминых С.В., Сафонов И.Е. Судьба ученого: жизнь Василия Алексеевича Городцова в его дневниках и воспоминаниях // РА. 2011. №1. С. 154–165.

Белозерова И.В., Маршутупа Г.С. Археолог А.Я. Брюсов: малоизвестные факты жизни ученого (1914–1919) // Забелинские научные чтения - 2014. Исторический музей - энциклопедия отечественной истории и культуры / Труды ГИМ. Вып. 204. / Отв. ред. С.Н. Романова. М.: ГИМ, 2017. С. 156–180.

Белозерова И.В., Сиротина О.А. Историко-культурные исследования Крыма в 1920-е гг. (по материалам личного архива А.С. Башкирова в Отделе письменных источников Государственного исторического музея) // Уваровские Таврические чтения «Древности Юга России» / Ред. А.В. Сазанов и др. М.: ГПИБ, 2020. С. 287–299.

XV Археологический съезд в Новгороде. 1911: Путеводитель / сост. П.Г. Гайдуков, Н.Н. Жервэ. М.: ИА РАН, 2011. 327 с.

Горбушина Н.В. Письма антиквара М.М. Савостина к П.И. Щукину (из истории частного коллекционирования в России) // Забелинские научные чтения – 2016. Исторический музей - энциклопедия отечественной истории и культуры / Труды ГИМ. Вып. 213. / Отв. ред. А.Д. Яновский. М.: ГИМ, 2019. С. 268–284.

Бухерт В.Г. Московская секция Государственной Академии истории материальной культуры (1919–1929) // Археографический ежегодник за 2004 год / Отв. ред. С.О. Шмидт. М.: Наука, 2005. С. 409–427.

Городцов В.А. Дневники (1928–1944): в 2-х кн. Кн. 1: 1928–1935 / Сост. И.В. Белозёрова, С.В. Кузьминых. М.: ИД Триумф принт, 2015а. 687 с.

Городцов В.А. Дневники (1928–1944): в 2-х кн. Кн. 2: 1936–1944 / Сост. И.В. Белозёрова, С.В. Кузьминых. М.: ИД Триумф принт, 2015б. 695 с.

Городцов В.А. Дневники ученого. 1914–1918: Из собрания Государственного исторического музея. В 2-х кн.: Кн. 1. 1914–1915. / Сост. И.В. Белозерова, С.В. Кузьминых, Г.С. Маршутупа, Т.А. Цапина. Отв. ред. А.Д. Яновский. М.: ГИМ, 2019. 544 с.

Городцов В.А. Дневники ученого. 1914–1918: Из собрания Государственного исторического музея. В 2 кн. Кн. 2: 1916–1918 / Сост. И.В. Белозерова, С.В. Кузьминых, Г.С. Маршутупа, Т.А. Цапина. М.: ГИМ, 2019. 384 с.

Демирова Н.И. Новые документы об археологических раскопках подполковника Б.Ф. Гринфельда возле крепости Анапа (1837 г.): из архива барона Г.В. Розена в собрании ОПИ ГИМ // Уваровские Таврические чтения III «Древности Юга России» (Севастополь, 19–21 сентября, 2018 г). Севастополь: ТДС МНК, 2018. С. 14–17.

Демирова Н.И. Личный архив В.А. Городцова и опыт его научного использования (по материалам учетно-справочной документации ОПИ ГИМ) // Археологические вести. 2020. Вып. 30. С. 349–355.

Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки. / Публ. Н.А. Каргаполовой. М.: Изд-во Сабашниковых, 2001. 384 с.

Катагощина М.В. Документы Московской секции ГАИМК (1922–1930) // Письменные источники в собрании ГИМ: Материалы по истории культуры и науки в России / Труды ГИМ. Вып. 84 / Отв. ред. А.К. Афанасьев. М.: ГИМ, 1993. С. 88–95.

Кузьминых С.В., Белозёрова И.В. В.А. Городцов об идеальном типе археологических музеев и единой системе экспозиции археологических памятников // Образы времени: из истории древнего искусства (К 80-летию С.В. Студизкой) / Труды ГИМ. Вып. 189. / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2012. С. 22–34.

Кузьминых С.В., Белозёрова И.В. Переписка В.А. Городцова и Д.Н. Льва (1933–1941 гг.) // Stratum plus. 2014а. № 1. С. 229–294.

Кузьминых С.В., Белозёрова И.В. Василий Алексеевич Городцов и Казань: поездка 1920 года // Поволжская археология. 2014б. № 4 (10). С. 186–202.

Кузьминых С.В., Белозерова И.В. В.А. Городцов о скрытой энергии археологических памятников // Древние культуры Юго-Восточной Европы и Западной Азии. Сборник к 90-летию со дня рождения и памяти Н.Я. Мерперта / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. М.: ИА РАН, 2014в. С. 333–342.

Кузьминых С.В., Белозёрова И.В. А.С. Башкиров и археология Волжской Булгарии // Археология Евразийских степей. 2017. № 1. С. 196–218.

Кузьминых С.В., Белозёрова И.В. Институт археологии и искусствознания РАНИОН в судьбах отечественной археологии // Поволжская археология. 2018. №1 (23). С. 321–341.

Мелешко Б.В. Научное наследие В. А. Городцова. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.: ИА РАН, 1996. 17 с.

Мелешко Б.В. Переодизация степной бронзы и становление археологической теории В.А. Городцова // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: материа-

лы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы» / Отв. ред. Ю.И. Колев. Самара: СГПУ, 2001. С. 18–19.

Письменные источники в собрании Государственного Исторического музея. Ч. 1. / Под ред. С. Марголина. М.: ГИМ, 1958. 110 с.

Путеводитель по фондам личного происхождения отдела письменных источников Государственного Исторического музея / Отв. ред. В. Г. Вержбицкий. М.: ГИМ, 1967. 387 с.

Сафонов И.Е. В.А. Городцов и изучение эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж: ВГУ, 2002. 23 с.

Сафонов И.Е. Раскопки В.А. Городцовым курганов эпохи бронзы в Изюмском уезде летом 1901 г. (по архивным материалам) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы» / Отв. ред. Ю.И. Колев. Самара: СГПУ, 2001. С. 11–18.

Сафонов И.Е. Подготовка В.А. Городцовым второго тома серии «Археология» // Археология в российских университетах / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж, 2002. С. 62–70.

Серых Д.В. Как ликвидировали Московское археологическое общество // Евразийский археолого-историографический сборник / Отв. ред. А.С. Вдовин, И.В. Тункина. СПб.: СПбФ АРАН; Красноярск: КГПУ, 2012. С. 124–130.

Сиротина А.А. Методы изучения личных и семейных архивов. По материалам фонда Уваровых. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 2015. 28 с.

Сиротина О.А. Русские историки на переломе эпох (по материалам переписки и воспоминаний П.С. Уваровой) // 1917 год: российская археология на переломе эпох / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: ИА РАН, 2017. С. 61–62.

Смирнов Н.Ю., Гайдуков П.Г. Переписка из двух столиц: 1917 год в письмах А.В. Орешникова к В.В. Латышеву // Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Галины Вацлавны Длужневской) / Отв. ред. Н.Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 227–239.

Стрижова Н.Б. Педагогическая деятельность В.А. Городцова // Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии / Труды ГИМ. Вып. 68. / Отв. ред. С.В. Студзицкая. 1988. С. 27–32.

Стрижова Н.Б. Материалы Московского археологического общества в фонде Уваровых (ОПИ ГИМ, ф. 17) // Уваровские чтения-I (17-18 апреля 1990 года, г. Муром, Владимирская область) / Ред. О.А. Лукина, Т.Б. Купряшина. Муром: МИХММ, 1990. С. 11–12.

Стрижова Н.Б. Московский археологический институт по материалам Отдела письменных источников Государственного исторического музея // Очерки истории русской и советской археологии / Отв. ред. В.И. Гуляев, А.А. Формозов. М.: ИА АН СССР, 1991. С. 102–120.

Стрижова Н.Б. Архив А.С. и П.С. Уваровых в ОПИ ГИМ // Очерки истории отечественной археологии. Вып. 2. / Отв. ред. А.А. Формозов, И.С. Каменецкий. М.: ГИМ, ИА РАН, 1998. С. 83–103.

Якушкина М.М. Обзор фонда Василия Ивановича Смирнова // Забелинские научные чтения – 2002 / Труды ГИМ. Вып. 136. / Отв. ред. В.Л. Егоров. М.: ГИМ, 2002. С. 363–370.

Якушкина М.М. Личный архив М.Е. Фосс в Отделе письменных источников Государственного исторического музея // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009) / Отв. ред. И.С. Каменецкий, А.Н. Сорокин. М.: Гриф и К., 2010. С. 770–780.

Якушкина М.М., Кашина Е.А. Личный архив археолога М.Е. Фосс как исторический источник // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 87–92.

Информация об авторах:

Белозерова Ирина Валентиновна, старший научный сотрудник отдела письменных источников Государственного исторического музея (г. Москва, Россия); irina.belozero@yandex.ru

Демирова Наталья Ильинична, старший научный сотрудник отдела письменных источников Государственного исторического музея (г. Москва, Россия); demirovani@gmail.com

REFERENCES

Gaidukov, P. G., Zubova, N. L., Katagoshchina, M. V., Strizhova, N. B., Yushko, A. G. (comp.). 2010. *Aleksei Vasil'evich Oreshnikov. Dnevnik 1915–1933 (Alexei Vasilievich Oreshnikov. Journal of 1915–1933)* 1. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Gaidukov, P. G., Zubova, N. L., Katagoshchina, M. V., Strizhova, N. B., Yushko, A. G. (comp.). 2010. *Aleksei Vasil'evich Oreshnikov. Dnevnik 1915–1933 (Alexei Vasilievich Oreshnikov. Journal of 1915–1933)* 2. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Belozerova, I. V. 1988. In Studzitskaia, S. V. (ed.). *Nasledie V.A. Gorodtsova i problemy sovremennoi arkeologii (Heritage of V.A. Gorodtsov and the Issues of Modern Archaeology)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 68. Moscow: State Historical Museum, 14–26 (in Russian).

Belozerova, I. V. 1991. In Kozlova, T. L. (ed.). *Kraevedcheskie zapiski (Notes on Local History)* VII. Yaroslavl, 4–12 (in Russian).

Belozerova, I. V. 2001. In Murasheva, V. V. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik. Gnezdovo. 125 let issledovaniia pamiatnika (Archaeological Collection of Papers. Gnezdovo. 125 Years of Study of the Monument)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 124. Moscow: State Historical Museum, 208–215 (in Russian).

Belozerova, I. V. 2010. In Kamenetskii, I. S., Sorokin, A. N. (eds.). *Chelovek i drevnosti: Pamiati Aleksandra Aleksandrovicha Formozova (1928–2009) (Man and Antiquities: In memory of Alexander Alexandrovich Formozov (1928–2009))*. Moscow: “Grif i K” Publ., 690–702 (in Russian).

Belozerova, I. V. 2012. In Egorov, V. L. (ed.). *Istoricheskii muzei – entsiklopediia otechestvennoi istorii i kul'tury (Historical Museum – Encyclopedia of Russian History and Culture)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 190. Moscow: State Historical Museum, 192–219 (in Russian).

Belozerova, I. V. 2016a. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A.G. (eds.). *MIRAS–NASLEDIE. Tatarstan – Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoj kul'tury v Tatarstane i v Krymu v 1923–1929 godah: v 3–h tomah (MIRAS–NASLEDIE. Tatarstan and Crimea. The City of Bolgar and the study of Tatar culture in Tatarstan and the Crimea in 1923–1929: in 3 volumes)*. 1. Kazan: “Aster Plyus” Publ., 575–580 (in Russian).

Belozerova, I. V. 2016b. In *Krai Smolenskii (Smolensk Region)* 5. 85–97 (in Russian).

Belozerova, I. V., Kuzminykh, S. V. 2010. In Ivanov, D. A. (ed.). *Problemy izucheniia i sokhraneniia arkeologicheskogo naslediia Tsentral'noi Rossii (Issues of Studying and Preserving the Archaeological Heritage of Central Russia)*. Ryazan: Ryazan Historical and Architectural Museum-Reserve, 15–29 (in Russian).

Belozerova, I. V., Kuzminykh, S. V. 2015. In Gaidukov, P. G., Tunkina, I. V. (eds.). *Uchenye i idei: stranitsy istorii arkeologicheskogo znaniia (Scientists and Ideas: Pages of the History of Archaeological Knowledge)*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 8–10 (in Russian).

Belozerova, I. V., Kuzminykh, S. V. 2016. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A.G. (eds.). *MIRAS–NASLEDIE. Tatarstan – Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoj kul'tury v Tatarstane i v Krymu v 1923–1929 godah: v 3–h tomah (MIRAS–NASLEDIE. Tatarstan and Crimea. The City of Bolgar and the study of Tatar culture in Tatarstan and the Crimea in 1923–1929: in 3 volumes)*. 1. Kazan: “Aster Plyus” Publ., 100–126 (in Russian).

Belozerova, I. V., Kuzminykh, S. V., Safonova, I. E. 2011. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (1), 154–165 (in Russian).

Belozerova, I. V., Marshutupa, G. S. 2017. In Romanova, S. N. (ed.). *Zabelinskie nauchnye chteniia – 2014. Istoricheskii muzei – entsiklopediia otechestvennoi istorii i kul'tury (Zabelinsky Scientific Readings – 2014. Historical Museum – Encyclopedia of Russian History and Culture)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 204. Moscow: State Historical Museum, 156–180 (in Russian).

Belozerova, I. V., Sirotina, O. A. 2020. In Sazanov, A. V. et. al. (eds.). *Uvarovskie Tavricheskie chteniia «Drevnosti Iuga Rossii» (Uvarov Tauride Readings “Antiquities of the South of Russia”)*. Moscow: The State Public Historical Library of Russia, 287–299 (in Russian).

Bukhert, V. G. 2005. In Shmidt, S. O. (ed.). *Arkheograficheskii ezhegodnik za 2004 god (Archaeographic Yearbook for 2004)*. Moscow: “Nauka” Publ., 409–427 (in Russian).

In Gaidukov, P. G., Zherve, N. N. (comp.) 2011. *XV Arkheologicheskii s"ezd v Novgorode. 1911: Putevoditel' (XV All-Russian Archaeological Congress in Novgorod, 1911: a Guide)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Gorbushina, N. V. 2019. In Yanovsky, A. N. (ed.). *Zabelinskie nauchnye chteniia – 2016. Istoricheskii muzei – entsiklopediia otechestvennoi istorii i kul'tury (Zabelinsky Scientific Readings – 2016. Historical Museum – Encyclopedia of Russian History and Culture)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 213. Moscow: State Historical Museum, 268–284 (in Russian).

Belozerova, I. V., Kuzminykh, S. V. 2015a. *V.A. Gorodtsov. Dnevnik (1928–1944) (V.A. Gorodtsov. Diaries (1928–1944))* 1. Moscow: “Triumf print” Publ. (in Russian).

Belozerova, I. V., Kuzminykh, S. V. 2015b. *V.A. Gorodtsov. Dnevnik (1928–1944) (V.A. Gorodtsov. Diaries (1928–1944))* 2. Moscow: “Triumf print” Publ. (in Russian).

Belozerova, I. V., Kuzminykh, S. V., Marshutupa, G. S., Tsapina, T. A. (comp.). 2019. *Gorodtsov Vasilii Alekseevich. Dnevnik uchenogo. 1914–1918: Iz sobraniia Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Vasilii Alekseevich Gorodtsov. Scientist's Journals. 1914–1918: From the Collection of the State Historical Museum)* Book 1: 1914–1915. Moscow: State Historical Museum (in Russian).

Belozeroва, I. V., Kuzminykh, S. V., Marштupa, G. S., Tsapina, T. A. (comp.). 2019. *Gorodtsov Vasilii Alekseevich. Dnevnik uchenogo. 1914–1918: Iz sobraniia Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Vasily Alekseevich Gorodtsov. Scientist's Journals. 1914–1918: From the Collection of the State Historical Museum)* Book 2: 1916–1918. Moscow: State Historical Museum (in Russian).

Demirova, N. I. 2018. In *Uvarovskie Tavricheskie chteniia III «Drevnosti Iuga Rossii»* (Sevastopol, 19–21 sentiabria, 2018) (3rd Uvarov Tauride Readings “Antiquities of the South of Russia” (Sevastopol, September, 19th–21th, 2018)). Sevastopol, 14–17 (in Russian).

Demirova, N. I. 2020. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 30. 349–355 (in Russian).

Zabelin, I. E. 2001. *Dnevnik. Zapisnye knizhki (Journals. Notebooks)*. Moscow: “Sabashnikov” Publ. (in Russian).

Katagoshchina, M. V. 1993. In Afanas'ev, A. K. (ed.). *Pis'mennye istochniki v sobranii GIM: Materialy po istorii kul'tury i nauki v Rossii (Written Sources in the Collection of State Historical Museum: Materials on the History of Culture and Science in Russia)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 84. Moscow: State Historical Museum, 88–95 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Belozeroва, I. V. 2012. In Belotserkovskaia, I. V. (ed.). *Obrazy vremeni: iz istorii drevnego iskusstva (K 80-letiju S.V. Studzickoj) (Images of Time: Revisiting The History of Ancient Art (Dedicated to the 80th Anniversary of S.V. Studzitskaya))*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 189. Moscow: State Historical Museum Publ., 22–34 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Belozeroва, I. V. 2014a. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (1), 229–294 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Belozeroва, I. V. 2014b. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 10 (4), 186–202 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Belozeroва, I. V. 2014v. In Munchaev, R. M. (ed.). *Drevnie kul'tury Iugo-Vostochnoi Evropy i Zapadnoi Azii (Ancient Cultures of South-East Europe and Western Asia)*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 333–342 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Belozeroва, I. V. 2017. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1. 196–218 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Belozeroва, I. V. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 23 (1), 321–341 (in Russian).

Meleshko, B. V. 1996. *Nauchnoe nasledie V. A. Gorodtsova (Scientific Heritage of V.A. Gorodtsov)*. Thesis of Diss. of Candidate of historical sciences. Moscow (in Russian).

Meleshko, B. V. 2001. In Kolev, Yu. I. (ed.). *Bronzovyi vek Vostochnoi Evropy: kharakteristika kul'tur, khronologiya i periodizatsiya (Bronze Age of Eastern Europe: Characteristics of Cultures, Chronology and Periodization)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 18–19 (in Russian).

Margolin, S. 1958. (ed.). *Pis'mennye istochniki v sobranii Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia (Written Sources in the Collection of State Historical Museum)*. Moscow: State Historical Museum (in Russian).

Verzhbitsky, V. G. 1967. *Putevoditel' po fondam lichnogo proishozhdeniia otdela pis'mennykh istochnikov Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia (Guide to the Collections of Personal Origin of the Department of Written Sources of State Historical Museum)*. Moscow: State Historical Museum (in Russian).

Safonov, I. E. 2002. *V.A. Gorodtsov i izuchenie epokhi bronzy vostochnoevropeskoi stepi i lesostepi (V.A. Gorodtsov and the Study of the Bronze Age of the Eastern European Steppe and Forest-Steppe)*. Thesis of Diss. of Candidate of historical sciences. Voronezh: Voronezh State University (in Russian).

Safonov, I. E. 2001. In Kolev, Yu. I. (ed.). *Bronzovyi vek Vostochnoi Evropy: kharakteristika kul'tur, khronologiya i periodizatsiya (Bronze Age of Eastern Europe: Characteristics of Cultures, Chronology and Periodization)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 11–18. (in Russian).

Safonov, I. E. 2002. In Pryakhin, A. D. (ed.). *Arkheologiya v rossiiskikh universitetakh (Archaeology at Russian Universities)*. Voronezh: Voronezh State University, 62–70 (in Russian).

Serykh, D. V. 2012. In Vdovin, A. S., Tunkina, I. V. (eds.). *Evrasiiskii arkheologo-istoriograficheskii sbornik (Eurasian Archaeological and Historiographic Collection)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg Filial Archive of the Russian Academy of Sciences. Krasnoarsk: Krasnoarsk State Pedagogical University Publ., 124–130 (in Russian).

Sirotnina, A. A. 2015. *Metody izucheniia lichnykh i semeinykh arkhivov. Po materialam fonda Uvarovykh (Methods for Studying Personal and Family Archives. Based on Materials from the Uvarov Foundation)*. Thesis of Diss. of Candidate of historical sciences. Moscow: Lomonosov Moscow State University (in Russian).

Sirotnina, O. A. 2017. In Sorokina, I. A. (ed.). 1917 god: rossiiskaia arkheologiya na perelome epokh (1917 god: russkaya arkheologiya na perelome epokh). Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 61–62 (in Russian).

Smirnov, N. Yu., Gaidukov, P. G. 2018. Smirnov, N. Yu. (ed.). *Pamiatniki arkheologii v issledovaniyakh i fotografiyakh (pamiati Galiny Vatslavny Dluzhnevskoi) (Monuments of Archaeology in Studies and Photographs (In Memory of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya))*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 227–239 (in Russian).

Strizhova, N. B. 1988. In Studzitskaia, S. V. (ed.). *Nasledie V.A. Gorodtsova i problemy sovremennoi arkheologii (Heritage of V.A. Gorodtsov and the Issues of Modern Archaeology)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 68. Moscow: State Historical Museum, 27–32 (in Russian).

Strizhova, N. B. 1990. In Lukina, O. A., Kupryashina, T. B. (eds.). *Uvarovskie chteniya-I (I Uvarov Readings)*. Murom, 11–12 (in Russian).

Strizhova, N. B. 1991. In Gulyaev, V. I., Formozov, A. A. (eds.). In *Ocherki istorii russkoi i sovetskoi arkheologii (Essays on the History of Russian and Soviet Archaeology)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute of Archaeology, 102–120 (in Russian).

Strizhova, N. B. 1998. In Formozov, A. A., Kamenetsky, I. S. (eds.). *Ocherki istorii otechestvennoi arkheologii (Essays on the History of Russian Archaeology)* 2. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 83–103 (in Russian).

Yakushkina, M. M. 2002. In Egorov, V. L. (ed.). *Zabelinskie nauchnye chteniia – 2002 (Zabelin Scientific Readings - 2002)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 136. Moscow: State Historical Museum, 363–370 (in Russian).

Yakushkina, M. M. 2010. In Kamenetskii, I. S., Sorokin, A. N. (eds.). *Chelovek i drevnosti: Pamiati Aleksandra Aleksandrovicha Formozova (1928–2009) (Man and Antiquities: In memory of Alexander Alexandrovich Formozov (1928–2009))*. Moscow: “Grif i K” Publ., 770–780 (in Russian).

Yakushkina, M. M., Kashina, E. A. 2019. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)* 27 (2), 87–92 (in Russian).

About the Authors:

Belozerova Irina V. State Historical Museum. Red Square, 1, Moscow, 109012, Russian Federation; irina.belozero@yandex.ru

Demirova Natalia I. State Historical Museum. Red Square, 1, Moscow, 109012, Russian Federation; demirovani@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.08.2021 г.
Статья принята к публикации 01.10.2021 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

Институциональная история археологии

УДК 902

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.5.29.41>**ГУБЕРНСКИЕ СТАТИСТИЧЕСКИЕ КОМИТЕТЫ
В ИСТОРИИ РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ**

© 2021 г. С.П. Щавелёв

Первым, до Октябрьской революции 1917 г. и единственным в российской провинции государственным учреждением, которое время от времени занималось историей, археологией и археографией, были губернские статистические комитеты Министерства внутренних дел. С 1860-х гг. эти официальные органы время от времени получали поручения министерства составить справки по древностям своих губерний, а затем нередко занимались памятниками старины по собственной инициативе. А в их архивных фондах и печатных изданиях накопились богатые сведения о случайных находках древностей и разных археологических объектах. Одним из наиболее активных был статистический комитет в Курске. Его работа и взаимосвязи с другими комитетами позволяет признать за статистическими комитетами одну из форм гражданского общества, где чиновники, ученые и представители общественности изучали и сохраняли следы далекого прошлого.

Ключевые слова: археология регионов страны, гражданское общество в Российской империи, отечественная статистика, губернские статистические комитеты.

**GOVERNORATE STATISTICAL COMMITTEES
IN THE HISTORY OF RUSSIAN ARCHAEOLOGY****S.P. Shchhavelev**

Provincial statistical committees of the Ministry of Interior Affairs were the first before the October Revolution of 1917 and the only state institution in the Russian province, which from time to time engaged in history, archaeology and archaeography. Since the 1860s, these official authorities occasionally received instructions from the Ministry to compile information on the antiquities of their governorates, and then often worked with ancient monuments on their own initiative. Besides, their archival funds and printed publications have accumulated extensive information on accidental finds of antiquities and various archaeological objects. One of the most active institutions was the Statistical Committee in Kursk. Its activity and relationships with other committees allow the statistical committees to be recognized as a form of civil society, where officials, academics and members of the public studied and preserved traces of the distant past.

Keywords: archaeology of the country's regions, civil society in the Russian Empire, domestic statistics, governorate statistical committees.

*« ... Свет целый
Вам назовёт мои труды.
К статистике давно в душе питаю страсть я,
И геология внушает мне участие;
В журналах можете вы отыскать следы
Моих разборов, розысков... »*

*Е.П. Расстопчина.
Возврат Чацкого в Москву.
1856 г.*

В большинстве губерний и иных областей Российской империи единственной организацией, через которую само государство осуществляло хоть какие-то меры по изучению и сбережению памятников старины, стали губернские статистические комитеты (ГСК). Историко-археологическая, крае-

ведческая деятельность у этих учреждений Министерства внутренних дел (МВД) была явно на втором плане по сравнению с именно статистикой, поэтому она лишь изредка и частично привлекала внимание нынешних историографов (Бердинских, 1994; Захарова, 2005; Игумнов, 2010; Лунев, 1962; Первуш-

кин, 2007; Скопа, 2009; Старчиова, 2004). Моя статья базируется на общих нормативах МВД по работе ГСК и архивных документах ГСК в городе Курске. Его пример весьма типичен – отражает историческую, археологическую, этнографическую, архивную, музейную работу комитетов по всей стране. Появившиеся в конце XIX в. Губернские ученые архивные комиссии (ГУАК) и аналогичные общества любителей старины были объединениями общественными, внесударственными. В Курске возникла весьма активная ГУАК, получившая в числе первых четырех комиссий по России бюджетное финансирование. Но ГСК в Курске остался всё равно и продолжал работать вплоть до революции.

Образование Губернских статистических комитетов приняло затяжной характер. И в пред-, и в пореформенной России основная масса статистических сведений, необходимых для практической работы администрации в центре и на местах, официально собиралась через аппарат МВД. Еще в 1811 г. при нем открылось статистическое отделение. Как это нередко бывает с бюрократической машиной огромной империи, заработало оно далеко не сразу. В 1834 г. при Совете МВД было, наконец, выделено специальное *Отделение статистики МВД* с конкретизированными наконец полномочиями и задачами. Оно обязывалось разрабатывать формы статистической отчетности для губерний, областей и краев, а затем суммировать собираемые по таким формам данные. Так, по закону от 20 декабря 1834 г. начали создаваться *статистические комитеты в губерниях*. Первоначально, сколько можно судить по министерской переписке с местными властями, они существовали только на бумаге. Хотя к 1850 г. числились открытыми 54 комитета, в том числе курский, большинство из них до тех пор бездействовало. Потребность в мало-мальски дееспособной статистической службе у русского государства и общества созревала постепенно. Многие комитеты пришлось переоткрывать по два-три раза, поскольку в губернии просто забывали о существовании у них (на бумаге) такого учреждения. Курский комитет начал спорадически действовать, каждый раз после начальнических импульсов из столицы, в числе первых по стране, уже со второй половины 1830-х гг.

Личный состав Губернских статистических комитетов в обязательном порядке заключал в себя чиновников – руководителей всех основных учреждений и общественных

институтов губернского масштаба, а именно: предводителя дворянства, вице-губернатора, попечителя гимназий и прочих училищ, прокурора, инспектора врачебной управы, управляющего удельной конторы, члена духовной консистории (по назначению епархиального архиерея) и так далее по списку губернских чинов. Председателем комитета по совместительству автоматически назначался начальник губернии (позднее именовавшийся губернатором).

В качестве членов комитета «по избранию» и «корреспондентов по его же выбору» привлекались лица из числа «постоянных жителей губернии, пользующихся общим уважением». То есть мало-мальски состоятельные и заведомо благонамеренные в отношении властей люди; главным образом здешние помещики и купцы попросвещеннее и побогаче. С их помощью предполагалось собирать информацию в глубинке – по уездам и волостям, а также относительно специальных сюжетов, вроде тех же археологии или археографии. Кроме того, власти рассчитывали на денежные пожертвования состоятельных земляков на пользу учреждения, занятого изучением их родного края. Разночинная интеллигенция – учителя, врачи, техники и специалисты иного рода, начинающие чиновники – проявили себя на поприще исторического краеведения гораздо позднее – в составе ГУАК (с 1900-х гг.). *Бюджет статистических комитетов* поначалу оставался мизерным. Из губернских смет выделялась символическая сумма на канцелярские принадлежности и оплату одного-двух писцов. Сами члены комитета должны были трудиться в нем безвозмездно. Так что новорожденное учреждение изначально носило вполне филантропический характер, хотя и рассматривалось как прямое продолжение государственной службы на местах. Только с 1853 г. пособие увеличили до 100 рублей ежегодно и установили платную (из указанной суммы) должность секретаря комитета. Ее обычно совмещал кто-то из чинов губернского центра со своей основной работой. В большинстве случаев секретарями ГСК служили чиновники для особых поручений при губернаторах, редакторы «Губернских ведомостей» или же инспекторы учебных округов. Тем самым статистическое дело в провинции, а заодно и организацию региональной истории и археологии удалось сдвинуть с мёртвой точки.

Компетенция Статистического комитета явно противоречила его материальным и

кадровым возможностям. Ведь круг поставленных перед ним задач определили довольно широко и продолжали расширять с годами. Согласно инструкции министра внутренних дел за 1852 г. основные функции статистической службы выглядели следующим образом: «...Собирать и содержать всегда в исправности числовые данные: а) о населении губерний, областей, уездов, городов, посадов, местечек и пр. [населённых пунктов – С.Щ.], с распределением жителей по полам, сословиям, вероисповеданиям, расселению и степени водворения и о движении народонаселения; б) о пространстве и распределении земель, о числе поселений...; в) о составе губернского управления...; г) о состоянии губернского хозяйства – поступлении податей и разных сборов...; д) о числе и состоянии имений...; е) о числе и родах преступлений...; ж) о посевах и урожаях хлеба, трав, и проч...; з) о числе и размещении торговых капиталов...; и) о числе заводов, фабрик и мастерских, распределении и положении рабочих» (Юбилейный сборник, 1913, с. 6).

По этим и многим другим рубрикам исходные сведения доставлялись для сводной обработки в виде 77 таблиц в Петербург губернскими и областными¹ ГСК ежегодно. Чиновники – действительные члены комитетов готовили цифровые данные по своим отраслям управления на подведомственной территории. По остальным разделам местной статистики данные запрашивались в официальном порядке через городского голову, а также полицию, ведавшую волостными старшинами, и духовную консисторию, правившую приходскими священниками. Все собранные сведения объединялись в «Обзор» – обязательное приложение ко «всеподданнейшему отчету» губернатора в столицу за каждый год. Получавшиеся в итоге многие тысячи статистических сводок, как правило, реалистичных, превратились со временем в важный источник исторических знаний о России. Расцветшая позднее земская статистика удачно дополнила эту государственную, но не отменила и не заменила ее.

Первые краеведческие мероприятия ГСК относятся к географическому направлению становления отечественной истории и археологии (Щавелев, 2011). На его финальном отрезке к внутренним стимулам для занятий разными древностями (ученая любознательность) добавились внешние (придворные и провинциальные чиновники подстраивались под одну из хороших претензий сурового

императора Николая I – выказать себя радетелем русской старины).

Так, ещё в 1836 г. курский губернатор Михаил Николаевич Муравьев² обратился с посланием к руководителю местного духовенства архиепископу Курскому и Белгородскому Илиодору с заданием «возможно полного историко-географическо-статистического описания Курской губернии». С одной стороны, официального главу статистического комитета интересовала наличная численность священнослужителей и монашествующих, величина их собственности и годовых доходов, тому подобные цифровые данные. А с другой – исторические описания церквей и монастырей, хранящиеся при них летописи и прочие старинные документы, а также «местные исторические народные предания с подробным описанием мест, о которых предания сохранились, ...особенно мест сражений и остатков или признаков городов, давно запустевших...». Предлагалось еще составить биографии «знаменитых духовных лиц, как уроженцев Курской губернии, так равно ознаменовавших какими-либо отличными делами папство своё в этой губернии».

К письму прилагалась пространная, на 19 вопросов анкета под заглавием. В ее составе кроме собственно демографических и экономических пунктов содержались вопросы историко-краеведческого толка. Как например: о времени и обстоятельствах основания храма, понесённом им в прошлом ущербе от неприятелей, о посещении его знаменитыми лицами, наличии редких икон, колоколов и других предметов церковной утвари «отличной живописи, особенной древности...», с возможно подробным историческим пояснением оных и описанием их самих» (ГАКО. Ф. 20. Оп. 3. Д. 1636. Л. 1–2).

Илиодор был учёным священнослужителем, одно время – профессором церковной истории Костромской духовной семинарии. С 1832 г. он почти тридцать лет возглавлял Курско-Белгородскую епархию – срок уникальный для синодального периода РПЦ. Тем не менее по запросу губернатора тогда ничего не удалось сделать. Прямые ответы на запрос о церковных древностях в Курске дали лет тридцать спустя. Видимо, у епископа не нашлось способных к историческим разысканиям подчинённых. Однако для развития провинциальной культуры и особенно любительской историографии немаловажно заметить по крайней мер появление историко-краеведческих проблем в поле зрения

губернского начальства. Судя по всему, губернатор ещё не мог рассчитывать на другие источники краеведческой информации, кроме мало-мальски образованного и располагавшего свободным временем духовенства. В губернаторском письме к епископу выражалось мнение, «что священников не затруднит подобное занятие, потому как, с одной стороны, они принадлежат к просвещённейшему сословию, а с другой, живя постоянно на одних местах, без сомнения знают наилучшим образом их окружающее», как в настоящем, так и в прошлом, сколько-нибудь для них обозримом. Отрицательный результат запроса продемонстрировал, что духовенство-то было не слишком просвещённым, да и денежное содержание церковного причта на местах оставляло желать лучшего.

На примере этой краеведческой инициативы губернатора М.Н. Муравьева можно лишний раз увидеть роль политической идеологии в отношении государства к историческим древностям. Когда этот же рьяный администратор в дальнейшем замирал после восстания 1863 года Царство Польское, он, среди прочих мер по искоренению «антирусского духа», закрыл Виленский музей древностей и Археологическую комиссию при нем. Под флагом национальной старины на окраинах империи нередко вызревала политическая оппозиция имперскому режиму. Курская, как и вся центрально-российская, археология в глазах властей подтверждала идею единства Российской империи, а польско-литовская же спорила с ней.

В 1837 г. Курский ГСК повторно обратился в Курско-Белгородскую епархию – на сей раз насчет вещей, грамот и других бумаг, как-то относящихся «ко в бозе почившим российским самодержцам и их вельможам», а заодно и прочих предметов, своей «древностью и редкостью достойных примечания» (ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 10. Л. 1). Описания и по возможности изображения, копии таких памятников старины требовалось представить губернатору. Судя по тому, что полученные благодаря данному запросу материалы полностью, в оригинале сохранились в делах этого комитета, а не были отправлены в МВД, мероприятие это являлось, скорее всего, местной инициативой, желанием губернатора лишний раз при удобном случае отличиться при дворе таким патриотическим шагом.

В дальнейшем ГСК неоднократно пытался привлечь к сотрудничеству губернское духовенство. Однако деятели церкви соглашались

заниматься прошлым только по своей части – храмово-приходской, что и было гораздо реалистичнее с учетом их уровня гуманитарной образованности. Им действительно удалось подготовить несколько «исторических описаний» важнейших православных святынь края, где ценные для исторической науки сведения за XVIII–XIX столетия сочетались с примитивными легендами явно книжно-фольклорного происхождения. Попытки же составить сводное «*Церковно-историческое и статистическое описание Курской епархии*» тянулись с 1838 по 1865 годы. Проверка архивов церквей и монастырей губернии обнаружила манускрипты XVII–XVIII вв. Однако члены специального комитета епархиальных историографов затруднились читать их – древнерусской палеографии и текстологии их в духовных семинариях и академиях не обучали. Наконец, учитель Курской семинарии Матвей Васильевич Архангельский (умер в 1860 г.) составил «Записку» – вариант такого описания на требовавшуюся его начальству тему. Ее переслали на усмотрение всесильного обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода графа А.П. Толстого (1801–1873). Затянутая переписка епархии и Синода по поводу этой «записки» в несколько раз длиннее ее самой. Курские епископы явно больше заботились о том, чтобы создать у Синода впечатление об их якобы напряженной работе над историей вверенных им владений, нежели самим написанием такой истории. Рукопись М.В. Архангельского послали в столицу в оригинале, не оставив у себя в Курске копии. Так что, когда в 1866 г. Синод опять затребовал от губерний церковно-исторические данные, приказав их печатать в газетах епархиальных управлений, курянам нечего оказалось публиковать – рукописная сводка Архангельского сгинула в синодальном делопроизводстве, а ничего другого на сей счёт после нее в епархии долго не предпринимали.

Даже зауженные рамками охранительной политики, историко-краеведческие поиски ГСК давали порой небезынтересные для исторической науки результаты. Сейчас уже не особенно важно разбирать, какими именно мотивами руководствовались губернские чиновники, выявлявшие и сохранявшие свидетельства далёкого прошлого своего края. Иначе эти памятники могли вовсе не дойти до потомков. Так, в результате предпринятого в 1837 г. розыска древностей по курским церквям и часовням оказались найдены и скопированы для этого комитета грамоты царей

Алексея Михайловича (за 1646 год), Петра Алексеевича и царевны Софьи (датированная 7195, то есть 1684 г.). Этими документами сопровождалась высочайшая жалованная курским храмам драгоценных атрибутов священства – серебряных, чеканной работы и вызолоченных крестов. Кроме того, комитет получил тогда же описания внешнего вида и копии надписей на других предметах церковной утвари – блюдах, иконах, панагиях, крестах-энколпионах со святыми мощами, колоколах и прочих атрибутах православного культа, подаренных здешним монастырям представителями царствующего дома за XVI–XVIII вв.

В 1840 г. курский губернатор по своей инициативе сообщал в Петербург, в МВД «о земляном вале, пролегающем в Белгородском уезде» (Рукописный архив СПб. ИИМК. Ф. 6. Оп. 51. Ч. 4. Д. 71). Это первая в истории Российской империи известная мне реакция здешних властей на открытие собственно археологического (в современном значении этого слова) памятника. Благодаря чему информация о нем поступила в центральный архив государства и сохранилась до наших дней, когда сам памятник в значительной своей части утрачен из-за природной стихии и людского хозяйствования, изучен в малой степени (Кучера, 1990).

За 1830–1850-е гг. наладить сколько-нибудь систематическую деятельность ГСК вообще, в том числе по краеведческой части, так и не удалось. Только с началом великих буржуазных реформ произошла *реорганизация Статистических комитетов и расширение их краеведческих функций*. Страна, стоявшая на пороге капиталистической стадии своего развития, наконец остро ощутила дефицит информационно-статистических ресурсов. Поэтому в 1852 г. на базе аморфного Статистического отделения МВД в составе правительства основали специальный Статистический комитет. Его директором стал известный учёный (географ, ботаник, экономист) и прогрессивный государственный деятель Пётр Петрович Семёнов (в будущем еще и Тянь-Шанский). С 1857 г. возглавляемая им служба стала именоваться *Центральным статистическим комитетом* (ЦСК), что уже вполне соответствовало его координирующей роли по сбору информации ото всех частей России. Административный статус, возможности статистической службы в государственном механизме империи повысились в конце концов должным образом.

Соответственно, захиревшие было на местах комитеты статистики начали будить к активной работе. Их число выросло до 70 – по численности губерний и прочих областей Империи. 26 декабря 1860 г. утверждено новое «Положение о губернских и областных статистических комитетах», действовавшее до конца существования этих организаций, положенного Октябрьской революцией 1917 г. Бюджет каждого вырос до полутора-двух тысяч рублей в год. Выделялись и постоянные ставки секретаря комитета и двух его помощников-письмоводителей. Предписывалось иметь особое помещение для их работы и хранения текущих и архивных дел учреждения. Обязательное председательство губернатора сохранялось. Непременными членами оставались высшие должностные лица губернии, а действительные и почётные члены избирались из лиц высокообразованных или очень богатых, могущих меценатствовать. Число отчетных таблиц для комитета сократилось до 13, но по ним начали строго спрашивать точные и своевременные данные.

По новому статусу «на обязанность комитетов возложена забота о составлении подробных описаний губерний и замечательных местностей в топографическом, *историческом*, промышленном, сельскохозяйственном и прочих отношениях и *об издании трудов своих* в свет. Комитеты имеют право требовать для своих изысканий и работ содействия всех лиц и мест, подчиненных губернскому начальству и *снаряжать экспедиции для изучения губернии*, причём председатели комитетов могут командировать для той же цели, по определению комитетов, благонадежных лиц».

В особом циркуляре МВД от 8 апреля 1861 г. за № 397 выражалось пожелание, дабы деятельность губернского статистического комитета шла «как учреждения административно-учёного, а не просто административного», то есть без ненужных формальностей, «в виде, соответствующему более ученому обществу, нежели присутственному месту» (Воскресенский, 1892, с. 4) с его чинопочтанием и внешней дисциплиной. По разъясняющему этот замысел определению директора Центрального статистического комитета П.П. Семёнова, ГСК должны были служить «одной из самых высоких в жизни задач – отечественного самопознания» (Семеновский, 1872, с. XXXI).

Просмотр публикаций различных комитетов демонстрирует: активная исследователь-

ская и охранная работа велась на местах там, где в их составе оказались *энтузиасты исторического краеведения*. Основную нагрузку при этом несли *секретари губернских статистических комитетов*, которых губернатору предписывалось назначать «из лиц, имеющих ученые степени или, по крайней мере, окончивших курс в высшем учебном заведении» (напомню, что первой ученой степенью до 1884 г. у нас в стране считалась кандидата университета, примерно эквивалентная нынешнему диплому высшего учебного заведения с отличием. За ней уже шли магистерская и докторская). Именно секретари планировали работу комитета; редактировали его делопроизводство и печатные труды; представляли губернию на различных совещаниях и съездах учёных и специалистов-практиков, довольно часто проводившихся в ту пору по разным отраслям знания; вели переписку со столицей и уездами по различным запросам на краеведческие темы; комплектовали подборки музейных экспонатов, тем или иным путём попадавших в губернаторскую администрацию. Таким образом, в лице комитетских секретарей перед нами по сути инспекторы по охране памятников старины и координаторы их разностороннего изучения в каждом из субъектов тогдашнего Российского государства.

На этой должности в Курске перебывало немало лиц, так или иначе участвовавших в краеведческой работе. Первым стал Иван Иванович Бесядовский, совмещавший в начале 1860-х гг. эту должность с редактированием «Губернских ведомостей». Следующим (с 1869 по 1873) секретарём оказался Юрий Иванович Кушелевский (1825–1873) – личность, судя по архивному делопроизводству с его участием, довольно бесцветная и после делегатства на I Статистическом съезде России от дел комитета устранившаяся. В Курск он перебрался из Сибири, где много путешествовал, собирал материалы по этнографии и географии, а в «материковую» Россию перебрался, как видно, чтобы отдохнуть от морозов и пурги. По сравнению с экзотическими самоедами, торосами и айсбергами курская лесостепь с крестьянскими хатами-мазанками под соломой казалась ему, как видно, тривиальной. Более заметную фигуру на краеведческом поприще представлял собой *Александр Михайлович Мизгер* (1835–1891) – кандидат Харьковского университета, учитель естественных наук в мужской гимназии Курска, автор содержательных книг

о курских растениях и полезных ископаемых. Числившийся после него в комитете с 1888 г. статский советник С.Н. Бельченко почитал это поручение синекурой, а вот сменщик его здесь – *Тит Иоильевич Вержбицкий* (1845–1899) вполне подошёл на эту должность, насытил издания комитета ценными материалами об истории Курска и его уездов.

Наиболее же подходящим на роль секретаря здешнего статистического комитета оказался (с 1899 г.) *Николай Иванович Златоверховников* (1865 – после 1917, в эмиграции). Он стал самым деятельным и плодовитым, пожалуй, представителем и организатором исторического краеведения в Курске до революции. А «воспитание получил в Императорском Московском университете, но полного курса не закончил», отмечается в собственноручно заполненном им формулярном списке о службе. Учебу пришлось бросить, видимо, по бедности, ибо с 1896 г. Златоверховников «на службе в штате канцелярских служащих курского губернатора».

Златоверховников чаще кого бы то ни было публиковался в здешней периодике и с курскими корреспонденциями в столичной прессе; выступил инициатором и оставался бессменным редактором и составителем полупериодического «Курского сборника», вобравшего в себя много ценных тогда и до сих пор статей по археологии и этнографии края; был делегатом от губернии на нескольких Археологических съездах и выставках. Служа с начала XX века по совместительству с комитетом чиновником особых поручений при нескольких курских губернаторах, Николай Иванович часто разъезжал по губернии, но, как ни странно, полевая археология его не привлекала. Ей он явно предпочитал свой городской кабинет, где сочинял обзоры курских древностей, в том числе археологических, опираясь на письменные источники и письма в комитет очевидцев разных городищ и курганов, тому подобных объектов.

Его имя стоит в почетном ряду таких выдающихся историков российской провинции, как П.С. Ефименко (Архангельск, затем Харьков), Н.Г. Первухин, Н.А. Спасский (Вятка), Е.Д. Фелицын (Кубань), князь Н.А. Костров (Томск), Р.Г. Игнатьев (Приуралье), И.И. Дубасов (Тамбов), А.С. Гацинский (Нижний Новгород), А.В. Селиванов (Рязань), П.В. Алабин (Самара), Н.И. Второв, Л.Б. Вейнберг (Воронеж), К.П. Тихонравов (Владимир), Н.Ф. Окулич-Казарин (Псков) и некоторых других их сподвижников по членству в мест-



Рис. 1. Николай Иванович Златоверховников (1865 – после 1917) – лучший секретарь Курского губернского статистического комитета. Архив автора.

Fig. 1. Nikolay Ivanovich Zlatoverkhovnikov (1865– after 1917) – the best secretary of the Kursk Provincial Statistical Committee. Archive of the author.

ных статических комитетах. Каждый из них стал основоположником истории, археологии и этнографии своего родного края.

Фонд курского ГСК, как он сохранился в областном архиве, неоднократно использовался исследователями и частично введен ими в научный и практический, педагогический оборот. Дореволюционные и советские археологи не раз обращались к его материалам ради подготовки разведок и картографирования городищ и курганов, монетных и вещевых кладов в Курском Посеймье. Архитекторы и музейные работники – при составлении планов реставрации памятников зодчества и нового строительства на территории областного центра. Историки и архивисты, журналисты и краеведы – за самыми различными сведениями о прошлом Курского края и отдельных его районов.

Краеведческое направление в деятельности Курского комитета первоначально оформилось как его *сотрудничество со столичными учеными и организациями*. По ходу масштабных реформ 1860–1880-х гг. в России возникали и развивались объединения, чьей специальной задачей стала организация историко-археологических исследований. Среди них выделялась главная, причем единственная государственная организация такого рода

– Императорская Археологическая комиссия (ИАК) в Петербурге (с 1859 г.). Она числилась при Министерстве (императорского) двора, через него получала ежегодные дотации из казны и ее непосредственной обязанностью было пополнение коллекций Императорского Эрмитажа.

Среди добровольных общественных объединений любителей и профессиональных исследователей старины выделялись опять-таки Императорские (находящиеся под личным покровительством того или другого представителя царствующего дома) общества – Русское в Петербурге (ИРАО, с 1846 г.) и Московское (ИМАО, с 1864 г.) Археологические. Продолжали свою работу также Этнографическое отделение Императорского Русского Географического общества (ИРГО) и Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (ИОЛЕАЭ, с 1863 г.) при Московском университете. Вот эти-то центры гуманитарной науки периодически обращались с предложениями сотрудничества к провинциальной интеллигенции, местным властям. В Курске такие обращения всегда находили сочувственный отклик и с них здесь началось мало-мальски организованное на коллективных, плановых началах историческое краеведение, как научно-исследовательское, так и музейно-охранное.

ИМАО, созданное и возглавленное графом *Алексеем Сергеевичем Уваровым*, первым обратилось в МВД с инициативой использовать подведомственные тому комитеты статистики для розыска и учета сохранившихся древностей. Предложение было принято и очередным отношением Центрального комитета за № 63 от 27 апреля 1863 года всем губернаторам сообщалась «Программа археологических исследований, по которым ожидается содействие статистических комитетов» (ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 37. Л. 1–2). В основе этого документа лежала печатная «Записка для обозрения русских древностей» (Сахаров, 1851), составленная еще петербургским сотрудником А.С. Уварова – антикварием и фольклористом И.П. Сахаровым. Ее можно рассматривать как первую инструкцию русским археологам и другим специалистам по исторической старине для проведения полевых, камеральных и музейных работ. Правда, отдача от нее оказалась невелика. Автор не был еще никаким методистом в археологии да филологии.

Так, в Курске вместе с уведомлением о получении «Программы» смогли выслать по

адресу ИМАО только монетный клад, найденный в городе при рытье котлована на одной из купеческих усадеб – 874 серебряных гривны царей Михаила Фёдоровича и Алексея Михайловича. Клад нашли за несколько лет перед тем и хранили его в полицейском участке – местные власти просто не знали, куда его передать, а находчикам возвращать было жалко.

Так что археологическая инициатива ИМАО весьма своевременно ориентировала провинциальные власти и губернских интеллектуалов по поводу возможностей экспертизы, музеефикации разных древностей и вообще помощи местным и приезжим лицам в изучении замечательных памятников старины. С тех пор курский комитет стал систематически, едва ли не ежегодно обращаться в ИМАО, а затем и в ИАК с сообщениями о случайных находках старинных предметов, чаще всего — монетных кладов на своей территории.

Затем ИМАО в лице своей следующей председательницы – графини Прасковьи Сергеевны Уваровой, сменившей на этом посту безвременно скончавшегося супруга, начала регулярно привлекать курян к участию в работе своего главного детища – Археологических съездов и Предварительных комитетов (ПК) по их подготовке. С этой целью в Курск высылались программы съездов и все остальные издания Общества, пополнявшие библиотеку ГСК. Не раз очередной курский губернатор в письмах «ее сиятельству графине» благодарил ее с московскими сотрудниками, которые «любезно приняли на себя труд по определению историко-археологического значения предметов курской старины».

ГСК принял на хранение в одном из своих шкапов большинство вещевых находок из суджанских и рыльских курганов, изученных училищным смотрителем А.И. Дмитриевым. Из этой подборки позднее вырос Курский краеведческий музей. Новаторской оказалась статья этого же автора о его раскопках, опубликованная в очередном выпуске «Трудов» курского комитета вкупе с отличными картами и масштабными рисунками самых типичных находок (Щавелёв, 1996).

Кроме упомянутых, курский комитет ввел в научный оборот описание всю разрушавшихся уже тогда валов и рвов Ратского городища под Курском, напечатав в первой же «Памятной книжке» губернии соответствующий репортаж любознательного экскурсанта из Курска (Древности, 1860). Когда на этом

археологическом памятнике возобновлялись археологические исследования (археологами И.И. Ляпушкиным в 1940-е гг.; Ю.А. Липкиным в 1950-е; А.В. Кашкиным и А.А. Узяновым в 1970-е; В.В. Енуковым в 1990-е, то пригодились скромные, но весьма оригинальные данные осмотров этого городища оставшиеся от XIX в.

В публикациях ГСК отражен и целый ряд других археологических находок. Хотя мало-мальски систематическое изучение разных археологических культур в пределах одного географического микрорегиона оказалось для российской провинции делом отдаленного будущего.

Чаще всего по линии комитета учитывались монетные да вещевые клады, периодически находимые в провинции. Гораздо реже губернским краоведам доставались менее драгоценные, но порой более информативные в научном отношении находки. Так, в 1876 год «обоянский уездный исправник доставил кость мамонта, найденную в горе у слободы Казацкой при раскопке камня, и олений череп с рогами в 16 отростков, вытасченный из реки Псла крестьянами хутора Трешна при ловле рыбы. К этому г-н уездный исправник присовокупляет, что в памяти жителей Обоянского уезда не сохранилось преданий о водившихся там когда бы то ни было оленях» (Протокол, 1976, с. 5).

А в 1893 г. полицейский исправник Новооскольского уезда рапортовал губернатору А.Д. Милютину о том, что «в слободе Ольшаке 14 июня сего года при исправлении улицы рабочими и сотским Стефаном Ровенко найден в земле большой квадратный зуб допотопного животного... Зуб найден в глубине от поверхности земли на 1,5 четверти в жесткой глине». Вскоре, 24 августа губернатор получил аналогичное донесение из другого пункта того же уезда. «Крестьянин слободы Покровско-Михайловки Аким Кононов Гусятников на земле своего общества... в глубоком овраге, находящемся в поле на расстоянии от деревни Татьяновки в двух верстах, в июне сего года нашел клык большого животного. Клык замечен был случайно, когда Гусятников зашёл в этот овраг с целью укрыться от бури, клык торчал из-под земли. Клык длиной 2 аршина 3 вершка, весом 31 фунт. Оба конца обломаны, и неизвестно, какой длины до повреждения» (Горбачев, 2015, с. 7).

Губернатор не замедлил отправить явно мамонтовые кости в ИАК с надлежащим рапортом про обстоятельства находок. Та

передала их в Зоологический музей, где и подтвердили, что получены коренной зуб и бивень мамонта. Секретарь Академии генерал-лейтенант Н.Ф. Дубровин отписал Милютину, что кости «не имеют никакой ценности и интересны лишь как новый материал для познания географического распространения этого вымершего животного». Гусятников даже получил из Петербурга свою находку обратно. Разведать указанные местонахождения четвертичной фауны ни у столичных учёных, ни у курян из ГСК мысли тогда не возникло.

На основании собранных тогда материалов и личных наблюдений за историческими памятниками губернии Н.И. Златоверховников составил и опубликовал на средства ГСК содержательную брошюру. К этому каталогу регулярно обращались и обращаются краеведы, историки и просто туристы следующих поколений (Златоверховников, 1902).

Кроме того, данное правительственное мероприятие подготовило в провинции почву для более сознательного отношения к последовавшей вскоре уже специально археологической анкете ИМАО. В Курской и смежных с нею губерниях этот опрос провели в 1901 г. по просьбе П.С. Уваровой в рамках подготовки к очередному, XII Археологическому съезду в соседнем Харькове (1902 г.). Этим всероссийским мероприятием, убеждали курян его инициаторы, «создаётся исключительный момент в истории края, когда многие учёные силы и значительные денежные средства будут употреблены на изучение его в археологическом и историко-этнографическом отношении» (О доставлении, 1901, л. 1).

Надзорные функции губернского статистического комитета в отношении разных памятников старины изначально предусматривались и неоднократно подтверждались МВД. Так, циркуляр министра внутренних дел за № 13 в 1886 г. обязывал полицейских приставов при описи имущества по решению суда выделять в отдельные перечни вещи, представляющие археологическую ценность, и направлять их в статистический комитет или потом в Губернскую учёную архивную комиссию (открытые к тому времени всего в нескольких губерниях), а в случае отдалённости тех и других отправлять соответствующие сведения в Петербургский Археологический институт, открытый академиком Н.В. Калачовым как головная организация запроектированных им губернских архивных комиссий. Циркуляр же № 31 за 1894 г. напо-

минал губернским статистическим комитетам о необходимости принимать на хранение и экспертизу случайные находки, имеющие археологический интерес; важнейшие из них пересылать в ИАК для проверки и помещения в крупные музеи.

Издательская деятельность губернского статистического комитета заслуживает специальной оценки историка отечественной науки и культуры. Кроме широко распространённых по губерниям и областям России «Памятных книжек» – ежегодных справочников, путеводителей и одновременно альманахов краеведческих материалов (Балацкая, 2008), куряне выпустили в свет 4 объемистых тома «Трудов» своего комитета (Курск, 1863, 1866, 1877 годов) и 7 выпусков «Курского сборника» меньшего формата, но столь же высокой информативности по историко-этнографической части. Цифровые отчёты губернских статистиков хорошо сочетались под этими обложками с разнообразными по тематике очерками краеведов, несколькими статьями столичных ученых – Д.Я. Самоквасова (о его курганных раскопках на Псле), А.А. Спицына («Обозрение Курской губернии в археологическом отношении» из его знаменитой серии региональных сводок результатов раскопок и случайных находок археологически значимых вещей), Д.К. Зеленина (о курских рукописях по этнографии в архиве Императорского Русского Географического общества), других авторов из Москвы, Петербурга, Киева, Харькова. Как видно по приведенным именам, с провинциальными краеведами сотрудничали известные авторы, подлинники основоположники археологии и этнографии в России.

Издания российских комитетов статистики оценивали как образцовые с научной и просветительской точек зрения уже современники, включая самых компетентных в гуманитарной библиографии специалистов. Так, киевский профессор В.С. Иконников в своём обобщающем труде выделял как лучшие по всей стране публикации комитетов статистики Воронежа, Курска, Перми и Чернигова (Иконников, 1891, с. 276).

Куряне, ко всему прочему, отмечены в истории российской статистики красной строкой благодаря такому почину, как *корреспондентская связь с коллегами из разных губерний*. «В 1862 году в Курском губернском статистическом комитете возникла мысль о необходимости этой солидарности в действиях комитетов; на первый раз – ...о печатании всех протоколов

его, с целью рассылки их другим комитетам, для взаимного обмена мыслями и единства в некоторых действиях комитетов... Эта мысль была горячо принята всеми комитетами... и... вместо простого обмена протоколами комитеты стали меняться и всеми [остальными] изданиями своими» (Гациский, 1875, с. 3).

Советская и российская историография не заметили в ГСК один из ростков гражданского общества в помаленьку, но неуклонно модернизируемой на общеевропейский, прогрессивный манер Российской империи (Миронов, 2012; а—в 2015; 2017; 2019). Хотя круг членов этих учреждений за почти сто лет их существования заметно расширился за счет мест-

ной элиты и интеллигенции, они с начала до конца остались под плотным контролем государства. Зато подготовили почву, идейную и материальную (в виде помещений, коллекций древностей, печатных изданий, отдельных знатоков своего края), для почти независимых, собственно общественных и добровольных ассоциаций на ниве археологии — ученых архивных комиссий, церковно-археологических комитетов и тому подобных объединений любителей и знатоков отечественной старины в провинции. Автоматическое и повсеместное уничтожение ГСК большевиками нанесло серьезный урон археологии, этнографии и архивистике на местах.

Примечания:

¹ Области войска Донского и тому подобными экстерриториальными образованиями империи.

² По его собственному разъяснению, не из тех Муравьевых, которых вешают — как его родственника, декабриста С.И. Муравьева-Апостола, а из тех, которые вешают. Вошёл в историю под таким прозвищем — «Вешатель» или «Палач». В Курске он, конечно, в отличие от усмиравшейся им Польши, не вешал в прямом смысле, но достаточно жёстко подавлял чиновничью коррупцию.

ЛИТЕРАТУРА

Балацкая Н.М., Раздорский А.И. Памятные книжки губерний и областей Российской Империи. 1933–1917. Сводный каталог-репертуар. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 645 с.

Бердинских В.А. Губернские статистические комитеты и русская провинциальная историография 1860-х –1890-х годов. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Киров: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1994. 23 с.

Воскресенский Н.В. Исторический обзор деятельности Воронежского губернского статистического комитета. Воронеж: Типо-лит. губ. правления, 1892. 84 с.

Гациский А.С. Очерк статистический съездов в России // Сборник в память I Русского статистического съезда 1870 года. Вып. 2. Нижний Новгород: Тип. Нижегород. губ. правления, 1875. С. 5–29.

Горбачев П.О. Приключения курского мамонта // Городские известия. 2015. № 7 (357). 17 февраля. С. 7.

Древности. А. Меловая крепость (древний острожек или крепость первобытного города); Б. Вал на р. Рати // Памятная книжка Курской губернии на 1860 год. Курск: Тип. губ. правления, 1860. С. 44–49.

Захарова И.М. Провинциальные статистические комитеты Северо-Запада России: из истории становления отечественной статистики. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб.: СПбГУ, 2005. 32 с.

Игумнов Е.В. Создание губернских и областных статистических комитетов в Сибири и их научная деятельность (1835–1917 гг.). СПб.: Ин-т телевидения, бизнеса и дизайна, 2010. 87 с.

Златоверховников Н.И. Памятники старины и нового времени и другие достопримечательности Курской губернии. Курск: Тип. губ. правления, 1902. 98 с.

Иконников В.С. Опыт русской историографии. Т. 1. Кн. 2. Киев: Тип. Имп. ун-та св. Владимира, 1891. 882 с.

Историко-статистическое описание такой-то церкви или обители // ГАКО. Ф. 20. Оп. 3. Д. 1636. Л. 1–2.

Кучера М.П. Змиевы валы Среднего Поднепровья. Киев: Наукова думка, 1987. 208 с.

Комарова И.И. Научно-историческая деятельность статистических комитетов // Археографический ежегодник за 1986 год / Отв. ред. С.О. Шмидт. М.: Наука, 1987. С. 85–96.

Лебедев С.В. Астраханский губернский статистический комитет: опыт хозяйственной и научно-просветительской деятельности: 1836–1918 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Астрахань: Астрахан. гос. ун-т, 2009. 20 с.

Лукин Б.В. Из истории деятельности статистических комитетов Туркестанского края // Общественные науки в Узбекистане. Вып. 6. Ташкент: АН УзССР, 1962. С. 30–39.

Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3 т. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 896 с.

Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3 т. Т. 2. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 912 с.

Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3 т. Т. 3. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 992 с.

Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России. XVIII – начало XX века. 2-е изд. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. 848 с.

Миронов Б.Н. Управление этническим многообразием Российской империи. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 640 с.

Миронов Б.Н. Российская модернизация и революция. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. 528 с.

О доставлении Предварительному комитету по устройству XII Археологического съезда в Харькове чрез земских начальников сведений, касающихся местной старины. 1901–1902 гг. // ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 116. Л. 1–5.

Первушкин В.И. Губернские статистические комитеты и провинциальная историческая наука. Пенза: ПГПУ, 2007. 214 с.

Программа археологических исследований, по которым ожидается содействие статистических комитетов // ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 37. Л. 1–2.

Протокол годового заседания Курского губернского статистического комитета от 24 марта 1876 года. № 39. 28 с.

Сахаров И.П. Записка для обозрения русских древностей. СПб.: Тип. Я. Трея, 1851. 80 с.

Сементовский А.М. Сборник в память I Русского Статистического съезда 1870 года. СПб.: Тип. М. Хана, 1872. Вып. 1. 579 с.

Скопа В.А. История развития статистики и статистических учреждений Томской губернии в 1835–1919 годах. Барнаул: БГПУ, 2009. 209 с.

Старчикова Н. Е. Историко-краеведческая деятельность губернских статистических комитетов России во второй четверти XIX – начале XX века: на примере Пензенской губернии. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Пенза: ПГПУ, 2004. 22 с.

Щавелёв С.П. Археологический почин курского учителя А.И. Дмитрюкова в 1820-е – 1830-е годы // РА. 1996. № 4. С. 177–184.

Щавелёв С.П. Географические предпосылки русской археологии: первые «Описания Курского наместничества» // История археологии: личности и школы: ММНК к 160-летию со дня рождения В.В. Хвойки (Киев, 5–8 октября 2010 г.) / Отв.ред. Н.И. Платонова. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 316–323.

Юбилейный сборник Центрального Статистического комитета Министерства внутренних дел. Т. L. 1863–1913. СПб., 1913. 308 с.

Информация об авторе:

Щавелёв Сергей Павлович, доктор философских наук, доктор исторических наук; профессор; заведующий кафедрой философии, Курский государственный медицинский университет (г. Курск, Россия); sergei-shhavelev@yandex.ru

REFERENCES

Balatskaia, N. M., Razdorskii, A. I. 2008. *Pamiatnye knizhki gubernii i oblastei Rossiiskoi Imperii. 1933–1917. Svodny katalog-repertuar (Commemorative Books of the Governorates and Regions of the Russian Empire. 1933–1917. Consolidated catalog-repertoire)*. Saint Petersburg: “Dmitrii Bulanin” Publ. (in Russian).

Berdinskikh, V. A. 1994. *Gubernskie statisticheskie komitety i russkaia provincial'naia istoriografiia 1860-kh –1890-kh godov (Governorate Statistical Committees and Russian Provincial Historiography of the 1860s–1890s)*. Thesis of Diss. of Doctor of historical sciences. Kirov (in Russian).

Voskresenskii, N. V. 1892. *Istoricheskii obzor deiatel'nosti Voronezhskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta (Historical Overview of the Activities of the Voronezh Governorate Statistical Committee)*. Voronezh (in Russian).

Gatsissky, A. S. 1875. In *Sbornik v pamiat' I Russkogo statisticheskogo sezda 1870 goda (Collection in Memory of the 1st Russian Statistical Congress of 1870)* 2. Nizhnii Novgorod, 5–29 (in Russian).

Gorbachev, P.O. 2015. In *Gorodskie izvestiia (City Bulletin)* 357 (7), 7 (in Russian).

In 1860. *Pamiatnaia knizhka Kurskoi gubernii na 1860 god (Commemorative Book of Kursk Governorate for 1860)*. Kursk, 44–49 (in Russian).

Zakharova, I. M. 2005. *Provintsial'nye statisticheskie komitety Severo-Zapada Rossii: iz istorii stanovleniia otechestvennoi statistiki* (Провинциальные статистические комитеты Северо-Запада России: из истории становления отечественной статистики). Thesis of Diss. of Candidate of historical sciences. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).

Igumnov, E. V. 2010. *Sozdanie gubernskikh i oblastnykh statisticheskikh komitetov v Sibiri i ikh nauchnaia dejatel'nost' (1835–1917 gg.)*. (Creation of Governorate and Regional Statistical Committees in Siberia and their Scientific Activities (1835–1917)). Saint Petersburg (in Russian).

Zlatoverkhovnikov, N. I. 1902. *Pamiatniki stariny i novogo vremeni i drugie dostoprimechatel'nosti Kurskoi gubernii* (Monuments of Antiquity and the Modern Age and other Sights of Kursk Governorate). Kursk (in Russian).

Ikonnikov, V. S. 1891. *Opyt russkoi istoriografii* (The Experience of Russian Historiography) Vol. 1. Book 2. Kiev (in Russian).

Istoriko-statisticheskoe opisaniie takoi-to tserkvi ili obiteli (Historical and Statistical Description a Church or Monastery). State Archives of Kursk Oblast. Fund 20, inv. 3, dossier 1636, P. 1–2 (in Russian).

Kuchera, M. P. 1987. *Zmievy valy Srednego Podneprov'ia* (Змиевы валы Среднего Поднепровья). Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Komarova, I. I. 1987. In Shmidt, S. O. (ed.). *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1986 god* (Archaeographic Yearbook for 1986). Moscow: "Nauka" Publ., 85–96 (in Russian).

Lebedev, S. V. 2009. *Astrakhanskiy gubernskiy statisticheskiy komitet: opyt hoziasvennoi i nauchno-prosvetitel'skoi deiatel'nosti: 1836–1918* (Astrakhan Governorate Statistical Committee: The Experience of Economic, Scientific and Educational Activities: 1836–1918.). Thesis of Diss. of Candidate of historical sciences. Astrakhan: Astrakhan State University (in Russian).

Lunin, B. V. 1962. *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane* (Social Sciences in Uzbekistan) VI. Tashkent: Academy of Sciences of the Uzbek SSR, 30–39 (in Russian).

Mironov, B. N. 2012. *Blagosostoianie naseleniia i revoliucii v imperskoi Rossii. XVIII – nachalo XX veka* (Welfare of the Population and Revolutions in Imperial Russia. The 18th – Early 20th Centuries). Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" Publ. (in Russian).

Mironov, B. N. 2015. *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu* (The Russian Empire: From Traditional to Modern). 1. Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" Publ. (in Russian).

Mironov, B. N. 2015. *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu* (Russian Empire: from Traditional to Modern) 3. Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" Publ. (in Russian).

Mironov, B. N. 2015. *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu* (Russian Empire: from Traditional to Modern) 3. Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" Publ. (in Russian).

Mironov, B. N. 2017. *Upravlenie etnicheskim mnogoobraziem Rossiiskoi imperii* (Management of Ethnic Diversity in the Russian Empire). Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" Publ. (in Russian).

Mironov, B. N. 2019. *Rossiiskaia modernizatsiia i revoliutsiia* (Russian Modernization and Revolution). Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" Publ. (in Russian).

O dostavlenii Predvaritel'nomu komitetu po ustroistvu XII Arkheologicheskogo sezda v Khar'kove chrez zemskikh nachal'nikov svedenii, kasaiushchihsia mestnoi stariny. 1901–1902 gg. (On the Submission of Information on Local Antiquity to the Preliminary Committee for the Arrangement of the 12th Archaeological Congress in Kharkov through Zemstvo Chiefs. 1901–1902). State Archive of Kursk Oblast. Fund 4, inv. 1, dossier 116, P. 1–5 (in Russian).

Pervushkin, V. I. 2007. *Gubernskie statisticheskie komitety i provintsial'naia istoricheskaiia nauka* (Governorate Statistical Committees and Provincial Historical Science). Penza: Penza State Pedagogical University (in Russian).

Programma arkheologicheskikh issledovanii, po kotorym ozhidaetsia sodeistvie statisticheskikh komitetov (Program of Archaeological Studies, for which the Assistance of Statistical Committees is Expected.). State Archive of Kursk Oblast. Fund 4, inv. 1, dossier 37, P. 1–2 (in Russian).

1876. *Protokol godichnogo zasedaniia Kurskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta ot 24 marta 1876 goda* (Minutes of the Annual Meeting of the Kursk Governorate Statistical Committee dated March 24, 1876). No 39 (in Russian).

Sakharov, I. P. 1851. *Zapiska dlia obozreniia russkikh drevnostei* (Note for Russian Antiquities Review). Saint Petersburg: "Ya. Trey" Publ. (in Russian).

Sementovsky, A. M. 1872. *Sbornik v pamiat' I Russkogo Statisticheskogo sezda 1870 goda* (Сборник в память I Русского Статистического съезда 1870 года). Saint Petersburg: M. Khan Typography (in Russian).

Skopa, V. A. 2009. *Istoriia razvitiia statistiki i statisticheskikh uchrezhdenii Tomskoi gubernii v 1835–1919 godakh* (History of the Development of Statistics and Statistical Institutions of Tomsk Governorate in 1835–1919). Barnaul: Barnaul State Pedagogical University (in Russian).

Starchikova, N. E. 2004. *Istoriko-kraevedcheskaia deiatel'nost' gubernskikh statisticheskikh komitetov Rossii vo vtoroi chetverti XIX – nachale XX veka: na primere Penzenskoi gubernii* (Historical and Local History Activities of the Governorate Statistical Committees of Russia in the Second Quarter of 19th – Early 20th Centuries: The Example of Penza Governorate). Thesis of Diss. of Candidate of historical sciences. Penza: Penza State Pedagogical University (in Russian).

Shchhavelev, S. P. 1996. In *Rossiiskaia Arkheologiya* (Russian Archaeology) (4), 177–184 (in Russian).

Shchhavelev, S. P. 2011. In Platonova, N. I. (ed.). *Istoriya arkheologii: lichnosti i shkoly. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoj konferentsii k 160-letiyu so dnya rozhdeniya V.V. Khvojki* (History of Archaeology: Individuals and Schools. Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 160th Anniversary of V.V. Khvojka). Saint Petersburg: “Nestor-Istoriia”, 316–323 (in Russian).

1913. *Iubileinyi sbornik Tsentral'nogo Statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennih del* (Jubilee Collection of Papers of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs) Vol. L. 1863–1913. Saint Petersburg (in Russian).

Kuchera, M. P. 1987. *Zmievy valy Srednego Podneprov'ia* (Serpent's Wall of the Middle Dnieper Region). Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).

About the Author:

Shchhavelev Sergei P. Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Kursk State Medical University. K. Marx, St., 3, Kursk, 305041, Russian Federation; sergei-shchhavelev@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2021 г.
Статья принята к публикации 01.10.2021 г.

УДК 902.3

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.5.42.56>**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ПОЛЕВАЯ АРХЕОЛОГИЯ В КОНЦЕ XIX-ГО ВЕКА**

© 2021 г. А.В. Жук

В статье представлены некоторые предварительные результаты историографических исследований по такому важному направлению отечественной археологической науки, как организация и проведение полевых изысканий. На примере российских археологов конца XIX в. – как ведущих, так и только еще становящихся профессионалами – раскрыты различные понимания, различные концепции полевых исследований. Эти концепции систематизированы автором, в результате чего вскрыты несколько направлений полевой археологии, сложившихся в тогдашней отечественной науке. Выявлены также, как теоретические воззрения на ход полевых изысканий выдерживали (или не выдерживали) проверку на практике в реалиях тогдашней русской жизни. Раскрыто, как понимание того, что представляет собой основной археологический источник, определяло видение тем или иным исследователем характера и направленности полевых изысканий. Статья не претендует на исчерпывающий характер материала и представляет собой, скорее, введение в проблематику.

Ключевые слова: полевая археология, археологические раскопки, спасательные раскопки, методика раскопок, археологический комплекс, типологический ряд, государственная монополия на археологические раскопки.

RUSSIAN FIELD ARCHAEOLOGY AT THE END OF THE 19TH CENTURY

A.V. Zhuk

The paper features the preliminary results of historiographical research on such an important area of Russian archaeological science as the organization and conduct of field surveys. Using the example of Russian archaeologists of the late 19th century – both leading and those on their way to becoming professionals – various understandings and different concepts of field research are revealed. These concepts are systematized by the author, as a result of which several directions of field archaeology which developed in the currently domestic science are outlined. It is also revealed how theoretical views on the course of field research withstood (or failed to withstand) the practical test in the realities of Russian life at the time. It is demonstrated how the understanding of what constitutes the main archaeological source determined the nature and direction of field research by individual researchers. The paper does not imply an exhaustive coverage of the material and rather constitutes an introduction to the stated issues.

Keywords: field archaeology, archaeological excavations, rescue excavations, excavation methodology, archaeological complex, typological series, state monopoly on archaeological excavations.

То, что целеполагание археологического исследования определяет методику полевых изысканий, русские археологи поняли уже давно. Так, в начале 1850-х гг. П.С. Савельев писал: «Знать форму кургана, положение в нем покойника, расположение при погребенном его утвари и множество кажущихся мелочей иногда важнее для археолога, чем самые вещи. Поэтому разрытия курганов тогда только и полезны и вполне достигают археологической цели, когда делаются людьми, знакомыми с условиями ученых раскопок. Разрытия же с иными целями, в видах ли корысти для отыскания “клада” или из простого любопытства, даже из любознательности, производимые людьми, не приготовившимися к археологическим исследованиям, по большей части не только бесплодны, но и вредны для науки, потому что отнимают от нее или портят

материалы, может быть неоценимые. Не беда еще, что мы *теперь только* узнаём археологические сокровища, скрывающиеся в наших сопках, когда давно уже известны нам сопки и городища Средней Азии буддийской эпохи. То беда, что немало уже истреблено их. Вот почему мы и назвали счастьем для науки, что несколько десятков тысяч сопки до сих пор сохранилось в целости, неприкосновенно, по всему почти протяжению России. Это богатый запас для разработки нашим археологам, и на долгое время. Между тем, надобно заботиться и о том, чтобы, сколько возможно, поправлять зло уже сделанное – описывать сохранившиеся в разных руках вещи, вырытые невеждами или дилетантами из напрасно разрушенных ими курганов» (Савельев, 1852, с. 11). Другими словами, полевая методика производна от обоснования исследования, шире – от методо-

логической установки. Археолог копает так, как видит, а видит он так, как диктует ему основной источник.

Однако начать, пожалуй, следует не со столь благостного в методологическом отношении контекста, а с того, что значительная часть археологических раскопок в Российской Империи на исходе XIX в. выполнялась не по собственно научным, но по чрезвычайным, спасательным соображениям. В то время памятники слишком часто копались не потому, что в них нуждался именно этот археолог для решения тех или иных научных задач, но просто потому, что в противном случае эти памятники должны были исчезнуть.

Самая характерная по части спасательных раскопок фигура отечественной археологии на исходе XIX в. – это, пожалуй, Николай Иванович Веселовский (1848–1918). Его много ругают: в позднейших работах по тем культурам, памятники которых раскапывал Н.И., часто встречаются неллицеприятные оценки уровня его полевых изысканий, чем оценки Н.И. как ученого, как правило, и исчерпываются. Но справедливы ли в данном случае наши коллеги? В памятной речи 23 мая 1918 г. Борис Владимирович Фармаковский (1870–1928), характеризуя Н.И. Веселовского как археолога, говорил об этом так. «С 1894 г. начинаются систематические исследования Николая Ивановича в Кубанской области. Необходимость там производства раскопок была настоятельной ввиду того, что Кубанские курганы в 90-х годах усиленно раскапывались хищниками, добывавшими в курганах древние золотые предметы и сбывавшими большую часть их на сплав. Некоторые предметы, добытые хищническими раскопками, попадали в руки торговцев <...>

Что Николай Иванович должен был и мог сделать? Насущнейшей задачей для русского исследователя времени, когда Николаю Ивановичу пришлось жить и действовать, было, конечно, спасение источников – гибнувших от стихий и от руки человека древних памятников <...> И, принимаясь за раскопки, Николай Иванович прежде всего должен был думать о спасении тех, часто единственных источников знания о далеком прошлом нашей страны, которые таились в древних городах, могильниках и курганах и которые немилосердно и стихийно разрушались руками невежественных и алчных до материальных ценностей новых насельников областей, где рассеяны эти города, могильники, курганы.

Так как ничто не предвещало в ближайшем будущем прекращения производившегося расхищения и уничтожения памятников древности и, скорее, была почва для предположений обратного характера, Николай Иванович считал совершенно правильно своим долгом в ближайшую очередь расследовать в местностях, где им были намечены работы по научным соображениям, те курганы, которым грозило уничтожение от руки хищников. И Николаю Ивановичу удалось спасти для науки большое количество памятников, открытых им в таких курганах. Само собою разумеется, что надо было особенно спешно расследовать такие курганы, в которых, по разным соображениям, должны были находиться погребения, содержащие предметы из золота <...>.

Недоброжелательные люди называли иногда Николая Ивановича “кладоискателем”. Во имя истины надо протестовать против такого рода опорочивания деятельности Николая Ивановича. Если Николай Иванович “гонялся за золотом”, то он должен был это делать, блюдя интересы науки. Какая потеря была бы для науки, если бы драгоценности из Майкопского кургана 1897 г. или из Солохи не были раскопаны Николаем Ивановичем, а попали в руки кладоискателей (“счастливцев” по керченскому выражению)! <...>

Хотя и часто приходилось Николаю Ивановичу мчаться раскапывать курганы туда, где того требовали обстоятельства, но все же известной системы в выборе места раскопок Николай Иванович держался. Вполне выдержать ее он не мог именно из-за громадной массы неотложных текущих дел, которые у нас в России мешают работать систематически всем на каждом шагу» (Фармаковский, 1921, с. 365, 382, 383). Иначе говоря, перед Н.И. Веселовским как полевиком чаще всего вставала предельно простая цель – спасти то, что еще можно спасти от именно этого памятника, любыми средствами, как правило, в крайне неблагоприятных условиях и очень часто спешно. И в самом деле, ежели постоянно “мчаться раскапывать курганы”, трудно уповать при этом на высокое качество полевых изысканий. Думаю, что не будет преувеличением присвоить Н.И. в нашей историографии скромное, но достойное титуло “присяжного пожарного” отечественной археологии.

Разумеется, Н.И. Веселовский был далеко не единственным из наших полевиков, кто оказался на исходе XIX в. в “пожарной” ситуации. Едва ли не по всей Российской Импе-

рии разыгрывались в то время аналогичные истории, исполненные той или иной степени драматизма. Чего стоит одна только Буконская трагедия! Памятники исчезали буквально на глазах исследователей. А вот что писал С.К. Кузнецов, оценивая состояние могильника на берегу р. Камы у села Пьяный Бор, немного выше Елабуги. На этом памятнике, «несмотря на то, что составлявшая его песчаная насыпь была почти до основания снесена дующими с ЮВ ветрами, обнаружено значительное количество бронзовых предметов. У окрестных жителей Пьяноборский могильник считался просто неистощимым: туда *ходили* за собиранием медных и бронзовых орудий, как на промысел. Хорошо помню, что один елабужский медник, скупая у крестьян медные и бронзовые вещи, продавал их в музей при Казанском обществе археологии, истории и этнографии по 60 к. за фунт» (Кузнецов, 1890, с. 219, 220).

С аналогичными ситуациями постоянно сталкивался и В.А. Городцов. К примеру, один из интереснейших дюнных памятников Поочья, урочище Городок близ села Ловецкие Выселки Зарайского уезда Рязанской губернии, еще в конце 1870-х гг. «простирался в длину шагов на 150, а в ширину – шагов на 70. В то время скат его, обращенный к озеру Лучанскому, был высок и крут настолько, что в нем имели гнезда воронки (*воронók*, по В.И. Далю, «большой черный стриж, птица из рода ласточек», как ее называют на Владимирщине (Даль, I, с. 244). – А.Ж.), теперь же этот скат полог и низок» (Городцов, 1901, с. 1). «Теперь» – это время приезда на памятник Городцова в августе 1898 г., когда «от холма уцелел кусок шагов в 25 длины и 15 ширины» (там же, с. 1). И это еще не всё: если в прежнее время культурные отложения Городка «достигали аршин четырех или даже более» (там же, с. 4), то к 1898 г. культурный слой здесь не превышал в максимуме двух с половиною аршин. «Какой удивительной массы древних вещей лишилась наука с разрушением этих слоев!» (там же, с. 4), – с горечью отметил в отчете Городцов. И добавил: «После некоторого колебания, вызванного очевидным оскудением холма, я решился раскопать оставшуюся часть его» (там же, с. 2). А что тут, собственно, было колебаться? Всё равно ведь «оставшейся части холма» пропадать.

В 1898 г., размышляя над проблемой сохранности отечественных археологических памятников, В.А. Городцов писал довольно-таки мрачно: «Мне думается, что в настоя-

щее время было бы весьма полезно произвести математически осмотр и описание всех, как окских, так и других речных дюн, так как через несколько лет это, может быть, будет поздно; с уничтожением же древних речных дюн, являющихся постоянно насыщенными памятниками различных культурных эпох, решение многих археологических вопросов будет задержано на продолжительное время, так как дюны часто дают без особого труда со стороны исследователя то, что в материковых или других, более компактных почвах можно получить лишь с большими затруднениями, да еще при стечении особенно благоприятных условий» (там же, с. 18). И, как это ни печально, В.А. оказался прав...

Да что уж говорить о Европейской России, если даже в глухой Семиреченской области несторианский могильник близ Пишпека к середине 1880-х гг. нуждался в срочном спасении. «Кладбище это занимает пространство в три десятины; тянется длинной полосой к Ю.З. (в длину 120 сажен, а в ширину 60). В настоящее время большая часть кладбища распаивается окрестными жителями и ежегодно засеивается хлебными злаками; остаются нераспаханными лишь некоторые, трудно доступные для орошения пространства, выражающие отдельные возвышенности наподобие незначительных курганчиков, вероятно служивших семейными усыпальницами, на которых теперь в собранном виде лежат по нескольку камней с надгробными надписями. Вообще же, в настоящее время местность эта только и может быть принята за кладбище по незначительным курганчикам и в беспорядке разбросанным надгробным камням, которые, для очистки под посевы места, земледельцами частью снесены в небольшие кучки, частью по одиночке выброшены на возвышенные места, а многие из них запаханы и находятся под верхним слоем земли и не указывают места водружения их» (Пантусов, 1886, с. 7–75).

Очевидно, что неизбежное проклятие полевой археологии всех времен и народов – следовать за действиями той культуры, которой принадлежит сам археолог. Как бы ни складывалась судьба науки, археолог с неизбежностью, прежде всего и более всего будет обращаться к тем памятникам, которые именно сейчас оказались под угрозой уничтожения.

Радоваться здесь, как это делает К.А. Смирнов (1977, с. 289), нечему. Ведь археолог по определению должен копать там, где ему, архе-

ологу, нужно, а не там, где по случаю вышел на памятники их потенциальный ликвидатор – мужик-целинник, олигарх-строитель или же просто человек хозяйственный.

Есть, правда, одно очень слабое утешение: там, где человек с неизменным упорством вновь и вновь являет свою деятельность, – там смело можно рассчитывать на богатый археологический материал. Однако утешение это действительно слабое. Во-первых, что в конечном счете достанется археологу по результатам многовековой, включая современную, хозяйственной деятельности на одном и том же месте? А, во-вторых, нужны ли именно эти памятники именно сегодня именно этому археологу, который вынужден силою обстоятельств копать всё, что ни попадя, по “четвёртой форме”? И не отсюда ли – богатейшие музейные залежи нарытого за несколько десятилетий, но так до сих пор не обработанного и не опубликованного (т. е., выходит, пока никому не нужного) материала?

Впрочем, памятники копались и нормально, т. е. по собственно научным соображениям. И здесь нужно отметить очень важное обстоятельство.

Следует различать полевую методику (приемы и способы раскопа) и полевое искусство (качество раскопа). Первая определяется уровнем и характером развития науки, второе – талантом исследователя. Состояние и особенности полевой методики – верный образ уровня развития науки. Степень полевого искусства – верный образ личной талантливости археолога; и этот образ совершенно не зависит от уровня развития науки. Есть крупные ученые, которые не умеют и не любят копать (но, разумеется, отдают себе отчет в том, *как надо* копать); а есть и виртуозные, “от Бога”, раскопщики, порой даже совсем не археологи по специальности.

Высокое качество раскопок – показатель не уровня развития науки, но уровня полевого искусства. Высокое и низкое качество раскопок имеет место на всех без исключения этапах развития археологии. Но на каждом этапе копают с целью получить источник того или иного основного типа. А на самом деле – ещё сложнее:

копают и с целью получить источники неосновных типов;

копают с несформировавшейся методологией, т. е. в процессе вызревания представлений о том, каким должен быть археологический источник и, соответственно, в процессе вызревания представлений, как именно нужно

копать, чтобы получить источник именно этого типа;

копают без ясно выраженной цели (любители);

копают с недолжными целями (из честолубия, прикрываясь наукой, ради обогащения и проч. Человек слаб!).

При этом реальный характер той или иной методологии далеко не всегда лежит на поверхности и часто требует для распознавания специальных усилий.

За требованием не копать под предлогом несовершенства методики и в ожидании её грядущего совершенства стоит:

лично-психологическое восприятие ситуации (как у А.А. Спицына), обострённое чувство гибели памятника в ходе раскопки – это лучший, но редкий вариант;

чаще всего имеет место скрытое непонимание того, зачем вообще нужно копать, т. е. имяреку копать решительно незачем.

Нельзя в данном случае не согласиться с имяреками. Но ведь верно и обратное: пока памятник не разрушен, он не изучен.

Достаточно грамотные наблюдения по ходу раскопок и квалифицированная работа с материалом культурного слоя позволяли делать важные выводы. Так, перед князем П.А. Путятиным, который вел в начале 1880-х гг. раскопки на одном из мысов озера Бологое Валдайского уезда Новгородской губернии, встал в числе прочих такой вопрос: что представляет собой изучаемый памятник – стоянку или поле погребений? На этот вопрос он ответил так:

«1) Слой гумуса произошел от разложившихся растительных остатков, а не от остатков животных, что подтвердилось анализом, произведенным Д.А. Сабанеевым; кроме того, гумус разнообразной толщи залегает по всей площади раскопок, заключая в себе черепки с каменными орудиями и проч., тогда как в кладбищах урн тление распространяется только в урне или около урны, но никак не пластами.

2) Черепки разбросаны и перемешаны; из этого можно вывести заключение, что тут сосуды были оставлены не цельными, как в погребальных урнах, а только в виде ненужных разбитых остатков их.

3) (Здесь у князя П.А. Путятина содержится пространное рассуждение о качественном различии погребальной и поселенческой керамики. – А.Ж.)

4) Нуклеусы (ядра, ядрища) и многочисленные скребки тоже подтверждают существование становища, что подкрепляется еще

отрытыми во влажном песку деревянными поделками для рыбной ловли.

5) Если бы Бологовский мыс был местом погребения, то нашлись бы в большом количестве человеческие кости. Что же касается до тех незначительных остатков, которые мне пришлось вырыть, то их малочисленность уничтожает всякое вероятие присутствия тут каких-либо могил» (Путятин, 1884, с. 283–285).

В качестве дополнения можно указать на то, что горный инженер Дмитрий Александрович Сабанеев (1845–?), действительный член ИРАО, выполнил также химико-технологический анализ останков «первобытной кричной плавки железа» (Путятин, 1888, март, с. 712), открытых князем П.А. Путятиным на дюнах близ деревни Озеревичи; результаты этого анализа опубликованы в 1882 г. (Сабанеев, 1882, с. 24–26).

В “русском поле” на исходе XIX в. приоритет по-прежнему оставался за курганными раскопками. Во-первых, курган сравнительно просто идентифицировать. А во-вторых, как писал в 1890 г. С.К. Кузнецов, «здесь назначение каждой вещи угадывается легко, а совокупность курганных находок, знакомя нас с подробностями погребального культа, в то же время дает ясное понятие о быте погребавшегося в курганах племени, потому что с покойником, в большинстве случаев, полагалась в могилу вся обстановка, окружавшая его при жизни» (Кузнецов, 1890, с. 155). Поселенческая же археология была делом куда более сложным. К примеру, на заседании ИРАО 30 марта 1894 г. Н.И. Веселовский, разбирая изыскания А.А. Спицына, отмечал: «Производство раскопок в “костеносных городищах” не представляет особенной заманчивости, так как число добываемых там предметов не очень обильно и довольно однообразно, но исследования необходимы, чтобы восстановить культуру этих городищ» (Веселовский, 1896, с. L).

Здесь хотелось бы подчеркнуть, что не следует понимать дело таким образом, будто Николай Иванович был одержим неким “синдромом эстета”, которого в раскапываемых памятниках интересуют только предметы, эффектные в художественном отношении. На самом деле, проблема “вещевого довольствия” в отечественной археологии стояла тогда совершенно иначе.

Так, например, казачий офицер, активный участник покорения Западного Кавказа Евгений Дмитриевич Фелицын (1848–1903) стол-

кнулся с этой проблемой еще в 1870-е гг., по ходу изучения дольменов Майкопского уезда Кубанской области. В своем отчете, доложенном 26 января 1879 г. на заседании ОЛЕАЭ при Императорском Московском университете, Е.Д. Фелицын постарался, конечно же, «рассмотреть найденные с костями предметы. К сожалению, в числе их нет таких, одного присутствия которых бывает иногда совершенно достаточно, чтобы определить время и назвать народ, запечатлевший в предметах этих неопровержимые следы своего существования, выражающегося всегда в одних и тех же вещественных фактах археологических доказательств. Форма орудий, материал, та или другая степень совершенства обработки в данном случае могли бы, конечно, служить наиболее сильными аргументами для каких-либо выводов, достойных занять соответствующее место в науке» (Фелицын, 1879, с. 28).

Вначале селища и погребения раскапываются с тем, чтобы получить ответ на вопрос: “Давайте-ка посмотрим, что этот памятник собой представляет” (подробнее о проблеме целеполагания в археологическом исследовании см.: Коллингвуд, 1980, с. 392–396). Естественно, представлять собой “этот памятник” будет комплекс артефактов, некоторый набор древностей. Но, чтобы стать археологическим источником, эти древности должны разъяснить своё значение, проявить скрытый в них смысл. Значит, они должны быть рассмотрены не просто как коллекция, как отдельно взятые предметы, но в известном порядке относительно друг друга. А именно – в том порядке, в каком оставил их создатель объекта, существующего ныне в виде археологического памятника. Ибо предметы, воспринимаемые через выявленную в ходе раскопок совокупность признаков, могут быть поняты только из того порядка, в котором они некогда были отложены.

Вот почему во 2-й половине XIX в. остро стояла проблема как можно более точной фиксации артефактов по ходу раскопок. Известен классический пример английского генерала, сэра О.-Г. Питт-Риверса, который усовершенствовал стратиграфический метод настолько, «чтобы можно было любой предмет возвратить на прежнее место с точностью до десятых долей миллиметра» (Керам, 1979, с. 125). У нас также было немало исследователей, которые стремились к адекватному запечатлению археологического комплекса. Ограничусь здесь лишь некоторыми именами из числа тех, кто копал в пору становления В.А.

Городцова как археолога: А.В. Адрианов, граф А.А. Бобринский, генерал Н.Е. Бранденбург, Н.И. Веселовский, поручик С.С. Гамченко, В.З. Завитневич, полковник Л.К. Ивановский, А.С. Лаппо-Данилевский.

Как пример скрупулезного подхода к качеству полевых изысканий можно процитировать отчет А.И. Кельсиева, который на исходе 1870-х гг. раскапывал курганные могильники ряда губерний России, в том числе – и под Ярославлем. «При раскопках строго наблюдалось правило, чтобы ни один предмет, будь это кость или вещь, не сдвигался с того места, на котором он был обнаружен. Костяк осторожно очищался от земли широким ножом или лопаточкою и по прошествии около получаса времени обметался сухим венчиком. Вытянутое положение скелетов позволяло, где кости не бесследно истлели (это составило около 40% погребений – А.Ж.), измерять рост покойника *in situ* мерительной тесьмой по средней линии от темени до пяток, с прибавкою нескольких долей вершка по усмотрению» (Кельсиев, 1879, с. 60, 61).

Кроме того, столь тщательная работа позволяла археологу воссоздать важные особенности устройства объектов исследования. «Курганы, насколько можно по прошествии 8–9 веков судить об их архитектуре, имеют форму шарового сегмента или усеченного конуса, иногда по боковой поверхности выложены камнями и у самой подошвы обнесены канавой, вынутая из коей земля и служила к насыпке кургана <...> В тесно скученных кладбищах промежутки между курганами вообще ниже нормального уровня полей, окружающих кладбище, из чего следует, что земля для засыпания покойников бралась на месте, а не приносилась издалека; что для сооружения больших холмов вокруг кургана вырывались ямы; что уровень подошвы кургана опускался ниже нормального уровня почвы, на который был положен труп, и что покойник таким образом оказывался погребенным» (там же, с. 53).

А.И. Кельсиев – один из старших коллег В.А. Городцова, секретарь Антропологического отдела ОЛЕАЭ – опубликовал в своем отчете о работах на курганных могильниках летом 1878 г. довольно характерное описание организации раскопок. В числе прочих А.И. Кельсиев исследовал и могильники Ярославской губернии – одной из тех местностей, на которых два десятка лет спустя В.А. Городцов будет формироваться как археолог-профессионал. А потому я считаю не лишним воспроиз-

вести это описание – тем более что текст его, опубликованный более ста лет назад, сегодня трудно достаем. Все курсивные выделения, сделанные в данной цитате, принадлежат самому А.И. Кельсиеву.

«Кроме заступов и топоров у рабочих (коих на курган средней величины следует ставить не более трех человек, и не вести единовременно раскопку более двух смежных курганов) мне оказались на практике необходимыми следующие предметы. *Щуп* – стальной прут толщиною в карандаш, длиною с небольшим в аршин, на одном конце сплюснутый в долото, на другом с рукояткою. Помощию щупа, если только насыпь не каменистая, с большим удобством определяется залегание костяка, сосуда, близость подпочвенного слоя и вообще определяется направление разведки. Рабочие постоянно пользовались щупом и отзывались, что “эта палочка дорогого стоит”. Небольшая ручная (садовая или лучше штукатурная) *лопаточка*, кухонный *ножик* и сухой *веник* необходимы для очистки и тщательного исследования костяка и окружающей его земли, мерительная карманная *тесьма* и *компас* – для определения длины и направления костяка, и *книжка* – для записи наблюдений. Вынутые кости и предметы укладываются для просушки на кусок *холста* или клеенки; в случае присутствия мелких вещей оставшаяся земля просеивается в небольшое металлическое *решето*. Вещи полезно завертывать на самом месте раскопок, для чего нужно иметь достаточный запас оберточной *бумаги*, *бичевки* и цветной *карандаш*. Свертки, упакованные в сено в больших плетеных *коробах*, корзинах или ящиках, дошли у меня все в сохранности» (там же, с. 62, 63).

В качестве комментария можно отметить, что “курган средней величины”, на который предполагалось ставить не более трех землянок, сам А.И. Кельсиев определяет так: «поперечники курганов вообще колеблются между 2–5 саженьями, высота между 1–2 аршин» (там же, с. 53). Топоры же рабочим были необходимы, поскольку все исследованные А.И. Кельсиевым древние «кладбища обыкновенно заросли деревьями. Почти везде крестьяне свидетельствовали, что прежде на курганах стоял вековой лес, рубившийся уже на памяти стариков» (там же, с. 53).

Следует, однако, учитывать, что полевая методика, запланированная автором раскопа, часто корректировалась обстоятельствами, в которых эти раскопки проводились. Задуманное удавалось далеко не всегда. Так, В.В.

Хвойко, открывший в конце августа 1893 г. палеолитическое местонахождение на частной усадьбе по Кирилловской улице в Киеве (Подол) и тут же приступивший к раскопкам его, предполагал поначалу «оставлять все найденные кости и другие предметы на месте, в том положении, в котором они были найдены, до самого окончания раскопок» (Хвойко, 1901, с. 738). Идея, безусловно, хороша (в разумных пределах), но в данном случае это оказалось неважно. А важным оказалось то, что этот раскопчный прием, независимо от его методической ценности, изначально был абсолютно нереальным.

Сам В.В. Хвойко пишет об этом так: «Всем нашим находкам суждено было на этот раз погибнуть безвозвратно. Место раскопок, ввиду громадности костей и глубины, на которой они были найдены, приняло в глазах окрестных жителей какой-то фантастический характер, и разнесшаяся молва о выкопанном мамонте, каменных ножах, стрелах и т. д. так заинтересовала толпу, что в ближайший праздничный день (судя по хронологии раскопок, Викентий Вячеславович имеет в виду 29 и 30 августа, т. е. памяти усекновения главы Иоанна Предтечи и перенесения мощей святого благоверного князя Александра Невского, бывшие в Российской Империи неприсутственными днями. В 1893 г. эти дни пришлось соответственно на воскресенье и понедельник – А.Ж.) на место раскопки собралось множество праздного народа, желавшего посмотреть откопанные чудеса. Так как рассматривание не ограничивалось одним созерцанием предметов, а их без всякой церемонии начали передавать из рук в руки, несмотря на запрещение находившегося тут сторожа (а где, интересно, находился в это время сам Викентий Вячеславович? – А.Ж.), то последний рассудил за благо выпроводить непрошенных посетителей и запереть ворота на замок. Раздраженная толпа ворвалась в усадьбу, уничтожая по пути все, что попадалось под руку. Результатом этого было полное разрушение всего, что оберегалось нами так тщательно: столбики земли, на которых лежали выкопанные кости, были уничтожены, кости вместе с зубами и клыками были разбросаны и отчасти унесены рассвирепевшей толпой.

Интересно заметить, что среди местного населения существовало убеждение, что раскопки и собрание найденных костей делается с какой-то практической медицинской целью; мне пришлось по этому поводу иметь вслед за тем (видимо, уже 31 августа,

во вторник – А.Ж.) столкновение со старухой, собиравшей в узелок найденные нами кости и уверявшей, что она хорошо знает, что я пользуюсь ими для лечения больных и что ей желательно делать то же. Обстоятельство это принудило нас отказаться на дальнейшее время от первоначального плана оставлять все найденные кости и другие предметы на месте, в том положении, в котором они были найдены, до самого окончания раскопок; мы старались сохранять их нетронутыми только до тех пор, пока они не были срисованы или сфотографированы, так как с этого времени по необходимости приходилось почти сейчас же убирать найденное, и только раза два-три удалось при помощи фотографии обозначить некоторые части и общий вид места раскопок» (Хвойко, 1901, с. 738).

Нередки были случаи, когда научные интересы археолога вступали в противоречие с хозяйственными интересами местных жителей, и археолог оказывался вынужденным уступать. Так, в 1897 г. В.А. Городцов, исследуя Воронежскую неолитическую стоянку, вышел на весьма перспективный в археологическом отношении участок этого памятника. Но, «к сожалению, здесь мне не позволили долго работать из боязни размывов берега и порчи прилегающих огородов. Таким образом, пришлось, по необходимости раскопки перенести на другую сторону северо-западного мыса террасы, где, за особую прибавку платы работавшим у меня владельцам, мне разрешено было разрыть узкую полосу берега на 50 аршин длины, с условием, по окончании работы, заровнять канаву» (Городцов, 1900, с. 21, 22). В том же 1897 г. В.А. Городцов исследовал очень важный комплекс памятников на дюне Могилки, близ села Алеканова Рязанского уезда и губернии, т. е. в своих родных местах. Здесь он, в частности, «намеревался последовательными траншеями пройти всю площадку восточного мыса дюны. К сожалению, владельцы земли запротестовали и не позволили портить покрывающий площадку луг. Пришлось по необходимости ограничить площадь раскопок» (Городцов, 1900, с. 31).

Вообще же, предполагая полевые изыскания на частновладельческих землях, т. е. за пределами государственной монополии на археологические раскопки, русскому археологу приходилось вступать в персональное соглашение с владельцем. И следует подчеркнуть, что условия этого соглашения не всегда оказывались благоприятны в научном отношении. Так, в конце августа 1898 г. В.А. Город-

цов намеревался, по ходу своей экспедиции, раскопать несколько памятников в окрестностях села Городец Спасского уезда Рязанской губернии. Касаясь организации этих работ, В.А. Городцев сделал, в частности, следующие замечания. «Прибыв часов в 8-мь утра в с. Городец, я, прежде всего, заключил условие с г. Денисовым на право производства раскопок городища, находящегося в его владениях. Владелец предоставил мне право раскопок без платы за порчу земли, но с тем, чтобы вырытые канавы были по окончании работ вновь зарыты, берега городища оставались бы не тронутыми и березы, растущие на дворе городища – неиспорченными» (Городцов, 1901, с. 6). Впрочем, соседние с городищем курганы В.А. Городцев копал уже явочным порядком, без какого бы то ни было “условия” (Городцов, 1901, с. 16).

На исходе XIX в. затруднения русско-го археолога-полевика могли возникнуть с самой неожиданной стороны. Об одном из таких случаев по ходу экспедиции 1897 г. В.А. Городцов написал в следующих выражениях. «8 сентября. Прибыв около полудня в с. Муромино, ближайшее к месту раскопок, я сверх ожидания не нашел там рабочих, потому что всё многочисленное население села оказалось или занятым на фабриках и заводах, или совершенно отвыкшим от земляной работы. По той же причине не было возможности нанять рабочих и в соседнем с. Алканове, так что поневоле пришлось ехать за семь верст в с. Дубровичи (родное село В.А. Городцова – А.Ж.), где и было нанято 10 человек» (Городцов, 1901, с. 26). На следующий год он столкнулся с аналогичной ситуацией в деревне Ужалье Спасского уезда Рязанской губернии. «Мне не без труда удалось нанять рабочих, потому что ужальские крестьяне по профессии рыбаки и на землекопные работы идут крайне неохотно» (Городцов, 1901, с. 18).

А могло сложиться и так, что копать при всем желании было невозможно; с подобными случаями не раз сталкивался В.А. Городцов. К примеру, в начале сентября 1898 г. он завершал свою экспедицию в долине р. Оки работами в окрестностях села Солодча Рязанского уезда и губернии. «В последнем пункте я намеревался произвести раскопки, но не мог этого сделать по той причине, что в с. Солодчи 8-го сентября был престольный сельский праздник, и крестьяне считают долгом целую неделю пировать и пьянствовать, так что требовалось еще ждать несколько дней прежде, чем можно было нанять землекопов

и приступить к работе, а между тем у меня оставалось мало и времени, и средств, так что я принужден был закончить свои поиски совсем» (там же, с. 27, 28). И неудивительно, ведь 8 сентября в литургическом календаре Православной Церкви – двенадцатый праздник Рождества Пресвятой Богородицы (в 1898 г. этот праздник пришелся на вторник), а В.А. Городцов прибыл в Солодчу 9 сентября и должен был возвратиться из отпуска в полк уже неделю спустя, в четверг 17 сентября (Жук, 2005, с. 361). Странно только, что Василий Алексеевич не учел всё это заранее, ведь Солодча – его родные места, и нравы здешних поселян он прекрасно знал с детства.

При этом мышление типологическими категориями, которое все более широко распространялось среди тогдашних археологов, отозвалось в полевой методике весьма своеобразно. Раскопки не просто выявляли типы вещей и явлений: они целенаправленно велись именно как исследования *типичных* артефактов.

Уже старший современник В.А. Городцова, И.Е. Забелин вполне сознательно позиционировал себя как принципиальный сторонник выборочной раскопки памятников. Так, в своем отчете о работах 1860 г. на одном из Краснокутских курганов он писал: «Раскопка кургана в самом начале обнаружила, что он заключает в себе целое кладбище, подобное открытому в 1859 г. в одной из Гермесовых Близниц, где гробницы расположены были без всякого порядка и при остовах почти не оказалось никаких вещей. Узнав, что находится в кургане, не было нужды производить дальнейшее его исследование, которое не могло подавать уже надежды на важные открытия, а потому большая часть курганной насыпи оставлена не раскопанной» (цит. по: Мерперт, 1991, с. 83).

И примечательно, что в своей полевой практике Д.Я. Самоквасов на самом деле следовал тем рекомендациям, которые декларировал в «Инструкции для научного исследования курганов». На V Археологическом Съезде в Тифлисе в 1881 г. Дмитрий Яковлевич поведал, в частности, коллегам: «В раскопках на Кавказе я придерживался того же правила, какому следовал в других местностях; именно, первое кладбище, нового устройства и содержания, раскапывал до тех пор, пока встречались предметы новые и разнообразные, пока убеждался, что оставшиеся нераскопанными могилы заключали в себе только повторение того, что уже было известно мне

из могил раскопанных. Встречая затем кладбища того же характера, по устройству и содержанию, я довольствовался раскопкою двух или трех могил и переносил исследования в другой пункт. Благодаря этому приему, в течение двух месяцев я успел найти и исследовать четырнадцать могильников, принадлежащих, по предметам в них найденным, трем историческим эпохам» (Самоковасов, 1887, с. 42).

Данную методологическую установку вполне разделял и В.З. Завитневич. «Во время своей поездки г. Завитневич заботился не столько о том, чтобы раскопать как можно больше курганов в том или другом могильнике, сколько о том, чтобы исследовать как можно большее количество отдельных могильных групп. Как только господствующий в данном могильнике тип погребения становился ясным, он оставлял его и передвигался в другое место. Чтобы при такой системе раскопок не впасть в ошибку поспешного обобщения, он при выборе курганов не придерживался того порядка, в каком они расположены бывают в могильнике, а раскопав два-три смежных кургана и нашедши в них одну и ту же форму погребения, обыкновенно брал курганы из различных пунктов могильника, причем не упускал из вида и объема насыпи, так что в каждом могильнике им раскопано по несколько курганов самых больших, средних и самых малых» (Бобринской, 1892, с. 42).

Очень важно и то, что методологический принцип выборочного подхода к памятнику не только срабатывал при организации полевых изысканий, но влиял и на последующую судьбу добытого материала. В качестве примера можно привести многолетние раскопки О.Е. Клером городища у деревни Палкино Екатеринбургского уезда Пермской губернии. Комментируя на заседании УОЛЕ 3 сентября 1888 г. обработку Палкинских находок, О.Е. Клер в частности сообщил, «что составлено из дублетов 5 коллекций, более или менее параллельных между собою, для рассылки в другие музеи; оставшиеся же около 2000 экз. О.Е. Клер жертвует в музей Уральского Общества. В виду же получения типичных экземпляров из других местностей, г. Фаддеев высказал желание, чтобы Общество просило те музеи, в которые высланы будут дубликаты, о присылке в обмен дубликатов из своих коллекций. Принято» (Протокол..., 1888, с. 63).

В означенном здесь контексте очень интересна дискуссия о принципах ведения полевых работ, которая состоялась в пятницу 4 декабря 1881 г. на заседании Антропологического отдела ОЛЕАЭ. Особенно примечательна эта дискуссия тем, что возникла она спонтанно, не была подготовлена заранее и, соответственно, отражала не столько умозрительные соображения, сколько прочно устоявшиеся реальные позиции исследователей.

Поводом для дискуссии послужил отчет о курганных раскопках, который представила проживающая в Дорогобуже, уездном городе Смоленской губернии, действительный член Общества Варвара Михайловна Чебышева (Чебышева, 1886, стб. 14–24). Речь в отчете шла о раскопках в 1879–1880 гг. курганного могильника на хуторе Трухоново Дорогобужского уезда Смоленской губернии, который принадлежал семейству В.М. Чебышевой (при публикации в название отчета вкралась ошибка: место проведения раскопок обозначено как «Смоленский уезд»). Судя по отчету, работы были проведены качественно, на вполне приемлемом для того времени методическом уровне; обстоятельное описание могильника и вскрытых погребений служит важным дополнением к изобразительной части отчета.

Трухоновский могильник Варвара Михайловна раскопала практически целиком. И, указывая в отчете на расположенный поблизости еще один курганный могильник, запросила «мнение Отдела: продолжать ли ей раскопки в той же местности, или перенести их в другую» (Чебышева, 1886, стб. 22). Этот, казалось бы, вполне частно-методический запрос Д.Н. Анучин, представлявший сообщение В.М. Чебышевой, выставил на обсуждение, чем и спровоцировал вышеозначенную дискуссию. Более того, Дмитрий Николаевич сам положил начало дискуссии, заявив, что «он находит более интересным, в виду однообразия курганов данной местности по вещам, перенести раскопки в другие местности Смоленской губернии, где, например, раскопками В.И. Сизова обнаружены весьма богатые и интересные в археологическом отношении курганы, указывающие, повидимому, на совершенно другую культуру и даже тип населения» (Чебышева, 1886 стб. 22).

Д.Н. Анучина поддержал один из членов-основателей Императорского Московского Археологического Общества, хранитель Московской Оружейной Палаты, а также хранитель Отделения доисторических, христианских и русских древностей

Румянцевского (Московского Публичного) Музея, первым открывший следы бронзовой культуры на Кавказе, Георгий Дмитриевич Филимонов (1829–1898). Правда, довод Ю.Д. Филимонова прозвучал в методологическом отношении крайне архаично: «Он думает, что работы настоящего времени не окончательные, но только попытки, и что долгая остановка на одном и том же месте может увлечь в частности, тогда как в настоящее время нужно ознакомиться вообще по возможности с большим количеством пунктов, а потому, не останавливаясь в одной и той же местности, переходить в соседние, определяя, таким образом, общую картину» (там же, стб. 23). Применительно к отечественной археологии подобная установка может быть признана приемлемой, пожалуй, для 1830–1850-х гг., но уж никак не для исхода XIX в.

Кроме того, из уст Ю.Д. Филимонова прозвучал еще один аргумент. По ходу изучения древностей «есть одно затруднение для получения значительного материала: археологами принято за правило, ни в каком случае не уничтожать при раскопках всех курганов данной местности, так как в таком случае не осталось бы материала для проверки в будущем. Несомненно, что сведения наши в настоящее время значительно подвинулись вперед; но несомненно и то, что в будущем может явиться целый ряд новых вопросов, для разрешения которых, при уничтожении курганов данной местности, не останется уже материалов» (там же, стб. 23).

Эта реплика Ю.Д. Филимонова весьма примечательна как по своей методологической беспомощности, так и по откровенному нахальству. Никакими «археологами» вышеозначенное методическое условие никогда не было, конечно же, «принято за правило», да еще и в столь категоричной форме – «ни в каком случае». Пожалуй, коллеги Ю.Д. Филимонова поступили излишне деликатно, обойдя это газетное «археологами принято за правило ни в каком случае» молчанием.

Основным оппонентом Д.Н. Анучина и Ю.Д. Филимонова выступил А.П. Богданов. По внешности он развел археологическую и антропологическую составляющие раскопок, когда «заметил, что, быть может, с археологической точки зрения интереснее перенести раскопки в другую местность; но Антропологический Отдел должен, прежде всего, заботиться о получении антропологического же материала. Местность Смоленской губер-

нии, как показали Юхновские черепа, есть пункт столкновения нескольких разнородных племен. Поэтому, только значительное число черепов может дать солидные основания для научных выводов» (там же, стб. 22).

Фактически же Анатолий Петрович дал понять коллегам, что те придерживаются явно устарелых взглядов на методiku именно полевой археологии. Если, говорил он, «придавать значение только одним вещам, то 2–3 кургана могут вполне удовлетворить исследователей, давши некоторое число вещей. Но чтобы сделать что-либо в краниологии, нужно идти против укоренившегося среди археологов обычая раскопки нескольких курганов и по двум, трем черепам требовать от антропологов заключения о характере племени <...> С другой стороны, для археологов тогда будут иметь значение заключения антропологии, когда они будут основаны на большом материале из одной и той же местности» (там же, стб. 23).

А.П. Богданов активно поддержал вольнопрактикующий медик, начинавший в свое время как врач 3-й конно-артиллерийской бригады, опытный полевик-археолог Василий Николаевич Бензенгр (1815–1891). По его мнению, «с антропологической точки зрения интересны раскопки, не разбросанные по различным пунктам, ничем между собой не соединенным, но произведенные последовательно по пути расположения курганов, что дает возможность проследить связь и отношение крайних курганов такой цепи. Так, западная часть Московской губернии исследована достаточно хорошо в антропологическом отношении, и весьма желательно проследить типы и культуру, найденные здесь, далее на запад, в Смоленской губернии» (там же, стб. 22).

Реплика В.Н. Бензенгра особенно хороша тем, что, если исключить из процитированного текста вводную «с антропологической точки зрения», то аргументы окажутся вполне резонны и с археологической точки зрения. Примечательно также, что В.Н. Бензенгр, принявший активное участие в дискуссии 1881 г., вообще-то весьма скептически относился к каким бы то ни было формализованным рекомендациям в области полевой археологии. Известно, в частности, его откровенное мнение по этому поводу, высказанное в приватном письме к этнографу Филиппу Диомидовичу Нефедову (1838–1902) еще в 1877 г., когда тот приступил к археологическим изысканиям. «Поздравляю Вас с добрым

началом и желаю полного успеха; раскапывайте и разрывайте аккуратно и описывайте все, что нашли; храните отдельно каждую раскопку – а больше никаких наставлений делать нельзя; опыт – самый лучший учитель. Вы еще особенно счастливы, что попали на нетронутые курганы; это сразу Вас приохотит и приучит, как поступать» (Письма..., 1917, с. 28).

В конце концов А.А. Тихомиров вернул спорщиков к запросу В.М. Чебышевой, чем и положил конец дискуссии: прямо ответить на поставленный древностелюбивой дамой вопрос оказалось не так уж сложно (Чебышева, 1886, стб. 24).

Итоги же декабрьской 1881 г. полевой дискуссии подвел *de facto* А.П. Богданов. Ввиду того, что Анатолий Петрович попытался тогда ответить на все резоны оппонентов, сказанное им принципиально важно, а потому я позволю себе процитировать его заключительную речь целиком – так, как она была опубликована в 1886 г. «А.П. Богданов сказал, что, несомненно, предвидеть все, могущие возбудиться в будущем вопросы, нельзя, и поэтому всегда желательно дать возможность проверки и пополнения наших знаний в будущем, но не тем путем, каким предлагает Ю.Д. Филимонов. Оставление курганов нераскопанными, как это показали многие случаи в местностях густо населенных, ведет к тому, что курганы спahiваются и, таким образом, погибают – и для настоящих, и для будущих исследователей. Здесь возможны только охранительные меры против подобных явлений, и если Археологические Общества не составят правил, ограждающих эти памятники старины, и не сумеют провести их в практику, то пожелание Ю.Д. Филимонова – оставлять материал для будущих проверок – скорее вредно, чем полезно.

Но есть другой выход. Во всякой науке существуют два метода: сравнительный и монографический. До сих пор археологи большей частью придерживались первого; очень часто незначительное количество вещей, найденных в различных, весьма удаленных друг от друга местах, сравнивалось, и на этом основывались выводы – что, к сожалению, ведет часто к большим неудобствам. И пока археологи не станут издавать монографических описаний различных групп курганов, в которых бы не была упущена ни одна частности, пока – для центральных, по крайней мере, пунктов – не будет существовать обширной сводки фактов, которая бы дала

право сказать, что мы действительно знаем их, – до тех пор самое сравнение, по недостатку того, с чем сравнивать, может быть только шаткое. Можно указать на пример естественных наук, хотя бы зоологии, где только одно распространение монографий дало возможность составить себе действительно цельное понятие о некоторых группах, относительно которых раньше существовали только ничем не связанные обрывки знаний» (там же, стб. 23, 24).

С А.П. Богдановым вполне был солидарен, на концептуальном уровне, В.А. Городцов. Не имея счастья стать формальным учеником Анатолия Петровича, он вполне усвоил заданную А.П. Богдановым установку на «археологию монографий».

Очевидно, что выборочная раскопка в принципе не может дать сколько-нибудь содержательного представления о памятнике, который археолог лишь слегка затронул своею лопатой и о котором судит впоследствии по внешним, поверхностным (а нередко и случайным) аналогиям. Такая полевая практика естественным образом порождает еще один, не менее грозный в методологическом отношении подводный камень. Причем, этот «камень» столь опасен, что и в начале XX в. о нем считали нужным говорить при каждом удобном случае.

Вот, в частности, как формулировал данную проблему А.В. Селиванов. В своем выступлении на III Областном Историко-Археологическом Съезде во Владимире 23 июня 1906 г. он, в частности, обратил внимание слушателей на «одну и ту же ошибку, которой, по моему мнению, не чужды весьма многие археологи. Эта ошибка заключается в том, что, изучая древности какого-нибудь одного могильника, не распределяют по группам разные могилы с различным содержанием, но изучают могильный инвентарь, относя его ко всем могилам, взятым вместе. Этот ненаучный, как мне кажется, метод приводит к тому, что могильник, существование которого должно быть приурочено к очень длительному продолжению времени, трактуется как бы относящимся к одной эпохе, которая характеризуется многими предметами, в сущности, относящимися к разным эпохам» (Селиванов, 1909, с. 8). Ничего удивительного: когда археолог, ничтоже сумняшеся, судит о содержании «оставшихся нераскопанными могил», еще и не такое может оказаться...

К поставленной им проблеме А.В. Селиванов относился серьезно, а потому, иллюстри-

руя «эту ошибку метода», он счел нужным сослаться не на кого-нибудь из полевиков второго или третьего эшелонов, но прямо на члена Императорской Археологической Комиссии А.А. Спицына (Селиванов, 1909, с. 8). И, не вдаваясь здесь в разбор дискуссии о хронологии курганных могильников Поочья, следует признать, что апелляция Алексея Васильевича именно к А.А. Спицыну была вполне правомерной по существу. Ведь не кто иной, как сам Александр Андреевич довел тогда идею выборочной раскопки до методологического предела, причем сделал это в характерной для него стилистически жесткой манере.

В один год с процитированной выше работой А.В. Селиванова А.А. Спицын писал: «По отношению к археологии систематичность изысканий состоит не в выборе ряда определенных местностей и продолжительном изучении всех без исключения памятников древностей, в них имеющихся, а в выборе отдельных, ясно поставленных тем и в исследовании материала лишь в их тесном кругу» (Спицын, 1908, с. 3). И чуть позже: в археологии научная «система заключается отнюдь не в изучении всех древностей того или другого ограниченного района, а в исследовании немногих определенных памятников древности в пределах возможно обширного пространства» (Спицын, 1910, с. 12, 14). Причем нужно подчеркнуть, что не следует воспринимать эти формулировки как отвлеченное теоретизирование. Неслучайно ведь Императорская Археологическая Комиссия распространяла в то время, при Открытых листах, бланки дневников с заранее отпечатанной схемой погребений, весьма похожей на детскую раскраску. Предполагалось, что археологу достаточно лишь приноровить эту схему к выявленной в поле ситуации: слегка подправить, обозначить ориентировку костяка, пририсовать найденные вещи – и, пожалуй, всё.

В свое время Е.В. Антонова очень хорошо сказала об информативном потенциале погребений: «Из них происходит массовый материал, что позволяет снять случайные признаки и выявить главные тенденции развития» (Антонова, 1998, с. 4). Соответственно, опора на выборочный, «типичный» материал есть сознательный отказ от массового материала. Иначе говоря, допущение частичной раскопки памятника (допущение именно сознательное, запланированное, а не вынужденное внешними обстоятельствами) означает, что исследо-

вателя не интересует памятник собственно как таковой.

Этого исследователя не интересует памятник в его конкретности, памятник как комплекс, как «совокупность признаков», ибо частичных совокупностей не бывает; раскопать часть памятника – это всё равно, что вскрыть часть трупа, отстроить часть дома или стать частично беременной. Частично раскопанный памятник изучен лишь частично. И, строго говоря, такое положение дел есть наихудшее из возможных, ибо незнание, во всяком случае, лучше полу-знания.

Одно дело, когда археолог раскапывает часть памятника, не имея ни времени, ни средств исследовать его целиком. И совсем другое – когда археолог сознательно раскапывает именно часть памятника, приберегая нетронутую часть для «грядущих поколений исследователей». В последнем случае памятник, очевидным образом, не нужен археологу как целое; более того – этот памятник не существует для него как система.

Что же интересует такого исследователя, которому не нужен массовый материал? Его интересует получаемый в ходе раскопок некоторый материал для построения типологических рядов, вплоть до моделирования археологических культур, и не более того. Стоящие за артефактами «совокупности признаков», которые отражают «действительную жизнь» тех, кто оставил эти памятники, в лучшем случае отходят на задний познавательный план, а как правило – вообще перестают приниматься во внимание.

Не следует, однако, представлять дело таким образом, что избирательная, фрагментированная раскопка «типичных» памятников – неизбежное следствие формально-типологического подхода к археологическому материалу. Этого не было и на предыдущем этапе развития науки (достаточно сравнить подходы И.Е. Забелина и графа А.С. Уварова), этого не было и теперь.

ПЕРЕФРАЗИРУЯ Сальвадора Дали, можно сформулировать максимум: «Археолог, копай!». Прекращение раскопок, которое не вынуждено внешними причинами, но обосновывается методологически, на уровне концепции – это конец науки, гибель её.

На исходе XIX в. в России шло становление новой методологии полевых работ. Представления о том, *зачем* копать, т. е. какой именно археологический источник должен появиться в результате полевых изысканий, у многих только ещё формировались. А пото-

му, во-первых, на первый, практический план выходят спасательные работы (но, безусловно, здесь присутствовал и объективный момент, не зависящий от уровня развития науки). Во-вторых, в данном контексте особо

интересны те исследователи, кто уже сформировал понимание основного источника не как археологического комплекса, но как типологического ряда, и, исходя из этого понимания, копал.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонова Е.В. Признаки высокого социального статуса в Месопотамии V–IV тыс. до н.э. // ВДИ. 1998. № 3. С. 3–16.
- Бобринской, гр. А.А. Раскопки в Северо-Западном крае // Отчет ИАК за 1889 год. СПб., 1892. С. 38–53.
- Веселовский Н.И. Отзыв о сочинении А.А. Спицына: Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии (Материалы по археологии Восточных губерний России. Москва, 1893) // ЗРАО. 1896. Т. VIII, вып. 1–2. Нов. серия. Проток. СПб. С. 49–51.
- Городцов В.А. Отчет об археологических исследованиях в долине р. Оки 1897 года // ДТМАО. 1900. Т. XVII. С. 1–37.
- Городцов В.А. Дневник археологических исследований в долине р. Оки, произведенных в 1898 году // ДТМАО. 1901. Т. XVIII. С. 1–28.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М.: ГИС, 1955. (Репринт 2-го изд. 1880–1882).
- Жук А.В. Василий Алексеевич Городцев в рязанский период его жизни, службы и научной деятельности. Омск: ОмГУ, 2005. 535 с.
- Кельсиев А.И. Отчет по раскопкам в Ярославской и Тверской губерниях, произведенных летом 1878 года. V. Некоторые общие выводы // Известия ОЛЕАЭ. 1879. Т. XXXV. С. 53–68.
- Керам К.В. Первый американец. Загадка индейцев доколумбовой эпохи. Пер. с нем. М.В. Воронковской, Н.А. Савинкова. М.: Прогресс, 1979. 336 с.
- Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. Пер. с англ. Ю.А. Асеева. М.: Наука, 1980. 485 с.
- Кузнецов С.К. Отчет об археологических разысканиях в окрестностях города Томска, произведенных летом 1889 года // Труды Томского общества естествоиспытателей. Год I. Томск: Типо-лит. В.В. Михайлова и П.И. Макушина, 1890. С. 153–230, VI табл.
- Мерперт Н.Я. В.А. Городцов и начало изучения раннего бронзового века Каспийско-Черноморских степей // Проблемы изучения древних культур Евразии / Отв. ред. Д.А. Крайнов. М.: Наука, 1991. С. 80–94.
- Пантусов Н.Н. Христианское кладбище близ города Пишпека (Семиреченской области) в Чуйской долине // ЗВОРАО. 1886. Т. I, вып. 2. С. 74–83.
- Письма разных лиц к Ф.Д. Нефедову // ТВУАК. Кн. 17. Владимир, 1917. 80 с.
- Протокол общего очередного собрания Уральского Общества любителей естествознания, 3 сентября 1888 г. // Записки Уральского Общества Любителей Естествознания. Т. XII. Вып. 1. Екатеринбург: Типография И. П. Романова, 1889–1890. С. 59–63.
- Пуятин, кн. П.А. О гончарном искусстве в каменном веке // Известия Императорского Русского географического общества. Т. XX. 1884. / Под ред. А.В. Григорьева. СПб.: Типография Суворина, 1885. С. 280–309.
- Пуятин, кн. П.А. Воспоминания // Русская Старина. 1887, январь. С. 107–132.
- Пуятин, кн. П.А. Воспоминания // Русская Старина. 1888. март. С. 695–731.
- Сабанеев Д.А. Анализ шлаков из коллекции князя П. Пуятина // Труды Комиссии по производству химико-технических анализов древних бронз. Вып. 1. СПб.: Тип. Арт. журн., 1882. С. 24–26.
- Савельев П.С. Старинные доспехи, найденные в сопках Новгородской губернии // ЗРАО. 1852. Т. IV. СПб. С. 10–15.
- Самоквасов Д.Я. Могильные древности Пятигорского округа // Труды V археологического съезда в Тифлисе в 1881 г. М. 1887. С. 39–60.
- Селиванов А.В. О древнейшем населении Приокского района, предшествовавшем славянской колонизации // Труды III областного историко-археологического съезда, бывшего в г. Владимире 20–26 июня 1906 года. Владимир, 1909. 15 с. о.п., XIV табл.
- Смирнов К.А. Новые данные о почитании топора древними славянами // СА. 1977. № 3. С. 289–290.
- Спицын А.А. Археологические разведки. СПб.: Тип. Глав. упр. уделов, 1908. 96 с.
- Спицын А.А. Археологические раскопки. СПб.: Тип. Глав. упр. уделов, 1910. 127 с.

Фармаковский Б.В. Н.И. Веселовский – археолог // ЗВОРАО. Т. 25. Пг., 1921. С. 359–386.

Фелицын Е.Д. Описание дольмена станицы Баговской (Кубанской области, Майкопского уезда) // Известия ОЛЕАЭ. 1879. Т. XXXV. С. 26–29.

Хвойко В.В. Каменный век Среднего Приднепровья // Труды XI археологического съезда в Киеве в 1899 г. Т. I. М., 1901. С. 736–812.

Чебышева В.М. Ораскопках курганов в Смоленском уезде // Протоколы заседаний Антропологического отделения имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии с 4 декабря 1881 г. по 1886-й год. М.: ОЛЕАЭ, 1886. Стб. 14–24.

Информация об авторе:

Жук Александр Владиленович, кандидат исторических наук, независимый исследователь (г. Омск, Россия); zelionaya.liagushka@yandex.ru

REFERENCES

- Antonova, E. V. 1998. In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* (3). 3–16 (in Russian).
- Bobrinsky, A. A. 1892. In *Otchety Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii za 1889 g. (Reports of the Imperial Archaeological Commission for 1889)*. Saint Petersburg, 38–53 (in Russian).
- Veselovsky, N. I. 1896. In *Zapiski Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Proceedings of Russian Archaeological Society)* VIII (1–2). Saint Petersburg, 49–51 (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 1900. In *Drevnosti. Trudy Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva (Antiquities. Proceedings of the Moscow Archaeological Society)* 17, 1–37 (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 1901. In *Drevnosti. Trudy Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva (Antiquities. Proceedings of the Moscow Archaeological Society)* 18, 1–28 (in Russian).
- Dahl, V. I. 1955. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka (Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language)* in Vol. 1–4. Moscow. (in Russian).
- Zhuk, A. V. 2005. *Vasilii Alekseevich Gorodtsov v rязanskij period ego zhizni, sluzhby i nauchnoi deiatel'nosti (Василий Алексеевич Городтцев в рязанский период его жизни, службы и научной деятельности)*. Омск: Omsk State University (in Russian).
- Kelsiev, A. I. 1879. In *Izvestiia Obshchestva liubiteli estestvoznaniia, antropologii i etnografii pri Moskovskom universitete (Bulletin of the Society of Devotees of Natural Science, Anthropology and Ethnography at Moscow University)* XXXV, 53–68 (in Russian).
- Keram, K. V. 1979. *Pervyi amerikanets. Zagadki indeitsev dokolumbovoi epokhi (First American. The Mystery of the Pre-Columbian Indians)*. Moscow: "Progress" Publ. (in Russian).
- Collingwood, R. G. 1980. *Idea istorii. Avtobiografiia (The Idea of History An Autobiography)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Kuznetsov, S. K. 1890. In *Trudy Tomskogo obshchestva estestvoispytatelei (Proceedings of the Tomsk Society of Naturalists)* I. Tomsk: V. V. Mikhailov, P. I. Makrushin, 153–230 (in Russian).
- Merpert, N. Ya. 1991. In Krainov, D. A. (ed.). *Problemy izucheniia drevnikh kul'tur Evrazii (Issues of Studying Ancient Cultures of Eurasia)*. Moscow: "Nauka" Publ., 80–94 (in Russian).
- Pantusov, N. N. 1886. In *Zapiski Vostochnogo otdeleniia Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Proceedings of the Oriental Branch of the Imperial Russian Geographic Society)*. I (2). Saint-Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 74–83 (in Russian).
1917. *Pis'ma raznykh lits k F.D. Nefedovu (Letters to F. D. Nefedov by Various Persons)*. In (*Trudy Vladimirovskoi uchenoi arkhivnoi komissii*) Proceedings of the Vladimir Academic Archival Commission 17, 1–80 (in Russian).
- 1889–1890. In *Zapiski Ural'skogo Obshchestva Liubiteli Estestvoznaniia (Notes of the Urals Society of Devotees of Natural Science)* 12 (1). Ekaterinburg: "I. P. Romanov" Publ., 59–63 (in Russian).
- Putyatin, P. A. 1885. In Sreznevskiy, V. I. (ed.). *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva (Proceedings of the Imperial Russian Geographical Society)* 20. Saint Petersburg: Suvorin Tipografy, 280–309 (in Russian).
- Putyatin, P. A. 1887. In *Russkaia Starina (Russian Antiquity)*. January, 107–132 (in Russian).
- Putyatin, P. A. 1888. In *Russkaia Starina (Russian Antiquity)*. March, 695–731 (in Russian).
- Sabanev, D. A. 1882. In *Trudy Komissii po proizvodstvu khimiko-tehnicheskikh analizov drevnikh bronz (Proceedings of the Committee for the Production of Chemical and Technical Analysis of Ancient Bronze)*. Saint Petersburg, 24–26 (in Russian).
- Savel'ev, P. S. 1852. In *Zapiski Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Proceedings of Russian Archaeological Society)* IV. Saint Petersburg, 10–15 (in Russian).

Samokvasov, D. Ya. 1887. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevianko A. P. (eds.). *Trudy V arkheologicheskogo s"ezda v Tiflise v 1881 g* (Proceedings of the 5th Archaeological Congress in Tiflis in 1881). Moscow, 39–60 (in Russian).

Selivanov, A. V. 1909. In *Trudy III oblastnogo istoriko-arkheologicheskogo sezda, byvshego v g. Vladimire 20–26 iunia 1906 goda* (Proceedings of the 3rd Regional Historical and Archaeological Congress held in Vladimir on June 20–26, 1906). Vladimir (in Russian).

Smirnov, K. A. 1977. In *Sovetskaia Arkheologiya* (Soviet Archaeology) (3), 289–290 (in Russian).

Spitsyn, A. A. 1908. *Arkheologicheskie razvedki* (Archaeological Surveying). Saint Petersburg (in Russian).

Spitsyn, A. A. 1910. *Arkheologicheskie razvedki* (Archaeological Surveying). Saint Petersburg (in Russian).

Farmakovskiy, B. V. 1921. In *Zapiski Vostochnogo otdeleniia Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva* (Proceedings of the Oriental Branch of the Imperial Russian Geographic Society). 25. Petrograd, 359–386 (in Russian).

Felitsyn, E. D. 1879. In *Izvestiia Obshchestva liubitelei estestvoznaniia, antropologii i etnografii pri Moskovskom universitete* (Bulletin of the Society of Devotees of Natural Science, Anthropology and Ethnography at Moscow University) XXXV, 26–29 (in Russian).

Samokvasov, D. Ya. 1887. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevianko A. P. (eds.). *Trudy XI arkheologicheskogo s"ezda v Kieve v 1899 g.* (Proceedings of the 11th Archaeological Congress in Tiflis in 1899). 1. Moscow, 736–812 (in Russian).

Chebyshev, V. M. 1886. In *Protokoly zasedanii Antropologicheskogo otdeleniia imperatorskogo Obshchestva liubitelei estestvoznaniia, antropologii i etnografii s 4 dekabria 1881 g. po 1886-i god* (Minutes of the Meetings of the Anthropological Department of the Imperial Society of the Devotees of Natural Science, Anthropology, and Ethnography from December 04, 1881, to 1886). Moscow: Bulletin of the Society of Devotees of Natural Science, Anthropology and Ethnography at Moscow University, 14–24 (In Russian).

About the Author:

Zhuk Aleksandr V. Candidate of Historical Sciences. Independent researcher. Omsk, Russian Federation; zelionaya.liagushka@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2021 г.
Статья принята к публикации 01.10.2021 г.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ Н.П. КОНДАКОВА В ПРАГЕ И ЕГО СВЯЗИ С ВЕНГЕРСКИМИ УЧЕНЫМИ

© 2021 г. М.В. Ковалев

Статья посвящена истории интеллектуальных взаимодействий Археологического института имени Н.П. Кондакова в Праге, созданного усилиями русских эмигрантов, и венгерских исследователей. В статье реконструируются магистральные направления этих контактов, связанные, главным образом, с именами Н. Феттиха и Д. Моравчика, анализируются взгляды русских ученых на венгерскую археологию, обрисовываются поля сотрудничества. Автор делает акцент, что и русским эмигрантам, и их венгерским коллегам пришлось взаимодействовать в сложную и противоречивую эпоху, связанную с последствиями Первой мировой войны и крушения империй. В заключении делается вывод о высокой результативности российско-венгерских научных контактов. Регулярный научный информационный обмен в межвоенную эпоху, отмеченную политической и экономической нестабильностью, нарастанием международных противоречий, имел огромное значение.

Ключевые слова: история археологии, археологический институт имени Н.П. Кондакова, история археологии, историография, российско-венгерские связи, Н. Феттих, Д. Моравчик, Д.А. Расовский.

KONDAKOV ARCHAEOLOGICAL INSTITUTE IN PRAGUE AND ITS RELATIONSHIP WITH HUNGARIAN SCIENTISTS

M.V. Kovalev

The paper is dedicated to the history of intellectual interactions of Kondakov Archaeological Institute in Prague founded by Russian émigrés and Hungarian researchers. It reconstructs the main directions of these contacts, mainly associated with the names of N. Fettich and Gy. Moravcsik, analyses the views of Russian scientists on Hungarian archaeology, and outlines the fields of cooperation. The author emphasizes that both Russian émigrés and their Hungarian colleagues had to interact in a difficult and contradictory epoch associated with the consequences of the First World War and the collapse of empires. It is concluded that the Russian-Hungarian scientific contacts are highly effective. Regular exchange of scientific information in the interwar period, marked by political and economic instability, and the growth of international contradictions were of great importance.

Keywords: history of archaeology, Kondakov Archaeological Institute, history of archaeology, historiography, Russian-Hungarian relations, N. Fettich, Gy. Moravcsik, D. A. Rasovsky.

Среди многочисленных русских эмигрантских научных организаций, возникших в межвоенной Чехословакии, Археологическому институту имени Н.П. Кондакова по праву отводится особое место. Хотя сегодня уже имеется широкий круг исследований об этом уникальном объединении, немало сторон его работы требуют специального изучения, например, международные контакты. Их осмысление дает возможность не только оценить статус российской эмигрантской науки в ученом мире, но также соотношение национального и интернационального в развитии научного знания в бурные межвоенные годы, пути и способы личных и деловых коммуникаций, воздействие на исследования идеологии и политики.

Предшественником Археологического института, как известно, был Семинарий, возникший весной 1925 г. стараниями учеников и последователей академика Н.П. Конда-

кова, скончавшегося в Праге 17 февраля 1925 г. С самого начала работы Семинария его сотрудниками была создана разветвленная сеть контактов с коллегами из разных стран (Германия, Великобритания, Франция, Румыния, Болгария и др.). Особое место в этой системе научных коммуникаций заняли венгерские ученые

Уже в первые годы работы Семинария была налажена пересылка в Прагу ведущих венгерских археологических журналов – «Archaeologia Hungarica» и «Archaeologiai Értesítő». Свои издания также посылали Национальный музей в Будапеште, Венгерская академия наук и Сегедский университет (Отчет о работах, 1928, с. 379, Отчет о работах, 1929, с. 330). Однако за подобными действиями должны были стоять конкретные люди. Е.Ю. Басаргина называет имя венгерского археолога Нандора Феттиха (1900–1971) в числе первых иностранных ученых, сделав-

ших научный доклад в пражском Семинарии (Басаргина, 2004, с. 779). И, действительно, 15.01.1926 г. Феттих выступил с сообщением «Древности Венгрии в эпоху переселения народов по новым находкам» (Отчет о работах, 1926, с. 297, 298). Тогда же в Праге он получил возможность личного знакомства с русскими учеными-эмигрантами. Факт близости к кондаковцам засвидетельствован и тем, что Феттих был в числе зарубежных авторов, приглашенных к участию в памятном сборнике в честь Н.П. Кондакова. Молодой ученый оказался среди признанных международных авторитетов (В.Н. Златарски, Н. Йорга, Г. Милле, А. Муньоз, М.И. Ростовцев и др.). Феттих подготовил статью о зверином стиле в искусстве евразийских кочевников (Fettich, 1926), в которой актуализировал значение работ российских археологов для данной проблемы. Вместе с тем он говорил о важности включения в сравнительные исследования археологических материалов, найденных на территории Венгрии. Феттих был убежден, что их анализ способен сильно изменить картину истории Великого переселения народов и расширить представления о межкультурных взаимодействиях в раннем средневековье. Конечная мысль статьи была предельно созвучна построениям Н.П. Кондакова и его последователей: «Заимствования в кочевом искусстве не говорят о его бедности. Ценность кочевого искусства не всегда заключается в оригинальности его мотивов, но создание индивидуальных форм искусства и способ, которым эти формы получают содержание, вот что является оригинальным и что отличает искусство отдельных кочевых народов друг от друга» (Fettich, 1926, с. 92).

Деловые контакты быстро переросли в личные. Не без поддержки Феттиха состоялась научная командировка в Будапешт в декабре 1926 – январе 1927 г. членов кондаковского Семинария Николая Петровича Толля (1894–1985) и Николая Михайловича Беляева (1899–1930) (Отчет о работах, 1927, с. 341). Целью их поездки было знакомство с богатыми археологическими коллекциями Национального музея, в том числе с материалами, привезенными из России в конце XIX в. в ходе экспедиций графа Енё Зичи. Несмотря на немногочисленность артефактов, большая часть которых происходила из Сибири, коллекция представляла явный научный интерес. Для русских эмигрантов, оторванных от родных мест, знакомство с «русскими древностями» теперь было возможно в Будапеште. Приме-

чательно, что в январе 1929 г. Толль снова посетил венгерскую столицу для занятий в Национальном музее, где вновь встречался с Феттихом (Отчет о работах, 1929, с. 330). Для Толля знакомство с венгерскими коллекциями сыграло важную роль в подготовке статьи о минусинских бронзовых кинжалах из собрания графа Зичи, тип которых ранее изучался немецким археологом Геро фон Мергартом (Toll, 1929). В августе 1931 г. Толль повторно побывал в Будапеште, где при поддержке Феттиха вновь работал с коллекциями Национального музея (KK. Coll. 230. Tallgren A.M. Vox 3). Известно письмо венгерского ученого (17.02.1927) главе кондаковского Семинария Александру Петровичу Калитинскому (1879–1946). Вместе с ним он пересылал фотографию фибулы с изображением императора Константина I, приобретенной Национальным музеем в 1912 г. (OD ÚDU AV ČR. AINPK. KI-30. Fettich N.). Калитинский и его коллеги в то время как раз занимались изучением фибул, происходивших из Византии и ее восточно-христианских провинций. Пражские музейные собрания не располагали нужным археологическим материалом, но зато он имелся в Будапеште. В 1929 г. Беляев в первой части своих «Очерков по византийской археологии» благодарил Феттиха за «многочисленные услуги по доставке фотографий, справок о памятниках Венгерск[ого] Нац[ионального] Муз[ея]», в частности, за знакомство с важной для него археологической находкой – доньшком фибулы из Дунасекесё (Dunaszekeső) в комитате Баранья (Baranya) (Беляев, 1929, с. 81, 82, 98).

Сотрудничество Феттиха с русскими учеными также выразилось в публикации ряда научных работ в Праге. Уже во втором выпуске «Seminarium Kondakovianum» он опубликовал статью о серебряной готской пряжке из собрания Национального музея, которая в 1927 г. была приобретена у антикварного торговца, и увязана с местечком Сабадбатьянь (Szabadbattyán) (Fettich, 1928). Феттих сделал вывод, что описываемый им предмет демонстрирует влияние позднееримских традиций на варварское искусство, и что дает возможность говорить о культурных взаимодействиях на широких просторах Евразии. Эта идея как нельзя лучше соотносилась с научной программой кондаковцев.

В 1929 г. Семинарий положил начало книжной серии «Скифика» (ΣΚΥΘΙΚΑ). В первом выпуске была издана работа М.И. Ростовцева «Срединная Азия, Россия, Китай и звериный

стиль», а во втором – исследование Феттиха о бронзовом литье в кочевом искусстве (Fettich, 1929). Появление книги венгерского археолога в этой серии, да еще вслед за работой всемирно известного ученого, свидетельствует о глубоком признании его авторитета. Не случайно профессор Калитинский, перечисляя в письме к Ю.Н. Рериху в сентябре 1931 г. лиц, особо близких Семинарию, привел имена М.И. Ростовцева, С.А. Жебелёва, Э. Миннза, Г. Милле, Л. Нидерле, А.М. Тальгрена и Н. Феттиха (Росов, 1999, с. 116). Присутствие венгерского археолога в одном ряду с признанными классиками истории и археологии говорит о многом.

Названная книга Феттиха содержала подробное описание бронзовых предметов из древневенгерских могильников, причем в их неразрывной связи с древностями Юга России, Сибири, Средней Азии и Монголии. Большинство описанных предметов – пряжки или украшения для ремней, содержавшие сцены битвы животных и листованный орнамент. Феттих показывал глубокие культурные заимствования из Азии и проводил параллели с бронзовыми находками из Минусинской котловины. На эту работу ответил благожелательной рецензией Ю.Н. Рерих (Roerich, 1931). Ему особенно импонировала идея культурной связи описанных материалов с кочевыми культурами Центральной Азии, а также аналогии с находками в России. Заслуживает внимание тот факт, что кондаковцы пропагандировали работу Феттиха и пересылали ее коллегам, в том числе в СССР. Так, в мае 1931 г. книга была отправлена в Саратовский университет с явным осознанием того, что она заинтересует местных археологов (Ковалев, 2019, с. 541).

В 1931 г. в той же серии «Скифика» увидела свет новая работа Феттиха, написанная им в соавторстве с археологом Дюлой Ре (1871–1936) (Rhé, Fettich. 1931). В ней были представлены результаты раскопок могильника у сел Юташ (Jutas) и Эшкю (Öskü), предпринятых в 1920-х гг. Авторы полагали, что имеют дело с самым древним захоронением на территории Венгрии, сохранившим черты взаимодействия монголоидов и западногерманских племен. Новаторство работы заключалось в том, что это было первое венгерское сравнительное исследование антропологического и археологического материала. Авторы акцентировали внимание на том, что сделанные находки позволяют пролить новый свет на характер Кёстхейской культуры, отразив-

шей в себе смешение романских, славянских и аварских начал. Феттих ценил эту свою работу и заранее анонсировал коллегам ее издание, как, например, в письме к финскому коллеге А.М. Тальгрену в июне 1930 г. (KK. Coll. 230. Tallgren A.M. Box 3.) или британскому археологу Э. Миннзу в октябре того же года (Cambridge University Library: Manuscripts. MINNS. Add. 7722. Box 1. Folder F.N. Fettich). В одной из рецензий на труд Феттиха и Ре подчеркивалась его важность для венгерской археологии и дальнейшего изучения Великого переселения народов, а также сам факт публикации в кондаковской серии «Скифика» (A történelem világa, 1931, 64. old.).

В числе других венгерских ученых, завязавших тесные контакты с русской Прагой, назовем Дюлу Моравчика (1892–1972), хотя он был не археологом, а византиноведом. Моравчик оказался идейно близок кондаковцам своим перекрестным подходом к византийской истории и попытками увидеть в ней взаимодействие разных культурных начал. В письме Калитинскому (27.06.1930) венгерский исследователь говорил, что работает в той области знания, где приоритет российских ученых неоспорим, а потому он «связан узко с русской наукой» (OD ÚDU AV ČR. AINPK. KI–14. Moravcsik G.).

Моравчик регулярно сообщал русским ученым о новостях венгерской исторической науки, пропагандировал их работы у себя на родине, знакомил с венгерскими коллегами, работавшими в смежных областях. Он же помогал в обмене научными изданиями. Без подобной поддержки научные исследования были затруднены. Например, Д.А. Расовский сетовал в письме Моравчику (18.10.1934), что ему «из Праги очень трудно следить за мадьярской литературой» (OD ÚDU AV ČR. AINPK. KI–14. Moravcsik G.). Обмен велся не только изданиями по византиноведению. Так, в мае 1939 г. Моравчик запрашивал русских пражан: нет ли у них книги М.И. Артамонова «Средневековые поселения на Нижнем Дону». В 1931 г. в «Seminarium Kondakovianum» была опубликована статья Моравчика о происхождении цикакия – византийского костюма для верховой езды (Моравчик, 1931).

И Феттиху, и Моравчику в числе первых иностранцев было предложено стать действительными членами Археологического института имени Н.П. Кондакова, который возник после реорганизации Семинария в 1931 г. Моравчик новость воспринял воодушевленно, сообщив в Прагу: «Я очень рад, что

таким образом я еще сильнее связан с русской наукой» (OD ÚDU AV ČR. AINPK. KI-14. Moravcsik G.). Феттих тоже словно вторил ему: «С глубочайшей благодарностью и удовольствием я принимаю любезное послание Института о моем избрании в качестве научного члена Кондаковского института. На масштабные научные усилия Кондаковского института, или, соответственно, Кондаковского семинария, я всегда смотрел с восхищением» (OD ÚDU AV ČR. AINPK. KI-13. Fettich N.).

Среди кондаковцев ближе всего к венгерской тематике находился Дмитрий Александрович Расовский (1902–1941), ставший в 1930 г. ученым секретарем Семинария. Подчеркнем, что Расовский – не археолог. Его исследования основывались в первую очередь на интерпретации письменных, а не материальных источников. В круг его научных интересов входили евразийские кочевники: печенеги, торки, берендеи, половцы и др. Не мог он обойти и древних венгров. В начале 1930-х гг. Расовский работал над большой статьей о печенегах, торках и берендеях на Руси и в Венгрии (Расовский, 1933).

Осмысление подобных сюжетов требовало погружения в венгерскую научную литературу. В письме к Моравчику (24.05.1933) Расовский обращал внимание, что из всех европейских стран только в Венгрии и Болгарии ведется исследование истории евразийских кочевников (OD ÚDU AV ČR. AINPK. KI-14. Moravcsik G.). Наблюдение, в целом, верное. Перед болгарской и венгерской наукой стояло немало схожих задач, причем разрешались они на основе личных и деловых контактов ученых (Пейковска, 2003). Известно, что Расовский брался специально изучать венгерский язык (OD ÚDU AV ČR. AINPK. KI-14. Moravcsik G.), однако судить о конкретных успехах в этом направлении не представляется возможным. Тем не менее, доподлинно известно, что работы венгерских авторов Расовский знал, ссылаясь на них, а порой и полемизировал.

Он не мог пройти мимо исследования историка, члена-корреспондента Венгерской академии наук Иштвана Дьярфаша (1822–1883) об истории ясов и кунов (Gyárfás, 1870–1885). Отдавая должное своему предшественнику, Расовский все же отмечал, что его книга морально устарела. К числу подобных работ отнес он и исследования Яноша Ернея (1800–1855), стремившегося доказать парфянские истоки венгерского народа и локализовавшие

го легендарную Леведию в Северном Причерноморье и Приазовье (Jerney, 1851). Тем не менее, Расовский справедливо признавал, что труды и Дьярфаша, и Ернея, и иных современников открыли дорогу к другим, более углубленным исследованиям. Они послужили фундаментом для работ Белы Кошшани, Дюлы Немета, Золтана Гомбоца, Дюлы Чебе, Яноша Мелиха и др. Расовский особенно выделял сравнительно-лингвистические исследования венгерских коллег, расширение ими источниковой базы исследований, в частности, скрупулезный анализ сообщений о евразийских кочевниках византийских и восточных авторов. Расовский, например, принял версию Кошшани о тождестве узов в изображении византийских авторов с торками из русских летописей (Kossányi, 1924). Видимо желая внести и свой вклад в разработку подобных сюжетов, Расовский высказал гипотезу, что упоминавшиеся в венгерских источниках «Béreny» скорее всего являются берендеями. Правда, он был осторожен в догадках, а потому 2.12.1932 г. обратился за консультацией к Моравчику (OD ÚDU AV ČR. AINPK. KI-14. Moravcsik G.), а впоследствии (16.07.1933) написал и Феттиху, выразив мысль о важности изучения «печенежско-берендейского» археологического материала в Венгрии (OD ÚDU AV ČR. AINPK. KI-13. Fettich N.). Увы, мы не знаем, что ответил Феттих. Моравчик же переадресовал вопрос Расовского тюркологу Ласло Рашони (1899–1984). Тот ознакомился с доводами Расовского и указал на источниковедческие ошибки, которые привели русского ученого к неправильным выводам. Он выразил сомнения, что имя венгерских «Berény» служило общим названием берендеев, однако допустил, что подобные этнонимы были связаны с тюркским присутствием в венгерских землях. Свои выводы он отразил в статье для «Seminarium Kondakovianum» (Rásonyi, 1933)¹. Расовский принял критику венгерского коллеги и впоследствии сослался на его работу (Расовский, 1936, с. 163). Показательно, что общение Рашони с кондаковцами выльется в публикацию еще одной его работы в Праге – статьи об этнонимах в «Слове о полку Игореве» (Rásonyi, 1936). Помимо упомянутых Феттиха, Моравчика и Рашони в кондаковских изданиях опубликовал свою статью историк архитектуры Ференц Вамош (1895–1969). Его работа была посвящена реконструкции так называемого «дворца Аттилы», в архитектуре которого, по мысли автора, переплетались элементы культуры

оседлых иранцев и кочевников Центральной Азии (Vámos, 1932).

Если посмотреть на содержание изданий Семинария/Института, то можно заметить большой интерес к венгерской научной литературе и у других кондаковцев, например, у археолога Беляева. Так, в своих исследованиях о византийских фибулах он часто пользовался известным исследованием Йожефа Хампеля (1849–1913) «Древности раннего средневековья в Венгрии» (Hampel, 1905). Уместно напомнить, что в свое время названный труд высоко оценил Н.П. Кондаков, посчитавший его «замечательным и, в своем роде, образцовым» (Кондаков, 1906, с. 446). Однако в 1920–1930-е гг. это исследование явно требовало дополнений и уточнений. Так, И. Фодор заметил, что найденные в Венгрии гуннские материалы Хампель идентифицировал как сарматские, германские, а иногда и аварские. В 1920-х гг. эти ошибки стали очевидны, благодаря исследованиям Андраша Алфёльди (1885–1981) и Н. Феттиха гуннских памятников в Венгрии (Фодор, 2017, с. 269; Комар, 2013, с. 88). Таким образом, в межвоенный период наблюдался пересмотр ряда положений Хампеля, хотя труд его по-прежнему сохранял научную значимость. Тот же Беляев подверг ревизии представление венгерского ученого о фибуле из детского могильника в Кёстхее, отказавшись признать изображенную на ней сцену Благовещением, и доказывая, что данный иконографический сюжет называется «Слава Креста» и имеет палестинское происхождение (Беляев, 1929, с. 72).

Среди иных свидетельств глубокого интереса кондаковцев к работам венгерских коллег – обзоры их исследований и рецензии, которые регулярно печатались на страницах институтских изданий. Так, Толль и Расовский в публикации 1931 г. высоко оценили работы Гёзы Фехера (1890–1955) (Fehér, 1930), назвав его «лучшим знатоком надписей мадарского всадника» (Толль, Расовский, с. 296). Екатерина Николаевна Клетнова (1869–1938), разбирая публикации в «*Eurasia Septentrionalis Antiqua*», обратила внимание на статью Лайоша Бартуца (1885–1966) об остеологическом материале из могильника в Кёрёшладани (Körösladány) (Bartucz, 1930), где, по мнению венгерского ученого, были погребены монголоиды, но с большой примесью германской и славянской кровей. Клетнова же отметила исследование Феттиха (Fettich, 1930) о сравнении найденных поясных наконечников и пряжек из Перниё Тиинела в Южной Финлян-

дии, сделанных Тальгреном, с находками из Кёрёшладани в Восточной Венгрии (Клетнова, 1931, с. 299).

Рецензии Евгения Ивановича Мельникова (1909–?) касались работ Фехера и Немета. Первый из них активно занимался в ту пору эпохой Первого Болгарского царства, в культуре которого он стремился выявить сплетение сасанидских и эллинистических элементов. Ему удалось изучить множество различных по характеру объектов: от прото-болгарских пограничных валов в Бессарабии до Мадарского всадника, от руин Преслава до рунических памятников. Мельников, отмечая смелость постановки многих вопросов, тем не менее критиковал некоторую надуманность авторских построений (Мельников, 1933, с. 330). Исследовательскую смелость похвалил Мельников и при оценке исследования Немета о Надьсентмиклошском кладе. Венгерский ученый с начала 1920-х гг. стремился пересмотреть общепринятые датировку и происхождение клада, а именно: показать, что он – не болгарский, а печенежский, и что относится к 900–920 гг. Немет пытался реконструировать тюркские надписи на предметах клада, переведя их как «чаша», «дар», «сосуд для питья» и др. Мельников счел работу интересной, поскольку она направляла решение надьсентмиклошского вопроса по новому пути, однако не согласился с методами расшифровки рунических надписей (Там же, с. 244).

Гораздо сложнее оценить, какие отражения находило творчество кондаковцев в венгерской научной среде. Разумеется, отсылки к трудам ученых-эмигрантов и кондаковским изданиям в целом можно найти в работах тесно сотрудничавших с ними Феттиха, Моравчика, отчасти у Вамоша и Алфёльди. Однако встречаются они и у других венгерских исследователей, в чем можно убедиться даже при беглом просмотре ведущего археологического журнала «*Archaeologiai Értésítő*» (Nagy, 1931, 271. old.; Radnóti, 1939, 159. old.; Jankó, 1939, 132. old.).

Конец 1930-х гг. оказался непростым в жизни Археологического института имени Н.П. Кондакова. К проблемам финансирования и оттока кадров добавились трудности межличностных отношений. Когда в 1937 г. о своей поддержке Институту заявил югославский принц Павел, и когда возникла перспектива перевода организации в Белград, среди русских ученых начались серьезные разногласия. Венгерские коллеги внимательно

сводили за положением дел, но ни на одну из сторон конфликта, как видно из документов, не вставали. Гораздо больше интересовали их перспективы продолжения научной работы кондаковцев. Еще более серьезным ударом стала Вторая мировая война. Наладить работу Кондаковского института в Белграде оказалось крайне трудно. О тяжелых условиях Расовский писал в Будапешт Моравчику (30.11.1939): «Мы скоро предполагаем издать XI-й том Института. Работать по изданию журнала стало очень трудно. На всех наших сотрудниках отражается война. Грабяр призван во Францию и несет службу радио-переводчика на военном корабле (он, ведь, во Франции “специалист” по немецкому языку); Андреев из Праги не может прислать нам своей рукописи, так как она застряла в цензурном комитете, и т.д. При таких условиях международное сотрудничество чрезвычайно трудно! Начали печатать книгу на английской бумаге, а теперь ее нет во всей Югославии!» (MTA Könyvtár. Gy. Moravcsik, Ms. 1233/755).

6 апреля 1941 г. при немецкой бомбардировке Белграда был разрушен дом, в котором размещался Кондаковский институт. Расовский и его супруга погибли, а вместе с ними была уничтожена часть богатой библиотеки. Деятельность Института вновь сосредоточилась в Праге. В начале июня 1941 г. оттуда Моравчику сообщили о начале подготовки XII-го тома «*Seminarium Kondakovianum*» и пригласили к участию в нем (OD ÚDU AV ČR. AINPK. KI-14. Moravcsik G.). Феттиху об этом сообщили еще 17 апреля (OD ÚDU AV ČR. AINPK. KI-13. Fettich N.). Сборник, впрочем, так и не был собран. В трагических условиях войны такое предприятие было изначально обречено. Последнее известное письмо на имя Феттиха, написанное от имени директора Института Николая Ефремовича Андреева (1908–1982), датировано 30 декабря 1942 г. Оно было кратким по содержанию: лишь благодарность за присылаемые работы и поздравление с Новым годом (OD ÚDU AV ČR. AINPK. KI-13. Fettich N.). Иных свидетельств о дальнейших контактах Феттиха с русскими коллегами не имеется.

После Второй мировой войны была сделана попытка возродить в Праге полноценную работу Археологического института имени Н.П. Кондакова. Его новый директор, профессор Антоний Васильевич Флоровский (1884–1968), развил в этом направлении бурную деятельность, но успехом она не увенчалась. В июле 1951 г. Флоровский с грустью написал

Моравчику в Будапешт: «Институт Кондакова находится в состоянии анабиоза в силу разных обстоятельств» (MTA Könyvtár. Gy. Moravcsik, Ms. 1233/251). Несмотря на все, институт был закрыт (Аксенова, 1993).

Попытаемся ответить на вопрос: какие же факторы способствовали интеллектуальному сближению венгерских ученых и их русских эмигрантских коллег в межвоенный период? Думается, что причин было несколько. Конечно, двухсторонние научные контакты имели богатую историю. Еще в XIX в. венгерские ученые совершали научные поездки в Россию в поисках прародины венгров. Между российскими и венгерскими археологами и этнографами складываются общие поля научных интересов. В Венгрии становятся хорошо известны работы российских специалистов, в частности, Н.П. Кондакова. Сам он, к слову, высоко оценивал работы венгерских коллег (Кондаков, 1906, с. 447). Таким образом, интеллектуальное сближение русских ученых-эмигрантов и их венгерских коллег имело под собой уже хорошо подготовленную почву. Обратим внимание на тот факт, что ближе всего с кондаковцами сотрудничали те венгерские ученые, кто хорошо знал русский язык, следил за российской наукой, интересовался русской культурой. Те же венгерские ученые, кто таких связей и душевных привязанностей, не имел, ограничивались лишь эпизодическими контактами, как в случае с Алфёльди (OD ÚDU AV ČR. AINPK. KI-12. Alföldi A.).

Сделаем акцент и на общий фон развития контактов в межвоенный период. Первая мировая война ознаменовалась не только глубокими политическими потрясениями и перекройкой границ, но резким изменением интеллектуального ландшафта. Распад Австро-Венгерской, Германской, Российской и Османской империй предопределил создание национальных научных школ, которые оказались включенными в процессы образования новых государств и конструирования их идентичностей. В межвоенный период археология оказалась вплетена в общественно-политический контекст (Детлова и др., 2020, с. 189). И русских ученых-эмигрантов, и их венгерских коллег в некотором смысле роднило печальное чувство потери Родины и крушения прежнего мира. По условиям Трианонского договора 1920 г. Венгрия лишилась 2/3 своей территории и 60% населения. Почти все венгерские общества любителей древностей и археологии, существовавшие на оттор-

гнутой территории, оказались закрыты. Венгерское общество переживало глубокую травму. В прошлом начинают искать лекарство от безрадостного настоящего. Феттих в статье о зверином стиле сделал ремарку, что хотя евразийские кочевники растворились в глубинах истории, венгры уже тысячу лет проживают в Европе, тем самым доказав свою жизнеспособность. Он писал о нынешних «смутных временах», которые, несомненно, пройдут. Но эти же времена должны дать венграм возможность задуматься о своем прошлом и увидеть в нем надежду на возрождение (Fettich, 1926, с. 81).

Формирование русского научного центра в межвоенной Праге – это тоже прямое следствие переломных исторических событий – Перовой мировой войны, революции 1917 г., Гражданской войны и русского исхода. Переживаемые потрясения изменили профессиональный и социальный статус ученых, разрушив привычный жизненный уклад. Что касается ученых-археологов, то отрыв от Родины означал для них отрыв от раскопок и археологических коллекций, то есть он практически лишал возможности полноценной научной работы. Конечно, нет никакого смысла утверждать, что русские эмигрантские ученые и их венгерские коллеги сблизились на фоне схожих исторических травм, и что объединяла их боль за Родину или тоска по славному прошлому. Однако их жизненный мир несомненно нес на себе печать пережитых потрясений. Не случайно венгерский журнал «Литература» в 1931 г. поведал читателям, что большевики сделали академика Кондакова, «отца русской археологии», лицом без гражданства, и что чужая страна – Чехословакия – подарила ему и его последователям возможность продолжения научной работы (A történelem világa, 1931, 64. old). Таким образом, напряженная атмосфера межвоенного времени несомненно повлияла и на условия работы русских эмигрантских ученых и их венгерских коллег, и на систему их личных и деловых коммуникаций.

Оценить плодотворность сотрудничества между кондаковцами и их венгерскими коллегами в современной системе координат не так-то просто. Конечно, возникает соблазн упрекнуть их за нереализованные возможности взаимодействия. Например, остается непонятным, почему никто из кондаков-

цев не пытался опубликовать свои работы в Венгрии, тем более что тематика ряда исследований вполне вписывалась в местный историографический контекст. Не будем забывать, что при посредничестве того же Феттиха в 1928 г. был опубликован перевод на венгерский язык статьи П.С. Рыкова о раскопках на Узе и Суве (Rykov, 1928), а в 1935 г. – параллельный немецкий и венгерский перевод книги А.А. Захарова и В.В. Арендта о Леведии (Zaharov, Arendt, 1935). При этом сами венгерские ученые довольно активно публиковались в кондаковских изданиях, причем, как в случае с Моравчиком, даже на русском языке. Однако стоит посмотреть на опыт взаимодействия под иным углом. Если мы примем во внимание один лишь масштаб книгообмена, то взаимная полезность контактов уже не вызывает никаких сомнений. В 1920–1930-е гг. по политическим причинам не существовало официального книгообмена между Венгрией и СССР, научные контакты между ними были минимальными, в то время как в Праге имелась возможность получать советскую научную литературу. В то же время Феттих оказался в числе тех немногих зарубежных археологов, кто смог, несмотря на многочисленные преграды, посетить СССР (в 1926 и 1935 гг.) (Ковалев, Шереш, 2019). Его русские коллеги из Праги такой возможности, конечно, были лишены. Подобные парадоксы были неотъемлемой частью европейской интеллектуальной жизни межвоенного периода. Таким образом, и венгры, и русские эмигранты, и советские ученые оказывались вовлечены в сложную сеть коммуникаций, в которой интеллектуальные посредничества играли весьма заметную роль. Регулярный научный информационный обмен в межвоенную эпоху, отмеченную политической и экономической нестабильностью, нарастанием международных противоречий, имел колоссальное значение. Для кондаковцев оказалось важным, что тот же Феттих сумел помочь им с доступом к венгерским археологическим коллекциям, снабжал их необходимыми фотографиями музейных экспонатов, что тот же Моравчик наводил мосты между русской Прагой и венгерскими учеными. Таким образом, российско-венгерский интеллектуальный диалог в зеркале деятельности Археологического института имени Н.П. Кондакова выглядит вполне масштабным и результативным.

Примечание:

¹ Эти вопросы продолжают волновать и современных венгерских исследователей. См. подробнее (Szabó, 2016).

ЛИТЕРАТУРА

Аксенова Е.П. Институт им. Н.П. Кондакова: попытки реанимации (по материалам архива А.В. Флоровского) // Славяноведение. 1993. № 4. С. 63–74.

Детлова Е.В., Ковалев М.В., Кузьминых С.В., Наглер А.О. Распад империй и судьбы европейской археологии: размышления о конференции в Госларе // РА. 2020. № 1. С. 188–191.

Беляев Н.М. Очерки по византийской археологии // *Seminarium Kondakovianum*. 1929. Т. III. С. 49–132.

Клетнова Е.Н. *Eurasia Septentrionalis Antiqua*, том V. Helsinki, 1930 // *Seminarium Kondakovianum*. 1931. Т. IV. С. 298–300.

Ковалев М.В. Саратовский университет и Археологический институт имени Н.П. Кондакова в Праге: к истории взаимоотношений (1928–1936) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19. № 4. С. 537–546.

Ковалев М.В., Шереш А. Венгерский археолог Нандор Феттих и его связи с русскими учеными-эмигрантами // Славяноведение. 2019. № 4. С. 24–36.

Комар А.В. Комплекс из Макартета и ритуальные памятники гуннского времени // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов / Отв. ред. С.Г. Боталов. Челябинск: Рифей, 2013. С. 88–109.

Кондаков Н.П. Рец.: Гампель. «Древности Венгрии». 1905 // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1906. Т. XI. Кн. 4. С. 446–466.

Мельников Е. Fehér Géza. A bolgár-török műveltség emlékei és Magyar őstörténeti vonatkozásaik. Les monuments de la culture protobulgare et leurs relations hongroises // *Seminarium Kondakovianum*. 1932. Т. V. С. 329–330.

Мельников Е. J. Németh. Die Inschriften des Schazes von Nagy-Szent-Miklós. Mit zwei Anhängen: I. Die Sprache der Petschenegen und Komanen. II. Die ungarische Kerbschrift // *Seminarium Kondakovianum*. 1933. Т. VI. С. 244.

Моравчик Ю. Происхождение слова TZITZAKION // *Seminarium Kondakovianum*. 1931. Т. IV. С. 69–76.

Отчет о работах Семинария имени Н.П. Кондакова (*Seminarium Kondakovianum*) в Праге за первый год его существования (по 17 февраля 1926 г.) // Сборник статей, посвященных памяти Н.П. Кондакова. Прага: *Seminarium Kondakovianum*, 1926. С. 297–298.

Отчет о работах Семинария имени Н.П. Кондакова (*Seminarium Kondakovianum*) за второй год его существования (по 17 февраля 1927 г.) // *Seminarium Kondakovianum*. 1927. Т. I. С. 339–341.

Отчет о работах Семинария имени Н.П. Кондакова (*Seminarium Kondakovianum*) за третий год его существования (по 17 февраля 1928 г.) // *Seminarium Kondakovianum*. 1928. Т. II. С. 377–379.

Отчет о работах Семинария имени Н.П. Кондакова (*Seminarium Kondakovianum*) за четвертый год его существования (по 17 февраля 1929 г.) // *Seminarium Kondakovianum*. 1929. Т. III. С. 328–330.

Пейковска П. Предговор // Унгарски учени за България. XIX в. – средата на XX вв. / сост. Пейковска П. София: Отечество – София, 2003. С. 7–24.

Расовский Д.А. Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии // *Seminarium Kondakovianum*. 1933. Т. VI. С. 1–65.

Расовский Д.А. Половцы. II. Расселение половцев // *Seminarium Kondakovianum*. 1936. Т. VIII. С. 161–182.

Росов В.А. Семинариум Кондаковианум. Хроника реорганизации в письмах. 1929–1932. СПб.: б.и., 1999. 165 с.

Фодор И. К вопросу о погребальном обряде гуннов Восточной и Центральной Европы // Труды III Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй» / Ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдилов. Владивосток: Дальнаука, 2017. С. 267–272.

Bartucz L. Die Skelettreste von Körösladány // *ESA*. 1930. Vol. 5. S. 66–73.

Cambridge University Library: Manuscripts. MINNS. Add. 7722. Box 1. Folder F. N. Fettich.

Fehér G. Le titre des khans bulgares d'après l'inscription du cavalier de Madara // *L'art byzantine chez les Slaves. Les Balkans. Premier recueil dédié à la mémoire de Théodore Uspenskij*. Paris: P. Geuthner, 1930. P. 3–8.

Fettich N. Die Tierkampfscene in der Nomadenkunst // Сборник статей, посвященных памяти Н.П. Кондакова. Прага: *Seminarium Kondakovianum*, 1926. С. 81–92.

Fettich N. Eine Gotische Silberschale im Ungarischen Nationalmuseum // *Seminarium Kondakovianum*. 1928. T. II. C. 105–111.

Fettich N. Bronzeguss und Nomadenkunst auf Grund der ungarländischen Denkmäler mit einem Anhang von L. Bartucz über die anthropologischen Ergebnisse der Ausgrabungen von Mosonszentjános, Ungarn. Prag: Seminarium Kondakovianum, 1929. 96 s.

Fettich N. Über die ungarländischen Beziehungen der Funde ksp. Perniö, Tyynelä, Südwestfinnland // *ESA*. 1930. Vol. 5. S. 52–65.

Gyárfás I. A jász-kunok története. Kecskemét: Nyomatott Szilády Károlynál, 1870. I. kötet. 614. old.; 1873. II. kötet. 488. old.; Szolnok: Nyomatott Bakos Istvánnál, 1883. III. kötet. 796. old.; Budapest: Nyomatott Neuwald Illés könyvnyomdájában, 1885. IV. kötet. 438. old.

Hampel J. Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn. Braunschweig: Druck und Verlag von Friedrich und Son, 1905. Bd. I. 856 s.; Bd. II. 1006 s.; Bd. III. 580 s.

Jankó L. A pápai avarkori sírleletek // *AE*. 1939. 52. kötet. 124–141. old.

Jerney J. Jerney János keleti utazása a magyarok őshelyeinek kinyomozása végett 1844 és 1845. Pest: A Szerző Tulajdona, 1851. I. köt. 332. old.; II. köt. 320. old.

Kansalliskirjasto. Käsikirjoituskokoelmat. Coll. 230. Tallgren A.M. Box 3.

Kossányi B. Az úzok és kománok történetéhez a XI–XII. században // *Századok*. 1924. 58. évf. 1–6. sz. 519–537. old.

MTA Könyvtár. Gy. Moravcsik.

Nagy L. Római régiségek Dunaszekcsőről // *AE*. 1931. 45. kötet. 267–271. old.

OD ÚDU AV ČR. AINPK. KI–12. Alföldi A.

OD ÚDU AV ČR. AINPK. KI–13. Fettich N.

OD ÚDU AV ČR. AINPK. KI–14. Moravcsik G.

Radnóti A. Római kutatások Ságváron // *AE*. 1939. 52. kötet. 148–164. old.

Rhé Gy., Fettich N. Jutas und Öskü: zwei gräberfelder aus der völkerwanderungszeit in Ungarn mit einem anthropologischen anhang von L. Bartucz. Prag: Seminarium Kondakovianum, 1931. 90 s.

Roerich G. N. Fettich: Bronzeguss und Nomadenkunst auf Grund der ungarländischen Denkmäler mit einem Anhang von L. Bartucz über die anthropologischen Ergebnisse der Ausgrabungen von Mosonszentjános, Ungarn // *Jornal of Urusvati Himalayan Research Institute*. 1931. Vol. I. № 1. P. 94–96.

Rásonyi L. Der Volksname берендей // *Seminarium Kondakovianum*. 1933. T. VI. C. 219–226.

Rásonyi L. Les noms de tribus dans le «Слово о полку Игореве» // *Seminarium Kondakovianum*. 1936. T. VIII. C. 293–299.

Rykov P.S. Aknasír a Sinowjewka (Petrowi kerület, Saratow-i kormányzóság) falu melletti dombban // *AE*. 1928. 42. kötet. 225–228. old.

Szabó J.B. «Magrebiták», úzok – «kunok», berendek és besenyők: Egy XII. századi keleti betelepülés nyomában // *Hadtörténelmi Közlemények*. 2016. 129. évf. 1. sz. 148–159. old.

Toll N.P. Bronzedolche der Samlung Zichy // *ESA*. 1929. Vol. IV. S. 183–188.

Toll, N. P., Rasovskii, D. A. L'art byzantine chez les Slaves. Les Balkans. Premier recueil dédié à la mémoire de Théodore Uspenskij. Paris, Paul Geuthner, 1930 // *Seminarium Kondakovianum*. 1931. T. IV. C. 296–298.

A történelem világa: Rhé, Gyula, und Fettich, Nándor: Jutas und Öskü // *Literatura – Beszámoló a Szellemi Életről*. 1931. VI. évf. 1. szám. 64. old.

Vamos F. Attilas Hauptlager und Holzpaläste // *Seminarium Kondakovianum*. 1932. T. V. C. 145–146.

Zaharov A.A., Arendt V.V. Studia Levedica: Regeszeti adatok a magyarság IX századi fortenehez. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 1935. 80 s.

Информация об авторе:

Ковалев Михаил Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, Архив РАН (г. Москва, Россия); kovalevmv@yandex.ru

REFERENCES

- Aksenova, E. P. 1993. In *Slavianovedenie (Slavic Studies)*. 4. 63–74. (in Russian).
- Detlova, E. V., Kovalev, M. V., Kuzminykh, S. V. 2020. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (1), 188–191 (in Russian).
- Belyaev, N. M. 1929. In *Seminarium Kondakovianum*. III, 49–132 (in Russian).

- Kletnova, E. N. 1931. *Seminarium Kondakovianum*. IV, 298–300 (in Russian).
- Kovalev, M. V. 2019. In *Izvestiia Saratovskogo universiteta (Proceedings of the Saratov University. New Series)* 19 (4). 537–546 (in Russian).
- Kovalev, M. V., Seres, A. 2019. In *Slavianovedenie (Slavic Studies)*. 4. 24–36. (in Russian).
- Komar, A. V. 2013. In Botalov, S. G. (ed.). *Gunnskiy forum. Problemy proiskhozhdeniya i identifikatsii kul'tury evraziyskikh gunnov (Huns Forum (Issues of Origin and Identification of the Eurasian Hun Culture))*. Chelyabinsk: "Rifey" Publ., 88–109 (in Russian).
- Kondakov, N. P. 1906. In *Izvestiia Otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk (Bulletin of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences)* Vol. XI. Book. 4, 446–466 (in Russian).
- Mel'nikov, E. 1932. In *Seminarium Kondakovianum*. V, 329–330. (in Russian)
- Mel'nikov, E. 1932. In *Seminarium Kondakovianum*. VI, 244. (in Russian)
- Moravcsik, Gy. 1931. In *Seminarium Kondakovianum*. IV, 69–76 (in Russian).
1926. *Otchet o rabotakh Seminarii imeni N.P. Kondakova (Seminarium Kondakovianum) v Prage za pervyi god ego sushchestvovaniia (po 17 fevralja 1926 g.) (Report on the Activities of the Seminary named after N. P. Kondakov (Seminarium Kondakovianum) in Prague during the First Year of its Existence (until February 17, 1926))*. In *Sbornik statei, posviashhennykh pamiati N.P. Kondakova (Collection of Papers in Memory of N. P. Kondakov)*. Praga: Seminarium Kondakovianum, 297–298 (in Russian).
- In 1927. *Seminarium Kondakovianum*. I, 339–341 (in Russian).
- In 1928. *Seminarium Kondakovianum*. II, 377–379 (in Russian).
- In 1929. *Seminarium Kondakovianum*. III, 328–330 (in Russian).
- Peikovska, P. 2003. In Peikovska, P. (comp.). *Ungarski ucheni za Blgariia. XIX v. – sredna na XX vv. (Hungarian Scientists on Bulgaria. 19th - Mid-20th Centuries.)*. Sofia: "Otechestvo –Sofia" Publ., 7–24 (in Bulgarian).
- Rasovskii, D. A. 1933. In *Seminarium Kondakovianum*. VII, 1–65 (in Russian).
- Rasovskii, D. A. 1936. In *Seminarium Kondakovianum*. VIII, 161–182 (in Russian).
- Rosov, V. A. 1999. *Seminarium Kondakovianum. Khronika reorganizatsii v pis'makh. 1929–1932 (Seminarium Kondakovianum. Хроника реорганизации в письмах. 1929–1932.)*. Saint Petersburg (in Russian).
- Fodor, I. 2017. In Kradin, N. N., Sitdikov, A. G. (eds.). *Trudy III Mezhdunarodnogo kongressa srednevekovoi arkheologii evraziyskikh stepei "Mezhdru Vostokom i Zapadnom: dvizhenie kul'tur, tekhnologii i imperii" (Proceedings of 3rd International Congress on Medieval Archaeology of Eurasian Steppes "Between the East and the West: Movements of Cultures, Technologies and Empires")*. Vladivostok: "Dal'nauka" Publ., 267–272 (in Russian).
- Bartucz L. 1930. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. 1930. Vol. 5. 66–73. (in German)
- Cambridge University Library: Manuscripts. MINNS. Add. 7722. Box 1. Folder F. N. Fettich.
- Fehér G. 1930. In *L'art byzantine chez les Slaves. Les Balkans. Premier recueil dédié à la mémoire de Théodore Uspenskij*. Paris: P. Geuthner, 3–8 (in French).
- Fettich, N. 1926. In *Sbornik statei, posviashhennykh pamiati N.P. Kondakova (Collection of Papers in Memory of N. P. Kondakov)* Praga: Seminarium Kondakovianum, 81–92 (in German).
- Fettich, N. 1928. In *Seminarium Kondakovianum*. IV, 296–298. (in German).
- Fettich, N. 1929. *Bronzeguss und Nomadenkunst auf Grund der ungarländischen Denkmäler mit einem Anhang von L. Bartucz über die anthropologischen Ergebnisse der Ausgrabungen von Mosonszentjános, Ungarn*. Prag: Seminarium Kondakovianum. (in German)
- Fettich, N. 1930. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Vol. V. 52–65 (in German).
- Gyárfás I. A jász-kunok története. Kecskemét: Nyomatott Szilády Károlynál, 1870. I. kötet. 614. old.; 1873. II. kötet. 488. old.; Szolnok: Nyomatott Bakos Istvánnál, 1883. III. kötet. 796. old.; Budapest: Nyomatott Neuwald Illés könyvnyomdájában, 1885. IV. kötet. 438. old.
- Hampel, J. 1905. *Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn*. Braunschweig: Druck und Verlag von Friedrich und Son, Bd. I. 856 s.; Bd. II. 1006 s.; Bd. III. 580 s. (in German)
- Jankó, L. 1939. In *Archaeologiai Értesítő*. 52. 124–141 (in Hungarian)
- Jerney J. Jerney János keleti utazása a magyarok őshelyeinek kinyomozása végett 1844 és 1845. Pest: A Szerző Tulajdona, 1851. I. köt. 332. old.; II. köt. 320. old. (in Hungarian)
- Kansalliskirjasto. Käsikirjoituskokoelmat. Coll. 230. Tallgren A.M. Box 3.
- Kossányi, B. 1924. In *Századok*. 58/1–6, 519–537.

MTA Könyvtár. Gy. Moravcsik.

Nagy, L. 1931. In *Archaeologiai Értesítő*. 45. 267–271 (in Hungarian).

OD ÚDU AV ČR. AINPK. KI–12. Alföldi A.

OD ÚDU AV ČR. AINPK. KI–13. Fettich N.

OD ÚDU AV ČR. AINPK. KI–14. Moravcsik G.

Radnóti, A. 1939. In *Archaeologiai Értesítő*. 52. 148–164.

Rhé, Gy., Fettich, N. 1931. *Jutas und Öskü: zwei gräberfelder aus der völkerwanderungszeit in Ungarn mit einem antropologischen anhang von L. Bartucz*. Prag: Seminarium Kondakovianum.

Roerich, G. 1931. In *Jornal of Urusvati Himalayan Research Institute*. Vol. I. № 1, 94–96 (in German).

Rásonyi, L. 1933. In *Seminarium Kondakovianum*. VI, 219–226 (in German)

Rásonyi, L. 1936. In *Seminarium Kondakovianum*. VIII, 293–299 (in German)

Rykov, P. S. 1928. In *Archaeologiai Értesítő*. 42. kötet. 225–228.

Szabó, J. B. 2016. In *Hadtörténelmi Közlemények*. 129. évf. 1. sz. 148–159. old.

Toll, N. P. 1929. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Vol. IV. 183–188 (in German).

Toll, N. P., Rasovskii, D. A. 1931. In *Seminarium Kondakovianum*. IV, 296–298 (in Russian).

A történelem világa: Rhé, Gyula, und Fettich, Nándor: Jutás und Öskü // Literatura – Beszámoló a Szellemi Életről. 1931. VI. évf. 1. szám. 64. old.

Vamos, F. 1932. In *Seminarium Kondakovianum*. V, 145–146 (in German).

Zaharov, A. A., Arendt, V. V. 1935. *Studia Levedica: Regeszeti adatok a magyarsag IX szazadi fortenekehez*. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum.

About the Author:

Kovalev Mikhail V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. Leninsky Prospekt 32A, Moscow, 119334, Russian Federation; Archive of the Russian Academy of Sciences. Novochemushinskaya, Str. 32A, Moscow, 117218, Russian Federation; kovalevmv@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2021 г.
Статья принята к публикации 01.10.2021 г.

УДК: 902-028.42(091)

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.5.68.74>

ДОЛГИЙ ПУТЬ ОДНОЙ ОБОБЩАЮЩЕЙ РАБОТЫ (О ПОДГОТОВКЕ «ОЧЕРКОВ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ УКРАИНЫ» В ИНСТИТУТЕ АРХЕОЛОГИИ АН УССР)

© 2021 г. С.В. Палиенко

Статья посвящена истории написания «Очерков древней истории Украинской ССР» – первой обобщающей работы, подготовленной сотрудниками киевского Института археологии АН УССР. Начатая в 1948 году и запланированная на два года, она затянулась на восемь лет, сама же книга была издана только в 1957. Тексты несколько раз переделывались, иногда писались заново уже другими авторами. Поэтому можно выделить несколько этапов создания книги: 1948–1950 – первоначальная подготовка текстов; 1951–1952 – первое исправление, связанное с выходом статьи И.В. Сталина; 1953–1955 – полная переделка работы, обусловленная сменой концепции в сторону большей историчности. Это также повлекло изменения и в структуре издания. Помимо влияния политики ещё одной причиной задержки стали просчёты руководства ИА АН УССР в организации работы.

Ключевые слова: история археологии, советская археология, ИА АН УССР, Очерки древней истории Украинской ССР, конец 1940-х – 1950-е гг.

THE LONG JOURNEY OF A SUMMARY PUBLICATION (ON THE PREPARATION OF THE “OUTLINES OF ANCIENT HISTORY OF UKRAINE” AT THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY OF THE UKRAINIAN SSR ACADEMY OF SCIENCES)

S.V. Palienko

The paper presents the history of writing the “Outlines of Ancient History of the Ukrainian SSR” - the first summary publication written by the specialists of the Institute of Archaeology of the Ukrainian SSR Academy of Sciences in Kiev. The work began in 1948. It was planned to continue for two years, but extended to eight, and the book was only published in 1957. The texts were edited several times and even rewritten by other authors. Therefore, the process can be subdivided into three stages: 1948-1950 – initial writing of the texts; 1951-1952 - the first correction of the texts related to the publication of J.V. Stalin’s article; 1953-1955 – complete rewriting of the book due to a change in the concept to make it more historical. It also resulted in changes in the structure of the publication. Besides politics, the delay was caused by managerial faults of the administration of the Institute of Archaeology of the Ukrainian SSR Academy of Sciences.

Keywords: history of archaeology, Soviet archaeology, Institute of Archaeology of the Ukrainian SSR Academy of Sciences, Outlines of Ancient History of the Ukrainian SSR, late 1940s - 1950s.

Обычно внимание историков археологии сосредоточено на истории институций и биографистике, а также на истории полевых исследований и историографии той или иной научной проблемы, в то время как процесс создания археологами крупных обобщающих работ до сих пор практически оставалась вне поля зрения исследователей. Особенно это касается истории украинской археологии. А между тем сотрудники Института археологии АН УССР (НАН Украины) неоднократно принимали участие в работе над фундаментальными изданиями, решая при этом большое количество как научных, так и организационных проблем, и прошлый опыт во многом может оказаться полезным и сегодня.

Первым таким обобщающим трудом в послевоенные годы для киевских археологов стали «Очерки древней истории Украинской ССР» (укр. «Нариси стародавньої історії Української РСР»), изданные в 1957 г. Однако этому предшествовали почти десять лет напряженной работы, о которой мало кто сегодня знает.

Необходимо отметить, что история послевоенной советской археологии является до сих пор плохо изученной, в отличие от межвоенного периода и археологии Российской империи. Так, общим тенденциям развития археологической науки во второй половине 1940-х – 1950-е гг. посвящен раздел монографии О.С. Свешниковой (2009, с. 38–57), в общих чертах

советская археология этого периода рассматривается в известной книге Л.С. Клейна (1993). Что же касается археологии Украины, то о деятельности Института археологии АН УССР в эти годы речь идёт в разделе монографии, посвященной его истории, где «Очерки» лишь упоминаются (Абашина, Колесникова, 2015, с. 51). Единственным автором, непосредственно затронувшим в своих статьях упомянутую выше книгу 1957 г., является А.В. Бузько. В трёх её публикациях (две в соавторстве) речь идёт о работе М.И. Вязьмитиной над так и неопубликованным «Искусством Скифии», являющимся одним из подразделов «Итогов историко-археологического исследования Украины» – первоначальной версии «Очерков» (Бузько, Саенко, 2016; Бузько, Саенко, 2018; Бузько, 2018).

Таким образом, история написания «Очерков древней истории Украинской ССР» до сих пор не была объектом специального исследования. Поэтому данная статья имеет целью заполнить эту лакуну и на основе архивных материалов рассмотреть в общем, как создавался данный труд сотрудниками ИА АН УССР. В качестве источников автор использовал ежегодные отчёты о деятельности Института с 1948 по 1955 гг. из Научного архива ИА НАН Украины.

Итак, в 1948 г. в Киеве началась работа над плановой темой «Итоги историко-археологического исследования Украины», изначально рассчитанной на 2 года и предполагавшей создание первого курса древнейшей истории народов на территории УССР на основании археологических источников. Однако при этом также ставилась задача составления картотеки наиболее значительных археологических памятников Украины, где каждый из них необходимо было занести на отдельную карточку с указанием его основных данных и соответствующей литературы. За 1948 год по Институту было подготовлено 5437 карточек. Также планировалось, что в течение того года по теме должен быть завершён сбор материала и написаны первые варианты текстов по каждому разделу – сводки археологического материала. Эти сводки затем должны лечь в основу окончательных текстов с историческим синтезом и выводами, которые будут окончены в 1949 году (Отчёт..., 1948, л. 3–4, 11).

В результате план был выполнен на 85%. Как указано в Отчёте, полностью выполнено 28 отдельных сводок археологических памятников, 9 сводок выполнено в основном, 8

сводок не выполнено (в тексте отчёта указано 7, но в списке разделов – 8). Причинами этого, по мнению авторов отчёта, было то, что при составлении плана не была учтена сложность и трудоёмкость работы по сбору разбросанных по музейным собраниям и разным изданиям археологических источников, без чего данные сводки составить невозможно. Однако, учитывая, что тема является переходящей на 1949 г., задержка не должна отразиться на сроках её выполнения – несделанное должно быть представлено в течение первой четверти следующего года (Отчёт..., 1948, л. 11, 35).

Приведём также структуру работы по разделам с указанием авторов:

Раздел I. Становление и первые этапы развития общества на территории УССР (палеолит) (В.Н. Даниленко, М.Я. Рудинский, А.П. Черныш, И.Ф. Левицкий, А.В. Добровольский).

Раздел II. Становление и развитие древневарварских обществ на территории УССР (эпипалеолит, неолит) (В.Н. Даниленко, А.В. Добровольский, Н.П. Амбургер, Судаков).

Раздел III. Проблемы происхождения варварских древнеземледельческих и скотоводческих племен на территории УССР (В.Н. Даниленко, М.Л. Макаревич).

Раздел IV. История древнеземледельческих и скотоводческих племен на территории УССР (Е.Ф. Лагодовская, М.Л. Макаревич).

Раздел V. Племенные образования на территории УССР скифского и сарматского времени (И.В. Фабрициус, Е.Ф. Покровская, В.А. Ильинская, Т.Г. Оболдуева).

Раздел VI. Античные поселения на территории УССР (Причерноморье) (Л.М. Славин, Ф.М. Штительман, Л.Д. Дмитров).

Раздел VII. Проблема этногенеза восточных славян (И.М. Самойловский, Е.В. Махно, М.Ю. Смишко, Ф.В. Копылов, М.Ю. Брайчевский, В.К. Гончаров, С.А. Семенов-Зусер).

Раздел VIII. Основные вопросы истории и культуры древнерусского населения (Д.И. Блитель, Д.Т. Березовец, Р.И. Выежаев, А.А. Ратич, В.П. Кравец, В.А. Гук, В.И. Долженко).

Раздел IX. Возникновение и развитие древнерусского города (В.А. Богусевич, В.К. Гончаров, И.Д. Старчук, И.Г. Пеленский, В.И. Долженко).

Раздел X. Кочевые племена степи территории УССР (И.М. Самойловский).

Больше всего невыполненных сводок было у В.Н. Даниленко – 4 (1 – в соавторстве, причем соавтор был уволен), ещё 2 у Д.И.

Блифельда и по одной – у В.К. Гончарова и Л.Д. Дмитрова (Отчёт..., 1948, л. 4–11).

В 1949 году работа над «Итогами» была продолжена, в Отчёте за соответствующий год указано, что закончено выполнение текстов по всем запланированным разделам. Однако в списке разделов отмечено, что на 1 кв. 1950 года перенесено завершение работ по написанию исторического очерка в рамках темы «Киевская Русь XI–XIII вв.» в связи с занятостью автора, В.И. Долженка, по другой теме, а также по написанию подраздела «Быт и искусство древней Руси» в связи с болезнью автора – В.А. Богусевича (Отчёт..., 1949, л. 16). При этом до 01.07.1950 г. продлили и всю работу над изданием в целом. На следующий год была запланирована подготовка к печати: авторская работа, картографирование, иллюстрирование, внутреннее обсуждение и рецензирование, а также первоначальное редактирование (Отчёт..., 1949, л. 3).

В Отчёте за 1949 год структура работы указана дважды: один раз приводится расширенный перечень разделов и подразделов с авторами в самом тексте отчёта, а второй раз названия разделов перечисляются в «Акте проверки выполнения институтом тематических планов в 1949 г.», который также представлен в данном архивном деле. Причём некоторые названия отличаются. Разделы и их авторы перечислены ниже, при этом в скобках указано название из Акта, если оно отличается от приведённого ранее:

Раздел I. Становление и первые этапы развития человеческого общества на территории УССР (Эпоха дикости на территории УССР) (В.Н. Даниленко, А.П. Черныш).

Раздел II. Становление и развитие ранневарварских обществ на территории УССР (Ранневарварские матриархальные общества на территории УССР) (В.Н. Даниленко, Н.П. Амбургер, А.В. Добровольский).

Раздел III. Варварские племена периода матриархата и становление патриархата на территории УССР (Е.К. Черныш, М.Л. Макаревич, В.Н. Даниленко).

Раздел IV. Патриархальные племена средней ступени варварства на территории УССР (Е.Ф. Лагодовская, С.Н. Одинцова, А.В. Добровольский, М.Л. Макаревич вместе с Львовским отделом, П.И. Завада, Ю.Н. Захарук).

Раздел V. Племенные образования скифского и сарматского времени на территории УССР (С.А. Семенов-Зусер, И.В. Фабрициус, Е.Ф. Покровская, В.А. Ильинская, А.А.

Фенин, А.И. Тереножкин, Л.М. Славин, Ф.М. Штительман, М.Ф. Болтенко, Л.Д. Дмитров, М.И. Вязьмитина, Т.Г. Оболдуева).

Раздел VI. Античные поселения на территории УССР (Причерноморье) (Л.М. Славин, Л.Д. Дмитров, М.Ф. Болтенко).

Раздел VII. Население территории УССР в I тысячелетии н. э. (Л.М. Славин, Т.Г. Оболдуева, М.Ю. Смишко, И.М. Самойловский, Е.В. Махно, М.Ю. Брайчевский)

Раздел VIII. Древняя Русь (В.А. Богусевич, Д.И. Блифельд, Д.Т. Березовец, В.К. Гончаров, В.И. Долженко, М.Ю. Брайчевский, Р.И. Выезжаев, И.М. Самойловский, А.А. Ратич).

Раздел IX. Важнейшие древнерусские города на территории УССР по археологическим данным (Древнерусские города на территории УССР) (В.И. Долженко, Д.И. Блифельд, С.М. Кузнецова, Л.М. Каленская, В.А. Богусевич, Ф.Б. Копылов, В.К. Гончаров, И.Д. Старчук) (Отчёт..., 1949, л. 3–19, 58).

Однако в следующем 1950 году работа над «Итогами» не завершилась, а срок её окончания вновь сдвинули на 1951 год. Согласно Отчёту за 1950 г., тогда была выполнена запланированная авторская работа по составлению отдельных недостающих текстов и проведено первоначальное редактирование и их сведение в общие тексты по разделам. При этом объем рукописей превышал 120 п. л., вместо 60 запланированных. Отдельные тексты и общие вопросы работы по теме обсуждались на заседаниях отделов и Ученого совета Института (Отчёт..., 1950, л. 7). Также были выявлены и недостатки. В частности, оказалось, что тексты части разделов выполнены с недостаточным использованием имеющихся фактических материалов и без согласования с текстами других разделов, из-за чего потребовалась их значительная переработка, а иногда и замена текстами других авторов. Кроме этого, к ряду разделов не были готовы археологические карты (Отчёт..., 1950, л. 23).

Несмотря на то, что Институт отчитывался о почти полной готовности, работу над «Итогами историко-археологического изучения УССР» завершить не удалось и в 1951 году. Но в этот раз свою роль сыграла политика, так как после выхода статьи И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» в ИА АН УССР началась кампания по перестройке работы. В частности, в Отчёте речь идёт о сделанном в течение года: *«Выполненные ранее тексты коллективного обобщающего труда «Итоги историко-археологического изучения УССР» перерабатывались и пере-*

рабатываются в соответствии с новыми сталинскими указаниями. Это касается, прежде всего, вопросов периодизации истории первобытного общества, происхождения и истории восточного славянства, формирования феодальных отношений и государства у них и т. п. <...>» (Отчёт..., 1951, л. 1). Там же было сказано и о недостатках, которыми, в частности, было то, что «гениальные указания товарища И.В. Сталина, изложенные в его труде «Марксизм и вопросы языкознания», в «Итогах» применены ещё мало». Помимо этого, как выяснилось, ряд текстов требует значительных сокращений и редактирования, часть сводок материалов до сих пор не закончена, а отдельные тексты нуждаются в переработке, так как не отвечают поставленным требованиям. Также проблемой было то, что подготовленные рукописи не обсуждались не только на Учёном совете, но и иногда даже на отделах (Отчёт..., 1951, л. 6).

Для исправления сложившейся ситуации Институт запланировал на 1 квартал 1952 года обсуждение подготовленных текстов по всем разделам, а также совместно с ИИМК АН СССР проведение конференции по вопросам обсуждения «Итогов историко-археологического изучения УССР» и экспедиционных работ на территории великих строек коммунизма на юге УССР (Отчёт..., 1951, л. 13).

VI научная конференция Института археологии Украинской ССР, «посвященная 2-й годовщине выхода в свет гениальных трудов И.В. Сталина по вопросам языкознания и итогам археологических исследований на территории Украинской ССР за последние годы», проходила в Киеве с 3 по 7 июня 1952 г., где были доложены и обсуждены отдельные разделы «Итогов». Помимо этого, в течение 1952 г. велась работа по составлению отдельных обобщающих текстов и сводок археологических материалов (археологических карт) по ряду глав, а также проводилось обсуждение законченных глав и разделов на заседаниях отделов и Ученого совета. Но в результате, из-за больших и срочных работ по проведению археологических исследований на юге УССР, сроки окончания были вновь перенесены, в этот раз – на 1953 г. (Отчёт..., 1952, л. 4–6).

В 1953 г. название «Итоги историко-археологического изучения УССР» было изменено на «Очерки древней истории Украинской ССР». Для ускорения завершения работы индивидуальные темы всех авторов из плана 1953 г. были сняты и перенесены на 1954 год.

Так как профиль труда был изменён в сторону усиления общей историчности, то коллективу пришлось переработать все созданные ранее тексты и значительно их сократить. Решением Президиума АН УССР от 05.06.1953 № 22 объем работы был уменьшен с 75 до 40 п. л. Были скорректированы структура работы и названия разделов:

1. Палеолит территории Украинской ССР.
2. Неолит территории Украинской ССР.
3. Эпоха меди-бронзы на территории Украинской ССР.
4. Территория Украинской ССР в скифо-сарматское время.
5. Античные города на территории Украинской ССР.
6. Древние славяне.
7. Киевская Русь.
8. Древнерусские города на территории Украинской ССР.

В Отчёте за 1953 г. имеется и список исполнителей: П.П. Ефименко, И.Г. Шовкопляс, В.Н. Даниленко, А.В. Добровольский, Е.Ф. Лагодовская, М.Я. Рудинский, А.И. Тереножкин, В.А. Ильинская, М.И. Вязьмитина, Л.М. Славин, М.Ю. Брайчевский, В.И. Довженко, Д.И. Блитель, В.А. Богусевич.

Новые тексты по всем разделам были подготовлены на основе переработки и сокращения выполненных ранее, они обсуждались в отделах и вновь дорабатывались согласно сделанным замечаниям. Уже исправленные тексты были направлены на внешнее рецензирование на кафедры археологии и древней истории Киевского и Харьковского университетов, а также в отдел археологии Института общественных наук Львовского филиала АН УССР, кроме того, они вторично обсуждались и на заседаниях отделов Института (Отчёт..., 1953, л. 3, 11–12).

К концу 1953 года по разделам 4, 5, 6, 7 была полностью завершена авторская и начата редакторская работа, которую планировали закончить в течение января 1954 г. На этот же срок было намечено окончание доработки текстов после дополнительного обсуждения по разделам 1, 2, 3, а также их редактирование. При этом выяснилось, что тексты раздела 8 «Древнерусские города на территории Украинской ССР», а также отдельные тексты из раздела 7 «Древняя Русь» («Русь и кочевники» и «Культура Киевской Руси»), автором которых являлся заведующий отделом славянской археологии В.А. Богусевич, выполнены некачественно. Они не были приняты Отделом и Учёным советом Института, и выполнение

этой работы было поручено новым авторам. Планировалось, что оно завершится в течение первого квартала 1954 г. (Отчёт..., 1953, л. 11–12).

На последнем моменте необходимо остановиться подробнее. Дело в том, что В.А. Богусевич работал над данной проблематикой с 1948 г. Так, в Отчёте за тот год указано, что он полностью подготовил подраздел «Города Киевской и Черниговской земель» объемом 4 п. л. (Отчёт..., 1948, л. 10), в Отчёте за 1949 г. – подраздел «Происхождение и характер русских городов Поднепровья и Поднестровья» объемом 1 п. л. и «Древнерусские города XI–XII вв.» в том же объеме (Отчёт..., 1949, л. 15). С 1951 г. он работал над переходящей плановой темой «Древнерусские города Поднепровья», рассчитанной на четыре года. В частности, указано, что в тот год учёный выполнил запланированную часть работы «Города Черниговской земли – Чернигов, Любеч, Остер, Седнев и Горица» объемом 3 п. л. (Отчёт..., 1951, л. 14), а в следующем 1952 г. – «Города Киевской Руси – Киев, Вышгород, Белгород, Васильев и др.» объемом 4,5 п. л. (Отчёт..., 1952, л. 16). Поэтому тот факт, что после стольких лет работы соответствующие тексты пришлось писать заново другим людям, вызывает удивление. В 1954 г. аналогичной критике подверглось выполнение В.А. Богусевичем и соответствующей плановой темы (Отчёт..., 1954, л. 5), но тем не менее в Отчёте за 1955 г. значится, что данная тема им выполнена в объеме 20 п. л. (Отчёт..., 1955, л. 8).

В результате работа Института была раскритикована в 1954 г. в газете «Правда Украины», где внимание обратили и на бывших заведомыми – В.А. Богусевича и В.Н. Даниленко. (Отчёт..., 1954, л. 2). Однако и это не помогло. Работа над «Очерками», которая выполнялась вне плана, в тот год завершена вновь не была, а срок её окончания опять перенесён на 1 июля 1955 г. (Отчёт..., 1954, л. 2).

Наконец, в 1955 г. «Очерки древней истории Украинской ССР» (укр. «Нариси стародавньої історії Української РСР»), объемом 59 п. л., были сданы в печать. При этом часть текстов была написана непосредственно в тот год, несмотря на то, что ранее уже рапортовали о практически полном завершении работ. В частности, речь идёт о следующих подразделах: «Палеолит» (И.Г. Шовкопляс), «Неолит» (М.Я. Рудинский и Д.Я. Телегин), «Трипольская культура» (С.Н. Бибииков и В.Н. Даниленко), «Медный век» (Е.Ф. Лагодовская),

«Бронзовый век» (В.И. Канивец), «Боспор» (Е.В. Фурманская), «Херсонес Таврический» (Е.В. Максимов), «Развитие феодальных отношений» (В.И. Довженко), «Древнерусский город» (Д.И. Блитель), «Политический строй Киевской Руси» (М.Ю. Брайчевский), «Киевская Русь во второй половине XI – первой половине XIII вв.» и «Борьба Руси против татарского нашествия» (В.И. Довженко) (Отчёт..., 1955, л. 4–5).

Книга год находилась в издательстве и увидела свет в 1957 г. В итоге «Нариси стародавньої історії Української РСР» имели следующую структуру:

Часть I. Древнейшее население на территории Украины.

Раздел 1. Древнекаменный век (палеолит).

Раздел 2. Новокаменный век (неолит).

Раздел 3. Медный век.

Раздел 4. Бронзовый век.

Часть II. Племена скифо-сарматского времени. Античные города Северного Причерноморья.

Раздел 5. Племена скифского периода.

Раздел 6. Сарматские племена.

Раздел 7. Античные города Северного Причерноморья.

Часть III. Древние восточные славяне и образование Киевской Руси.

Раздел 8. Древние восточные славяне.

Раздел 9. Образование Киевской Руси.

Часть IV. Киевская Русь.

Раздел 10. Хозяйство Киевской Руси.

Раздел 11. Общественно-политические отношения в Киевской Руси.

Раздел 12. Культура Киевской Руси.

Раздел 13. Короткий очерк политической истории Киевской Руси.

Раздел 14. «Крым в средние века» (Нариси..., 1957, с. 628–632).

Данная книга стала первым обобщающим трудом по археологии и древней истории Украины.

Таким образом, работа, изначально запланированная на два года, растянулась на восемь лет, и ещё два года ушло на издание коллективного труда. За это время изменилось название – «Очерки древней истории Украинской ССР» вместо «Итогов историко-археологического исследования Украины», а также концепция – в сторону большей историчности, что повлекло изменения в структуре работы. Если изначально названия разделов были связаны с периодизацией Моргана – Энгельса, что было типично, например, для довоенных работ, то в 1953 г. от этого отказались в пользу истори-

ко-археологической периодизации, близкой к современной. В итоговой версии появился раздел по истории Киевской Руси, а также Крыма. Последнее было обусловлено передачей Крымской области в состав СССР в 1954 г., тогда как остальные изменения свидетельствуют об окончательном отказе от стадиялизма и повышенном внимании к древнерусской проблематике, вызванной ростом русского национализма в результате Великой Отечественной войны.

Всё это привело к тому, что соответствующие тексты несколько раз переделывались, часто уже другими авторами. Можно выделить несколько этапов создания книги: 1948–1950 – первоначальное написание текстов; 1951–1952 – первое исправление, связанное с выходом статьи И.В. Сталина, 1953–1955 – полная переделка работы, связанная со сменой концепции. При этом многие тексты, входившие в первоначальный вариант, в итоговую

версию издания так и не попали вследствие сокращения объема и остались неопубликованными, как это, например, произошло с «Искусством Скифии» М.И. Вязьмитиной.

Ещё одной причиной, вызвавшей задержку, можно назвать просчёты в планировании, организации и контроле над работой сотрудников со стороны руководства отделов и администрации ИА АН СССР. В результате всё было выполнено на бумаге в отчётах, но на самом деле тексты вообще не были готовы, или же их качество оставляло желать лучшего. А выявить это своевременно помешало то, что написанные разделы не обсуждались не только на Ученом Совете, но иногда и на заседаниях отделов. Причём, судя по всему, надлежащие выводы так и не были сделаны, так как подготовка следующего фундаментального издания 3-томной «Археологии СССР» в 1960-е гг. опять сильно затянулась.

ЛИТЕРАТУРА

Абашина Н.С., Колесникова В.А. Нариси історії Інституту археології // Інститут археології Національної академії наук України. 1918–2014. / Отв. ред. П.П. Толочко. Київ: АДЕФ–Україна, 2015. С. 11–98.

Бузько О.В. Початок роботи М. І. Вязьмитіної над працею «Искусство Скифии». Листи з Ленінграда // Музейні читання. Матеріали наукової конференції «Ювелірне мистецтво – погляд крізь віки» (9–11 листопада 2015 р., м. Київ). Київ: Музей історичних коштовностей, 2018. С. 7–14.

Бузько О.В., Саєнко В.М. До історії написання М. І. Вязьмитіною праці «Искусство Скифии» // Археологія і давня історія України. Вип. 2 (19). Київ: ІА НАН України. 2016. С. 280–283.

Бузько О.В., Саєнко В.М. Марія Вязьмитіна – дослідниця мистецтва Скіфії // Переяславіка. Наукові записки Національного історико-етнографічного заповідника «Переяслав». Вип. 13 (15). / Гол. Ред. О.М. Лукашевич. Переяслав-Хмельницький, 2018. С. 19–22.

Клейн Л.С. Феномен советской археологии. СПб.: Фарн, 1993. 128 с

Нариси стародавньої історії Української РСР. / Отв. ред. В.Л. Зуц. Київ: АН УРСР, 1957. 632 с.

Отчёт Института археологии АН СССР за 1948 г. / НА ИА НАНУ. Ф. 62, оп. 1-доп., д. 1948/2.

Отчёт ИА АН СССР за 1949 г. / НА ИА НАНУ. Ф. 62. Оп 1-доп., д. 1949/2.

Отчёт ИА АН СССР за 1950 г. / НА ИА НАНУ. Ф. 62. Оп 1-доп., д. 1950/3.

Отчёт ИА АН СССР за 1951 г. / НА ИА НАНУ. Ф. 62. Оп 1-доп., д. 1951/1.

Отчёт о научно-исследовательской деятельности ИА АН СССР за 1952 г. / НА ИА НАНУ. Ф. 62. Оп 1-доп., д. 1952/2.

Отчёт о научно-исследовательской деятельности ИА АН СССР за 1953 г. / НА ИА НАНУ. Ф. 62. Оп 1-доп., д. 1953/4.

Отчёт о научно-исследовательской деятельности ИА АН СССР за 1954 г. / НА ИА НАНУ. Ф. 62. Оп 1-доп., д. 1954/3.

Отчёт о научно-исследовательской деятельности ИА АН СССР за 1955 г. / НА ИА НАНУ. Ф. 62. Оп 1-доп., д. 1955/2.

Свешникова О.С. Советские археологи в поисках первобытной истории. Историческая интерпретация археологических источников в советской археологии 1930-1950-х гг. Омск: Наука, 2009. 204 с.

Інформація об авторі:

Палиєнко Сергій Володимирович, кандидат історических наук, незалежний учений; svpaliy777@gmail.com

REFERENCES

- Abashina, N. S., Kolesnikova, V. A. 2015. In Tolochko P.P. (Ed.) *Instytut arkeolohii Natsionalnoi akademii nauk Ukrainy 1918–2014. (The Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine 1918–2014)*. Kyiv: “ADEF-Ukraina” Publ., 11–98 (in Ukrainian).
- Buzko, O. V. 2018. In *Muzeini chytannia: Materialy naukovoï konferentsii «Iuvelirne mystetstvo — pohliad kriz viky» (Museum Readings: Proceedings of the Scientific Conference “Jeweller's Art – The View Through Centuries”)*. Kiev: Museum of Historical Values, 7–14 (In Ukrainian).
- Buzko, O. V., Saenko, V. M. 2016. In *Arkheologiiia i davnia istoriia Ukraïni (Archaeology and Ancient History of Ukraine) 2 (19)*. Kiev: Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, 280–283 (in Ukrainian).
- Buzko, O. V., Sayenko, V. M. 2018. In Lukashevich, O. M. (ed.). *Pereiaslavika. Naukovi zapysky Natsionalnogo istoryko-etnografichnogo zapovidnyka «Pereiaslav»: Zbirnyk naukovykh statei. (Pereiaslavica: Scientific Notes of the Pereiaslav National Historical and Ethnographic Reserve: Collection of Scientific Papers)*. 13 (15). Pereiaslav-Khmelnitsky, 19–22 (in Ukrainian).
- Klein, L. S. 1993. *Fenomen sovetskoy arkheologii (The Phenomenon of Soviet Archaeology)*. Saint Petersburg: “Farn” Publ (in Russian).
- Zuts, V. L. 1957. (ed.). *Narysy starodavnoi istorii Ukrainiskoi RSR. (Outlines of Ancient History of the Ukrainian SSR)*. Kiev: AS UkrSSR Publ. (in Ukrainian).
- Otchet Instituta arkheologii AN USSR za 1948 g. (Report of the Institute of Archaeology AS UkrSSR in 1948). Scientific Archive of the Institute of Archaeology NAS of Ukraine. Fund 62, dossier 1948/2 (in Russian).
- Otchet Instituta arkheologii AN USSR za 1948 g. (Report of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the UkrSSR in 1948). Scientific Archive of the Institute of Archaeology National Academy of Sciences of Ukraine. Fund 62, dossier 1948/2 (in Russian).
- Otchet IA AN USSR za 1949 g. (Report of the IA AS UkrSSR in 1949). Scientific Archive of the Institute of Archaeology NAS of Ukraine. Fund 62, dossier 1949/2 (in Russian).
- Otchet IA AN USSR za 1950 g. (Report of the IA AS UkrSSR in 1950). Scientific Archive of the Institute of Archaeology NAS of Ukraine. Fund 62, dossier 1950/3 (In Russian).
- Otchet IA AN USSR za 1951 g. (Report of the IA AS UkrSSR in 1951). Scientific Archive of the Institute of Archaeology NAS of Ukraine. Fund 62, dossier 1951/1 (In Russian).
- Otchet o nauchno-issledovatel'skoi deiatelnosti IA AN USSR za 1952 g. (Report on Research and Scientific Organizational Activity of the Institute in 1952). Scientific Archive of the Institute of Archaeology NAS of Ukraine. Fund 62, dossier 1952/2 (In Russian).
- Otchet o nauchno-issledovatel'skoi deiatelnosti IA AN USSR za 1953 g. (Report on Research and Scientific Organizational Activity of the Institute in 1953). Scientific Archive of the Institute of Archaeology NAS of Ukraine. Fund 62, dossier 1953/4 (in Russian).
- Otchet o nauchno-issledovatel'skoi deiatelnosti IA AN USSR za 1954 g. (Report on Research and Scientific Organizational Activity of the Institute in 1954). Scientific Archive of the Institute of Archaeology NAS of Ukraine. Fund 62, dossier 1954/3 (in Russian).
- Otchet o nauchno-issledovatel'skoy deyatelnosti IA AN USSR za 1955 g. (Report on Research and Scientific Organizational Activity of the Institute in 1955). Scientific Archive of the Institute of Archaeology NAS of Ukraine. Fund 62, dossier 1955/2 (in Russian).
- Sveshnikova, O. S. 2009. *Sovetskie arkheologi v poiskakh pervobytnoy istorii. Istoricheskaya interpretatsiya arkheologicheskikh istochnikov v sovetskoy arkheologii 1930-1950-kh gg. (Soviet Archaeologists in Search of the Primeval History. The Historical Interpretation of Archaeological Sources in Soviet Archaeology in the 1930s-1950s)*. Omsk: “Nauka” Publ. (in Russian).

About the Author:

Paliienko Sergii V. Candidate of Historical Sciences, Independent researcher; svpaliy777@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.08.2021 г.

Статья принята к публикации 01.10.2021 г.

Судьба археологических памятников и коллекций

УДК 903.5 (477.63) «–04»

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.5.75.107>

ББК Т4 (4Укр – 4Дне) 273.112 – 431.11

**НЕЧАЕВА МОГИЛА – ПОСЛЕДНИЙ СКИФСКИЙ ЦАРСКИЙ
КУРГАН-ГИГАНТ В ПРИЧЕРНОМОРСКОЙ СКИФИИ**

© 2021 г. С.В. Полин, М.Н. Дараган

Нечаева Могила – единственный сохранившийся до наших дней скифский царский курган-гигант в Северном Причерноморье. С 1853 г. он известен российским археологам. Его высота на сегодняшний день составляет 14–15 м. За последние два века курган претерпел существенные изменения. В середине 19 ст. были отмечены просадки насыпи, затем на вершине был вырыт глубокий колодец, позднее засыпанный, и на его месте выстроена беседка. Особо трагическую роль курган сыграл в годы Великой Отечественной войны, когда он был одним из узловых опорных пунктов войск вермахта в Никопольско-Криворожской наступательной операции Красной армии в декабре 1943 г. – январе 1944 г., в ходе которой была разгромлена криворожско–никопольская группировка, пытавшаяся удержать любой ценой Никопольский марганцевый и Криворожский железорудный бассейны. В боях за Нечаеву Могила погибло более полутора тысяч советских воинов. Сам курган, в особенности его вершина, был изрыт блиндажами и ходами сообщений, а также сотнями воронок от снарядов. После войны вершина кургана была полностью перепланирована и на ней был установлен триангуляционный пункт высшей категории. Все факты указывают на то, что ранее курган входил в число крупнейших скифских царских курганов Северного Причерноморья и имел высоту не менее 20 м.

Ключевые слова: археология, скифы, царский курган, Великая Отечественная война, Никопольско-Криворожская наступательная операция Красной армии, «Высота 167,3 Могила Нечаева», Б.Н. Граков, Г.Л. Середа, А.И. Тереножкин, Б.Н. Мозолевский, грабители

**NECHAEVA MOGILA – THE LAST SCYTHIAN ROYAL GIANT BARROW
IN THE BLACK SEA SCYTHIA****S.V. Polin, M.N. Daragan**

Nechaeva Mogila is the only remaining Scythian royal giant barrow in the Northern Black Sea region. It has been known to Russian archaeologists since 1853. Presently, it is 14–15 meters in height. Over the past two centuries, the barrow has undergone significant changes. In the middle of the 19th century, hollows were noted in the embankment, a deep well was excavated at the top, which was later filled up, and a gazebo was constructed at its site. The barrow played a particularly tragic role during the Great Patriotic War, when it was one of the key strongholds of the Wehrmacht troops in the Nikopol-Krivoy Rog offensive of the Red Army in December 1943 - January 1944, which ended in a defeat for the Krivoy Rog-Nikopol group trying to keep hold the Nikopol manganese and Krivoy Rog iron ore basins at all costs. More than fifteen hundred Soviet soldiers died in battles for Nechaeva Mogila. The barrow itself, and especially its top, was covered with dugouts and trenches, as well as hundreds of shell craters. After the war, the top of the barrow was completely rearranged, and a triangulation station of the highest category was installed. All facts indicate that in an earlier period the barrow was one of the largest Scythian royal barrows of the Northern Black Sea region and was at least 20 meters in height.

Keywords: archaeology, Scythians, royal barrow, Great Patriotic War, Nikopol-Krivoy Rog offensive of the Red Army, “Height 167.3, Nechaeva Mogila”, B.N. Grakov, G.L. Sereda, A.I. Terenozhkin, B.N. Mозolevsky, looters.

Степное Северное Причерноморье и Приазовье славится изобилием курганов. Многие народы на протяжении тысячелетий, обитавшие на этих территориях, или проходившие здесь в движении на запад, оставили свои курганы. При отсутствии каких-либо других ориентиров (леса, как и редкие места челове-

ческого обитания в степи, скрывались в оврагах и речных долинах), глаз путешественника мог заметить только многочисленные курганы в бескрайнем царстве высокой травы, почти скрывавшей всадника. "С тех пор, как мы выехали ... два месяца мы никогда не лежали в доме или в палатке, но всегда под

открытым небом или под нашими повозками, и мы не видели никакого селения и даже следа какого-нибудь строения, где было бы селение, кроме огромного количества могил...." Так писал монах-минорит Гильом де Рубрук, посланник Людовика IX к Мангу-хану, проезжавший причерноморскими степями в 1253 г. (Путешествия, 1957, с. 104). Его слова очень точно передают ощущения человека, впервые попавшего в степь: бескрайние безлюдные просторы и неисчислимое множество курганов.

Наибольшее количество курганов сосредоточено в степях Евразии и прилегающих районах лесостепи и предгорий. Особенно богато курганами Северное Причерноморье. Их общее количество в украинских степях неизвестно, поскольку полный учет не проведен и по сей день. По данным И.Т. Чернякова в степях Украины насчитывается около 150.000 курганов (Черняков, 1993, с. 5). По подсчетам С.Ж. Пустовалова только в пределах Крымской АР, Николаевской, Херсонской, Запорожской и Днепропетровской областей количество курганов должно составлять около 139.000 (Пустовалов, 1997, с. 41, 42). В Крыму по подсчетам С.Л. Смекалова по старым картам только в Центральном и Восточном районах Присивашья насчитывается 2314 курганов, а в целом в Крыму по подсчетам П.Д. Подгородецкого, А.А. Щепинского и Л.А. Шумской имеется 11.000 курганов (Колтухов, 2012а, с. 18; 2012б, с. 16).

По нашим прикидкам число курганов на территории только Днепропетровской обл. площадью 31.923 км² может составлять 40.000–50.000 (Мозолевский, Полин, 2005, с. 196–198). Для нескольких малых участков Днепропетровской обл. имеются точные подсчеты количества курганов, составленных по всем существующим крупномасштабным топографическим картам от трехверсток 1-й пол. XIX ст., до современных карт выпусков последних лет, а также по материалами аэрофотосъемки. Конечно, и эти данные не являются исчерпывающими, поскольку мелкие курганы нередко оставались за пределами внимания геодезистов. Тем не менее, на сегодняшний день это единственная надежная исходная минимальная величина, в целом подтверждающая наши расчеты общей численности курганов в Днепропетровской обл. В междуречье Базавлук – Соленая – Чертомлык – Днепр на площади 267,45 км² зафиксированы 470 курганов, а на более обширном участке правого берега Нижнего

Днепра, включающего и этот, в прямоугольнике Марьянское – Никополь – Кирово – Апостолово на площади более 1515 км² отмечены 2538 курганов (Черных, Дараган 2014, с. 380). В окрестностях Александропольского кургана на площади 1723,3 км² задокументировано 756 курганов (Дараган, 2018, с. 738).

В середине XIX ст. П. Бурачков на территории треугольника Кинбурнская коса – р. Каланчак – Каховка, площадью около 7 тыс. км², что составляет около четверти площади современной Херсонской обл., насчитал до 20.000 курганов (Бурачков, 1875, с. 55).

На сегодняшний день в Северном Причерноморье – Приазовье сохранилось много курганов высотой 3–5 м. Намного реже встречаются курганы высотой 7–12 м и предельно редки более крупные. Все большие курганы нашего региона сооружены в энеолитическое время в период существования ямной культуры и в скифское время в конце V–IV вв. до н.э. Как установил Б.Н. Мозолевский, курганы ямного и скифского времени по форме насыпей существенно отличаются между собой. Материалы аэрофотосъемок и наземных тахеометрических съемок надежно подтвердили эти наблюдения. Картографирование больших курганов ямного времени позволило установить в их расположении некоторые закономерности (Дараган, 2012, с. 83).

По данным Б.Н. Мозолевого и по результатам нашего мониторинга курганов степного Северного Причерноморья большие курганы ямного времени высотой от 7 м и выше локализуются в основном в Днепровском Правобережье. Их основная концентрация находится в районе р. Ингулец, где по данным Б.Н. Мозолевого находится 21 из 48 учтенных им больших курганов эпохи бронзы. Далее к западу они концентрируются только в бассейне р. Ингул. К востоку от Ингульца количество таких памятников постепенно уменьшается. Относительно много больших ямных курганов расположено в бассейне рр. Базавлук, Сура и по правому берегу нижнего течения Днепра, и лишь 4 кургана высотой от 8 м известны в Левобережье в междуречье Днепра и р. Молочной.

Б.Н. Мозолевский полагал, что «ни к западу от бассейна р. Ингул, ни к востоку от р. Молочная, ни к северу от границы с Лесостепью, ни к югу от Перекопа курганы эпохи бронзы выше 7 м не существуют» (Мозолевский, 1991, с. 20, 21). Несмотря на то, что новые данные, в целом, свидетельствуют об ином¹, все же концентрация основного масси-

ва больших курганов ямной культуры фиксируется именно на Правобережье Нижнего Днестра. При этом большинство больших ямных курганов локализуется вне зоны Великого Луга². И наоборот, именно вокруг Великого Луга концентрируется основная часть больших скифских курганов (Отрощенко, Болтрик, 1982, с. 41–43; Мозолевский, 1986; Дараган, 2012; Черных, Дараган, 2014, с. 290, 291). В настоящее время в Северном Причерноморье по нашим данным существует около 80 курганов эпохи бронзы высотой 7–12 м и до 50 скифских курганов таких размеров, из которых 24 уже исследованы.

Курганов высотой 15–25 м в Северном Причерноморье насчитывается всего семь. Это Александропольский курган (Луговая Могила), Чертомлык, Большая Цимбалка, Огуз, Козел, Солоха и Нечаева Могила (рис. 1:1). И почти все они были исследованы в XIX – начале XX ст. До наших дней сохранился единственный скифский царский курган-гигант – Нечаева Могила у с. Лебединское Никопольского р-на Днепропетровской обл. Его высота по состоянию на 1966 г. составляла 14–15 м и диаметр 110–115 м (рис. 1:2; 4:1,2; 10).

Пространственный анализ царских скифских курганов дает интересные результаты. Моделирование дистанционных связей между курганами скифской элиты 3-й высотной группы высотой 7–11 м и 4-й высотной группы высотой 14–22 м по Б.Н. Мозолевскому показало следующие. Если курганы 4-й группы высотой 14–22 м (царские курганы – Александрополь, Нечаева Могила, Чертомлык, Большая Цимбалка, Солоха, Козел, Огуз) расположены меридионально, фактически по прямой линии С–Ю (рис. 1), то курганы 3-й группы высотой 7–11 м наоборот расположены в широтном направлении по линии 3–В. Моделирование зон видимости для царских курганов Скифии 4-й высотной группы показало, что в этой цепочке каждый последующий курган был виден с предыдущего и, соответственно, наоборот. С Александрополя были видны Нечаева могила и Чертомлык. С Чертомлыка были видны Солоха и Цимбалка. А с Солохи и Цимбалки просматривался Огуз и наоборот. Учитывая значительную дистанцию между курганами, вряд ли это можно считать случайностью. Сопоставление карты курганов высшей скифской элиты 4-й группы с данными геостатического моделирования зон концентрации всех скифских погребений показывает, что крайние в этой цепи царские

курганы Александропольский и Огуз расположены в зонах низкой концентрации погребений рядовых скифов (Дараган, 2013, с. 83, 84; Daragan, 2016, p. 673, 674).

Нечаева могила в XIX – начале XX в. История последнего сохранившегося в Северном Причерноморье скифского царского кургана-гиганта Нечаевой Могилы заслуживает отдельного рассмотрения. В конце XVIII ст. после присоединения Крыма к Российской империи возник интерес к древностям этих местностей. Места, некогда описанные древними авторами, впервые стали доступными для непосредственного изучения. С начала XIX ст. в Керчи начались археологические раскопки памятников классической древности. В 1826 г. здесь был создан Керченский музей древностей. Находки великолепных греческих древностей в Керчи, лучшие из которых украсили коллекцию Императорского Эрмитажа, привели к целевому правительственному финансированию ежегодных раскопок. Поэтому основные археологические исследования на юге России долго были связаны исключительно с районами Керчи и Тамани. В 1853 г. Керченский музей возглавил А.Е. Люценко, который должен был начать планомерные раскопки в районе Керчи и на Тамани на качественно новом уровне. Однако, в 1854 г., в связи с началом Крымской (Восточной) войны, с последовавшей вскоре блокадой Керчи вражеским флотом, завершившейся высадкой и оккупацией города английским десантом, наиболее ценные экспонаты заблаговременно были вывезены на Тамань, в Ставрополь и далее в Екатеринослав. За ними последовали и сотрудники музея (Марти, 1926, с. 1–23). В Екатеринославском уезде после случайных находок удивительных скифских вещей местными крестьянами по поручению Л.А. Перовского были начаты раскопки Александропольского кургана. В 1852–1854 гг. работами руководил А.В. Терещенко, а в 1855–1856 гг. А.Е. Люценко с группой сотрудников Керченского музея возглавил и блестяще завершил раскопки этого замечательного кургана. С раскопок Александропольского кургана начались многолетние планомерные исследования скифских курганов в Нижнем Поднепровье.

Во время раскопок Александропольского кургана на окружающей территории в радиусе около 100 км проводились поиски больших курганов для последующих раскопок. Именно в это время были открыты все большие скифские курганы, ставшие объектами раскопок

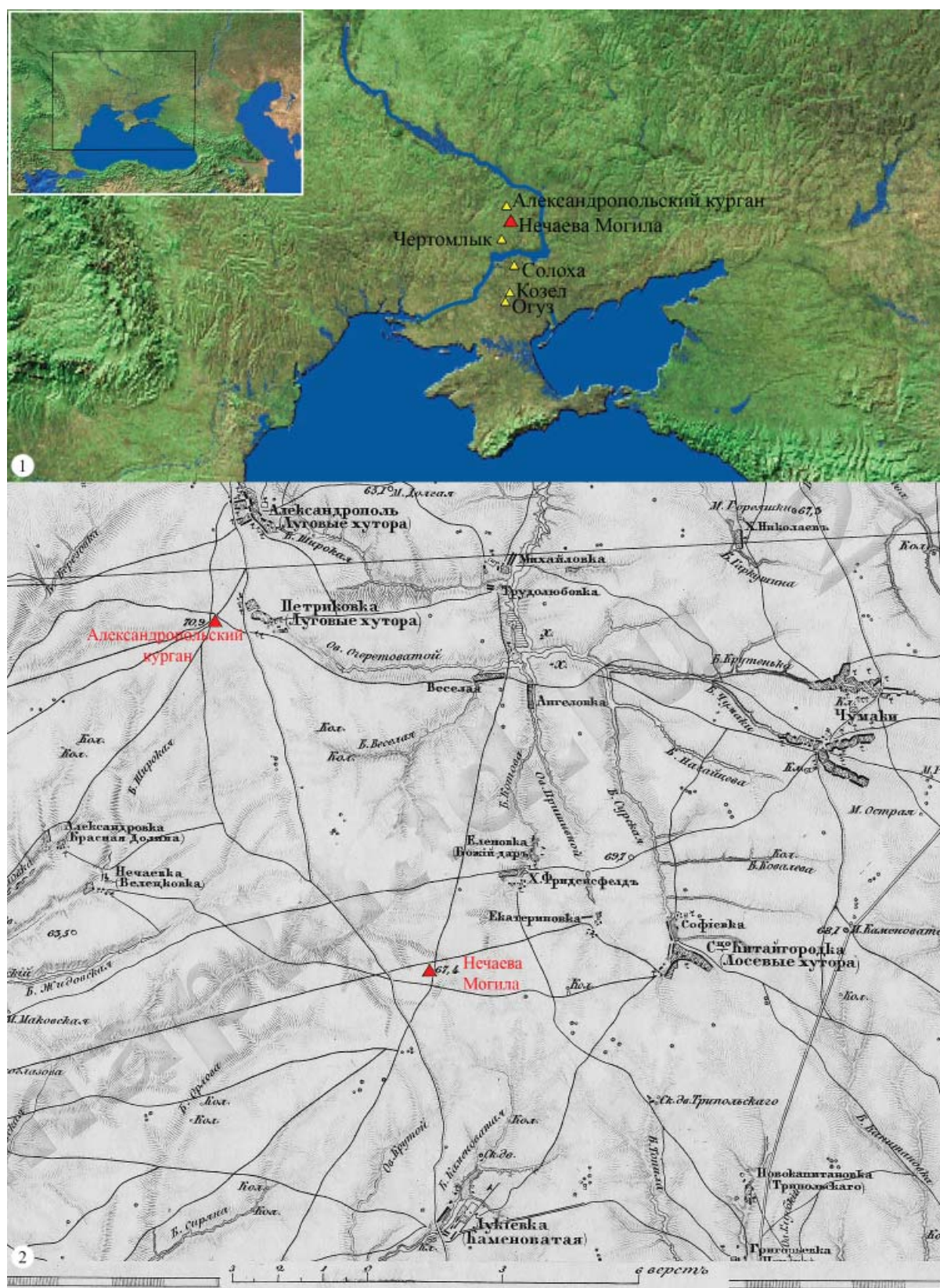


Рис. 1. 1 – Местонахождение Нечаевой Могилы и остальных царских скифских курганов-гигантов в Северном Причерноморье. 2 – Безымянные Нечаева Могила и Александропольский курган на трехверстной карте Российского Генерального штаба

Fig. 1. 1 – Location of Nechaeva Mogila and the other Scythian royal giant barrows in the Northern Black Sea region. 2 – Unnamed Nechaeva Mogila and the Alexandropol barrow on a three-verst map of the Russian General Staff.

Императорской археологической комиссии в Нижнем Поднепровье на протяжении 1861–1917 гг.

Князь А.А. Сибирский, посетивший Александропольский курган в сентябре 1852 г., заметил «на пределах горизонта с южной и юго-западной стороны ... курганы больших размеров». Один из них – это курган на землях помещика Нечаева, т.е., Нечаева Могила³, и второй не названный (Сибирский, 1852, л. 8–15), по-видимому, 10-метровая Орлова (Гегелина) Могила, расположенная в 2,3 км к юго-западу от Нечаевой.

Первое описание и размеры этих курганов, расположенных в 10 верстах к югу от Александропольского кургана в имении Г.В. Нечаева, принадлежит А.В. Терещенко. Он отметил высоту Нечаевой Могила в 15–16 саженей «через верх»⁴, широкая вершина в поперечнике 6 саженей 2 аршина, у которой «самый верх вогнулся внутрь». Он также описал расположенную в 23 саженях к востоку от этого кургана «долгую могилу», высотой «через верх» 6,5 саженей, расположенную рядом с Нечаевой Могилой, и отметил редкость курганов такого типа. Второй курган в 2 верстах к юго-западу от первого, известный ныне как Орлова Могила, – по данным А.В. Терещенко имел 10,5–13 саженей высоты «через верх» и плоскую вершину в 5 саженей шириной. У подошв этих курганов А.В. Терещенко нашел кусок амфоры, подобной найденным в Александропольском кургане, и камни, что, по его мнению, «доказывает, что курганы насыпаны на камне» (Терещенко, 1866, с. 4). В 1854 г. А.В. Терещенко пытался договориться с предводителем дворянства Екатеринославского уезда Г.В. Нечаевым о раскопках Нечаевой Могила, но, по-видимому, безуспешно, поскольку дальнейшего развития эта история не имела (О командировании, 1852–53: л. 141, 144, 147, 148; Об археологических разысканиях, 1852–53–54: л. 33об, 34).

Также поиском больших курганов в обширном районе Александрополь – Хортица – Томаковка – Никополь занимался и А.Е. Люценко во время раскопок Александропольского кургана в 1855–1856 гг. В числе многих других он осмотрел и Нечаеву Могила: «В 7 верстах от Александрополя [к югу], на дачах помещика Нечаева, находится курган самый замечательный в этих местах по своей величине после Александропольского и Чертомлыцкого, и известный у местных жителей под названием Нечаевской и Толстой Могила. Далее за ним на юго-запад, на Нечаевских же дачах, моги-

ла Гегеловская замечательной также величины» (О раскопках, 1855а, л. 108–111). Также и Я.М. Лазаревский, осмотревший эти курганы во время участия в раскопках Александрополя в 1855–1856 гг., в числе больших курганов в окрестностях назвал Нечаевскую и Гегеловскую могилы (Лазаревский, 1894, с. 44).

Благодаря предшественникам, эти курганы стали известны и И.Е. Забелину: «...К северу видны еще две Толстые огромные могилы Гегелина и Нечаева, лежащие верстах в 30 от Чертомлыцкой» (Забелин, 1865, с. 76; ДГС II, с. 75), т.е., Орлова и Нечаева могилы. В другой работе эти названия ошибочно объединены: «... огромная Толстая Могила Гегелина (Нечаева) ...» (ДГС II, с. 70), что совершенно неверно, поскольку это разные курганы.

В январе 1903 г. на заседании Московского предварительного Комитета по подготовке XIII Археологического Съезда, проведение которого было намечено в Екатеринославе (нынешний Днепр), при обсуждении программы планировавшихся к съезду археологических раскопок Н.И. Веселовский предложил раскопать курган Чертомлыцкого типа на земле Нечаева. Предложение не прошло, поскольку имелось предварительное разрешение на раскопки кургана на земле г-на Шишкина, недалеко от Чертомлыцкого и Нечаевского курганов и имевшего большое сходство с обоими (Заседания, 1908, с. 128). Видимо, с курганом на земле г-на Шишкина дело не сложилось, и весной 1903 г. профессор Д.И. Яворницкий посетил имение «Высокое» в Екатеринославском уезде для переговоров с владельцем Б.А. Нечаевым о раскопках скифского кургана «Гостра могила» высотой около 10 сажен на его земле. Однако, в условиях не сошлись (Доклад, 1904, с. 21). Экономия этого имения находилась в с. Лукиевка Никопольского р-на в 8 км к юго-западу от Нечаевой Могила и, несомненно, речь шла именно о ней, поскольку другого подобного по величине кургана в этих местах не существует. Название «Гостра могила» для Нечаевой Могила вполне вероятно. Первоначальная форма верхушки этого кургана нам не известна. В 1852–1854 гг. А.В. Терещенко описал вершину кургана как площадку диаметром 6 сажен 2 аршина, глубоко просевшую (Терещенко, 1866, с. 4). По описанию Д.И. Яворницкого на вершине кургана был выкопан колодец глубиной до 5 сажен⁵, что, по-видимому, произошло несколько позднее. Иными словами, вершина кургана неоднократно подвергалась деформации и естественной, и искусствен-

ной. Если реконструировать контур существующей 15-метровой насыпи Нечаевой могилы до высоты 10 сажен, то вполне может получиться гигантская "Гостра могила" (рис. 3; 4). Это название для Нечаевой Могилы могло существовать значительно раньше, до разрушения его вершины. Подобное изменение формы вершины зафиксировано для гигантского кургана Огуз возле Нижних Серогоз на Херсонщине. В 1891 г. Н.И. Веселовский отметил на его вершине плоскую площадку диаметром в 20 саженей. Однако, по свидетельству старожилов, курган в прежние времена имел значительно большую высоту и более острую вершину (ОАК, 1891, с. 72). И курган Солоха имел остроконечную вершину (Бобринский, 1913, с. 225; Манцевич, 1987, с. 9). Конический абрис и острую вершину имела также Страшная Могила, имевшая и второе название – Острая Могила (Тереножкин и др., 1965, Дневник, с. 2; Мозолевский, 1983, с. 107). Гайманова Могила своим силуэтом также ничуть не похожа на скифские «толстые» могилы (Мозолевский, 1983, с. 120, рис. 95; Бидзиля, Полин, 2014, рис. 26, 28, 35, 40). Так что остроконечные вершины вполне обычны для скифских курганов и поэтому названия «острая могила» вполне приемлемы и для них.

После революции 1917 г. Нечаева Могила была забыта на три десятилетия.

В 1931 г. начались раскопки курганов в г. Никополе на месте строительства гигантского промышленного объекта – будущего Южнотрубного завода. Территория города и ближайшие окрестности отличались обилием курганов. По словам А.В. Терещенко, "Никополь стоит на курганах, занятых постройками или сравненных с землею" (Терещенко, 1853, с. 19). По-видимому, именно на них в 1840-х гг. была собрана коллекция половецких каменных баб, позднее перевезенная в Одессу (Юргевич, 1889, с. 7). В 1931 г. было начато исследование курганов в зоне строительства завода, известных в литературе под названием Никопольского курганного поля.

В 1931–1935 гг. раскопки проводились силами Никопольского музея под руководством помощника заведующего музеем археолога Ф.Н. Киранова. После его внезапной смерти по приглашению Никопольского музея в 1935–1936 гг. работы продолжила экспедиция Института истории материальной культуры АН УССР (Киев) под руководством Л.Д. Дмитрова. В экспедиции работали сотрудники различных научных учреждений

страны: М.Л. Макаревич и Н.Д. Дубицкая (ИИМК АН УССР), А.П. Манцевич (Государственный Эрмитаж), А.Я. Брюсов, Е.И. Крупнов и Г.В. Ильин (ГИМ). Помимо раскопок в Никополе проводились разведки окрестных курганов. Были осмотрены останцы Чертомлыка, в результате чего подтвердилось мнение М.И. Артамонова о недостаточной исследованности кургана в 1862–1863 гг. (Артамонов, 1935, с. 146–148). При разведке Каменных кучугур на левом берегу Днепра было подтверждено существование скифского поселения на огромной площади (4×3 км)⁶, а также обнаружены курганные могильники к югу от поселения.

В процессе плодотворного творческого сотрудничества представители различных научных учреждений пришли к выводу о необходимости объединения лучших научных сил скифологов всей страны для исследования данного региона и, прежде всего, Каменского поселения и окружающих курганов. Важность раскопок Каменского поселения ученые сравнивали с исследованиями Ольвии, а учитывая уникальный характер памятника и его роль в скифской проблематике, важность исследований могла быть более высокой (Дмитров, 1935–36; 1936; 1946; 1950).

В 1937 г. Никопольский музей перепоручил проведение раскопок Московскому отделению ИИМК АН СССР. В 1937–1946 гг. на Никопольских курганах работала экспедиция под руководством Б.Н. Гракова. В ее составе в разные годы работали Б.З. Рабинович и А.А. Потапов (Государственный Эрмитаж), О.А. Кривцова-Гракова (ГИМ), Е.Ф. Покровская и В.А. Ильинская (ИИМК АН УССР), П.Д. Либеров, И.В. Яценко, А.И. Мелюкова, О.Н. Мельниковская, О.Д. Дашевская, Н.А. Онайко, Н.Я. Мерперт (студенты МГУ, впоследствии аспиранты ИИМК АН СССР), студентка КГУ Г.Т. Титенко (в замужестве Ковпаненко). В 1938 г. в экспедиции также трудился аспирант ИИМК АН СССР А.И. Тереножкин. Это было его первое посещение Украины, где в дальнейшем прошла вся его последующая жизнь. Через школу раскопок Никопольского курганного поля прошло большинство будущих ведущих специалистов в области раннего железного века Украины, России и Белоруссии 1950–1990-х гг.

Б.Н. Граков продолжил реализацию идей, задуманных экспедицией Л.Д. Дмитрова. Помимо раскопок курганов на Никопольском курганном поле, с 1937 г. проводились разведки Каменных и Водяньских кучугур на левом

берегу, а с 1938 г. начаты стационарные раскопки Каменского городища, продолжавшиеся, за вычетом военных лет, вплоть до 1950 г. Проводились также разведки окрестных курганов. При этом, как полагал Б.Н. Граков и вслед за ним Ю.Г. Виноградов, были впервые открыты новые скифские царские курганы Нечаева и Орлова могилы (Граков, 1947б, с. 73; Виноградов, Яценко, 1990, с. 87).

В 1939 г. Б.Н. Граков провел обмеры Нечаевой Могилы. Высота кургана была измерена дважды, – с севера, где по способу подобных треугольников получена высота в 19,7 м, и с запада, где с помощью рейки и уровня получили высоту в 19,2 м. В качестве итоговой была принята средняя величина в 19,5 м. На вершине была зафиксирована плоская площадка диаметром 24 м. Диаметр кургана составил около 120 м, окружность по подошве – 370 м (Граков, 1939, с. 28).

Нечаева могила в годы Великой Отечественной войны. В годы Великой Отечественной войны при освобождении Никопольщины в декабре 1943 – январе 1944 гг. возле Нечаевой Могилы происходили жесточайшие бои.

После разгрома немецких войск на Курской дуге летом 1943 г., началось общее наступление Красной армии на запад на огромном фронте протяженностью около 1000 км от Великих Лук до Черного моря. На южном крыле в начале ноября 1943 г. Красная армия вышла к Днепру на фронте от побережья Черного моря до Горностаевки (в 30 км к северо-востоку от г. Каховка), прорвалась через Перекоп и Сиваш и захватила плацдарм в Северном Крыму. С 10 по 14 октября был ликвидирован Запорожский плацдарм, перекрывавший подступы к Никопольскому марганцевому и Криворожскому железорудному бассейнам, освобожден г. Запорожье. На левом берегу Днепра немцы смогли удерживать только важный для них плацдарм напротив Никополья протяженностью около 100 км и глубиной до 30 км. В стратегическом плане немецкое командование считало, что судьба Германии решалась на Украине, что обусловило жесточайший упорный характер боев в этом регионе.

После форсирования Днепра возле Кременчуга в ходе трехмесячных боев на правом берегу был отвоеван кременчугско-днепропетровский плацдарм протяженностью около 400 и глубиной более 100 км. 15 октября 1943 г. отсюда началось наступление Красной армии на Пятихатки – Кривой

Рог. 23 октября советские войска ворвались в Кривой Рог, но закрепиться не смогли и были вынуждены вернуться на исходные позиции. Из-за обескровленности войск и сильнейшего сопротивления врага во второй половине ноября наступление на кировоградском и криворожском направлениях было остановлено вплоть до конца января 1944 г. (История, 1961, с. 305–310, 344–352).

После тщательной подготовки, в течение 30.01–29.02.1944 г. была проведена Никопольско-Криворожская наступательная операция Красной армии, в ходе которой был ликвидирован никопольский плацдарм противника на левом берегу Днепра и разгромлена криворожско-никопольская группировка, оборонявшая Никопольский марганцевый и Криворожский железорудный бассейны на правом берегу. Эта операция по условиям проведения была одной из самых трудных в Великой Отечественной войне, поскольку проводилась в условиях жесточайшей ранней весенней распутицы⁷ и в целом плохой погоды, ограничившей применение авиации, при упорнейшем сопротивлении противника. По мнению Гитлера, потеря Никопольских марганцевых рудников грозила скорейшим поражением Германии из-за полной остановки производства вооружения. Уже в начале ноября 1943 г., когда Красная армия только вышла на дальние подступы к району Никополья еще на левом берегу, Гитлер потребовал от своего Генерального штаба бросить на защиту Никопольского марганцевого бассейна все войска, какие возможно, с приказом удерживать фронт любой ценой. Немецкий Генштаб в подобных действиях видел реальную угрозу возникновения нового Сталинграда, но был вынужден подчиниться (Шпеер, 2010, с. 415, 416). Приказ был принят к исполнению и строго выполнялся до последней возможности (Мощанский, 2011, с. 3, 8, 9, 110–138).

Так ход событий по освобождению Никопольско-Криворожского региона описан в официальной историографии, где действия Красной армии, так сказать, классифицированы, разложены по полочкам и распределены по соответствующим наступательным операциям, имеющим официальные наименования. Но реальные события в районе «высота 167,3 Нечаева Могила», происходившие в декабре 1943 г. – январе 1944 г., не вписываются в прокрустово ложе официальной схемы. Боевые действия здесь разворачивались совершенно иначе. Фактически к моменту «официального начала» Никопольско-Криво-

рожской наступательной операции у Нечаевой Могилы все уже было закончено.

В г. Никополе проживает замечательный человек Леонид Александрович Игнатенко, много лет возглавлявший группу «Поиск» ПАО «Никопольский завод ферросплавов». Многие годы своей непростой жизни он посвятил документальному восстановлению военных действий в районе Нечаевой Могилы в конце 1943 – начале 1944 г. На протяжении 1989–2009 гг. он ежегодно работал в ЦАМО РФ в г. Подольске. В результате тщательного изучения боевых документов сражавшихся здесь соединений 8-й гвардейской армии (35-й, 47-й и 57-й гвардейских стрелковых дивизий⁸, списков безвозвратных потерь Управления по учету персональных потерь МО СССР, а также личных свидетельств местных жителей, захоронивших после окончания боевых действий в районе Нечаевой Могилы около полутора тысячи останков погибших в боях воинов-освободителей, он смог воссоздать поденную хронику боевых действий возле Нечаевой Могилы и восстановить имена 1420 воинов Красной Армии, павших в районе Нечаевой Могилы в декабре 1943-го – январе 1944 г., в дополнение к 89, известным ранее. Леонид Александрович любезно предоставил **ВСЕ** свои материалы в наше распоряжение. Именно на их основе здесь и описываются события тех лет⁹. Мы не имеем возможности воспроизвести эти документы в полном объеме по дням с указанием наименований подразделений и ограничиваемся лишь изложением общего хода событий. Для понимания степени концентрации сил с обеих сторон и накала боевых действий возле Нечаевой Могилы мы приводим две карты по ситуации здесь 5.12.1943 г. и 26.12.1943 г., также предоставленных Л.А. Игнатенко. Одного взгляда на эти карты достаточно, чтобы получить полное представление о мясорубке, происходившей на этом маленьком пятачке украинской земли (рис. 2).

«Высота 167,3 Могила Нечаева» – так обозначен курган на топографических картах 1941 г. Генерального штаба РККА. Все высоты и населенные пункты, находившиеся в ближайшей глубине обороны противника, были превращены в мощные опорные укрепленные пункты. Повсеместно первый оборонительный рубеж противника имел три ряда траншей и окопов, опоясанных проволочными заграждениями и прикрытых минными полями. Именно такой вид имела «высота 167,3 Могила Нечаева», бывшая одним из важней-

ших опорных пунктов в обороне никопольской группировки противника, и являвшаяся, по сути, «ключом» к Никополю на этом участке фронта. Жесточайшие бои за овладение этой высотой велись практически непрерывно с 5.12.1943 г. по 15.01.1944 г.

5.12.1943 г. советские войска с ходу овладели высотой 167,3 Нечаева Могила. Однако уже на следующий день, в результате мощного удара противника с запада, два советских батальона, занявшие Нечаеву Могила накануне, оказались в окружении. В ночь с 6 на 7 декабря их остатки смогли вырваться из кольца. Нечаева Могила вновь оказалась в руках противника. Ожесточенные позиционные бои в районе высоты продолжались непрерывно до 18 декабря 1943 г.

19 декабря 1943 г. в районе Нечаевой Могилы была начата новая наступательная операция по прорыву глубоко эшелонированной обороны противника на всю глубину в направлении г. Никополя. В тот же день высота 167,3 Нечаева Могила была опять взята штурмом. Однако 21 декабря в результате контрудара противника во фланг наступающей группировки Красной армии высота вновь была захвачена противником. С 22 декабря 1943 г. вплоть до 15 января 1944 г. здесь шли постоянные безуспешные кровопролитные бои местного значения с целью овладения господствующей высотой, окружающая местность с которой просматривалась противником в ясную погоду на расстояние до 30 км. Из-за нараставших истощения и малочисленности советских войск в районе Нечаевой Могилы, с 16 января активные боевые действия здесь прекратились вплоть до конца января 1944 г.

30.01.1944 г. была начата Никопольско-Криворожская операция Красной армии по ликвидации никопольского плацдарма противника на левом берегу и Никопольско-Криворожской группировки на правом. В результате концентрации сил и грамотных, скоординированных наступательных действий 3-го и 4-го Украинских фронтов, действий наступающей Красной армии, уже 1 февраля 1944 г. противник под угрозой окружения оставил позиции в районе высоты 167,3 Могила Нечаева и начал отступление на Лукиевку – Чкалово – Никополь. «Высота 167,3 Могила Нечаева» окончательно и бесповоротно была вызволена.

Бои в районе Нечаевой Могилы сопровождались массовым героизмом бойцов Красной армии. За героизм и мужество при штурме высоты 167,3 Могила Нечаева сотни воинов Красной армии были награждены

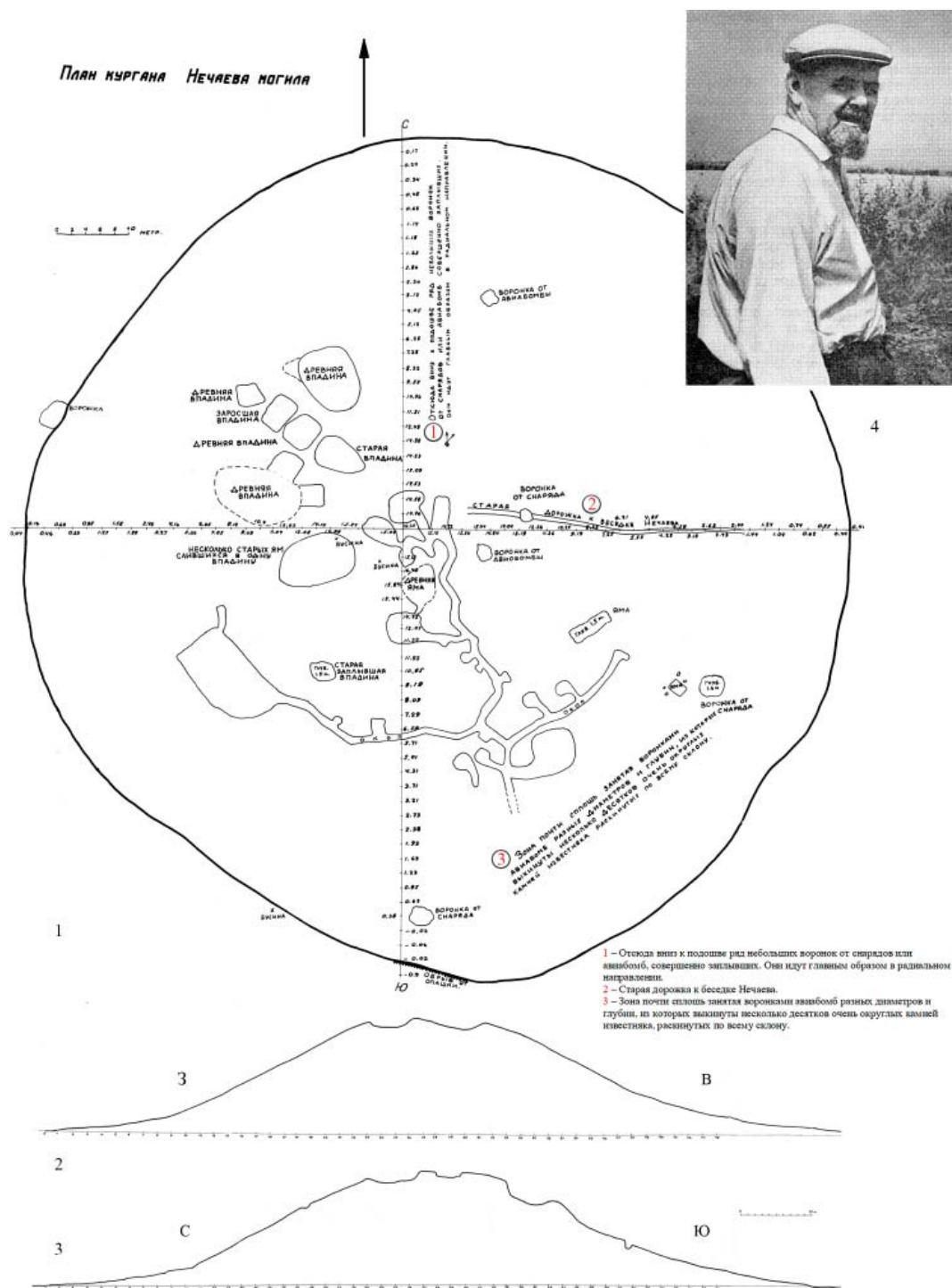


Рис. 3. Нечаева Могила. Съёмки Б.Н. Гракова 1947 г.

1 – общий план. 2, 3 – разрезы кургана. 4 – Б.Н. Граков; 1-3 – (по: Граков, 1947).

Fig. 3. Nechaeva Mogila. Photos by B.N. Grakov, 1947.

1 – general plan. 2, 3 – sections of the barrow. 4 – B.N. Grakov; 1-3 – (after: Grakov, 1947).

гвардейской армией В.И. Чуйков едва упомянул эти тяжелые, изнурительные, кровопролитные бои своей армии бои бегло и вскользь: «...Сделав еще одну попытку прорвать оборону врага, мы получили указание закрепиться на достигнутых рубежах, принять пополнение и возобновить атаки 10 декабря. Мы

овладели крупными населенными пунктами, расположенными на направлении к марганцевым рудникам: Токмаково, Чумаки и Лебединское. Дальше – никак продвинуться не удалось» (Чуйков, 1980, с. 385). В масштабах той страшной войны, наверное, бои у Нечаевой Могила были лишь мелким эпизодом.

Но за этим эпизодом стоят полторы тысячи преждевременно оборвавшихся человеческих жизней

В 1965 г. на плитах братских могил в ближайших к кургану сс. Лукиевка и Красиндорф были увековечены лишь 89 имен воинов, павших возле Нечаевой Могилы. Имена остальных полутора тысяч почти полвека оставались неизвестными. Во время войны воинские части не оставляли списки потерь на местах гибели и захоронения бойцов ввиду их секретности. После войны эти списки были сданы в Центральный архив Министерства обороны СССР в г. Подольске Московской обл. (в настоящее время - ЦАМО РФ), где находятся на вечном хранении.

В результате многолетней работы группы «Поиск» Никопольского завода ферросплавов под руководством Л.А. Игнатенко была восстановлена поденная хроника боевых действий в районе высоты 167,3 Могила Нечаева. По документам, хранящимся в ЦАМО СССР (РФ), были восстановлены имена 1420 погибших здесь воинов, ранее остававшихся безымянными. После публикации списков погибших воинов, в различных республиках и регионах бывшего СССР были разысканы более 200 семей этих воинов. В 1990-е гг. были также найдены более 100 непосредственных участников боев у Нечаевой Могилы. Участником штурма Нечаевой Могилы был и последний Главнокомандующий Сухопутными войсками СССР генерал армии В.И. Варенников (в декабре 1943-го лейтенант, начальник артиллерии 100-го гвардейского стрелкового полка 35-й гвардейской стрелковой дивизии), впоследствии член ГКЧП, после суда и оправдательного приговора ставший основателем и первым президентом Международной Лиги защиты человеческого достоинства и безопасности.

Во многом благодаря подвижнической деятельности Л.А. Игнатенко, Никопольский районный совет народных депутатов по результатам этой многолетней поисковой работы принял постановление № 242 от 26.10.1990 г. об увековечении памяти воинов, павших во время Великой Отечественной войны на Никопольщине в районе скифского кургана Могила Нечаева. Трудовой коллектив Никопольского завода ферросплавов и тогдашний его директор Борис Федорович Величко приняли решение о проектировании и строительстве мемориального комплекса на средства завода. 9 мая 1993 г. у подножия кургана был торжественно открыт мемори-

альный комплекс «Высота 167,3 Могила Нечаева» в присутствии родственников павших воинов, участников штурма высоты и жителей многих близлежащих населенных пунктов. На 150 гранитных плитах этого комплекса были увековечены имена 1420 павших в боях у Нечаевой Могилы воинов Красной армии, ранее неизвестных.

Нечаева могила после освобождения. Через 6 месяцев после освобождения от немецких захватчиков на Никопольщину прибыла Никопольская археологическая экспедиция Б.Н. Гракова. Экспедиция была необычной, поскольку работала по Особому мандату Всесоюзной чрезвычайной комиссии по расследованию преступлений фашистов с задачей определения степени разрушения археологических памятников военными действиями. Идея создания этой экспедиции возникла уже в марте, в первые дни после освобождения Никопольщины. Но из-за организационных сложностей выезд состоялся лишь в августе 1944 г. В экспедицию Б.Н. Граков пригласил студентов 4-го курса истфака МГУ, занимавшихся в его семинаре. Это были А.И. Мелюкова, И.В. Яценко, Н.А. Онайко и Н.Я. Мерперт. Также была приглашена сотрудница киевского Института археологии АН УССР Е.Ф. Покровская. Были осмотрены курганы Никопольского курганного поля, Каменское и Знаменское городище, которое в то время считалось акрополем Каменского городища, Солоха и курганы вокруг нее, Нечаева и Орлова могилы. В целом ущерб, нанесенный оккупантами археологическим памятникам Никопольщины и Никопольскому музею, экспедиция Б.Н. Гракова оценила в 900.000 рублей, о чем составила соответствующий акт.

Нечаеву и Орлову могилы Б.Н. Граков осматривал с особым вниманием. На Нечаевой Могиле сотрудники экспедиции увидели блиндажи, многочисленные ходы сообщений и остатки других военных сооружений, изрывшие поверхность кургана. Значительно меньше пострадала Орлова Могила, находившаяся несколько в стороне от основных событий. Б.Н. Граков планировал в ближайшие годы возобновить раскопки скифских царских курганов, прекратившиеся сразу после революции. К тому времени никого из участников дореволюционных раскопок не осталось, и практика раскопок больших курганов была давно и полностью утрачена. Поэтому Б.Н. Граков продумывал собственные специальную методику и технические приемы раскопок таких

огромных курганов. Уже тогда он предполагал применить на раскопках царских курганов современную землеройную технику и другие механизмы. Большие курганы он предполагал копать, начиная с подошвы, последовательно нарезаая насыпь продольными траншеями, и при этом тщательно фиксируя расположение слоев в полученных разрезах. Предварительную стоимость раскопок Нечаевой Могилы Б.Н. Граков определил в размере не менее 500.000 руб., Орловой в 120.000 руб. Однако технические возможности раскопок курганов с применением современных механизмов и опыт проведения таких раскопок возникли только 10–15 годами позднее, когда Б.Н. Гракову уже не пришлось принимать участие в таких исследованиях (Граков, 1947, с. 191; Мелюкова, Яценко, 1999, с. 215–219).

В 1947 г. Никопольская экспедиция Б.Н. Гракова повторно осмотрела Нечаеву Могилу и произвела ее обмеры. Согласно новым измерениям, высота Нечаевой могилы составила 16,2 м с разных сторон и диаметр 110–120 м. Б.Н. Граков, сравнивая новые данные с обмерами 1939 г., считал, что прежние результаты были установлены визуальным путем (Граков, 1947а, с. 9), хотя из отчета 1939 г. это не следует. В 1939 г. при измерении высоты кургана применялись традиционные методы, – с севера высота в 19,7 м была измерена по способу подобных треугольников, а с запада, – с помощью рейки и уровня получили высоту в 19,2 м, средняя 19,5 м (Граков, 1939, с. 28). Затруднительно оценить точность метода измерений по способу подобных треугольников, поскольку таковым пользоваться не приходилось, но получение погрешности более 3 м при измерениях с помощью нивелировочной рейки и уровня требует особых стараний. Правильность измерений 1939 г. подтверждает близость обоих результатов в 19,7 м и 19,2 м, полученные разными способами. Значительные расхождения в замерах высоты кургана 1939 г. и 1946 г. имеют иное объяснение.

На снятом в 1947 г. плане Нечаевой Могилы нанесены самые крупные объекты, – блиндажи, отдельные окопы, ходы сообщений, воронки. Обозначены также «древние впадины» до 10 м в поперечнике. Признаки для выделения именно «древних» впадин не указаны. Отмечена также протоптанная за многие годы дорожка на восточном склоне, по которой осуществлялся подъем к беседке помещика Нечаева, стоявшей на вершине кургана. Отмечено, что выемка наблюдательного пункта на

вершине, многочисленные ходы сообщений и блиндажи, а также воронки от авиабомб, которыми при осмотре в 1944 г. была изрыта буквально вся поверхность кургана, к 1947 г. уже сильно оплыли и стали зарастать травой. Стальные плиты, покрывавшие наблюдательный пункт на вершине кургана, а также спирали Бруно, перекрывавшие доступ к кургану с северной стороны, виденные в 1944 г., к 1947 г. уже были сданы в металлолом. Согласно текстовым комментариям на плане, весь северо-восточный сектор кургана от вершины до подошвы покрывали небольшие воронки от снарядов или авиабомб, к 1947 г. уже заплывшие (рис. 4). В юго-восточном секторе нижняя половина склона была сплошь изрыта воронками авиабомб разных диаметров и глубин, из которых выкинуты десятки камней известняка, разбросанные взрывами по всему склону (Граков, 1947а, с. 7–10). За два месяца жесточайших боевых действий поверхность кургана была практически полностью изувечена блиндажами, окопами, ямами, воронками от снарядов и бомб и т.п. На свежей фотографии Нечаевой Могилы сверху, сделанной в мае 2019 г., хорошо видны мелкие оспины многочисленных воронок, полностью не затянувшихся даже за почти 80 лет после окончания боев (рис. 13:3). Можно только вообразить, насколько был изуродован курган в 1944 г. Именно разрушение насыпи в военные годы, по-видимому, и стало основной причиной столь значительного расхождения в полевых замерах высоты кургана до войны в 1939 г. и после нее в 1947 гг. Дальнейшая постепенная усадка грунта кургана, хоть и в меньшей степени, происходила и позднее. Б.Н. Граков уже в 1947 г. отметил, что полы кургана начали сильно подрезаться распашкой. При этом курган не разрушается совсем, но все более и более деформируется. По маркшейдерским замерам высота Нечаевой Могилы в 1966 г. составила от 14 до 15 м с разных сторон (Пояснительная записка, 1966, с. 1, 2). Как мы видим, “заживление” военных ран на теле кургана, окончательно не завершившееся даже за 80 лет, сопровождалось дальнейшим уменьшением высоты. Также, по-видимому, этому поспособствовало обустройство на вершине триангуляционного пункта высшей категории с металлической вышкой в 1950-х гг., что предусматривало вкапывание в центре бетонного репера со стальным сердечником на глубину до 2 м и окапыванием квадрата площадью около 10×10 м глубоким рвом с валом.



Рис. 4. Нечаева Могила. 1, 2 – курган в 1965 г.; 3 – бурение Нечаевой Могилы в 1965 г. под руководством А.И. Тереножкина. Фото А.И. Тереножкина. Из архива С.В. Полина.

Fig. 4. Nechaeva Mogila. 1, 2 – barrow in 1965; 3 – drilling of Nechaeva Mogila in 1965 under the supervision of A.I. Terenozhkin. Photo by A.I. Terenozhkin. From the archive of S.V. Polin.

По-видимому, дальнейшая усадка кургана постепенно продолжается, поскольку спокойной жизни у кургана нет. Продолжается постоянное из года в год опахивание краев кургана, с каждым годом все более наступающее на полы кургана, мемориальный комплекс построен в непосредствен-

ной близости к кургану в его охранной зоне, железная лестница на его северном склоне тянется от подножья до вершины. Согласно тахеометрической съемке кургана, сделанной М. Дараган, в 2004 г. высота Нечаевой Могилы не превышала 14,5 м (Дараган, 2013, с. 80, 81, рис. 3:1, 2; 2018, с. 733).

На протяжении XIX–XX ст. курган также не оставался неизменным. В 1852–1854 гг. А.В. Терещенко отметил выборки грунта у основания Нечаевой Могили шириной до 6 саженей для добычи камня из крепиды кургана. Также он описал плоскую площадку на вершине диаметром в 6 сажен 2 аршина с просадкой в середине и отметил проседание северного и восточного склонов кургана, что связывал с обвалом подземных сооружений кургана (Терещенко, 1866, с. 4, 5). Как уже упоминалось, в конце XIX ст. на вершине кургана был вырыт глубокий колодец, вскоре засыпанный, и на его месте построена беседка. В начале XX века высота Нечаевой Могили достигала 19–20 м, что подтверждается данными Д.И. Яворницкого (Доклад, 1904, с. 21). Существующий на сегодняшний день диаметр кургана в 110 м соответствует кургану именно такой высоты (Полин, Алексеев, 2018, с. 237).

Нечаева могила – проект исследования 1966 г. В 1964 г. А.И. Тереножкин во главе Скифской Никопольской экспедиции ИА АН УССР по приглашению директора Орджоникидзевого ГОКа Григория Лукича Середы начал исследования курганов в районе г. Орджоникидзе в Днепропетровской обл. в зоне шахт и карьеров по добыче марганца. Г.Л. Середа близко познакомился с киевскими археологами еще в 1961 г., когда экспедиция А.И. Тереножкина копала курганы у с. Кирова Никопольского р-на (Черненко, 1967). Райком КПУ дал партийное поручение члену КПСС Г.Л. Середе, в то время управляющему рудоуправления им. Орджоникидзе, обеспечить безопасность проведения подземных работ археологов при исследовании глубоких скифских катакомб. В результате на курганах появились опытные шахтеры-проходчики с крепёжным лесом и многим другим, и археологи узнали и усвоили на практике, что такое техника безопасности горных работ. Часто общаясь с археологами в неформальной обстановке, Г.Л. Середа с интересом прислушивался к их мечтаниям о раскопках скифских царских курганов. При поддержке Г.Л. Середы в 1965 г. экспедиция А.И. Тереножкина раскопала 7-метровый царский курган Страшная Могила, за 10 лет до того, как ему начал угрожать Богдановский карьер ОГОКа. Из-за практически полного ограбления гробницы раскопки Страшной Могили оказались мало результативными (Тереножкин и др., 1973, с.132–138, рис. 17–21; Мозолевский, Полин, 2005, с. 32–36).

После неудачных раскопок Страшной Могили А.И. Тереножкин в 1965 г., с благословения Г.Л. Середы, в поисках большого скифского кургана под будущие раскопки исколесил большую часть Никопольского, Томаковского и Апостоловского р-нов Днепропетровской обл. (рис. 5:1). В этих поездках иногда принимал участие и Г.Л. Середа. Наконец выбор пал на самый большой на Украине царский скифский курган Нечаеву Могилу у с. Лебединское Никопольское р-на (рис. 4:1,2). А.И. Тереножкин пытался пробурить насыпь Нечаевой Могили (рис. 4:3). Однако, не смотря на неоднократные попытки, по рассказу Е.В. Черненко, бур ниже глубины 10 м не пошел¹⁰. Тем не менее, сомнений в скифской принадлежности кургана не было. Все признаки говорили об этом – характерная форма гигантской насыпи, камни крепиды в основании кургана, обломки амфор на поле вокруг него. Также было внимательно осмотрено поле вокруг Нечаевой Могили и составлен план курганов, расположенных вокруг нее. Выяснилось, что курганное окружение Нечаевой Могили весьма немногочисленно – долгая могила эпохи бронзы высотой около 4 м и два распаханых кургана высотой до 1 м. Судя по достаточно большому диаметру последних, наиболее вероятно их принадлежность к эпохе бронзы (рис. 5:3).

По поручению Г.Л. Середы инженерно-технические службы ОГОКа провели съемку и инструментальные обмеры Нечаевой Могили и на их основе к началу 1966 г. разработали инженерно-технический проект и смету раскопок скифского царского кургана Нечаева Могила.

Дотошность этого проекта по-хорошему удивляет. Прежде всего, маркшейдеры произвели детальную съемку и точно измерили размеры кургана (рис. 6). Его высота составила от 14 до 15 м с разных сторон при диаметре основания 110–115 м. Диаметр плоской вершины составлял 20–25 м (рис. 8:3). Объем насыпи составлял 54.000 м³ в плотном состоянии грунта и 65.000 м³ в разрыхленном. На этой основе составлены все расчеты предстоящих работ¹¹.

В проекте охарактеризованы климатические условия места предстоящих работ. Зима, длящаяся здесь с конца декабря до начала марта, неблагоприятна для земляных работ. При относительно небольших отрицательных температурах, дуют постоянные сильные ветры, случаются морозы около 20° и столь же внезапные оттепели. Почва промерзает до

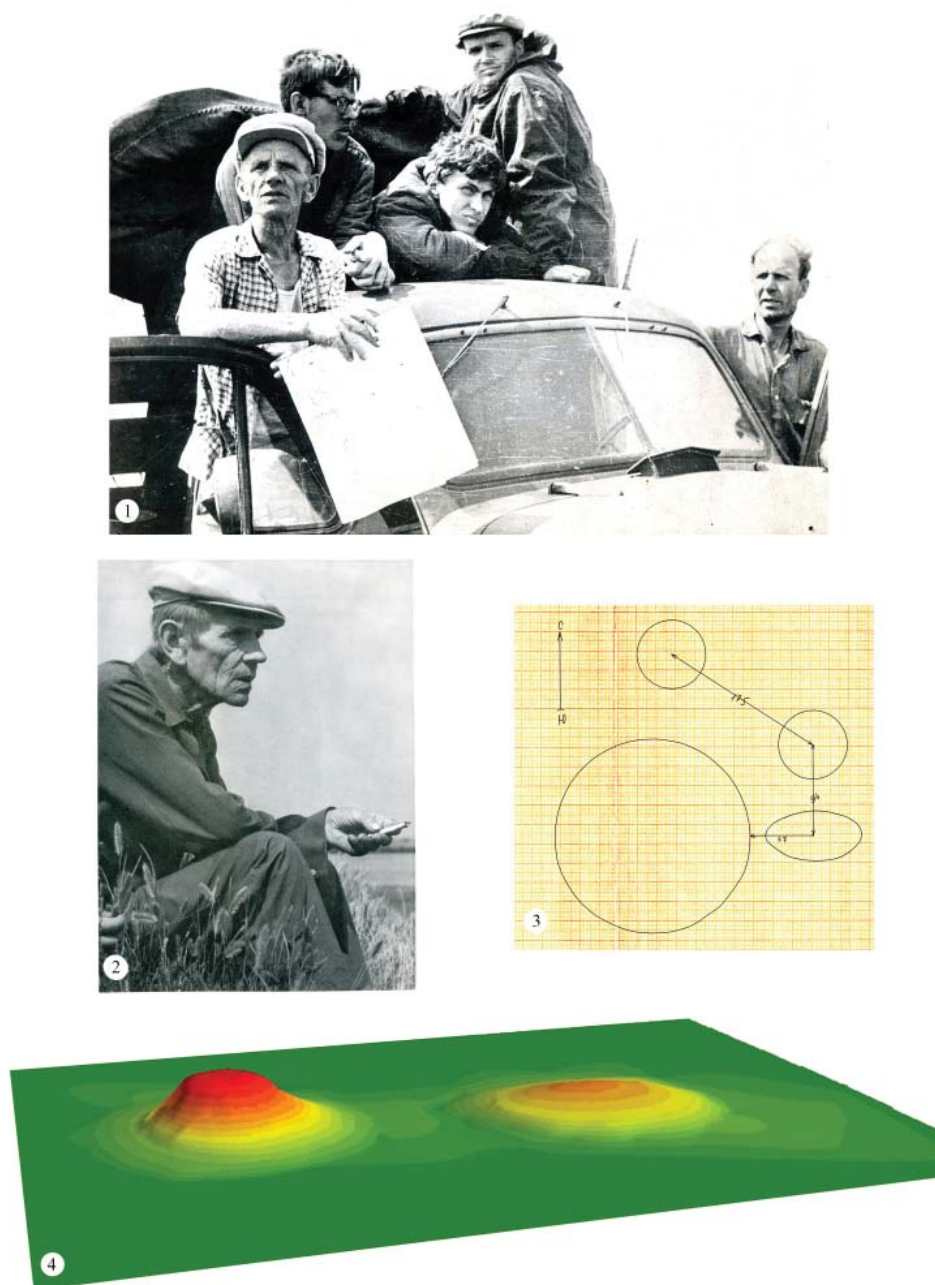


Рис. 5. 1 – 1965 г. Никопольская скифская экспедиция А.И. Тереножкина в поисках скифских царских курганов в окрестностях г. Орджоникидзе. 2 – А.И. Тереножкин на останце Чертомлыка в 1971 г. 3 – курганное окружение Нечаевой Могила. Схематический план А.И. Тереножкина. 4 – Нечаева Могила и Долгая Могила возле нее. Тахеометрическая съемка М.Н. Дараган в 2004 г.; 1-3 – из архива С.В. Полина, 4 – (по: Дараган, 2018, рис. 312: 1).

Fig. 5. 1 – 1965. Nikopol Scythian expedition by A.I. Terenozhkin in search of the Scythian royal barrows in the vicinity of Ordzhonikidze. 2 – A.I. Terenozhkin on the outlier of Chertomlyk in 1971. 3 – surrounding barrows of Nechaeva Mogila. Schematic plan by A.I. Terenozhkin. 4 – Nechaeva Mogila and Dolgaya Mogila in the vicinity. Tachymetric survey by M.N. Daragan, 2004; 1-3 – materials from the archive of S.V. Polin, 4 – (after: Daragan, 2018, fig. 312: 1).

107 см. Оптимальный период для работ – с апреля до ноября. Весь цикл работ предполагалось осуществить за 4 месяца. Выделены два основных этапа: наземный этап – снятие насыпи, и подземный этап – исследование гробницы. На наземный этап отводилось полных 3 месяца и 1 декада четвертого, на подземный – 2 декады четвертого месяца.

Для разработки (раскопок) насыпи предполагалось использование скреперов на базе тракторов С-80 (100) с прицепными ковшами объемом 6–6,5 м³. Для разработки насыпи с перемещением грунта на расстояние 300–500 м требовалась работа четырех скреперов в две смены в течение 85 дней. Грунт, вывезенный с кургана, предполагалось складировать вокруг

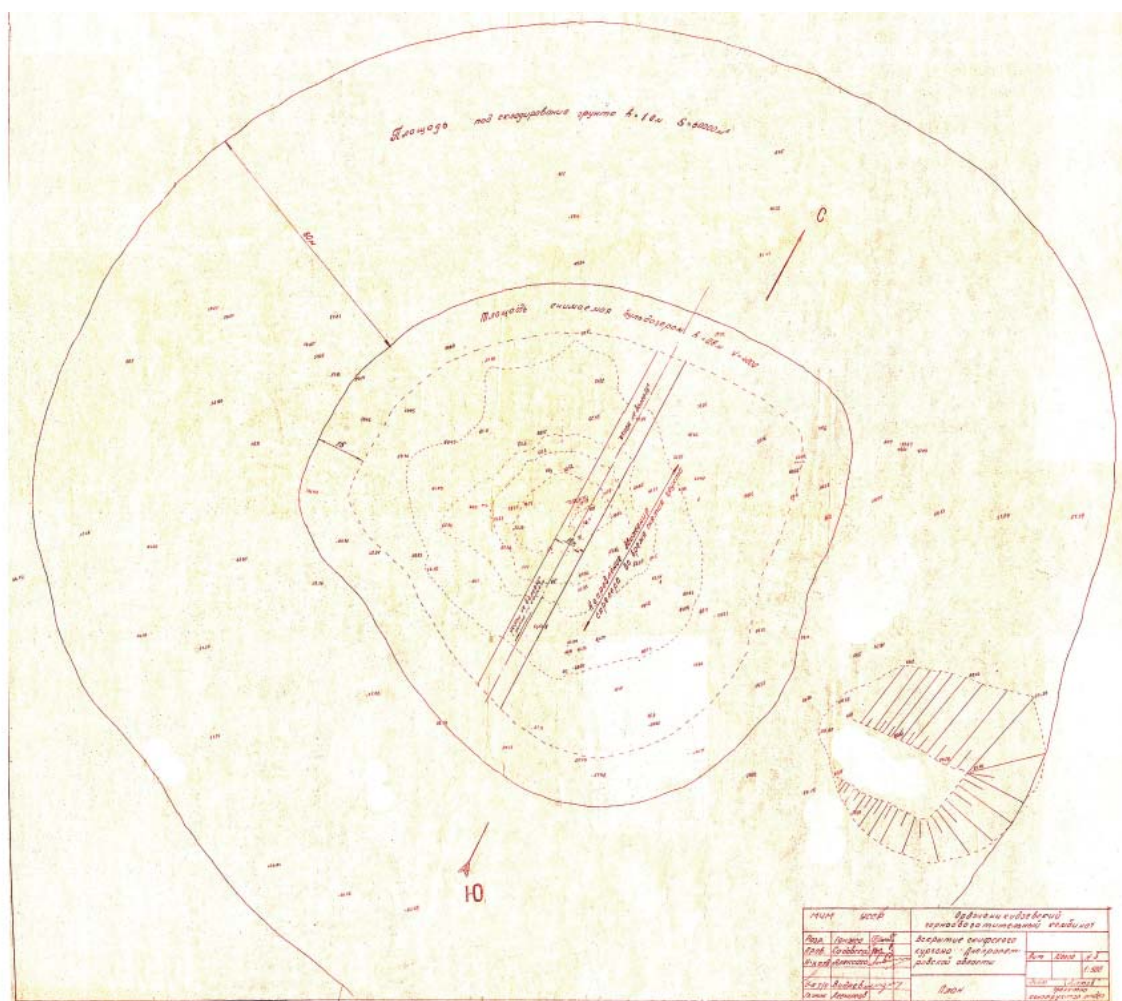


Рис. 6. Нечаева Могила. Съёмка и предварительная схема землеотвода для раскопок Нечаевой Могилы.

Составлена маркшейдерами ОГКО в 1965 г. Из архива С.В. Полина.

Fig. 6. Nechaeva Mogila. Survey and preliminary layout of an earth channel for the excavation of Nechaeva Mogila. Compiled by the underground surveyors of Ordgonikidze Ore Mining and Processing Enterprise in 1965. Materials from the archive of S.V. Polin.

кургана кольцом шириной 80 м и высотой до 1 м (рис. 6; 7). Чтобы скреперы смогли въехать на курган, бульдозеры должны были подготовить специальные пологие заезды. Для этого требовалось переместить около 5000 м³ на расстояние до 100 м, что требовало работы в течение до 15 дней двух бульдозеров (рис. 7).

Всего для производства полного цикла работ требовалось 4 скрепера указанного типа, 2 бульдозера С-80 (100), автокран грузоподъемностью 3 т, бортовой автомобиль и самосвал ГАЗ-93. Для всей этой техники требовались различные горюче-смазочные материалы: дизельное топливо (30 т), бензин (450 кг), дизельное масло (1650 кг), нигрол (450 кг), автол (1950 кг), солидол (600 кг), обтирочный материал (15 кг).

Заключительный подземный этап работ по исследованию гробницы кургана предполагалось произвести за две декады. Общий объем подземного сооружения предполагался

в 120–150 м³. За 1-ю декаду предполагалось пройти и полностью закрепить входную яму размерами 3×3 м и глубиной до 13 м. Выборка входного колодца должна была производиться вручную с подъемом грунта и камней на поверхность с помощью автокрана бадьей емкостью 0,5–0,7 м³. Крепление колодца предполагалось основными венцами через каждые 3 м глубины и промежуточными между ними через 1,5 м, с затяжкой стенок досками сплошную, с устройством полка и лестниц высотой 6 м (рис. 9). На выборку и крепление камеры размерами 4×5×3 м, а с учетом возможного обрушения потолка высотой до 5–6 м, отводилось 6 дней. Крепить камеру предполагалось крепежными рамами с расстоянием между стойками 1,5–2,0 м и между рамами 2 м, а при высоте камеры более 3 м – двойными рамами с «лежанами». Потолок затягивался досками «в разбежку». Для крепления гробницы было необходимо 5 м³ леса круглого диаметром 20

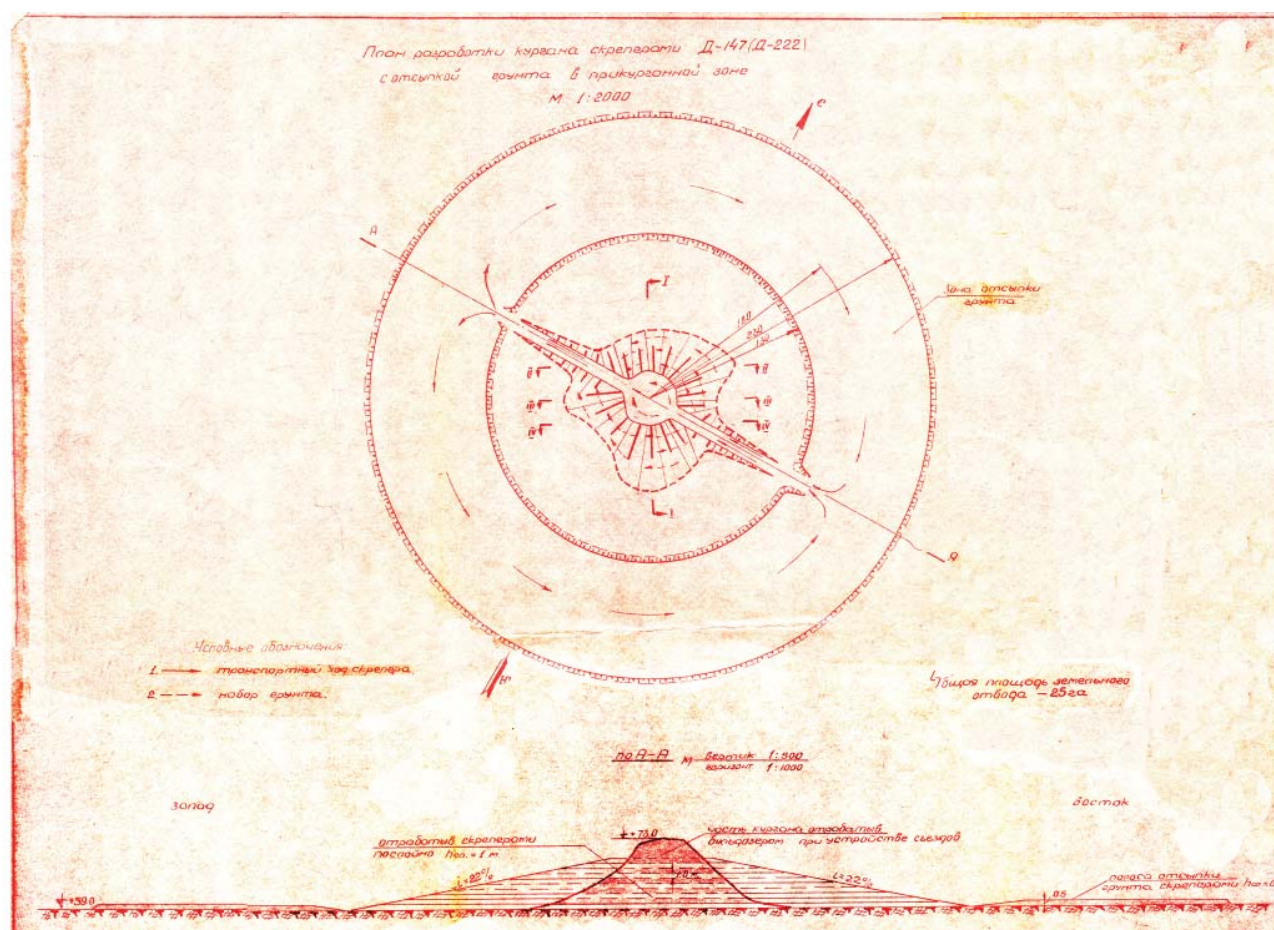


Рис. 7. Нечаева Могила. Схема движения скреперов и складирования вывезенного грунта при разработке насыпи кургана скреперами, а также схема устройства бульдозерных въездов на курган для скреперов. К проекту раскопок Нечаевой Могилы 1966 г. Из архива С.В. Полина.

Fig. 7. Nechaeva Mogila. Scheme of the movement of scrapers and the storage of removed soil during the development of the mound embankment with scrapers, and a scheme of the construction of barrow entrances for scrapers by bulldozers. From Nechaeva Mogila excavation project, 1966. From the archive of S.V. Polin.

см, 7 м³ леса круглого диаметром 18 см, 2 м³ досок необрезных, 1 м³ соснового бруса, 50 кг гвоздей и 100 строительных скоб.

Перед началом работ предполагалось тщательное обследование и расчистка вершины и склонов кургана для выявления и удаления боеприпасов, сохранившихся после войны. Предполагалось ограждение места проходки гробницы, строжайшее соблюдение техники безопасности при производстве подземных работ, обеспечение рабочих при подземных работах касками и спецодеждой, устройства отводов дождевых вод за пределы участка работ.

После окончания раскопок предусматривалась засыпка гробницы и всей площади кургана с планировкой всей окружающей местности грунтом, складированным вокруг кургана, с выведением всей площади на общий уровень с помощью скреперов.

Стоимость всех работ определена в 25018,1 руб. (Пояснительная записка, 1966).

Сравнительно скромная стоимость раскопок такого кургана-гиганта обусловлена использованием исключительно внутренних расценок ОГОКа. Безусловно, реальная стоимость была бы значительно большей. Проект был составлен по образу и подобию раскопок Страшной Могилы, которые с интересом наблюдали и принимали непосредственное активное участие в его осуществлении многие сотрудники ОГОКа. Именно поэтому в нем отразился упрощенный подход археологов того времени к исследованию насыпи скифского кургана – максимально быстрое удаление курганной насыпи для скорейшего доступа к подкурганной гробнице. Хотя уже давно, начиная с М.И. Ростовцева, в скифоведении выдвигались требования тщательного изучения конструкции насыпей скифских царских курганов. И Б.Н. Граков предполагал именно такой подход при раскопках Нечаевой Могилы. Тем не менее, в то время многие археологи априорно считали, что насыпь

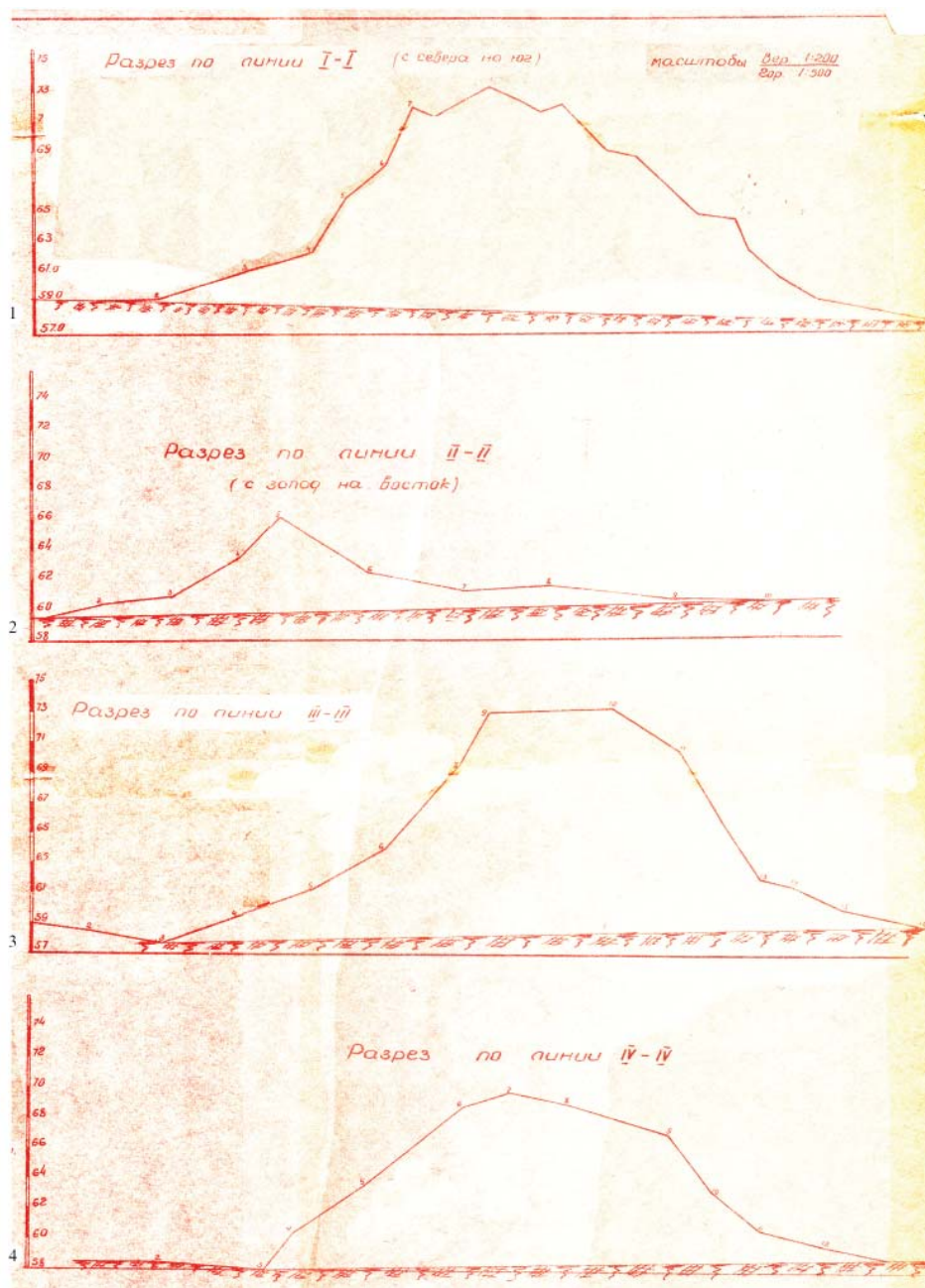


Рис. 8. Нечаева Могила. Схематические разрезы кургана по результатам маркшейдерской съемки 1965 г.

К проекту раскопок Нечаевой Могилы 1966 г. Из архива С.В. Полина.

Fig. 8. Nechaeva Mogila. Schematic cross-sections of the barrow on the basis of underground surveying results of 1965. From Nechaeva Mogila excavation project, 1966. From the archive of S.V. Polin.

любого скифского кургана имеет простейшую конструкцию и потому ее исследование имеет чисто формальное значение. Основной интерес при таком подходе имели драгоценные находки в погребениях. В сущности, во многом сохранялся золотоискательский подход, характерный для всего дореволюционного периода, когда основные усилия археологов были направлены на добычу ценных экспонатов для Императорского Эрмитажа. Вследствие этого по максимально упрощенной схеме было раскопано большинство курганов высшей скифской знати в 1960-х –

начале 1970-х гг. Так была раскопана Страшная Могила, Гайманова и Толстая могилы, Мордвиновские, Красноперекские и все остальные курганы, раскопанные в этот период. И только после раскопок Желтокаменной Толстой Могила, где впервые был получен полный 9-метровой высоты полностью зачищенный профиль 9-метрового кургана¹² и два вспомогательных неполной высоты, и стала очевидной сложность конструкции насыпи скифского кургана, пришло осознание необходимости тщательного изучения конструкции насыпей скифских курганов (Мозолев-

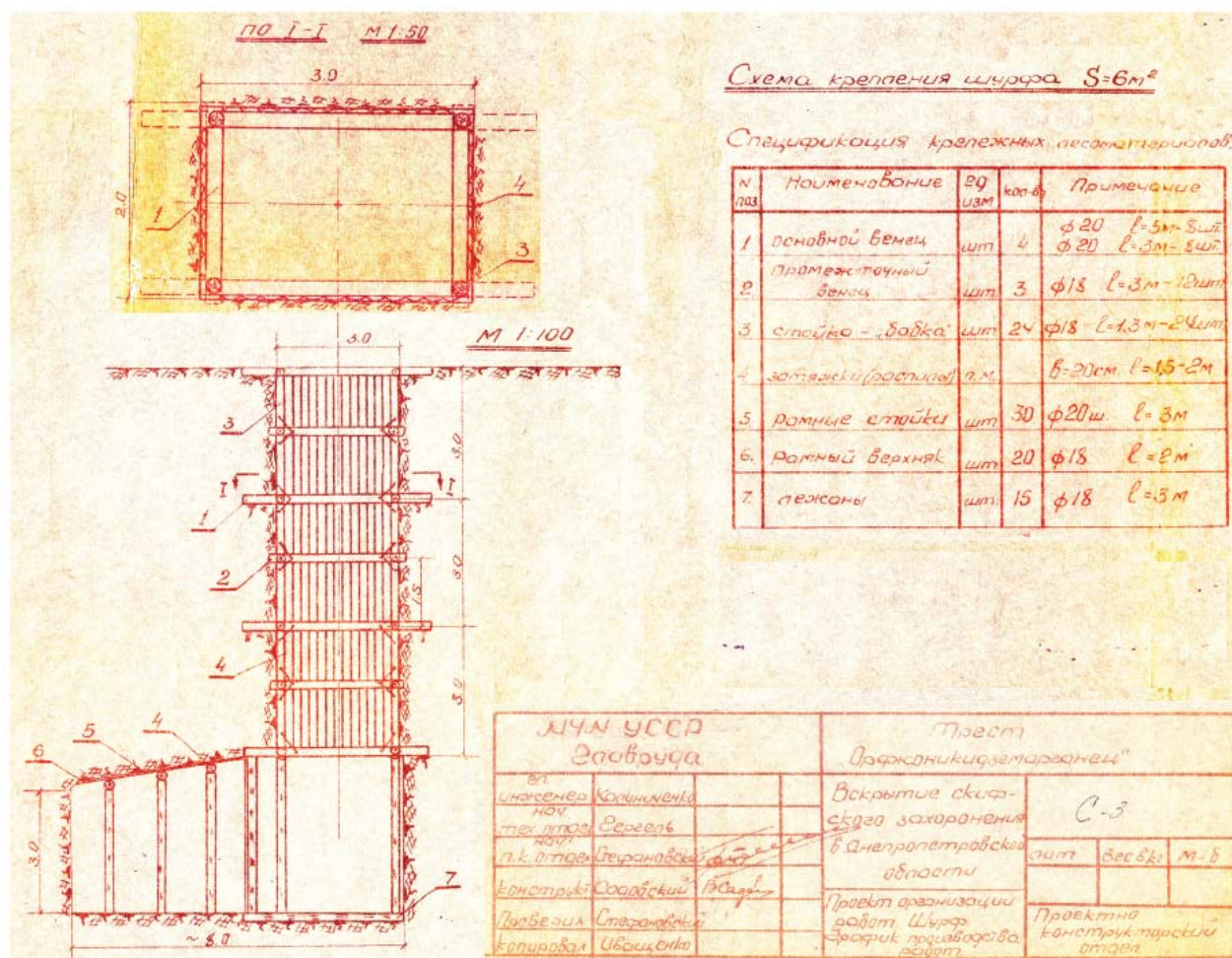


Рис. 9. Нечаева Могила. Схема проходки и крепления гробницы кургана, а также спецификация древесных материалов для крепления гробницы. К проекту раскопок Нечаевой Могилы 1966 г. Из архива С.В. Полина.
Fig. 9. Nechaeva Mogila. Scheme of the passage and fastening of barrow's tomb, and a specification of wood materials for tomb fastening. From Nechaeva Mogila excavation project, 1966. From the archive of S.V. Polin.

ский, Полин, 2005, с. 35–37). Поэтому в этом проекте раскопки насыпи Нечаевой Могилы предполагались как решение простейшей технической задачи по ее снятию и перемещению всей гигантской массы грунта в сторону максимально быстрым способом. Столь же немудреным ускоренным способом рассчитывалось исследование гробницы кургана. Все это проектировалось исходя из раскопок Страшной Могила, где была открыта единственная гробница в кургане, с очень высоким обвалом свода и исследование которой было максимально быстротечным по причине практически полного ограбления. И конечно, чисто технический подход к решению задачи раскопок в проекте, практически без учета научно-исследовательской специфики, обусловил фантастически короткие расчетные сроки раскопок кургана-гиганта. Уже исследование Желтокаменной Толстой Могила 9-метровой высоты, где были предприняты серьезные попытки изучения насыпи, а погребальные

сооружения кургана оказались весьма сложными и непростыми для раскопок, потребовали 5 месяцев напряженной работы. Раскопки Бабиной Могила высотой 8 м, где изучению конструкции насыпи было уделено значительно больше внимания и времени, хотя и недостаточно, потребовали 4 месяца. В эти оба срока не вошли работы по рекультивации местности после раскопок. Но в этом нет вины производителей, поскольку они исходили из того, что непосредственно наблюдали. Во всем остальном проект вызывает уважение и восхищение глубиной проработки решения задач. Безусловно, если бы дело дошло до реализации проекта, то были бы внесены необходимые коррективы.

Но А.И. Тереножкин отошел от исследований в районе г. Орджоникидзе и в 1966 г. занялся другими проблемами. Этот проект так и остался неосуществленным, хотя и не был забыт окончательно (Мозолевский, Полин, 2005, с. 32–36).



Рис. 10. Нечаева Могила. 1 – 1971 г. Посещение кургана сотрудниками Орджоникидзевской экспедиции после завершения раскопок Толстой Могила. 2 – 1980-е гг. 3 – 1990 г. Л.А. Игнатенко собирает осколки снарядов на поле у Нечаевой Могила. Из архива Л.А. Игнатенко. 4 – Нечаева Могила и Долгая могила возле нее. 1994 г. Фото С.В. Полина.

Fig. 10. Nechaeva Mogila. 1 – 1971. Visit to the barrow by the specialists of the Ordzhonikidze expedition after the completion of the excavations at Tolstaya Mogila. 2 – 1980s. 3 – 1990 L.A. Ignatenko collects shell fragments on the field near Nechaeva Mogila. From the archive of L.A. Ignatenko. 4 – Nechaeva Mogila and Dolgaya Mogila in the vicinity. 1994. Photo by S.V. Polin.

Строительство новых карьеров и предприятий по добыче и обогащению марганцевой руды в г. Орджоникидзе продолжалось, и в конце 1969 г. здесь вновь возникла угроза сноса курганов. Сюда начальник Северо-Рогачикской экспедиции В.И. Бидзиля откомандировал в качестве начальника отряда своего сезонного сотрудника в то время безработного и опального Б.Н. Мозолевого¹³. Б.Н. Мозолевский не был новым человеком в Орджоникидзе. В годы работы здесь в экспедиции А.И. Тереножкина в 1964–1965 гг. он близко познакомился с директором Орджоникидзевского ГОКа Г.Л. Середой. И с его вторичным появлением в Орджоникидзе прежние планы раскопок больших скифских царских курганов возродились вновь. По инициативе Г.Л. Середы удалось обосновать и провести раскопки Толстой Могилы, принесших Б.Н. Мозолеву мировую известность и круто изменившие его судьбу (Мозолевский, 1979; Мозолевский, Полин, 2005, с. 34–41). Помимо охранных раскопок на марганцевых карьерах, с благословения Г.Л. Середы, Б.Н. Мозолевский продолжил поиски больших скифских курганов в близлежащих районах.

С конца 1973 г. Б.Н. Мозолевский начал вплотную изыскивать возможности раскопок Нечаевой Могилы или 9-метровой Желтокаменской Толстой Могилы. Поскольку оба кургана находились за пределами территории ОГОКа, источники финансирования раскопок нужно было искать на стороне. Службы ОГОКа переработали смету к проекту раскопок Нечаевой Могилы 1966 г. и с учетом произошедших изменений в типах используемой техники (вместо скреперов на базе тракторов с прицепными ковшами емкостью 6,0–6,5 м³, появились автоскреперы с ковшом в 8 м³) и расценках стоимость исследований кургана на 1974 г. была определена в 70.933 руб. На основе опыта раскопок Толстой Могилы была определена также и стоимость исследований приблизительно равной ей по величине Желтокаменской Толстой Могилы.

Идея раскопок Нечаевой Могилы не нашла поддержки, прежде всего, среди археологов. Мотивировалось это нецелесообразностью золотоискательства в то время, когда археологи едва успевают исследовать курганы, попадающие под разрушение на многочисленных новостройках Украины. Нечаевой Могиле ничто не угрожает и потому необходимости копать ее нет. Также выдвигался аргумент, что Нечаева Могила последний курган такой величины на Украине и его необходи-

мо сохранить для потомков. В 1974–1975 гг. Б.Н. Мозолеву удалось провести исследования Желтокаменской Толстой Могилы – еще одного скифского кургана царского уровня (Мозолевский, 1982).

Нечаева могила в 90е годы XX в. После результативных раскопок Б.Н. Мозолевым Соболевой Могилы в 1991 г. в г. Орджоникидзе возникла идея создания фонда по исследованию скифских курганов, участвовать в котором пожелали многие предприятия города. Также появился и некий бизнесмен, пожелавший финансировать раскопки Нечаевой Могилы. Однако с внезапным уходом из жизни Б.Н. Мозолевого в 1993 г. все эти начинания прервались. Резко изменившаяся в те же годы экономическая ситуация в стране поставила крест на всех подобных идеях. Цены на все настолько возросли, что стоимость раскопок Нечаевой Могилы переместилась в область астрономии и только безостановочно успешно продолжает расти год от года.

Но курган продолжал собственную жизнь. Как уже говорилось выше, в результате самоотверженной деятельности Л.А. Игнатенко на средства Никопольского завода ферросплавов был разработан проект мемориального комплекса по увековечению памяти воинов, павших во время Великой Отечественной войны в боях у Нечаевой Могилы. Была сделана асфальтовая дорога на подъезде к кургану, создана площадка для парковки автомобилей и создана аллея, ведущая к подножию кургана. В конце аллеи вдоль нее с обеих сторон уложены 150 гранитных плит, на которых увековечены имена 1508 павших в боях у Нечаевой Могилы воинов Красной армии. Завершает аллею высокий памятник-стела у подножия кургана. За ней по склону кургана обустроена удобная железная лестница, по которой можно взойти на вершину Нечаевой Могилы и увидеть бесконечные просторы тающей в дымке украинской степи.

Мемориальный комплекс «Высота 167,3 Могила Нечаева» был торжественно открыт, как уже отмечалось выше, 9 мая 1993 г. в присутствии родственников павших здесь воинов, съехавшихся со всех концов бывшего СССР, участников штурма высоты и множества жителей близлежащих населенных пунктов (рис. 11:1, 2). Издавна, еще с послевоенного времени, празднование Дня Победы 9 мая у Нечаевой Могилы стало традицией. После открытия мемориального комплекса празднование Дня Победы 9 мая у Нечаевой Могилы приняло особо торжественные

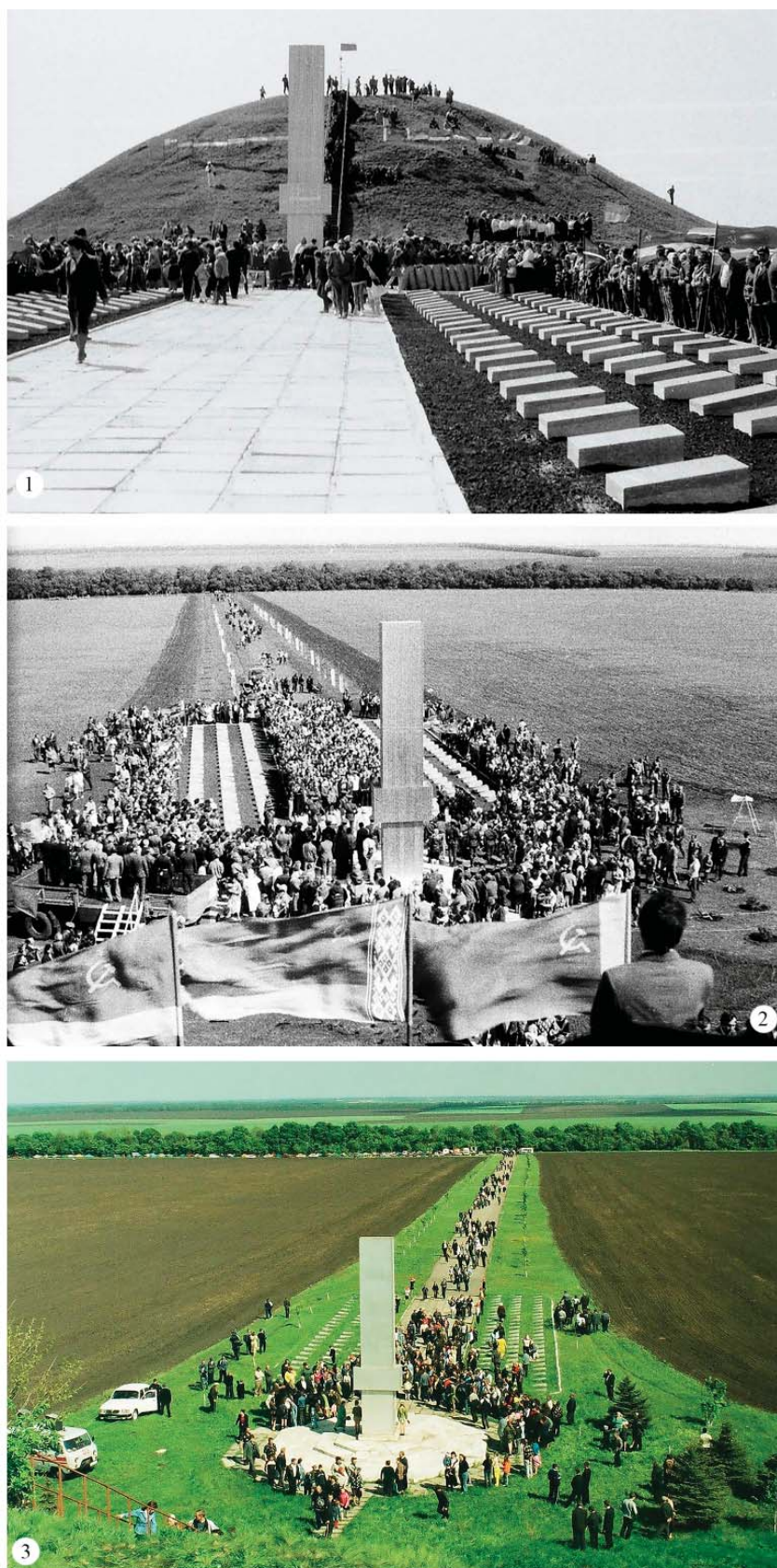


Рис. 11. Нечаева Могила. Мемориальный комплекс памяти павших в боях у Нечаевой Могилы в 1943–1944 гг. 1, 2 – открытие комплекса 9.05.1993 г. 3 – День Победы на Нечаевой Могиле в 2000-х гг. Фото В. Невского.
Из архива Л.А. Игнатенко.

Fig. 11. Nechaeva Mogila. Memorial complex in memory of those who died in the battles at Nechaeva Mogila in 1943–1944. 1, 2 – opening of the complex on May 09, 1993; 3 – Victory Day at Nechaeva Mogila in the 2000s. Photo by V. Nevsky. From the archive of L.A. Ignatenko.

формы. Но с годами участников боев становится все меньше, все меньше людей решается на далекую поездку из республик бывшего Союза. Да и политическая ситуация на Украине не способствует массовости празднования. Тем не менее, каждый год 9 мая в День Победы у Нечаевой Могилы съезжаются сотни людей (рис. 11:3.).

Нечаева могила в наши дни. 16–18 апреля 2018 г. по многим украинским новостным ТВ-каналам прошло сообщение о попытке ограбления Нечаевой Могилы (рис. 12:6). Работавшим неподалеку от кургана поисковикам из общественного объединения «Восточный вал» местные жители сообщили о провалившемся блиндаже на вершине Нечаевой Могилы. При ближайшем рассмотрении это оказался грабительский колодец, закрытый сверху досками и полиэтиленовой пленкой, засыпанный слоем земли около полуметра толщиной. После того, как доски сгнили, перекрытие частично обвалилось, и образовалась дыра (рис. 12:2,3). Члены поисковой группы расчистили отверстие и один из них на веревке спустился в этот колодец для осмотра. С его слов, ситуация следующая. Вертикальный квадратный колодец размерами 1×1 м имеет глубину 16 м. Стенки колодца закреплены частыми венцами из тонких бревен (рис. 12:3). На всю высоту висит веревочная лестница с металлическими перекладинами (рис. 12:5). Внизу на глубине 16 м в разных направлениях вырыты три горизонтальных хода 8-метровой длины. В центре колодца дополнительно прокопан шурф еще на 4 м вглубь. На дне валялись вал самодельной лебедки для подъема грунта наверх, каски, ведра, тачка, лопаты, сгнившие мешки. Судя по сгнившим мешкам и трухлявым бревнам крепления, работы производились не менее трех лет тому назад.

По нашим подсчетам общий объем грабительского колодца с боковыми ходами и дополнительным шурфом составляет около 55 м³ грунта. Поднятый на поверхность грунт равномерно рассыпан по всей площади плоской вершины, диаметр которой составляет 20–25 м, и плотно утрамбован. В августе 2018 г. группа сотрудников Орджоникидзевской экспедиции, в том числе и я (С.П.), посетила Нечаеву Могилу. Наверху в центре огороженного ленточкой пространства мы увидели грабительский колодец, накрытый тонкой бетонной плитой, уложенной на бревнышки, и сверху присыпанный грунтом. Бетонная плита была расколота пополам

любопытствующими посетителями, и половина ее была частично сдвинута в сторону, чтобы можно было заглянуть в колодец (рис. 13:2). Конечно, было бы правильным полностью засыпать грабительский колодец. Но для этого необходимы специальные работы по подъему необходимого количества грунта на курган, требующие значительных усилий, учитывая высоту кургана и крутизну его склонов. Даже бетонную плиту для закрытия колодца пришлось выбрать самых минимальных размеров и толщины, поскольку ее подъем на вершину кургана производился на руках по крутой лестнице. После нашего посещения какие-то работы в этом направлении были все же проделаны, поскольку на съемке кургана в мае 2019 г., проделанной сотрудниками ТВ-канала «Deutsche Welle» (DW) из ФРГ, на вершине кургана как будто ничего не заметно (рис. 13:3).

По факту попытки ограбления Нечаевой Могилы Николапольская прокуратура возбудила уголовное дело (рис. 13:1). Однако, ничего не удалось установить. Ни время происшествия, ни его участников. Никто ничего не видел и не знает. Для выкапывания грабительского колодца и логистического обеспечения этой работы, длившейся на протяжении не менее 2-х месяцев, по самым скромным прикидкам требовалось 5–7 человек с набором всех необходимых инструментов и своим транспортом для постоянного подвоза пищи, воды, одежды. Каким-то образом была решена проблема освещения колодца. Где-то в ближайших посадках было срублено десятка три-четыре деревьев для крепления колодца. Все эти работы, в том числе и на кургане, производились в дневное время. Где-то рядом с курганом эти люди жили достаточно длительное время.

Конечно, Нечаева Могила находится в уединенном месте, доступ к которому по грунтовыми дорогам в период с ноября до начала апреля достаточно затруднен. Но на протяжении апреля – октября здесь регулярно бывает много людей, связанных, прежде всего, с производством различных сельскохозяйственных работ. Практически ежедневно с рассвета до заката это происходит в период посевной и уборки урожая и значительно реже в остальное время для ухода за посевами. Особенно интенсивно курган посещается в апреле–мае, что связано с подготовкой и празднованием Дня победы. Летом и ранней осенью на кургане чуть ли не ежедневно бывают посетители, хотя и немногочисленные. Среди местного люда имеется достаточно любителей прове-



Рис. 12. Нечаева Могила. Ограбление кургана. 1-6 – обнаружение грабительского колодца в апреле 2018 г.; 1-6 – ресурсы новостных ТВ-каналов ТНТ и 34.

Fig. 12. Nechaeva Mogila. Looting of the barrow. 1-6 – discovery of a looting well in April, 2018; 1-6 – resources of TNT and 34 news channels.



Рис. 13. Нечаева Могила. 1 – осмотр грабительского колодца представителями соответствующих органов в апреле 2018 г. 2 – грабительский колодец, накрытый бетонной плитой. Август 2018 г. 3 – Нечаева Могила. Вид сверху (1 – ресурс новостного ТВ-канала НТН. 2 – фото С.В. Полина. 3 – съемка ТВ-канала «Deutsche Welle» (DW) ФРГ 9 мая 2019 г. – см. https://drive.google.com/file/d/1VZ3rGrM5WskC0r_Q9mxUzD17p3qRLZnr/view?usp=sharing).

Fig. 13. Nechaeva Mogila. 1 – inspection of the looting well by representatives of the relevant authorities in April, 2018; 2 – looting well covered with a concrete slab. August, 2018. 3 – Nechaeva Mogila. Top view (1 – resource of the TNT news channel. 2 – photo by S.V. Polin. 3 – photos of the Deutsche Welle (DW) channel, Germany, May 9, 2019 – ref. https://drive.google.com/file/d/1VZ3rGrM5WskC0r_Q9mxUzD17p3qRLZnr/view?usp=sharing).

сти время на вершине кургана с видом на необъятные горизонты то ли в чисто мужской компании, то ли с дамой. Поэтому факт отсутствия каких-либо свидетелей, по меньшей мере, вызывает удивление.

В связи с этими сообщениями в интернете развернулась живая дискуссия, в которой, согласно одному из высказанных мнений, во избежание дальнейших попыток ограбления, курган было бы целесообразно раскопать археологам. К сожалению или к счастью, такой способ решения проблемы в ближайшем обозримом будущем не имеет ни малейших шансов на реализацию. По нашим прикидкам полные исследования кургана – раскопки кургана и полная обработка его материалов с итоговой публикацией – потребуют около 10 лет. Из них только два года займут полевые исследования. Первый сезон займет исследование такой гигантской насыпи со всем соблюдением методик по изучению ее конструкции и креpidы кургана, с предварительным исследованием 4-метровой долгой могилы и малых курганов, расположенных рядом, для освобождения пространства для временного складирования грунта, вывезенного с Нечаевой Могилы. Раскопки подземных гробниц, которых в кургане будет несколько, займет второй сезон. Безусловно, после завершения раскопок, необходимо будет восстановить гигантский курган в его первоначальном виде, что потребует продуманной инженерной работы для воссоздания первоначальной формы кургана¹⁴. Много времени потребует обработка находок, включающая консервацию, реставрацию, фото и графическую фиксацию

с составлением текстового описания со всеми обмерами. Значительного времени потребует проведение анализов образцов почвы насыпи, обработка и исследование антропологических материалов, их генетический анализ, изучение костей животных, анализы костных материалов на изотопы, специальные исследования изделий из черного, цветных и драгоценных металлов. И также потребует серьезного времени аналитическое исследование полученных результатов и их оформление в полноценную монографию.

По нашим прикидкам, для осуществления всего этого гигантского цикла работ потребуется до 1.000.000 долларов США. Ни государство, ни частные инвесторы такими возможностями не располагают. Не существует также инвесторов, способных на такой шаг, ни в ближнем, ни в дальнем зарубежье. Мы уже имеем определенный опыт в этом отношении. В 2001 г. мы обнаружили столь же серьезное ограбление сходного характера скифского кургана Толстая Могила высотой 4,5 м у с. Каменка Апостоловского р-на Днепропетровской обл. Мы обратились с просьбой о финансировании раскопок этого замечательного кургана в Комиссию по охране культурного наследия в Верховной Раде Украины, а также во все известные нам частные фонды Украины. Ни одна из организаций не снизошла даже до ответа на наши письма. Поэтому единственное возможное решение в нынешней ситуации – сохранение Нечаевой Могилы как национального достояния для будущего. Осмотр кургана каждые одну-две недели не потребует особых затрат.

Примечания:

¹ Имеется информация о 9-метровом кургане на р. Калка у с. Шевченко и 10-метровом кургане у с. Прелестное Славянского р-на Донецкой обл. 10-метровый курган эпохи бронзы у пос. Затока Белгород-Днестровского р-на Одесской обл. исследовал И.Т. Черняков (Рябова, Супрунов, 1998, с.67). В Крыму в свое время А.А. Щепинский исследовал знаменитый 7-метровый Ногайчинский курган (Зайцев, Мордвинцева, 2003). Несколько курганов эпохи бронзы высотой 7-10 м, в том числе Могила Эристовка высотой не менее 10 м, выявлены в нижнем течении рр. Псел и Сухой Кобелячек в окрестностях г. Комсомольск в Полтавской обл. Из них исследованы курган Цегельня высотой 7 м (Шилов, 1993, с.142) и Стовбувата Могила высотой более 7 м (Супруненко и др., 2005, с.30-33, 42).

² Великий луг – историческое название обширного участка долины Днестра и левого притока Днестра Конки от порогов до Нововоронцовки. Великий луг славился великолепными пастбищами, не высохавшими даже при сильной засухе, и несметными количествами рыбы и дичи.

³ На картах Российского Генерального штаба трехверстного масштаба, составленных на основе инструментальных топографических съемок, начатых в 1845 г. (Сосса, 2000, с. 80), имеется много названий крупных курганов. Тем не менее, Александропольский курган и Нечаева Могила, по размерам из числа крупнейших в Северном Причерноморье, Орлова Могила и Краснокутский курган высотой 8–10 м, а также ряд других не менее крупных на этих картах остались безымянными (рис. 1:1).

⁴ Загадочный способ измерения высоты курганов «через верх», практиковавшийся российскими археологами XIX ст., нам так и не удалось конвертировать в высоту кургана по вертикали.

⁵ Существование колодца на вершине Нечаевой Могилы зафиксировано в рассказе местных жителей, записанном сотрудником Никопольского краеведческого музея М.П. Жуковским, согласно которому землевладелец

Б.А. Нечаев подрядил местных крестьян на раскопки кургана. Крестьяне, не имея возможности отказать своему помещику, вынужденно выполняли крайне обременительные для них работы в самую горячую пору года. Чтобы найти благовидный предлог для отказа от вредной затеи, они пошли на хитрость. Вырытый на вершине кургана глубокий колодец в течение ночи был наполнен водой, что и было продемонстрировано барину в качестве препятствия для дальнейших раскопок. После этого яма была засыпана и на вершине кургана установлена помещицья беседка (Мозолевский, Полин, 2005, с. 31).

⁶ Каменское городище, отмеченное Эрихом Лясотой еще в XVI в. (Мемуары, 1890, с. 184), попало в поле зрения российских археологов в XIX в. В 1850 г. здесь побывал А.С. Уваров, определивший поселение как греческое IV–II вв. до н.э. и видевший в нем птолемеевский город Серим (Уваров, 1851, с. 20–30). В 1853 г. здесь побывал А.В. Терещенко, полагавший, что это татарское городище Самыс (Терещенко, 1853, с. 30–34). Члены Одесского общества истории и древностей Н. Вертильяк и А. Чирков считали этот памятник крупнейшим из расположенных на Нижнем Днепре, в том числе и в сравнении с Ольвией (Вертильяк, 1858, с. 143–145; Чирков, 1867, с. 546). Каменское городище постоянно привлекало внимание исследователей (Брун, 1870, с. 65–67; Падалка, 1891, с. 384–390; Соколов, 1892; Браун, 1899, с. 213, 214, 224, 371, 372). Начиная с 1896 г. учитель школы с. Каменка Д.Я. Сердюков (позднее был директором Мелитопольского музея, умер в 1930-х гг. - Граков, 1954, с. 38) в течение ряда лет собирал здесь находки, а в 1899–1900 гг. по поручению ИАК провел первые раскопки (ОАК, 1899, с. 28–37; 1900, с. 31–33; Граков, 1954, с. 33–39).

⁷ Я (С.П.) много читал в книгах о весенней распутице в степи, видел кадры военной кинохроники, на которых бойцы буквально на себе передвигали в непролазной грязи автомашины, пушки, вытаскивали повозки с лошадьми. За 50 лет работы в степи на раскопки мы всегда попадали в поле уже теплой весной или в начале лета. При задержках в поле до ноября-декабря, конечно, приходилось сталкиваться с осенней грязью. Но когда после таких кратковременных приключений есть возможность отогреться и помыться в теплой хате, все это в целом не производит впечатления чего-то чрезвычайного. Но однажды В 2004 г. весна была поздней, затяжной, холодной. В начале апреля только началось первое тепло. В степи в посадках под деревьями и вдоль заборов еще лежал снег. В первых числах апреля мы вышли на осмотр Краснокутского кургана в Днепропетровской обл. на вспаханное с осени поле. Под первым жарким солнышком едва успел сойти снег и оттаяли лишь верхние 20–30 см почвы. Эти 20–30 см были просто слоем жидкого чернозема. Ниже была мерзлота, и вода никуда не уходила. И так все поле – от горизонта до горизонта. Позже мы выбрались на непаханные поля, покрытые прошлогодней травой. Здесь слой мерзлоты начинался сразу под травой. Идешь по траве – вода хлопает под ногами. Даже на вершине 5-метрового кургана мы не нашли и клочка сухой земли – все сочилось водой. Совершенно непонятно, как в таких условиях не то что воевали, просто выживали бойцы Красной армии – по колено в грязи на дорогах и окружающих полях, без малейшей возможности присесть, тем более прилечь на сухое место. Костер, чтоб согреться и обсушиться, не развести, нигде сухой ветки не найти

⁸ Документы Центрального архива Министерства обороны РФ по боевым действиям в районе Нечаевой Могилы сейчас доступны для всех желающих. Они размещены на следующих сайтах:

http://mogilanechaeva.ucoz.com/publ/dokumenty_centralnogo_arkhiva_ministerstva_oborony_rf/zhurnal_boevykh_donesenij/3-1-0-27 http://mogilanechaeva.ucoz.com/publ/dokumenty_centralnogo_arkhiva_ministerstva_oborony_rf/zhurnal_boevykh_donesenij/3-1-0-26

http://mogilanechaeva.ucoz.com/publ/dokumenty_centralnogo_arkhiva_ministerstva_oborony_rf/zhurnal_boevykh_donesenij/3-1-0-25

http://mogilanechaeva.ucoz.com/publ/dokumenty_centralnogo_arkhiva_ministerstva_oborony_rf/zhurnal_boevykh_donesenij/3-1-0-24 (информация Л.А. Игнатенко).

⁹ Эти материалы частично опубликованы в книге «Они освобождали Никополь» (Днепропетровск: Пороги, 2001). Фрагменты из этой книги «никопольские активисты» разместили на своих сайтах (см. <https://nv.nikopolnews.net/nikopol/16-obshchestvo/13873-kak-osvobodzhali-nikopol> ; <http://www.bizslovo.org/content/index.php/ua/istoriya-nikopolja/137-2009-10-21-09-48-42/142-nachalo.html>). В 2011 г. для родственников павших в районе Нечаевой Могилы воинов по инициативе Л.А. Игнатенко был создан сайт «Высота 167,3 Могилы Нечаева» (см.: <http://mogilanechaeva.ucoz.com>). В настоящее время Леонид Александрович по своей методике устанавливает авторство надписей, оставленных советскими воинами-победителями на стенах Рейхстага в Берлине в 1945 г. На сегодняшний день ему удалось установить авторство 320 надписей (см.: <https://nikopol.city/articles/79590/kraeved-leonid-ignatenko-raspoznal-avtografy-na-stenah-rejhshtaga-napisal-knigu-i-snyalsya-v-dokument>).

¹⁰ А.И. Тереножкин разработал метод определения скифской принадлежности курганов без раскопок с помощью ручного геологического бура. Ручной бур издавна использовался при раскопках курганов для поиска каменных гробниц (МРЗ, с. 159). А.И. Тереножкин применил бур для поиска глиняного выкида. При выкапывании скифских катакомб, отличающихся большой глубиной и размерами, глиняный грунт из них укладывался на подкурганную поверхность рядом с входной ямой в центре кургана. Такие выкиды в скифских курганах имеют значительные площадь и толщину, особенно в больших. Обнаружение толстого слоя глины на подошве кургана является верным признаком его скифской принадлежности (Мозолевский, 1990, с. 123). А.И. Тереножкин впервые опробовал этот метод в 1963 г. на мелких курганах у г. Борисполя под Киевом, где при достаточно мягком грунте насыпей и их незначительных высотах результат достигался сравнительно легко, хотя и не всегда (Ильинская, 1966, с. 152).

В степных курганах грунт значительно тверже и часто встречаются камни, препятствующие бурению. В целом ручное бурение является весьма непростым делом, требующим изрядной сноровки, значительного времени и больших физических усилий. Колоссальная трудоемкость метода, при в общем-то случайном результате, не способствовали его популярности у археологов. Чтобы точно попасть в выкид с вершины кургана требуется большое везение или очень большое количество скважин. Да и в новостроечных курганных экспедициях 1960–1990-х гг., а других в те годы и не было, в бурении не было нужды, поскольку копать приходилось все курганы подряд.

¹¹ В результате детальной тахеометрической съемке Нечаевой Могила, проведенной М.Н. Дараган в 2004 г. (рис. 5:4), определена ее высота в 14,5 м и объем насыпи около 54.000 м³, что подтверждает результаты обмеров, проделанных маркшейдерами ОГОКа в 1965 г. (Дараган, 2013, с. 80, 81, рис. 3:1, 2; 2018, с. 733).

¹² В Гаймановой Могила единственный полный разрез кургана был ориентирован с востока на запад и в него не попали, скорее не были прослежены досыпки, связанные с выпускными гробницами в северной и южной лапах кургана. Что создавало впечатление простоты конструкции кургана. И только благодаря дотошности В.И. Бидзиля при изучении крепида в местах выпуска в локальных разрезах были частично зафиксированы досыпки кургана и достройки крепида, связанные с выпускными погребениями (Бидзиль, Полин, 2014, рис. 35, 40, 44–60). В Толстой Могила была зачищена лишь одна сторона единственной бровки и только в нижней части на высоту около 2 м, что не позволило понять конструкцию кургана. Вопреки наличию кромлеха внутри насыпи, наличию выкида из боковой гробницы, лежавшего на первичной насыпи, курган трактовался как сооруженный в один прием (Мозолевский, 1979, рис. 3, 78).

¹³ Б.Н. Мозолевский в это время «за антисоветские» стихи был изгнан из Института. Зимой он работал кочегаром, а в летнее время на период полевого сезона В.И. Бидзиль брал его на работу по договору на сезон на должность начальника отряда в Северо-Рогачикскую экспедицию (Мозолевский, Полин, 2005, с. 9–11).

¹⁴ Воссоздание первоначальной формы насыпи – дело далеко непростое. Восстановление Желтокаменской Толстой Могила после раскопок происходило, в общем-то, стихийно, без какого-то предварительного представления, как это можно сделать. Креперы свезли на место бывшего кургана гору грунта, которую бульдозеры пытались вытянуть в высоту и придать форму кургана. В результате получилось что-то остроконечное несуразное, ничуть не похожее на первоначальный курган. Таких курганов вообще не бывает (Мозолевский, 1983, рис. 166; Мозолевский, Полин, 2005, рис. 129).

ЛИТЕРАТУРА

- Артамонов М.И. Из истории методики археологических раскопок // ПИДО. 1935. № 1–2. С. 142–164.
- Бидзиль В.И., Полин С.В. Скифский царский курган Гайманова Могила. Киев: Скиф, 2012. 814 с.
- Бобринский А.А. Вновь открытая могила скифского царя // ИТУАК. 1913. № 50.
- Браун Ф.А. Разыскания в области гото-славянских отношений. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1899. XX, 392 с.
- Брун Ф.И. Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России. Одесса: Тип. Г. Ульриха, 1880. Ч. 2. 422 с.
- Бурачков П. О местоположении древнего города Каркинитеса и монетах ему принадлежащих // Записки Одесского общества истории древностей (ЗООИД). Одесса, 1875. Т. 9. С. 1–133.
- Вертильяк Н. Описание Белозерского городища // Записки Одесского общества истории древностей (ЗООИД). Одесса, 1858. Т. IV. С. 143–145.
- Виноградов Ю.Г., Яценко І.В. Археологічна діяльність Б.М. Гракова на Україні // Археологія. 1990. № 3. С. 86–92.
- Граков Б.Н. Отчет Никопольской археологической экспедиции за 1939 г. // НА ИА НАНУ. Фонд ИИМК. № 30–33.
- Граков Б. Никопольська експедиція // Археологія. 1947. № 1. С. 191.
- Граков Б.Н. Отчет Скифской (Никопольской) экспедиции ИИМК АН СССР за 1947 г. // НА ИА НАНУ. № 1947/36-А
- Граков Б.Н. Никопольская экспедиция // КСИИМК. 1947. Вып. XXI. С. 73–74.
- Граков Б.Н. Каменское городище на Днепре / МИА. № 36. М.: АН СССР, 1954. 238 с.
- Дараган М.Н. Курганы степной части Украины: пространственный анализ и визуализация методами ГИС-Технологий // Виртуальная археология (неразрушающие методы исследований, моделирование, реконструкции): Материалы Первой Международной конференции. СПб.: ГЭ, 2012. С. 76–85.
- Дараган М.Н. Пространственная характеристика Александропольского кургана // Полин С.В., Алексеев А.Ю. Скифский царский Александропольский курган IV в. до н.э. в Нижнем Поднепровье. Киев; Берлин: Изд. Олег Філюк, 2018. С. 732–740.

Древности Геродотовой Скифии (ДГС II). Сборник описаний археологических раскопок и находок в Черноморских степях. СПб: Типография Императорской Академии наук, 1872. Вып. II. 118 с. + Приложение. С. XVII–СХХVII

Древности Геродотовой Скифии (ДГС II). *Атлас* – Древности Геродотовой Скифии. Сборник описаний археологических раскопок и находок в Черноморских степях. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1872. Вып. II. Атлас. Табл. XXII–XL.

Дмитров Л.Д. Курганы Нікопольбуду. Звіт про роботу археологічної експедиції // НА ІА НАНУ. Фонд ІИМК. 1935–36. № 10–11.

Дмитров Л.Д. Археологические работы по исследованию Никополя в 1936 г. Предварительный отчет и перспективные предложения Никопольской археологической экспедиции // НА ІА НАНУ. Фонд ІИМК. 1936. № 12.

Дмитров Л.Д. Археологічне вивчення Нікопольщини в 1935–1936 рр. // Наукові записки Інституту історії і археології. Київ, 1946. Кн. II. С. 55–73.

Дмитров Л.Д. Археологічне вивчення Нікопольщини в 1935–1936 рр. // Археологія. 1950. Т. III. С. 151–166.

Доклад профессора Д.И. Эварницкого о произведенных им раскопках курганов и исторических исследованиях. Екатеринослав, 1904. 23 с.

Забелин И.Е. Скифские могилы. Чертомлыцкий курган // ДТМАО. 1865. Т. 1. С. 71–90.

Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Ногайчинский курган в степном Крыму // ВДИ. 2003. № 3. С. 61–99.

Заседания Московского Предварительного Комитета XIII Археологического Съезда // Труды XIII АС. М., 1908. Т. 2. С. 121–142.

Ильинская В.А. Скифские курганы около г. Борисполя // СА. 1966. № 3. С. 152–171.

История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. Т. 3. / Ред. Ю.П. Петров. М: Воен. изд-во МО СССР, 1961. 659 с.

Колтухов С.Г. Скифы Крымского Присивашья в VII–IV вв. до н.э. Погребальные памятники / Материалы к археологической карте Крыма. Вып. X. Симферополь: Изд-во ЧП «Предприятие Феникс», 2012. 138 с.

Колтухов С.Г. Скифы Северо-западного Крыма в VII–IV вв. до н.э. (погребальные памятники) / Археологический альманах № 27. Донецк: Донбасс, 2012. 265 с.

Лазаревский Я. Александропольский курган. Могила скифского царя // ЗРАО. 1894. Т. VII. Вып. 1–2. СПб. С. 24–46, 16 табл.

Манцевич А.П. Курган Солоха. Публикация одной коллекции. Л: Искусство, 1987. 143 с.

Марти Ю. Сто лет Керченского музея. Исторический очерк. Керчь: Гос. Керчен. арх. музей, 1926. IV, 96 с.

Мелюкова А.И., Яценко И.В. Первые экспедиции с Б.Н. Граковым // РА. 1999. № 4. С. 215–220. Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Вып. I. / ред. В. Антонович. Киев: Тип. Г.Е. Корчак-Новицкого, 1890. 141 с.

Мозолевський Б.М. Товста Могила. Київ: Наукова думка, 1979. 248 с.

Мозолевский Б.Н. Скифский царский курган Желтокаменка // Древности степной Скифии / Отв.ред. А.И. Тереножкин. К: Наукова думка, 1982. С. 179–222.

Мозолевський Б.М. Скіфський степ. Київ: Наукова думка, 1983. 197 с.

Мозолевский Б.Н. К вопросу о скифском Герросе // СА. 1986. № 2. С. 70–83. Мозолевський Б.М. Кургани вищої скіфської знаті і проблема політичного устрою Скіфії // Археологія. 1990. № 1. С. 122–138.

Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Герросса IV в. до н.э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы). Киев: Стилос, 2005. 599 с.

Мошанский И.Б. Освобождение Правобережной Украины. М.: Вече, 2011. 320 с.

Самоковасов Д.Я. Могилы Русской земли. IV. М.: Синод. тип., 1908. 271 с.

ОАК за 1891 г. СПб., 1893. 187 с.

ОАК 1899. СПб., 1902. 184 с.

ОАК 1900. СПб., 1902. 173 с.

Об археологических разысканиях 1852–53–54 – Об археологических разысканиях в Екатеринославской губернии в 1852, 1853 и 1854 гг. // РА ИИМК РАН, ф.9, д. № 43. 110 л.

О командировании 1852–53 – О командировании коллежского советника Терещенко для археологических разысканий на юге России и расследовании Луговой Могилы // РА ИИМК РАН, ф. 9, д. 6.

О раскопках 1855-А – О раскопках в Екатеринославской губернии в 1855 г. // РА ИИМК РАН, ф. 9, д. 49а. 132 л.

Отрощенко В.В., Болтрик Ю.В. Культурно-хронологическое и территориальное распределение могильников Днепро-Молочанской степной области // Материалы по хронологии археологических памятников Украины / Отв. ред. Д.Я. Телегин. Київ: Наукова думка, 1982. С. 38–46.

Падалка Л. Каменный Затон и Белозерское городище на Днестре // Киевская старина. 1891. Т. 35. С. 384–390.

Полин С.В., Алексеев А.Ю. Скифский царский Александропольский курган IV в. до н.э. в Нижнем Поднепровье. Киев; Берлин: Олег Філюк, 2018. 926 с.

Пояснительная записка к проекту вскрытия скифского захоронения (“Нечасовой Могилы”) в Днепропетровской области. Орджоникидзе, 1966 (архив С.В. Полина).

Пустовалов С.Ж. Реконструкція чисельності катакомбного населення за курганными похованнями Північного Причорномор'я // Археологія. 1997. № 3. С. 40–49.

Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Ред., вступ. ст. и прим. Н.П. Шастиной. М.: Гос. изд-во геогр. л-ры, 1957. 287 с.

Сибирский А.А. Донесение министру уделов Л.А.Перовскому о раскопках в Феодосии и кургане, находящемся близ селения Александрополя Екатеринославской губ. // РА ИИМК РАН, ф. 9, д. 20. 15 л.

Соколов В. Белозерское городище на Днестре // Киевская старина. 1892. Т. 38. С. 225–245

Сосса Р.І. Історія картографування території України. Від найдавніших часів до 1920 р. Київ: Наукова думка 2000. 247 с.

Тереножкин А.И., Ильинская В.А., Черненко Е.В. Отчет о работе Скифской Никопольской экспедиции 1965 г. // НА ИА НАНУ, № 1965/7.

Тереножкин А.И., Ильинская В.А., Черненко Е.В., Мозолевский Б.Н. Скифские курганы Никопольщины // Скифские древности / Отв. ред. В.А. Ильинская, А.И. Тереножкин. Киев: Наукова думка, 1973. С. 113–186.

Терещенко А. Очерки Новороссийского края // ЖМНП. 1853. № 4. С. 1–30.

Терещенко А. Очерки Новороссийского края // ЖМНП. 1853. № 5. С. 55–75.

Терещенко А. Очерки Новороссийского края // ЖМНП. 1853. № 7. С. 1–69.

Терещенко А. О могильных насыпях и каменных бабах в Екатеринославской и Таврической губ. // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. Кн. IV. / Ред. О.М. Водянский. М., 1866. С. 1–37.

Уваров А.С. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря. Вып. 1СПб.: Тип. экспедиции загот. гос. бумаг, 1851. 138 с.

Черненко Е.В. Скифские курганы на Никопольщине // Записки Одесского археологического общества. Т. 2 (35). Одесса. 1967. С. 179–191.

Черных Л.А., Дараган М.Н. Курганы эпохи энеолита-бронзы междуречья Базавлука, Соленой, Чертомлыка. Киев: Издатель Олег Філюк, 2014. 568 с.

Черняков І.Т. Кургани в культурі України / Чмихов М.О. Кургани пам'ятки як явище давньої культури. Київ: НМК ВО, 1993. 144 с.

Чирков А. Краткий очерк городищ, находящихся по Днестру и его лиману // Записки Одесского общества истории древностей (ЗООИД). Одесса, 1867. Т. 6. С. 546–550.

Чуйков В.И. От Сталинграда до Берлина. М.: Воениздат, 1980. 672 с.

Шнеер А. Воспоминания. М.: Захаров, 2010. 679 с.

Юргович В.Н. Исторический очерк 50-летия Императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса: Тип. А. Шульце, 1889. 121 с.

Daragan M. The Use of GIS Technologies in Studying the Spatial and Time Concentration of Tumuli in the Scythian-time Lower Dnieper Region // Tumulus as Sema Space, Politics, Culture and Religion in the First Millennium BC Vol. 27. / Topoi – Berlin Studies of the Ancient World / Topoi – Berliner Studien der Alten Welt / Edited by: Olivier Henry and Ute Kelp. Berlin, 2016. Pp. 337–346.

Інформація об авторах:

Дараган Марина Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии НАН Украины (Киев, Украина); darmar@ukr.net

Полин Сергей Васильевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии НАН Украины (Киев, Украина); polin-arheo@ukr.net

REFERENCES

Artamonov, M. I. 1935. *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv* (Historical Issues of Pre-Capitalist Societies) (1–2), 142–164 (in Russian).

Bidzilya, V. I., Polin, S.V. 2012. *Skifskij tsarskii kurgan Gaimanova Mogila* (Scythian Tsar's Barrow of Gaimanova Mogila). Kiev: "Skif" Publ. (in Russian).

Bobrinsky, A. A. 1913. In *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii* (Proceedings of the Taurida Learned Archival Commission) 50 (in Russian).

Braun, F. A. 1899. *Razyskaniia v oblasti goto-slavianskikh otnoshenii* (Разыскания в области гото-славянских отношений). Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ. (in Russian).

Brun, F. I. 1880. *Chernomor'e. Sbornik issledovanii po istoricheskoi geografii Iuzhnoj Rossii* (Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России). Odessa (in Russian).

Burachkov, P. 1875. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii drevnostei* (Notes of the Odessa Society of History of Antiquities) 9. Odessa, 1–133 (in Russian).

Binogradov, Yu. G., Yatsenko, I. V. 1990. In *Arkheologiya* (Archaeology) (3), 86–92 (in Ukrainian).

Grakov, B. 1939. *Otchet Nikol'skoi arkhrologicheskoi ekspeditsii za 1939 g.* (Отчет Никопольской археологической экспедиции за 1939 г.). Research Archive of the Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. Fund. *Institute for the History of Material Culture* No. 30–33 (in Russian).

Grakov, B. 1947. In *Arkheologiya* (Archaeology) (1), 191 (in Ukrainian).

Grakov, B. 1947. *Otchet Skifskoi (Nicol'skoi) ekspeditsii AN SSSR za 1947 g.* (Отчет Скифской (Никопольской) экспедиции ИИМК АН СССР за 1947 г.). Research Archive of the Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1947/36-A (in Russian).

Grakov, B. 1947b. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury* (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture) XXI. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 73–74 (in Russian).

Grakov, B. N. 1954. *Kamenskoe gorodishche na Dnepre* (Каменское городище на Днепре). Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii* (Proceedings and Research in Archaeology of the USSR) 36. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Daragan, M. N. 2012. In *Virtual'naia arkheologiya (nerazrushaiushchie metody issledovaniia, modelirovaniia, rekonstruktsii)* (Virtual Archaeology (неразрушающие методы исследований, моделирование, реконструкции)). Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 69–80 (in Russian).

Daragan, M. N. 2018. In Polin, S. V., Alekseev, A. Yu. *Skifskii tsarskii Aleksandrovskii kurgan IV v.do n.e. v Nizhnem Podneprov'e* (Scythian royal Alexandropol mound of the IV century BC in the Lower Dnieper region). Kiev, Berlin (in Russian).

1872. *Drevnosti Gerodotovoii Skifii* (DGS II). *Sbornik opisanii arkheologicheskikh raskopok i nakhodok v Chernomorskikh stepiakh* (Antiquities of Herodotus Scythia. Collection of Descriptions of Archaeological Excavations and Finds from the Black Sea Steppes). II Saint Petersburg: The Imperial Academy of Sciences Publ. (in Russian).

1872. *Drevnosti Gerodotovoii Skifii* (DGS II). *Sbornik opisanii arkheologicheskikh raskopok i nakhodok v Chernomorskikh stepiakh* (Antiquities of Herodotus Scythia. Collection of Descriptions of Archaeological Excavations and Finds from the Black Sea Steppes). II Saint Petersburg: The Imperial Academy of Sciences Publ., XXII–XL (in Russian).

Дмитров Л.Д. Курганы Никопольбуду. Звіт про роботу археологічної експедиції // НА ІА НАНУ. Фонд ІИМК. 1935–36. № 10-11.

Дмитров Л.Д. Археологические работы по исследованию Никополья в 1936 г. Предварительный отчет и перспективные предложения Никопольской археологической экспедиции // НА ІА НАНУ. Фонд ІИМК. 1936. № 12.

Дмитров Л.Д. Археологічне вивчення Никопольщини в 1935–1936 рр. // Наукові записки Інституту історії і археології. Київ, 1946. Кн. II. С. 55–73.

Dmitrov, L. D. 1950. In *Arkheologiya* (Archaeology) (3), 151–166 (in Ukrainian).

Доклад профессора Д.И. Эварницкого о произведенных им раскопках курганов и исторических исследованиях. Екатеринослав, 1904. 23 с.

Zabelin, I. E. 1865. In *Drevnosti. Trudy Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva* (Antiquities. Proceedings of the Moscow Archaeological Society) 1, 71–90 (in Russian).

- Zaitsev, Yu. P., Mordvintseva, V. I. 2003. In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* (3). 61–99 (in Russian).
1908. In *Trudy XIII arkheologicheskogo s"ezda (Proceedings of the 13rd Archaeological Congress)* 2. Moscow, 121–142 (in Russian).
- Il'inskaya, V. A. 1966. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 152–171 (in Russian).
- Petrov, Yu. P. 1961. (ed.). *Istoriia Velikoi Otechestvennoi voiny Sovetskogo Soiuza. 1941–1945 (История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945)*. Moscow (in Russian).
- Koltukhov, S. G. 2012. *Skify Krymskogo Prisivash'ia v VII–IV vv. do n.e. Pogrebal'nye pamiatniki (Scythians of Crimean Prisivashe's region in 7th - 4th cent. B.C. burial mounds)* Series: Materialy k arkheologicheskoi karte Kryma (Materials for the archaeological map of Crimea) 10. Simferopol: "Predpriatie Feniks" Publ. (in Russian).
- Koltukhov, S. G. 2012. *Skify Severo-zapadnogo Kryma v VII–IV vv. do n.e. (pogrebal'nye pamiatniki) Scythians of the North-Western Crimea in the 7th-4th centuries BC (Funerary Monuments)*. *Drevniia i srednevekovaiia Tavrika (Ancient and Medieval Tauris)*. Series: Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological almanac) 27. Donetsk: "Donbass" Publ. (in Russian).
- Lazarevsky, Ya. 1894. In *Zapiski Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Proceedings of Russian Archaeological Society)* VII (1, 2). Saint Petersburg, 24–46 (in Russian).
- Mantskevich, A. P. 1987. *Kurgan Solokha. Publikatsiia odnoi kolleksii (Solokha Mound. Publication of a Single Collection)*. Leningrad: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).
- Марти Ю. Сто лет Керченского музея. Исторический очерк. Керчь: Гос. Керчен. арх. музей, 1926. IV, 96 с.
- Melyukova, A. I., Yarsenko, I. V. 1999. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 215–220 (in Russian).
- Antonovich, V. (ed.). 1890. *Memuary, otnosiashchiesia k istorii Iuzhnoi Rusi (Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси)*. 1. Kiev (in Russian).
- Mozolevskii, B. N. 1979. *Tovsts Mogila (Tovsta Mogila)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Ukrainian).
- Mozolevskii, B. N. 1982. In Terenozhkin, A. I. (ed.). *Drevnosti stepnoi Skifi (Antiquities of Steppe Scythia)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 187–234 (in Russian).
- Mozolevskii, B. N. 1983. *Skifs'kii step (Скифський степ)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Ukrainian).
- Mozolevs'ky, B. M. 1968. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 70–83 (in Russian).
- Mozolevs'ky, B. M. 1990. In *Arkheologiya (Archaeology)* (1), 122–138 (in Ukrainian).
- Mozolevskii, B. N., Polin, S. V. 2005. *Kurgany skifskogo Gerrosa IV v. do n.e. (Babina, Vodiana i Soboleva mogily) (Mounds of the Scythian Gerros IV century BC. (Babina, Vodian and Soboleva Mogilas)*. Kiev: "Stilos" Publ. (in Russian).
- Moshchanovsky, I. B. 2011. *Osvobozhdenie Pravoberezhnoi Ukrainy (Освобождение Правобережной Украины)*. Moscow: "Veche" Publ. (in Russian).
- Samokvasov, D. Ya. 1908. *Mogily Russkoi zemli (Могины Русской земли)*. IV. Moscow: "Sinodal'naia tipografiia" Publ. (in Russian).
1893. *Otchet Arkheologicheskoi komissii za 1891 g. (Report of the Archaeological Commission from 1891)*. Saint Petersburg (in Russian).
1902. *Otchet Arkheologicheskoi komissii za 1899 g. (Report of the Archaeological Commission from 1899)*. Saint Petersburg (in Russian).
1902. *Otchet Arkheologicheskoi komissii za 1900 g. (Report of the Archaeological Commission from 1900)*. Saint Petersburg (in Russian).
- Об археологических разысканиях 1852–53–54 – Об археологических разысканиях в Екатеринославской губернии в 1852, 1853 и 1854 гг. // РА ИИМК РАН, ф.9, д. № 43. 110 л.
- О командировании 1852–53 – О командировании коллежского советника Терещенко для археологических разысканий на юге России и расследовании Луговой Могины // РА ИИМК РАН, ф. 9, д. 6.
- О раскопках 1855-А – О раскопках в Екатеринославской губернии в 1855 г. // РА ИИМК РАН, ф. 9, д. 49а. 132 л.
- Otroshchenko, V. V., Boltrik, Yu. V. 1982. In Telegin, D. Ya. (eds.). *Materialy po khronologii arkheologicheskikh pamiatnikov Ukrainy (Материалы по хронологии археологических памятников Украины)*. Kiev: "naukova Dumka" Publ., 38–46 (in Russian).

Padalka, L. 1891. In *Kievskaiia starina* (Киевская старина). 35, 384–390 (in Russian). Polin, S. V., Alekseev, A. Yu. 2018. *Skifskii tsarskii Aleksandrovskii kurgan IV v.do n.e. v Nizhnem Podneprov'e* (Scythian royal Alexandropol mound of the IV century BC in the Lower Dnieper region). Kiev, Berlin (in Russian).

Пояснительная записка к проекту вскрытия скифского захоронения (“Нечаяевой Могилы”) в Днепропетровской области. Орджоникидзе, 1966 (архив С.В. Полина).

Pustovalov, S. Zh. 1997. In *Arkheologiiia* (Archaeology) (3), 40–49 (in Ukrainian).

In Shastina, N. P. (ed.). 1957. *Puteshestvie v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka* (The Journey of Plano Carpini and William of Rubruk to the Eastern Parts).. Moscow: “Geografiz” Publ. (in Russian).

Сибирский А.А. Донесение министру уделов Л.А.Перовскому о раскопках в Феодосии и кургане, находящемся близ селения Александрополя Екатеринославской губ. // РА ИИМК РАН, ф. 9, д. 20. 15 л.

Sokolov, V. 1892. In *Kievskaiia starina* (Киевская старина). 38, 225–245 (in Russian).

Cocca P.I. Історія картографування території України. Від найдавніших часів до 1920 р. Київ: Наукова думка 2000. 247 с.

Terenozhkin, A. I., Il'inskaya, V. A., Chernenko, E. V. 1965. Otchet Skifskoi Nikol'skoi ekspeditsii 1965 g. (Отчет о работе Скифской Никопольской экспедиции 1965 г.). Research Archive of the Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1965/7 (in Russian).

Terenozhkin, A. I., Il'inskaya, V. A., Chernenko, E. V., Mazolevsky, B. N. 1973. In Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skifskie drevnosti* (Scythian Antiquities). Kiev: “Naukova dumka” Publ., 113–186 (in Russian).

Tereshchenko, A. 1853. In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia* (Journal of the Ministry of Public Education). 4, 1–30 (in Russian).

Tereshchenko, A. 1853a. In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia* (Journal of the Ministry of Public Education). 5, 55–75 (in Russian).

Tereshchenko, A. 1853b. In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia* (Journal of the Ministry of Public Education). 7, 1–69 (in Russian).

Tereshchenko, A. 1866. In Vodyansky, O. M. (ed.). *Chteniia v imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei Rossiiskikh pri Moskovskom universitete* (Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете). Moscow, 1–37 (in Russian). Uvarov, A. S. 1851. *Issledovaniia o drevnostyakh Yuzhnoy Rossii i beregov Chernogo moray* (Research of the Antiquities of Southern Russia and the Black Sea Shores). Saint-Petersburg (in Russian).

Chernenko, E. V. 1967. *Zapiski Odesskogo arkheologicheskogo obshchestva* (Proceedings of Odessa Archaeological Society) 2. Odessa, 179–191 (in Russian).

Chernykh, L. A., Daragan, M. N. 2014. *Kurgany epokhi eneolita-bronzy mezhdu rech'ya Bazavluka, Solenoy, Chertomlyka* (Kurgans dated to the eneolithic-bronze age in the area of Bazavluk, Solenaya, Chertomlyk interfluve). Kiev: “Oleg Filyuk” Publ. (in Russian).

Черняков І.Т. Кургани в культурі України / Чмихов М.О. Курганні пам'ятки як явище давньої культури. Київ: НМК ВО, 1993. 144 с.

Chirkov, A. 1867. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii drevnostei* (Notes of the Odessa Society of History of Antiquities) 6. Odessa, 546–550 (in Russian).

Chuikov, V. I. 1980. *Ot Stalingrada do Berlina* (From Stalingrad to Berlin). Moscow: „Voenizdat“ Publ. (in Russian).

Sheer, A. 2010. *Vospominaniia* (Memoirs). Moscow: “Zakharov” Publ. (in Russian).

Yurkevich, V. N. 1889. *Istoricheskii ocherk 50-letii Imperatorskogo Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* (Исторический очерк 50-летия Императорского Одесского общества истории и древностей). Odessa: “A. Shults” Publ. (in Russian).

Daragan, M. 2016. In Olivier Henry and Ute Kelp (eds.). *Tumulus as Sema Space, Politics, Culture and Religion in the First Millennium BC* Vol. 27. Series Topoi – Berlin Studies of the Ancient World / Topoi – Berliner Studien der Alten Welt. Berlin, 337–346. (in English).

About the Authors:

Polin Sergey V. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine; Geroyiv Stalingrada av. 12, Kiev, 04210, Ukraine; polin-arheo@ukr.net

Daragan Marina N., Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine; Geroyiv Stalingrada av. 12, Kiev, 04210, Ukraine; darmar@ukr.net

Статья поступила в журнал 01.08.2021 г.

Статья принята к публикации 01.10.2021 г.

Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.5.108.116>

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ СОБРАНИЕ АРТИЛЛЕРИЙСКОГО МУЗЕЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ (1872–1932 ГГ.)

© 2021 г. И.Л.Тихонов

На основе архивных документов в статье рассмотрена история формирования археологических коллекций Артиллерийского музея в Санкт-Петербурге, связанная, прежде всего с деятельностью его заведующего с 1872 г. Н.Е. Бранденбурга. Увлечшись археологией и стремясь пополнить собрание музея предметами древнего и средневекового вооружения, он начал масштабные раскопки в Юго-Восточном Приладожье, Поднепровье и других регионах Российской империи. Часть материалов, полученных в ходе этих раскопок, поступала в Артиллерийский музей. Немалое количество предметов также передавала Императорская археологическая комиссия, финансировавшая некоторые исследования Бранденбурга, также как и Русское археологическое общество. В 1889 г. музей открылся для публики и со временем все больше археологических материалов появлялось в его экспозиции. В 1902 г. был издан Путеводитель – каталог по доисторическому отделу, в котором преобладали экспонаты более поздних эпох. В экспозицию были помещены погребения средневековых кочевников с конем, вырезанные монолитом «in situ». Это был один из первых опытов такого рода в российском музейном деле. Археологические предметы продолжали поступать из Археологической комиссии и после смерти Н.Е. Бранденбурга, благодаря деятельности нового руководителя музея – П.Д. Струкова и его помощника Н.М. Печенкина, в 1917 г. возглавившего музей. К 1912 г. общее количество археологических артефактов в экспозиции достигло 1250. Коллекции сильно пострадали во время наводнения 1924 г. и к 1932 г. были переданы в Государственный Эрмитаж.

Ключевые слова: археология, музейные коллекции, Артиллерийский музей, Н.Е. Бранденбург, Н.М. Печенкин.

ARCHAEOLOGICAL COLLECTION OF THE ARTILLERY MUSEUM IN ST. PETERSBURG (1872-1932)

I. L. Tikhonov

Based on archival documents, the paper discusses the history of the formation of the archaeological collections of the Artillery Museum in St. Petersburg, primarily related to the activities of N. E. Brandenburg, who was head of the museum since 1872. Fascinated by archaeology and seeking to replenish the museum's collection with ancient and medieval weapons, he began large-scale excavations in the South-Eastern Ladoga region, the Dnieper region and other regions of the Russian Empire. Some of the materials obtained during these excavations were sent to the Artillery Museum. A considerable number of items were also transferred by the Imperial Archaeological Commission, which financed some of Brandenburg's studies, as well as the Russian Archaeological Society. In 1889, the museum opened to public, and over time, more and more archaeological materials appeared in its exposition. In 1902, a guide-catalog of the prehistoric department was published, which was dominated by exhibits from later epochs. The exhibition included the burials of medieval nomads with a horse, carved with a monolith "in situ". This was one of the first experiments of this kind in the Russian museum business. Archaeological items continued to arrive from the Archaeological Commission even after the death of N. E. Brandenburg, thanks to the activities of the new head of the museum P. D. Strukov and his assistant N. M. Pechenkin, who headed the museum in 1917. By 1912, the total number of archaeological artifacts in the exhibition had reached 1250. The collections were severely damaged during the flood of 1924 and had been transferred to the State Hermitage Museum by 1932.

Keywords: archaeology, museum collections, Artillery Museum, N.E. Brandenburg, N.M. Pechenkin

Артиллерийский музей в Санкт-Петербурге ведет свое начало с 1703 г., но подлинно научным музеем «Зал достопамятных предметов Главного Артиллерийского управления» начал становится с 1872 г., когда его заведующим был назначен Н.Е. Бранденбург. Его стараниями были созданы специальные архивы и исто-

рическая библиотека, издан систематический каталог, а фонды пополнились большим количеством экспонатов. С его же именем связано и формирование археологического собрания музея.

Николай Ефимович Бранденбург (1839–1903), в 1858 г. закончив с отличием Констан-

тиновский кадетский корпус, служил в Кексгольмском гренадерском полку, 21-й и 2-й Лейб-гвардии артиллерийских бригадах. С 1868 по 1870 гг. молодой офицер занимался в качестве вольнослушателя на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета, и его конкурсное сочинение «О влиянии татаро-монгольского владычества на Россию» было удостоено серебряной медали. Уже в эти годы им был создан ряд работ по истории русской артиллерии, и в 1872 г., в качестве признанного специалиста в этой области, его назначают помощником начальника артиллерийского отдела Политехнической выставки в Москве, а в октябре 1872 г. – заведующим Артиллерийским музеем (Маковская, 2001, с. 11). Стремление пополнить фонды музея образцами древнего вооружения приводит Бранденбурга к исследованиям и раскопкам археологических памятников. В 1878 г. он становится действительным членом Русского археологического общества (далее – РАО) и начинает раскопки курганов в Южном Приладожье. В течение последующих шести лет им было исследовано около 150 насыпей. Результаты этих раскопок были изданы в 18-м выпуске «Материалов по археологии России», издаваемых Археологической комиссией (Бранденбург, 1895).

Во время частых поездок в Приладожье Н.Е. Бранденбург не мог не обратить внимания на ключевой пункт этого региона – Старую Ладугу. В первую очередь его как военного историка заинтересовали руины каменной крепости, известной в обиходе под именем «крепости Рюрика». Кстати, никак нельзя согласиться с мнением Г.С. Лебедева, который считал, что первоначально Бранденбург разделял это мнение (Лебедев, 1992, с. 154), поскольку именно он как раз и отмечал, что эти развалины никак не могут относиться ко времени Рюрика, так как из новгородских летописей хорошо известна дата постройки каменной крепости, заложенной новгородским посадником в XII в. (ОР РНБ. Ф. 781. Ед. 1596. Л. 7–8).

На заседании Отделения русской и славянской археологии РАО 13 марта 1884 г. Н.Е. Бранденбург выступил с проектом широкомасштабного изучения и сохранения крепости, подчеркивая важнейшую роль Старой Лადуги на ранних этапах русской истории. Председателю РАО, великому князю Константину Николаевичу удалось добиться выделения на эти работы 2000 рублей и в течение 1884–1889 гг. Бранденбург проводит исследова-

ния в Старой Ладуге, изучает каменную крепость и остатки двух древних ладожских церквей. Результатом этих исследований, основанных на данных археологии и письменных источников, стала монография «Старая Ладога» (Бранденбург, 1896), изданная РАО в качестве юбилейного издания к пятидесятилетнему юбилею общества.

Во время этих работ Н.Е. Бранденбург обратил внимание и на «Земляное городище», зафиксировав вместе с горным инженером Д.А. Сабанеевым под фундаментами церкви св. Климента мощный культурный слой черного цвета. Изучив эту стратиграфическую ситуацию и проанализировав топографию Старой Ладуги, Бранденбург пришел к важному выводу о том, что первоначальное ядро ладожской территории, связанное с временами Рюрика, находилось на месте «Земляного городища». В марте 1886 г. в заседании Отделения русской и славянской археологии РАО он представил свою записку «Об исследовании земляного городища в Старой Ладуге», в которой предложил «провести здесь систематические раскопки, путем закладки нескольких глубоких траншей, вплоть до основания материкового песка, с целью выяснить культуру нижнего черноземного слоя», прозорливо предсказывая, что «отсюда могут почерпнуться необходимые для решения поставленного вопроса указания и сделаны б. м. драгоценные для русской археологии вещественные находки» (ОР РНБ. Ф. 781. Ед. 1595. Л. 6). На эти работы, как и на поиски следов Готландской церкви св. Николая, по мнению Бранденбурга, было достаточно 400–500 рублей, но этих средств у РАО не нашлось, и первые раскопки на Земляном городище состоялись только почти четверть века спустя. Их провел Н.И. Репинков, знакомый с этой запиской Бранденбурга (Тихонов, 1995, с. 158).

Помимо РАО, исследования Бранденбурга в Старой Ладуге и ее окрестностях финансировались и Археологической комиссией. Так, в 1886 г. он просил отпустить ему «до 700 рублей», а в 1887 г. получил 200 рублей и Открытый лист «на раскопки развалин древней церкви» (Императорская..., 2009, с. 851). Археологическая комиссия ходатайствовала перед Главным артиллерийским управлением и о командировках Н.Е. Бранденбурга для ведения раскопок (НА ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 1/2. Д. 87. Л. 1–3).

В 1888 г. Н.Е. Бранденбург, получив Открытый лист от ИАК, был командирован «по приказанию его Имп. высочества в Екатери-

нославскую, Черниговскую и Владимирскую губ. для изучения мест древних сражений». На следующий год он опять по приказанию великого князя Михаила Николаевича, командующего всей русской артиллерией, был также командирован ИАК для исследования мест древних битв в Новгородской, Тульской и Смоленской губ. В 1889–1894 и 1900–1903 гг. Н.Е. Бранденбург ежегодно получал открытые листы от Археологической комиссии, а в некоторых случаях и немалые финансовые средства на раскопки: 700 рублей в 1891 г., 600 рублей в 1901 г. и 800 рублей в 1902 г. Несмотря на эту финансовую поддержку своих исследований со стороны ИАК, он в 1888–1889 гг. выступил резким противником стремления комиссии централизовать и наладить систему контроля за раскопками на казенных землях (Императорская..., 2009, с. 116). В 1896 г. Бранденбург обратился к председателю Московского Археологического общества графине П.С. Уваровой с просьбой о финансовой поддержке своих раскопок на частных землях, заявив, что «с Археологической комиссией дела иметь не желательно» (Археология..., 2007, с. 127). В МАО всегда были готовы пойти навстречу противникам ИАК, тем более такому авторитетному исследователю, как Н.Е. Бранденбург, и в 1898 г. он получает от Московского общества не только 300 рублей, но и «свидетельство на право производства раскопок» в Екатеринославской и Полтавской губерниях для предстоящего XI Археологического съезда в Киеве (НА ВИМАИВиВС. Ф. 30. Оп. 1. Д. 88. Л. 8). Это было прямое нарушение «Высочайшего Повеления от 11 марта 1889 г.», которое МАО продолжало периодически нарушать. В 1899 г., получив командировку от Главного артиллерийского управления и открытый лист от киевского губернатора, Бранденбург опять проводил раскопки без согласований с ИАК (НА ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 1/2. Д. 26. Л. 13). Впрочем, если речь шла о раскопках на частных землях, никаких согласований и не требовалось.

Всего же с 1888 по 1902 гг. Н.Е. Бранденбург провел целую серию археологических исследований на юге России, раскопав около 300 курганов на правом берегу Среднего Поднепровья (в междуречье Днепра и его притока р. Рось) и 11 курганов в Приазовье. Приступая к раскопкам курганных могильников, ученый ставил конкретные задачи. Например, выяснение соотношения между каменными бабами, стоящими на курганах, и погребени-

ями кочевников. Ему удалось выявить целую группу захоронений средневековых кочевников, которую можно было уверенно связать с племенами союзных Киевской Руси «черных клобуков». Обращал внимание Бранденбург и на погребения эпохи бронзы, еще очень слабо изученные в то время (Галанина, Качалова, 2000, с. 20). Некоторые из своих докладов он посвятил таким важным и отличительным их признакам, как окраска охрой и скорченность костяков.

В 1908 г. Н.М. Печенкин, позднее ставший помощником директора Артиллерийского музея, опубликовал на средства военного министерства «Журнал раскопок Н.Е. Бранденбурга 1883–1902 гг.». Раскопки Бранденбурга отличались довольно высокой для своего времени методикой и точностью фиксации, так, например, он раскапывал курганы, полностью удаляя насыпь, а не колодцем или траншеей, как еще долго было принято в отечественной археологии. Современники отмечали, что «он сносил весь памятник, во всем его объеме, из боязни что-либо не подметить, не угадать какие-либо мысли или обычаи лиц, его соорудивших» (Печенкин, 1905, с. 12). Сам же Н.Е. Бранденбург формулировал свои методы следующим образом: «у меня основной принцип: в археологии нет мелочей, все должно быть замечено и отмечено, и поэтому ни один комок земли в научной раскопке не может быть переброшен с места, ни один удар киркой в землю не может быть произведен без наблюдения производящего работу» (Печенкин, 1905, с. 18). Нужно отметить, что подобная точность часто была характерна для военных, привыкших к четкости формулировок, хорошо знакомых с топографией, черчением и саперным делом. В качестве примера можно назвать раскопки генерала Питт-Риверса в Англии, В.А. Городцова и А.А. Миллера в России.

Также важно учесть, что раскопки Бранденбург проводил не «из любопытства» или «абстрактной страсти к науке», как это нередко еще бывало в то время, а с четко определенными целями, прежде всего стремясь пополнить собрания подведомственного ему музея. Весною 1888 г. он обратился в Главное артиллерийское управление, которому подчинялся музей, с предложением включить в смету расходов по музею средства на раскопки, которые по примеру парижского музея артиллерии могли бы пополнить его коллекции древним оружием (НА ВИМАИВиВС. Ф. 32. Оп. 92. Д. 45. Л. 33–35).

В марте 1891 г. коллекция древностей, собранная Бранденбургом в Киевской губернии, была продемонстрирована начальнику генералу-фельдцейхмейстеру, великому князю Михаилу Николаевичу в его собственном дворце на Дворцовой наб., 18 (НА ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 92. Д. 50. Л. 22). Начальник Главного артиллерийского управления Михаил Николаевич явно благоволил к археологическим занятиям Бранденбурга и неоднократно командировал его на раскопки и Археологические съезды, выделяя для этих целей некоторые средства НА ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 1/2. Д. 26. Л. 8–15).

Для публики Артиллерийский музей был открыт в 1889 г., когда праздновалось 500-летие русской артиллерии. Основу археологической экспозиции составили материалы раскопок самого Н.Е. Бранденбурга, который в 1902 г. издал специальный путеводитель по ней (Бранденбург, 1902). Хотя путеводитель был, как следовало из подзаголовка, по «доисторическому отделу», в реальности большинство экспонируемых материалов отражало вполне исторические эпохи. Палеолит был представлен всего девятью ашельскими рубилами, найденными во Франции. Несколько шире были представлены неолитические орудия: каменные топоры, кремневые ножи, наконечники стрел, копий и дротиков. Материалы, относящиеся к бронзовому веку, насчитывали 49 экспонатов и состояли, за исключением нескольких украшений, из долота, рыболовного крючка и гарпуна, предметов вооружения. В этой же большой витрине, находящейся в центре зала, помещались древности железного века, предшествовавшие «скифо-сарматскому периоду». Кроме оружия, были выставлены предметы конского снаряжения и различные украшения, например, «четыре бронзовых фаллических идольчика, найденных близ с. Бровары Черниговской губ.» (Бранденбург, 1902, с. 32). В следующих четырех витринах были размещены многочисленные предметы вооружения, защитные доспехи, детали убранства и экипировки коня, несколько украшений и бронзовых зеркал скифской эпохи. Их общее количество превышало 60 экспонатов. Витрина «Е» демонстрировала образцы греческого доспеха и вооружения «последних веков до Р. Х.» и античную амфору. В некоторых случаях комплексы вещей, происходящих из одного погребения, были выставлены вместе и в путеводителе приводились краткие сведения о таких погребениях.

Наиболее полно и в экспозиции, и в путеводителе были представлены древности железного века «славянского периода». Хотя любопытно заметить, что к собственно славянским, или, как он сам писал, «в тесном смысле славянским», материалам Бранденбург отнес только выставленный в витрине «Ж» небольшой набор украшений и бытовых предметов из могильников близ г. Переяслава Полтавской губернии, отметив крайнюю бедность этих погребений. В разделе «Древности Финского Севера» были представлены материалы его раскопок в Южном Приладожье. Раздел «Древности кочевых племен Юга России» состоял из 9 витрин и открывался двумя погребениями кочевников в деревянных гробах (Бранденбург отнес их к печенегам) с конем, которые были вырезаны монолитом вместе с землей и доставлены в музей. Это был один из первых опытов в отечественной музейной практике экспонирования полного погребения *in situ*, поэтому автор путеводителя счел нужным дать подробное примечание: «Реставрация описанной могилы произведена лишь отчасти, в пределах крайней необходимости, так что памятник представляет почти вполне самый оригинал, а не искусственное его воспроизведение. Для доставки его в Музей, гроб с лежащим в нем скелетом был на месте окопан в форму правильного массива земли и заключен в бревенчатый сруб, который в 1893 году был доставлен в Музей для окончательной очистки и исследования. В таком виде весь грунт составил более 100 пудов, почему взять его одновременно еще с остовом лежащей рядом лошади было нельзя, в виду чрезмерного увеличения всего груза, который дошел бы до 200 пудов и не мог бы быть вывезен на железную дорогу за десятки верст. Поэтому остов коня, по предварительном снятии с него фотографии, был на месте разобран и кости доставлены в Музей отдельно, а в последнем вновь собраны и остов восстановлен в прежнем виде» (Бранденбург, 1902, с. 52). Современные исследователи полагают, что эти комплексы были оставлены «черными клобуками» – кочевниками, служившими русским князьям, и часть их вооружения была изготовлена на Руси. Учитывая, что в русских христианских погребениях этой эпохи оружия нет, эти находки восполнили пробелы в знаниях о вооружении не только кочевников, но и русского войска (Кирпичников, 2003, с. 14).

Большой интерес вызывал погребальный инвентарь военного вождя, найденный в кургане у с. Липовец Каневского уезда Киев-

ской губернии, размещенный в витрине «К». Там наряду с обычными вещами быта кочевников были найдены остроконечный шлем, лицевая защитная маска, кольчуга с короткими рукавами. Еще в нескольких витринах вместе с отдельными вещами также были выставлены целые погребальные комплексы. Преобладали предметы вооружения и конского снаряжения, иногда встречались украшения. Обращает на себя внимание полное отсутствие сведений о керамических сосудах в путеводителе, хотя в «Журнале раскопок» они нередко упоминаются с кратким описанием. При этом указывалось, что находятся эти сосуды в собрании Артиллерийского музея и имеют инвентарные номера, а в некоторых случаях их положение в могиле было зафиксировано на чертежах погребений (Журнал раскопок..., 1908, с. 6, 9, 18–21, 48, 81, 143, 189).

Н.Е. Бранденбург очень осторожно подходил к этническим определениям древностей, найденных им самим или полученных в музей иным путем. Так, последние разделы экспозиции именовались «Древности неизвестных народностей Харьковской, Киевской, Витебской, Тамбовской губерний» и «Древности неизвестной народности Курляндской губернии из могильника позднейшего времени». Здесь были выставлены и небольшие коллекции вещей из Люцинского и Лядинского могильников. Большинство предметов, происходящих не из раскопок самого Н.Е. Бранденбурга, было получено из Археологической комиссии. Как и в других случаях, ИАК нередко разделяла материалы из одних памятников по разным музеям. Так, 46 предметов из Лядинского могильника в 1891 г. (НА ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 92. Д. 50. Л. 68) или 21 топор и 8 наконечников копий из Люцинского могильника в 1894 г. были переданы в Артиллерийский музей (НА ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 92. Д. 53. Л. 76), также как и пять мечей, найденных в Керчи, а остальные предметы по просьбе директора Керченского музея были оставлены в Керчи (НА ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 92. Д. 64. Л. 132). Но в том же 1902 г. ИАК отказала директору Артиллерийского музея в получении шлема из раскопок в Гнездово, поскольку эта коллекция целиком передавалась в Исторический музей в Москве (НА ВИМАИВиВС, Ф. 22. Оп. 92. Д. 64. л. 150).

Археологические находки, передаваемые из ИАК, продолжали поступать в музей и после смерти Н.Е. Бранденбурга, последовавшей в 1903 г. Так, например, из отчетов музея

за 1903–1906 гг. можно узнать, что в 1904 г. поступило 33 предмета (НА ВИМАИВиВС. Д. 116/117. Л. 5об.). Новым заведующим музеем был назначен помощник Н.Е. Бранденбурга, капитан Д.П. Струков. В 1912 г. он издал новый путеводитель по музею, который включил в себя в кратком виде материалы ранее изданного путеводителя Бранденбурга по доисторическому отделу. Но любопытно отметить, что в опубликованном там же «Положении об Артиллерийском Историческом Музее» среди его подразделений «доисторического отдела» уже не было (Струков, 1912, с. 126–151). По свидетельству А.П. Лебединской, создавшей исторический очерк о музее до 1917 г., к 1912 г. в археологической части экспозиции было выставлено 1250 предметов (Лебединская, 2008, с. 72).

Археологические коллекции, хранившиеся в Артиллерийском музее, демонстрировались не только на экспозиции самого музея, но и на некоторых выставках за его пределами. Так, например, организаторы XII Археологического съезда, прошедшего в Харькове в 1902 г., благодарили музей за предоставленные на выставку к съезду предметы (НА ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 92. Д. 61. Л. 116).

Д.П. Струков, хотя сам и не занимался археологией, продолжал посещать Археологические съезды, например, на XV съезде в Новгороде в 1911 г. он намеревался выступить с докладом «Русские древлехранилища и разобщенность их деятельности» (НА ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 92. Д. 81. Л. 293–294). В 1905 г. Артиллерийский музей по инициативе ИАК ходатайствовал о сохранении трех колоколов XVI – начала XVIII вв., заменяемых на колокольне Петропавловского собора в Петербурге (НА ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 92. Д. 69. Л. 99–100).

В 1912 г. помощником заведующего музеем был назначен последователь Н.Е. Бранденбурга Николай Михайлович Печенкин (1871–?), известный своими раскопками в Крыму в окрестностях Севастополя, где он в 1903–1905 гг. исследовал некрополи римского времени в северной части города и на р. Бельбек, в 1908 г. – Северинский курган и укрепленное поселение на Маячном полуострове в 1910 г. (Императорская..., 2009, с. 545, 548; Археологические труды..., 2020).

24 октября 1909 г. Н.М. Печенкин был избран секретарем разряда военной археологии и археографии Императорского Русского военно-исторического общества (далее – ИРВИО) и активно включился в его рабо-

ту, приняв участие в деятельности комиссии, разработавшей программу и принципы исследования древних крепостей Псковской и Новгородской земли. Также им совместно с Н.И. Репниковым была разработана программа, предполагавшая всестороннее исследование летом 1913 г. места Шелонской битвы 1471 г. (Первые пять лет..., 1913, с. 3–6). Для этих целей полковник Печенкин получал от ИАК открытый лист на раскопки в пределах с. Велебицы Псковской губернии и Кирило-Белозерского монастыря (НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. 1913 г. Д. 361). В качестве делегата от ИРВИО Н.М. Печенкин принимал участие в работе XV Археологического съезда в Новгороде (1911 г.) и XIV Международного конгресса антропологии и доисторической археологии в Женеве (1912 г.), а также Предварительного съезда деятелей музеев и архивов в Москве (1912 г.).

В сентябре 1917 г. полковник Печенкин был назначен исполняющим должность начальника Артиллерийского исторического музея и руководил эвакуацией коллекций в Ярославль. После прихода к власти большевиков ему пришлось отстаивать помещения музея от претендовавшего на них Совета солдатских депутатов артиллерийских складов, находящихся по соседству. Помогло обращение к наркому просвещения А.В. Луначарскому. В 1918 г. он, уже назначенный начальником музея, получил открытый лист, подписанный А.В. Луначарским, на раскопки в районе Севастополя, куда и выехал в конце августа. С этого времени сведений о его дальнейшей судьбе неизвестно (Рудакова 2003, с. 32; Непомнящий, 2018, с. 52). Вероятнее всего, Печенкин пропал в бурном водовороте Гражданской войны на юге России, поскольку, если бы он оказался в эмиграции, имя деятельного офицера и исследователя древностей где-нибудь да всплыло бы. Показателем его авторитета в научной среде являлось то обстоятельство, что на заседании Коллегии по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, состоявшемся 11 июля 1919 г., было решено не увольнять его с должности начальника музея до выяснения обстоятельств, препятствующих возвращению в Петроград.

В годы разрухи, наступившей после революции и гражданской войны, коллекции Артиллерийского музея оказались в очень тяжелом положении. Часть материалов погибла в Ярославле, оставшиеся или вернувшиеся из эвакуации понесли очень значительный

урон во время наводнения 23 сентября 1924 г., когда воды Невы затопили все нижние помещения музея. После этого по инициативе Главнауки была создана комиссия из представителей ведущих ленинградских музеев и Российской академии истории материальной культуры «с целью выявления состояния исторических и археологических памятников Артиллерийского музея и мер, необходимых для спасения их от порчи и гибели, угрожающих ввиду перенесенной этими памятниками эвакуации в Ярославль или семилетнего хранения в неотапливаемых и не ремонтируемых, отсыревших помещениях Кронверка» (цит. по: Кузнецова, 2003, с. 34). Комиссия пришла к выводу о том, что доисторические коллекции, которые семь лет хранились в холодном помещении с девяносточетырехпроцентной влажностью подверглись сильной порче и их необходимо передать в Государственный Эрмитаж. Однако эта передача значительно затянулась, и в 1926 г. один из хранителей Эрмитажа Г.И. Боровка вновь обследовал археологические материалы Артиллерийского музея, указав на ценность собрания, в котором комплексы находок точно привязаны к определенным погребениям. Согласившись, что многие предметы вооружения, особенно средневековых кочевников, вполне уместны в экспозиции военно-исторического музея, Боровка настаивал на передаче в Эрмитаж «излишних», по его мнению, коллекций эпохи камня и бронзы, а также скифской культуры, которые «изобилуют не имеющими отношения к военному быту предметами» и экспонируются не подобающим образом. В качестве такого примера, он привел керамические сосуды, которые «сгружены в кучи, вставлены стойками одни в другие, так что нет никакой возможности их разглядеть» (Кузнецова, 2003, с. 35).

В итоге, в 1932 г. все археологические коллекции, хранившиеся в Артиллерийском музее, были переданы в Государственный Эрмитаж. Часть коллекции Н.Е. Бранденбурга, посвященная эпохе бронзы, была издана Н.К. Качаловой (1974), древностям скифской эпохи – Л.К. Галаниной (1977), погребениям средневековых кочевников – С.А. Плетневой (1973). Краткое описание этих ценных археологических материалов приведено в статье Л.К. Галаниной и Н.К. Качаловой (2000, с. 17–20).

Новые исследования в области военной археологии возобновились в Артиллерийском музее уже только в послевоенный период и

были связаны с именами молодых в то время Кирпичникова и И.Н. Хлопина (Белецкий, выпускников кафедры археологии ЛГУ – А.Н. Платонова, 2014, с. 18, 19).

ЛИТЕРАТУРА:

Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д.Я.Самоковасова (1843–1911) / Сост., вступ. статья и коммен. С.П. Щавелёва. Курск: КГМУ, 2007. 506 с

Археологические труды Н.М. Печёнкина // Гераклеяский сборник. Вып. IV. / Отв. ред. Ю.А. Виноградов, Т.Н. Смекалова, Сост. Т.Н. Смекалова. СПб.: Алетей, 2020. 216 с.

Белецкий С.В., Платонова Н.И. Жизнь и труды Анатолия Николаевича Кирпичникова // Stratum plus. 2014. № 6. С. 17–26.

Бранденбург Н.Е. Курганы Южного Приладожья / МАР. № 18. СПб., 1895. 156 с.

Бранденбург Н.Е. Старая Ладога. СПб., 1896. 323 с.

Бранденбург Н.Е. Путеводитель по С.-Петербургскому Артиллерийскому музею. I. Отдел доисторический. СПб., 1902. 89 с.

Галанина Л.К. Скифские древности Поднепровья. (Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга) / САИ. Вып. 8. М.: Наука, 1977. 33 с

Галанина Л.К., Качалова Н.К. Археологическая коллекция Н.Е.Бранденбурга в Эрмитаже // Бомбардир. 2000. № 9. С. 17–20.

Журнал раскопок Н.Е. Бранденбурга 1888–1902 гг.: Работы в губерниях: Киевской, Полтавской, Харьковской, Каменец-Подольской, Екатеринославской, Таврической, Черниговской, Могилевской, Новгородской, Смоленской и в Области Войска Донского. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1908. 238 с.

Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Под ред. Е.Н.Носова. СПб.: Дмитрий Булаин, 2009. 1192 с.

Качалова Н.К. Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга. Эпоха бронзы / САИ. Вып. В4–12. М.: Наука, 1974. 56 с.

Кирпичников А.Н. Николай Ефимович Бранденбург – выдающийся оружейвед, историк, археолог // Бранденбургские чтения. Вып. 1. / гл. ред. Крылов В.М. СПб., 2003. С. 13–15.

Кузнецова М.Д. Судьба коллекции Н.Е. Бранденбурга // Бранденбургские чтения. Вып. 1. / гл. ред. Крылов В.М. СПб., 2003. С. 33–36.

Лебедеванская А.П. Артиллерийский исторический музей. Исторический очерк. (1703–1917). СПб.: ВИМАИВиВС, 2008. 111 с.

Маковская Л.К. Николай Ефимович Бранденбург (очерк биографии) // Артиллерийский музей / Отв. ред. В.М. Крылов. СПб.: Арт-Паллас, 2001. С. 11–15.

Непомнящий А.А. Николай Михайлович Печенкин // Репников Н.И., Бабенчиков П.П., Бабенчиков В.П., Веймарн Е.В. Гераклеяский сборник 1936 г. / Ред. Ю.А. Виноградов, Т.Н. Смекалова. СПб.: Алетей, 2018. С. 49–52.

Печенкин Н. Памяти Н.Е. Бранденбурга // Артиллерийский журнал. 1905. № 7. С. 7–46.

Первые пять лет деятельности Императорского Русского военно-исторического общества. 1907–1912. СПб., 1913. 66 с.

Плетнева С.А. Древности черных клобуков / САИ. Вып. Е1–19.. М.: Наука, 1973. 96 с.

Рудакова Л.П. Николай Михайлович Печенкин: штрихи к портрету // Бранденбургские чтения. Вып. 1. / гл. ред. Крылов В.М. СПб., 2003. С. 28–32.

Струков Д.П. Путеводитель по Артиллерийскому Историческому музею. СПб., 1912. 155 с.

Тихонов И.Л. Записка Н.Е. Бранденбурга «Об исследовании земляного городища в Старой Ладоге» // Программа «Храм». Чтения памяти Николая Ефимовича Бранденбурга / ред.-сост. А.К. Крылов, О.Ю. Крылова. СПб., 1995. С. 150–158.

Тункина И.В. К биографии Николая Михайловича Печенкина: новые архивные материалы // Погребальная культура Боспорского царства. Материалы Круглого стола, посвящённого 100-летию со дня рождения Михаила Моисеевича Кубланова (1914–1998). (Санкт-Петербург, 25–26 ноября 2014 г.). / Отв. Ред. В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 233–238.

Информация об авторе:

Тихонов Игорь Львович, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург, Россия); I.Tikhonov@spbu.ru

REFERENCES

- Shchhavelev, S. P. (ed.). 2007. In *Arkheologiya, istoriya i arkhivnoe delo Rossii v perepiske professora D. Ya. Samokvasova (1843–1911) (Archaeology, History and Archiving of Russia in the Correspondence of Professor D. Ya. Samokvasov (1843–1911))*. Kursk: Kursk State Medical University (in Russian).
- Vinogradov, Yu. A., Smekalova, T. N. (eds.). 2020. *Arkheologicheskie trudy N.M. Pechionkina (Archaeological Works by N. M. Pechenkin)*. Series: Geraklejskii sbornik (Heraclea Collection) IV. Saint Petersburg: “Aleteia” Publ. (in Russian).
- Beletsky, S. V., Platonova, N. I. 2014. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 17–26 (in Russian).
- Bradenburg, N. E. 1895. *Kurgany Iuzhnogo Priladozh'ia (Mounds of the Southern Ladoga Region)*. In Series: Materialy po arkheologii Rossii (Proceedings for the Archaeology of Russia) 18. Saint Petersburg (in Russian).
- Bradenburg, N. E. 1896. *Staraya Ladoga (Staraya Ladoga)*. Saint Petersburg (in Russian).
- Bradenburg, N. E. 1902. *Putevoditel' po S.-Peterburgskomu Artilleriiskomu muzeiu. I. Otdel doistoricheskii (Guide to the Saint Petersburg Artillery Museum. I. Prehistoric Department)*. Saint Petersburg (in Russian).
- Galanina, L. K. 1977. *Skifskie drevnosti Podneprov'ia. (Ermitazhnaia kolleksiia N.E. Brandenbura) (Scythian Antiquities of the Dnieper Region. (Hermitage Collection of N.E. Brandenburg))*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) 8. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Galanina, L. K., Kachalova, N. K. 2000. In *Bombardir (Bombardir)* 9, 17–20 (in Russian).
1908. *Zhurnal raskopok N.E. Brandenbura 1888–1902 gg.: Raboty v guberniiakh: Kievskoi, Poltavskoi, Khar'kovskoi, Kamenets-Podol'skoi, Ekaterinoslavskoi, Tavricheskoi, Chernigovskoi, Mogilevskoi, Novgorodskoi, Smolenskoi i v Oblasti Voiska Donskogo (Journal of Excavations by N. E. Brandenburg in 1888-1902: Activities in Governorates: Kiev, Poltava, Kharkov, Kamianets-Podilskyi, Yekaterinoslav, Taurida, Chernigov, Mogilev, Novgorod, Smolensk and in the Don Host Oblast)*. Saint Petersburg: “Tovarishchestvo R. Golike i A. Vilborg” Publ. (in Russian).
- Nosova, E. N. (ed.). 2009. *Imperatorskaia Arkheologicheskaja Komissia (1859–1917): K 150-letiiu so dnia osnovaniia. U istokov otechestvennoi arkheologii i okhrany kul'turnogo nasledii (Imperial Archaeological Commission (1859–1917): To the 150th Anniversary of its Foundation. At the Origins of Russian Archaeology and Cultural Heritage Protection)*. Saint Petersburg: “Dmitrii Bulanin” Publ. (in Russian).
- Kachalova, N. K. 1974. *Ermitazhnaia kolleksiia N.E. Brandenbura. Epokha brozy (Hermitage Collection of N.E. Brandenburg. Bronze Age)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) B4–12. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Kirpichnikov, A. N. 2003. In Krylov, V. M. (ed.). *Brandenburgovskie chteniia (Brandenburg Readings)* 1. Saint Petersburg, 13–15 (in Russian).
- Kuznetsova, M. D. 2003. In Krylov, V. M. (ed.). *Brandenburgovskie chteniia (Brandenburg Readings)* 1. Saint Petersburg, 33–36 (in Russian).
- Lebedinskaia, A. P. 2008. *Artilleriiskii istoricheskii muzei. Istoricheskii ocherk. (1703–1917). (Artillery Historical Museum. Historical Sketch. (1703–1917).)* Saint Petersburg (in Russian).
- Makovskaya, L. K. 2001. In Krylov, V. M. (ed.). *Artilleriiskii muzei (Artillery museum)*. Saint-Petersburg: “Art-Pallas” Publ., 11–15 (in Russian).
- Nepomniashchii, A. A. 2018. In Vinogradov, Yu. A., Smekalova, T. N. (eds.) *Gerakleiskii sbornik 1936 g. (Heraclea Collection of 1936)*. Saint Petersburg: “Aleteia” Publ., 49–52 (in Russian).
- Pechenkin, N. 1905. In *Artilleriiskii zhurnal (Artillery Journal)* 7. 7–46 (in Russian).
1913. *Pervye piat' let deiatel'nosti Imperatorskogo Russkogo voenno-istoricheskogo obshchestva. 1907–1912 (The First Five Years of the Activity of the Imperial Russian Military Historical Society. 1907–1912)*. Saint Petersburg (in Russian).
- Pletneva, S. A. 1973. *Drevnosti chernykh klobukov (Antiquities of Chorni Klobuky)* Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1–19. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Rudakova, L. P. 2003. In Krylov, V. M. (ed.). *Brandenburgovskie chteniia (Brandenburg Readings)* 1. Saint Petersburg, 28–32 (in Russian).
- Strukov, D. P. 1912. *Putevoditel' po Artilleriiskomu Istoricheskomu muzeiu (Guide to the Historical Museum of Artillery)*. Saint Petersburg (in Russian).
- Tikhonov, I. L. 1995. In Krylov, A. K., Krylova, O. Yu. (eds.). *Programma «Khram». Chteniia pamiati Nikolaia Efimovicha Brandenbura (The “Temple” Program. Readings in Memory of Nikolai Efimovich Brandenburg)*. Saint Petersburg, 150–158 (in Russian).

Tunkina, I. V. 2014. In Zuev, V. Yu., Khrshanovski, V. A. (eds.). *Pogrebal'naja kul'tura Bosporskogo carstva (Sepulchral culture of the Bosporan kingdom)* Saint Petersburg: Nestor-Istoriia" Publ., 233–238 (in Russian).

About the Author:

Tikhonov Igor L. Doctor of Historical Science, Professor of Archaeological Department, St.Petersburg State University, Mendelevskaya liniya 5, St.Petersburg, 199034, Russian Federation; I.Tikhonov@spbu.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2021 г.
Статья принята к публикации 01.10.2021 г.

АКАДЕМИЯ НАУК, ЭРМИТАЖ И МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ: РЕШЕНИЕ СУДЬБЫ МУЗЕЯ КЛАССИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ В 1894 ГОДУ¹

© 2021 г. В.В. Онощенко, Д.В. Серых

В 1894 году Музей классической археологии Академии наук был ликвидирован, а все его коллекции переданы в Эрмитаж. Выявленные в РГИА документы свидетельствуют о том, что за коллекции боролся также Кабинет изящных искусств Императорского Московского университета, на базе которого в последующие десятилетия вырос ГМИИ им. А.С.Пушкина. В переписке о судьбе музея приняли участие проф. И. В. Цветаев, Н. М. Аничков, граф П. А. Капнист, Великий Князь Константин Константинович, академик В. В. Латышев, С. Ю. Витте, барон В. Б. Фредерикс, граф И. Д. Делянов. В приложении к статье публикуются письма И.В. Цветаева к Н.М. Аничкову.

Ключевые слова: музей, классическая археология, Эрмитаж, ГМИИ им. Пушкина, Московский университет, история искусств, РГИА.

ACADEMY OF SCIENCES, HERMITAGE AND MOSCOW UNIVERSITY: THE DECISION OF THE FATE OF THE MUSEUM OF CLASSICAL ARCHEOLOGY IN 1894²

V.V. Onoshchenko, D.V. Serykh

In 1894, the Museum of Classical Archeology of the Academy of Sciences was liquidated, and all its collections were transferred to the Hermitage. Documents revealed in the Russian State Historical Archives indicate that the Cabinet of Fine Arts of the Imperial Moscow University also fought for the collection, on the basis of which the Pushkin Museum of Fine Arts grew in the following decades. A.S. Pushkin. The correspondence about the fate of the museum was attended by prof. I. V. Tsvetaev, N. M. Anichkov, Count P. A. Kapnist, Grand Duke Konstantin Konstantinovich, Academician V. V. Latyshev, S. Yu. Witte, Baron V. B. Frederiks, Count I. D. Delyanov. The appendix to the article contains letters from I.V. Tsvetaeva to N.M. Anichkov.

Keywords: museum, classical archeology, Hermitage, Pushkin Museum, Moscow University, art history, RGIA.

Последняя треть XIX века в России может быть отмечена как эпоха интенсивного музейного строительства. В частности, в Москве и Петербурге к уже существовавшим Оружейной палате, Кунсткамере, Императорскому Эрмитажу, Румянцевскому музею добавляются Исторический музей, Третьяковская галерея, Русский музей, Музей изящных искусств. Это во многом способствовало консолидации отдельных частных и ведомственных коллекций древностей и предметов искусства в составе крупных музейных собраний.

Одной из таких коллекций был Музей классической археологии Академии наук, который в 1894 году был целиком передан в Императорский Эрмитаж. В состав музея входили собрания греческих и римских монет в количестве 682 золотых, 8 464 серебряных, 11 216 бронзовых и медных экземпляров; порядка 50 расписных ваз; бронзовые, мраморные,

стеклянные, глиняные предметы, в том числе золотые и серебряные вещи из Мельгуновского клада. Подробная характеристика этого музея и история его передачи в Эрмитаж даны в работах И.Л. Тихонова (Тихонов, 2012, 2014).

В составе фонда Департамента народного просвещения нами выявлено дело, из которого следует, что в 1894 г. на коллекции ликвидируемого Музея претендовал также Кабинет изящных искусств и древностей Московского университета, о чем до сих пор не упоминалось в историографии (РГИА. Ф. 733. Оп. 142. Д. 1277 «Дело о передаче Музея классической археологии при Императорской Академии наук в Императорский Эрмитаж»). Дело доступно в оцифрованном виде на сайте Президентской библиотеки им. Б.Н. Ельцина (<https://www.prilib.ru/item/1280484>).

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-09-40115-Древности.

² The work was supported by RFBR grant No. 18-09-40115-Antiquities.

В переписке о судьбе коллекций приняли участие: профессор Московского университета И.В. Цветаев, товарищ Министра народного просвещения Н.М. Аничков, Попечитель Московского учебного округа граф П.А. Капнист, Президент Санкт-Петербургской Академии наук Великий Князь Константин Константинович, Министр финансов С.Ю. Витте, товарищ министра Императорского двора барон В.Б. Фредерикс, Министр народного просвещения граф И.Д. Делянов. Интересна роль в этом обсуждении известного антиковеда В.В. Латышева, незадолго до этого ставшего академиком, который в данном вопросе выступал с официальных позиций от Департамента Министерства народного просвещения, но как специалист по классическим древностям прекрасно понимал ценность и важность передаваемой коллекции.

За передачу Музея в Москву боролся И.В. Цветаев, желавший таким образом придать развитие Кабинету (музею) изящных искусств Московского университета (Каган, 1987; Смирнов, 2013). Ему удалось заручиться поддержкой Попечителя Московского учебного округа и многих московских благотворителей того времени, от врачей и адвокатов до

представителей аристократии и членов императорской фамилии, но шансов было немного. Пополнение коллекции, с одной стороны, значительно расширяло музейное собрание, а с другой – должно было помочь И.В. Цветаеву в решении вопроса о здании для музея, которого на тот момент еще не было. Хотя старания И.В. Цветаева в данном деле не увенчались успехом, созданный им музей (сейчас – ГМИИ им. А.С. Пушкина) торжественно открылся в новом здании уже 31 мая 1912 года и стал одним из ведущих российских музеев.

Характеризуемый комплекс документов раскрывает подробности истории музейного дела в России и показывает, каким образом решались вопросы конкуренции ведущих научных и учебных учреждений за музейные ценности.

В приложении к настоящей статье публикуются наиболее яркие документы из выявленного дела – письма Ивана Владимировича Цветаева к Товарищу Министра Народного просвещения Николаю Милюевичу Аничкову.

Письма публикуются с приведением текста к современной орфографии. Многочисленные делопроизводственные номера, отметки и резолюции, имеющиеся на письмах, в публикации не отражены.

Приложение

Письма И.В. Цветаева Н.М. Аничкову

№ 1

Москва

4 февраля 1894 г.

Милостивый Государь Николай Милюевич.

Зная по опыту, с каким участием относитесь Вы к вопросу об организации Художественного Музея Московского Университета, считаю своим долгом поставить Вас в известность о ходе пополнений этого Музея за последние три месяца.

Составляя отдел античной скульптуры исключительно на пожертвования частных лиц, управление Музея, ради пополнения своей программы в целом ее объеме, должно было искать новых жертвователей и новые средства. К чести Москвы нужно отнести, что эти искания не остались напрасными. Не только никто из лиц, известных своей любовью к искусству, не отказал нам в посильном содействии, но и почти каждый такой посетитель Университетского Музея скульптуры вызывался сам распространять идею и цель этого Музея в московском обществе.

Большую пользу делу может принести и уже начинает приносить обращение управления Музея к содействию наиболее известных московских врачей и адвокатов. Эти люди, вращаясь в общественной среде, могут привлечь такие пожертвования и таких жертвователей, которых людям нашего, историко-филологического круга без этой помощи не найти бы ни коим образом.

В Москве очень сильную группу богатого населения составляет банковский мир – поэтому, в интересах музея, было весьма важно заручиться сочувствием и в этой среде. Благодаря тому, что во главе первых Банков, как Московского Купеческого и Волжско-Камского, стоят люди университетского образования, установление связи с этим миром не составило особого затруднения.

Составляя Музей изящных искусств в Москве, нельзя было забывать и московской родовой аристократии. Управление Университетского музея полагало, что наиболее известные дворянские роды должны будут принять в соиздании этого учреждения свою долю участия, чтобы

не быть вынужденным посылать своих детей и внуков учиться по тому материалу, который приготовлен помимо их исключительно купцами. Эта мысль, высказанная нам графине П. С. Уваровой и генералу М. П. Степанову, встретила полное сочувствие. Несколько лиц здешнего аристократического круга посетили после этого Университетский Художественный Музей и обещали свое содействие.

При всех этих благоприятных условиях, коллекции растут постоянно и быстро. В числе жертвователей, пришедших Музею на помощь, я должен указать на П. М. Третьякова, посетившего Университет неделю тому назад и после осмотра собрания античной скульптуры уполномочившего управление Музея приобрести за его счет, половину скульптур Римских музеев, государственных и частных. Этот большой и щедрый дар тем ценнее для нашего музея, что половина скульптур Рима принесена была Университету в минувший год Лазарем Поляковым. Таким образом Римские музеи представлены будут у нас полнее, чем где-либо в России. Множество памятников скульптуры в гипсовом отливе переступит Русскую границу в первый раз.

Кандидат Московского университета И. А. Баранов принес университетскому музею 1000 руб. на скульптуры Неаполитанского музея. Жена купца В. А. Алексеева пожертвовала 1000 руб. на скульптуры Луврского музея. М^{ме} Zeneide Gubbay из Парижа прислала гипсовый слепок Венеры Милосской – на память о прожитых в Москве годах. С. В. Лепешкин, основатель Лепешкинского общежития студентов, представил 500 руб. на приобретение скульптур Дрезденского музея. Академик гравюры Н. С. Мосолов назначил 500 руб. на уплату ближайшего заказа скульптур в Берлине. Купец Комиссаров принес Музею 200 руб., г-жа Баранова 100 руб., Исторический Музей переслал 120 руб., вырученные с лекции Д. И. Иловайского, назначившего сбор на два музея. Все эти мелкие суммы соединены будут воедино при уплате заказа Берлинскому музею. К. С. Попов, уже сделавший два больших вклада в три последние года, принимает на себя уплату скульптур Афинских музеев, которые потребуют до 4000 рублей. Остается досель нетронутым, за исключением бюстов, приобретенных Действ. ст. сов. Мейном, только Британский музей, требующий 9000 руб.; но эту сумму собирают в Московском обществе несколько врачей и адвокатов – и есть верная надежда на возможность сделать и этот заказ еще в зимние месяцы. Независимо от всего этого Музей располагает 3100 руб. дара Боткина.

Люди, хорошо знающие Москву, советуют сначала заготовить содержимое Музея и потом на I-м Съезде Художников и любителей художеств, собирающемся в Москве в апреле этого года, в общем собрании поднять речь о постройке особого здания для собрания коллекций. А доколе они будут складываться не распакованные в подвалах Исторического Музея. Но работая над собиранием частных жертв, Управление Университетского музея помнит о милостивом обещании равительственного содействия, данном мне Г-м Министром Народного Просвещения. Это содействие так же необходимо.

Примите уверения в истинном почтении и преданности. Профессор И. Цветаев.

РГИА. Ф. 733. Оп. 142. Д. 1277. Л. 5-6об. Автограф. На бланке Кабинета изящных искусств Императорского Московского университета.

№ 2

Москва

5 февраля 1894 г.

Милостивый Государь Николай Милиевич.

Имею честь обратиться к Вашему Превосходительству с покорнейшей просьбою по следующему вопросу. В бытность мою, по делам службы, в С.-Петербурге в ноябре минувшего года, я ходатайствовал перед Господином Министром Народного Просвещения о передаче Музея классической археологии, принадлежащего Императорской Академии Наук и предназначавшегося к передаче в какие-либо правительственные учреждения, – в Императорский Московский Университет, Художественный Музей которого организуется в настоящее время на широких началах и скоро обещает быть образцовым для музеев других наших университетов.

При невозможности одновременного составления Художественных музеев во всех университетских городах, было бы более целесообразным основать и вполне удовлетворительно обставить сначала один центральный Университетский музей и потом, по этому образцу орга-

низовать, по мере средств, и другие музеи. Таким центральным Университетским Художественным Музеем всего естественнее стать Музеем Московского Университета.

В числе разрозненных его коллекций есть и собрание греческих расписных ваз – и потому пополнение этого собрания греческими расписными вазами Академического Музея было бы для нас весьма важно. Тоже необходимо сказать и о других предметах классической древности этого, уничтожаемого теперь, Музея.

Его сиятельство граф И. Д. Делянов изъявил на просьбу мою полное согласие и подал совет следить, через знакомых мне членов Академии Наук, за ходом дела по этому музею, что бы своевременно начать официальное ходатайство по этому вопросу. Ныне мною получено известие из Академии Наук, что на днях поступает оттуда преставление в Министерство Народного Просвещения о раскассировании означенного музея.

Пользуясь советом Его Сиятельства, я имею честь покорнейше просить Вас довести до сведения Господина Министра Народного Просвещения, что официальное ходатайство о переводе Академического музея классической археологии в Московский Университет уже начато начальством последнего и что оно прибывает из Канцелярии Попечителя Московского Учебного Округа в Департамент М[инистерства] Н[ародного] Просвещения в ближайшие же дни.

В интересах вверенного мне Художественного Музея Московского Университета, почтительнейше прошу Ваше Превосходительство о возможном содействии.

Примите уверение в истинном почтении и совершенной преданности.

Ординарный профессор Императорского Московского Университета

Иван Цветаев.

РГИА. Ф. 733. Оп. 142. Д. 1277. Л. 3-4. Автограф. На бланке Кабинета изящных искусств Императорского Московского университета.

№ 3

И. В. Цветаев – Н. М. Аничкову

Москва

14 марта 1894 г.

Милостивый Государь Николай Милиевич!

Продолжаю свой отчет о том участии, которое оказывает Москва в деле устройства Музея античного искусства при здешнем Университете.

В числе западно-европейских музеев, еще не тронутых нашими заказами, за неимением нужных для того денежных средств, до последнего времени были Афинский Национальный Музей, Флорентийский, Венецианский, Брессанский, частью Берлинский, частью Лувр и, за исключением бюстов, Британский музей.

В настоящем месяце более половины этих музеев отошло от наших забот. Благодаря приношениям П. И. Харитоненко, Саввы Тим. Морозова, князя Ал. Ал. Щербатова, Д.Ф. Самарина, явилась возможность сделать без существенно важные заказы и в Греции, и в Италии. А вместе с этим мы вступаем уже в последнюю четверть исполнения программы скульптурного отделения Музея, не смотря на всю широту ее.

Есть полное основание надеяться, что и остальная часть этой программы будет благополучно выполнена. Эта надежда основывается главным образом на том благоволении, которого удостоилось предприятие университета со стороны их Императорских Высочеств Великого Князя Сергея Александровича и великой Княгини Елизаветы Федоровны. Великий Князь, в доказательство своей особой симпатии к организуемому Музею, сам лично привлекает жертвователей в среде высшего Московского дворянства, подготовляя своими рекомендациями путь профессору, заведующему Музеем, в наиболее видные и уважаемые аристократические семейства. А Ее Высочество дарит Музею художественные предметы, собранные на классической почве. Такие же дары антиков поступили от генерала М. П. Степанова.

При таких счастливых обстоятельствах, окончание подбора скульптурного музея не заставит себя долго ждать. Довожу об этом до сведения Вашего, зная, как живо интересуется Вас вопрос о росте нашего Музея.

Это рост нельзя не назвать быстрым; но эта быстрота вместе с понятной радостью причиняет нам заботы о будущем помещении Музея. Нынешнее помещение и ветхо и крайне тесно. Ныне прибывший из Имп. Академии Художеств транспорт скульптур, составляющий дар Его Императорского величества Великого Князя Владимира Александровича, может быть внесен в

наш музей с величайшим трудом. Дальнейшие транспорты из Афин, Неаполя, Рима, Венеции, Флоренции, Бресшии, Дрездена, Берлина, Парижа и Лондона не будут даже и распаковываться.

Если не будут найдены частные средства на постройку особого здания для этого Музея, то для Министерства Нар. Просвещения возникнет долг способствовать тому, чтобы чудные произведения архаичного ваяния не лежали в ящиках и не портились от нахождения в темных и всегда более или менее сырых подвалах. Музей античного искусства, таким образом организованный, будет первым опытом в нашем отечестве: необходимо дать ему и подобающее помещение.

Прилагая при сем экземпляры портретного изображения Цицерона, изображения, добытого для нашего «Учебного атласа античного ваяния» с величайшим трудом и издаваемого с такой точностью и изяществом в первый раз, прошу Вас принять одну из них для Вашей личной библиотеки, а другие благоволите предоставить по назначению.

Примите, Милостивый Государь, уверения в истинном почтении и совершенной преданности.

Вашего Превосходительства покорнейший слуга

Профессор И.Цветаев.

РГИА. Ф. 733. Оп. 142. Д. 1277. Л. 16-17об. Автограф. На бланке Кабинета изящных искусств Императорского Московского университета.

№ 4

И. В. Цветаев – Н. М. Аничкову

г. Таруса Калужской губ.

8 июня 1894 г.

Милостивый Государь Николай Милюевич!

Считаю своим долгом довести до сведения Министра Народного Просвещения о посещении Университетским Музеем Изящных Искусств Его Императорским Высочеством Великим Князем Сергеем Александровичем, состоявшимся вчера, 7 текущего июня.

За неделю перед сим, 31 мая, Его Высочеству угодно было призвать меня к себе и заявить мне о своем желании быть в Музее, о котором он слышал столько хорошего от генерала М. П. Степанова и других. Это желание было исполнено Великим Князем в первый же приезд Его в Москву. Тем временем дано было знать Управляющему Округом, Ректору и другим властям Университета. Жалкий, с проваливающимся полом, наш «Музей» был приведен в порядок, устлан коврами из университетского запаса, полы в зале вычищены и натерты воском.

Его Высочество, встреченный властями Округа Университета и Музея у подъезда, оставался у нас целый час, внимательно рассматривая в особенности те памятники скульптуры, которые не принадлежат к наиболее известным. Особое внимание Его возбудила наша большая коллекция портретных бюстов исторических деятелей Греции и Рима. Это собрание – только одно в России и уже теперь, не достигнув и половины, включает в себе множество редких экземпляров, которых ни Академия Художеств, ни наши художественные школы, ни Университет не видели.

Кроме скульптуры Великий Князь обозрел также и копии фресок из Римских катакомб, сделанные для меня художником Рейманом. Эти удивительные акварели составляют также собственность музея. Картонов было до 70: Его Высочество просил меня доставить удовольствие и Великой Княгине Елисавете Федоровне возможностью рассмотреть эту живопись на досуге. Картоны будут посланы в Ильинское.

Здесь, на месте, Великий Князь убедился в тесноте и неудобствах нашего помещения. Вновь прибывающие транспорты с гипсами нами более не распаковываются. Ящики со статуями наполняют сени Музея и раскладываются по коридорам других зданий Университета.

В изъявлении особого удовольствия, доставленного нашим музеем, Его Величество соблаговолил сняться в этой художественной обстановке, а в беседе со мною у себя обещал оказать свое содействие и в приискании жертвователей на нужды этого «дорогого Ему учреждения». Я указал Ему на одно лицо, подающее надежды на крупное пожертвование, – и Он изъявил полную готовность и на это специальное содействие. Донося обо всем этом чрез Вас Министру Народного Просвещения, почтительнейше прошу об изъявлении чувства признательности Его Имп. Величеству в возможной для того форме. Ординар[ный] Профессор И. Цветаев.

РГИА. Ф. 733. Оп. 142. Д. 1277. Л. 11об-13об. Автограф. На бланке Музея изящных искусств Императорского Московского университета.

ЛИТЕРАТУРА

Каган Ю.М. И.В. Цветаев. Жизнь. Деятельность. Личность. М.: Наука, 1987. 192 с.

Смирнов А.Е. Иван Цветаев. История жизни. СПб.: Вита нова, 2013. 368 с.

Тихонов И.Л. Хранитель древностей Императорского Эрмитажа Г.Е. Кизерицкий // МНЕМОН. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 11. / Под ред. Э.Д. Фролова. СПб.: СПбГУ, 2012. С. 419–438.

Тихонов И.Л. Археология в Императорском Эрмитаже // Российский археологический ежегодник. № 4. / Глав. ред. Л.Б. Вишняцкий. СПб.: ИИМК РАН, 2014. С. 427–479.

Информация об авторах:

Онощенко Виктория Витальевна, научный сотрудник, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (г. Санкт-Петербург, Россия); 89117212734@mail.ru

Серых Данила Витальевич, кандидат исторических наук, независимый исследователь (г. Санкт-Петербург, Россия); maol864@yandex.ru

REFERENCES

Kagan, Yu. M. 1987. *I. V. Tsvetaev. Zhizn'. Deiatel'nost'. Lichnost' (I. V. Tsvetaev. Life. Activity. Personality)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Smirnov, A. E. 2013. *Ivan Tsvetaev. Istoriia zhizni (Ivan Tsvetaev. The Story of Life)*. Saint Petersburg: "Vita nova" Publ. (in Russian).

Tikhonov, I. L. 2012. In Frolov, E. D. (ed.). *MNEMON. Issledovaniia i publikatsii po istorii antichnogo mira (MNEMON. Studies and Publications on the History of the Ancient World)* 11. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 419–438 (in Russian).

Tikhonov, I. L. 2014. In Vishnyatsky, L. B. (ed.). *Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik (Russian Archaeological Yearbook)* 4. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 263–275 (in Russian).

About the Author:

Onoshchenko Victoria V. St. Petersburg Branch Archive of RAS, Universitetskaya nab., 1, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation; 89117212734@mail.ru

Serykh Danila V., Candidate of Historical Sciences, independent researcher, Saint Petersburg, Russian Federation. maol864@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2021 г.
Статья принята к публикации 01.10.2021 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

АКАДЕМИЯ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И ИЗДАНИЕ НОИН-УЛИНСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ. 1920-Е ГГ.¹

© 2021 г. М.В. Медведева

Во второй половине 1920-х гг. в Академии истории материальной культуры готовилось масштабное издание ноин-улинской коллекции из раскопок Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова, которое так и не состоялось. По документам архива ИИМК РАН реконструируются этапы подготовки материалов к публикации и роль Академии в этом процессе.

Ключевые слова: Академия истории материальной культуры, Монголо-Тибетская экспедиция, археологическая коллекция, Ноин-Ула, архивные документы.

ACADEMY FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE AND PUBLICATION OF NOIN-ULA COLLECTION. 1920s²

M.V. Medvedeva

In the second half of the 1920s, the Academy for the History of Material Culture prepared a great edition of the Noin-Ula collection from the excavations of the Mongol-Tibetan expedition of Pyotr Kozlov, which was never published. The history of the creation of this publication is reconstructed according to the documents from the archive of the Institute for History of Material Culture RAS.

Keywords: Academy for the History of Material Culture, Mongol-Tibetan expedition, archaeological collection, Noin-Ula, archival documents.

Раскопки Монголо-Тибетской экспедиции РГО под руководством П.К. Козлова в 1924–1925 гг. принесли уникальные результаты. В горах Ноин-Улы Северной Монголии были открыты богатые погребения знати кочевого народа хунну. В дальнейшем археологическую коллекцию и полевую документацию ждала непростая судьба (Елихина, 2018, с. 17–29; Сутягина, 2016, с. 5, 6; 2020, с. 337, 338; 2021; Юсупова, 2010; 2011). Ценные находки привлекли внимание академического сообщества сразу же и с тех пор неизменно присутствуют в фокусе внимания ученых¹, однако история изучения археологической коллекции Ноин-Улы в 1920–1930-х гг. в стенах Академии истории материальной культуры пока раскрыта не полностью, в том числе остается неизвестен издательский аспект этой работы. Комплекс архивных документов ИИМК РАН² позволяет прояснить и дополнить многие связанные с этим вопросы.

Академия истории материальной культуры, в то время ведущее археологическое учреждение России, уже летом 1924 г. деятельно включилась в процесс археологических изысканий Монголо-Тибетской экспедиции. Членом Академии С.Ф. Ольденбург был

инициирована отправка профессиональных археологов С.А. Теплоухова и Г.И. Боровки³ для наблюдения за раскопками в Ноин-Уле (рис. 1). Впрочем, оба исследователя, помимо работы в музее, также были сотрудниками РАИМК (Фармаковский, 1926, с. 24–27).

Блестящие результаты раскопок поставили перед археологами и музейщиками трудные задачи. Художник и реставратор М.В. Фармаковский, возглавивший работы по реставрации и консервации археологической коллекции (Платонова, 2018, с. 286–288), а также химико-технологические и другие естественно-научные исследования ноин-улинских находок, писал в 1925 г.: «Целое море новых научных вопросов поднято из глубоких могил раскопками монголо-тибетской экспедиции П.К. Козлова 1924–1925 гг. Обработка огромного археологического материала этих раскопок должна была необходимо привлечь к себе специалистов из самых различных областей, так как лишь при такой постановке дела вопросы археологии могут получить должное и всестороннее освещение» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1925. Д. 41. Лл. 122–123).

Выдающееся значение ноин-улинских археологических находок и важность их неот-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОН РСМ в рамках научного проекта № 20-59-44005.

² The reported study was funded by RFBR and MECSS, project number 20-59-44005.



Рис. 1. Монголия. Ноин-Ула. Падь Суцзуктэ. Курган № 24. Общий вид после снятия деревянного перекрытия внешней погребальной камеры. Раскопки С.А. Теплоухова и Г.И. Боровки в 1924 г. Внизу стоит С.А. Теплоухов. Фото Г.И. Боровки. ФО НА ИИМК РАН. Нег. II 16431

Fig. 1. Mongolia. Noin-Ula. The Sutsukte Pad. Kurgan No. 24. General view after removing the wooden ceiling of the external burial chamber. Excavations by S.A. Teploukhov and G.I. Borovka in 1924 S.A. Teploukhov is standing at the bottom. Photo by G.I. Borovka. FO NA ИИМК RAS. Neg. II 16431

ложного изучения и издания были незамедлительно признаны Академией наук и Комиссией при СНК⁴. Исследование и подготовку материалов к публикации поручили Академии истории материальной культуры (Юсупова, 2010, с. 56-57), куда для этого были переданы на временное хранение все находки из раскопок Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова (РО НА ИИМК РАН Ф. 2. Оп. 1. 1925. Д. 68. Лл. 1-3). В связи с огромным интересом к результатам Монголо-Тибетской экспедиции очень быстро издали «Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-

Тибетской экспедицией П.К. Козлова» (Краткие отчеты..., 1925), где в том числе довольно сжато изложены некоторые результаты археологических исследований и опубликованы несколько фотографий процесса раскопок и наиболее значимых находок. Во вступлении С.Ф. Ольденбург сообщал, что через некоторое время появится подробное комплексное издание, к подготовке которого уже приступили специалисты (Краткие отчеты..., 1925, с. III).

С этой целью в Академии истории материальной культуры была создана собственная особая Комиссия⁵ по исследованию и изда-

нию археологических коллекций Монголо-Тибетской экспедиции под председательством С.Ф. Ольденбурга. Постоянными ее участниками стали В.В. Бартольд, И.А. Орбели, Б.В. Фармаковский, Г.И. Боровко и С.А. Теплоухов. К ним присоединялись в ряде случаев Н.Я. Марр, В.И. Крыжновский, С.И. Руденко, С.А. Жебелев, В.Я. Владимирцов и М.В. Фармаковский. В апреле 1925 г. состоялись первые заседания Комиссии (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 68. Л. 31–32), где были распределены практические задачи исследования ноин-улинской коллекции и сформирован научный коллектив для их решения в соответствии с интересами и специализацией каждого ученого: «член Акад[емии] Б.В. Фармаковский и науч[ный] сотр[удник] Г.И. Боровко заняты будут западными элементами, наблюдаемыми в памятниках, чл[ены] Ак[адемии] С.Ф. Ольденбург и И.А. Орбели и уч[еный] сотр[удник] В.М. Алексеев элементами среднеазиатскими и дальневосточными, чл[ен] Ак[адемии] В.В. Бартольд – определением исторического значения памятников и С.А. Теплоухов – определением их этнологического значения» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 68. Л. 32об.). Помимо русских ученых к изданию предполагалось привлечь и иностранных специалистов⁶, тем самым усилив международное значение проекта.

Уже на втором заседании Н.Я. Марр поставил вопрос о фотографировании и создании рисунков древних предметов, а С.Ф. Ольденбург – о составлении их научной описи и необходимости копирования дневников экспедиции для удобства работы⁷. Предварительная смета на издание результатов археологических раскопок Монголо-Тибетской экспедиции была составлена С.Ф. Ольденбургом тогда же весной 1925 г.: «8 листов текста по 250 р. 2000 р.; 10 фототип. табл. по 250 р. 2500 р.; 5 цветных фототип. табл. /заграницей/ по 500 р. 2500 р.; 80 клише тоновых по 40 руб. 3300 р.; на изготовление рисунков 400 р.» Всего: 10600 р. «Сумма за текст сравнительно высокая, потому что в тексте будет много рисунков, обложка которых текстом будет дорога, и кроме того, рисунки требуют хорошей бумаги» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 68. Л. 30).

В 1926 г. на заседаниях Комиссии Академии истории материальной культуры по изучению и изданию древностей из раскопок П.К. Козлова главным образом обсуждались вопросы о выделении из коллекции предме-

тов для передачи в Монголию по соглашению с Ученым комитетом Монголии (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1926. Д. 54. Л. 57). Тем не менее совершенно очевидно, что работа по подготовке к изданию активно шла, так как большинство иллюстративных материалов и фотографий, сделанных для планируемой публикации, датируется 1925–1926 гг.

В 1927 и 1928 гг. подготовка археологической коллекции из раскопок П.К. Козлова к печати близилась к завершению. Почти на каждом заседании Комиссии ГАИМК по этому вопросу концепция издания ноин-улинских находок менялась и уточнялась.

17 мая 1927 г. «С.Ф. Ольденбург поставил вопрос об издании материалов Монгольской экспедиции и предложил приступить к печатанию 1-го выпуска, посвященного тканям, причем АИМК взяла бы на себя обеспечение научной части издания, а Академия наук финансовой и технической, пользуясь издательским своим аппаратом» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1927 г. Д. 119. Л. 8).

28 мая 1927 г. участники заседания постановили: «1/ Издать материал отдельными выпусками по 3–4 листа каждый, с изданием памятников, дневников раскопок и описей предметов, 2/ Первый выпуск посвятить VI кургану, как наиболее подготовленному к изданию, 3/ Поручить Б.В. Фармаковскому представить к следующему заседанию Комиссии план издания VI кургана – состав издания, объем текста, количество иллюстраций и пр. 4/ Издание предпринять как совместное издание АН СССР и ГАИМК» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1927 г. Д. 119. Л. 22об.).

26 сентября 1927 г. «С.Ф. Ольденбург осведомил, что в настоящее время готовы к печати результаты работ Института археологической технологии по исследованию древностей из раскопок в Монголии /ткани, керамика, органические остатки/, а также подготовлена работа Г.И. Боровки о коврах. По различным соображениям научного и практического характера желательно приступить к печатанию первых выпусков этого издания, осуществляемого совместно Академией наук СССР и Государственной Академией истории материальной культуры. Первые выпуски можно было бы посвятить работе Г.И. Боровки о коврах, которая имеет быть законченной в течение ближайших 2–3 недель.» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1928 г. Д. 76. Л. 11 – 11об.).

27 апреля 1928 г. «С.Ф. Ольденбург сообщил, что представляется совершенно необхо-

димым приступить теперь же к печатанию I вып. предпринятого Академией наук СССР и ГАИМК. Издания монгольских древностей, в каковой первый выпуск войдут, согласно прежнему суждению Комиссии: 1) вводная статья, в которой будет изложен общий план издания, 2) отчет Г.И. Боровки и С.А. Теплоухова о раскопках в Монголии, 3) Статья Г.И. Боровки о коврах, 4) статья ИАТ о работе по изучению монгольских тканей. Формат издания будет или большой 4° или малый фолио, таблицы – фототипические и 1–2 цветные. Все члены комиссии присоединились к мнению С.Ф. Ольденбурга о составе I выпуска издания». Г.И. Боровка «доложил план своей статьи: 1/ текст, объемом в 2 ½ л., распадается на следующие разделы: а/ техника памятников, б/ стилистический анализ по группам изображений 2/ к работе было бы желательно приложить 12 таблиц фототипических /из них две цветных/, 1 двойную таблицу и 60 рисунков в тексте» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1928 г. Д. 76. Л. 2).

В связи с приближающейся датой публикации еще в июле 1927 г. были собраны сводные сведения о коллекции П.К. Козлова на Складе древностей ГАИМК, которые показали, насколько активно велась работа по изучению, популяризации и подготовке к изданию археологической коллекции. Всего, согласно подсчетам, в АИМК поступило 3065 предметов за 1924 г., а в 1925 г. – 591 предмет (всего 3656). Из них 1358 находок было передано на реставрацию и изучение в Институт археологической технологии, в Монголию отправлено 63 вещи в 1926 г. и 180 – в 1927 г. Ко всей коллекции были сделаны описи по курганам с подробным описанием каждой находки и указанием ее местонахождения при раскопках, составлены именной и географический карточный каталог.

К тому моменту было произведено 137 фотографий, 146 рисунков, 28 акварелей (из отправленных в Монголию сфотографировано 84 предмета, зарисовано – 5, исполнено акварелью – 4) (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1928. Д. 76. Л. 5–6).

Все запланированные работы по подготовке иллюстративных материалов для первого тома подробного издания результатов археологических исследований Монголо-Тибетской экспедиции были завершены к 1928 г. В печатном отчете ГАИМК о работе учреждения Ученый секретарь Б.В. Фармаковский сообщал: «По поручению Совнаркома СССР продолжалось исследование археологических

материалов, полученных из раскопок экспедиции Козлова в Монголию. Материалы в значительной степени подготовлены к изданию. Исполнены 24 акварельных рисунка, 100 рисунков тушью и пером, 238 фотографических снимков; сделан 51 гистологический препарат. <...> Работы эти были произведены Институтом археологической технологии» (Фармаковский, 1929, с. 5).

Издание предполагалось осуществить по последнему слову полиграфии и при помощи самых передовых способов печати. Особенно остро стоял вопрос о дорогостоящей цветопередаче изделий из ткани. Здесь требовалось участие иностранных технологий, сотрудники ГАИМК предложили С.Ф. Ольденбургу заказать выполнение цветных таблиц в специальном фототехническом учреждении Германии (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1926. Д. 43. Л. 173).

К сожалению, многотомное богато иллюстрированное издание так и не состоялось в том виде, в котором планировалось, а научный и изобразительный материал для него собрали значительный⁸.

В 1924–1928 гг. был создан обширный корпус прекрасных рисунков тушью и акварелью⁹, а также фотографий для будущей публикации (рис. 2–3). Все они точно отражают состояние предметов Монголо-Тибетской экспедиции во второй половине 1920-х гг. Рисунки и фотоизображения готовил блестящий состав художников и фотографов. Среди них были опытные специалисты, к тому времени уже в течение многих лет работавшие в области археологии и охраны памятников, и молодые художники¹⁰.

Все изобразительные и фотографические материалы хранились вместе с археологическими находками в одном помещении на Складе древностей Академии истории материальной культуры, чтобы можно было их быстро найти и использовать при обработке и изучении коллекции, и только в 1937–1938 гг. рисунки и фотографии были влиты в состав фондов архивов ГАИМК. Археологическая коллекция к этому времени уже поступила на постоянное хранение в Государственный Эрмитаж (Сутягина, 2020, с. 338), а основных участников подготовки материалов к изданию постигла печальная судьба, характерная для поколения 1930-х гг.¹¹

Изданиями К.В. Тревер (Trever, 1932) и Института исторической технологии (Воскресенский, Тихонов, 1932) Академия история материальной культуры в 1932 г. подвела итог

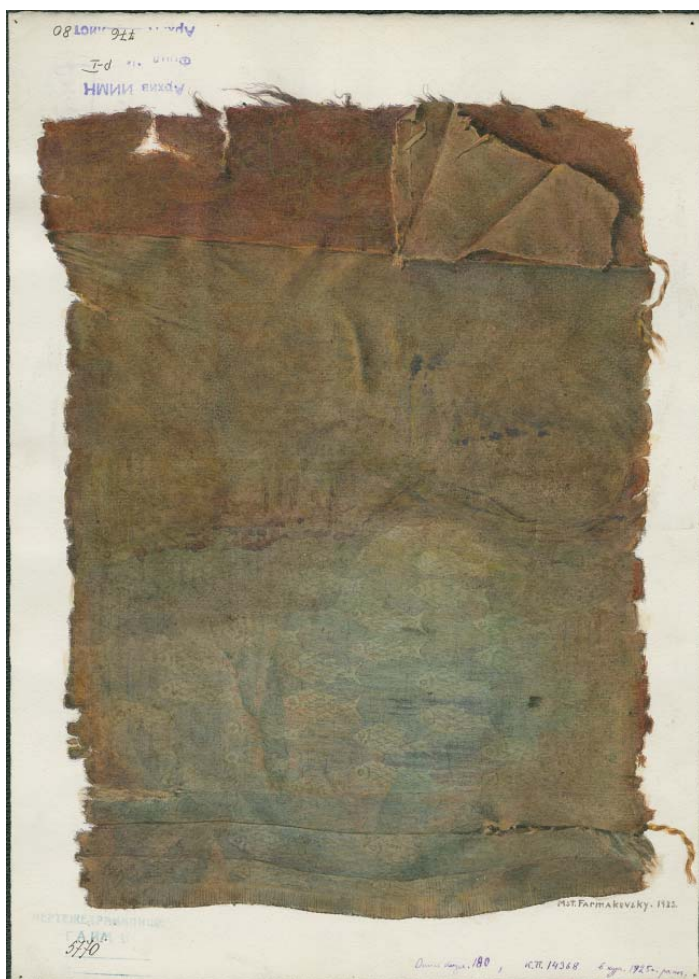


Рис. 2. Монголия. Ноин-Ула. Падь Суцзуктэ. Раскопки кургана № 6. Шелковая ткань с изображениями рыбок. Акварель М. В. Фармаковского, 1926 г. РО НА ИИМК РАН. Р I. Оп. 1. Д. 776. Л. 80.

Fig. 2. Mongolia. Noin-Ula. The Sutsukte Pad. Excavation of the mound No. 6. Silk fabric with images of fish. Watercolor by M. V. Farmakovsky, 1926. RA NA IIMK RAS. R I. Op. 1. d. 776. l. 80.



Рис. 3. Монголия. Ноин-Ула. Падь Суцзуктэ. Раскопки кургана № 6. Шерстяная ткань с вышитым изображением людей и лошадей. Фото И.Н. Александрова, 1925 г. ФО НА ИИМК РАН. Нег. III 2863

Fig. 3. Mongolia. Noin-Ula. The Sutsukte Pad. Excavation of mound No. 6. Woolen fabric with an embroidered image of people and horses. Photo by I.N. Alexandrov, 1925 FO AT IIMK RAS. Neg. III 2863

и надолго закрыла тему публикации археологической коллекции из раскопок П.К. Козлова¹². При всей огромной научной значимости эти монографии охватывали далеко не весь

спектр проделанных работ и включали лишь часть комплекса подготовленной иллюстративной документации.

Примечания:

¹ Библиографию см.: Елихина, 2020; Полосьмак, Богданов, 2016, с. 166–173.

² Документы сконцентрированы в рукописном фонде Академии истории материальной культуры (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1.), в фотографическом фонде РАИМК–ГАИМК (ФО НА ИИМК РАН. Ф. 46) и разряде крупноформатных иллюстраций и чертежей (РО НА ИИМК РАН. Р. I).

³ С.А. Теплоухов и Г.И. Боровка раскопали один курган (№ 24) в 1924 г. Все остальные курганы, раскопанные в 1924–1925 гг., исследовались участниками экспедиции путешественника П.К. Козлова; см. подробнее: (Юсупова, 2010; 2011; Елихина, 2018).

⁴ Для координации работы по рассмотрению результатов Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова была создана специальная Комиссия при СНК СССР, куда входили крупнейшие ученые России. Впоследствии она была преобразована в Комиссию по научному изучению Монголии, позже этими вопросами занималась Монгольская Комиссия АН СССР. О работе перечисленных Комиссий подробно см.: (Юсупова, 2006; 2018).

⁵ В журналах и протоколах заседаний, сохранившихся в рукописном отделе НА ИИМК РАН, встречаются расхождения в наименовании данной Комиссии, однако суть ее деятельности сводилась к обсуждению плана и проблем изучения и издания археологической коллекции из раскопок Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова в 1924–1925 гг.

⁶ Известно, что такие предложения делались французскому востоковеду и специалисту по истории Китая П. Пеллиу (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 68. Л. 132), а также японскому археологу С. Умехара (Руденко, 1962, с. 115).

⁷ Видимо, подразумевались предварительные отчеты С.А. Кондратьева – помощника П.К. Козлова, где он описал раскопки курганов №№ 1, 6, 23, 25, «Кондратьевского», «Андреевского», «Баллодовского» в 1924–1925 гг. В архивном фонде Академии истории материальной культуры до сих пор хранится рукописный вариант этих отчетов (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 68). Их активно штудировал С.И. Руденко при подготовке к публикации материалов Ноин-Улы 1962 г. Г.И. Сосновский работал с машинописной копией предварительного отчета С.А. Кондратьева (Ф. 42. Оп. 1. Д. 382). Отчетами и описями С.А. Кондратьева и С.А. Теплоухова пользовалась К.В. Тревер в процессе подготовки своей публикации (Trever, 1932. р. 12, 13).

⁸ Документы использовались при подготовке монографических исследований К.В. Тревер (Trever, 1932), С. Умехары (Umehara, 1960), С.И. Руденко (1962). Всеми авторами они были опубликованы в трансформированном виде и не полностью. Комплексно и в изначальном варианте материалы не издавались никогда. Результаты естественно-научного изучения наиболее полно представлены в одном из тематических выпусков «Известий ГАИМК» в 1932 г. (Воскресенский, Тихонов, 1932), однако там отражен далеко не весь спектр проделанных работ.

⁹ 118 рисунков ноин-улинских находок тушью и акварелью хранятся в альбоме из разряда крупноформатных иллюстраций (РО НА ИИМК РАН. Р. I. Оп. 1. Д. 776). Фотографии к изданию (более 200 изображений), в основном, собраны в фотоколлекции фонда Монголо-Тибетской экспедиции (ФО НА ИИМК РАН. Колл. А1536).

¹⁰ Над созданием рисунков и фотографий трудились сотрудники Академии истории материальной культуры М.В. Фармаковский, Н.Б. Эмлер, Л.А. Дурново, В.Ф. Штейн, С.М. Дудин, И.Ф. Чистяков, художницы А.В. Уханова, Н.М. Сунцова и фотограф Эрмитажа И.Н. Александров.

¹¹ С 1930 г. Г.И. Боровка находился в заключении по делу об участии в контрреволюционной монархической организации (Панкратова (Застрожного), 2019). В том же году арестовали С.И. Руденко (Тишкин, Шмидт, 2004; Платонова, 2008). С.Ф. Ольденбург в 1929 г. был смещен с поста постоянного секретаря Академии наук в ходе «академического дела», тогда же он был отстранен и от работы в Монгольской комиссии АН СССР (Юсупова, 2016). Ученого секретаря ГАИМК археолога Б.В. Фармаковского не стало в 1928 г. Его брата М.В. Фармаковского, руководившего всем технологическим и экспериментальным направлением изучения уникальных монгольских находок, выслали из Ленинграда в 1931 г. С.А. Теплоухов был арестован по делу «Российской национальной партии» в 1933 г. и погиб в заключении в 1934 г. (Китова, 2010). Вскоре ушел из жизни и руководитель Монголо-Тибетской экспедиции знаменитый русский путешественник П.К. Козлов (1935 г.).

¹² В 1962 г. С.И. Руденко опубликовал монографию «Культура хуннов и Ноинулинские курганы», при подготовке которой активно использовал материалы 1920-х гг. (Руденко, 1962). При всей схожести иллюстраций в его книге опубликованы только схематичные и уменьшенные копии рисунков и фотографий 1920-х гг. Предпечатные таблицы к работе С.И. Руденко хранятся также в архиве ИИМК РАН.

ЛИТЕРАТУРА

Технологическое изучение тканей курганных погребений Ноин-Ула. Ч. 1 Ткани / ИГАИМК. Т. XI. Вып. 7–9. / Ред. А.А. Воскресенский, Н.П. Тихонов. Л.: ГАИМК, 1932. 106 с.

Елихина Ю.И. Сокровища курганов Ноин-Улы (Северная Монголия). Находки экспедиции П. К. Козлова 1923–1926 гг. из коллекции Государственного Эрмитажа. СПб.: LAP Lambert, Academic Publishing GmbH & Co. KG. (Germany), 2018. 309 с.

Елихина Ю.И. Обзор исследований археологического памятника Ноин-Ула (Северная Монголия) // Искусство Евразии. 2020. № 4 (19). С. 21–34. URL: <https://eurasia-art.ru/index.php/art/article/view/140> (дата обращения 01.06.2021).

Застрожна (Панкратова) Е. Г. «Я не верю, что все окончится плохо, это было бы слишком несправедливо...»: К биографии археолога Г. И. Боровки (по материалам следственного дела) // РА. 2019. № 2. С. 154–166.

Китова Л.Ю. Сергей Александрович Теплоухов // РА. 2010. № 2. С. 166–173.

Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской Экспедицией П.К. Козлова / Ред. С.Ф. Ольденбург. Л.: АН СССР, 1925. 58 с.

Платонова Н.И. Годы репрессий в жизни С.И. Руденко: сравнительный анализ архивных источников // Известия Алтайского государственного университета. Сер. История. 2008. №4-2 (60). С. 151–157.

Платонова Н.И. Исследования в области археологической технологии в РАИМК/ГАИМК (1920–1930-е годы) // Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Галины Вацлавны Длужневской) / Отв. ред. Н.Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 285–293.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С. Ноин-улинская коллекция. Результаты работы российско-монгольской экспедиции, 2006–2012. Новосибирск: Инфолио, 2016. 176 с.

Руденко С.И. Культура хуннов и ноин-улинские курганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1962. 206 с.

Сутягина Н.А. Неизвестная Ноин-Ула. Архивные тайны // СГЭ. 2016. Вып. LXXIV. С. 5–20.

Сутягина Н.А. Основные направления исследования археологической коллекции ноин-улинских курганов в 1924–1935 гг. // Археологические вести. 2020. Вып. 30. С. 330–342.

Сутягина Н. А., Эрдэнэ-Очир Н. Материалы ноин-улинских курганов в архивных собраниях и музейных коллекциях России и Монголии // Культурное наследие монголов: рукописные и архивные собрания. Тезисы. СПб.–Улан-Батор, 2021. С. 57–60.

Тишкин А.А., Шмидт О.Г. Годы репрессий в жизни С.И. Руденко // Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ, 2004. С. 21–29.

Юсупова Т.И. Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности. 1925–1953. СПб.: Нестор-История, 2006. 280 с.

Юсупова Т.И. Случайности и закономерности в археологических открытиях: Монголо-Тибетская экспедиция П. К. Козлова и раскопки Ноин-Улы // Вопросы истории естествознания и техники. 2010. № 4. С. 26–67.

Юсупова Т.И. История не совсем обычного археологического открытия // Полосьмак Н. В., Богданов Е. С., Цэвээндорж Д. Двадцатый ноин-улинский курган. Новосибирск: Инфолио, 2011. С. 9–51.

Юсупова Т.И. Советско-монгольское научное сотрудничество: становление, развитие и основные результаты (1921–1961). СПб.: Нестор-История, 2018. 312 с.

Trever K. Excavation in Northern Mongolia (1924–1925). Leningrad: Fedorov, 1932. 76 p.

Umehara S. Studies of Noin-Ula Finds in North Mongolia / The Toyo Bunko publications, Series A.; No 27. Tokyo, 1960. 301 p.

Информация об авторе:

Медведева Мария Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург, Россия); marriyam@mail.ru

REFERENCES

Voskresensky, A. A., Tikhonov, N. P. 1932. *Tehnologicheskoe izuchenie tkanei kurgannykh pogrebenii Noin-Ula. Ch. 1 Tkani (Technological Study of Tissues from Noin-Ula Burial Mounds. Part 1. Fabrics). Series: Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Proceedings of the State Academy for the History of Material Culture) XI (7–9)*. Leningrad: State Academy for the History of Material Culture (in Russian).

Elikhina, Yu. I. 2018. *Sokrovishcha kurganov Noin-Uly (Severnaia Mongoliia). Nahodki ekspeditsii P. K. Kozlova 1923–1926 gg. iz kollektsii Gosudarstvennogo Ermitazha (Treasures of Noin-Ula Burial Mounds (Northern Mongolia). Finds of the Expedition by P.K. Kozlov of 1923–1926 from the Collection of the State Hermitage)*. Saint Petersburg: LAP Lambert, Academic Publishing GmbH & Co. KG. (Germany) (in Russian).

Elikhina, Yu. I. 2020. In *Iskusstvo Evrazii (The Art Of Eurasia)*. 19 (4), 21–34. Available at: <https://eurasia-art.ru/index.php/art/article/view/140> (accessed: 01.06.2021) (in Russian).

Zastrozhnova (Pankratova), E. G. 2019. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (2), 154–166 (in Russian).

Kitova, L. Yu. 2010. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (2), 166–173 (in Russian).

Oldenburg, S. F. (ed.). 1925. *Kratkie otchety ekspeditsii po issledovaniiu Severnoi Mongolii v sviazi s Mongolo-Tibetskoi Ekspeditsiei P.K. Kozlova (Summary Reports of Expeditions for the Exploration of Northern Mongolia in Connection with the Mongol-Tibetan Expedition by P.K. Kozlov)*. Leningrad: the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Platonova, N. I. 2008. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta (Izvestiya of Altai State University)* 4-2 (60). 151–157 (in Russian).

Platonova, N. I. 2018. Smirnov, N. Yu. (ed.). *Pamiatniki arkheologii v issledovaniiax i fotografiakh (pamiat Galiny Vatslavny Dzhzhnevskoi) (Monuments of Archaeology in Studies and Photographs (In Memory of Galina Vatslavna Dzhzhnevskaya))*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 285–293 (in Russian).

Polos'mak, N. V., Bogdanov, E. S. 2016. *Noin-ulinskaia kolleksiia. Rezul'taty raboty rossiisko-mongol'sko I ekspeditsii, 2006–2012 (Noin-Ula Collection. Results of Activities of the Russian-Mongol Expedition, 2006–2012)*. Novosibirsk: "Infolio" Publ. (in Russian).

Rudenko, S. I. 1962. *Kul'tura khunnov i noin-ulinskie kurgany (Xiongnu culture and Noin-Ula burial mounds)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., (in Russian).

Sutyagina, N. A. 2016. In *Sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Reports of the State Hermitage Museum)* LXXIV, 65–70 (in Russian).

Sutyagina, N. A. 2020. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 30. 330–342 (in Russian).

Sutyagina, N. A., Erdene-Ochir, N. 2021. In *Kul'turnoe nasledie mongolov: rukopisnye i arkhivnye sobraniia (Cultural heritage of the Mongols: manuscript and archival collections)*. Saint Petersburg–Ulan-Bator, 57–60 (in Russian).

Tishkin, A. A., Shmidt, O. G. 2004. In Tishkin, A. A. (ed.). *Zhiznennyi put', tvorchestvo, nauchnoe nasledie Sergeia Ivanovicha Rudenko i deiatel'nost' ego kolleg (The Life, Creative Work, Scientific Heritage of Sergei Ivanovich Rudenko and the Activities of His Colleagues)*. Barnaul: Altay State University, 21–29 (in Russian).

Yusupova, T. I. 2006. *Mongol'skaia komissii Akademii nauk. Istoriia sozdaniia i deiatel'nosti. 1925–1953. (Mongol Commission of the Academy of Sciences. History of Creation and Activity. 1925–1953)*. Saint Petersburg: "Nestor_Istoriia" Publ. (in Russian).

Yusupova, T. I. 2010. In *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki (Issues of the History of Natural Science and Technology)* 4, 26–67 (in Russian).

Yusupova, T. I. 2011. In Polos'mak, N. V., Bogdanov, E. S., Ceveendorge, D. *Dvadsatyi noin-ulinskii kurgan (The Twentieth Noin-Ula Mound)*. Novosibirsk: "Infolio" Publ., 9–51 (in Russian).

Yusupova, T. I. 2018. *Sovetsko-mongol'skoe nauchnoe sotrudnichestvo: stanovlenie, razvitie i osnovnye rezul'taty (1921–1961). (Soviet-Mongol Scientific Cooperation: Formation, Development and Main Results (1921–1961))*. Saint Petersburg: "Nestor_Istoriia" Publ. (in Russian).

Trever, K. 1932. *Excavation in Northern Mongolia (1924–1925)*. Leningrad: Fedorov (in English).

Umehara, S. 1960. *Studies of Noin-Ula Finds in North Mongolia*. Series: The Toyo Bunko publications, Series A.; No 27. Tokyo (in English).

About the Author:

Medvedeva Maria V. Candidate Historical Sciences, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. Dvortsovaya emb., 18, St. Petersburg, 191186, Russian Federation); marriyam@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2021 г.
Статья принята к публикации 01.10.2021 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.5.131.144>**О РИСУНКЕ Н.Е. МАКАРЕНКО «ЧУМАЦКАЯ ЛОЖКА»****© 2021 г. А.Н. Усачук, В.К. Гриб**

Статья посвящена рисунку известного археолога, искусствоведа и художника Н.Е. Макаренко, случайно найденного несколько лет назад в Донецке.

Ключевые слова: Н.Е. Макаренко, рисунок, деревянная ложка, Лубенский музей, Е.Н. Скаржинская, В.М. Евсеев, этнография, книги, история археологии.

ABOUT THE DRAWING N.E. MAKARENKO «CHUMACK'S SPOON»**A.N. Usachuk, V.K. Grib**

The article is devoted to the drawing of the famous archaeologist, art historian and artist N.E. Makarenko, accidentally found a few years ago in Donetsk.

Keywords: N.E. Makarenko, drawing, wooden spoon, Lubensky Museum, E.N. Skarzhinskaya, V.M. Evseev, ethnography, books, history of archaeology.

... А во незнаемой губернии
Гнут коробьё да зубят гребни,
И в стружках липовых ложкарь
Старообрядческий тропарь
Малюет писанкой на ложке!..
Н.А. Клюев (Клюев, 2015 с. 208)

Деятельность крупного археолога, искусствоведа, художника и музееведа Николая Емельяновича Макаренко (1877–1938) богата и многогранна. Какую-то часть своих разнообразных исследований Н.Е. Макаренко сумел опубликовать. Что-то сохранилось в различных архивах и постепенно становится известным, благодаря работам ряда современных исследователей. Но, к сожалению, многое, хранящееся в архиве у самого Н.Е. Макаренко, было утеряно. Это связано с репрессиями в отношении ученого: арестом и ссылкой 1934 г. в Казань, новым арестом в апреле 1936 г., который закончился больницей и трудовой колонией в Томске, вновь арестом, судом и расстрелом 4 января 1938 г. (Кузьминых, Усачук, 2016, с. 391–392¹). Мы полагаем, что в сборнике в честь юбилея Сергея Владимировича Кузьминых весьма уместна работа, связанная с Николаем Емельяновичем Макаренко, учитывая давний и стойкий интерес юбиляра к жизни и деятельности этого незаурядного исследователя (Кузьминых, Усачук, 2011; 2016; 2017; Кузьминых и др., 2021; и др.).

Н.Е. Макаренко закончил в 1902 г. Центральное училище технического рисования барона А.Л. Штиглица, где ему было присвоено звание художника по первому разряду (диплом первой степени) (Павловский, 1913, с. 26; Макаренко, 1992, с. 14–15; Косикова, 1993, с. 5; Франко, Франко, 2013,

с. 75; Длужневская, 2014, с. 151)². Став затем профессиональным археологом и искусствоведом, Н.Е. Макаренко оставил после себя большое количество археологических рисунков к своим работам и работам своих коллег (Павловский, 1913, с. 28; Граб, Супруненко, 1993, с. 36; Франко, Франко, 2013, с. 77), различные акварели, эскизы обложек книг, экслибрисы, графику. Время от времени в местах, связанных с деятельностью Николая Емельяновича, что-либо находят (Звагельский, 1989, с. 4; 1990а, с. 27; 1993а, с. 233–234; 1993б, с. 4–5; 1993в, с. 3; Косикова, Косиков, 1991, с. 28–29; Щавелев, Звагельский, 1992, с. 6–7; Граб, 1993, с. 21–22; и др.). В этом отношении обратим внимание на г. Донецк, где в свое время был найден альбом рисунков Н.Е. Макаренко (Усачук та ін., 1995; Усачук, 2012а; 2012б), в 1989 г. 12 отдельных рисунков, выполненных Николаем Емельяновичем (Косиков, 1990, с. 44–48; Косикова, Косиков, 1991, с. 28–29) и чуть позже – еще одна акварель Н.Е. Макаренко с изображением буквы из рукописных форм 1774 г. (Косикова, Косиков, 1991, с. 29). На книгах из библиотеки Н.Е. Макаренко встречаются экслибрисы (к примеру, на обороте обложки одной из монографий (Hansson, 1927) (рис. 1³). Материалы, связанные с деятельностью Н.Е. Макаренко, попадают в Донецке потому, что последние полевые сезоны в 1930–1933 гг. исследователь провел именно в Донбассе (Усачук, 1993;



Рис. 1. Эклибрис на обороте обложки одной из книг библиотеки Н.Е. Макаренко

Fig. 1. An ex-libris on the back of the cover of one of the books in the library of N.E. Makarenko

лись и 13 рисунков, выявленных в свое время В.А. Косиковым Е.В. Косиковой⁶, и рисунок Н.Е. Макаренко (Усачук, Гриб, 2018), о котором пойдет речь.

Рисунок (рис. 2) на отдельном листе плотной чуть желтоватой бумаги сорта верже со следами формы с плетеной сеткой (Гюнтер, 1927, с. 4–5). На просвет хорошо видны светлые линии – отпечатки поперечных брусков, которые были расположены в форме на стандартном расстоянии 2,8 см (Гюнтер, 1927, с. 3). Сетка отпечаталась в виде массы продольных тонких светлых линий. Размер листа 31×20,8–21,1 см. Справа лист немного неровно обрезан, что и дает разную ширину. Возможно, лист для рисунка вырезан из первоначально листа формата, близкого к современному А3. Рисунок мягким простым карандашом занимает чуть больше половины листа по вертикали. Изображен черенок деревянной ложки с крупной крестовидной коковкой (ср. Чесноков, 1933, с. 17–18) и началом, скорее всего, круглой лопасти (ср. Чесноков, 1933, с. 18–19, 22)⁷. По-видимому, перед нами образец ложки для размешивания, но не протирательной, а ложки-кашницы. «Размешивать кашу в посуде небольших размеров протирательной ложкой не совсем удобно, а столовая для этого недостаточно прочна; поэтому потребовалось для каши создать и соответствующую ложку, более красивую, чем кухонные, и более прочную, чем столовые ложки» (Чесноков, 1933, с. 24). Добавим, что подобные ложки не стали стандартными и часто изготавливались не ложкарями (Чесноков, 1933, с. 24)⁸. Индивидуальность представленной на рисунке ложки очевидна. Видимо, это и привлекло Н.Е. Макаренко. Справа от рисунка надпись в четыре строки тем же карандашом: «№ 5768. Чумацкая ложка Лубны. Музей Скаржинской» (рис. 3). Сохранность рисунка довольно хорошая. Лист по обрезу местами немного загнут и имеет короткие надрывы, слегка потемнел (чуть больше в левом нижнем углу). В правом верхнем углу утрачен очень небольшой фрагмент листа, надорван и левый верхний угол.

Рисунок не подписан, но характерный почерк Н.Е. Макаренко и его стиль легко узнаются. История находки рисунка такая: осенью 2016 г. донецкий археолог Ольга

Кузьминых, Усачук, 2016, с. 388⁴), где среди прочих, помогавших ему в полевой работе, познакомился с начинающим тогда местным археологом Виктором Михайловичем Евсеевым (1912–1955) (Косиков, 2001, с. 41–47; Кучугура, 2003, с. 90–91; Усачук, Колесник, 2012, с. 4; 2015, с. 412–413). Какие-то материалы Н.Е. Макаренко передал (или оставил) В.М. Евсееву во время своих исследований, как, например, альбом фотографий раскопок курганов осенью 1930 г. под г. Сталино (совр. Донецк) (Усачук, 2019), но в основном, многочисленные книги, материалы архива и фрагменты коллекций Н.Е. Макаренко были переданы и частично проданы В.М. Евсееву вдовой Н.Е. Макаренко А.С. Федоровой-Макаренко (1883–1971) в первой половине 1950-х гг., когда В.М. Евсеев стал директором Сталинского обл. краеведческого музея (Макаренко, 1992, с. 64; Усачук, Колесник, 2012, с. 5; Усачук, 2012а, с. 94–95; 2012б, с. 317; Кузьминых, Усачук, 2016, с. 384, прим. 12, 391, прим. 29; 2017, с. 86, прим. 89)⁵. Кстати, помимо книг, были куплены и поступили в Сталинский обл. краеведческий музей коллекционные вещи из сборов Н.Е. Макаренко – медали и образцы вышивок (Каталог. Памятные и наградные медали..., 2003, с. 3; Кузьминых, Усачук, 2016, с. 391, прим. 29). Именно тогда в г. Сталино попал альбом рисунков Н.Е. Макаренко (Усачук, 2012а, с. 95; Усачук, Колесник, 2012, с. 5). Скорее всего, тогда же здесь оказа-



Рис. 2. Рисунок Н.Е. Макаренко, найденный В.К. Грибом осенью 2016 г.
Fig. 2. Drawing by N.E. Makarenko, found by V.K. Gribov in the fall of 2016.

Рис. 3. Рисунок Н.Е. Макаренко (деталь).
Fig. 3. Drawing by N.E. Makarenko (detail).



Яковлевна Привалова, многие годы проработавшая в обл. краеведческом музее (Мезенцева, 1997, с. 50; Полідович, 1999, с. 26-27; 2004, с. 14-15; Косиков, 2001, с. 78) и решив уйти на пенсию, привезла накопившиеся бумаги своего архива и архива своего мужа – археолога А.И. Привалова (1949–2002) (Мезенцева, 1997, с. 50⁹; Полідович, 1999, с. 26–27; Памяти., 2004, с. 197–198) в краеведческий музей для того, чтобы познакомить с ними одного из авторов этой работы. Во время изучения черновых материалов, касавшихся в основном памятников эпохи бронзы и средневековья, В.К. Грибом и был обнаружен рисунок. О.Я. Привалова никогда не упоминала об этом рисунке. Не знает она и того, как он оказался в архиве. Мы предполагаем, что рисунок Н.Е. Макаренко мог попасть к А.И. Привалову в первой половине 1970-х гг., когда он вёл кружки археологии в Донецком Дворце пионеров¹⁰, где с августа 1951 г. работа-

ла зав. отделом натуралистов-мичуринцев¹¹ и Елена Николаевна Екимова (1919–1988)¹² – жена В.М. Евсеева. Вполне вероятно, что А.И. Привалов и Е.Н. Екимова контактировали. Предположить подобное нас побуждает то, что нечто похожее случилось и в середине 1980-х гг., когда во Дворце пионеров вел кружки археологии уже другой специалист¹³. Скорее всего, рисунок, попав к А.И. Привалову в середине 70-х гг. прошлого столетия, лежал среди бумаг в его архиве, который в неразобранном виде слился после смерти исследователя с архивом О.Я. Приваловой.

Подпись на рисунке отсылает нас к одному из первых частных общедоступных музейных собраний, созданных усилиями известной общественной деятельницы, мецената, просветительницы, издателя Екатерины Николаевны Скаржинской (1852–1932) в имении Круглик под Лубнами в 1885 г. История создания, становления и развития Лубен-

ского музея, жизненный путь и многогранная деятельность не только Е.Н. Скаржинской, но и связанных с музеем научных сотрудников, краеведов, меценатов и общественных деятелей, ярко освещены в монографии А.Б. Супруненко (2000). Детально проследив все основные этапы существования Лубенского музея Е.Н. Скаржинской, исследователь останавливается и на общей характеристике коллекций: более детально – на археологической (Супруненко, 1997; 2000, с. 151–187, 206–283) и достаточно полно – на иных (нумизматической, историко-этнографической, природоведческой, церковного облачения и пр.) (Супруненко, 2000, с. 77–89). Привлекшая внимание Н.Е. Макаренко деревянная ложка должна, очевидно, относиться к историко-этнографической составляющей музея. Обратим внимание на номер, приведенный на рисунке: 5768. Очевидно, Н.Е. Макаренко указал номер единицы хранения, присвоенному данному экспонату. Как указывают исследователи, этнографическая коллекция Лубенского музея насчитывала 9533 единицы хранения (Скрипник, 1989, с. 31; Супруненко, 2000, с. 77).

Рисунок не датирован автором, однако то, что он подписан, дает возможность нам предложить довольно узкую дату. Для этого нужно посмотреть, когда Н.Е. Макаренко вел какие-либо исследования относительно недалеко от Лубен, но – до лета 1906 г., времени упаковки экспонатов Лубенского музея для передачи из Круглика в Полтаву (Супруненко, 2000, с. 190). Известно, что археологические работы молодой исследователь вел в 1901 г. на городище Монастырище в Ромнах (Звагельський, 1990б, с. 53; Макаренко, 1992, с. 70; Длужневская, 2014, с. 87), в 1904 г. – разведки и раскопки на Роменщине и Полтавщине, в 1905–1906 гг. – разведки и раскопки на Полтавщине (Звагельський, 1990б, с. 55; Супруненко, 2000, с. 248, 249, 250; Длужневская, 2014, с. 87). Таким образом, рисунок ложки был выполнен Н.Е. Макаренко не ранее лета 1901 г. (Макаренко, 1992, с. 70) и не позднее июня 1906 г., когда началась упаковка экспонатов Лубенского музея для вывоза их в Полтаву.

Композиция рисунка – орнаментированный черенок ложки без лопасти, позволяет ответить на вопрос – почему исследователя заинтересовала эта деревянная ложка? Дело

в том, что Н.Е. Макаренко помимо прочего, занимался проблемами искусства средневекового и нового времени, историей украинского искусства (Макаренко, 1992, с. 78–92; Ходак, 2007, с. 63–64, 73; и др.), и всегда внимательно присматривался к орнаменту в разном его проявлении (Макаренко, 1908а; 1908б; 1908в; 1914; 1918; 1924; 1926; 1928; 1931; 1990, с. 40; Звагельський, 1991, с. 162, 165; 1993б; Косикова, Косиков, 1991, с. 29; Коренюк, 2007, с. 39–48; Німенко, 2010; Длужневская, 2014, с. 88; и др.). Весьма необычная орнаментированная ложка вполне могла заинтересовать исследователя своей красотой: «Любили встарь красиво делать. Делать так, чтобы и глазу было приятно и мыслям понятно» (Макаренко, 1918, с. 45); «В народному побутові краса панує. І одежа, і господарче знаряддя, і хатній побут – усе свідчить про те, що людина прагне краси» (Макаренко, 1927, с. 5)¹⁴. Кроме того, Николая Емельяновича могло привлечь то, что ложка относилась к своеобразному социально-экономическому явлению на Украине – чумачеству (Букатевиц, 1928; Яворницький, 1990, с. 421–422; Проскурова, 2001; Мазур, 2011; Сокур, Малишко, 2013; Гуржий, 2014; Иванова, 2014, с. 10; Гуменний та ін., 2016; и др.). Возможно, оформление коковки в виде креста напоминало и о том, что ложка может использоваться в различных обрядах (В.Щ., 1899, с. 305–307, 309–310; Тумайкин, 1976, с. 42; Даль, 1979, с. 263; Топорков, 1985; Демченко, 1999, с. 246–247; Шарапова, 2001, с. 334; Левкиевская, 2002, с. 72–73, 84–85; Завадська, 2004; 2005; 2012; Календарные обряды..., 2005, с. 43, 47; Салмин, 2007, с. 100, 102, 201, 239, 248, 399, 441, 514, 522; 2010, с. 23, 27, 30, 33, 58, 91, 134–136; Магрицька, 2011, с. 27; Терюков, 2012, с. 111; Галайчук, 2012–2013, с. 46, 47, 51, 54; Величко, 2013, с. 52; Коваль-Фучило, 2013, с. 74; Руденко, 2014, с. 103–104; Пискулин, 2015, с. 131; Галайчук, Рачковский, 2015, с. 510, 512, 544; Ермолин, 2016, с. 821, 832, прим. 77; Анисимов, 2017, с. 123, 134, 253, 270–271, 351; Грошева, 2018, с. 48; Лукина, Парнюк, 2018, с. 81; Кожанов, 2018, с. 43; Данилова, 2020; и др.), как об этом образно говорил Н.А. Клюев¹⁵ (2015, с. 38):

Я люблю кладбищенской сторожки
Нежилой, пугающий уют,
Дальний звон и с крестиками ложки,
В чьей резьбе заклатья живут.

Примечания:

¹ Там же см. многочисленные ссылки на публикации других исследователей.

² Н.Е. Макаренко писал в ноябре 1912 г.: «... Окончил училище технического рисования Барона Штиглица

в Санкт-Петербурге с дипломом первой степени, со званием художника ...» (Граб, Супруненко, 1993, с. 36; ср. Усачук, 2012, с. 94, прим. 46).

³ Эта монография находится в библиотеке В.К. Гриба.

4 Здесь см. и ссылки на значительные архивные и опубликованные материалы, связанные с этими исследованиями.

⁵ «... В 1950 г. вновь был создан Сталинский музей. Директором назначили В.М. Евсеева. Переехали в Сталино. Приглашали в ИА АН УССР, но не было в Киеве квартиры. Зарплата у директора – 60 руб. Из этих денег часть шла на помощь вдовы Макаренко. Та жила в Казани «в квартире чуть больше ванной, все сплошь в книгах». В 1953 г. Евсеев и Екимов нашли её, купили часть библиотеки. ...» (Воспоминания..., 1986). Здесь и далее рукописные тексты различных документов даны курсивом с сохранением возможных шероховатостей стиля, убраны только явные орфографические ошибки. Обратим внимание, что поездка в Казань датирована Е.Н. Екимовой в воспоминаниях 1953 г. Ранее мы предполагали, что это произошло в 1951 г. (Усачук та ін., 1995, с. 203). Совсем недавно, уже при подготовке этой работы, мы нашли среди старых музейных бумаг небольшую записную книжку В.М. Евсеева за 1954 г. Книжка без заглавия, в твердой сиреневой обложке. Вверху слева на первой странице дата первой записи: «9.IV.54.». Почти половина книжки занята разнообразными, в основном короткими краеведческими записями для памяти, выполненными чернилами, простым и синим карандашами: «... В городе Жданове [ныне Мариуполь – А.У., В.Г.] по ул. Артема 28 проживает Степанова Юлия Петровна ... В Юлии Петровны хранится 2 ордена Станислава 2 степеней; ... За гор. Сталино, по пути асфальтированного шоссе в Жданов, в хуторе Широком на склоне распычатый курган. По той же дороге за Волновахой, за переездом ж/д группа больших курганов ...; 7/IX 54 Жданов Верховья балки Зинцевой возле кирпичного завода, очевидно с глинища найден обломок кости (конечности) мамонта ...; Старые большевики участники вооруженного восстания в гор. Горловка...» и т.д. Среди подобных записей несколько непронумерованных страниц заняты короткими, но датированными записями, связанными с поездкой В.М. Евсеева и его жены в Казань. Датировка дней поездки нужна была В.М. Евсееву еще и для того, чтобы не перепутать, когда и где он что-то фотографировал. Поездка началась в середине июля: «14/VII 54 фото: 1 пленка По пути к Ростову н/Д ...». Есть запись, что «17/VII 54 ... Камышин город на возвышенности Посетили музей, эвакуированный Сталинградский краеведческий музей». Далее: «19/VII 54 От Сызрани на Куйбышев... В краеведческом музее 2 снимка. 20/VII 54 Ульяновск ... пристань. ... 21/VII 54 Казань: Памятник Лобачевскому – 2 сн. ...». На следующей странице находится интересующая нас запись: «21/VII 54 Посетили музей и Макаренко А.С. Взял у нее Будду ...» (о небольшой нефритовой статуэтке Будды, принадлежавшей Н.Е. Макаренко см.: (Макаренко, 1992, с. 64)). Таким образом, удалось точно восстановить дату встречи В.М. Евсеева и Е.Н. Екимовой с вдовой Н.Е. Макаренко. Кстати, 21 июля в Государственном музее ТАССР В.М. Евсеев с женой были, видимо, недолго, потому что далее в книжке несколько листов посвящены описанию скрупулезного осмотра музея (ныне Национальный музей Республики Татарстан), который В.М. Евсеев осуществил на следующий день: «22/VII Государственный музей ТАССР ... Директор музея Дьяконов Владимир Михайлович Уч. Секретарь Бушканец Ефим Григорьевич ...». Обратим внимание, что В.М. Евсеева, как директора музея, интересовали не только детали экспозиции, но и цвет планшетов, буквы из «белой пластмассы» и пр.

⁶ Обратим внимание, что о местонахождении рисунков в публикациях почти ничего не сказано (Косиков, 1990, с. 44; Косикова, Косиков, 1991, с. 28–29) и после смерти В.А. Косикова в 2003 г. судьба рисунков неизвестна.

⁷ Черенок довольно короткий. С подобным черенком, как показала практика, плохо смотрится остроноса лопасть (Чесноков, 1933, с. 22).

⁸ О нюансах изготовления ложек см.: (Сауляк, 2018, с. 84).

⁹ В словаре Г.Г. Мезенцевой неверно указано отчество Александра Ивановича Привалова.

¹⁰ Официально в 70-х гг. прошлого столетия учреждение называлось Городской Дворец пионеров и школьников им. А.М. Горького. В феврале 1982 г. Дворец был переименован в областной.

¹¹ С февраля 1978 г. переименован в отдел науки и техники. В апреле 1978 г. Е.Н. Екимова ушла с поста зав. отделом и осталась работать руководителем кружков аквариумистов и друзей природы.

¹² У Д.Е. Макаренко (1992, с. 64) неправильно дана фамилия Е.Н. Екимовой.

¹³ В феврале 2017 г. один из авторов этой работы записал воспоминания своего коллеги и друга В.Н. Горбова об истории попадания в его библиотеку многих книг бывшей библиотеки Н.Е. Макаренко (ср. Кузьминых, Усачук, 2016, с. 384, прим. 12): «Как ты помнишь, я начал работать во Дворце пионеров после армии – в 1985 г. Как раз осенью стал вести кружки археологии, детишки кое-какие появились. ... я работал с сентября, а как-то попозже, в ноябре или декабре 1985 г. вдруг приходит ко мне в кабинет сотрудница Дворца – она вела кружки, рыбок каких-то разводила и еще что-то природооведческое – Елена Николаевна Екимова и приносит мне книгу: – Вот я Вам хочу подарить ее. Я смотрю, а книга старая и по археологии [Книга есть в библиотеке В.Н. Горбова. Это: (Левина-Дорш, Кунов, 1923) – А.У., В.Г.], я удивился: – Откуда у Вас такая книга? А она улыбается и отвечает мне, я запомнил: – Мы с Вами – говорит – родственники. Я удивился, а она: – Вы же археологией занимаетесь? А я – вдова Евсеева Виктора Михайловича. Знаете такого? – Ну конечно! – отвечаю я. ... Вот так мы с нею познакомились. Потом я несколько раз еще заходил к ней в кабинет, на рыбок смотрел в аквариумах, разговаривал с нею о Евсееве. Как-то она рассказала и о Макаренко. Она, оказывается, его знала, потому что во время раскопок Мариупольского могильника он у них жил в доме. Е.Н. вспоминала, что сначала он произвел на неё суровое впечатление, и она даже как-то начала его бояться – она тогда еще девчонкой была – а потом

оказалось, что он очень добрый и мягкий человек и к ней, к ребенку, относился очень бережно, это только с виду он был таким суровым. Вот так как-то было, и через какое-то время наших разговоров Екимова меня спросила: Вы знаете про библиотеку моего мужа? Да – отвечаю. Ты знаешь, тогда это витало в воздухе и что-то говорилось в нашей среде, я слышал. А Вы знаете – говорила мне Е.Н. – в библиотеке моего мужа есть и книги Макаренко. И никого не интересовало, что делал мой муж! Все, как узнавали, с кем разговаривают, тут же спрашивали про библиотеку. Вы первый, кто про нее не спрашивает. И она с горечью стала говорить об археологах, которые как-то встречались с ней, пытаясь говорить о книгах ... Я же как-то и не думал про книги, какие могут быть у нее, про библиотеку, мне просто интересно было, что вот тут же во Дворце есть человек, который видел Макаренко, Евсеева – для нас это же было так давно, история уже, а получается, что почти рядом» (О библиотеке..., 2017).

¹⁴ Вспомним, как своеобразно охарактеризовал Николай Емельянович обратную сторону мозаики Михайловского Златоверхого монастыря, увидев красоту даже в тыльной её стороне (Фролов, 1990–1991, с. 39; Кузьминых, Усачук, 2016, с. 390, прим. 28).

¹⁵ Поэт, в котором, по определению О.Э. Мандельштама, «сживается ямбический дух Боратынского с вещим напевом неграмотного олонечского сказителя» (1990, с. 265) был расстрелян в том же Томске немного ранее Н.Е. Макаренко – в конце октября 1937 г.

ЛИТЕРАТУРА

Анисимов Н. «Диалог миров» в матрице коммуникативного поведения удмуртов / *Dissertationes folkloristicae Universitatis Tartuensis*. 26. Tartu: University of Tartu Press, 2017. 286 с.

Букатеви́ч Н.І. Чумацтво на Україні: історично-етнографічні нариси / Господарство та право: Записки Одеського інституту народного господарства. Одеса, 1928. 89 с.

Величко Т. Традиції народного харчування гуцулів Верховинського району Івано-Франківської області // Народна творчість та етнологія. 2013. № 6 (346). С. 49–56.

Воспоминания Елены Николаевны Екимовой, жены Виктора Михайловича Евсеева / Вел беседу и запись – А.В. Колесник. Донецк, обл. Дворец пионеров, 4 декабря 1986 г. // Рукопись. Архив А.Н. Усачука.

В.Щ. Пища и питье крестьян-малороссов, с некоторыми относящимися сюда обычаями, поверьями и приметами // Этнографическое обозрение. 1899. № 1–2, кн. XL–XLI. С. 266–322.

Галайчук В. Народний календар зарічненщини в обрядах, звичаях та фольклорі // Наукові зошити історичного факультету Львівського університету. Вип. 13–14. Львів, 2012–2013. С. 43–83.

Галайчук В., Рачковський Г. Розділ XVIII. Календарна обрядовість // Етнографія українців / За ред. проф. С.А. Макаруча. Львів: ЛНУ ім. І. Франка, 2015. С. 503–547.

Граб В. Екслібріс Миколи Макаренка і бібліофілі // Книжник. Ч. 1 (18). Київ, 1993. С. 21–22.

Граб В.И., Супруненко А.Б. Из эпистолярного наследия Н.Е. Макаренко // Донецкий археологический сборник. Вып. 3. / Науч. ред. В.А. Посредников. Донецк: Аверс Ко ЛТД, 1993. С. 36–45.

Грошева Г.В. Глава 3. Чулымские тюрки // Этнография народов Томской области: Учебное пособие / Отв. ред. А.Г. Тучков. Томск: Изд-во Томского государственного педагогического университета, 2018. С. 41–50.

Гуменний В.Д., Денисюк О.В., Остапенко А.І., Миронов О.С., Горячковський А.С. Чумацькі шляхи України // Актуальні питання технології продукції тваринництва: Збірник статей за результатами всеукраїнської науково-практичної інтернет-конференції студентів і молодих учених. Полтава, 2016. С. 111–126.

Гуржій О.І. Чумацтво як всеукраїнське явище найму робочої сили (друга половина XVII – XVIII ст.) // Гуманітарний вісник. Сер.: Історичні науки. Ч. 21, Вип. 5(1). 2014. С. 18–33.

Гюнтер Д. Бумага ручной вычерпки и поверхностная проклейка // Производство полуфабрикатов и бумаги. Т. III. Ч. I. М.: Промиздат, 1927. 57 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х томах. Т. 2. И – О. М.: Русский язык, 1979. 779 с.

Данилова Н.К. «Вещный мир» в сакральном пространстве: ритуальная атрибутика в контексте знаковой информации (архетипы, образы и символы) // Человек и культура. 2020. № 5. С. 1–10.

Демченко В. Свят-вечір та коляда на західноукраїнських землях кінця XIX-40-х років XX ст. (на матеріалах етнографічних експедицій Чернівецького університету) // Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнології: Збірник наукових статей. Т. 2. Чернівці, 1999. С. 243–250.

Длужневская Г.В. Археологические исследования в Европейской части России и на Кавказе в 1859–1919 гг. (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). СПб.: ЛЕМА, 2014. 218 с.

Ермолин Д.С. Погребально-поминальная обрядность и культура захоронений // Новик А.А., Бучатская Ю.В., Ермолин Д.С., Дугушина А.С., Морозова М.С. «Приазовский отряд». Язык и культура албанцев Украины / Отв. ред. А.А. Новик. Часть I. Т. 1. Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2016. С. 727–909.

Завадська В. Ложка як антропоморфний образ української міфології // Матеріали до української етнології. Збірник наукових праць НАН України ІМФЕ ім. М.Т. Рильського. Асоціація етнологів. Вип. 4 (7). Київ, 2004. С. 232–236.

Завадська В. Ложка як відповідник людської душі у фольклорі та матеріальній культурі українців // Українознавство. 2005. Ч. 3. С. 247–252.

Завадська В. Символіка ложки у міфологічному світогляді слов'ян // Література. Фольклор. Проблеми поетики. Вип. 36. Присвячений дослідженню творчої спадщини Л.Ф. Дунаєвської. Київ, 2012. С. 105–115.

Звагельський В. Справа Макаренка // Червоний Промінь. 1989. 15 липня. № 29. С. 4.

Звагельський В.Б. Нові матеріали про Миколу Макаренка (розшуки 1988-1990 рр.) // Вивчення історичної та культурної спадщини Роменщини: проблеми і перспективи. Тези доповідей та повідомлень до наук.-практичної конференції. Суми; Ромни, 1990а. С. 23–29.

Звагельський В.Б. Хроніка життя і діяльності М. Макаренка // Вивчення історичної та культурної спадщини Роменщини: проблеми і перспективи. Тези доповідей та повідомлень до наук.-практичної конференції. Суми; Ромни, 1990б. С. 53–60.

Звагельський В.Б. Невтомний у праці (М.О. Макаренко) // Репресоване краєзнавство (20-30-і роки). Київ: «Рідний край», 1991. С. 161–167.

Звагельський В.Б. Нове про професора Миколу Макаренка // Шоста Всеукраїнська наукова конференція з історичного краєзнавства. Луцьк, 1993а. С. 233–234.

Звагельський В. Микола Макаренко: «Істина мусить стояти на першому місці» // Червоний Промінь. 1993б. 17 квітня. № 16. С. 4–5.

Звагельський В. Нове про професора Миколу Макаренка // Червоний Промінь. 1993в. 18 грудня. № 51. С. 3.

Иванова С.В. Добыча соли в Северном Причерноморье и Крыму (по археологическим и историческим данным) // Археологія: можливості реконструкцій / Археологія і давня історія України. Вип. 2 (13). Київ, 2014. С. 7–17.

Календарные обряды и обрядовая поэзия Воронежской области. Афанасьевский сборник. Материалы и исследования. Вип. III. / Сост. Т.Ф. Пухова, Г.П. Христова. Воронеж: ВГУ, 2005. 249 с.

Каталог. Памятные и наградные медали XVIII - нач. XX в. из фондов Донецкого областного краеведческого музея / Авторы-составители Т.П. Койнаш, С.М. Радюк. Донецк, 2003. 48 с.

Клюев Н. Избранное. Томск, 2015. 348 с.

Коваль-Фучило І. Похоронний обряд на Косівщині: семантика і номінація // Народна творчість та етнологія. 2013. № 6 (346). С. 65–79.

Кожанов К.А. Сглаз в традиции цыган-кэлдэрахов России // Живая старина. 2018. № 4 (100). С. 40–44.

Коренюк Ю. Микола Макаренко – дослідник середньовічного стінопису // Студії мистецтвознавчі. Ч. 3 (19). Архітектура. Образотворче та декоративно-ужиткове мистецтво. Київ: ІМФЕ, 2007. С. 39–62.

Косиков В.А. Новые находки рисунков Н.Е. Макаренко // Вивчення історичної та культурної спадщини Роменщини: проблеми і перспективи. Тези доповідей та повідомлень до наук.-практичної конференції. Суми; Ромни, 1990. С. 44–48.

Косиков В.А. История исследования археологических памятников Донбасса. Донецк: Истоки, 2001. 84 с.

Косикова Е.В. Возвращенное имя // Донецкий археологический сборник. Вип. 3. / Науч. ред. В.А. Посредников. Донецк: Аверс Ко ЛТД, 1993. С. 3–17.

Косикова Е.В., Косиков В.А. Возвращенное наследие Н.Е. Макаренко // Человек в современном мире: Тезисы докладов Межрегионального научно-практического семинара 28 декабря 1991 г. М.; Донецк: Моск. отд. ФО СССР, Донецк. отд. ФО Украины, МНПП «Возрождение», 1991. С. 28–29.

Кузьминых С.В., Усачук А.Н. «Милльон этой власти проклятий!..» (письма Н.Е. Макаренко А.М. Тальгрону) // История археологии: личности и школы. Материалы Международной научной

конференции к 160-летию со дня рождения В.В. Хвойки / Отв. ред. Н.И. Платонова. СПб: Нестор-История, 2011. С. 195–216.

Кузьминых С.В., Усачук А.Н. «Глубокоуважаемый и дорогой друг Михаил Маркович!» (Хельсинкская коллекция писем Н.Е. Макаренко А.М. Тальгрену) // *Interactions, Changes and Meanings. Essays in honour of Igor Manzura on the occasion of his 60th birthday* / Edited by Stanislav Terna and Blagoje Govedarica. Kishinev: Stratum Plus, 2016. С. 379–427.

Клейна / Отв. ред. Л.Б. Вишняцкий. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 64–92.

Кузьминых С.В., Усачук А.Н. «С нетерпением жду ответа от Вас» (письма Н.Е. Макаренко Э.Х. Миннзу) // *Ex Ungue Leonem*: Сборник статей к 90-летию Льва Самуиловича

Кузьминых С.В., Усачук А.Н., Белозёрова И.В. «Мои работы и ничего не стоят, и никому не нужны...»: письма Н.Е. Макаренко В.А. Городцову // *Stratum plus*. 2021. № 2. С. 361–402.

Кучугура Л.И. Новые материалы к биографии исследователя палеолита Донбасса В.М. Евсеева // *Кам'яна доба України*. Вип. 4. До 130-річчя відкриття Гінцівської стоянки. Київ; Полтава: Шлях, 2003. С. 90–94.

Левина-Дорш А., Кунов Г. Техника доисторической эпохи. Часть третья. Оружие. Украшение тела. Одежда. Одесса: Госиздат Украины, 1923. 115 с.

Левкиевская Е.Е. Славянский оберег. Семантика и структура. М.: Идрик, 2002. 336 с.

Лукина Н.В., Парнюк Л.В. Глава 5. Ханты // *Этнография народов Томской области* / Отв. ред. А.Г. Тучков. Томск: Изд-во ТГПУ, 2018. С. 67–84.

Магрицька І.В. Весільний обряд на Східній Слобожанщині: навч. посібник. Луганськ: СПД Резніков В.С., 2011. 44 с.

Мазур І.І. Чумацтво як передумова виникнення підприємництва в Україні // *Теоретичні та прикладні питання економіки*. Вип. 24. Київ: Вид.-поліграф. центр «Київський університет», 2011. С. 191–195.

Макаренко Д.Е. Малоизвестные страницы жизни археолога и искусствоведа Н.Е. Макаренко // *Охорона і дослідження пам'яток археології Полтавщини*. Третій обласний науково-практичний семінар. Тези доповідей. Полтава, 1990. С. 39–41.

Макаренко Д.Є. Микола Омелянович Макаренко. Київ: Наукова думка, 1992. 168 с.

Макаренко М. Запорозькі клейноди в Ермітажі. Корогви // *Україна*. Кн. 3. Київ, 1924. С. 25–38.

Макаренко М. Орнаментація української книжки XVI–XVII ст. / *Труди наукового інституту книгознавства* 1. Київ: Держтрест «Київ-Друк», 1926. 70 с.

Макаренко М. Передмова од редактора // *Павлуцький Г.* Історія українського орнаменту. Київ: Вид-во Української АН, 1927. С. 5–7.

Макаренко М. Старогородська «божниця» та її малювання // *Чернігів і Північне Лівобережжя: огляди розвідки, матеріали / Записки Історико-філологічного відділу*. 23. Київ: Видавництво АН УРСР, 1928. С. 205–223.

Макаренко М. Скульптура й різьбярство Київської Русі передмонгольських часів // *Київські збірники історії й археології, побуту й мистецтва*. Збірник I. Київ: ВУАН, 1931. С. 27–96.

М.Н. [Макаренко Н.] Исследование архитектурных памятников Черниговской земли, доложенные на XIV Археологическом Съезде // *Зодчий*. № 39. 1908а. С. 364–366.

Макаренко Н. Памятник украинского искусства XVIII века // *Зодчий*. № 24. 1908б. С. 211–215.

Макаренко Н. Памятник украинского искусства XVIII века // *Зодчий*. № 25. 1908в. С. 219–222.

Макаренко Н. Путевые заметки и наброски о русском искусстве. Вып. 1. Белозерский край. Санкт-Петербург: Издание А.А. Жукова, 1914. 60 с.

Макаренко Н. Искусство Древней Руси. У Соли Вычегодской. Петроград: Свободное искусство, [1918]. 157 с.

Мандельштам О. Письмо о русской поэзии // *Собр. соч.: В 2 т. – Т. 2. Проза*. М.: Художественная литература, 1990. С. 263–266.

Мезенцева Г.Г. Дослідники археології України. Енциклопедичний словник-довідник. Чернігів: Сіверянська думка, 1997. 205 с.

Німенко Н.А. До історії українського орнаменту (Науковий доробок Г.Г. Павлуцького очима М.О. Макаренка) // *Актуальні питання вітчизняної та світової історії: збірник матеріалів Всеукраїнської наукової конференції, 23-24 квітня 2010 року*. Суми: СумДУ, 2010. С. 209–212.

О библиотеке В.М. Евсеева и Н.Е. Макаренко (воспоминания В.Н. Горбова) / Вел беседу и запись – А.Н. Усачук. Донецк, ул. Маршака, д. 72, кв. 6 (В.Н. Горбова), 7 февраля 2017 г. // *Рукопись*. Архив А.Н. Усачука.

Павловский И.Ф. Первое дополнение к Краткому биографическому словарю ученых и писателей Полтавской губернии с половины XVIII века. Полтава: Изд. Полтав. учен. Архивн. Комиссии, 1913. 87 с.

Пискулин А.А. Материалы по этнографии Черноземья второй половины XX – начала XXI века: традиционные праздники, обряды, верования, обычаи и поверья Липецкой, Орловской, Курской, Тульской областей. / Научные труды ООО НПО «Черноземье». Вып. 3. Воронеж: Изд.-полиграф. центр «Научная книга», 2015. 208 с.

Полідович Ю.Б. «Музейна» археологія: люди, події, знахідки // Літопис Донбасу. Краєзнавчий збірник. Вип. 7. (Додаток до Археологічного альманаху). Донецьк, 1999. С. 25–31.

Полідович Ю. Люди, події, знахідки // Донбас. 2004. Спецвыпуск. С. 14–20.

Проскурова С.В. Чумацтво як українське соціокультурне явище. Автореф. дисс. ... канд. іст. наук. Київ, 2001. 14 с.

Руденко С. Семантика глутонімів-інструментативів в українській мові // Наукові записки Національного університету «Острозька академія». Серія: Філологічна. Вип. 48. Острог: Вид-во Нац. ун-ту «Острозька академія». 2014. С. 103–106.

Салмин А.К. Система фольк-религии чувашей. СПб.: Наука, 2007. 605 с.

Салмин А.К. Традиционные обряды и верования чувашей. СПб.: Наука, 2010. 240 с.

Сауляк Б.М. Розвиток деревообробних ремесел Східного Поділля кінця XIX – початку XXI ст. Київ: Наукова думка, 2018. 215 с.

Скрипник Г.А. Етнографічні музеї України. Становлення і розвиток. Київ: Наукова думка, 1989. 304 с.

Сокур Ю.В, Малишко К.І. Аспекти становлення чумацького звичаєвого права // Митна справа. № 5 (89). Ч. 2. Кн. 1. 2013. С. 62–69.

Супруненко О.Б. Археологічні дослідження та зібрання Лубенського музею К.М. Скаржинської. Автореф. дисс. ... канд. іст. наук. Київ, 1997. 24 с.

Супруненко О.Б. Археологія в діяльності першого приватного музею України (Лубенський музей К.М. Скаржинської). Київ; Полтава: Археологія, 2000. 392 с.

Терюков А.И. Предсказание будущего в традиционной культуре народов коми // Аспекты будущего по этнографическим и фольклорным материалам / Отв. ред. Т.Б. Щепанская. Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2012. С. 100–113.

Топорков А.Л. Об одном символе в поминальной обрядности и в гаданиях восточных славян (ложка) // Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд / Отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. М.: Ин-т славяноведения и балканистики, 1985. С. 87–88.

Тумайкин В.П. Семейные обряды мордвы Алтайского края // Этническая история народов Урала и Поволжья (препринты докладов и сообщений) / ред. Р.Г. Кузеев, Н.В. Бикбулатов. Уфа: БФАН СССР, 1976. С. 42–43.

Усачук А.М., Горбов В.М., Звагельський В.Б. Невідомий альбом малюнків Миколи Макаренка // Полтавський археологічний збірник. Ч. 3. Полтава, 1995. С. 199–214.

Усачук А.М., Гриб В.К. Ще один документ з архіву М.О Макаренка // Донецький археологічний збірник. 2018. № 21. С. 192–205.

Усачук А.Н. Раскопки Н.Е. Макаренко и В.М. Евсеева на территории Донецка // Донецкий археологический сборник. Вып. 3. / Науч. ред. В.А. Посредников. Донецк: Аверс Ко ЛТД, 1993. С. 46–52.

Усачук А.Н. Из истории украинской археологии: альбом рисунков и письма Н.Е. Макаренко // Евразийский археолого-историографический сборник / Отв. ред. А.С. Вдовин, И.В. Тункина. СПб.: СПбФ АРАН; Красноярск: КГПУ, 2012а. С. 93–103.

Усачук А.Н. К истории отечественной археологии: альбом рисунков Н.Е. Макаренко из фондов Донецкого краеведческого музея // Історія археології: дослідники та наукові центри / Археологія і давня історія України. Вип. 9. Київ, 2012б. С. 315–324.

Усачук А.Н. Об исследованиях Н.Е. Макаренко в 1930 г. (документы и материалы) // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 11./ Отв. ред. А. А. Бессуднов, Е. Ю. Захарова. Липецк: ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2019. С. 487–508.

Усачук А.Н., Колесник А.В. Виктор Михайлович Евсеев: начало // Літопис Донбасу. 2012. № 20. С. 4–25.

Усачук А.Н., Колесник А.В. Археологические исследования в Донбассе в конце 20 – начале 30-х гг. XX века (по материалам архива В.М. Евсеева) // Грани гуманитарного знания. Сборник статей к

60-летию профессора Сергея Павловича Щавелёва / Отв. ред. Д.П. Кузнецов, О.В. Пыжова. Курск: КГМУ, 2015. С. 412–433.

Франко А.Д., Франко О.О. Огляд маловідомих архівних матеріалів про життя і наукову діяльність Миколи Макаренка // Вісник Інституту археології. 2013. Вип. 8. С. 75–81.

Фролов В. Собори наших душ 4. Робочий щоденник зняття і консервації мозаїк Михайлівського монастиря в Києві (1934 року) // Пам'ятки України. 1990/1991. № 4'90/1'91. С. 35–39.

Ходак І. Листи Миколи Макаренка до Данила й Вадима Щербаківських // Студії мистецтвознавчі. Ч. 3 (19). Архітектура. Образотворче та декоративно-ужиткове мистецтво. Київ: ІМФЕ, 2007. С. 63–73.

Чесноков В.И. Производство деревянных ложек. М.; Л.: Всесоюзное кооп. объедин. изд-во, 1933. 153 с.

Шарапова Н.С. Краткая энциклопедия славянской мифологии. М.: ООО «Изд-во АСТ»; ООО «Изд-во Астрель»; ООО «Русские словари», 2001. 624 с.

Щавелёв С., Звагельський В. Микола Макаренко та Дмитро Самоквасов: зустріч на терені вивчення старожитностей України // Червоний Промінь. 1992. 1 лютого. № 5. С. 6–7.

Яворницький Д.І. Історія запорозьких козаків. Т. 1. Київ: Наукова думка, 1990. 592 с.

Hansson H. Gotlands bronsålder. / Kungliga Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens Handlingar, Del 37:1. Stockholm, 1927. 156 s.

Информация об авторах:

Усачук Анатолий Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, краеведческий музей (г. Донецк, Украина); doold@mail.ru

Гриб Владимир Константинович, научный сотрудник, Донецкий Центр института востоковедения им. А. Крымского (г. Донецк, Украина); vladgrib@mail.ru

REFERENCES

Anisimov, N. 2017. «Dialog mirov» v matritse komunikativnogo povedeniia udmurtov («Dialogue of the worlds» in the matrix of the communicative behavior of the Udmurts). Series: Dissertationes folkloristicae Universitatis Tartuensis. 26. Tartu: University of Tartu Press. (in Russian).

Bukatevych, N. I. 1928. Chumatstvo na Ukraini: istorychno-etnografichni narysy / Hospodarstvo ta pravo: Zapysky Odeskoho instytutu narodnoho hospodarstva (Chumatstvo in Ukraine: historical and ethnographic essays / Economy and Law: Notes of the Odessa Institute of National Economy) Odessa (in Ukrainian).

Velychko, T. 2013. In Narodna tvorchist ta etnolohiia (Folk art and ethnology) 6 (346). 49–56 (in Ukrainian).

Vospominaniya Eleny Nikolaevny Ekimovoy, zheny Viktora Mikhajlovicha Evseeva (Memoirs of Elena Nikolaevna Ekimova, wife of Viktor Mikhailovich Evseev) 1986. Manuscript. Archive of A.N. Usachuk (in Russian).

V. Shch. 1899. In Etnograficheskoe Obozrenie (Ethnographic Review) 1–2, (XL–XLI), 266–322 (in Russian).

Galaichuk, V. 2012–2013. In Naukovi zoshyty istorychnoho fakultetu Lvivskoho universytetu (Science of History of the Faculty of Lviv University) 13–14. Lviv, 43–83 (in Ukrainian).

Galaichuk, V., Rachkovsky, G. 2015. In Etnohrafiia ukraintsev (Ethnography of Ukrainians). Lviv: L Lviv National University named after I. Franko, 503–547 (in Ukrainian).

Grab, V. 1993. In Knyzhnyk (Librarian). 1 (18). Kyiv, 21–22 (in Ukrainian).

Grab, V. I., Suprunenko, A. B. 1993. In Posrednikov, V. A. (ed.). Donetskii arkheologicheskii sbornik (Donetsk Archaeological Collection) 3. Donetsk: “Avers Co LTD” Publ., 36–45 (in Russian).

Grosheva, G. B. 2018. In Tuchkov, A. G. (ed.). Etnografiia narodov Tomskoi oblasti: Uchebnoe posobie (Ethnography of the peoples of the Tomsk region: textbook) Tomsk: Tomsk State Pedagogical University, 41–50 (in Russian).

Gumennyi, V. D., Denysiuk, O. V., Ostapenko, A. I., Myronov, O. S., Horiachkovskyi, A. S. 2016. In Aktualni pytannia tekhnologiiiv produktsiiiv tvarynnystva (Current issues of livestock technology: Collection of articles on the results of the All-Ukrainian scientific-practical Internet conference of students and young scientists). Poltava, 111–126 (in Ukrainian).

Gurzhii, O. I. 2014. In Humanitarnyi visnyk (Humanitarian Bulletin). Ser.: Historical Sciences. 21, 5 (1). 18–33 (in Ukrainian).

Gyunter, D. 1927. Bumaga ruchnoy vy`cherpki i poverkhnostnaya proklejka (Hand-drawn paper and surface sizing) III. I. Moscow: Promizdat (in Russian).

- Dahl, V. I. 1979. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka (Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language)*. In 4 vols. Vol. 2. Moscow: "Rus. iazyk" Publ. (in Russian).
- Danilova, N. K. 2020. In *Chelovek i kul'tura (Man and Culture)*. (5), 1–10 (in Russian).
- Demchenko, V. 1999. In *Pytannia starodavnoi ta serednovichnoi istorii, arkhеolohii y etnolohii: Zbirnyk naukovykh statei (Questions of ancient and medieval history, archeology and ethnology: Collection of scientific articles)* 2. Chernivtsi, 243–250 (in Ukrainian).
- Dluzhnevskaya, G. V. 2014. *Arkheologicheskie issledovaniia v Evropeiskoi chasti Rossii i na Kavkaze v 1859–1919 gg. (po dokumentam Nauchnogo arkhiva Instituta istorii material'noi kul'tury` RAN) (Archaeological research in the European part of Russia and the Caucasus in 1859–1919 (according to documents of the Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences))*. St. Petersburg: LEMA (in Russian).
- Ermolin, D. S. 2016. In Novik, A. A., Buchatskaya, Yu. V., Ermolin, D. S., Dugushina, A. S., Morozova, M. S. «Priazovskii otryad». *Iazyk i kul'tura albantshev Ukrainy ("Priazovsky detachment". Language and culture of the Albanians of Ukraine)* I. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences, 727–909 (in Russian).
- Zavadzka, V. 2004. In *Materialy do ukrainskoi etnolohii. Zbirnyk naukovykh prats NAN Ukrainy IMFE im. M. T. Rylskoho. Asotsiatsiia etnolohiv (Materials on Ukrainian ethnology. Collection of scientific works of the National Academy of Sciences of Ukraine IMFE. M.T. Rylsky. Association of Ethnologists)*. 4 (7). Kyiv, 232–236 (in Ukrainian).
- Zavadzka, V. 2005. In *Ukrainoznavstvo (Ukrainian Studies)*. 3. 247–252 (in Ukrainian).
- Zavadzka, V. 2012. In *Literatura. Folklor. Problemy poetyky (Literature. Folklore. Problems of poetics)*. 36. Kyiv, 105–115 (in Ukrainian).
- Zvagsky, V. 1989. In *Chervonyi Promin (Red Ray)*. July 15. (29). 4 (in Ukrainian).
- Zvahelskyi, V. B. 1990a. In *Vyvchennia istorichnoi ta kulturnoi spadshchyny Romenshchyny: problemy i perspektyvy. Tezy dopovidei ta povidomlen do nauk.-praktychnoi konferentsii (Study of the historical and cultural heritage of the Romny region: problems and prospects. Abstracts of reports and reports to the scientific-practical conference)*. Sumy; Romny, 23–29 (in Ukrainian).
- Zvahelskyi, V. B. 1990b. *Vyvchennia istorichnoi ta kulturnoi spadshchyny Romenshchyny: problemy i perspektyvy. Tezy dopovidei ta povidomlen do nauk.-praktychnoi konferentsii (Study of historical and cultural heritage of Romenshchyna: problems and prospects. Abstracts of reports and reports to the scientific-practical conference)*. Sumy; Romny, 53–60 (in Ukrainian).
- Zvahelskyi, V. B. 1991. In *Represovane kraieznavstvo (20-30-i roky) (Repressed local lore (20-30s))*. Kyiv: «Ridny Krai», 161–167 (in Ukrainian).
- Zvahelskyi, V. B. 1993a. In *Shosta Vseukraïnska naukova konferentsiia z istorichnoho kraieznavstva (Sixth All-Ukrainian Scientific Conference on Historical Local Lore)*. Lutsk, 233–234 (in Ukrainian).
- Zvahelskyi, V. 1993b. In *Chervonyi Promin (Red Ray)*. April 17. 16. 4–5 (in Ukrainian).
- Zvagsky, V. 1993v. In *Chervonyi Promin (Red Ray)*. December 18. 51. 3 (in Ukrainian).
- Ivanova, S. V. 2014. In *Arkheolohiia: mozhlyvosti rekonstruktsii / Arkheolohiia i davnia istoriia Ukrainy (Archeology: possibilities of reconstructions / Archeology and ancient history of Ukraine)*. Kyiv, 7–17 (in Russian).
- Pukhova, T. F., Khristova, G. P. (comp.). 2005. *Kalendarnye obryady i obryadovaia poeziia Voronezhskoi oblasti. Afanas'evskii sbornik. Materialy i issledovaniia (Calendar rites and ritual poetry of the Voronezh region. Afanasyevsky collection. Materials and research)*. III. Voronezh: Voronezh State University (in Russian).
- Koinash, T. P., Radyuk, S. M. (comp.). 2003. *Katalog. Pamiatnye i nagradnye medali XVIII - nach. XX v. iz fondov Donetskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeia (Commemorative and award medals XVIII - early. XX century from the funds of the Donetsk Regional Museum of Local Lore)*. Donetsk (in Russian).
- Klyuev, N. 2015. *Izbrannoe. (Favorites)*. Tomsk (in Russian).
- Koval-Fuchylo, I. 2013. In *Narodna tvorchist ta etnolohiia (Folk art and ethnology)* 346 (6), 65–79 (in Ukrainian).
- Kozhanov, K. A. 2018. In *Zhivaya starina (Living antiquity)*. 100 (4). 40–44 (in Russian).
- Koreniuk, Yu. 2007. In *Studii mystetstvoznavchi. Arkhitektura. Obrazotvorche ta dekoratyvno-uzhytkove mystetstvo (Art Studies. Architecture. Fine and decorative arts)*. 3 (19). Kyiv: IMFE, 39–62 (in Ukrainian).
- Kosikov, V. A. 1990. In *Vyvchennia istorichnoi ta kulturnoi spadshchyny Romenshchyny: problemy i perspektyvy. Tezy dopovidei ta povidomlen do nauk.-praktychnoi konferentsii (Study of the historical and cultural*

heritage of Romenshchyna: problems and prospects. Abstracts of reports and reports to the scientific-practical conference). Sumy; Romney, 44–48 (in Russian).

Kosikov, V. A. 2001. *Istoriia issledovaniia arkheologicheskikh pamyatnikov Donbassa* (The history of the study of the archaeological sites of Donbass). Donetsk: "Istoki" Publ. (in Russian).

Kosikova, E. V. 1993. In Posrednikov, V. A. (ed.). *Donetskii arkheologicheskii sbornik* (Donetsk Archaeological Collection) 3. Donetsk: "Avers Co LTD" Publ., 3–17 (in Russian).

Kosikova, E. V., Kosikov, V. A. 1991. In *Chelovek v sovremennom mire: Tezisy` dokladov Mezhhregional`nogo nauchno-prakticheskogo seminaru 28 dekabrya 1991 g.* (Man in the modern world: Abstracts of the Interregional Scientific and Practical Seminar December 28, 1991). Moscow; Donetsk: "Vozrozhdenie" Publ., 28–29 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Usachuk, A. N. 2011. In Platonova, N. I. (ed.). *Istoriya arkheologii: lichnosti i shkoly. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoy konferentsii k 160-letiyu so dnya rozhdeniya V.V. Khvojki* (History of archaeology: individuals and schools. Materials of the International Scientific Conference dedicated to the 160th anniversary of the birth of V.V. Khvojka's). Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia", 195–216 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Usachuk, A. N. 2016. In Stanislav Terna and Blagoje Govedarica (eds.). *Interactions, Changes and Meanings. Essays in honour of Igor Manzura on the occasion of his 60th birthday*. Kishinev: Stratum Plus, 379–427 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Usachuk, A. N. 2017. In Vishniatsky, L. B. (ed.). *Ex Ungue Leonem: Sbornik statej k 90-letiyu L`va Samuilovicha Klejna* (Ex Ungue Leonem: Collection of articles for the 90th anniversary of Lev Samuilovich Klein). St. Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ., 64–92 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Usachuk, A. N., Belozyrova, I. V. 2021. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology*. (2), 361–402 (in Russian).

Kuchuhura, L. Y. 2003. In *Kamiana doba Ukrainy. Do 130-richchia vidkryttia Hintsivskoi stoianky* (The Stone Age of Ukraine. To the 130th anniversary of the opening of Hintsivska parking lot). 4. Kiev; Poltava: Shlyakh, 90–94 (in Russian).

Levina-Dorsh, A., Kunov, G. 1923. *Tekhnika doistoricheskoi epokhi. Chast` tret`ia. Oruzhie. Ukrashenie tela. Odezhda* (Technique of the prehistoric era. Part three. Weapon. Body decoration. Clothing). Odessa.: "Gosizdat" Publ. (in Russian).

Levkievskaya, E. E. 2002. *Slavyanskij obereg. Semantika i struktura* (Slavic amulet. Semantics and structure). Moscow: "Idrik" Publ. (in Russian).

Lukina, N. V., Parnyuk, L. V. 2018. In Tuchkov, A. G. (ed.). *Etnografiia narodov Tomskoi oblasti* (Ethnography of the peoples of the Tomsk region). Tomsk: Tomsk State Pedagogical University, 67–84 (in Russian).

Mahrytska, I. V. 2011. *Vesilnyi obriad na Skhidni Slobozhanshchyni: navch. Posibnyk* (Wedding ceremony in Eastern Slobozhanshchina: textbook. manual). Lugansk: SPD Rieznikov V.S. (in Ukrainian).

Mazur, I. I. 2011. In *Teoretychni ta prykladni pytannia ekonomiky* (Theoretical and applied issues of economics). 24. Kyiv: Vyd.-polihraf. tsentr «Kyivskiy universytet», 191–195 (in Ukrainian).

Makarenko, D. E. 1990. In *Okhorona i doslidzhennia pamiatok arkheolohii Poltavshchyny. Tretii oblasnyi naukovopraktychnyi seminar. Tezy dopovidei* (Protection and research of archeological monuments of Poltava region. The third regional scientific-practical seminar. Abstracts). Poltava, 39–41 (in Russian).

Makarenko, D. E. 1992. *Mykola Omelyanovich Makarenko* (Mykola Omelianovych Makarenko). Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Ukrainian).

Makarenko, M. 1924. In *Ukraina (Ukraine)*. 3. Kiev, 25–38 (in Ukrainian).

Makarenko, M. 1926. *Ornamentatsiia ukrainskoi knyzhky XVI–XVII st. / Trudy naukovooho instytutu knyhozhnavstva* (Ornamentation of the Ukrainian book of the XVI–XVII cent. / Proceedings of the Scientific Institute of Bibliology). 1. Kyiv: Derzhrest «Kyiv-Druk», (in Ukrainian).

Makarenko, M. 1927. In *Pavlutskyi H. Istoriia ukrainskoho ornament* (Pavlutsky G. History of Ukrainian ornament). Kyiv: Vyd-vo Ukrainskoi AN, 5–7 (in Ukrainian).

Makarenko, M. 1928. In *Chernihiv i Pivnichne Livoberezhzhia: ohliady rozvidky, materialy / Zapysky Istoryko-filolohichnoho viddilu* (Chernihiv and the Northern Left Bank: intelligence reviews, materials / Notes of the Historical and Philological Department). 23. Kyiv: Vydavnytstvo AN URSR, 205–223 (in Ukrainian).

Makarenko, M. 1931. In *Kyivski zbirnyky istorii y arkheolohii, pobutu y mystetstva. Zbirnyk I* (Kyiv collections of history and archeology, life and art. Collection I.). Kyiv: VUAN, 27–96 (in Ukrainian).

Makarenko, N. 1908a. *Zodchii (Architect)*. 39. 364–366 (in Russian).

Makarenko, N. 1908b. In *Zodchii (Architect)*. 24. 211–215 (in Russian).

Makarenko, N. 1908v. In *Zodchii (Architect)*. 25. 219–222 (in Russian).

Makarenko, N. 1914. *Putevye zametki i nabroski o russkom iskusstve (Travel notes and sketches about Russian art)*. 1. *Belozerskij kraj (Belozersk Territory)*. Saint Petersburg: "Izdanie A.A. Zhukova" Publ. (in Russian).

Makarenko, N. [1918]. *Iskusstvo Drevnej Rusi. U Soli Vy`chegodskoj (Art of Ancient Rus. At Salt Vyche-godskaya)*. Petrograd: Svobodnoe iskusstvo, (in Russian).

Mandel'shtam, O. 1990. *Sobr. soch.: V 2 t. – T. 2. Proza (Collected works: In 2 volumes – Vol. 2. Prose)*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 263–266 (in Russian).

Mezentseva, G. G. 1997. *Doslidnyky arkheolohii Ukrainy. Entsyklopedychnyi slovnyk-dovidnyk (Researchers of archaeology of Ukraine. Encyclopedic dictionary-reference)*. Chernihiv: Siverianska dumka (in Ukrainian).

Nimenko, N. A. 2010. In *Aktualni pytannia vitchyznianoï ta svitovoi istorii: zbirnyk materialiv Vseukrain-skoi naukovoï konferentsii, 23-24 kvitnia 2010 roku (Current issues of national and world history: a collection of materials of the All-Ukrainian scientific conference, April 23-24, 2010)*. Sumy: Sumy State University, 209–212 (in Ukrainian).

O biblioteke V.M. Evseeva i N.E. Makarenko (vospominaniya V.N. Gorbova) 2017. Manuscript. Archive of A.N. Usachuk (in Russian).

Pavlovsky, I. F. 1913. *Pervoe dopolnenie k Kratkomu biograficheskomu slovaru uchenykh i pisatelei Poltavskoi gubernii s poloviny XVIII veka (The first addition to the Brief Biographical Dictionary of Scientists and Writers of Poltava Province from the middle of the XVIII century)*. Poltava: Poltava. learned. Archive Commissions (in Russian).

In Dobrov, P. V. (editor-in-chief). 2004. *Donetskii arkheologicheskii zbornik (Donetsk archeological compendium)*, 11, 197–198 (in Russian).

Piskulin, A. A. 2015. *Materialy` po e`tnografii Chernozem`ya vtoroj poloviny` XX – nachala XXI veka: traditsionny`e prazdniki, obryady`, verovaniya, oby`chai i pover`ya Lipeckoj, Orlovskoj, Kurskoj, Tul`skoj oblastej. / Nauchny`e trudy` OOO NPO «Chernozem`e» (Materials on the ethnography of the Chernozem region in the second half of the XX - early XXI century: traditional holidays, rituals, beliefs, customs and beliefs of the Lipetsk, Oryol, Kursk, Tula regions. / Scientific works of OOO NPO Chernozemye)*. 3. Voronezh: Izd.-poligraf. centr «Nauchnaya kniga» (in Russian).

Polidovych, Yu. B. 1999. In *Litopys Donbasu. Kraieznavchyi zbirnyk (Chronicle of Donbass. Local lore collection)*. 7. Donetsk, 25–31 (in Ukrainian).

Polidovich, Yu. 2004. In *Donbas. (Donbass) Special issue*, 14–20 (in Ukrainian).

Proskurova, S. V. 2001. *Chumatstvo iak ukraïns'ke sotsiokul'turne iavishhe (Milking as a Ukrainian socio-cultural phenomenon)* Thesis of Diss. of Candidate of historical sciences. Kiev (in Ukrainian).

Rudenko, S. 2014. In *Naukovi zapysky Natsionalnoho universytetu «Ostrozka akademiï». Serii: Filolo-hichna (Scientific notes of the National University «Ostroh Academy». Series: Philological)*. 48. Ostroh: Nat. Ostroh Academy University, 103–106 (in Ukrainian).

Salmin, A. K. 2007. *Sistema folk-religii chuvashew (The Chuvash folk-religion system)*. Saint-Petersburg: "Nauka" Publ. (in Russian).

Salmin, A. K. 2010. *Traditsionnye obryady i verovaniya chuvashei (Traditional rituals and beliefs of the Chuvash)*. Saint-Petersburg: "Nauka" Publ. (in Russian).

Sauliak, B. M. 2018. *Rozvytok derevoobrobnykh remesel Skhidnoho Podillia kintsia XIX – pochatku XXI st. (Development of woodworking crafts of Eastern Podillya in the late XIX - early XXI centuries)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Ukrainian).

Skrypnyk, G. A. 1989. *Etnohrafichni muzei Ukrainy. Stanovlennia i rozvytok (Ethnographic museums of Ukraine. Formation and development)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Ukrainian).

Sokur, Yu. V, Malysheko, K. I. 2013. In *Mytna sprava (Customs business)*. 5 (89). 2. 1. 62–69 (in Ukrainian).

Suprunenko, O. B. 1997. *Arkheologichni doslidzhennia ta zibrannia Lubens'kogo muzeiu K.M. Skarzhins'koi (Archaeological research and collections of the Lubny Museum K.M. Skarzhynska)*. Thesis of Diss. of Candidate of historical sciences. Kiev (in Ukrainian).

Suprunenko, O. B. 2000. *Arkheologiiia v diïalnosti pershoho privatnoho muzeiu Ukrainy (Lubensky muzei K.M. Skarzhynskoi) (Archaeology in the activity of the first private museum of Ukraine (Lubny Museum of K.M. Skarzhynska))*. Kyiv; Poltava: Arkheologiiia (in Ukrainian).

Teryukov, A. I. 2012. In *Shchepanska, T. B. (ed.). Aspekty` budushchego po etnograficheskim i fol`klorny`m materialam (Aspects of the future based on ethnographic and folklore materials)*. Saint Petersburg: Peter the

Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences, 100–113 (in Russian).

Toporkov, A. L. 1985. In Ivanov, V. V. (ed.). *Balto-slavianskie etnokul'turye i arkeologicheskie drevnosti. Pogrebal'ny'j obryad. (Balto-Slavic ethnocultural and archaeological antiquities. Funeral rite)*. Moscow, 87–88 (in Russian).

Tumajkin, V. P. 1976. In Kuzeev, R. G., Bikbulatov, N. B. (eds.). *Etnicheskaia istoriia narodov Urala i Povolzh'ia (preprinty` dokladov i soobshhenii) (Ethnic history of the peoples of the Urals and the Volga region (preprints of reports and messages))*. Ufa: Bashkiria Branch of the USSR Academy of Sciences, 42–43 (in Russian). (in Russian).

Usachuk, A. M., Gorbov, V. M., Zvagelskyi, V. B. 1995. In *Poltavskiy arkeologichnyi zbirnyk (Poltava Archaeological Collection)*. 3. Poltava, 199–214 (in Ukrainian).

Usachuk, A. M., Grib, V. K. 2018. In *Donetskii arkeologicheskii sbornik (Donetsk Archaeological Collection)*. 21, 192–205 (in Ukrainian).

Usachuk, A. N. 1993. In Posrednikov, V. A. (ed.). *Donetskii arkeologicheskii sbornik (Donetsk Archaeological Collection)* 3. Donetsk: “Avers Co LTD” Publ., 42–52 (in Russian).

Usachuk, A. N. 2012a. In Vdovin, A. S., Tunkina, I. V. (eds.). *Evrasiiskii arkeologo-istoriograficheskii sbornik (Eurasian Archaeological and Historiographic Collection)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg Filial Archive of the Russian Academy of Sciences. Krasnoarsk: Krasnoarsk State Pedagogical University Publ., 93–103 (in Russian).

Usachuk, A. N. 2012b.. In *Arkheologiiia i davnia istoriia Ukraini (Archaeology and Ancient History of Ukraine)* 9. Kiev: Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, 315–324 (in Russian).

Usachuk, A. N. 2019. In Bessudnov, A. A., Zakharova, E. Yu. (eds.). *Verkhnedonskoi arkeologicheskii sbornik (Upper Don Archaeological Collected Articles)* 11. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical P.Semenov-Tyan-Shansky University, 487–508 (in Russian).

Usachuk, A. N., Kolesnik, A. V. 2012. In *Litopys Donbasu (Chronicle of Donbass)*. 20, 4–25 (in Russian).

Usachuk, A. N., Kolesnik, A. V. 2015. In Kuznetsova, D. P., Pyzhova, O. V. (eds.). *Grani humanitarnogo znaniia. Sbornik statei k 60-letiyu professora Sergeia Pavlovicha Shchhaveleva (Facets of humanitarian knowledge. Collection of articles dedicated to the 60th anniversary of Professor Sergei Pavlovich Shchhavelev)*. Kursk: Kursk State Medical University, 379–385 (in Russian).

Franko, A. D., Franko, O. O. 2013. In *Visnyk Instytutu arkeologhii (Bulletin of the Institute of Archeology)*. 8, 75–81 (in Ukrainian).

Frolov, V. 1990/1991. In *Pamiatky Ukrainy (Sights of Ukraine)*. 4'90/1'91, 35–39 (in Ukrainian).

Khodak, I. 2007. In *Studii mystetstvoznavchi. Arkhitektura. Obrazotvorche ta dekoratyvno-uzhytkove mystetstvo (Art Studies. Architecture. Fine and decorative arts)*. 3 (19). Kyiv: IMFE, 63–73 (in Ukrainian).

Chesnokonov, V. I. 1933. *Proizvodstvo derevyannykh lozhek (Manufacture of wooden spoons)*. Moscow; Leningrad: All-Union Co-op. unite. publishing house (in Russian).

Sharapova, N. S. 2001. *Kratkaia entsiklopediia slavyanskoi mifologii (A Brief Encyclopedia of Slavic Mythology)*. Moscow: LLC «Publishing house of AST»; Astrel Publishing House LLC; LLC «Russkie slovari» (in Russian).

Shchaveliev, S., Zvahelsky, V. 1992. In *Chervonyi Promin (Red Ray)*. February 1. (5). 6–7 (in Ukrainian).

Yavornytskyi, D. I. 1990. *Istoriia zaporozkykh kozakiv (History of the Zaporozhian Cossacks)*. 1. Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Ukrainian).

Hansson, H. 1927. *Gotlands bronsålder / Kungliga Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens Handlingar (Gotland's Bronze Age / Royal History of Knowledge and Documents of the Academy of Antiquities)*. 37:1. Stockholm (in Swedish).

About the Authors:

Usachuk Anatoliy N. Candidate of Historical Sciences, Senior Research Associate of Donetsk Regional Museum of Local Lore Chelyuskintsev 189-a, Donetsk, 283048, Ukraine; doold@mail.ru

Grib Vladimir K. Donetsk Center of the A. Krymsky Institute of Oriental Studies. Artem Str., 129A, Donetsk, 346330, Ukraine; vladgrib@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2021 г.
Статья принята к публикации 01.10.2021 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

Биографии и судьбы ученых

УДК 902

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.5.145.152>

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ КАЗАНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – XX ВВ.

© 2021 г. К.А. Руденко

В статье рассматриваются вопросы, связанные с гендерной ситуацией в казанской археологии на протяжении второй половины XIX – и всего XX века. До 1917 года в российской археологии женского участия практически не было. Единственным исключением была графиня П.С. Уварова, а перед Первой мировой войной начала археологическую деятельность В.В. Гольмстен, ученица одного из знаменитых российских археологов В.А. Городцова. В Казани, где было много общественных организаций и краеведческих обществ, функционировавших в последней четверти XIX века – первом десятилетии XX века, женщин-археологов не было. Феминная археология в Казани стала формироваться только в советское время. Эта ситуация была обусловлена предоставлением женщинам в СССР социальных и гражданских прав и снятием ограничений на получение образования. Важнейшим фактором была и демографическая ситуация в СССР после двух мировых войн и Гражданской войны. Автор выделяет три этапа казанской феминной археологии: первый – 1918–1937; второй – 1938–1950 и третий – 1960–1990-е. Все они связаны с деятельностью трех выдающихся археологов: В.Ф. Смолина, А.П. Смирнова и А.Х. Халикова. На первом этапе сформировалось первое студенческое поколение женщин-археологов: З.А. Акчурина, А.М. Ефимова, Л.И. Вараксина, родившееся в атмосфере революционного энтузиазма. На втором этапе, в основном уже в послевоенные годы, археологией продолжили заниматься, но уже на профессиональном уровне З.А. Акчурина, А.М. Ефимова и О.С. Хованская, учившаяся у археолога В.В. Гольмстен. Наставником и научным руководителем их был московский археолог А.П. Смирнов, почти ровесник по возрасту. Ему удалось создать уникальный коллектив, который в дальнейшем пополнился молодыми участниками – студентками послевоенного поколения Т.А. Хлебниковой и Н.Д. Аксеновой. Именно они продолжили и укрепили казанскую феминную археологию, хотя на третьем этапе она отошла на второй план, вытесненная целенаправленным утверждением маскулинной основы археологии в ТАССР. Но при этом число женщин-археологов в казанской археологии было достаточно большим, что, по мнению автора, отражало те же демографические последствия Второй мировой войны. Одной из особенностей казанской феминной археологии этого периода стало гендерное ученичество.

Ключевые слова: археология, казанская археология, гендерные исследования в исторической науке, булгаристика, феминная археология, А.П. Смирнов, А.Х. Халиков, О.С. Хованская, А.М. Ефимова, Булгар.

GENDER ASPECTS OF KAZAN ARCHAEOLOGY IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – 20TH CENTURIES

K.A. Rudenko

The paper discusses the issues related to the gender situation in Kazan archaeology during the second half of the 19th and the entire 20th century. Until 1917, there was practically no female participation in Russian archaeology. The only exception was Countess P.S. Uvarova, and before the First World War - V.V. Goltmsten, a student of one of the renowned Russian archaeologists V.A. Gorodtsov. In Kazan, where there were many public organizations and local history societies which operated in the last quarter of the 19th century - the first decade of the 20th century, and there were no women archaeologists. Female archaeology began to form in Kazan only in Soviet times. This situation was due to the granting of social and civil rights to women in the USSR and the elimination of restrictions to obtaining education. The most important factor was the demographic situation in the USSR after two world wars and the Civil War. The author identifies three stages of Kazan female archaeology: the first – 1918–1937; the second – 1938–1950 and the third - 1960s – 1990s. All of them are associated with the activities of three prominent archaeologists: V.F. Smolin, A.P. Smirnov and A.Kh. Khalikov. At the first stage, the first student generation of women archaeologists was formed: Z.A. Akchurina, A.M. Efimova, L.I. Varaksina, born in an atmosphere of revolutionary enthusiasm. At the second stage, mainly in the post-war years, Z.A. Akchurina, A.M. Efimova and O.S. Khovanskaya, who studied with the archaeologist V.V. Holmsten, continued to engage in archaeology, but already on professional level. Their mentor and scientific supervisor was a Moscow archaeologist A.P. Smirnov, almost of the same age. He

managed to create a unique team, which was later replenished with young participants - students of the post-war generation: T.A. Khlebnikova, N.D. Aksenova. It was they who continued and strengthened the Kazan feminine archaeology, although at the third stage it faded into the background, supplanted by the purposeful assertion of the masculine basis of archaeology in the TASSR. But at the same time, the number of women archaeologists in Kazan archaeology was rather large, which, according to the author, reflected the same demographic consequences of the Second World War. One of the features of the Kazan feminine archaeology of this period was gender apprenticeship.

Keywords: archaeology, Kazan archaeology, gender studies in historical science, Bolgaristics, feminine archaeology, A.P. Smirnov, A.Kh. Khalikov, O.S. Khovanskaya, A.M. Efimova, Bogar.

Изучение проблем гендера в гуманитарных дисциплинах в европейской науке получило распространение в последней трети XX в. (Пушкина, 2007, с. 5; Репина, 2011, с. 503, 504). В настоящее время это обширная область исследований со своей методикой и подходами (Скотт, 2001). Из круга проблем, которые изучаются в рамках гендерных штудий, можно выделить темы, связанные с участием женщин в археологических исследованиях. К сожалению, гендерные аспекты археологии в России в целом и в Татарстане в частности до сих пор специально не рассматривались. В биографических очерках, посвященных ученым-археологам, как правило, акцент делается на научную деятельность, что, впрочем, типично и для историографии в других областях гуманитарных наук. Личные отношения, подробности общественной жизни и т. п. иногда освещаются в воспоминаниях самих ученых, их коллег, хотя довольно скупо (Голдина, 1996; Матвеева, 1998). Жизнь ученых-гуманитариев вне научной сферы, их личное пространство только в последнее время стали привлекать внимание исследователей (Вторая муза..., 2003; Сидорова, 2017, с. 11–132).

История «феминной археологии» в России еще не написана. Впрочем, историки науки достаточно давно обратили внимание на выдающуюся исследовательницу-археолога второй половины XIX – начала XX в. графиню П.С. Уварову, председателя Московского Археологического общества, почетного члена Петербургской Академии наук. Опубликованы ее воспоминания, которые рисуют яркий образ деятельной и творческой натуры, человека, глубоко заинтересованного в науке и преданного ей (Уварова, 2005). Безусловно, оказаться в «высшем эшелоне» российской археологии для графини стало возможным благодаря ее мужу – графу А.С. Уварову, но после его смерти Прасковья Сергеевна стала не только продолжательницей его дел, но и смогла эффективно развивать его начинания (Серых, 2014, с. 56–60). Отметим, что при всем

при этом ее деятельность как ученого-археолога в историографических штудиях теряется в тени ее супруга: в выделенном учеными-историографами «уваровском и постуваровском периодах» истории отечественной археологии графиня упоминается всего лишь один раз (Лебедев, 1992, с. 215).

Во второй половине XIX – начале XX в. в составе различных Археологических обществ в России, за исключением Московского, где председателем была П.С. Уварова, в том числе и в одном из самых статусных – Русском Археологическом обществе, также как и среди участников Всероссийских археологических съездов, женщин не было (Жебелёв, 2017, с. 173–640; Серых, 2014, с. 165–171, прил. 2). Ситуация стала меняться только в начале XX в. Так, в 1910-х гг. в РИМ стала работать ученица В.А. Городцова – В.В. Гольмстен, первый и, видимо, единственный представитель разночинского сословия в дореволюционной России женского пола, ставшая профессиональным археологом, хотя вместе с ней в Московском Археологическом институте (с 1907 г.) училось еще несколько женщин (Кузьминых и др., 2007, с. 8, 9). Таким образом, отсчет «женской истории российской археологии» можно начинать с первых десятилетий XX в.

В Казанской губернии до 1917 г. участие женщин в археологических изысканиях неизвестно. Однако по документам можно установить, что такие случаи все же имели место. Так, в 1904 и 1905 гг. на археологические обследования городища Иски-Казань, которые проводил П.А. Пономарев, член ОАИЭ, выезжала Ю.М. Хомякова – выпускница Родионовского института в Казани, а в те годы слушательница Московских высших женских курсов Герье (кстати, здесь же в 1914 г. училась В.В. Гольмстен (Кузьминых и др., 2007, с. 13)). Она помогала ему в подготовке к экспедиции и в дальнейшей обработке материалов¹.

До 1917 г. в Казанской губернии археологические штудии в основном были связаны с университетом, точнее, с двумя Обществами,

которые функционировали при нем, являясь, по существу, частью университетской корпорации. Это Общество археологии истории и этнографии (ОАИЭ) и Общество естествоиспытателей (ОЕ) (Руденко, 2014, с. 288–297, 300–304; Сидорова, 2014). В работе ОЕ женщины участия не принимали. А за весь период существования ОАИЭ (1878–1932) в нем состояли в разных статусах только 18 женщин. Это 3% от 616 человек – общего числа членов Общества за весь период его функционирования. Причем большинство женщин – 13 человек (72%) – стали его членами в 1918–1923 гг. (Сидорова, 2014, с. 192–245, № 5, 88, 156, 250, 305, 345, 370, 404, 462, 474, 541, 560, 569). То есть до октября 1917 г. в составе ОАИЭ было лишь несколько женщин, и то в основном получавшие членство вместе со своими мужьями. Накануне Октября 1917 г. почетным членом ОАИЭ стала графиня П.С. Уварова. Это совпало с организацией в Казани Северо-Восточного археологического и этнографического института (Кузьминых, Смирнов, 2015, с. 217), в котором после Гражданской войны стали читаться курсы по археологии как для мужчин, так и для женщин.

Появление женщин в ОАИЭ в 1918–1919 гг. во многом было связано с позицией профессора Казанского университета Б.Ф. Адлера, который в 1918–1922 гг. был председателем ОАИЭ, а с 1919 г. еще и директором Казанского музея (ЦМТР). В эти годы в состав Общества вошли: В.В. Овчинникова (преподаватель КГУ), О.А. Цветкова (студентка), Л.М. Поздеева, В.Н. Харузина. Последние две были этнографами. «Этнографическая женская группа» в ОАИЭ усилилась при преемнике и ученике Б.Ф. Адлера – этнографе Н.И. Воробьеве, сменившем его на посту директора ЦМТР. С 1922 по 1926 г. членами ОАИЭ стали этнографы, сотрудницы музея: Е.Э. Адольф, Ц.И. Малкина, М.С. Губайдуллина; музейный работник и археолог Л.И. Вараксина, а также жертвовательница музейных коллекций – бывшая помещица Е.В. Молодцова. Разночинско-пролетарский состав ОАИЭ в эти годы пополнился студенткой рабфака КГУ С.А. Козловой и некими О.И. Силиной и Л.Н. Селищевой. Таким образом, кроме почетного члена Общества П.С. Уваровой за все время его существования археолог-женщина была одна – Л.И. Вараксина, которая принимала участие в полевых археологических работах под руководством В.Ф. Смолина в 1920-х гг.

Таким образом, активное включение женщин в археологическую жизнь в Казан-

ском крае произошло после 1917 г., что связано, с одной стороны, с демократизацией высшего образования, следствием чего стало увеличение числа девушек-студенток в вузах, с другой – с потерями мужской части населения в период Первой мировой и Гражданской войн.

Первое поколение женщин-археологов в Казани сложилось во второй половине 1920-х гг. Связано оно с именем археолога профессора В.Ф. Смолина, который создавал экспедиционный коллектив из молодых людей – студентов-археологов из Казанского университета и Восточного педагогического института, где у него был археологический кружок. Студенты посещали лекции, участвовали в семинарах и археологических экскурсиях. Среди тех, кто был в археологическом кружке и кто впоследствии связал свою жизнь с археологией, было трое девушек: З.А. Акчурина, Л.И. Вараксина, А.М. Ефимова (Кузьминых, 2004, с. 13). В тот момент у них не было каких-либо знаний об археологической науке, и В.Ф. Смолин начал обучение «с чистого листа».

Можно сказать, что это был первый этап феминной истории казанской археологии (1918–1937). Именно в эти годы формировался уникальный характер будущих женщин-археологов – в чем-то здесь сказался дух постреволюционной эпохи, в чем-то проявились личные черты характера. Новый взгляд на мир и будущее страны и даже всего человечества, сопровождавшийся духом феминизма, был характерен для советских девушек 1920-х гг. В своих воспоминаниях казанский историк В.И. Адо отметил, что его будущая жена – А.М. Ефимова отдала дань этому: после замужества оставила девичью фамилию, в семье она и супруг общались на равных и даже сына называли в честь наркома просвещения Анатолия Васильевича Луначарского (имя и отчество совпадали), искренне веря в идеи коммунизма (Руденко 2010, с. 87, 88). Предопределило эту ситуацию происхождение Александры Михайловны – из семьи мелких служащих, как и проживание в крупном городе – Казани, учеба в вузе. Археология, как мне представляется, была в те годы для А.М. Ефимовой данью женской эмансипации, и участие в экспедициях, до начала работы в музее в конце 1930-х гг., – в большей степени декларацией личного суверенитета и жизненной позиции – быть борцом в «строительстве» нового человека и светлого будущего, меняя себя и окружающий мир, ища свое место в этом мире.

В Александре Михайловне удивительным образом сочетались идеалы общественницы и чувства женщины-матери, любимой и любящей супруги, хранительницы дома и семьи. Дух семьи поддерживался А.М. Ефимовой и в долгие годы расставания с мужем во время войны, когда она осталась одна с сыном-школьником, и все время после того, как выросший сын уехал учиться в Москву. В послевоенные годы женская чувственность заставляла ее мучиться и страдать – прежде всего от внешней непривлекательности: жизнь в тылу была тяжелейшей. Александра Михайловна выглядела изможденной и старой, о чем она с горечью писала мужу, переживая, что он ее может разлюбить и бросить. Уход в науку позволял отвлечься от тягостных дум и депрессии. Но вместе с абстрактным научным миром сознание занимали и остатки довоенного феминизма, сопричастности с судьбой страны и мира, пережившего страшное испытание. Это толкало ее к общественной деятельности, активности на работе в музее, хотя такая загруженность была, как нам кажется, больше ответом на отъезд сына из Казани после окончания школы и конфликты в музейном коллективе. Это больше всего приносило переживаний и боли.

Иной путь привел О.С. Хованскую, дочь дворянина, княгиню, получившую высшее образование, в археологию. Потерявшая после революции практически все и даже возможность полноценной жизни в обществе, она отстаивала свое право на личное счастье, проявляя высочайшую твердость духа и стойкость (Руденко. 2010, с. 21, 22, 27–31). Обладая яркой внешностью, образованная, настойчивая, с потрясающей силой воли, будучи к тому же многодетной матерью с малолетними детьми, она несла на себе тяжелейший груз ответственности за семью, теряя одного за другим, сначала мужа, затем отца, умерших от переживаний и лишений в начале 1940-х гг. До работы в ЦМТР археология была для нее эпизодом, возможностью заработать и отвлечься от жизненных проблем. Попав в круговорот послевоенных экспедиций (дети к тому времени выросли и не требовали постоянной опеки), археология стала для Ольги Сергеевны способом быть сопричастной с великими задачами Советской Отчизны, областью, где она могла приложить все свои знания, талант, который она открыла в себе, накапливая опыт полевых раскопок. «Толкали» ее в археологию воспоминания детства и юности, причудливо трансформируясь то в

романтические видения, то в интереснейшие нюансы научных штудий (Руденко, 2021, с. 5–23).

Страстную привязанность к археологии демонстрировала З.А. Акчурина, происходившая из весьма известной до революции семьи татарских предпринимателей и торговцев Акчуриных. Трудно объяснить, почему Зулейха Асфандияровна на протяжении всей своей жизни преданно служила археологии, не стремясь ни к карьерному росту, ни к славе, ни к деньгам. Она была идеальным полевым исследователем – внимательная, аккуратная, строгая. Самые сложные раскопки, самые сложные маршруты разведок – все у нее получалось. Ее скрупулезность и ответственность позволяли находить выход из самых критических ситуаций. Так, в 1946 г., не завершив раскоп, уехал из Болгар Н.Ф. Калинин, и З.А. Акчурина смогла профессионально довести работы до конца и подготовить научный отчет (Руденко, 2021, с. 117). Надежные, честные, бескорыстные – так характеризовала З.А. Акчурину и ее коллег по экспедиции в Болгарах Н.Д. Аксенова спустя многие годы (Аксенова, 2010, с. 32, 33).

Л.И. Вараксина из первого поколения женщин-археологов в 1930-х гг. стала заниматься археологическим вещеведением, что, вероятно, диктовалось ее работой в музее, и в 1940–1950-х гг. участия в полевых работах она не принимала.

Второй этап (1938–1950-е) казанской феминной археологии связан с московским археологом А.П. Смирновым. Начав работы на Болгарском городище в конце 1930-х гг., он опирался на повзрослевших учениц В.Ф. Смолина и В.В. Гольмстен. Для А.П. Смирнова его новые коллеги были практически ровесниками, что существенно облегчало общение и взаимопонимание. Это были женщины среднего возраста, сотрудники Государственного музея Татарии – О.С. Хованская, А.М. Ефимова – и ИЯЛИ КФАН СССР – З.А. Акчурина. У всех у них уже был опыт археологических работ.

Интересно, что с ними в то же время сотрудничал и местный археолог Н.Ф. Калинин, к тому же их сослуживец по ЦМТР. Но с ним взаимопонимания не было. Николай Филиппович, как писала Н.Д. Аксенова, был индивидуалистом в работе (Аксенова, 2010, с. 23). Женщин-коллег в музее он воспринимал не как серьезных и самостоятельных исследователей, а лишь как помощников, которые должны были выполнять исключительно черновую работу. То же самое он впоследствии транс-

лировал на систему наставничества в разведках 1946, 1948 и 1949 гг. по Татарии (Руденко, 2021, с. 307). Ставку Н.Ф. Калинин делал на выбранных им лидеров из студентов университета, но видел в этой роли только юношей и мужчин, хотя «отступничество» студенток, уезжавших в экспедиции А.П. Смирнова, он воспринимал очень болезненно и сильно переживал по этому поводу. Николай Филиппович считал их «своими», которых нужно опекать и контролировать, но за это он требовал от них абсолютной преданности. Показательно, что из студенток КГУ, посещавших университетский археологический кружок в конце 1940-х гг. и ездивших с Н.Ф. Калинин в экспедиции в течение нескольких сезонов, О. Стародомской, Р. Девликамовой, М. Стенченко-Откупщиковой никто не стал археологом, а Т. Хлебникова и Н. Аксенова, оставшиеся в археологии, ушли по окончании университета к А.П. Смирнову. Традиционных взглядов на роль женщины в «мужских профессиях» Н.Ф. Калинин преодолеть не мог. Судя по «открытым» письмам своим студентам, написанным в периоды депрессии, которые в конце жизни преследовали его все чаще и чаще, это он понимал и сам.

А.П. Смирнов для женщин, работавших с ним в экспедициях в конце 1940–1950-х гг., выступал, с одной стороны, как наставник в научном знании, а с другой – как коллега в экспедиционной работе. Алексей Петрович сумел создать творческую атмосферу археологического образования и самосовершенствования в профессиональной области, основанную, во-первых, на свободе деятельности – каждый из руководителей отрядов экспедиции раскоп вел самостоятельно, и, во-вторых, на практическом взаимообучении – на воскресных обходах. Обходы были своего рода совещаниями, совместными обсуждениями как хода работ на каждом раскопе, в том числе и текущих вопросов в интерпретации полевых наблюдений (идентификация стратиграфических слоев, планиграфии), так и анализа и сопоставления полученных материалов: объектов, артефактов. Здесь же члены экспедиции (участвовать в обходах можно было всем) учились как на успехах, так и на ошибках друг друга. Помимо этого, обходы позволяли закреплять навыки полевых исследований: умение «видеть» слои, «вести» их в ходе вскрытия культурного слоя. Это профессиональное совершенствование – постоянно подчеркивал сам Алексей Петрович в письмах А.М. Ефимовой (Руденко, 2021, с. 314–318).

Очевидно, что гендерные отношения здесь строились на паритетных началах.

Помимо экспедиций научная подготовка коллег Алексея Петровича продолжалась на сессиях в ИИМК и на музейных конференциях (ГИМ, ГМТР). Значительное количество научных вопросов обсуждалось в письмах, о чем мы можем судить по сохранившейся переписке А.П. Смирнова и А.М. Ефимовой (Руденко, 2021). В конце 1950–1960-х гг. А.П. Смирнов стал научным руководителем Т.А. Хлебниковой из Казани, поступившей в аспирантуру ГИМ, М.Г. Ивановой из Ижевска и Э.А. Савельевой из Сыктывкара², учившихся в аспирантуре Института археологии АН СССР. Нашел он преданного и глубоко уважающего его и археологию специалиста для Болгарского музея-заповедника – Н.Д. Аксёнову из Казани, проходившую археологическую практику в его экспедиции на Болгарском городище в конце 1940-х – начале 1950-х гг. Впоследствии она стала заместителем директора по научной работе БГИАМЗ (Аксенова, 2010, с. 25).

Говоря об этом периоде, отметим, что заметна очевидная тенденция, которая сохранилась и в последующем – профессиональными археологами, наряду с мужчинами, становятся женщины молодого возраста, и чаще всего выбор этот делался во время учебы в вузе или сразу по окончании его. Представляется, что во многом это было связано с последствиями Великой Отечественной войны (точнее двух мировых и гражданской войн) – катастрофическая убыль в СССР мужского населения и преобладание женского. Но, помимо этого, свою роль сыграла и советская система образования, где не было гендерных ограничений. В вузах была введена обязательная полевая археологическая практика для студентов гуманитарных факультетов (вместе с курсом археологии). Кроме того, стать археологом (впрочем, как и овладеть любой другой специальностью, считавшейся мужской, например, геологией) для советских женщин было воплощением сложившихся к 1950-м гг. принципов гендерного равенства и признанием их равноправными строителями социализма-коммунизма. Тем не менее в археологической науке были и свои нюансы. Так, в казанской археологии определился своего рода маскулинно-центристский вектор гендерной стороны науки. Лидерами здесь были мужчины.

Третий этап феминной истории казанской археологии (1960–1990-е) связан с А.Х. Халиковым. В 1960–1970-х гг. Альфред Хасанов

вич опирался в основном на студенческую молодежь из обучавшихся на истфилфаке КГУ студентов, посещавших археологический кружок и почувствовавших «романтику» науки на археологической практике. А.Х. Халиков чаще всего делал ставку на юношей, которые и оставались в профессии, хотя в его экспедициях, как и в экспедициях его коллеги В.Ф. Генинга, обучавшегося в конце 1950-х гг. в аспирантуре в Казани, принимали участие и студентки, составлявшие значительную часть учившихся в университете и в педагогическом институте. Отметим, что с начала 1960-х гг. Альфред Хасанович вел разработку больших научных тем совместно с супругой Е.А. Безуховой (Халиковой), поддерживавшей его во всех замыслах.

Количество женщин в руководимых А.Х. Халиковым подразделениях (отдел археологии в ИЯЛИ КФАН СССР, учебный музей археологии при кафедре истории СССР в КГУ) было невелико. Это имело объективные причины: прежде всего ограниченное число штатных единиц, вследствие чего предпочтение отдавалось мужчинам. Тем не менее к 1980-м гг. треть сотрудников отдела археологии ИЯЛИ КФАН составляли женщины. При этом ограничения в инкорпорации женщин в академические структуры казанской археологии, что, впрочем, было общей тенденцией в СССР (Труд, семья, 1990, с. 7), привели в 1990-х гг. к довольно своеобразной ситуации гендерного ученичества: передаче научных знаний и овладению профессиональными знаниями в археологии от женщины к женщине, например, Т.А. Хлебникова – Н.А. Кокорина или А.Г. Петренко – Г.Ш. Асылгараева (Руденко, 2014, с. 592, 596, 626, 647, 674, 675).

Роль женщин-археологов в академических учреждениях РТ несколько изменилась во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. с появлением в НЦАИ АН РТ грантовых проектов, где женщины становились ответственными исполнителями или научными руководителями – А.Г. Петренко, М.Ш. Галимова. Впрочем, это практически не затрагивало экспедиционную работу, где с начала 1960-х гг. женщины-археологи руководили отдельными экспедиционными отрядами: в 1960–1970-х гг. – С.В. Морозова, Т.А. Хлебникова, Е.А. Халикова; с 1970-х гг. – Н.А. Кокорина, Г.И. Дроздова; с 1980-х гг. – М.Ш. Галимова. Начиная с середины 1970-х гг. Болгарской отряд Поволжской археологической экспедиции почти 20 лет возглавляла Т.А. Хлебникова (в 1990-х гг. ее сменил Р.Ф. Шарифуллин); а в

это же время заместителем директора Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника по научной работе была Н.Д. Аксенова. Эти позиции в начале 1970-х гг. были определены А.П. Смирновым. Кроме того, успеху такой феминной кооперации способствовали как их совместная учеба в университете, так и дружеские отношения на протяжении многих лет.

Таким образом, выделенные нами периоды феминной истории казанской археологии непосредственно связаны с деятельностью археологов-мужчин – лидеров и организаторов исследований. В XX в. – В.Ф. Смолина, А.П. Смирнова и А.Х. Халикова (Руденко, 2014, с. 612, 613, 639, 640, 645, 646), которые во многом предопределяли особую гендерную ситуацию в этой области науки. Постоянное пополнение рядов казанских археологов женщинами-археологами во 2–3 четв. XX в. обусловлено, в первую очередь, демографической ситуацией в СССР в 1920–1980-е гг.; во-вторых, конституционным закреплением равноправия женщин и мужчин в СССР, в том числе в образовании, в политических и гражданских правах; в-третьих, общественной «атмосферой» в стране – сначала революционно-культурным подъемом 1920-х гг., мечтой о «перековке» себя в нового человека на пороге Всемирной Революции через стремление к чему-то неизведанному, революционному, открывающему тайные миры прошлого, а во второй половине 1940-х гг. – патриотическим энтузиазмом послевоенного времени, когда археология позиционировалась как базисное знание в постижении социально-политических и этнокультурных трансформаций прошлого, важных для воссоздания подлинной картины ушедших времен для предвидения грядущих ступеней в строительстве социализма; в-четвертых, феминность казанской археологии подпитывалась естественным процессом научной коммуникации в рамках складывания научных направлений булгаристики в 1950–1960-е гг., наиболее устойчивой из которых в этом отношении оказалась археологическая школа А.П. Смирнова; в-пятых, это-мотивация: самоутверждение, борьба за гендерное равноправие, «социальный лифт», романтика археологии, пример коллег-женщин в археологии, преемственность (ученичество). Нельзя сбрасывать со счетов и индивидуальные черты характера каждой из женщин-археологов, кто своим беззаветным трудом и самоотверженностью выстраивал современное здание казанской археологии.

Примечания:

¹ Благодарю И.В. Порфирьеву за возможность ознакомиться с материалами семейного архива.

² URL: Элеонора Савельева: "Жить и работать по-другому я не умею" (finpoulogia.ru) (обращение 03.07.2021).

ЛИТЕРАТУРА

- Аксенова Н.Д. Любовь моя – Болгары. Воспоминания, научные работы. Казань: Заман, 2010. 176 с.
- Вторая муза историка: неизученные страницы русской культуры XX столетия / Сост., коммент. А.А. Сванидзе. М.: Наука, 2003. 782 с.
- Голдина Р.Д. Силуэты растаявших веков: (О работе Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского университета). Ижевск: Удмуртия, 1996. 211 с.
- Жебелёв С.А. Русское археологическое общество за третью четверть своего существования 1897–1921. Исторический очерк. Приложение: Биобиблиографический словарь членов РАО (1846–1924). 2-е изд. М.: Индрик, 2017. 672 с.
- Кузьминых С.В. Виктор Федорович Смолин. Казань: Казан. ун-т, 2004. 30 с.
- Кузьминых С.В., Смирнов А.С. Археология в Северо-Восточном археологическом и этнографическом институте // Поволжская археология. 2015. №1 (11). С. 214–240.
- Кузьминых С.В., Сафонов И.Е., Сташенков Д.А. Вера Владимировна Гольмстен: материалы к биографии. Самара: Офорт, 2007. 168 с.
- Лебедев Г.С. История отечественной археологии. 1700–1971 гг. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992. 464 с.
- Матвеева Г.И. Экспедиция в прошлое. Записки археолога. Самара: Самар. регион. фонд «Полдень. XXII век», 1998. 160 с.
- Пушкарева Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алатейя; АНО «Женский проект СПб.», 2007. 496 с.
- Ретина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.
- Руденко К.А. Археология XX века: две жизни — две судьбы: О.С. Хованская и А. М. Ефимова. Казань: МОиН РТ, 2010. 176 с.
- Руденко К.А. История археологического изучения Волжской Булгарии (X–XIII вв.). Казань: РИЦ «Школа», 2014. 768 с.
- Руденко К.А. Казанские археологи в первые годы после Великой Отечественной войны (1945–1949) (по материалам переписки А. П. Смирнова и А. М. Ефимовой). Казань: Школа, 2021. 476 с.
- Руденко К.А. Ольга Сергеевна Хованская: страницы биографии // Хованская О.С. Труды по археологии. Казань: Школа, 2021. С. 5–23.
- Серых Д.В. Всероссийские Археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX – начале XX вв. Казань: Отечество, 2014. 188 с.
- Сидорова И.Б. Ученое братство: Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1879–1931 годы). Ч. 1. Казань: Отечество, 2014. 264 с.
- Сидорова Л.А. Советские историки: духовный и научный облик. М.: ИРИ РАН, 2017. 248 с.
- Скотт Дж. Гендер: полезная категория исторического анализа // Ведение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / Под ред. С. В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алатейя, 2001. С. 405–436.
- Труд, семья, быт советской женщины / Отв. ред. С.В. Поленина. М.: Юрид. лит-ра, 1990. 432 с.
- Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни / Труды ГИМ. Вып. 144. М.: ГИМ, 2005. 336 с.

Информация об авторе:

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор, Казанский государственный институт культуры (г. Казань, Россия); murziha@mail.ru

REFERENCES

- Aksenova, N. D. 2010. *Liubov' moia – Bolgary. Vospominaniia, nauchnye raboty (My Beloved Bolgar. Memories, Scientific Papers)*. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).
- Svanidze, A. A. (comp.) 2003. *Vtoraia muza istorika: neizuchennye stranitsy russkoi kul'tury XX stoletii (The Second Muse of the Historian: Unexplored Pages of Russian Culture of the 20th Century)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Goldina, R. D. 1996. *Silueti rastaavshikh vekov: (O rabote Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii Udmurtskogo universiteta) (Силуэты растаявших веков: (О работе Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского университета))*. Izhevsk: "Udmurtiia" Publ. (in Russian).

Zhebelev, S. A. 2017. *Russkoe arkheologicheskoe obshchestvo za tret'iu chetvert' svoego sushchestvovaniia 1897–1921. Istoricheskii ocherk. (Russian Archaeological Society in the Third Quarter of Existence in 1897–1921. Historical Sketch.)*. Moscow: "Indrik" Publ. (in Russian).

Kuzminykh, S. V. 2004. *Viktor Fedorovich Smolin (Viktor Fedorovich Smolin)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Smirnov, A. S. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 11 (1), 214–240 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Safonov, I. E., Stashenkov, D. A. 2007. *Vera Vladimirovna Gol'stem: materialy k biografii (Вера Владимировна Гольмстен: материалы к биографии)*. Samara: "Ofort" Publ. (in Russian).

Lebedev, G. S. 1992. *Istoriia otechestvennoi arkheologii. 1700–1971 gg. (History of National Archaeology)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).

Matveeva, G. I. 1998. *Ekspeditsiia v proshloe. Zapiski arkheologa (Экспедиция в прошлое. Записки археолога)*. Samara: "Polden". XXII vek" Publ. (in Russian).

Pushkareva, N. L. 2007. *Gendernaia teoriia i istoricheskoe znanie (Гендерная теория и историческое знание)*. Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ., "Zhenskii projekt" Publ. (in Russian).

Repina, L. P. 2011. *Istoricheskaia nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaia praktika (Historical Science at the Turn of the 21st Century: Social Theories and Historiographic Practice)*. Moscow: "Krug" Publ. (in Russian).

Rudenko, K. A. 2010. *Arkheologiiia XX veka: dve zhizni – dve sud'by: O.S. Khovanskaya i A. M. Efimova (Archaeology of the 20th Century: Two Lives – Two Destinies: O.S. Khovanskaya and A.M. Efimova)*. Kazan: Ministry of Education and Science of the Republic of Tatarstan (in Russian).

Rudenko, K. A. 2014. *Istoriia arkheologicheskogo izucheniia Volzhskoi Bulgarii (X – nachalo XIII v.) (History of Archaeological Studying of Volga Bulgaria (10th — the Beginning of the 13th Century))*. Kazan: "Shkola" Publ.

Rudenko, K. A. 2021. *Kazanskii arkheologi v pervye gody posle Velikoi Otechestvennoi voiny (1945–1949) (po materialam perepiski A. P. Smirnova i A. M. Efimovoi) (Kazan Archaeologists in the First Years after the Great Patriotic War (1945–1949) (Based on the Correspondence of A.P. Smirnov and A.M. Efimova))*. Kazan: "Shkola" Publ.

Rudenko, K. A. 2021 In Khovanskaya, O. S. *Trudy po arkheologii (Works on Archaeology)*. Kazan: "Shkola" Publ., 5–23 (in Russian).

Serykh, D. V. 2014. *Vserossiiskie Arkheologicheskie sezdy kak forma organizatsii otechestvennoi arheologicheskoi nauki vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. (All-Russian Archaeological Congresses as a Form of Organization of Russian Archaeological Science in the Second Half of the 19th - Early 20th Centuries.)*. Kazan: "Otechestvo" publ. (in Russian).

Sidorova, I. B. 2014. *Uchenoe bratstvo: Obshchestvo arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete (1879–1931 gody) (Academic Brotherhood: Society of Archaeology, History and Ethnography under Kazan University (1879–1931))* 1. Kazan: "Otechestvo" Publ. (in Russian).

Sidorova, L. A. 2017. *Sovetskie istoriki: dukhovnyi i nauchnyi oblik (Soviet Historians: Spiritual and Scientific Image)*. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Skott, J. 2001. In Zherebkin, S. V. (ed.). *Vvedenie v gendernye issledovaniia (Introduction to Gender Studies)* 2. Kharkiv; Saint Petesdburg: "Aleteiia" Publ., 405–436 (in Russian).

Polenina, S. V. (ed.). 1990. *Trud, sem'ia, byt sovetskoi zhenshchiny (Labor, Family, Everyday Life of a Soviet Woman)*. Moscow; "Iuridicheskaya literature" Publ. (in Russian).

Uvarova, P. S. 2005. *Byloe. Davno proshedshe sчастlivye dni (The Past. Long Gone Days of Happiness)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 144. Moscow: State Historical Museum (in Russian).

About the Author:

Rudenko Konstantin A. Doctor of Historical Sciences. Professor, Kazan State Institute of Culture. Orenburgsky Trakt St., 3, Kazan, 420059, Russian Federation; murziha@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2021 г.

Статья принята к публикации 01.10.2021 г.

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ О НАЧАЛЕ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А.С. БАШКИРОВА

© 2021 г. Д.А. Сташенков

В статье приводятся ранее неизвестные сведения об обстоятельствах, связанных с приездом А.С. Башкирова в Самару и о начале его научно-педагогической деятельности. Уточняется хронология событий, предшествовавших началу работы А.С. Башкирова в Самарском университете. Публикуются новые документы о казанском периоде жизни А.С. Башкирова, намечаются перспективы дальнейшего исследования.

Ключевые слова: археология, А.С. Башкиров, Самарский университет, научно-педагогическая деятельность.

NEW DOCUMENTS ON THE BEGINNING OF A.S. BASHKIROV'S SCIENTIFIC AND PEDAGOGICAL ACTIVITY

D. A. Stashenkov

The paper features previously unknown information about the circumstances associated with the arrival of A. S. Bashkirov to Samara and the beginning of his scientific and pedagogical activity. The chronology of events preceding the beginning of A. S. Bashkirov's work at Samara University is detailed. New documents about the Kazan period of A. S. Bashkirov's life, and prospects for further research are outlined.

Keywords: archaeology, A. S. Bashkirov, Samara University, scientific and pedagogical activity

Алексей Степанович Башкиров (1885-1963) является ярким представителем той плеяды молодых исследователей, которые вышли на ведущие роли в советской археологии в 1920- начале 1930-х гг. Именно на эти годы приходится пик научно-административной деятельности А.С. Башкирова, которая нашла свое формальное отражение и в тех официальных постах, которые он занимал в различных учреждениях.

В целом биография А.С. Башкирова хорошо известна исследователям и имеются подробные публикации, посвященные его археологической деятельности (Белозерова, 2017; Белозерова, Кузьминых, 2017; Винокуров, 2016; Данилов, 2019; Зудина, 2008; Кузьминых, Белозерова, 2017; Непомнящий, 2018; Пятышева, 1963). Однако все еще недостаточно изученными остаются некоторые детали, связанные с началом его научной деятельности. В частности, неизвестными до последнего времени были детали его появления в Самаре. Более того, в литературе встречаются утверждения, что начало самостоятельной научно-педагогической деятельности А.С. Башкирова связано с Саратовым (Непомнящий, 2018. С.44).

Задача настоящей статьи – ввести в научный оборот ранее неизвестные документы о самарском периоде в жизни А.С. Башкирова,

хранящиеся в Центральном государственном архиве Самарской области (ЦГАСО).

В фонде Самарского университета хранится личное дело А.С. Башкирова (ЦГАСО, Ф. Р.28 оп.1 д.745), в котором отложились документы за 1917-1922 гг. Наибольший интерес представляют те документы, которые помогают понять обстоятельства приезда А.С. Башкирова в Самару.

Наиболее ранний документ датирован 15 сентября 1917 г. Это письмо А.С. Башкирова в Самарскую губернскую земскую управу (ЦГАСО, Ф. Р.28 оп.1 д.745 л.9-11). Из письма становится понятным, что инициатива в переписке исходила от Алексея Степановича.

«Согласно Вашему объявлению в газете «Речь» (Петроград) от 9 сентября с/г за №212 (3954) имею честь предложить себя Самарской Губернской Земской Управе в качестве преподавателя в открываемый Педагогический институт по Теории и Истории Искусств, Русской Истории и Археологии» (ЦГАСО, Ф. Р.28 оп.1 д.745 л.9).

Далее А.С. Башкиров приводит свои биографические данные, сведения о научных занятиях.

Заканчивая письмо, Алексей Степанович интересуется: «Интересно бы знать, какими научными средствами располагает Институт и может ли он дать возможность для даль-

нейшего успеха в научно-педагогической деятельности.

В заключении считаю нужным спросить: каково материальное обеспечение для преподавателей открываемого Педагогического института?» (ЦГАСО, Ф. Р.28 оп.1 д.745 л.11).

Вероятно, на письмо последовал какой-то ответ, не дошедший до наших дней. В дальнейшем переписку со стороны Самары вел академик Владимир Николаевич Перетц*, в тот момент работавший в Самарском педагогическом институте.

Из адресованного В.Н. Перетцу письма А.С. Башкирова от 23.01.1918 г. мы узнаем, что администрацию Педагогического института беспокоило, имеются ли у А.С. Башкирова формальные основания для занятия должности доцента:

«... На днях у меня был по Вашему поручению Сергей Дмитриевич Балухатый*, дабы выяснить, в каком положении находятся мои магистерские испытания и могу ли я удовлетворить Самарский Педагогический институт в должности преподавателя Истории искусства...» (ЦГАСО, Ф. Р.28 оп.1 д.745 л.12).

В письме А.С. Башкиров сообщает, что защита откладывается из-за отсутствия профессора кафедры теории и истории искусств Петроградского университета Дмитрия Власьевича Айналова, который, судя по всему, покровительствовал Алексею Степановичу.

И хотя в конечном итоге защита магистерской диссертации А.С. Башкирова, вероятно, так и не состоялась, сам магистрант был оставлен при Петроградском университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре Теории и истории искусств сроком до 1 июля 1918 г., о чем свидетельствует подшитое в дело Удостоверение от 6 марта 1918 г. (ЦГАСО, Ф. Р.28 оп.1 д.745 л.14).

Вероятно, для придания веса своей заявке А.С. Башкиров постарался заручиться рекомендациями известных ученых. 28 марта 1918 г. датировано рукописное Рекомендательное письмо Б.В. Фармаковского* с характеристикой научной деятельности А.С. Башкирова, оригинал которого также находится в архивном деле (ЦГАСО, Ф. Р.28 оп.1 д.745 л.13).

22 апреля 1918 г. А.С. Башкиров отправляет из Петрограда телеграмму на имя В.Н. Перетца: «Ответьте срочно: представляется мне доцентура институте. Башкиров. Каменноостровский, 43» (ЦГАСО, Ф. Р.28 оп.1 д.745 л.16).

В ответ В.Н. Перетц отправляет следующую телеграмму: «Конкурс решится баллотировкой через две недели. Конкуренты Александров, Успенский» (ЦГАСО, Ф. Р.28 оп.1 д.745 л.17).

Дальнейшие документы ярко отражают ту хаотичную ситуацию, которая сложилась в России в 1918 г. Учитывая обстановку в стране и качество почтовой службы летом и осенью 1918 г., неудивительно, что информации об итогах конкурса у А.С. Башкирова долгое время не было. Повлияло на это и то, что из голодного Петрограда ему пришлось уехать, вероятно, уже летом 1918 г., и осенью 1918 г. Алексей Степанович оказывается в Казани. 22 октября он отправляет из Казани письмо в канцелярию Самарского Педагогического Института (который к тому времени был реорганизован в университет) с пометкой «Вторично». В письме отмечается:

«По частным известиям мне известно, что 21 мая с/г я, Алексей Степанович Башкиров, в заседании Совета Профессоров Самарского Педагогического Института был избран в число преподавателей института по кафедре Теории и истории искусства.

В виду вышесказанного прошу канцелярию Самарского Педагогического института сообщить мне: копию постановления, указания, когда обязан я явиться в Самару, когда открывается ... начало учебного года...

Прошу выполнить мою просьбу в весьма спешном порядке, т.к. скоро закроется навигация на Волге...».

В письме был указан адрес, на который следовало отправить ответ: Казань, ул. Новогоршечная, д.60 (Алексеева), кв.5 (ЦГАСО, Ф. Р.28 оп.1 д.745 л.18).

Судя по регистрационной отметке, письмо поступило в канцелярию Самарского университета только 16 декабря 1918 г.

Не дождавшись скорого ответа, 2 декабря 1918 г. А.С. Башкиров отправляет из Казани следующую телеграмму: «Согласно известиям Балухатого вышлите удостоверение службы въезда Самару. Адрес: Казань, Новогоршечная, 70. Башкиров» (ЦГАСО, Ф. Р.28 оп.1 д.745 л.121).

На телеграмме стоит штамп Педагогического института с отметкой 3 декабря 1918 г. и припиской: «4 декабря послано удостоверение № 1813».

Однако удостоверение было послано по неправильно указанному в телеграмме адресу, и оно не дошло до получателя.

Следующий документ – телеграмма от 17/ XII 18 г. – подводит черту под длительной историей с официальным оформлением А.С. Башкирова на работу в Самарском университете:

«Казань, Новогоршечная 60 кв.5.

Башкирову.

Состоите доцентом Самарского университета. Приезжайте через Москву Сызрань. Удостоверение послано ошибочно Новогоршечная 70. Справьтесь. Переведено тысячу телеграфом.

Декан Перетц» (ЦГАСО, Ф. Р.28 оп.1 д.745 л.22).

Вероятно, в Самару Башкиров приехал уже в начале 1919 г. По крайней мере, с марта 1919 г. он состоит «действительным членом историко-археологического общества при Самарском университете» (Автобиография..., ЦГАСО, Ф. Р.28 оп.1 д.745 л.48) и уже не доцентом, а профессором Самарского университета.

В Казани у него оставалось последнее важное дело, о чем свидетельствует Удостоверение, выданное Алексею Степановичу 2 июня 1919 г.

«Удостоверение.

Дано сие профессору Самарского университета Алексею Степановичу Башкирову в том, что книги, принадлежащие ему и находящиеся временно на хранении в Казани, вывезенные из Петрограда для направления в Самару, чрезвычайно необходимы не только для преподавания в университете, но и для пользования ими для учащихся Самарского Государственного университета.

Самарский Государственный университет просит государственные учреждения Российской Республики оказать всяческое содействие профессору Алексею Степановичу Башкирову в доставке книг и научных посо-

бий, принадлежащих Башкирову, из Казани в Самару.

Ректор ... (подпись)». (ЦГАСО, Ф. Р.28 оп.1 д.745 л.29).

Книги, доставленные в Самару, стали основой для организованной А.С. Башкировым библиотеки Семинария Археологии и Искусств и в основном сохранились в составе фонда Отдела редких книг Самарской областной универсальной научной библиотеки.

Публикуемые в настоящей статье документы позволяют сделать некоторые выводы, касающиеся начала научно-педагогической деятельности А.С. Башкирова:

Начало работы А.С. Башкирова как преподавателя Высшей школы связано с Самарским университетом. Никакой предшествующей преподавательской работы в университетах Петербурга и Саратова по имеющимся документам не зафиксировано.

Инициатива приезда в Самару для работы в создаваемом Педагогическом институте исходила от А.С. Башкирова.

Вторую половину 1918 г. А.С. Башкиров провел в Казани. О занятиях его в этот период информации не обнаружено.

Дальнейшая деятельность А.С. Башкирова в Самаре до его отъезда в Москву в 1922 г. в основных чертах описана В.Н. Зудиной (Зудина, 2008). Остается неисследованной экспедиционная деятельность А.С. Башкирова в Самарской губернии, в частности, раскопки Барбашинского могильника, проведенные в 1921 г. Не обнаружена рукопись готовившейся к печати работы А.С. Башкирова «Археологические раскопки могильника Барбашиной Поляны около г. Самары летом 1921 г.». Вероятно, после обнаружения необходимых документов в личном фонде А.С. Башкирова в ОПИ ГИМ (Белозерова, 2017) к этой теме можно будет вернуться.

ЛИТЕРАТУРА

Белозерова И.В. Обзор научного архивного фонда археолога А.С. Башкирова из Отдела письменных источников ГИМ // МИРАС – НАСЛЕДИЕ. Том 1. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 гг.: в 3 т. / Сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдилов. Казань, 2017. С. 575–580.

Белозерова И.В., Кузьминых С.В. Жизненный путь и научное наследие профессора А.С. Башкирова // МИРАС – НАСЛЕДИЕ. Том 1. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 гг.: в 3 тт. / Сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдилов. Казань, 2017. С. 100–126.

Винокуров И.Н. Профессор А. С. Башкиров – археолог, историк, преподаватель: штрихи биографии // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Боспорские чтения. Вып. XVII / Ред.-сост.: В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2016. С. 92–118.

Данилов Е.С. Алексей Степанович Башкиров в Ярославле // РА. 2019. №1. С. 176–182.

Зудина В.Н. Самарское Общество археологии, истории, этнографии и естествознания: археологические изыскания // «Золотое десятилетие» самарского краеведения / Классика самарского краеведения. Антология. Вып. 5. / Под ред. Э.Л. Дубмана, П.С. Кабытова. Самара: Самар. ун-т, 2008. С. 12–93.

Кузьминых С.В., Белозерова И.В. А.С. Башкиров и археология Волжской Булгарии // Археология Евразийских степей. 2017. №1. С. 196–218.

Непомнящий А.А. Алексей Башкиров в крымоведческих коммуникациях первой трети XX столетия // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Исторические науки. 2018. Т. 4(70) №4. С. 40–83.

Пятышева Н.В. А.С. Башкиров [1885–1963. Некролог] // СА. 1963. № 3. С. 316–317.

Информация об авторе:

Сташенков Дмитрий Алексеевич, кандидат исторических наук, ученый секретарь, Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина (г. Самара, Россия); archeo@list.ru.

REFERENCES

Belozerova, I. V. 2016. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A.G. (eds.). *MIRAS–NASLEDIE. Tatarstan – Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoj kul'tury v Tatarstane i v Krymu v 1923–1929 godah: v 3–h tomah (MIRAS–NASLEDIE. Tatarstan and Crimea. The City of Bolgar and the study of Tatar culture in Tatarstan and the Crimea in 1923–1929: in 3 volumes)*. 1. Kazan: “Aster Plyus” Publ., 575–580 (in Russian).

Belozerova, I. V., Kuzminykh, S. V. 2016. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A.G. (eds.). *MIRAS–NASLEDIE. Tatarstan – Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoj kul'tury v Tatarstane i v Krymu v 1923–1929 godah: v 3–h tomah (MIRAS–NASLEDIE. Tatarstan and Crimea. The City of Bolgar and the study of Tatar culture in Tatarstan and the Crimea in 1923–1929: in 3 volumes)*. 1. Kazan: “Aster Plyus” Publ., 100–126 (in Russian).

Vinokurov, I. N. 2016. In Zin'ko, V. N., Zin'ko, E. A. (eds.). *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Issledovateli i issledovaniia. Bosporskie chteniya (Cimmerian Bosporus and the World of Barbarians in Antiquity and the Middle Ages. Researchers and Studies. Bosporan Readings)* XVII. Simferopol: V.I. Vernadsky Crimean Federal University, 92–118 (in Russian).

Danilov, E. S. 2019. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (1), 176–182 (in Russian).

Zudina, V.N. 2008. In Dubman, E. L., Kabytova, P. S. (eds.). «Zolotoe desiatiletie» samarskogo kraevedeniia (The “Golden Decade” of Samara Local History) Series: *Klassika samarskogo kraevedeniia. Antologiya (The Classics of Samara Local History. Anthology)* 5. Samara: Samara State University, 12–93 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Belozerova, I. V. 2017. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1. 196–218 (in Russian).

Napomnyashchii, A. A. 2018. In *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta. Seriya: istoricheskie nauki (Scientific Bulletin of the Taurida National University. Series: Historical Sciences)* 4 (70), no 4, 40–83 (in Russian).

Pyatysheva, N. V. 1963. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 316–317 (in Russian).

About the Author:

Stashenkov Dmitriy A. Candidate of Historical Sciences, Scientific Secretary. Samara Museum for History and Regional Studies named after P.V. Alabin. Leninskaya St., 142, Samara, 443041, Samara, Russian Federation; archeo@list.ru.

Статья поступила в журнал 01.08.2021 г.
Статья принята к публикации 01.10.2021 г.

УДК 902

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.5.157.165>

С.А. ТЕПЛОУХОВ И ГЕРО ФОН МЕРГАРТ: ДИАЛОГ ДЛИНОЮ В ВЕК

© 2021г. Е.В. Детлова

Статья посвящена диалогу двух ведущих археологов-сибиреведов 1920-х гг. С.А. Теплоухова и Геро фон Мергарта. Общение ученых, к сожалению, непродолжительное (оно ограничилось двумя личными встречами в 1920–1921 гг. и шестью письмами 1920–1929 гг.), тем не менее, было плодотворным. Итогом его стало создание С.А. Теплоуховым известной хронологической схемы древних культур Южной Сибири, которая в общих чертах остается актуальной и сегодня. Российско-германское сотрудничество, начатое учеными летом 1920 г., продолжилось в совместной работе их учеников. Отголоски этих контактов дошли до наших дней.

Ключевые слова: сибирская археология, С.А. Теплоухов, Геро фон Мергарт, эпистолярный диалог, российско-германское сотрудничество.

S.A. TEPLOUKHOV AND GERO VON MERHART: CENTURY-LONG DIALOGUE

E. V. Detlova

The paper is dedicated to a dialogue of two leading Siberian archaeologists of the 1920s - S.A. Teploukhov and Gero von Merhart. Unfortunately, the scientists' communication was short – it was limited to two personal meetings in 1920–1921 and six letters in 1920–1929. It was, nevertheless, fruitful. It resulted in the creation by S.A. Teploukhov of a well-known chronological scheme of ancient cultures of Southern Siberia, which in general terms remains relevant today. The Russian-German cooperation, started by the scientists in the summer of 1920, continued in the joint work of their students. The echoes of these contacts have reached our days.

Keywords: Siberian archaeology, S.A. Teploukhov, Gero von Merhart, epistolary dialogue, Russian-German cooperation.

«И тем самым я перехожу к Теплоухову, который был превосходным специалистом, усердным работником и великолепным человеком – и лежит погребенным где-то на Белом море, как это было и с Боровкой. Самое малое, что я хотел бы узнать и о чем бы охотнее всего услышал, что это неправда. Теплоухов был самым коллегиальным, самым сердечным и любезным собратом по профессии, которого я встретил в России <...> человек, с которым я ощутил себя связанным уже с первого рукопожатия. Я жил вместе с ним лишь около недели (и с очень славным Фиельструпом) в Томске <...> Фундаментальное распределение культур Теплоухова еще не было разработано и таким образом у нас было много возможностей подискутировать. А «степной телефон» летом сразу же сообщил ему, что я провожу раскопки в Абакане, и как он, так и я сам, нашли в равной степени прекрасным, чтобы тогда встретиться. Руденко там не было, и ни одна тень не омрачала эти дни встречи двух мужчин, которые ощущали себя и помимо профессиональных интересов, по-человечески, близкими друг другу. Ваше желание получить от меня рассказ о Теплоухове снова и снова заставляло меня откла-

дывать Ваше письмо. Но как бы охотно я ни выполнил это желание, как бы ни возвращался к нему в мыслях, я должен признать его неосуществимым. Все очень просто – я почти ничего не знаю о жизни Теплоухова, о ходе его штудий и его прочей работе. Я знаю только то, что он был настоящим товарищем, готовым прийти на помощь, веселым, общительным и что я был глубоко взволнован, когда мне откуда-то сообщили, что он был сослан в лагерь на Белом море» (Merhart, 1958, s. 229; Кузьминых др., 2007, с. 167, 168).

В этом небольшом фрагменте из опубликованной в 1958 г. в японском журнале «Палеология» статьи заключается, пожалуй, вся история взаимоотношений Сергея Александровича Теплоухова и Геро фон Мергарта – ученых, без преувеличения во многом определивших характер сибирской археологии в 1920-е гг.

Знакомство ученых состоялось в 1920 г. Летом того года физико-математическим факультетом Томского университета была организована Минусинско-Ачинская комплексная экспедиция, которую возглавил профессор Сергей Иванович Руденко, ее сотрудниками были С.А. Теплоухов и М.П.

Грязнов. Экспедицией проводились раскопки курганов и погребальных оградок бронзового и раннего железного веков, стоянок каменного века, велись этнографические наблюдения. В Томск были доставлены коллекции костяных и бронзовых предметов из раскопанных могильников (300 экз.), образцы керамики (70) из тех же погребений, остеологическая коллекция (70 костяков), а также коллекция бронзовых и железных предметов доисторических обитателей края, приобретенная у местных жителей (195 экз.), и др. (Томские музеи..., 2012, с. 22, 23).

С аналогичной же целью – поиски новых археологических памятников и проведение раскопок – в июне-июле 1920 г. в Минусинскую котловину отправилась гораздо более скромная по масштабу и числу участников экспедиция в составе заведующего археологическим отделом Музея Приенисейского музея Геро фон Мергарта и его помощника Георгия Петровича Сосновского. Маршруты двух экспедиций пересеклись на небольшом пятачке Абаканской степи: *«Мой дорогой коллега Теплоухов из Томского университета, который совсем незадолго до начала наших раскопок совершил несколько дневных поездок по северу степи, тотчас узнал, что у Абакана, там-то и там-то, какой-то военнопленный раскапывает курганы. Знали даже то, где мы проживаем»* (Merhart, 2008, s. 132).

Информация о второй и последней личной встрече Мергарта и Теплоухова в Томске в феврале 1921 г. еще более скупа. Упоминания австрийского археолога о поездке в Томск, куда он был приглашен на несостоявшийся в итоге конгресс по изучению Сибири, ограничиваются, кроме процитированного выше фрагмента из «Некоторых воспоминаний о Сибири», несколькими ремарками в письмах и мемуарах. Поездка поспособствовала знакомству Мергарта *«с прекрасными учеными и любезными людьми Томского университета и дала мне удобный случай бегло изучить тамошний музей»* (Merhart, 2008, s. 210).

«Отчет о раскопках Сергеева я также получил. Я был с ним в Красноярске, и он взял меня в своем вагоне <...> в Томск, где я был у Теплоухова» (Мергарт – Тальгрэн, 23.05.1922¹).

Что касается переписки Теплоухова и Мергарта, не так давно увидела свет наша совместная с уважаемым юбиляром статья, в которой тексты писем ученых опубликованы и проанализированы (Кузьминых, Детлова, 2021). К этой публикации я и отсылаю заин-

тересованного читателя. Чтобы не повторять изложенные в ней факты, – лишь несколько слов о содержании этих писем. Четыре послания Теплоухова (три письма 1920 г. и последовавшее после четырехлетнего перерыва письмо 1924 г.), а также «вклинившееся» между ними письмо Мергарта от 28.08.1924 (вернее, черновик ответа на одно из писем)² по большей части посвящены обсуждению раскопок близ села Батени на юге Енисейской губернии, которые с годами принимают все больший размах.

«Фундаментальное распределение культур Теплоухова»³ еще не было разработано и таким образом у нас было много возможностей подискутировать» (Merhart, 1958, s. 229; Кузьминых и др., 2007, с. 167, 168). Это замечание, несмотря на его лаконичность, указывает на немаловажный факт – во время визита Мергарта в Томск ученые не вполне сошлись во взглядах на древние культуры Сибири. Зерно этой полемики было заложено ранее, в трех письмах Теплоухова Мергарту в Красноярск в ноябре-декабре 1920 г. Противоречия касались в первую очередь батеневского некрополя. На основании собранных в результате летних экспедиций материалов и наблюдений у каждого из археологов сформировалось свое представление о наличии и хронологии культурных ступеней на данной территории. Но Мергарт обследовал батеневские дюны бегло и поверхностно, не проводя раскопок или масштабных исследований. В итоге у него сложилось убеждение о присутствии здесь признаков палеолита и железного века, но не захоронений эпохи бронзы. Теплоухов, у которого было больше времени и возможностей для организации более глубокого обследования этого памятника, напротив, не обнаружил следов палеолита на территории некрополя и был удивлен заключением австрийского коллеги.

Дискуссия ученых по Батеневскому археологическому микрорайону продолжилась далее и стала ведущей темой переписки, которую они возобновили в 1924 г. Если в 1920–1921 гг. Теплоухов лишь находился на подступах к созданию своей знаменитой хронологической схемы, то к началу нового витка переписки он уже располагал достаточным объемом материала и информации, чтобы оформить свои наблюдения в стройную и логичную систему. Письмо 1924 г. Теплоухова подводит итог его работы на памятниках Батеневского микрорайона. Финальный аккорд переписки – письмо Теплоухова от

1929 г. – связан уже с Тувой, куда смещается фокус исследовательского интереса советского археолога в конце 1920-х гг.

Не менее важным, нежели прямой диалог этих столпов сибирской науки, представляется то, что осталось за рамками их непосредственных контактов, сохранилось и отразилось в переписке с другими корреспондентами.

За рамками личного общения – в диалоге с миром

Имя Теплоухова в переписке Мергарта с другими коллегами-учеными по интенсивности упоминания может посоперничать с именем любого русского корреспондента. *«Знает ли кто-нибудь, где Теплоухов Сергей Александрович. Его адрес. Что он раскопал в Енисейской губернии»* (Мергарт – Городцову, 16.05.1922), – вопрос, адресованный В.А. Городцову, в подобной формулировке повторяется в посланиях и другим собратям по цеху. И практически ни одно письмо Мергарта не обходится без приветов Теплоухову. Об этом австрийский ученый часто просит, к примеру, своего финского друга и коллегу Арне Михалля Тальгрена, который имеет возможность изредка бывать в России: *«Ну и позвольте просить Вас передать от меня приветы всем знакомым, Штернбергу, Спицыну, прежде всего и особенно сердечно, Теплоухову, Тугаринову и неизвестному Руденко, мимо которого я, увы, всегда проезжал мимо»* (Мергарт – Тальгрена, 03.05.1924).

Все эти годы Мергарт не переставал пристально следить за ходом изысканий Теплоухова в Енисейской губернии. В свое время ему самому не удалось должным образом проверить свои гипотезы относительно древних культур Сибири: ограниченный срок полноценной научной работы в Музее Приенисейского края (менее двух лет), бытовые обстоятельства, скудность имевшегося в его распоряжении фактического материала не позволили австрийскому археологу продолжить исследования и придти к выводам, основанным на серьезной доказательной базе. Продолжить работы в Сибири Мергарт, к сожалению, также не смог. Результаты раскопок Теплоухова должны были дать ответы на многие вопросы, волновавшие Геро Вальтеровича. Сергей Александрович и другие сибирские археологи в известной степени стали глазами и ушами австрийского ученого: *«В Сибири прилежно трудятся <...> Теплоухов, как я слышал, снова вскрыл множество курганов в прошлом году, так что можно надеять-*

ся, что мы в обозримое время получим больше позитивного знания о культуре бронзы» (Мергарт – Тальгрена, 04.04.1924).

Львиной долей информации о планах и фактической работе Теплоухова в Енисейской губернии Мергарт обязан красноярским коллегам, которые тесно общались с Теплоуховым во время его экспедиций на юге края. Так, из писем красноярцев мы узнаем, что *«успешно работал»* Теплоухов в Минусинской котловине в 1923 (Сосновский – Мергарту, 01.06.1923) и 1924 гг. (Тугаринов – Мергарту, 28.05.1924; Сосновский – Мергарту, 28.04.1924), а летом 1925 г. планировал возобновить раскопки в районе Батеней и исследовать палеолитическую стоянку; о том, что Теплоухов редко выходит на связь, испытывает материальности трудности, связанные с недостаточным финансированием своих изысканий (Ауэрбах – Мергарту, 04.05.1925; Тугаринов – Мергарту, 08.03.1925). Красноярские коллеги, кроме того, информируют и снабжают Мергарта новинками профессиональной литературы, опубликованными русским ученым: *«С.А. Теплоухов ничего не печатал, кроме небольшой заметки «Следы доисторической жизни в Минусинском крае». Географический Вестник. Издание Географического института. Петроград 1922 г. т. 1, в. 2–3. К сожалению, экземпляр этого выпуска в библиотеке Музея не имеет страниц с этой заметкой. Посылаю Вам две выписки о работах Теплоухова и информационный бюллетень № 2»* (Ауэрбах – Мергарту, 17.08.1925).

Но самые обстоятельные, детальные отчеты о работах Теплоухова Мергарт регулярно получает от своего бывшего ассистента в отделе археологии Музея Приенисейского края Г.П. Сосновского. В мельчайших подробностях тот сообщает о маршруте и передвижениях Теплоухова по территории Енисейской губернии, о ходе его работ, которые как непосредственный участник многих раскопок Теплоухова он имеет возможность наблюдать лично: *«Как участник экспедиции Теплоухова я нашел новые палеолитические стоянки у с. Анаш (напротив Аешки и д. Улазы). Собрано около 30 орудий <...>»*.

С.А. Теплоухов имел большие средства и раскопал около с. Батеней и д. Сарагаиш 75 погребений (неолит – Афанасьевская культура, медь и бронза – Андроновская, гробницы, классические курганы, коллективные – желез – курганы с каменной насыпью и могилы). Особенно интересна находка в одном кургане железн[ого] века (при раскопке я присутство-

вал) 12 фрагментов гипсовых масок. Материал у Теплоухова добыт огромный. Есть новые и интересные находки вещей. Коллекции поступили в г. Петроград – Русский музей» (Сосновский – Мергарту, 24.12.1923).

«С.А. Теплоухов у с. Батени нашел на глубине 21 метра палеолитический культурный слой *in situ*. Производил также с известным путешественником Козловым раскопки погребений китайской культуры в Монголии» (Сосновский – Мергарту, 06.12.1924).

С профессиональной точки зрения письма Сосновского наиболее содержательны. Его сообщения отчасти дополняют характеристики культур, данных самим Теплоуховым в письмах Мергарту, и содержат прямые отсылки к его работам: «Афанасьевская культура – это неолит. Найдена она Теплоуховым в 1920 г. Керамика и общий вид могил не имеет параллелей в северной зоне. По-моему, это самостоятельная южная культура позднего неолита. Андроновская культура имеет широкое распространение в западной Сибири и восточной России. Напишите Теплоухову, чтобы он выслал Вам заметку о его раскопках, напечатанную в 1922 г. в Вестнике Географического института в г. Петрограде, выпуск 3-й и обзор отчетной выставки этнографического отдела Русского музея 1924 г. Там даны краткие характеристики 8-ми культурных ступеней, которые Теплоухов устанавливает для района с. Батеней⁴ <...>».

Изыскания Теплоухова вносят поправки в ваши заключения о том, что люди бронзового века жили рядом с народом железной культуры в одно и то же время на территории Минусинского края. Мне кажется, что есть данные говорить, что вначале был медный век (Андроновская культура и, возможно, культура гробниц) и затем несколько стадий бронзы (классическая бронза курганов, коллективные погребения – конец бронзы). Теплоухов лучше на это может ответить. Бронза постепенно перешла потом в железный век» (Сосновский – Мергарту, 03.03.1924).

В конце 1920-х гг., когда Мергарт уже осознанно не занимался сибирскими исследованиями, его интерес к этим темам все же не угас. Он старался держать в поле зрения прогресс и достижения российских археологов. Сведения о Теплоухове в этот период он получал в основном от Тальгрена и столичных ученых. Например, от сотрудника Музея антропологии и этнографии АН СССР Алексея Викторовича Шмидта: «<...> консерватор Эрмитажа Г. Боровка уехал в Монголию, где он хотел

копать севернее от Улан-Батора (Урга), там, где С. Теплоухов и он в прошлом году сделали блестящие открытия. Могилы I века (примерно) после Р.Х.! С тканями, деревом, коврами!!» (Шмидт – Мергарту, 19.06.1925).

Единственным моментом, бросившим тень на взаимоотношения Мергарта с русскими учеными в целом и Теплоуховым в частности был конфликт австрийского ученого с ведущим советским археологом того времени Василием Алексеевичем Городцовым. Инцидент, невольным участником и зрителем которого стал и Теплоухов, произошел летом 1924 г. Городцов (будучи руководителем Археологического подотдела Главнауки НКП РСФСР) инспектировал тогда состояние сибирской археологии, прежде всего по материалам и экспозициям музеев Иркутска, Красноярска, Минусинска. Выступая 31.08.1924 с докладом на заседании Красноярского подотдела Русского географического общества, он довольно резко высказался о некоторых аспектах деятельности Мергарта в Сибири. В частности, обвинил его (дипломированного геолога!) в незнании местной геологии (по сути – в некомпетентности), а также в фальсификации некоторых изображений археологических находок. Протокол этого заседания, без купюр зафиксировавший выступление Городцова, попал в руки Мергарта. Оскорбленный до глубины души несправедливыми замечаниями, задевавшими его честь ученого и человеческое достоинство, свою обиду и негодование австрийский археолог выплескивает в письмах Тальгрону. Претензии и упреки в бездействии высказываются им не только в адрес Городцова, но и всех присутствовавших на том злополучном заседании, в том числе и Теплоухова. Мергарт чувствовал себя униженным вдвойне: бездоказательная «порка» проходила в присутствии чело- века («также присутствовал Теплоухов») (Мергарт – Тальгрону, 07.04.1925), к которому он испытывал безграничное уважение, потеря профессиональной чести в глазах Теплоухова была для него особенно болезненна. Не случайно поэтому требование разобраться в ситуации Мергарт направляет Красноярскому подотделу, красноярским музейщикам и лично Теплоухову: «Увы, Городцов мне не «досягаем». Я написал ему, Отделу и Теплоухову <...> Отделу я написал о прояснении точного положения дел и о фотографии объекта. Теплоухову аналогично – о сообщении, как и что он там понял. Большого, к сожалению, сделать не могу, пока сам туда не приеду» (там же).

В отличие от красноярских музейщиков, которые все же отреагировали на вполне справедливые вопросы и претензию Мергарта, Городцов и Теплоухов никак не обозначили своих позиций: *«Не видели ли Вы Городцова? Неужели он не нашел для меня ни единого слова, после того, как ушел от даже самого короткого объяснения своего обвинения? <...> Вы ничего не слышали о Теплоухове, который был моим добрым другом, но за два года не ответил ни строчки на мои вопросы и просьбы»*⁵ (Мергарт – Тальгрёну, 19.09.1925).

К открытому конфликту Мергарта с русскими археологами эта ситуация не привела. Однако горькое послевкусие инцидента и разочарование поведением коллег отразились на тоне и стиле последующих писем австрийского ученого. Если до этого, отзываясь о трудах и достижениях российских специалистов, он не позволял себе скепсиса или иронии, то отныне в письмах проскальзывают порой язвительные, окрашенные вполне понятной профессиональной ревностью ремарки по поводу того, что русским археологам свойственно приписывать исключительно себе заслуги в открытии новых памятников, а также и того, что количество найденных ими находок и вскрытых курганов в Сибири не переходит в качество. Т. е. результаты работ не публикуются должным образом: *«Мне прислали выдержки из «Древнего мира» от 1.08.1924, где Городцов на стр. 19–23 докладывает о раскопках и исследованиях и для видимости не раз упоминает, что также и некий Мергарт там работал <...>. Но рассказывать на стр. 12, что Теплоухов открыл палеолит Батени, – это практически фальсификация фактов...»* (там же).

«Вы счастливчик, который видел раскопки Руденко и Теплоухова! Старые я ведь тоже видел и всегда надеялся, что их наконец опубликуют. Вместо этого люди раскапывают все новые и потрясающе интересные вещи и ничего не дают об этом знать» (там же).

Эта ситуация все же не нанесла непоправимого вреда дальнейшему общению Мергарта с русскими ученого, досада и негатив оказались довольно непродолжительными и быстро сошли на нет. Отношения – и личные, и профессиональные – Мергарта и Теплоухова не претерпели изменений со временем и всегда отличались взаимным уважением, доверием, признанием и высокой оценкой заслуг и достижений другого. На протяжении многих лет Мергарт интересовался перемена-

ми в жизни Теплоухова. Но когда после 1929 г. оборвались все нити, связывающие австрийского ученого с российской наукой, о трагической судьбе Теплоухова Мергарт долгое время оставался в неведении. И он, и Тальгрён не теряли надежды на скорое возобновление связей и сотрудничество с советскими учеными. Так, Теплоухова и других советских археологов ожидали и на археологическом конгрессе в Стокгольме в августе 1933 г.: *«В эти дни я еду в Стокгольм, где буду выступать с докладом. Миннз также прибудет в Стокгольм и, вероятно, также С.А. Теплоухов. Я в восторге. Жаль, что Вас там не будет <...> Я расскажу Вам все, если славный Сергей Александрович действительно приедет»* (Тальгрён – Мергарту, 26.08.1933).

Этим надеждам не суждено было сбыться. *«Сергей Александрович, к сожалению, не был там <...>»* (Тальгрён – Мергарту, 13.09.1933). Как не было и других археологов из СССР. В то время над головой Теплоухова и многих из его коллег уже сгустились тучи. Об истинном положении дел и репрессиях в отношении ученых в Советском Союзе Мергарт узнал намного позже. Этими известиями он был потрясен и шокирован. *«Самое малое, что я хотел бы узнать и о чем бы я охотнее всего услышал, что это неправда»* (Merhart, 1958, s. 229; Кузьминых и др., 2007, с. 167, 168).

Казалось бы, с трагической кончиной Теплоухова в 1934 г. и смертью Мергарта, который пережил своего русского собрата по цеху на четверть века и умер в 1959 г., в их в общем-то не слишком продолжительном диалоге можно поставить точку. Однако история на этом не заканчивается. Начатое в далеком 1920 г. в Абаканской степи российско-германское сотрудничество продолжилось в судьбе и научном творчестве учеников героев данного повествования.

Продолжение истории

Мергарт всегда ратовал за объединение усилий ученых разных стран и в свое время уповал на то, что русские коллеги примут во внимание и результаты его собственной деятельности: *«Было бы жаль, если обе серии наблюдений будут печататься параллельно, вместо того, чтобы дополнить друг друга»* (Мергарт – Тальгрёну, 03.05.1924); *«Теплоухову уж будет что сказать к нашим хронологиям. Меня несказанно радует, что мы так скоро и так основательно придем к контролю. Сибирь оживет. Приятно, что мы сможем причислить себя к ее новым воскресителям. И тогда мне пришло в голову, что я не получил*

корректуре моего последнего исследования. Она, вероятно, отложена? Я лишь хотел бы, чтобы ее можно было использовать, когда Теплоухов дойдет до разработки» (Мергарт – Тальгрёну, 13.08.1924).

Мергарт и Теплоухов были не только превосходными специалистами в области сибирской археологии, но и выдающимися педагогами, оказавшими значительное влияние на формирование новой генерации археологов в своих странах. Своим ученикам они смогли привить интерес не только к археологической науке, но и к совместной с коллегами из других стран работе. В этой связи в первую очередь приходят на ум имена Михаила Петровича Грязнова и Германа Мюллера-Карпе. С Грязновым Мергарту в свое время не удалось познакомиться лично. Однако о перспективном студенте Томского университета, его деятельности и успехах он был достаточно наслышан и от других коллег («Только что появилось хорошее сочинение М. Грязнова (ученик Теплоухова). Погребение бронзовой эпохи в Западном Казахстане (об андроновских могилах на реке Урал, где-то между Оренбургом и Орском)» (Шмидт – Мергарту, 03.11.1927), и от самого молодого ученого. Поводом к началу эпистолярного диалога, инициатором которого выступил Грязнов, послужил фундаментальный труд Мергарта «Бронзовый век на Енисее» (Merhart, 1926). В свое время он стал важным звеном в отношениях Мергарта с учителем Грязнова – Теплоуховым. Для Мергарта мнение и оценка его книги такого авторитетного специалиста, как Теплоухов, были крайне важны: «Небольшая книга о бронзовой культуре, которая, возможно, появится еще осенью, сделает еще один шаг в этом направлении. Но сперва я недавно написал Тальгрёну, как я радуюсь, что Теплоухов в состоянии сразу приступить к критике моей работы и что т. о. эта работа не будет пылиться в библиотеке» (Мергарт – Тугаринову, 26.08.1924). Не случайно во введении Мергарт выразил глубокую признательность С.А. Теплоухову «за коллегиальный прием и большую поддержку» (Merhart, 1926, s. 8).

С немалым трепетом, с которым в свое время Мергарт ожидал рецензии Теплоухова, вердикта Мергарта относительно своих публикаций (Грязнов, 1927; 1930) и предположений относительно выделенного им «нового для Сибири культурного очага» (Детлова, Кузьминых, 2014, с. 119) ожидает Грязнов. К тому времени он уже не подающий надежды студент, а состоявшийся специалист, которо-

му есть что предъявить профессиональному сообществу. Мергарт и Грязнов обменялись всего тремя письмами (два письма 1927 г. и одно 1930 г.). Вернее, это был односторонний диалог: авторство всех посланий принадлежит Грязнову. Переписка ученых в связи с арестом и ссылкой Михаила Петровича оборвалась и, к сожалению, не возобновилась после его возвращения в Эрмитаж (Детлова, Кузьминых, 2014, с. 112–121).

Эстафетную палочку в диалоге с Грязновым подхватил ученик Мергарта, представитель послевоенного поколения «марбуржцев» – профессор Герман Мюллер-Карпе, которому во время визитов в 1980-е гг. в Советский Союз довелось пообщаться с Грязновым. О встрече с советским археологом, к которому Мюллер-Карпе питал безграничное уважение, он вспоминает в своем предисловии к немецкому изданию труда Грязнова о кургане Аржан: «М.П. Грязнов много рассказывал мне о деятельности Геро фон Мергарта в Красноярске и в Минусинской котловине и позволил ощутить мне то безграничное уважение, которое оказывали участвовавшие с тех пор в фундаментальном изучении сибирских курганов. Так что настоящая рукопись посвящена памяти Г. ф. Мергарта, который, как и В. Радлов, в своей персоне воплотил плодотворную связь немецкого и русского исследования в усилиях по прояснению сибирских курганов и тем самым подал пример всем нам, ныне живущим» (Müller-Karpe, 2010, s. 19).

Причудливым образом в диалоге Мергарта и Теплоухова появился и «японский след». Эта история, которая в итоге растянулась на полвека и завершилась уже в наше время, началась в 1955 г. Тогда к уже немолодому, но по-прежнему авторитетному австрийскому ученому, который даже в послевоенное время для многих оставался единственным звеном, связующим западный и восточный научный мир с Россией, с просьбой написать очерк о Теплоухове обратился японский археолог, редактор журнала «Палеология», профессор Бунэй Цунода: «С точки зрения истории археологии мы, японские археологи, очень интересуемся методом изучения микрорайонов С.А. Теплоухова и его личностью. Вы писали о нем во введении к Вашей работе, упомянутой выше. И, я полагаю, Вы – единственная персона за пределами Советского Союза, кто общался с Теплоуховым. Поэтому не будете ли Вы любезны внести свой вклад в нашу «Палеологию» и написать о д-ре Теплоухове, его личности и археологических достижениях».

ях?» (Цунода – Мергарту, 14.03.1955). На этот призыв Мергарт откликнулся письмом-воспоминанием, опубликованном в 1958 г. в журнале «Палеология». Фрагмент из публикации приведен в начале статьи.

Десятилетия спустя, уже в переписке с другими учеными, профессор Цунода развил свою мысль – почему столь важны были исследования Теплоухова, «*который внес большой вклад в археологию Евразии*», для японских ученых: «*В 1900 г. приглашенный в Ленинград, чтобы исследовать зеркала, найденные на раскопках кургана в Ноин-Ула в Монголии, профессор Суедзи Умехара среди других древнекитайских вещей изучал и те, которые были найдены на раскопках в Минусинске. И сделал важное предположение о возрасте древнекитайских вещей. Кроме того, он произвел важное наблюдение относительно структуры кургана Ноин-Ула. В это время профессор Умехара и встретился с профессором Теплоуховым и многое узнал о взаимоотношениях культур северной Азии.*

В 1936 г. в университете Киото я слушал курс профессора Умехары, который существенно углубил мой интерес к древним северным культурам. Годы спустя я читал что-то из трудов Теплоухова (часто многое находил для понимания отношений между Сибирью и Древним Китаем, терминология [Теплоухова] широко распространена в японской археологии)» (Цунода – Детловой, 26.12.2007).

С идеей опубликовать полноценный очерк, посвященный Теплоухову, Бунэй Цунода не расставался на протяжении всей жизни. «*Написать биографию С.А. Теплоухова*», который «*вел раскопки в Минусинске*» и сведения о котором было «*трудно получить*» в Японии, японский ученый просил коллег и во время своего визита в Россию в 1997 г. (Цунода – Детловой, 18.12.2007).

Тогда этот замысел, увы, не был реализован. Однако адресованная японским ученым в свое время Мергарту, а позднее – и к другим советским коллегам просьба все же не осталась без ответа. Наша переписка, нача-

тая в 2007 г. и, к сожалению, очень быстро оборвавшаяся в связи с кончиной уважаемого сэнсэя в 2008 г., ознаменовалась как минимум одним полезным деянием. Профессор Кемеровского университета Людмила Юрьевна Китова написала посвященный Теплоухову очерк, который был опубликован в Японии в 2009 г. (Kitova, 2009). Профессор Цунода еще успел ознакомиться с ним и порадоваться тому, что его давнее желание было исполнено.

Завершить это скромное сочинение я хотела бы цитатой из книги профессора Германа Парцингера, немецкого археолога, организатора и участника экспедиций в Сибирь в конце 1990-х – начале 2000-х гг., ученика еще одного выпускника марбургской Семинарии Мергарта – профессора Георга Коссака. Свое масштабное исследование о древнем населении Евразии профессор Парцингер не случайно посвятил памяти Теплоухова и Мергарта: «*Судьба свела их в период полной бедствий истории наших народов начала 20-го века, и оба позднее пали жертвами еще более наполненных несчастьями десятилетий после этого: Мергарта национал-социалисты вытеснили с должности, Теплоухов покончил с собой в одном из сталинских лагерей. Когда они, мужчины примерно 35-летнего возраста, встретились друг с другом на Енисее, их связывало одно стремление, а именно – реконструировать раннюю историю Южной Сибири. Факт, что оба во время Первой мировой, которая уже близилась к концу, сражались по разные стороны, при этом большие не играли роли, что подчеркивает объединяющий народы характер археологической науки <...>. В хаотических обстоятельствах бушующей тогда в России гражданской войны предпринятые Мергарт и Теплоуховым усилия были на долгое время последней германо-русской совместной работой в области археологического изучения Сибири <...> Более чем 70 лет должно было пройти, прежде чем начатое Мергарт и Теплоуховым было продолжено» (Parzinger, 2006, s. 7, 8).*

Примечания:

¹ Письма Мергарта Тальгрену сохранились в личном архиве финского археолога в Рукописном отделе Национальной библиотеки Финляндии (РОНБФ. Coll. 230.7). Благодарю С.В. Кузьминых за возможность ознакомиться с этими документами.

² Адресованные Мергарту письма от русских археологов, а также черновики некоторых его писем им сохранились в личном фонде Мергарта в Архиве Марбургского университета.

³ Мергарт имеет в виду известную хронологическую схему классификации древних культур Южной Сибири, разработанную С.А. Теплоуховым.

⁴ Эту публикацию Мергарт получил от самого Теплоухова: «*Теплоухов прислал мне Отчетную выставку, 1923, со статуэткой из Костенок и фотографией реконструированной маски. Я, конечно, был ошеломлен*

(Мергарт Тальгрину, 13.08.1924).

⁵ Впрочем, в этом году Теплоухов не поддерживал связь и с красноярскими музейщиками («Теплоухов и мне ничего не пишет») (Сосновский–Мергарту, 28.01.1925).

ЛИТЕРАТУРА

Грязнов М.П. Погребения эпохи бронзы в Западном Казахстане // Казаки: Антропологические очерки. Вып. 1. / Ред. С.И. Руденко. Л.: АН СССР, 1927. С. 179–221.

Грязнов М.П. Казахстанский очаг бронзовой культуры // Казаки: Антропологические очерки Вып. 3. / Ред. С.И. Руденко. Л.: АН СССР, 1930. С. 149–162.

Детлова Е.В., Кузьминых С.В. «Я очень интересуюсь Вашими работами»: к истории взаимоотношений М.П. Грязнова и Г. Мергарта // Теория и практика археологических исследований. 2014. №2 (10). С. 112–121.

Кузьминых С.В., Детлова Е.В., Салминен Т. Геро фон Мергарт и его последнее воспоминание о Сибири // Археологические материалы и исследования Северной Азии Древности и Средневековья / Отв. ред. Л.А. Чиндина. Томск: ТГУ, 2007. С. 160–173.

Кузьминых С.В., Детлова Е.В. «Ваше мнение и все замечания относительно моих соображений я приму с громадной благодарностью»: письма С.А. Теплоухова и Г. Мергарта // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии: Сборник научных статей, посвященный 80-летию профессора Дмитрия Глебовича Савинова / Труды ИИМК РАН. Т. LVII / Отв. ред. Н.Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК, 2021. С. 137–162.

Томские музеи. Музеи университетов: Материалы к энциклопедии «Музеи и музейное дело Томской области» / Ред. С.Ф. Фоминых, Э.И. Черняка. Томск: ТГУ, 2012. 388 с.

Kitova L. Sergei Alexandrovich Teploukhov: Hidden Pages of His Biography // Cultura Antiqua. 2009. Vol. 60. Num. 4. P. 162–167.

Merhart G. Bronzezeit am Jenissei. Ein Beitrag zur Urgeschichte Sibiriens. Wien: Anton Schroll & Co., 1926. 189 s.

Merhart G. Einige Erinnerungen an Sibirien // Palaeologia. 1958. Vol. 7. S. 227–229.

Merhart G. Daljoko: Bilder aus sibirischen Arbeitstagen / Hg. H. Parzinger. Wien, Köln, Weimar: Böhlau Verlag, 2008. 287 S.

Müller-Karpe H. Persönliche Erinnerungen an Gero von Merhart // Gero von Merhart. Ein deutscher Archäologe in Sibirien 1914–1921. Marburg, 2010. S. 11–20 (Kleine Schriften aus dem Vorgeschichtlichen Seminar Marburg. Bd. 59.)

Parzinger H. Die frühen Völker Eurasiens. Vom Neolithikum zum Mittelalter. München: C.H. Beck, 2006. 1044 S.

Информация об авторе:

Детлова Екатерина Владимировна, старший научный сотрудник, Красноярский краевой краеведческий музей (г. Красноярск, Россия); detlova2012@yandex.ru

REFERENCES

Gryaznov, M. P. 1927. In Rudenko, S. I. (ed.). *Kazaki: Antropologicheskie ocherki (Казаки: Антропологические очерки)* 1. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 179–221 (in Russian).

Gryaznov, M. P. 1930. In Rudenko, S. I. (ed.). *Kazaki: Antropologicheskie ocherki (Казаки: Антропологические очерки)* 3. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 149–162 (in Russian).

Detlova, E. V., Kuzminykh, S. V. 2014. In *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovanii (Theory and Practice of Archaeological Research)* 2 (10). 112–121 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Detlova, E. V., Salminen, T. 2007. In Chindina, L. A. (ed.). *Arkheologicheskie materialy i issledovaniia Severnoi Azii Drevnosti i Srednevekov'ia (Археологические материалы и исследования Северной Азии Древности и Средневековья)*. Tomsk: Tomsk State University, 160–173 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Detlova, E. V. 2021. In Smirnov, N. Yu. (ed.). *Tvorets kul'tury. Material'naia kul'tura i dukhovnoe prostranstvo cheloveka v svete arkheologii, istorii i etnografii: Sbornik nauchnykh statei, posviashhennyi 80-letiiu professora Dmitriia Glebovicha Savinova (The Creator Of Culture Material Culture And The Human Spiritual Space In The Light Of Archaeology, History And Ethnography: Collection of scientific papers dedicated to the 80th anniversary of Professor Dmitriy Glebovich Savinov)*. Series: Proceedings of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences LVII. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 137–162 (in Russian).

Fominykh, S. F., Cherniaka, E. I. (eds.). 2012. Tomskie muzei. Muzei universitetov: Materialy k entsiklopedii "Muzei i muzeinoe delo Tomskoi oblasti" (*Tomsk Museums. University Museums: Materials for the Encyclopedia "Museums and Museum Studies of the Tomsk Region"*). Tomsk: Tomsk State University (in Russian).

Kitova, L. 2009. In *Cultura Antiqua*. 60 (4), 162–167 (in English).

Merhart, G. 1926. *Bronzezeit am Jenissei. Ein Beitrag zur Urgeschichte Sibiriens*. Wien: Anton Schroll & Co. (in German).

Merhart, G. 1958. In *Palaeologia*. (7), 227–229 (in German).

Merhart, G. 2008. *Daljoko: Bilder aus sibirischen Arbeitstagen*. Wien, Köln, Weimar: Böhlau Verlag.

Müller-Karpe H. 2010. Persönliche Erinnerungen an Gero von Merhart In *Gero von Merhart. Ein deutscher Archäologe in Sibirien 1914–1921*. Marburg, 11-20 (Kleine Schriften aus dem Vorgeschichtlichen Seminar Marburg. Bd. 59.)

Parzinger, H. 2006. *Die frühen Völker Eurasiens. Vom Neolithikum zum Mittelalter*. München: C.H. Beck (in German).

About the Author:

Detlova Ekaterina V. Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore, Dubrovinsky, Str. 84, Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation; detlova2012@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2021 г.
Статья принята к публикации 01.10.2021 г.

УДК 902/908

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.5.166.174>

«ЭТОТ ГОД – ТЯЖЕЛЫЙ ДЛЯ МЕНЯ ГОД»: НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ АУЭРБАХ В 1930 Г.

© 2021г. А.С. Вдовин

В статье представлены материалы последнего года жизни Н.К. Ауэрбаха (1892–1930) – археолога, историка и одного из организаторов сибирской науки в период заката «золотого десятилетия краеведения». Используемые документы содержат информацию, не отраженную в официальных документах, и позволяют воссоздать некоторые страницы сибирской археологии, которые дают возможность почувствовать дух времени и атмосферу научного поиска, а также показать роль ученого в осуществлении научных связей между отечественными и зарубежными учеными. Среди корреспондентов Н.К. Ауэрбаха в этот период – В.А. Городцов, П.П. Ефименко, С.А. Теплоухов, Б.Э. Петри, С.Н. Замятнин, Г.К. Мергарт, Г.Ф. Осборн, Г. Савицкий, А.М. Тальгрэн, В.М. Толмачев, А. Брейль, Ж. де Бая и др. В работе использован значительный корпус документов из центральных и региональных архивов, большинство из которых вводится в научный оборот впервые. Особый интерес представляют письма Н.К. Ауэрбаха к известному отечественному археологу и его учителю В.А. Городцову. Исследование расширяет данные о жизни и деятельности видного сибирского ученого, внесшего значительный вклад в археологию и организацию научных исследований Сибири.

Ключевые слова: история археологии, Н.К. Ауэрбах, В.А. Городцов, Общество изучения Сибири, «Новоэкспорт», Афонтова гора, Мальта, Красноярск, Иркутск, Новосибирск.

“THIS YEAR IS A DIFFICULT YEAR FOR ME”: NIKOLAI KONSTANTINOVICH AUERBACH IN 1930

A. S. Vdovin

The paper features materials of the last year of N.K. Auerbach (1892–1930) – archaeologist, historian and one of the organizers of Siberian science during the sunset of the “golden decade of local history”. The documents used contain information that is not reflected in official documents, and make it possible to recreate some pages of Siberian archaeology, allowing to recreate the spirit of the times and the atmosphere of scientific research, as well as to show the role of the scientist in the implementation of scientific relations between domestic and foreign scientists. Among N.K. Auerbach’s correspondents during this period are V.A. Gorodtsov, P.P. Efimenko, S.A. Teploukhov, B.E. Petri, S.N. Zamyatnin, G.K. Mergart, G.F. Osborne, A.M. Thalgren, V.M. Tolmachev, L. Savitsky, A. Breuil, J. de Baye, and others. The study has involved a considerable amount of documents from the central and regional archives, most of which are introduced into scientific discourse for the first time. Of particular interest are the letters by N.K. Auerbach to the famous Russian archaeologist and his teacher V.A. Gorodtsov. The study significantly expands the information about the life of the prominent Siberian scientist who made a significant contribution to archaeology and the organization of scientific research in Siberia.

Keywords: history of archaeology N.K. Auerbach, V.A. Gorodtsov, Society for the Study of Siberia, Novoexport, Afontova Gora, Malta, Krasnoyarsk, Irkutsk, Novosibirsk.

Год 1930 для отечественной науки был тяжелым и полным драматических событий. В стране началось свертывание краеведческого движения, переориентация научных исследований в интересах индустриального освоения Сибири. Прекращаются работы над «Сибирской советской энциклопедией», и в целом Общество изучения Сибири находится на пороге закрытия. Второй Сибирский научно-исследовательский съезд, который планировали провести 1930–1931 гг., так и не состоялся.

Для Н.К. Ауэрбаха – последний год жизни ученого. В письмах своему учителю В.А.

Городцову он часто жалуется на усталость и на здоровье: «Этот год – тяжелый для меня год. Как вернулся после лета – все мучаюсь с квартирой. Усиленно меня выселяли, форменно вымораживали, в результате чего и жена, и наследник, и я сам заболели, простудились и испытали много неприятностей, вплоть до настоящей голодовки в продолжении трех дней – не кому было выйти за продуктами – все лежали больными. Теперь все поправились, а я опять «бегаю» и бодр духом» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 376. Л. 198).

Действительно, рабочая, а часто общественная нагрузка были велики для одно-

го человек. Он принимает участие в работе Сибкрайплана, является ученым секретарем Общества изучения Сибири, а еще в списке дел Сибирская книжная палата, Новосибирская областная библиотека и Новосибирский краевой музей. Он является представителем Сибирского краевого бюро ВАРНИТСО, редактирует раздел «Сибирской советской энциклопедии», ведет работу по подготовке ко Второму Сибирскому научно-исследовательскому съезду и т. д.

И при этом сложности с работой и проблема с квартирой подталкивают Н.К. Ауэрбаха на поиск нового места жительства. Он планирует уехать с семьей из Новосибирска. Николай Константинович приглашают для работы в Ленинград в ГАИМК, Казахстан, ранее он планировал Минусинск. Однако новосибирское руководство не дает такой возможности. Новые нагрузки и новые заседания растут как снежный ком. «Новосибирск сделал все зависящее, чтобы в Центр меня не отпустить. Был сделан нажим по всем линиям, и я вынужден был остаться на старой работе. Главным образом это было связано с тем, что мое возвращение в Сибирь совпало с оживлением внимания в самой Сибири к научной работе. Посадили меня на составление всевозможных исследовательских планов, пятилеток и генплана, и так продолжалось... три месяца» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 376. Л. 187).

Остается только удивляться, как Николай Константинович находил время для обработки полевых материалов, поддержания обширной переписки, написания статей...

Все же мы должны отметить, что вопреки всем обстоятельствам, 1930 год был богатым на события, признание успехов и рост авторитета ученого. В начале года Н.К. Ауэрбах пишет для немецкого журнала обзор археологических исследований в Сибири по палеолиту. Редакция немецкого журнала «Slavishe Rundschau» пригласила его для постоянных обзоров по археологии Сибири, и его первый очерк был напечатан во втором номере за 1930 г. (Азадовский, 1931, с. 293–295). Финдейзен в письме Н.К. Ауэрбаху высоко оценил его деятельность в области изучения палеолита. Предложил переводить его работы, даже отчет 1923 г. как важный для истории науки.

В 1930 г. ГАИМК и Сибирский краевой совет народного образования направляет 16–22 июня в Иркутск Н.К. Ауэрбаха и В.И. Громова для проведения научной экспертизы на месте исследований М.М. Герасимова палеолитической стоянки Мальта, выяснить

геологические условия нахождения предметов искусства и условия содержания находок. Выводы экспертов: необходимо найти средства для продолжения исследований с участием специалистов Академии истории материальной культуры, Общества изучения Сибири и других организаций (НА ИАЭТ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 240. Л. 6–7).

Н.К. Ауэрбах делает все, чтобы полученные уникальные материалы стали известны не только в России, но и за рубежом. Летом 1930 г. ученый получает из печати свою книгу «Палеолитическая стоянка Афонтова III» и отправляет ее зарубежным и отечественным ученым.

Среди его зарубежных адресатов Г. фон Мергарт, Г.Ф. Осборн, А.М. Тальгрэн, В.Я. Толмачев, Л. Савицкий, А. Брейль, Ж. де Бай, Г. Финдейзин, библиотека Восточно-Китайской железной дороги.

В письме маркизу де Баю: «Ваше имя неразрывно связано с историей археологических открытий Сибири, открытием и научным признанием енисейского палеолита. Вами оказана такая исключительная помощь покойному И.Т. Савенкову, замечательному ученому и прекрасному человеку, и вполне естественно, что я счел своим долгом немедленно по получению Вашего адреса, – послать Вам мою новую работу по Енисейскому палеолиту <...> В настоящее время я готовлю сводку всех этих открытий по сибирскому камню и надеюсь закончить работу к концу этого года и буду счастлив, если работа Вас заинтересует. Я мог бы Вам ее послать в рукописи на русском языке вместе с фотографиями» (там же. Д. 295, Л. 8).

Среди российских коллег В.А. Городцов, П.П. Ефименко, С.А. Теплоухов, Б.Э. Петри, С.Н. Замятнин и др.

Так, С.А. Теплоухов пишет: «Спасибо Вам за присылку Вашей работы по Афонтовской стоянке. Изучаю ее с громадным интересом. Большой, прекрасный материал подводит фундамент под весь Енисейский палеолит. Спасибо должны сказать Вам все азиатские палеоэтнологи» (там же. Д. 317. Л. 10об.)

С.Н. Замятнин 1 декабря 1930 г. из Ленинграда (возможно, это последнее письмо, в котором содержится отзыв на работу Н.К. Ауэрбаха, если только он успел его получить?! – А.В.) пишет: «Выход Вашей работы безусловно дает действительную возможность получить настоящее представление о сибирском палеолите. Вы, кроме того, подаете вообще хороший пример всем «палеолит-

чикам», ибо я считаю, что до сих пор, пока не будет в подобном, б. или м., виде опубликована основная серия исследованных за последние годы палеолитических стоянок, нельзя будет приступить к построению общих схем, в чем сейчас наступает настоящая нужда. Теперь, из духа соревнования, м. б. и мы здесь начнем раскачиваться» (там же. 1. Д. 240. Л. 31).

Комитет содействия народностям Северных окраин обратился к Н.К. Ауэрбаху для подготовки археологического отдела для участия в Международной охотничьей выставке в Лейпциге в 1930 г. Чтобы дать полную и красочную картину эволюции доисторического охотничьего промысла в Сибири, он предложил построить экспозицию по тематико-географическому признаку – с Запада на Восток, где археологический материал разделен на подотделы, сопровождающиеся иллюстрациями: охота, рыболовство, промыслы, быт, а внутри подотделов деление по хронологическому принципу: палеолит, неолит, металл. «Гвоздем» выставки должны были стать палеолитические «Венеры» со стоянки Мальта и предметы «звериного стиля» из раскопок М.П. Грязнова Пазарыкского кургана на Алтае. К организации археологической части выставки предлагал привлечь Г.П. Сосновского, Б.Э. Петри, В.И. Подгорбунского, А.И. Разина и М.П. Грязнова (там же. Д. 258. Л. 1–5).

В 1930 г. Н.К. Ауэрбах выступает одним из организаторов археологических раскопок для «Новоэкспорта», находки которых готовили продать за границу. Были организованы Минусинская, Алтайская, Нарымская, Красноярская, планировалась Байкальская (Ангарская) археологические экспедиции (Вдовин, Китова и др., 2017; Китова, Вдовин, 2018).

В письме Г. Мергарту он предлагает: «Если Вас интересуют наши коллекции, то по вопросам покупки или обмена следует писать Москва Новоэкспорт, т. к. у нас в государстве дело связи с заграницей централизованно. Но мне Вы могли бы написать для ускорения Ваши конкретные пожелания – в каком пункте раскопать для Вас курганы, сколько, каких культур. Я забыл упомянуть, что все коллекции будут сопровождаться подробными дневниками раскопок, фото, а найденный остеологический материал будет определен.

Вас, наверное, интересует коллекция по Енисейскому палеолиту, вообще по Сибирскому палеолиту. Мог бы организовать раскопки Афонтовой III (Нефтесклад) метров 40 площади стоянки, привлечь к этой работе Сосновского и Громова. Можно собрать коллекции и

по неолиту» (НА ИАЭТ. Ф. 2. Оп. 1 Д. 292. Л. 1).

В рамках этого проекта он проводит свои последние археологические раскопки на Афонтовой горе. Николай Константинович успел подготовить только предварительный отчет по результатам своих исследований. Из документов следует, что все археологические материалы из этих раскопок поступили в Государственный Эрмитаж (Вдовин и др., 2021).

Своеобразным напутствием сибирским археологам может являться его доклад, подготовленный для ОИС в 1930 г. «Основные предпосылки генплана культурно-исторических исследований Сибирского края», в котором он наметил перспективные направления археологических исследований. В первую очередь ученый обращает внимание на необходимость «ликвидировать беспризорность дела охраны памятников», особенно в районах «интенсивного хозяйственного строительства», и ежегодно выделять средства на эти цели.

В области палеолита предлагает организовать комплексную геолого-палеонтолого-археологическую экспедицию в Монголию, где «следует искать один из древнейших центров мировой культуры». Продолжить изучение памятников на Енисее, в Приангарье и пещерных памятников в первую очередь на Алтае, поиск памятников в Западной Сибири, «сравнительное изучение индустрии сибирского и китайского палеолита» (ГАНО. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 240. Л. 9).

«По неолиту систематические раскопки в Приангарье, Пренисейском крае и в особенности на Алтае – районе совершенно незатронутом исследованиями неолитических культур, сравнительное изучение неолитических погребений края, выяснение проблемы северного неолита, увязка археологических данных с этнографическими и антропологическими, что даст возможность приурочить доисторические культуры к определенным туземным народностям. По металлическим культурам. Были интенсивные полевые исследования в Минусинском крае, Алтае и Зап[адной] Сибири по Иртышу и в Нарымском крае, что позволит уточнить общую классификацию металлических культур Края, более тесную увязку археологических исследований с этнологическими и, антропологическими и историческими, что даст возможность приурочить и металлические культуры к определенным этнографическим группам, обращение основного внимания на выяснения доисторической экономики края, а из частных вопросов техни-

ки рудного и плавильного дела и оросительных сооружений» (там же. Л. 10).

В 1931 г. он планировал «в начале будущего года полечиться в Томске» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 376. Л. 198), однако жизнь Нико-

лая Константиновича Ауэрбаха оборвалась неожиданно 11 декабря 1930 г.

Научное и эпистолярное наследие ученого значительно. До сих пор многие его работы так и остаются неопубликованными.

Приложение

№1

В СИБИРСКИЙ КРАЕВОЙ СОВЕТ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КРАТКИЙ ОТЧЕТ

о поездке в г. Иркутск ученого секретаря [Общества] изучения Сибири Н.К. Ауэрбах для ознакомления с состоянием Иркутского музея
(удостоверение №4616 от 13/VI-30).

В Иркутске я пробыл всего 5 суток и имел основные поручения от О[бществ]а и Академии мог уделить ознакомлению с музеем несколько часов, осмотреть бегло выставочные помещения музея и поговорить с новым заведующим и сотрудниками музея.

Характерной особенностью Иркутска за прошлые годы следует считать ту рознь, которая наблюдалась между Географическим об[ществ]ом и музеем и которая началась с момента изъятия музея из ведения Географического об[ществ]а. Между администрацией музея и правлением происходили постоянные недоразумения и до Новосибирска постоянно доходили жалобы этих организаций друг на друга. При бедности наших сил эта рознь значительно тормозила развертывание краеведческой работы в Иркутске и неблагоприятно отражалась не столько на работе об[ществ]а (самое крупное в Сибкрае), сколько музея.

Последние изменения, происшедшие в составе руководящего органа с одной стороны об[ществ]а, и предстоящая реорганизация об[ществ]а в отделение ОИС, и смена заведующего музеем, с другой, является благоприятными факторами для изжития старых недочетов.

Из беседы с председателем Географического об[ществ]а Н.Н. Козьминым и зав. музеем я вынес впечатление, что обе организации признали необходимым дружную совместную работу. Зав. музеем вошел в состав Совета об[ществ]а. В своих беседах с работниками музея и об[ществ]а и в своих публичных выступлениях я счел необходимым жестко подчеркивать всю важность фактической, а не на словах совместной работы об[ществ]а и музея.

Вторым недочетом работы музея в прошлом была оторванность от краевого центра. У меня создалось впечатление, что эта оторванность может быть и в меньшей степени, чем раньше, но все же существует. Музей продает колокол, стоящий на его учете, и организует ряд экспедиций, о которых ОИС не имеет представления, в прошлые годы издавал программы-путеводители по музею, которые не посылает ни об[ществ]у, ни СибОНО. Ни КрайОНО, ни ОИС не имеет отчетов о деятельности музея за ряд прошлых лет.

Новый Зав[едующий] в беседе со мной подчеркивал жажду Музея получать руководящие указания СибкрайОНО.

Серьезным препятствием к развертыванию работы музея является ничтожность средств его бюджета, срезанного с 62.000 руб. до 30.000 руб. (по словам зава). У музея, действительно, имеется острая нужда в ремонте занимаемых им помещений, в приспособлении подвального этажа одного из трех занимаемых музеем зданий под рабочие комнаты, которых в настоящее время музей, по существу, не имеет. Зимой в помещениях музея вода замерзает. Проваливаются полы и потолки, на стенах одного из зданий я видел продольные трещины.

Музей заинтересован в переходе на краевой бюджет, рассчитывая таким путем получить дополнительные средства. Кроме того, он приступил к организации хозяйственных мероприятий – фотолаборатории, рассчитывая на этой лаборатории «подработать», предполагает поставить производство муляжей и т.д.

В музее имеются безусловные достижения в организации выставки в Доме крестьянина, умения привлечь к историко-революционному отделу широкие партизанские массы, но на путь действительно широкой массовой работы музеев еще не вышел. К сожалению, многие отделы музея уже были на летнее время свернуты, и я не мог получить представления об экспозиции отделов музея в целом и о доступности, наглядности этой экспозиции, но в то же время мне представляется возможным внести в это дело значительные улучшения, и в первую очередь, путем привлечения местной научной общественности.

Как специалист археолог я естественно обратил внимание на археологический отдел, который меня не удовлетворил. Громадный отдел, один из лучших в крае, сжат в одной комнате, выставлена ничтожная часть коллекций. Не выставленная часть из-за недостатка помещения находится в таком состоянии, что ими нельзя пользоваться даже для научной работы. Вновь поступающие материалы еще не записаны в инвентарь. Такая же картина наблюдается и в других отделах.

У музея много молодых работников, требующих переподготовки. Музей ставит вопрос о создании курсов по переподготовке или в Новосибирске, или о посылке работников в Москву. Это пожелание нельзя не приветствовать. Музей остро нуждается в новой литературе по всем отделам и просит оказать ему содействие в получении этой литературы.

Со своей стороны, я обратил внимание музея на первоочередность развертывания работы кружков молодежи при отделах музея и увязки этой работы с краеведческой работой в городе в целом, и важность обмена опыта между музеями Сибкрая путем печатания хотя бы на ротаторе информационных бюллетеней музея с описанием новых выставок и других достижений музея.

В заключении считаю нужным коснуться вопроса с раскопками Мальты.

Эта работа велась без достаточной связи и с местными организациями, и научными организациями Центра. Собранные материалы до сих пор научно не обработаны. В целях научной обработки музей не связался ни с Обществом изучения Сибири, ни с Академией.

Мне представляется совершенно необходимым в виду исключительной важности раскопок Мальты предложить музею установить рабочий контакт с ОИС и с Академией истории материальной культуры по научной обработке:

- 1) Osteологического материала
- 2) Антропологического -//-
- 3) Определение материала каменных орудий
- 4) Определение угольков, найденных на раскопках
- 5) Геологическое изучение стоянки.

Кроме того, необходимо привлечь ОИС к делу издания отчета о раскопках Мальты, а со стороны Совета народного образования – материальную поддержку этому изданию.

Кроме того, я считал бы необходимым в будущем году поставить раскопки Мальты в комиссионном порядке и включить в состав комиссии представителей: Академии истории материальной культуры, Краевого Совета народного образования, ОИС, местного отделения ОИС, университета и Музея.

Ученый Секретарь ОИС
29/VII.30

(АУЭРБАХ)

*Машинописная копия.
НА ИАЭТ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 240. Л. 6-7.*

№2

Новосибирск
Большевицкая 17
14/ IV-30

Простите, дорогой Василий Алексеевич, что вернувшись в Сибирь, я так долго не писал Вам. Попал в какой-то невероятный водоворот работы, и бьет меня этот водоворот по всем острым выступам современности..!

Новосибирск сделал все зависящее, чтобы в Центр меня не отпустить. Был сделан нажим по всем линиям, и я вынужден был остаться на старой работе. Главным образом, это было связано с тем, что мое возвращение в Сибирь совпало с оживлением внимания в самой Сибири к научной работе. Посадили меня на составление всевозможных исследовательских планов, пятилеток и генплана, и так продолжалось... три месяца.

Сегодня оказалось два часа свободных, и я решил посвятить их письмам близким людям и Вам в первую очередь.

Наши археологические новости таковы. Основная новость – это мой новый грандиозный проект организации раскопок для экспорта. Дело в том, что у нас в Сибири в целом ряде районов, богатых памятниками идет бурное хозяйственное строительство. Памятники гибнут. Я и решил поставить в этих районах раскопки для того, чтобы добыть большие археологические коллекции, ликвидировать их за границей, но оставить, конечно, все ценное в наших музеях.

Составил докладную записку, смету – все это произвело сильное впечатление в Госторге и одобрение в краевых учреждениях. Цифра в 40000 руб. не показалась большой...

Теперь провожу это дело, рассчитываю поставить раскопки в Хакасии и Минусинском крае – там, где ведется постройка всяких заводов. Но в наше время нельзя быть уверенным до тех пор, пока средства не будут получены. Поэтому до сих пор я сомневаюсь в реальности работы этого лета. Если № пройдет, буду у Вас просить 3–4 студентов минимум, но студентов дисциплинированных и умеющих рисовать и фотографировать.

В начале мая у нас краевое совещание специально по этому вопросу. Совещание выяснит окончательно районы работ, к тому времени будет ясность и в вопросе о средствах, отпускаемых Госторгом.

Эта новость – основная. Все остальные не столь существенны.

Отчет о раскопках Афонотовой печатаю. Сейчас сижу над статьей по каменному периоду Зап[адной] Сибири. Буду просить Вас сделать за меня сообщение в РАНИОНе.

Левашева в Минусинске. Довольна. Кажется, Карцев перебирается в РАНИОН. Это не в интересах Сибири. Нам надо еще археологов... Свободно место Левашевой в Омске, опять освободится место в Красноярске. Последнее место – ответственное.

Несколько слов о делах житейских. Когда я вернулся в Новосибирск – продуктов уже не стало и притом сразу. Мы здесь в феврале, в марте почти голодали. Теперь стало лучше, но ничего колбасного нет.

Можно добыть масло сливочное 9–10 кило [не ясно — А.В.]. Сообщите – я Вам вышлю.

Привет Вашей семье.

Ваш Н. Ауэрбах.

*Рукопись. Подлинник.
ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 376. Л. 187–188.*

№ 3

Новосибирск
Большевицкая №17
2 мая 1930 г.

Дорогой Василий Алексеевич!

Такова диалектика современности. Будучи в Москве, я предлагал Вам добыть продукты в Сибири, а теперь мы переменились местами. Большое, большое спасибо и Вам, и Вашей семье за заботу обо мне, но положение такое, что в данный момент я не могу выслать необходимых на покупку денег, да и едва ли смогу выслать и в ближайшее время. Мы перешли на обеды из столовых. Пока есть можно, а дальше, что будет.

8-го мая сибирское совещание по экспорту археологич[еских] коллекций. Учитывая Ваши замечания, я пришел к заключению в этом году широких работ не ставить, чтобы не сесть в калошу – добыть материалы и дискредитировать самую идею. Выступлю на совещании с более скромным планом, рассчитанным на использование местных работников в первую очередь. Это будет значительно дешевле, чем приглашать студентов из Москвы. Если план не удовлетворит и его придется расширять – буду просить у Вас работников вполне определенное число и на определенную работу.

Не знаю, как и у меня самого сложится это лето. Надо искать палеолит в пещерах под Красноярском, а в то же время тянет и на Нижнюю Ангару. Будущее покажет, что же конкретного придется делать в это лето.

Ваше ленинградское наблюдение в том, что Громов идет в гору, а Сосновский – в тени, совершенно правильно. Громов – талантлив и работоспособен. Из него выйдет ученый с мировым именем – я в него верю.

Привет Вашей семье.

Мой палеолит машет Вам ручкой.

Ваш Н. Ауэрбах.

*Рукопись. Подлинник.
ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 376. Л. 185–185об.*

№ 4

Новосибирск
Почтовое отделение
Крайисполкома

О[бщество] изучения Сибири
Н.К. Ауэрбах
27/ VII 30.

Дорогой Василий Алексеевич!

В данный момент я могу послать для Вашей работы копию статьи Герасимова для Сибирской энциклопедии и наш отчет с Грозовым о поездке в Иркутск. Статью Герасимова не возвращайте, а отчет верните, т.к. посылаю Вам единственный экземпляр и притом не прошедший корректуру второго автора. К сожалению, перепечатать быстро не могу и боюсь опоздать. Буду ждать обратного возвращения к 15 сент[ября] – 20 сент[ября].

Меня загрузили новой работой – подготовкой ко II Сиб[ирскому] научно-исслед[овательскому] съезду, назначили ученым секретарем оргкомитета, а потом возложили всю организационную часть наших экспедиций, а их что-то около 30. Можете себе представить, что это такое! Но ничего, выехали все экспедиции, а археологические прекрасно снабжены и с продуктами, и с обменным фондом. Имею сведения, что Сергеев нашел замечательные вещи, подробности не знаю. У Карцева с Левашевой несколько хуже – м.б. к ним я проеду сам из Красн[оярска].

Эта перегрузка и не дала мне возможности привести в порядок собранный для Вас материал, а он значительный и точный. Не забудьте упомянуть о работе Смолина под Томском (напечатана информация в «[Казанском] Музейном вестнике» или «Деле», что издавался в Казани в 1920–22 гг.).

Когда я мало-мальски приведу свои нервы в порядок – на столе у Вас будет лежать обстоятельная сводка, но сейчас я дошел до высшей степени переутомления. Голова плохо работает, и мысль отказывается идти по тому руслу, по которому ее гонишь.

Еще замечание – об открытиях кургана, типа Афанасьевского, на Алтае экспедицией Руденко (с Глуховым), заметка в «Природе» за 1927–6 гг. и работах М.П. Грязнова. У меня есть сводка, сданная в печать месяц в печать.

Под Красн[оярском] мы обнаружили с Грозовым еще одну стоянку камен[ного] периода на Каче близ завода Мякотина. Год открытия 1928.

Ваш Н. Ауэрбах.

*Рукопись. Подлинник.
ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 376. Л. 191–191об.*

№ 5

28/VII 30
Новосибирск
О[бществ]о изучения Сибири
Красный 13
Н.К. Ауэрбах.

Дорогой Василий Алексеевич!

Я ездил в Иркутск по делам обществ[а], а Ваше письмо лежало в Новосибирске. Этим объясняется мой запоздалый ответ.

Ваша просьба для ВОКСа [Всесоюзное общество культурной связи с заграницей - А.В.] – большая просьба, и я не смогу ее выполнить в короткий срок. Одна литература за советский период занимает, я думаю, не менее 200 названий. Перечислить все стоянки, открытые за последние годы, не представляется физически возможным, – так их много. В отношении памятников метал[лического] периода полного материала у меня нет, в отношении исследований в области камен[ного] периода дело обстоит лучше – у меня материалы собраны. До отъезда на работы я пришлю Вам статью по вопросу об исследованиях кам[енного] периода Сибири.

Ваш Н. Ауэрбах

*Рукопись. Подлинник.
ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 376. Л. 192.*

№ 6

Новосибирск
Почтовое отделение
Сибкрайисполкома
О[бществ]о изучения Сибири
Н.К. Ауэрбах

12/VIII 30

Дорогой Василий Алексеевич!

Вчера, наконец, получил несколько экземпляров вышедшей из печати книжки об Афонтовой горе, а сегодня посылаю отчет своему дорожному учителю. Как это всегда бывает, работой я очень недоволен. Теперь бы я сделал ее совсем по-иному. Но все же в наших условиях выход отчета – большая победа на нашем фронте... так трудно что-либо печатать по археологии.

К Вам большая просьба написать отзыв о работе в «Советский Север» и в другие журналы, посоветовать – кому следует послать книжку как в СССР, так и за границу.

Невероятно устал и чувствую себя крайне неважно.

Привет Вашей семье.

Любящий Вас Н. Ауэрбах.

*Рукопись. Подлинник.
ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 376. Л. 195–195об.*

№ 7

Новосибирск

Красный 13

О[бщест]во изучения Сибири

16/IX 30

Дорогой Василий Алексеевич!

Спасибо за доброе письмо, которое получил по приезду с раскопок. Пока информирую кратко. В общем наши археологические экспедиции, как Карцева с Левашевой, так и Сергеева, закончились вполне хорошо. Материал собран большой, но ничего особенного, сногшибательного не найдено.

Пришлю Вам в конце месяца сводку результатов исследований этого лета.

Ваше замечание относительно беспринципности наших археологов – правильно. Хорошо бы подвести итоги этой беспринципности и несерьезности.

Был бы Вам чрезвычайно обязан за указание открыткой точных адресов Арне и б[арона] де Бая. Остальные адреса я добыл.

«Советский Север» – это «Северная Азия», адрес редакции старый

Привет Вашей семье.

Ваш Н. Ауэрбах.

*Рукопись. Подлинник.
ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 376. Л. 197.*

№ 8

Новосибирск

Почт[овое] отдел[ение]

Крайисполкома

О[бщест]во изучения Сибири

23/XI 30

Дорогой Василий Алексеевич!

Посылаю Вам краткое мое сообщение о поездке по музеям Зап[адной] Сибири. Отчет, конечно, слабенький, без рисунков, но в нем, наверное, будут такие факты, которые могут Вас заинтересовать. Рукопись обратно не посылайте.

Этот год – тяжелый для меня год. Как вернулся после лета – все мучаюсь с квартирой. Усиленно меня выселяли, форменно вымораживали, в результате чего и жена, и наследник, и я сам заболели, простудились и испытали много неприятностей вплоть до настоящей голодовки в продолжении трех дней – некому было выйти за продуктами – все лежали больными. Теперь все поправились, а я опять «бегаю» и бодр духом. Собираюсь, впрочем, в начале будущего года полечиться в Томске, а потом уезжать из Новосибирска вовсе и, главным образом, в связи с отсутствием квартиры.

Куда деваться... я еще не решил..., решил только уезжать отсюда. У меня есть предложение в Казахстан... Ну что ж... поработаю и там по камню... Но сперва все же попытаюсь устроиться в Центре. Написал Кладу [В.И. Громову – А.В.], жду информации от него.

На днях у Вас будет Сергеев, расскажет о наших новостях.

Любящий Вас Н. Ауэрбах.

*Рукопись. Подлинник.
ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 376. Л. 198.*

ЛИТЕРАТУРА

Азадовский М. Н.К. Ауэрбах // Советская Азия. 1931. Кн. 1–2. С. 293–295.

Вдовин А.С. Н.К. Ауэрбах и археология Западной Сибири // Археологический съезд Барнаул // V (XXI) Всероссийский археологический съезд / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ, 2017. С. 199.

Вдовин А.С., Китова Л.Ю., Кочкина Е.И., Конохов В.А. Минусинско-Хакасская археологическая экспедиция 1930 г. для «Новоэкспорта» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 4. С. 30–35.

Вдовин А.С., Майзик Е.И., Макаров Н.П. «Спасибо должны сказать Вам все азиатские палеоэтнологи»: Николай Константинович Ауэрбах и исследования Афонтовой горы в 1930 г. // Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований. 2021 (2). С. 37–56.

Китова Л.Ю., Вдовин А.С. Судьба историко-культурного наследия народов Сибири. Из истории организации экспорта археологических и этнографических коллекций в 1920–1930 годы. 2-е изд., перераб., доп. Кемерово: КРИПО, 2018. 176 с.

Информация об авторе

Вдовин Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Красноярский краевой краеведческий музей (г. Красноярск, Россия); vdovin2002@bk.ru

REFERENCES

Azadovvsky, M. 1931. In *Sovetskaia Aziia (Soviet Asia)*. 1–2. 293–295 (in Russian).

Alaeva, I. P. 2017. In Derevyanko, A. P., Tishkin, A. A. (eds.). *V (XXI) Vserossiyskiy arkheologicheskii s"ezd. Sbornik nauchnykh trudov (V (XXI) All-Russian Archaeological Congress)*. Barnaul: Altai State University, 199 (in Russian).

Vdovin, A. S., Kitova, L. Yu., Kochkina, E. I., Konokhov, V. A. 2017. In *Vestnik Kemerovskogo Gosudarstvennogo Universiteta (Bulletin of Kemerovo State University)*. 4. 30–35 (in Russian).

Vdovin, A. S., Maizik, E. I., Makarov, N. P. 2021. In *Pervobytnaia arkheologiya. Zhurnal mezhdisciplinarnykh issledovaniy (Prehistoric Archaeology. Journal of Interdisciplinary Studies)*. (2). 37–56 (in Russian).

Kitova, L. Yu., Vdovin, A. S. 2018. *Sud'ba istoriko-kul'turnogo nasledii narodov Sibiri. Iz istorii organizatsii eksporta arkheologicheskikh i etnograficheskikh kollektov v 1920–1930 gody (The Fate of the Historical and Cultural Heritage of the Peoples of Siberia. From the history of organizing the Export of Archaeological and Ethnographic Collections in 1920-1930)*. Kemerovo: "KRIRPO" Publ. (in Russian).

About the Author:

Vdovin Aleksandr S. Candidate of Historical Sciences, Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore, Dubrovinsky, Str. 84, Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation; vdovin2002@bk.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2021 г.
Статья принята к публикации 01.10.2021 г.

**СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ЗАМЯТНИН – АСПИРАНТ ГАИМК
(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА ВОКМ)****© 2021 г. Е. Ю. Захарова, Р. В. Пахомов**

В статье презентуются материалы, хранящиеся в фонде С. Н. Замятина архива Воронежского областного краеведческого музея (всего 145 ед. хр.; хронологический охват 1918–1960 гг.). Основное внимание уделено анализу документов, отражающих события первых лет проживания Сергея Николаевича в Ленинграде. В это время (1926–1929 гг.) молодой учёный обучался в аспирантуре ГАИМК. Важность документов определяется их информативностью как для дальнейшей детализации научной биографии С. Н. Замятина и воссоздания целостного представления об этом учёном, так и в рамках анализа института советской аспирантуры, основы которого были заложены во второй половине 1920-х гг. Впервые публикуются автобиография С. Н. Замятина, написанная 27 ноября 1925 г. и отзывы о нём, как кандидате в аспиранты, известнейших археологов П. П. Ефименко (от 27 ноября 1925 г.) и А. А. Миллера (от 3 декабря 1925 г.) – сотрудников РАИМК, его наставников.

Ключевые слова: история археологии; Сергей Николаевич Замятин; Воронежский областной краеведческий музей; Пётр Петрович Ефименко; Александр Александрович Миллер; Государственная академия истории материальной культуры; аспирантура.

**SERGEY NIKOLAEVICH ZAMYATNIN - GRADUATE STUDENT
OF GAIMK (ACCORDING TO VOKM ARCHIVE MATERIALS)****E. Yu. Zakharova, R. V. Pakhomov**

The paper features materials deposited in the S.N. Zamyatnin's archive of the Voronezh Regional Museum of Local Lore (a total of 145 items with a chronological coverage of 1918-1960). The main attention is drawn to the analysis of documents reflecting the events of the first years of Sergei Nikolaevich's residence in Leningrad. At this time (1926–1929), the young scientist studied at the postgraduate course of the State Academy for the History of Material Culture (GAIMK). The importance of documents is determined by their informativeness, both for further detailing S. N. Zamyatnin's scientific biography and the reconstruction of a holistic view of this scientist, and within the framework of the analysis of the institution of Soviet postgraduate studies with their foundations laid in the second half of the 1920s. It is the first publication of the autobiography of S. N. Zamyatnin, written on November 27, 1925, and reviews of the scientist as a candidate for graduate students by famous archaeologists P. P. Efimenko (dated November 27, 1925) and A. A. Miller (dated December 3, 1925) - his mentors, specialists of the Russian Academy for the History of Material Culture (RAIMK).

Keywords: history of archaeology; Sergey Nikolaevich Zamyatnin; Voronezh Regional Museum of Local Lore; Petr Petrovich Efimenko; Alexander Alexandrovich Miller; State Academy of the History of Material Culture; graduate school.

Выдающийся отечественный археолог Сергей Николаевич Замятин (1899–1958) относится к числу тех учёных, чья жизнь и деятельность не обделена вниманием исследователей (Формозов, 1959; Борисковский и др., 1959; Григорьев, 1992; Праслов, 1999; Деревянко, 2000; Клейн, 2014, с. 485–494). Известно, что детские и юношеские годы он провел в воронежском крае. Местные историки и археологи, почитая своего земляка, целенаправленно изучают его наследие. Основные аспекты, уже получившие освещение в публикациях, следующие: страницы биографии (Акиншин, 2002; 2013, с. 10–11), вклад в археологическое изучение региона (Москаленко, 1960; Шоков, 1960; Пряхин, 2013, с. 16–20), содержание и резуль-

таты работы в губернском музее (Замаева, 2008; Котлярова, 2008, с. 91–94; Бухтоярова, 2010; Захарова, 2014). Вводятся в научный оборот документы эпистолярного характера (Сафонов, Захарова, 2013, с. 381; Захарова, 2014а; 2018). Две конференции, проведенные в Воронеже, были приурочены к 100- и 120-летним юбилеям Сергея Николаевича (Археология..., 1999; Новик, 2020). Несколько лет назад воронежской исследовательницей защищена кандидатская диссертация, посвященная его деятельности (Бухтоярова, 2013). Между тем корпус источников, отражающих вехи жизненного пути С.Н. Замятина, продолжает пополняться новыми архивными документами, введение которых в научный оборот представляется актуальным для

воссоздания целостного представления об этом учёном.

В предлагаемой вашему вниманию работе начинается публикация документов из фонда С.Н. Замятина (всего 145 ед. хр.), сформированного в Воронежском областном краеведческом музее (ВОМ 4533, 8056, 12048). Материалы включают рукописные и фотодокументы; чертежи, схемы и рисунки; научные труды как самого С.Н. Замятина, так и о нём; личные вещи. Хронологический охват – с 1918 по 1960 гг.

Конечно, логично было бы начинать публикацию с самых ранних документов: предметов по описи № 1–45, датированных 1918–1924 гг., соотносящихся с воронежским периодом жизни С.Н. Замятина. Но их анализ показывает, что подавляющее большинство – это различного рода удостоверения, билеты, карточки и т. п., которые могут быть использованы как подтверждающие/уточняющие или иллюстративные материалы при характеристике соответствующих событий на основании анализа документов отчетного формата из Государственного архива Воронежской области (далее – ГАВО), уже введенных в научный оборот. Т. е. в данном случае предстоит работа по верификации уже получивших освещение в печати сюжетов этого времени.

Предметы по описи № 46–85, 137, 138, 140, 141, датированные 1925–1929 гг., отражают события первых лет проживания Сергея Николаевича в Ленинграде, в основном в бытность аспирантом ГАИМК. Важность этих материалов определяется их информативностью не только для дальнейшей детализации биографии С.Н. Замятина, но и для воссоздания истории института советской аспирантуры, основы которого были заложены во второй половине 1920-х гг.

По тематике документы могут быть объединены в следующие группы: удостоверения, отражающие профессиональный статус; уведомления о предоставлении отчетов, шаблоны отчетов и отчеты, отзывы руководителя за период обучения в аспирантуре; командировочные документы, связанные с работой в экспедициях (ходатайства о финансировании, удостоверения, справки, публикации по результатам, открытый лист); пакет документов для предоставления заграничной командировки; полевая документация. Исключение составляют несколько разрозненных листов-черновиков.

Итак, 1925 год стал рубежным в жизни Сергея Николаевича: закончился воронеж-

ский период и начался ленинградский. Документы ГАВО проливают свет на причины его ухода и переезда. 31 декабря 1924 г. он подаёт заявление в Губполитпросвет, в котором, в частности, пишет: «Ввиду ненормальных условий жизни и деятельности музея и невозможности достаточно продуктивно работать, я не считаю возможным продолжать службу и прошу освободить меня от занимаемой должности» (ГАВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1580. Л. 94). И через несколько дней, 3 января 1925 г., просит о предоставлении отпуска: «Ввиду того, что удовлетворение моего заявления от 31.12.1924 г. пока задерживается, прошу предоставить мне отпуск до его разрешения, так как мне необходима сейчас поездка в Ленинград для подготовки и сдачи отчета о моей летней поездке по Северному Кавказу, совершенной по поручению Академии Материальной Культуры для изучения каменного века» (ГАВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1580. Л. 97). Отпуск был предоставлен, а затем и решен вопрос с увольнением. При этом он не прервал связей с музеем, активно участвуя в научной деятельности этого учреждения. Какое-то время (?) Сергей Николаевич оставался членом Коллегии музея, о чем свидетельствует удостоверение от 28 апреля 1925 г. (ВОМ 4533-103). Этот орган, в состав которого поначалу вошли заведующий (М.К. Паренаго) и хранители (С.Н. Замятин, Т.М. Олейников, В.В. Литвинов и С.Н. Шестова), был создан при музее на общественных началах в сентябре 1924 г. «с целью решения научных вопросов» (ГАВО. Ф. 904. Оп. 1. Д. 3. Л. 10).

1925 год (период до зачисления в аспирантуру) документируется ещё несколькими документами. Удостоверение от 17 ноября 1925 г. гласит, что С.Н. Замятин с марта 1925 г. состоял научным сотрудником РАИМК (сверх штата) и не получал содержания (ВОМ 4533-102). В этом качестве он провёл полевой сезон 1925 года: с 15 мая по 15 июня – разведки в Воронежской и Курской губерниях (ВОМ 4533-104), с 15 августа по 15 октября – работы в Северо-Кавказском крае в составе экспедиции РАИМК (ВОМ 4533-105).

Для поступления в аспирантуру Сергеем Николаевичем был подготовлен автобиографический очерк (*curriculum vitae*), к которому прилагались отзывы-рекомендации Петра Петровича Ефименко и Александра Александровича Миллера (ВОМ 4533-124; б/н). Нет необходимости обосновывать важность автобиографических свидетельств, отражающих как объективные, так и субъективные приори-

теты их авторов и одновременно позволяющих верифицировать исследовательские построения. В данной автобиографии нет никакой информации о семье и социальном происхождении; об учёбе на нескольких факультетах Воронежского университета. В то же время прописана дата начала работы в музее, которая до этого восстанавливалась предположительно. Что же касается отзывов, то помимо высокой оценки молодого археолога маститыми учёными, что еще раз подчеркивает научный потенциал Сергея Николаевича, впервые Петр Петрович Ефименко указывает дату и обстоятельства знакомства с ним. Этот сюжет уже неоднократно обсуждался в печати, и при этом предлагались его различные вариации (Белановская, 1999, с. 45; Формозов, 2006, с. 125; Бессуднов, Захарова, 2017, с. 205, 206). Полный текст этих трёх документов приведён в конце публикации.

Период обучения С.Н. Замятнина в аспирантуре документируется четырьмя его отчётами: «Отчет аспиранта Государственной Академии Истории Материальной Культуры С.Н. Замятнина за время с 1 февраля по 1 ноября 1926 г.» (ВОМ 4533-138); «Отчет аспиранта Государственной Академии Истории Материальной Культуры С.Н. Замятнина за время с 1-X-26 г. по 1-VI-27 г.» (ВОМ 4533-136); «Отчет аспиранта Государственной Академии Истории Материальной Культуры С.Н. Замятнина за 1927 г.» (ВОМ б/н, № 65 по описи); «Отчет о работе аспиранта Государственной Академии Истории Материальной Культуры С.Н. Замятнина за 1928/29 г.» (ВОМ б/н, № 84 по описи). Два из них сопровождаются положительными отзывами руководителя – П.П. Ефименко (ВОМ 4533-140; б/н, № 65 по описи). Перечисленные в отчётах полевые работы подтверждаются командировочными удостоверениями. Объёмные, подробно отражающие все виды проделанной работы отчёты позволяют не только проследить становление аспиранта как учёного, но и проливают свет на саму систему организации аспирантуры второй половины 1920-х гг. Без детализации содержащейся информации, подробный анализ которой может стать пред-

метом отдельного исследования, отметим, что каждый год порядка трёх месяцев С.Н. Замятнин проводил в экспедициях (полевая деятельность документируется командировочными удостоверениями) и музеях, а в остальное время осваивал учебную программу, которая помимо исследовательской работы по теме включала семинар по методологии марксизма, практикумы (по фотографии), практики (музейная); её обязательным компонентом было изучение иностранных языков, которое в данном случае предполагало чтение и анализ иностранной литературы по теме. Отдельного внимания, на наш взгляд, заслуживает сюжет, отражающий стремление С.Н. Замятнина совершить командировку в Центральную и Западную Европу для завершения работы по теме в рамках аспирантуры. Сохранившиеся материалы позволяют проследить многоступенчатую процедуру согласования. С.Н. Замятнин, судя по документам, прошёл её дважды, но заграничная поездка так и не состоялась.

С позиции анализа института советской аспирантуры, формирующегося в это время, сохранившиеся документы подтверждают конкретными фактами уже высказывавшееся в печати суждение о том, что «в аспирантуре Академии прослеживается идеологическая направленность, происходит внедрение советской системы многоступенчатого контроля» (Платонова, 2010, с. 246, 247).

В качестве логического завершения сюжета, связанного с обучением С.Н. Замятнина в аспирантуре, укажем на отложившиеся в анализируемом фонде два документа, подтверждающих присвоение ему учёной степени кандидата наук. Первый из них – уведомление из Академии наук СССР от 17 июля 1935 г. о присуждении Президиумом АН СССР по представлению Квалификационной Комиссии по Общественным Наукам на заседании 15 июня 1935 г. № 19 С.Н. Замятнину степени кандидата археологии (ВОМ 4533-19), второй – архивная выписка из протокола указанного выше заседания, выданная 12 сентября 1944 г. (ВОМ 4533-5).

ЛИТЕРАТУРА

Акинъшин А.Н. Археолог Сергей Николаевич Замятнин (1899–1958): воронежские страницы биографии // Исторические записки. Вып. 8. / отв. ред. А.З.Винников. Воронеж: ВГУ, 2002. С. 207–214.

Акинъшин А.Н. Первое студенчество Воронежского университета. Архивная мозаика // Университетская площадь. 2013. № 6. С. 6–14.

Археология Черноземного Центра России: история исследований, историография: МРНК, посвященной 100-летию со дня рождения С.Н. Замятнина. Воронеж: ВГУ, 1999. 106 с.

Белановская Т.Д. Воспоминания о Сергее Николаевиче Замятнине // Локальные различия в каменном веке / Отв. ред. Т.А. Попова, Н.Д. Праслов. СПб.: СПбГУ, ИИМК РАН, 1999. С. 44–45.

Бессуднов А.Н., Захарова Е.Ю. Костёнковско-Борщёвский археологический район в научном наследии В. А. Городцова // Естественнонаучные методы в изучении и сохранении памятников Костёнковско-Борщёвского археологического района (Воронеж, 15–17 сентября 2016 г.). / Отв. ред. В.Н. Ковалевский. Воронеж: ВГУ, 2017. С. 203–207.

Борисковский П.И., Лавров Л.И., Окладников А.П., Потапов Л.П. Сергей Николаевич Замятнин // СЭ. 1959. № 3. С. 134–137.

Бухтоярова И.М. С.Н. Замятнин и развитие археологической науки в Воронежском губернском музее (1915–1924 гг.) // Евразийское культурное пространство. Археология, этнология, антропология / Отв. ред. Г.И. Медведев. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 17–19.

Бухтоярова И.М. Сергей Николаевич Замятнин и его вклад в изучение палеолита. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб.: ИИМК, 2013. 22 с.

Григорьев Г.П. П.П. Ефименко и С.Н. Замятнин // КСИА. Вып. 206. М.: Наука, 1992. С. 12–17.

Деревянко А.П., Пряхин А.Д. Выдающийся археолог первой половины уходящего века // Вестник ВГУ. Серия 1. Гуманитарные науки. Воронеж, 2000. С. 114–126.

Замаева Е.В. Археология в деятельности Воронежского губернского музея в 20-е гг. XX в. // Из истории отечественной археологии. Вып. 1 / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: ВГУ, 2008. С. 125–130.

Замятнин С.Н. По поводу археологической карты Воронежской губернии // Воронежский историко-археологический вестник. 1921. Вып. 1. С. 43–47.

Замятнин С.Н. Археологические разведки в Алексеевском и Валуйском уездах (Извлечение из дневников) // Воронежский историко-археологический вестник. 1921а. Вып. 2. С. 35–39.

Замятнин С.Н. Очерки по доистории Воронежского края (каменный и бронзовый век в Воронежской губернии). Воронеж: Тип. 1 отд-ия автоном. упр., 1922. 16 с.

Замятнин С.Н. Инструкция для изучения первобытных древностей // Воронежский краеведческий сборник. 1925. Вып. 2. С. 41–44.

Замятнин С.Н. Археологические исследования в Острогожском и Россошанском уездах в июне и июле 1925 г. // Известия Воронежского краеведческого общества. 1925а. № 2. С. 19–21.

Замятнин С.Н. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем // СА. 1946. Т. VIII. С. 9–50.

Захарова Е.Ю. Деятельность Сергея Николаевича Замятнина в Воронежском губернском музее // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: история, политология, социология. 2014. № 2. С. 48–53.

Захарова Е.Ю. Из эпистолярного наследия С.Н. Замятнина (письмо к А.А. Спицыну) // Археология и охрана археологического наследия Центральной России / Отв. ред. А.П. Медведев. Воронеж: ВГУ, 2014а. С. 232–237.

Захарова Е.Ю. К вопросу о первых полевых исследованиях С.Н. Замятнина (по письмам к В.А. Городцову) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: история, политология, социология. 2018. № 3. С. 39–42.

Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 2. Археологи советской эпохи. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2014. 635 с.

Котлярова И.В. Музеи Воронежского края (вторая половина XIX – первая треть XX в.). Воронеж: ВГУ, 2008. 163 с.

Москаленко А.Н. Замятнин С.Н. и археологическое изучение воронежского края // Проблемы историографии: Тез. и автореф. докл. на межвуз. конф. Воронеж: ВГУ, 1960. С. 60–63.

Материалы Третьей Международной научной конференции «Археология в исследованиях молодых», посвященной 120-летию С.Н. Замятнина и М.Е. Фосс – выдающихся археологов из первого поколения студентов ВГУ / Новик. Вып. 21 (специальный) / Отв. ред. Е.Ю. Захарова. Воронеж: ВГУ, 2020. 188 с.

Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб.: Нестор-История, 2010. 316 с.

Праслов Н.Д. Сергей Николаевич Замятнин: основные вехи жизни и творчества (21.04.1899–5.11.1958 гг.) // Stratum plus. 1999. № 1. С. 7–9.

Пряхин А.Д. Археология в Воронежском госуниверситете (1918 – начало 90-х гг. XX в.). Кн. 1. Воронеж: ВГУ, 2013. 140 с.

Сафонов И.Е., Захарова Е.Ю. О пребывании В.А. Городцова в Воронеже: планы и реальность // Грани гуманитарного знания. Сборник статей к 60-летию профессора Сергея Павловича Щавелёва / Отв. ред. Д.П. Кузнецов, О.В. Пыжова. Курск: КГМУ, 2015. С. 379–385.

Формозов А.А. Сергей Николаевич Замятнин // СА. 1959. № 2. С. 143–147.

Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки / 2-е изд., доп. М.: Знак, 2006. 344 с.

Шоков А.Ф. Выдающийся археолог Воронежского края // Труды Воронежского областного краеведческого музея. Вып. 1. Воронеж: ВОКМ, 1960. С. 177–180.

Информация об авторах:

Захарова Елена Юрьевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры археологии и истории древнего мира, Воронежский государственный университет (г. Воронеж, Россия); ez@hist.vsu.ru

Пахомов Роман Викторович, младший научный сотрудник, Воронежский областной краеведческий музей; аспирант 1 курса, Воронежский государственный университет (г. Воронеж, Россия); RomanPachomov77@yandex.ru

REFERENCES

Akin'shin, A. N. 2002. In Vinnikov, A. Z. (ed.). *Istoricheskie zapiski (Historical Notes)* 8. Voronezh: Voronezh State University, 207–214 (in Russian).

Akin'shin, A. N. 2013. In *Universitetskaya ploshchad' (University Square)* 6, 6–14 (in Russian).

1999. *Arkheologiya Chernozemnogo Tsentra Rossii: istoriya issledovaniy, istoriografiya (Archaeology of the Black Earth Center of Russia: History of Studies, Historiography)*. Voronezh: Voronezh State University (in Russian).

Belanovskaya, T. D. 1999. In Popova, T. A., Praslov, N. D. (eds.). *Lokal'nye razlichiya v kamennom veke (Local Differences in the Stone Age)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 44–45 (in Russian).

Bessudnov, A. N., Zakharova, E. Yu. 2017. In Kovalevskii, V. N. (ed.). *Estestvennonauchnye metody v izuchenii i sohranении pamiatnikov Kostionkovsko-Borshchevskogo arkheologicheskogo raiona (Multidisciplinary Methods in the Study and Preservation of Sites in the Kostenki-Borshchevo Archaeological Area)*. Voronezh: Voronezh State University, 203–207 (in Russian).

Boriskovsky, P. I., Lavrov, L. I., Okladnikov, A. P., Potapov, L. P. 1959. In *Sovetskaya etnografiya (Soviet Ethnography)* (2), 15–41 (in Russian).

Bukhtoyarova, I. M. 2010. In Medvedev, G. I. (ed.). *Evrasiiskoe kul'turnoe prostranstvo. Arkheologiya, etnologiya, antropologiya (Eurasian Cultural Space. Archaeology, Ethnology, Anthropology)*. Irkutsk: "Ottisk" Publ., 17–19 (in Russian).

Bukhtoyarova, I. M. 2013. *Sergei Nikolaevich Zamyatin i ego vklad v izuchenie paleolita (Sergey Nikolaevich Zamyatin and His Contribution to the Study of the Paleolithic)*. Thesis of Diss. of Candidate of historical sciences. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Grigor'ev, G. P. 1992. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 206. Moscow: "Nauka", 12–17 (in Russian).

Derevyanko, A. P., Pryakhin, A. D. 2000. In *Vestnik Voronezhskogo Gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki» (Bulletin of the Voronezh State University. Humanities Series)* (1). 114–126. (in Russian).

Zamaeva, E. V. 2008. In Pryakhin, A. D. (ed.). *Iz istorii otechestvennoi arkheologii (Из истории отечественной археологии)* 1. Voronezh: Voronezh State University, 125–130 (in Russian).

Zamiatin, S. N. 1921. In *Voronezhskii istoriko-arkheologicheskii vestnik (Voronezh Historical and Archaeological Bulletin)* 1, 43–47 (in Russian).

Zamiatin, S. N. 1921. In *Voronezhskii istoriko-arkheologicheskii vestnik (Voronezh Historical and Archaeological Bulletin)* 2, 35–39 (in Russian).

Zamiatin, S. N. 1922. *Ocherki po doistorii Voronezhskogo kraia (kamennyi i bronzovyi vek v Voronezhskoi gubernii) (Essays on the Prehistory of the Voronezh Region (Stone and Bronze Age in Voronezh Governorate))*. Voronezh (in Russian).

Zamyatin, S. N. 1925. In *Voronezhskii kraevedcheskii sbornik (Воронежский краеведческий сборник)* 2, 41–44 (in Russian).

Zamyatnin, S. N. 1925a. In *Izvestiia Voronezhskogo kraevedcheskogo obshchestva (Proceedings of the Voronezh Local Lore Society)* 2, 19–21 (in Russian).

Zamyatnin, S. N. 1946. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (8), 9–14507 (in Russian).

Zakharova, E. Yu. 2014. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriia, politologiya, sotsiologiya (Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political sciences. Sociology)*. 2. 48–53 (in Russian).

Zakharova, E. Yu. 2014a. In Medvedev, A. P. (ed.). *Arkheologiya i okhrana arkheologicheskogo naslediya Tsentral'noi Rossii (Archaeology and Protection of the Archaeological Heritage of Central Russia)*. Voronezh: Voronezh State University, 232–237 (in Russian).

Zakharova, E. Yu. 2018. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriia, politologiya, sotsiologiya (Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political sciences. Sociology)*. 3. 39–42 (in Russian).

Klein, L. S. 2014. *Istoriia rossiiskoi arkheologii: ucheniia, shkoly i lichnosti (History of Russian Archaeology: Teachings, Schools and Personalities)* 2. Saint Petersburg: "Evraziia" Publ. (in Russian).

Kotlyarova, I. V. 2008. *Muzei Voronezhskogo kraia (vtoraia polovina XIX – pervaiia tret' XX v.) (Museums of the Voronezh Region (Second Half of 19th – First Third of 20th Centuries))*. Voronezh: Voronezh State University (in Russian).

Moskalenko, A. N. 1960. In *Problemy istoriografii (Issues of Historiography)*. Voronezh: Voronezh State University (in Russian).

In Zakharova, E. Yu. (ed.). 2020. *Materialy Tret'ei Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Arkheologiya v issledovaniiakh molodykh», posviashhennoi 120-letiiu S.N. Zamiatnina i M.E. Foss – vydaiushchiesia arkheologov iz pervogo pokoleniia studentov VGU (Proceedings of the Third International Scientific Conference "Archaeology in the Studies by the Young" dedicated to the 120th Anniversary of S. N. Zamyatnin and M. E. Foss - Prominent Archaeologists from the First Generation of Voronezh State University Students)*. Seris: Novik (Novik) 21 (Special). Voronezh: Voronezh State University (in Russian).

Platonova, N. I. 2010. *Istoriia arkheologicheskoi mysli v Rossii. Vtoraia polovina XIX – pervaiia tret' XX veka (History of Archaeological Thought in Russia. Second half of 19th – first third of 20th centuries)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).

Praslov, N. D. 1999. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (1), 7–9 (in Russian).

Pryakhin, A. D. 2013. *Arkheologiya v Voronezhskom gosuniversitete (1918 – nachalo 90-h gg. XX v.) (Archaeology at Voronezh State University (1918 – early 1990s))*. 1. Voronezh: Voronezh State University (in Russian).

Safonov, I. E., Zakharova, E. Yu. 2015. In Kuznetsova, D. P., Pyzhova, O. V. (eds.). *Grani gumanitarnogo znaniia. Sbornik statei k 60-letiyu professora Sergeia Pavlovicha Shchaveleva (Facets of Humanitarian Knowledge. Collection of Papers dedicated to the 60th Anniversary of Professor Sergei Pavlovich Shchavelev)*. Kursk: Kursk State Medical University, 379–385 (in Russian). Formozov, A. A. 1959. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 143–147 (in Russian).

Formozov, A. A. 2006. *Russkie arkheologi v period totalitarizma: Istoriograficheskie ocherki (Russian Archaeologists in the Totalitarianism Period: Historiographic Essays)*. Moscow: "Znak" Publ. (in Russian).

Shokov, A. F. 1960. In *Trudy Voronezhskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeia (Proceedings of the Voronezh Regional Museum of Local Lore)* 1. Voronezh, 177–180 (in Russian).

About the Authors:

Zakharova Elena Yu. Doctor of Historical Sciences, Docent, Professor. Voronezh State University. Universitetskaya Sq. 1, Voronezh, 394018, Russian Federation; ez@hist.vsu.ru

Pakhomov Roman V. Voronezh Regional Museum of Local Lore. Plekhanovskaya, Str., 29, Voronezh, 394018, Russian Federation; Voronezh State University. Universitetskaya Sq. 1, Voronezh, 394018, Russian Federation; RomanPakhomov77@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2021 г.
Статья принята к публикации 01.10.2021 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

Curriculum vitae С. Н. Замятина (ВОМ 4533-124)

Родился в 1899 г. Образование получил в Воронежской I гимназии (окончил в 1918 г.) и Московском Археологическом Институте (окончил в 1922 г.).

Работать начал в Воронежском Губернском Музее, с 1916 года, сначала научно-техническим сотрудником (1916–1919), затем научным сотрудником (1919–1921) и хранителем (1921–1925).

За время деятельности в Воронежском музее выполнил следующие работы – принимал участие в раскопках сарматских курганов близ Воронежа, производившихся Ворон[ежской] Архивной Комиссией; производил экскурсии и разведки по поручению Музея – в Воронежском у[езде] (1916 г.), в Павловском, Острогожском и Бобровском уездах (1917). Занимался исследованием курганов с трупосожжениями и одновременных им городищ у г. Воронежа и с. Чертовицкого (1918 г.); исследование Ольшанского городища и разведки по рр. Тихой Сосне и Осколу, в пределах Острогожского, Алексеевского и Валуйского уездов (1921 г.).

За это же время имел ряд командировок для занятий – в Москву (1920–21–22 гг.) и командировку в Саратов.

В течение 1921 и нач[але] 22 гг., по поручению музея, заново организовал и устроил самостоятельный археологический отдел.

Работая в Ворон[ежском] музее, кроме того, состоял губернским инструктором по делам музеев и охране памятников искусства и старины Ворон[ежского] Губ[енского] О[тдела] Н[ародного] О[бразования] (1920–1922) и науч[ным] сотрудником Московского Археологич[еского] Института (по Ворон[ежскому] отд[елению]) (1920–1922).

Продолжая исследования в Воронежск[ом] крае, в 1922 г. производил разведки местонахождений палеолита на Дону и раскопку одного из них, в с. Борщеве.

В 1923 году, получил, благодаря поддержке Цекубу (*Центральная комиссия по улучшению быта учёных при СНК РСФСР – авт.*), возможность длительной командировки для занятий в Москву (февраль – июнь), где работал под руководством хранителя Российск[ого] Исторического Музея, П.П. Ефименко, занимаясь обработкой материала из исследований предыдущего года и систематическим ознакомлением с западноевропейской палео-

этнологической литературой. В этом же году принял участие в работах экспедиции Русско-го музея в Ленинграде, под руководством П.П. Ефименко, для исследований палеолитических стоянок в Воронежской губ[ернии].

В 1924 году был командирован Воронежским музеем для занятий в Ленинград (январь – июнь), где продолжал работать под руководством П.П. Ефименко, а также занимался материалами по Воронежскому краю, хранящимися в собраниях Ленинграда.

В этом же году, по предложению проф. А.А. Миллера, принял участие в работах Северо-Кавказской экспедиции Росс[ийской] Академии Истории Материальной Культуры, имея заданием разведки местонахождений палеолита, и выполнил обследования в окрестностях Ростова н/Д, на р. Калаусе в Ставропольской губ[ернии] в окрестностях Пятигорска и совершил поездку с А.А. Миллером в Горную Балкарию. Кроме того, занимался в музеях Новочеркасска, Ростова н/Д, Ставрополя, Пятигорска, Тифлиса и Нальчика.

В феврале сего 1925 г., ввиду выявившейся невозможности интенсивно работать и углублять свои знания, оставаясь в Воронеже, переехал в Ленинград, где продолжал заниматься под руководством А.А. Миллера и П.П. Ефименко.

В марте месяце был избран научным сотрудником Росс[ийской] Академии Истории Материальной Культуры, по разряду палеоэтнологии (сверх штата).

В июне был командирован Академией в Воронежскую и Курскую губернии, занимался в Курском музее и произвел обследование правого берега Дона в пределах Острогожского и Россошанского уездов; кроме того, по поручению Воронежского музея производил раскопки у гор[ода] Россоши Ворон[ежской] губ[ернии].

Осенью, продолжая работы прошлого года, принял участие в Сев[еро]-Кавказской экспедиции Академии И[стории] М[атериальной] К[ультуры], работая на Кубани.

В настоящее время занимаюсь обработкой и изучением материалов по экспедиции.

Напечатал статьи:

а) По поводу археологической карты Воронежской губ[ернии] (Замятнин, 1921)

б) Археологические разведки в Алексеевском и Валуйском уездах (Замятнин, 1921а).

1921 Ворон[ежский] истор[ико-] арх[еологический] вестник № 1 и № 2

с) Очерки по доистории Воронежского края. I. Каменный век

d) Очерки ... II. Бронзовый век.

Журн[ал] «Зори» № 1 и № 2 (1922) и отдельно (Замятнин, 1922)

е) Инструкция для изучения первобытных древностей. Воронежский краеведческий сборник. № 1. 1924 (Замятнин, 1925).

ф) Археологические исследования в Острогожском и Россошанском уездах (Извест[ия] Ворон[ежского] краеведческ[ого] о[бществ]а. 1925) (Замятнин, 1925а).

Имеются в рукописи – 1) Археологическая карта Воронежской губернии; 2) Обзор археологических исследований в Воронежском крае; 3) Описание археологического отдела Воронежск[ого] музея; 4) Раскопки Воронежской Архивной комиссии на уроч[ище] «Частые курганы» близ Воронежа (1909–1915) (из перечисленных рукописей впоследствии была опубликована только одна (Замятнин, 1946) – авт.).

По поручению I Областной Конференции по изучению производительн[ых] сил Центрально-Черноземной области занят составлением палеоэтнологического очерка Ц[ентрально]-Ч[ерноземной] О[бласти].

Занят работой по описанию Костенковской коллекции Стеф[ана] Круковского.

Обработкой материалов из работ Сев[еро]-Кавк[азской] Экспедиции 1924–25 [гг.].

Работаю по изучению палеолитических культур Восточной Европы.

Кроме означенной работы деятельность моя протекала в Воронежской Архивной Комиссии (с 1918 г.), в 1920 [г.] избран в действ[ительные] члены Об[ществ]а друзей Российск[ого] Историч[еского] Музея в Москве. С 1921 по 1923 [гг.] был секретарем Воронежского Ист[орико]-Археол[огического] Об[ществ]а (чл[ен] учредитель). В 1924 г. избран в члены Уч[еного] Совета Союза Обществ и Организаций по изучению производительных сил Ц[ентрально]-Ч[ерноземной] О[бласти].

С осени 1922 года зарегистрирован в Цекубу по категории «молодых ученых» и теперь по I категории член секции научных работников.

С. Замятнин. 27/XI – 25. Ленинград.

Отзыв о научной подготовке С[ергея] Н[иколаевича] З[амятнина] (ВОМ б/н, № 54 по описи фонда)

Представленные сведения curriculum vitae дают достаточно материала для суждения о степени его подготовленности и широте научных интересов, которые обещают при благоприятных условиях сделать его ценным работ-

ником в области изучения доисторич[еской] жизни. Впервые С[ергей] Н[иколаевич] З[амятнин] стал мне известен только в 1922 г., когда он приезжал в Москву из Ворон[ежа] для обработки, под моим наблюдением, материалов по палеолитическим культурам Ворон[ежского] края. Он тогда же произвел на меня впечатление молодого исследователя, на редкость подготовленного в вопросах каменного века. Его работы летом 1922 года, по раскопкам Боршевской стоянки, фактически им открытой, сделали имя его известным широкому кругу доисториков.

В дальнейшем он продолжал, под моим руководством, методически работать по тем же вопросам культуры камня, не оставляя, впрочем, без внимания и иные эпохи доистории, главным образом в памятниках южной России.

В 1923 году он принимал участие в моей экспедиции для исследования Воронежского палеолита, успех которой в значительной мере обязан его знакомством с местными памятниками.

В течение двух последних лет С[ергей] Н[иколаевич] З[амятнин] принимал близкое участие в работах С[еверо]-К[авказской] экспед[иции] Акад[емии] И[стории] М[атериальной] К[ультуры], занимаясь под наблюдением члена Академии А[лександра] А[лександровича] М[иллера] главным образом исследованием палеолитических местонахождений Дона и Кубани. Ассист[ент] Акад[емии] П[етр] П[етрович] Е[фименко]. 27/XI – 25.

(ВОМ б/н, № 55 по описи фонда)

Могу прибавить со своей стороны о кандидате в дополнение к тому, что выше было сказано П[етром] П[етровичем] Е[фименко].

Обширные теоретические знания в области древностей каменного века являются результатом большой самостоятельности С[ергея] Н[иколаевича] З[амятнина], который независимо от пройденного им учебного плана постоянно работал вполне самостоятельно, изучая как литературные источники (на русск[ом] и иностранных языках), так и доступные ему подлинные материалы.

Несомненно талантливый, как исследователь, С[ергей] Н[иколаевич] З[амятнин], чтобы стать выдающимся научным работником имеет надобность в настоящее время в серьезно проведенной практике исследовательской работы, что ему и может дать Р[оссийская] А[кадемия] И[стории] М[атериальной] К[ультуры]. А[лександр] А[лександрович] М[иллер]. 3/XII – 25.

«ВЫ ВЕДЬ ЕДИНСТВЕННЫЙ, КОТОРЫЙ МОЖЕТ ОБНЯТЬ ЕЩЕ РУССКУЮ АРХЕОЛОГИЮ ВО ВСЕМ ЕЕ ОБЪЕМЕ»: ПЕРЕПИСКА А.И. ТЕРЕНОЖКИНА И В.А. ГОРОДЦОВА¹

© 2021 г. С.В. Кузьминых, В.Н. Саенко

Письма А.И. Тереножкина 1939–1941 гг. относятся к периоду поиска ученым своего научного пути и началу его работы в Узбекистане. В них он делится с В.А. Городцовым первыми результатами исследований в зоне строительства Большого Ташкентского канала и на городище Ак-Тепе, знакомит учителя с Чимбайлыкским кладом и советуется по поводу его хронологии. Послания 1941–1942 гг. написаны с фронтовых дорог, но их главной темой по-прежнему является археология. В.А. Городцов в своих письмах отмечает важность новейших археологических открытий в Туркестане, делится новостями о ходе работы над 2 томом «Археологии», призывает бить врага. Публикуемая переписка приоткрывает для нас завесу в диалоге Учителя и ученика.

Ключевые слова: история археологии, переписка, А.И. Тереножкин, В.А. Городцов, В.В. Гольмстен, Средняя Азия, Чимбайлыкский клад, Ак-Тепе, эпоха бронзы, ранний железный век, раннее Средневековье, Великая Отечественная война.

"YOU'RE THE ONLY ONE WHO CAN STILL HUG RUSSIAN ARCHAEOLOGY IN ITS ENTIRETY": CORRESPONDENCE OF A.I. TERENOZHKIN AND V.A. GORODTSOV²

S.V. Kuzminykh, V.N. Saenko

A.I. Terenozhkin's letters of 1939–1941 relate to the period when scientists were searching for their scientific path and the beginning of his work in Uzbekistan. In them, he shares with V.A. Gorodtsov the first results of research in the construction zone of the Great Tashkent Canal and on the Ak-Tepe settlement, introduces the teacher to the Chimbaylyk treasure and advises about its chronology. The messages of 1941–1942 were written from the front roads, but their main topic is still archaeology. Gorodtsov in his letters notes the importance of the latest archaeological discoveries in Turkestan, shares news about the progress of work on the 2nd volume of "Archeology", calls to beat the enemy. The published correspondence opens the veil for us in the dialogue between the Teacher and the student.

Keywords: history of archeology, correspondence, A.I. Terenozhkin, V.A. Gorodtsov, V.V. Golmsten, Central Asia, the Chimbaylyk treasure, Ak-Tepe, the Bronze Age, the Early Iron Age, the Early Middle Ages, the Great Patriotic War.

Переписка Василия Алексеевича Городцова (1860–1945) и Алексея Ивановича Тереножкина (1907–1981) – знаковых фигур российской и украинской археологии – привлекает нас, прежде всего, диалогом Учителя (Приложение, № 3, 7) и ученика (№ 1, 2, 4–6, 8–10). Восемь писем Тереножкина отложились в рукописном фонде Городцова (ОПИ ГИМ. Ф. 431). В личном архиве украинского ученого сохранились два городцовских письма (САТИ). Переписка была относительно недолгой (1939–1942 гг.), но письма этих лет передают многие ранее неизвестные моменты в перипетиях научной деятельности и жизненных хитросплетениях судьбы Тереножкина: переезд в Ташкент, вовлеченность в актив-

ную археологическую и преподавательскую деятельность в Узбекистане, война со всеми ее тяготами, мыслями о любимой науке и надеждой когда-то все-таки встретиться с учителем (рис. 1, 2).

Письма Городцова привлекают благожелательным и заинтересованным вниманием к работам своего ученика в Средней Азии; в них сообщается о планах подготовки томов серии «Археология»; поражает сила духа январского письма 1942 г. – «Не унывайте, бейте проклятого врага и будьте здоровы». Этому завету А.И. следовал до конца войны (Тереножкин, 2006).

Письма Тереножкина отсылались на домашний адрес Городцова: Москва, Полуэк-

¹ Исследование проведено в рамках выполнения гранта РФФИ № 18-09-40115 Древности.

² The study was conducted as part of the implementation of RFBR grant No. 18-09-40115 Antiquities.



Рис. 1. Алексей Иванович Тереножкин.

Румыния. 14 ноября 1944 г.

Fig. 1. Alexey Ivanovich Terenozhkin.

Romania. November 14, 1944

тов переулков, д. 5, кв. 4 или по адресу Московского отделения ИИМК: Большой Черкасский переулок, д. 4, а ответные приходили на его рабочий адрес: Ташкент, ул. Абдулы-Тукаева, 1, Узкомстарис¹. С декабря 1940 г., когда А.И. поменял место работы, получателем корреспонденции указывался находящийся по тому же адресу Институт языка, литературы и истории², но в самих письмах написание места его работы различно: Институт истории УзФАН, археологический сектор УзФАН, археологический сектор ИЯЛИ УзФАН.

С Городцовым Тереножкин познакомился осенью 1928 г., когда приехал в Москву: после окончания в Самаре Высших курсов краеведения он получил направление для продолжения учебы на историко-археологическом отделении этнологического факультета 1 МГУ. Курсами фактически руководила В.В. Гольмстен, представитель первого – дореволюционного – поколения археологической школы Городцова, и нужно заметить, что ее роль в судьбе А.И. совершенно исключительная (Сташенков, 2007; Сташенков, Кочкина, 2020, с. 17, 18). Веру Владимировну Тереножкин вспоминает в одном из публикуемых ниже писем (№ 9), когда пришло известие о ее гибели от голода и истощения в блокадном Ленинграде: «бесценный мой учитель...». В другом письме учителем назван и сам Городцов. Однако В.В. Отрощенко писал о Терено-

ножкине, что «его учителем стал ведущий в то время исследователь бронзового века России П.С. Рыков» (Отрощенко, 2013, с. 10), но это явное преувеличение. Бесспорным лидером в изучении эпохи раннего металла в 1920-е гг. все же оставался Городцов. Вряд ли Павел Сергеевич и его публикации оказали скольконибудь значительное влияние при формировании взглядов Тереножкина на проблематику бронзового века евразийских степей. Невелико и количество ссылок на работы саратовского археолога в тот период, когда А.И. в Киеве специально занимался изучением позднего бронзового века евразийских степей.

В обширной переписке и в дневниках ученого имя Рыкова упоминается лишь однажды. В своей неопубликованной статье «Памятники срубной культуры близ г. Пугачева Саратовской области» Тереножкин пишет, что Рыков смотрел собранную на поселениях керамику. «В 1919 и 1920 годах, когда я был еще мальчиком, мне удалось обнаружить несколько поселений древней поры в окрестностях г. Пугачева Саратовской области (бывшего Николаевска Самарской губернии). Члены Саратовской ученой архивной комиссии единодушно высказались в пользу того, что они представляли собой следы былых стойбищ татар Золотой Орды по р. Иргизу, о которых еще в начале прошлого века писал Щапов³ в своей исторической географии.

В 1924 г. я возобновил свои поиски древних памятников вокруг Пугачева. С этого времени они были возглавлены заведующим Пугачевским музеем краеведения К.И. Журавлевым. Вместе и порознь мы обнаружили 84 поселения на берегах рек Камелик, Большой и Малый Иргиз, Чагра, которые, как определили археологи В.В. Гольмстен (Самара, позднее Куйбышев) и П.С. Рыков (Саратов), относились к срубной культуре бронзового века» (САТИ).

В то же время А.И. прямо называет себя учеником Гольмстен и Городцова. Нарекая Рыкова главой научной школы, к которой якобы принадлежал Тереножкин, Отрощенко совсем не вспоминает о роли Гольмстен в выборе научного пути одного из наиболее ярких ее учеников, о чем Виталию Васильевичу, как и большинству специалистов по бронзовому веку, безусловно, хорошо извест-



Рис. 2. Василий Алексеевич Городцов. Начало 1940-х гг.
Fig. 2. Vasily Alekseevich Gorodtsov. The beginning of the 1940s

но. Приоритет в деле изучения эпохи бронзы Поволжья, по его мнению, принадлежит главным образом Рыкову, а роль Городцова видится второстепенной. С этим сложно согласиться, опираясь на опубликованные и архивные источники. «Школа» Рыкова явно не выходила за пределы Саратова. Вряд ли к ней применимо название «научная»: по сути это университетская школа – круг студентов Павла Сергеевича, а затем сотрудников учреждений, которыми он руководил.

При рассмотрении вопроса о «школах» необходимо оговорить их направленность – «эмпирическую» или «теоретическую». Если влияние научных идей Гольмстен на учеников требует отдельного рассмотрения, то ее роль в воспитании целой плеяды «полевых» археологов совершенно бесспорна. К примеру, «киевская» школа Тереножкина по изучению позднего бронзового века и скифской эпохи сформировалась и как ряд научных направлений, и была школой проведения археологических разведок и раскопок. А «питерская» школа А.И., также состоящая уже из нескольких поколений археологов (Б.Я. Ставиский, О.Г. Большаков, Б.И. Маршак, Е.В. Зеймаль,

В.И. Распопова, А.И. Наймарк, В.Г. Шкода и др.), возникла сугубо на практической основе передачи методики исследования слоев среднеазиатских городов.

Возвращаясь к периоду учебы Тереножкина в 1 МГУ (осень 1928 – начало 1930 г.) и его общению с Городцовым, который в то время там преподавал, нужно сказать, что сведений об этом сохранилось немного. С 1926 г. в университете работал научно-студенческий археологический кружок (Канторович, 2009, с. 311; Белозёрова, Кузьминых, 2015, с. 43, 44). Этот кружок продолжил развитие научной школы Городцова. В нем происходило постоянное общение учителя и его студентов разных поколений. Университетская школа Городцова представляла особое братство, некий клан под шуточным названием «Тотем Лягавой лягушки». Вождем «тотема» был, конечно, сам Василий Алексеевич (Китова, 2007, с. 130, 131; Кызласова, 2010, с. 758, 759). Лекции и семинары Городцова по практическому освоению типологического метода и осмыслению базовых археологических понятий («поселение», «жилище», «погребение» и др.) гораздо лучше подготовили его

учеников к восприятию марксистской социологии, нежели курсы, которые читали философы-марксисты.

Известны два фотоснимка 1929 г., на которых изображена группа студентов и преподавателей историко-археологического отделения 1 МГУ; среди них В.А. Городцов, А.И. Тереножкин, Б.А. Рыбаков и Е.И. Крупнов — эти трое студентов были однокурсниками (Городцов, 2015а, фото на л. 11; Крайнов, 1991, рис. 4).

На последнем (четвертом) курсе Тереножкина исключили из университета «за сокрытие социального происхождения»: приказ об отчислении был подписан 12.02.1930 г. (подобные «чистки» получили широкое распространение уже в начале 1920-х гг.)⁴. В то же время закрылась кафедра археологии 1 МГУ, и Городцов до 1935 г. лишился преподавательской деятельности (Белозёрова, Кузьминых, 2015, с. 56–58).

Еще студентом Тереножкин дважды оформлялся на работу в Государственный Исторический музей, с которым была тесно связана научная и музейная деятельность Городцова. С 15 октября 1929 г. по 16 марта 1930 г. А.И. — сотрудник I разряда отдела доклассового общества (зав. А.Я. Брюсов; сотрудники: О.А. Гракова, В.М. Подгорнова, М.А. Бадер, Т.О. Тарасова); уволен, как и в университете, «за сокрытие социального происхождения». К этому времени его учителя уже изгнали из музея. Позднее В.А. с горечью вспоминал: «17 сентября 1929 года, без всякого повода с моей стороны, в разгаре строительной работы, я был удалён приказом по музею. Через три дня, когда я приступил к сдаче своего поста, меня директор музея убедительно упрашивал остаться в музее, предлагая то же жалованье, какое я получал, состоя на службе, а сверх сего обещая сделать меня почётным членом Исторического музея и хлопотать о представлении мне звания «Героя труда»⁵ и заслуженного деятеля науки. Я решительно отказался, так как чувствовал себя глубоко и незаслуженно оскорблённым. После мне ещё два раза предлагали дать место в Историческом музее, но я два раза отвечал отказом» (цит. по: Белозёрова, Кузьминых, 2015, с. 56).

С осени 1932 по осень 1933 г. Тереножкин состоял внештатным сотрудником МО ГАИМК, открытого в марте 1932 г. (Городцов, 2015а, с. 352, 353; Белозёрова и др., 2019, с. 108, 109), и выполнял обязанности секретаря восточной группы феодального сектора. После того, как в МО ГАИМК упразднили

внештатное сотрудничество, осталась единственная форма работы в Академии — «состоять в активе», чем Тереножкин и воспользовался (Автобиография, 27.03.1934 г.; САТИ). Сохранял свою должность в МО ГАИМК и Городцов, получая, правда, полставки жалования (Городцов, 2015а, с. 352); в 1933–1937 гг. он активно сотрудничал с Институтом антропологии, археологии и этнографии АН СССР в Ленинграде (Белозёрова, Кузьминых, 2015, с. 58–61), а с 7 сентября 1934 по 17 апреля 1935 г. работал заведующим отдела учета и охраны памятников ГИМ (Городцов, 2015а, с. 567, 568).

Крайне досадно, что не состоялась экспедиция, в которой Городцов и Тереножкин должны были бы работать вместе. Весной 1935 г. планировались полевые археологические работы в Киргизии (Городцов, 2015б, с. 519), о чем известно из дневника В.А.: «Вечером [1 марта] ко мне зашёл Владимир Яковлевич Белоусов как руководитель Киргизской комплексной экспедиции и предложил мне войти в состав экспедиции в роли начальника археологического отряда. Предложение я принял». Запись 2 марта: «Мною приглашены в состав археологического отряда Киргизской комплексной экспедиции: Владимир Геннадьевич Карцов, Дмитрий Александрович Крайнов и Алексей Иванович Тереножкин. Вечером состоялось первое совещание членов отряда. На совещании присутствовал руководитель экспедиции В.Я. Белоусов. Выработан план работ отряда. Избраны берега среднего течения реки Чу, в окрестностях города Фрунзе (Токмак), на протяжении километров 200. Выработана смета на сумму 34000 рублей. Время выступления отряда из Москвы ещё не определено, но принято пожелание начать работу как можно ранее, может быть, в апреле». Запись 4 марта: «Ко мне явился один из сотрудников Киргизской экспедиции, заявивший, что «смета» на экспедицию и докладная записка напечатаны на машинке и остаётся только проверить обе бумаги, скрепить подписями и айда» (Городцов, 2015а, с. 615). Но по состоянию здоровья Городцова (Городцов, 2015а, с. 623) выезд в Киргизию, где Тереножкин уже работал в 1929 и 1930 гг., отменили. В следующем — 1936 — году он примет участие в разведках и раскопках Казахской экспедиции в Семиречье (Бернштам, 1939).

В 1935 г., когда в ГИМ были установлены новые штаты, Тереножкина снова приняли в музей в отдел древней истории, в группу «История античной эпохи» (зав. А.П. Смир-

нов; сотрудники: Д.Н. Эдинг, Е.И. Крупнов, Л.А. Ельницкий, Т.О. Тарасова, Н.В. Трубникова). Он участвовал в работе по проверке наличия и упорядочению хранения археологических коллекций, был назначен ответственным за хранение (Клюшкина, 2014, с. 285, 287).

В 1936–1937 гг. Тереножкин – старший научный сотрудник нумизматического кабинета «по разряду мусульманских монет» (Автобиография, 1938 г., с. 1; САТИ). Городцов в те годы возвращается к преподавательской деятельности на биофаке и в Институте антропологии МГУ, в 1938 г. – в МИФЛИ, в 1941 г. назначается профессором кафедры археологии МГУ; до 1937 г. продолжает работать консультантом ИАЭ–ИААЭ в Ленинграде и до конца своих дней состоит на службе в МО ГАИМК–ИИМК (Белозёрова, Кузьминых, 2015, с. 58–64). Из записей в дневнике известно, что в эти годы возобновились встречи дома у Городцова его учеников – пока был жив учитель, продолжало жить и братство клана «Лягавой лягушки». Конечно, в этих встречах должен был участвовать и Тереножкин.

Одним из наиболее близких коллег А.И. являлся в те годы Б.Н. Граков (письмо № 1); знакомство их произошло, вероятно, вскоре после поступления в Тереножкина в 1 МГУ. Известно, что в 1932 г. они вместе должны были провести разведочные работы в Западном Казахстане. Но по каким-то причинам в самом начале пути Граков был вынужден уехать, и Тереножкин продолжил намеченный маршрут – вдоль берегов р. Урал в его среднем течении – в одиночку (Археологические... 1962, с. 78; Саенко, 2015, с. 124). Следующим летом А.И. участвовал в разведках и раскопках Южноуральской экспедиции ГАИМК под началом Гракова в районе строительства Орской и Магнитогорской ГЭС (Граков, 1935). Совместная работа продолжилась в 1938 г. в Никопольской экспедиции на Украине (Граков, 1939). В те годы их объединяла, кроме научной работы, и личная дружба: Граков был крестным отцом дочери Тереножкина Елены (род. в 1935 г.).

В начале 1939 г. А.И. с семьей покидает Москву и становится научным сотрудником Узбекского комитета по охране памятников старины и искусства при Комитете наук Узбекистана (Узкомстарис). Телеграмма с приглашением выезжать пришла в Москву 24 марта, но, возможно, Тереножкин с женой и двумя маленькими детьми выехал еще раньше. С этого времени завязывается его переписка с

Городцовым. В первом письме (28.03.1939) он сообщает о главном, ради чего переехал в Ташкент: «жить мне здесь с семьей легче и для работы условия имею вполне подходящие», время «не уходит на зряшные шатания по МО ИИМК и другим местам».

В Среднеазиатском университете Тереножкин приступил к чтению общего курса археологии⁶, сетовал на нехватку специальной литературы и учебных пособий. В Узкомстарисе он погружен в редакторскую работу – готовит к публикации рукопись А.А. Потапова о раскопках в 1929–1930 гг. могильника VII–VIII вв. около городка Пскент Ташкентского уезда (Потапов, 1929; 1930; Археологические... 1962, с. 63). Ранее, летом 1934 г., они вместе участвовали в обследовании памятников Южного Хорезма в составе Хорезмской экспедиции ГАИМК, которую возглавлял М.В. Воеводский (Археологические... 1962, с. 90). В этом же письме Тереножкин делится впечатлениями о В.А. Шишкине и его исследованиях городища Варахша, открытии Самаркандской палеолитической стоянки, выявленной учеником Городцова Н.Е. Харламовым; вспомнил он и о прошедшем в 1938 г. юбилее – 50-летию научной и педагогической деятельности учителя, о статье Е.И. Крупнова (1938), посвященной этому событию.

В 1940–1941 гг. А.И. состоял в должности старшего научного сотрудника Института языка, литературы и истории Узбекستانского филиала АН СССР. За предвоенные годы сохранилось четыре письма Тереножкина (№ 2, 4, 5, 6) и одно – Городцова (№ 3).

В письме от 23.12.1940 г. (№ 2) А.И. сообщает, что отдал в печать статью о результатах археологических наблюдений во время строительства Большого Ташкентского канала (Тереножкин, 1940а). Работы проводились ранней весной того года, были собраны материалы от эпохи бронзы до средневековья. В среднем течении р. Сырдарьи Тереножкиным была выделена новая археологическая культура эпохи поздней бронзы – раннего железа, датированная тогда второй половиной I тыс. до н.э.⁷

В ходе разведок в зоне строительства канала А.И. познакомился с бронзами Чимбайлыкского клада⁸ (Тереножкин, 1950, рис. 69–XV: 1–4, 70: 1, 2). Его принадлежность к позднему бронзовому веку в настоящее время не вызывает сомнений, но тогда Тереножкин сопоставлял двулезвийные ножи клада с орудиями катакомбной культуры и датировал

комплекс первой половиной II тыс. до н.э. В этой связи не случаен его вопрос к Городцову о датировке клада и, прежде всего, наиболее значимого для этой цели втульчатого топора. Кроме того, он знакомит В.А. с серией предметов, выявленных в ходе разведок, которые определяет временем андроновской и срубной культур, но большую часть относит в эпоху раннего железа, сопоставляя их с изделиями тагарской культуры Минусинской котловины.

Примечательно, что уже первое знакомство с металлом клада Чимбайлык и случайными находками из зоны строительства Большого Ташкентского канала привели Тереножкина к заключению, что здесь «в основном смена форм [орудий и оружия] соблюдает ту же последовательность, какая имела место в южнорусских и казахстанских степях».

А.И. также сообщает Городцову, что после разведок в зоне строительства канала он приступил к раскопкам в предместье Ташкента на холме Ак-Тепе, где исследует крепость VI–VIII вв. Выбор связан, вероятно, с тем, что после посещения в 1939 г. Хорезмской экспедиции С.П. Толстова Тереножкин убедился, что никакой возможности начать самостоятельные раскопки на землях Хорезма нет. Воспрепятствовал Толстов и планам подготовить диссертацию по выбранной ранее теме – на материалах небольших, расположенных неподалеку друг от друга «замков» Беркут-калинского оазиса (Тереножкин, 1940б). Это, главным образом, и заставило А.И. переключиться в 1940 г. на раскопки Ак-тепе – памятника, синхронного Беркут-кала (Тереножкин, 1941).

Письмо начинается с сообщения о пожаре в здании ИЯЛИ и о количестве утраченных археологических предметов. По свидетельству Тереножкина, массовый материал не пострадал, но почти полностью погибли «индивидуальные» находки из раскопок Ак-тепе.

Уже через 10 дней (письмо № 3, 3.01.1941) Городцов направил семье Тереножкиных поздравление с Новым годом. Познакомившись с полученной от А.И. информацией, В.А. поделился, кроме того, важными наблюдениями: в частности, обилие древних бронз, выявленных на строительстве Большого Ташкентского канала, привели его к мысли, что «Туркестан <...> в бронзовую эпоху был крупным центром». Она созвучна с ранними представлениями Городцова об особой роли Туркестана в трансляции культурных достижений цивилизаций Месопотамии в северные

широты Европы и Азии (Городцов, 1910, с. 30, 31).

Весьма порадовало ученого открытие А.П. Окладниковым (1940) мустьерского погребения в гроте Тешик-Таш – для Городцова это давно ожидаемое событие, и он предполагает, что «в Туркестане последуют большие находки. Но что будет, посмотрим; что уже есть, мы видим и приходим в восторг». В.А. коротко сообщает Тереножкину о результатах работ С.П. Толстова в Хорезме: «нашел большую неолитическую стоянку [Джанбас-кала 4]». Речь идет о первом исследованном раскопками памятнике кельтеминарской культуры. И в конце письма – о смерти Н.И. Репникова в Ленинграде и двух вузовских профессоров в Москве, а также собственные мрачные мысли на этот счет, которые, как можно судить по его дневниковым записям (Городцов, 2015а; 2015б), не покидали ученого все 1930-е годы.

Через два месяца (1.03.1941) Тереножкин отправил следующее письмо учителю (№ 4), а вместе с ним – два фото с изображениями бронзовых предметов, о которых шла речь в письме № 2. Позднебронзовый Чимбайлыкский клад он вновь относит ко времени катакомбной культуры, сгруппированные на втором фото вещи сопоставляет с материалами средней поры тагарской культуры. А.И. по-прежнему интересуется мнением Городцова о бронзах, найденных на Большом Ташкентском канале, особенно о втульчатом топоре из Чимбайлыкского клада, жалуется на недостаток литературы, а в конце письма сообщает о сдаче в печать отчета о разведочных работах на канале и печатании предварительного отчета о раскопках замка Ак-Тепе (Тереножкин, 1941).

Не получив вестей от Городцова, Тереножкин вскоре (письмо № 5, 10.04.1941) спрашивает: получил ли В.А. «письмо с фотографиями схематических изображений ташкентской бронзы». Его по-прежнему интересует вопрос о сходстве топора из клада Чимбайлык с фатьяновскими изделиями. А.И. сожалеет, что под рукой нет труда учителя о культурах бронзового века Средней России (Городцов, 1915). И в конце – о скорых планах начать полевые работы (рис. 3).

На 1941 г. было запланировано продолжение раскопок замка Ак-Тепе. Через два дня после начала войны Тереножкин коротко сообщает Городцову (письмо № 6, 22.06.1941), что уже ведет раскопки и планирует завершить их в конце августа, если позволят обстоятельства. Вместе с письмом он шлет статью



Рис. 3. На раскопках замка Ак-тепе.
20 сентября 1940 г.

Fig. 3. At the excavations of the Ak-tepe castle.
September 20, 1940

с предварительными результатами исследования замка (Тереножкин, 1941), информирует о сдаче в печать более подробного текста (Тереножкин, 1948), спрашивает о здоровье В.А., сообщает, что его семья «в полном порядке». Война пока далеко («Ах, как хорошо на раскопках!»), с ней связаны только тяжелые думы.

Осенью 33-летний археолог был призван в РККА. Зимой 1941 – весной 1942 г. Тереножкин проходил обучение в пехотном училище в г. Фрунзе. Вероятно, в декабре дошла его весточка Городцову⁹, и после Нового года он получил ответное письмо учителя (№ 7, 6.01.1942 – по штемпелю). В.А. еще не знал, что Тереножкин призван в армию. А.И. в предыдущем письме, по-видимому, спрашивал о сыне Городцова – Мстиславе. В.А. сообщил, что тот был на фронте, заболел и освобожден от воинской службы¹⁰. Другой вопрос касался, вероятно, научных занятий учителя и задан не случайно. Ученики знали, что Городцов перед войной активно работал над 1 и 2 томами «Археологии». В.А. написал, что «1 том сдан в печать, 2 том перепечатаваю на машинке для сдачи в редакцию и 3 том только подготавливается», что несмотря на неизлечимую болезнь он продолжает работать. Письмо завершается призывом «бить проклятого врага».

С 30 июня по 12 июля 1942 г. Тереножкин выполнял обязанности командира учебного взвода курсов младших лейтенантов, располагавшихся в печально известных Гороховецких лагерях поблизости от г. Горький, где готовили командиров для 24-й армии. Курсанты жили впроголодь, в таких плохих условиях, что попасть на фронт было мечтой. Отсюда Тереножкин отправил Городцову два письма. Оба – об археологии, осмыслении обнаруженных памятников, потере первого Учителя Веры Владимировны Гольмстен.

В первом из этих писем (№ 8, 30.06.1942) ученый пишет об открытых им в Западном Казахстане близ станции Челкар двух стоянок с находками микролитических орудий и керамики¹¹, как думалось Тереножкину, эпохи средней или поздней бронзы. Заметка об этих стоянках отправлена им в г. Фрунзе, судя по всему, А.Н. Бернштаму, но в итоге осталась неопубликованной¹². А.И. подробно характеризует в письме каменные орудия и керамику, отмечая образцы с плоским дном; памятники датированы им серединой II тыс. до н.э. Микролитическая индустрия этих стоянок вызывает у него ассоциации со стоянками в Калмыкии (Синицын, 1931), на р. Самаре (Гольмстен, 1928, с. 130, рис. 28–33) и даже с Оленеостровским могильником на Русском Севере (Равдоникас, 1940).

В конце письма Тереножкин поделился радостью – в Муроме ему довелось увидеться с Е.И. Крупновым. Такие случайные встречи на дорогах войны действительно незабываемы. А.И. мечтает увидеться и с Городцовым, чтобы «побеседовать на любезные душе археологические темы, как то бывало в мою бытность в Москве».

Буквально следом за этим письмом Тереножкин делится своими переживаниями от полученного известия о кончине в блокадном Ленинграде В.В. Гольмстен (№ 9, 12.07.1942). Это письмо со всей определенностью свидетельствует о том, какую роль в научной судьбе Тереножкина сыграла его самарская «защитница и покровительница»: «Вера Владимировна первая, кто своей умелой рукой подвела меня к истинной науке, к подлинным знаниям основам. Она, опираясь на Ваш огромный опыт, познакомила и научила правильной постановке полевых исследований, умению



Рис. 4. Ак-тепе. Участники экспедиции. 1941 г. А.И. Терножкин в среднем ряду третий слева
Fig. 4. Ak-tepe. Members of the expedition. 1941 A.I. Terenozhkin in the middle row third from the left

их обрабатывать и доводить до соответствующего конца». Для А.И. она навсегда «незабвенная учительница Археологии».

Осенью 24-я армия, в составе которой проходил службу Тереножкин, направлена на Сталинградский фронт. Основные события битвы на Волге были еще впереди. У А.И. выдалась минутка, чтобы напомнить Городцову о своем существовании (письмо № 10, 7.10.1942). То было его последнее послание учителю. Война войной, но всеми мыслями Тереножкин по-прежнему в археологии. Он вспоминает Т.М. Минаеву, ученицу П.С. Рыкова, некогда работавшую в Сталинградском музее, сына Городцова – Мстислава, надеется на берегах степных речек «натолкнуться на стояночку срубной культуры или встретить следы какого-нибудь поселения алан». Война обострила его чувства признательности и благодарности учителю: «часто вспоминаю Ваше доброе, воистину отцовское отношение ко мне и к моей семье». А.И. надеется, что несмотря на преклонный возраст, болезни и бытовые недостатки, Городцов завершит 2 том «Археологии»: «Вы ведь единственный, который может обнять еще русскую археологию во всем ее объеме» (рис. 4).

До конца войны еще далеко, но как отклик на призыв учителя «бить проклятого врага» (письмо № 7) звучат слова Тереножкина, который вторит ему: «Нет, фрицы, русскую культуру вам, паршивым, не сломать, хотя вы, да будьте вы прокляты, забрались к нам на наши поля родные». Встретиться с Городцовым ему больше не довелось и мечтательное желание увидеть друг друга и побеседовать на археологические темы, о чем А.И. не раз писал учителю, не осуществилось. Тереножкин закончил войну в Австрии¹³ и после демобилизации в сентябре возвращался в Ташкент через Москву. Но Василия Алексеевича уже не было в живых – его не стало 2 февраля 1945 г.

Подводя итог, важно вспомнить, что Тереножкин был воспитанником не только университетской педагогической школы Городцова — он один из ярких представителей городцовской научной школы. Ученый внес неоценимый вклад в разработку хронологии предскифского периода (Тереножкин, 1965) и проблемы «исторических» и «археологических» киммерийцев (Тереножкин, 1976). Эти темы – узловые в его работах 1950–1970-х гг., и выбор их неслучаен: они являются продол-

жением исследований его учителя (Городцов, 1910; 1927; 1928).

Статья Тереножкина «Основы хронологии предскифского периода» заложила каркас культурно-хронологической системы древностей Северного Причерноморья конца бронзового века, «стала большим и важным шагом вперед по сравнению с ранними работами, например, О.А. Кривцовой-Граковой» (Черных, 1976, с. 10). Хронологическая система Тереножкина и ныне признается одной из лучших для своего времени (Бочкарев, 2017, с. 160). Как и для Городцова, бронзовые орудия и оружие, а также негативы литейных форм являлись для А.И. основными реперами в разработке хронологии эпохи поздней бронзы. Именно Тереножкин наиболее четко обосновал разделение сабастиновских и белозерских древностей, синхронизировал культуру Ноа с сабастиновским этапом срубной культуры в Северном Причерноморье и вторым ее этапом в Поволжье, белозерский этап – с культурами белогрудовской, бондарихинской и фракийского гальштата. Разработки А.И. легли в основу последующих культурно-хронологических систем Северного Причерноморья (А.М. Лесков, Е.Н. Черных, В.С. Бочкарев, И.Т. Черняков, И.Н. Шарафутдинова, В.В. Отрощенко, В.А. Ромашко и др.). Они по-прежнему в центре внимания археологов России и Украины.

Наилучшей своей работой Тереножкин считал монографию «Киммерийцы». В ней он цитирует слова Городцова о том, что в ассирийских источниках сообщения о киммерийцах и скифах иногда смешивались; соответственно, и способ их жизни был подобным: «Так как этот факт указывает на отсутствие резкой границы и в бытовой обстановке этих народов, то нужно полагать, что киммерийские памятники, если только они имеются в наших собраниях, скрываются в одной массе со скифскими» (Городцов, 1910, с. 344). Но результаты выделения киммерийских древностей Городцовым оказались неточными, поскольку в перечень настоящих киммерийских комплексов попали и более древние, относимые в дальнейшем к сабастиновскому этапу срубной культуры (а потом выделенные в отдельную культуру) XIV–XII вв. до н. э.

«Итак, чтобы составить верное понятие об оружии, орудиях и других изделиях киммерийцев, необходимо прежде всего познакомиться с такими же предметами, существовавшими в то время у соседних народов Европы,

с которыми киммерийцы должны были иметь деловые сношения и стоять в отношении культурного развития не ниже, а выше их. С этой целью я предлагаю просмотреть и сравнить руководящие типы оружия и орудий труда Западной Европы, Кавказа, Черноморья, средней и восточной России < ... >» (Городцов, 1928, с. 50).

Работу над новой для себя проблематикой Тереножкин начинал как последователь Городцова и опирался именно на его работы, в которых были обозначены пути исследования: наблюдение за синхронными, территориально достаточно удаленными памятниками – от гальштата на западе до синкретического тогда массива срубно-андроновско-предскифских захоронений на востоке (поволжско-уральские и казахстанские степи), до открытых тогда северокавказских могильников. На перекрестке этих разносторонних влияний, направленных со смежных территорий, должен проявиться облик материальной культуры киммерийцев.

Тереножкин исходил именно от этого четко сформулированного вывода, что киммерийские памятники остаются окончательно неопределенными и надо продолжать их поиск. Перечень же культур и конкретных памятников, приведенных Городцовым, должен был указывать на исторический контекст и на хронологические рамки, в пределах которых нужно искать следы «исторических» киммерийцев.

Эпистолярное наследие В.А. Городцова и А.И. Тереножкина позволяет нам лишь приоткрыть завесу в диалогах между Учителем и учениками. Роль Василия Алексеевича Городцова в формировании его научной школы, становлении учеников требует специального обращения к большому массиву архивных и литературных источников. Публикуемые ниже письма лишь малая лепта в эту большую и сложную тему.

Завершая очерк, отметим, что все письма — рукописи (написаны чернилами, кроме двух посланий Тереножкина из Гороховецких лагерей, которые написаны карандашом — № 8, 9); также карандашом выполнены рисунки Чимбайлыкского (Чирчикского)клада. Сокращенные и усеченные слова заменены на их полные формы. Названия научных трудов, журналов и ряда терминов заключены в кавычки (в оригинальных текстах они нередко отсутствуют). Пропущенные, но необходимые по смыслу слова и разъяснения, инициалы ряда лиц, а также ссылки на

литературу, введенные в текст писем, заключены в квадратные скобки. Литература, цитируемая во вступительном очерке и комментариях, а также авторы ряда постраничных сносок (*примечание А.И. Тереножкина* или *авт.*) даны в круглых скобках. Фамилии лиц в письмах оставлены в основном в авторской передаче, их имена и отчества при необходимости раскрыты в комментариях. Биографические данные приведены избранно и кратко, с отсылкой на информацию о них в публикациях. Исправлены очевидные описки. Тексты писем приведены в соответствие с современными нормами орфографии.

Благодарности: Ирине Валентиновне Белозёровой за содействие в работе с письмами А.И. Тереножкина В.А. Городцову в ОПИ ГИМ; Андрею Алексеевичу Ильинскому – художнику и историографу, сыну А.И. Тереножкина и В.А. Ильинской – за помощь в работе с материалами семейного архива; Валерию Анатольевичу Кольченко за информацию о научном сообществе археологов г. Фрунзе в годы войны; Александру Алексеевичу Выборнову и Виталию Васильевичу Ткачеву – за консультации по поводу материалов стоянок у ст. Челкар.

Примечания:

¹ Предшественником этой организации был Турккомстарис, а затем Средазкомстарис, расформированный 1.10.1928 г. Узкомстарис проработал до 28.11.1940 г. и был реорганизован в Комитет по охране памятников древности, революции и искусства при Совнарком УССР.

² Институт языка, литературы и истории Узбекского филиала АН СССР создан в 1939 г. путем реформирования Института языка и литературы.

³ Щапов Афанасий Прокопьевич (1830–1876), русский историк. Здесь речь идет, видимо, о работе «Историко-географическое распределение русского народонаселения» (Щапов, 1865).

⁴ Например, в мае 1922 г. было принято «Положение о перерегистрации студентов», когда происходил и «пересмотр студенчества», т.е. очищение факультетов общественных наук от «антисоветских элементов».

⁵ Из археологов звание Герой труда было присвоено В.И. Гошкевичу (*авт.*).

⁶ Преподавательская деятельность А.И. Тереножкина специально не изучалась. В 1960–1970-е гг. как «почасовик» он читал лекции в Киевском университете. В 1970 г. А.И. приезжал в г. Самарканд для чтения лекций и руководства археологической практикой студентов (*авт.*).

⁷ Бургулюкская культура финала бронзового и раннего железного веков (IX–III вв. до н. э.) в долине рек Чирчик и Ангрен (Узбекистан). Выделена А.И. Тереножкиным в 1940 г. В сложении культуры участвовало население Северной Ферганы и степи (потомки носителей андроновской (федоровской), тазабагыбской и алексеевско-саргаринской культур). Среди носителей бургулюкской культуры важную роль играли саки. На позднем этапе (VI–III вв. до н.э.) в ее развитии заметно влияние усуней Южного Казахстана и культуры Северной Ферганы. В основе хозяйства придомное и, возможно, отгонное скотоводство, земледелие в поймах рек, предполагается наличие небольших ирригационных систем. Металлообработка базировалась на местном сырье. Бургулюкская культура сменяется каунчинской культурой (Буряков, 1982, с. 66–70).

⁸ В рисунках, присланных А.И. Тереножкиным В.А. Городцову, клад фигурирует как Чирчикский 1898 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 431, ед. хр. 439, л. 42–44). Мы придерживаемся наименования Чимбайлыкский, предложенного в свод Е.Е. Кузьминой (1966, с. 100).

⁹ К сожалению, это письмо в архиве В.А. Городцова не сохранилось (*авт.*).

¹⁰ Сказалось отравление удушающими газами в Первой мировой войне (*авт.*).

¹¹ Пока не удалось установить, когда же было сделано это открытие. Нельзя исключить, что в мае–июне 1942 г. воинский эшелон, направлявшийся к месту службы Тереножкина в Гороховецких лагерях, на несколько дней мог встать на станции Челкар, и А.И. получил возможность обследовать берега двух небольших озер рядом со станцией (*авт.*).

¹² Н.А. Бернштам в это время находился в эвакуации в г. Фрунзе. Возможно, есть шанс обнаружить заметку в его бумагах, но, к сожалению, фонд ученого в НА РО ИИМК РАН не обработан (*авт.*).

¹³ О Вене, встречах с австрийскими археологами Францем и Анной Ганчар, см. подробнее в воспоминаниях А.И. Тереножкина (2006).

№ 1

Глубокоуважаемый и дорогой Василий Алексеевич!

Задуманный переезд в Ташкент благополучно завершился, и я теперь житель его. Как и предполагал, так и вышло: жить мне здесь с семьей легче и для работы условия имею вполне подходящие. Не хватает лишь Вас, Василий Алексеевич, и Бориса Николаевича [Гракова]¹, а то все было бы отлично и скучать ни о чем не надо. Книг по археологии вполне хватает, да и время на их чтение стало здесь больше, т.к. не уходит на зряшныя шатания по МО ИИМКу и другим местам.

Сейчас редактирую работу покойного Алек[сандра] Ал[сандровича] Потапова² о Пскентком могильнике VII–VIII вв. близ Ташкента [Археологические... 1962, с. 63]. Это хорошая археологическая работа³. Здесь готовится к печати ряд работ, которые местные работники называют археологическими, но археологии в них также мало, как и во всем, что раньше выходило по Средней Азии. Один археолог [В.А.] Шишкин⁴ подает хорошие надежды, он серьезный и понимающий человек. Занялся хотя и не очень древним, но весьма интересным памятником V–VI вв. н. эры, прошлогодние раскопки дали ему богатейшую резьбу по алебастру с изображениями сиринов, коней крылатых, деревьев, виноградников, гениев с прекрасно моделированными лицами в половину натуральной величины⁵.

Троицкий⁶, Вы, Василий Алексеевич, познакомились с ним в Ленинграде, приехал недавно из Самарканда и рассказывает о новом открытии палеолита. Какими-то судьбами в Самарканд попал [Н.Г.] Харламов⁷, которому и принадлежит честь открытия в самом центре города новой палеолитической стоянки⁸. Нашел какие-то пластины, резцы, нуклеусы, но я пока подробностей не знаю и не могу их сообщить. На месте находки он начал вести раскопки. Что-то они дадут? Культурный слой лежит близко от поверхности, кажется метра полтора.

Не знаю, как у Вас в Москве погода и продолжаете ли Вы страдать от холодов. Здесь тепло. Цветет урюк, персики, яблони, деревья покрываются листвой. Наверно недели через две-три наступят настоящие весенние дни.

В теплую погоду приятно и заниматься. Начал курс общей археологии в здешнем университете на историческом отделении. Занятия идут недурно. Страдаю только от того, что у меня все-таки слишком мало собственной литературы по археологии. Вот они – недостатки, как тяжелы для нас молодых. Каждую книжку приходится тащить из библиотеки, а ведь ее можно было бы иметь у себя на полке.

Много для университетского курса надо книг иметь. Больше же всего трудностей с наглядными пособиями. В здешнем музее нет ничего, на чем можно было бы иллюстрировать развитие культур на территории Европы. Приходится все на картинках показывать, да на доске рисовать.

Дети и жена здоровы. Если найдете время написать весточку, то не забудьте сообщить о состоянии своего здоровья. Желая всего лучшего. Читал статью Евгения Игнатьевича [Крупнова]⁹ по поводу Вашего 50-летия [Крупнов, 1938] и очень считаю ее удачной, прямо молодец.

А. Тереножкин
28 III 39 г.

№ 2

Дорогой Василий Алексеевич!

Очень рад, что Вы не забываете меня, уехавшего в далекий Туркестан.

Прежде всего спешу сообщить о пожаре. Пожар у нас в Институте был сильный, пострадал же больше всего я и мой ближайший сосед В.А. Шишкин. Однако погребло у меня далеко не все, так, например, бронза, которая интересует Вас, Василий Алексеевич, сохранилась полностью. Пропал лишь один горшочек, относимый мной к раннему железному веку. Не погиб основной материал и из раскопок на холме Ак-Тепе близ г. Ташкента¹⁰. Массовый материал сохранился, но сильно горюю об отборных предметах из раскопок – они почти совершенно пропали.

Василий Алексеевич, в ближайшее время выйдет моя статейка о результатах наблюдений на строительстве Ташкентского канала [Тереножкин, 1940]. В ней, хотя и не полностью, мне удалось представить свою бронзу, и Ваше желание, я надеюсь, будет отчасти удовлетворено.

Сейчас заканчиваю составление таблиц к полному отчету о наблюдениях на этом же канале

и обязательно вышлю фотографии со всех таблиц, которые могут быть полезны Вам (рис. 5).

Я располагаю небольшим количеством орудий и предметов из бронзы и керамическими изделиями [Тереножкин, 1950, с. 152, 153, рис. 69: XV, XVI]. Древнейшими среди них являются предметы из одного клада, в состав которого вошли – бронзовый вислообушный топор, нож обоюдоострый, булавка гвоздевидная с шляпкой и слиток бронзы весом больше полкилограмма¹¹. Изображения этих предметов я вышлю Вам, а сейчас схематически лишь набросаю. Топор небольших размеров, отличается от известных Вам семиреченских топоров отсутствием гребня на обухе [Там же, рис. 70: 1]. Нож обоюдоострый с черенком в виде лопаточки; откован из пластины [Там же, рис. 70: 2]. Булавка похожа на обычные булавки Минусинского края [Кузьмина, 1966, табл. XII: 2].

Руководствуясь формой ножа и сходством его с катакомбными ножами, пытаюсь датировать клад первой половиной II тысячелетия до н.э. (рис. 6).

В этой табличке представлены предметы с Ташкентского канала, которые я готов отнести ко времени андроновской и срубной культур, т.е. ко второй половине II тысячелетия до н.э. Каменный топор с двумя поперечными желобками и лункой, высверленной массивным сверлом¹² (рис. 7).

Крупный раздел в моих находках занимает совсем поздняя бронза, которую можно относить к железному веку. Я сопоставляю их с предметами тагарской культуры Минусинского края и датую VII–V вв. до н.э. [Тереножкин, 1950, с. 153, рис. 69–XVI: 1–10]. Как видите, предметы поздние. Может быть, я кое в чем и ошибаюсь, но, кажется, что в основном смена форм соблюдает ту же последовательность, какая имела место в южнорусских и казахстанских степях (рис. 8).

Особенно хотелось иметь Ваше мнение о датировке клада. Не поможет ли уточнить его время топор? Но я топоры плохо знаю. Решил вложить Вам их изображения на отдельных листках в натуральную величину. Булавка носит поздний характер, но возможны местные отступления.

Статью обязательно вышлю или в конце декабря или в самом начале января, но в ней нет еще многих упомянутых вещей.

Остаюсь Ваш А. Тереножкин.

23 XII 40 г.

№ 3

Дорогой Алексей Иванович!

Поздравляю Вас и супругу Вашу с Новым годом и желаю Вам много счастья и успеха в Новом 1941 году. Письмо Ваше и книжку я получил. Большое спасибо. Наконец-то бронзовые орудия отыскиались в раскопках и Туркестана. Давно пора. Туркестан, по моему мнению, в бронзовую эпоху был крупным центром¹³ – и если до сих пор бронзовые орудия попадали в небольшом числе, то это, вероятнее всего, потому, что содержащий их слой глубоко замечен песками и другими поздними отложениями почвы. Этот, да и другие древние и древнейшие слои вскроются, когда в Туркестане начнутся крупные постройки и сооружения.

Находка [А.П.] Окладникова¹⁴ [1940] явилась давножданной. Мустьерские находки совпадают с самым ранним рисским оледенением, когда вся Европа была под льдами и снегами. Люди и животные должны были искать убежища в более теплых странах, одною из которых и был Туркестан, куда неандертальцы устремились и с севера Сибири, и с запада, из Европейской [части] СССР, поэтому следует полагать, что в Туркестане последуют большие находки. Но что будет, посмотрим; что уже есть, мы видим и приходим в восторг. [С.П.] Толстов¹⁵ привез большую коллекцию¹⁶. Он, по-видимому, нашел большую неолитическую стоянку¹⁷. Обещал показать мне лучшие экземпляры, когда будет разбирать свою коллекцию.

В Москве на этих днях умерло два профессора и оба в своих ВУЗах¹⁸. В Ленинграде умер Н.И. Репников¹⁹. Скоро дойдет очередь и до меня. Я готов ...

Еще раз спасибо Вам!

В. А. Городцов

3 янв. 1941 г.

№ 4

Дорогой Василий Алексеевич!

Посылаю Вам две фотографии со своих двух схематических чертежей бронз, происходящих частью с Ташкентского канала, а частью из клада (рис. 9).

Из клада происходят предметы с № 1 по 4, а именно: вислообушный топор, нож обоюдоострый и булавка с круглой шляпкой. Эти предметы я, по своему разумению, отношу ко времени начала или первой половины второго тысячелетия до н.э., т.е. в основном ко времени катакомбной культуры. К этой же поре условно готов отнести обломок широкого обоюдоострого ножа и длинное шило (№ 5 и 6 рис[унка]). Сосуды с № 7 по 9 близки по технике к срубным и хвалынским, а может быть и андроновским. Топор (№ 10–12) вообще отношу ко II тысячелетию до н.э. (рис. 10).

Все изображенное на второй таблице: 1 – обломок бронзового ножа, 2–5 – бляшки от сбруи, 7–9, 12 – фрагменты глиняной посуды со штампованным орнаментом, 10–11 – бронзовый кинжал с чеканным и отлитым в форме орнаментом, 13 – крупную стрелу, обломок кельта (14) и 16–17 – два бронзовых ножа. Эти вещи я сопоставляю во времени со средней порой тагарской культуры, т.е. отношу к первой половине первого тысячелетия до н.э.

Желал бы знать Ваше, Василий Алексеевич, мнение по поводу всего этого.

Особенно интересует топор. Может быть, укажете не только время, но и на чего можно сослаться при его определении. Страдаю здесь от некоторого недостатка литературы.

Дела идут сносно. Ждем лета, да и зима нехолодна. Скоро, глядишь, и на раскопки отправиться пора наступит.

Печатаю сейчас предварительный отчет о раскопках замка алано-хазарского времени [Ак-Тепе], проведенных в прошлом году [Тереножкин, 1941]. Сдал в печать отчет о наблюдениях на Ташкентском канале, предварительное сообщение о котором я уже Вам посылал [Тереножкин, 1940]. В нем привожу описание всех своих бронз.

Желаю Вам доброго здоровья и счастливой жизни. Ваш Тереножкин.

1 III 41 г.

№ 5

Дорогой Василий Алексеевич!

Посылаю маленькую записочку. Написал давно-давно, а вышла только сейчас²⁰.

Получили ли Вы письмо с фотографиями схематических изображений ташкентской бронзы. Продолжаю интересоваться вопросом о сходстве вислообушного топора с топорами Фатьянова, которые Вы так хорошо знаете. К сожалению, не имею Вашей работы о бронзе Средней России [Городцов, 1915], нет ее здесь и в библиотеке.

Стоит теплая весенняя погода, скоро можно начинать полевые работы.

Как Ваше здоровье? Поклон от Лизы²¹. Ваш А. Тереножкин.

10 IV 41 г.

№ 6

Дорогой Василий Алексеевич!

Шлю Вам небольшую статейку о начатых в прошлом году раскопках [Тереножкин, 1941]. Сдал о них в печать более подробное сообщение [Тереножкин, 1948].

Сейчас снова нахожусь на раскопках этого же памятника [Ак-Тепе]. Открывается интересная картина. Говорить о результатах еще рано. Если буду здоров и буду при теперешних обстоятельствах иметь возможность продолжать работы, то они должны бы еще протянуться два месяца.

Как Ваше здоровье, Василий Алексеевич? Я и семья живем в полном порядке. Дети здоровые. Жара на них уже не действует. Ах, как хорошо на раскопках! Тяжело думать о начавшейся войне.

Ваш А. Тереножкин.

24 VI 41

№ 7

[Дата на штемпеле: 6 I 42]

Полевая почтовая станция 2026, часть 257. Алексею Ивановичу Тереножкину.

В.А. Городцов. Москва, 34. Полуэктово переулка, д. 5, кв. 4.

Дорогой Алексей Иванович!

Получил Ваше письмо. Оно очень обрадовало меня и удивило: я думал, Вы в Ташкенте, ведете арх[еологические] работы и никак не ожидал, что Вы уже на фронте. Что же, бейте немцев: они человеческой культуре не нужны.

Сын мой Мстислав²² на фронте заболел и был освобожден от в[ойенной] службы. Он уверен в победе нашей и очень болеет, когда получают известия о наших вольных и невольных

заминках.

Я за год войны написал II том Арх[еологии] по металлическому периоду [Сафонов, 2002]. Всего написано около 1300 стр., работа должна дать 3 тома. 1-й том сдан в печать; 2 том перепечатаваю на машинке для сдачи в редакцию, и 3 том только подготавливается²³. Испытываются затруднения в подборе необходимой литературы. Много вывезено из Москвы в другие города. Я второй год (с 24 сент.) болею, и, кажется, неизлечимой болезнью, но она мне все-таки позволяет работать²⁴. Прошу передать поклон Вашей супруге.

Любящий Вас В.А. Городцов.

Не унывайте, бейте проклятого врага и будьте здоровы. ВАГ.

№ 8

Дорогой Василий Алексеевич!

Я уже как-то Вам упоминал в своем письме о двух стоянках, открытых мною на берегах оз. Челкар²⁵ близ станции Челкар²⁶ по железной дороге Куйбышев–Ташкент. Всякий новый пункт местонахождения археологического памятника очень интересен. Особенно же было важно познакомиться с памятниками такого еще совершенно неизученного места, каким является область Северного Приаралья. По понятным для Вас причинам я не могу сейчас дать полной оценки и по достоинству оценить открытые памятники. Досаднее всего отсутствие у меня сейчас статьи [И.В.] Синицина²⁷ о стоянках с каменной индустрией в Калмыкии [Синицын, 1931]. Вы, наверное, помните эту статью. Чем же больше продумываю, тем начинаю чувствовать большое значение открытых стоянок.

В иных условиях я выслал бы Вам, Василий Алексеевич, полную копию заметки по поводу этих стоянок, которую я отсылаю в Киргизию, но стоянки расположены не на берегах самого озера Челкар, а на берегах маленького круглого пресноводного озера, находящегося в нескольких сотнях метров к юго-западу от южного края селения Челкар. Одна находится на южном берегу озера, а другая – на западном берегу озера. Каждая из них занимает площадку от 150 до 200 кв. м. На глиняной поверхности, дерновой покров с которой снесен ветрами и весенними ручейками, найдены культурные остатки. Они состоят из обломков керамики и изделий из кремня. Этот случай у меня первый, когда, несмотря на дюнный характер местонахождения, у меня совершенно не возникает мысли о одновременности керамических и каменных предметов. Я обошел значительную часть побережья Челкара и других около него находящихся пресноводных и соленых озерцов, нигде не находил ничего, кроме отдельных фрагментов керамики и кремневых пластин, но в то же время на обеих стоянках находятся и фрагменты посуды, и кремни. В расположении стоянок нет ничего выдающегося, чтобы именно эти два места выбрать в разные эпохи для поселений: керамика и камень одновременны, сомневаться в том нельзя. В густонаселенных местах в древности такой случай не исключен, но в пустыне он невозможен.

Остановлюсь вначале на камнях. Они представлены: ножевидными пластинами, наконечниками стрел из пластин, скребками и проколками. Пластины, скребки и пр. носят микролитический характер. Материалом для них служил не кремнь из коренных месторождений, а всевозможный галечник, а оттенки и пестрота состава его: кремнь отличный, опоквый, яшма, кварцит.

Пластины обычные, с подретушированными краями, скребки (рис. 1 и 2) миниатюрные. Для изготовления их откалывались широкие пластинки. Они низкие, трапециевидной формы, с хорошо отретушированной рабочей частью. Правда, ретушь часто бывает понизу покрыта мелкими щербинами и сильно скошена в результате употребления. Интересны наконечники стрел, (рис. 3–4) сделанные из пластин путем соответствующей их обработки ретушью. К сожалению, нет ни одного экземпляра целого, а только половины — передние или черенковые. Ретушью стрелы отделялись только с одной стороны: то со стороны общего раковистого отщепа, либо со стороны узких граней (чаще). Проколка найдена одна — узкое тщательно ретушированное острие.

Керамика представлена небольшим количеством очень мелких обломков. Есть от краев, из которых один (рис. 5) орнаментирован косыми параллельными линиями. Один (рис. 6) украшен по широкому срезу края тычковым орнаментом, глубоким тычком, по-видимому, приостренной палочкой. Сами стенки ниже венечной части с украшениями не найдены. Что особенно замечательно, были плоскодонными с крепким устойчивым дном (см. проф. 7 и 8).

Глина в черепках средней промеси, обжиг средний (обычный для эпохи бронзы), пестрый ввиду неровности прокалики.

Вот все основное, что можно сказать про материалы. Рисунки, которые я привел, дают представление о наиболее типичных формах (рис. 11).

Если руководствоваться всеми этими предметами, то можно прямо отнести стоянки к средней поре бронзовой эпохи, а, может быть, даже к началу поздней поры. При всех обстоятельствах абсолютная дата их — середина 2-го тысячелетия до н.э.

У В.В. Гольмстен²⁸ была стоянка на дюнах с микролитической индустрией и круглодонной посудой — ранняя бронза²⁹, здесь же посуда плоскодонная.

В пустыне, вдалеке от передовых центров и оживленных линий связей продолжали, по-видимому, долго сохраняться пережитки архаического производства и такого же архаического охотничье-рыболовецкого быта. Ярче всего это сказалось в том, какое место в быту составлял кремь.

В некоторых отношениях эти стоянки в пустыне напомнили мне памятники эпохи бронзы, открываемые на севере. Особенно интересен мне показался в этом отношении Оленеостровской м[огильни]к, описанный [В.И.] Равдоникасом³⁰ в Сов. Арх. № 6 [1940] — стрелы-то в нем тех же почти форм. Конечно, я не собираюсь на основании Челкарских стоянок датировать Оленеостровский могильник ... но Челкар и Олений Остров стоят в каком-то одном историческом ряду. Вы то, наверное, найдете такие параллели — более широкие, но у меня сейчас таких возможностей нет. Сейма–Выборг (стр. 60 Сов. Арх. № VI) [Равдоникас, 1940] по Вашим данным — не случайность, и Ваши наблюдения — не результат формального восприятия³¹.

Ну, хватит о Челкарах!

Недавно имел счастье встретиться в г. Муроме с дорогим Евгением Игнатьевичем Крупновым³². Незабываемые дни в моей жизни.

Мечтаю увидеть Вас, Василий Алексеевич, и побеседовать на любезные душе археологические темы, как то бывало в мою бытность в Москве.

Семья моя продолжает, как и раньше, жить в Ташкенте — все здоровы и более или менее благополучно коротают время.

Остаюсь Ваш почитатель А. Тереножкин.

30 VI 42

Адрес: г. Горький, почтамт, до востребования, Тереножкину³³.

№ 9

12 VII 42. Дорогой Василий Алексеевич.

Очень долго шла до меня печальная весть о том, что бесценный мой учитель и лучшая из Ваших учениц Вера Владимировна Гольмстен, умерла [8.03.1942]. Вам уже, может быть, странно будет читать эти строки запоздалые, однако, надеюсь, Вы простите мне, зная мое исключительное теперешнее положение. Печальное известие побывало сначала в Ташкенте и только в Горьком настигло меня.

О значении Веры Владимировны для русской науки и как дорога она для Вас, Василий Алексеевич, была, знаете только Вы. Только Вы можете оценить утрату ее и как большой доброты человека.

Вера Владимировна первая, кто своей умелой рукой подвела меня к истинной науке, к подлинным знаниям основам. Она, опираясь на Ваш огромный опыт, познакомила и научила правильной постановке полевых исследований, умению их обрабатывать и доводить до соответствующего конца.

Веру Владимировну знала вся моя семья, ее знала и моя мать, относившаяся к Вере Владимировне с большим уважением и почитанием. Напишу маме про мое горе.

Вечно буду помнить несколько суровый и в то же время почти всегда веселый взор ее — незабвенной моей учительницы Археологии³⁴.

Остаюсь в большой печали Ваш А. Тереножкин.

№ 10

Здравствуй, дорогой Василий Алексеевич!

Давненько Вам не писал и подумал напомнить о своем существовании.

Я сейчас нахожусь там, где последнее свое время как археолог работала некогда Т.М. Минаева³⁵, т.е. на сталинградском фронте. В моей работе изменений существенных не произошло. Попадая сюда, я думал, что может быть случится что-нибудь — на бережках речек натолкнуться на стояночку срубной культуры или встретить следы какого-нибудь поселения алан, но время и обстановка пока не позволили отвлечься никуда для таких целей. Проклятые фрицы.

Василий Алексеевич, сильно скучаю о Вас и часто вспоминаю Ваше доброе, воистину отцовское отношение ко мне и к моей семье. Больше всего мне хочется узнать у Вас, Василий Алексеевич, о судьбе Вашего сына Мечислав Васильевича³⁶. Где он и что с ним?

Вспоминаю, что в тяжелейшие годы жизни нашей Родины Вы, Василий Алексеевич, написали одну капитальную работу — «Каменный период» [Городцов, 1923], но за Вами оставался долг. И вот теперь, в годы новых тягот и страданий, Вы осуществляете второй свой труд, пишете второй том — «Металлический период» [Сафронов, 2002], книгу, которую я, Ваш ученик, жду с великим нетерпением. Как будто бы вопреки трудностям Вы усаживаетесь за работу над самым тяжелым и большим [трудом] и осуществляете его, несмотря ни на что, даже на свой преклонный возраст, болезни и бытовые недостатки, показываете силу духа русского человека — непреклонного. Нет, фрицы, русскую культуру вам, паршивым, не сломать, хотя вы, да будьте вы прокляты, забрались к нам на наши поля родные.

Дорогой Василий Алексеевич, мне хотелось бы знать ход Вашей работы. Много ли осталось до ее окончания и что удалось уже осуществить. С каким бы наслаждением я ее почитал в рукописи, а про счастье видеть ее вышедшей уже в свет я не могу и писать. Вы ведь единственный, который может обнять еще русскую археологию во всем ее объеме.

Семья продолжает жить в Ташкенте. Живы, здоровы все. Пишу им по старому служебному адресу. С нижайшим поклоном Ваш А. Тереножкин.

17.X.42 г.

Примечания:

¹ Граков Борис Николаевич (1899–1970), археолог, историк, филолог-классик, доктор исторических наук, профессор (1939); см. подробнее: (Мелюкова, Свиридов, 2004; Кузьминых, 2007; Плешивенко, 2011).

² Потапов Александр Александрович (1894–1938), археолог. Окончил Харьковский университет. В конце 1920-х в Харьковском археологическом музее, проводил разведки и раскопки на Северном Кавказе и в Закавказье. С начала 1930-х в Москве, в Музее народоведения, сотрудничал со Средазкомстарис, занимался исследованиями в Средней Азии, в середине 1930-х в МО ГАИМК–ИИМК, один из руководителей археологических работ при строительстве Московского метрополитена; см. подробнее: (Балабина, 2001).

³ К сожалению, рукопись осталась неопубликованной (Потапов, 1929; 1930).

⁴ Шишкин Василий Афанасьевич (1893–1966), археолог, востоковед, чл.-корр. АН Узбекской ССР (1966), профессор, доктор исторических наук; см. подробнее: (Василий... 1965; Лунин, 1967).

⁵ Речь идет о раскопках городища Варахша в Бухарском оазисе (Шишкин, 1941; 1963).

⁶ О ком идет речь, установить не удалось. Возможно, здесь упомянут зоолог и антрополог Владимир Васильевич Троицкий (1885–1952); см.: (Гремяцкий, 1963; Балахонова, 2009). Нельзя исключить и то, что действительная фамилия этого человека звучала как «Троцкий», а после разгрома троцкистской оппозиции политические обстоятельства заставляли носителей менять ее на «Тронский», «Троицкий» и пр. Может быть, именно из-за этого Тереножкин называет лишь фамилию и не приводит инициалы.

⁷ Харламов Н.Г., выпускник историко-археологического отделения этнологического факультета 1 МГУ, учитель школы в Кашире, преподавал в МГУ. В 1928 провел разведки в Сибири и на Дальнем Востоке, ознакомился с работой музеев, занимался резкспозицией Хабаровского краеведческого музея, составил археологическую карту Дальневосточного края. В 1930-х изучал петроглифы на Нижнем Амуре.

⁸ Речь идет о Самаркандской позднелепестчатой стоянке «в парке «Динамо» на берегу сброса Сиабчу» (Григорьев, 1940а, с. 90), которая в том же 1939 г. была обследована М.В. Воеводским, а в 1958–1967 гг. раскапывалась Д.Н. Львом (Борисковский, Окладников, 1970, с. 298); см. подробнее о памятнике: (Джуракулов, 1987). Отчет Н.Г. Харламова хранился в Самаркандском музее.

⁹ Крупнов Евгений Игнатьевич (1904–1970), археолог-кавказовед. Окончил историко-археологическое отделение 1 МГУ (1930), ученик В.А. Городцова. Работал в ГИМе (1930–1951), МО ИИМК–ИИМК–ИА АН СССР (с 1937); см. подробнее: (Козенкова, 1994; Мунчаев, 2004; Скаков, 2010).

¹⁰ См. о раскопках и материалах поселения Ак-Тепе (Тереножкин, 1941; 1948).

¹¹ Речь идет о кладе конца бронзового века Чимбайлык; см. подробнее: (Тереножкин, 1950, рис. 69–XV: 1–4, 70: 1, 2; Кузьмина, 1966, с. 100, № 62, табл. I: 5, VII: 4, XII: 2).

¹² Камень сверлили трубчатой костью, подсыпая абразивный песок, поэтому определение для сверла

«массивное» нужно считать условным (*авт.*).

¹³ См. о месте Туркестана в культурно-исторических процессах бронзового века в трудах В.А. Городцова (1910, с. 30, 31; 1927).

¹⁴ Окладников Алексей Павлович (1908–1981), археолог, историк, этнограф; см. подробнее: (Конопацкий, 2001; 2009; Молодин, 2013; 2014).

¹⁵ Толстов Сергей Павлович (1907–1976), этнолог, археолог, историк; см. подробнее: (Итина, 1997; Неразлик, 2004; Аржанцева, 2016; Болелов, 2016).

¹⁶ См. о работах С.П. Толстова в 1940 г. в Хорезме: (Археологические... 1962, с. 114; Рапопорт и др., 2016, с. 200).

¹⁷ Речь идет о раскопках Хорезмской экспедицией в 1939–1940 гг. неолитической стоянки Джанбас-кала 4 открытой тогда кельтеминарской культуры; см. подробнее: (Толстов, 1948; Виноградов, 1968).

¹⁸ Дневниковые записи 1940 г. в архиве В.А. Городцова отсутствуют, поэтому не удалось установить личности умерших профессоров (*авт.*).

¹⁹ Репников Николай Иванович (1882–1940), археолог, этнограф, искусствовед. В 1940 г. сотрудник ИИМК; см. подробнее: (Бернштам, Бибилов, 1941; Тункина, 2017, с. 512, 513).

²⁰ Речь об одной из работ ученого, вышедших в 1940 г. (Тереножкин, 1940б; 1940в; 1940г).

²¹ Елизавета Яковлевна (Яковлева) Тереножкина (1911–1991), первая жена А.И. Тереножкина. После 1946 г. семья распалась, но супруга не давала развода, поэтому брак с В.А. Ильинской нельзя было зарегистрировать (*авт.*).

²² Городцов Мстислав Васильевич (1899–1968), реставратор. В 1922–1925 учился на археологическом отделении ФОН 1 МГУ. В 1920–1930-е участвовал в некоторых экспедициях В.А. Городцова. С 1928 работал в ГИМ: реставратор в макетно-муляжной мастерской (с 1929), ее заведующий (1932–1959); см. о нем: (Смирнов, 1969).

²³ Издать 1 и 2 тома «Археологии» в годы войны, к сожалению, не удалось: 1 том затерялся в издательстве, «всплыл» в наши дни и находится теперь в фонде В.А. Городцова в ОПИ ГИМ; 2 том требовал доработки иллюстраций и карт, но ученики Городцова не приложили после войны усилий для публикации рукописи; том 3 был только в планах (Белозёрова, Кузьминых, 2015, с. 68).

²⁴ См. подробнее об этом в дневниковых записях В.А. Городцова (2015б, с. 320–467).

²⁵ Это письмо не сохранилось.

²⁶ Совр. город Шалкар (бывш. Челкар) — центр Шалкарского района Актюбинской области Казахстана.

²⁷ Синецын Иван Васильевич (1900–1972), археолог, историк, краевед, ученик П.С. Рыкова, профессор Саратовского университета (1962); см. подробнее: (Максимов, Малов, 2000; Каргин, 2010).

²⁸ Гольмстен Вера Владимировна (1880–1942), археолог, педагог. В 1910 окончила МАИ, в 1914–1916 училась на истфилфаке МЖВК, ученица В.А. Городцова; см. подробнее: (Мизинова, Сальников, 1962; Кузьминых и др., 2007; Сташенков, Кочкина, 2020).

²⁹ Речь идет о стоянках на дюнах р. Самарки близ д. Марычевка, в урочище Захар-Калма и др. (Гольмстен, 1928. С. 129, 130; Васильев, 1976).

³⁰ Равдоникас Владислав Иосифович (1894–1976), археолог, педагог; см. подробнее: (Столяр, 1988; Формозов, 1996; Тихонов, 2015).

³¹ Знаменитый кинжал из Сеймы с пластинчатым клинком и прилитой рукоятью с фигурным навершием в виде головы лося В.А. Городцов (1915. С. 89) сопоставил с каменным фигурным молотом с обушковой частью также в виде головы лося из Сяккярви близ Выборга, полагая, что северные каменные топоры со скульптурными навершиями возникли в подражание бронзовым. В.И. Равдоникас, однако, не принял эту идею, посчитав, что эта близость связана с тем, что «памятники круга Галич–Сейма–Турбино генетически связаны с лесным неолитом, с бытованием более продолжительное время на севере, чем в Волго-Окском и Камском районах» (Равдоникас, 1940, с. 60).

³² Во время войны А.И. Тереножкин и Е.И. Крупнов вели активную переписку (*авт.*).

³³ Судя по адресу, письмо написано из Гороховецких лагерей (*авт.*).

³⁴ Слева приписка на полях: «Прощай, моя защитница и покровительница!» (*прим. А.И. Тереножкина*).

³⁵ Минаева Татьяна Максимовна (1896–1973), археолог, педагог, ученица П.С. Рыкова; см. подробнее: (Найденко, 1976).

³⁶ Мстислав Городцов с 1932 г. возглавлял макетно-муляжную мастерскую ГИМ. С осени 1941 г. постоянно дежурил в музее, оберегая здание от зажигательных бомб и пожаров (Белозёрова, Кузьминых, 2015. С. 64, 65). В письме его имя передано «Мечислав», по-видимому, производным от имени «Слава», как его звали близкие, сокурсники и друзья.

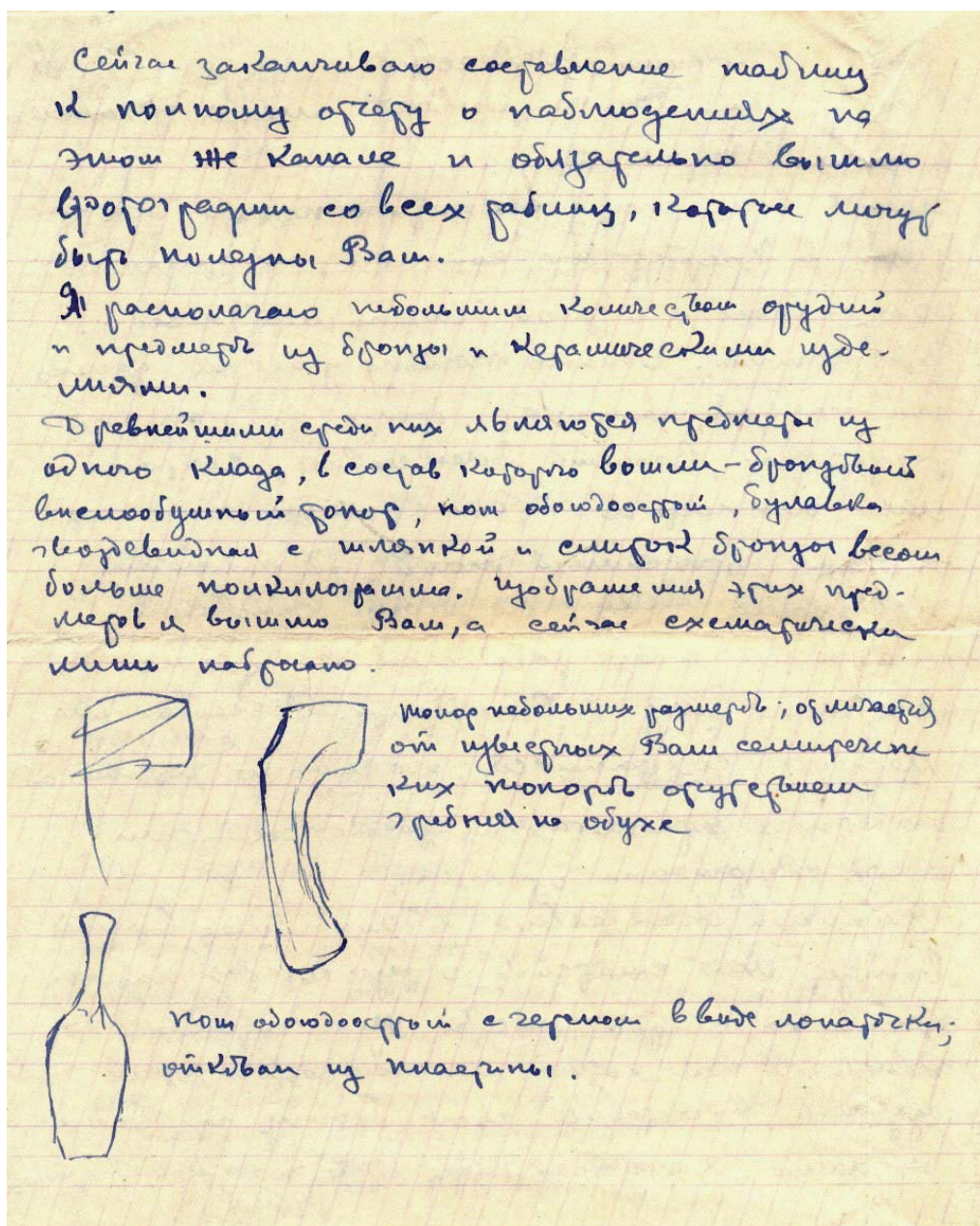


Рис. 5. Страница письма А.И. Тереножкина (23.12.1940) с рисунками топора и ножа из Чимбайлыкского клада.

Fig. 5. The page of the letter of A.I. Terenozhkin (23.12.1940) with drawings of an axe and a knife from the Chimbaylyk treasure.

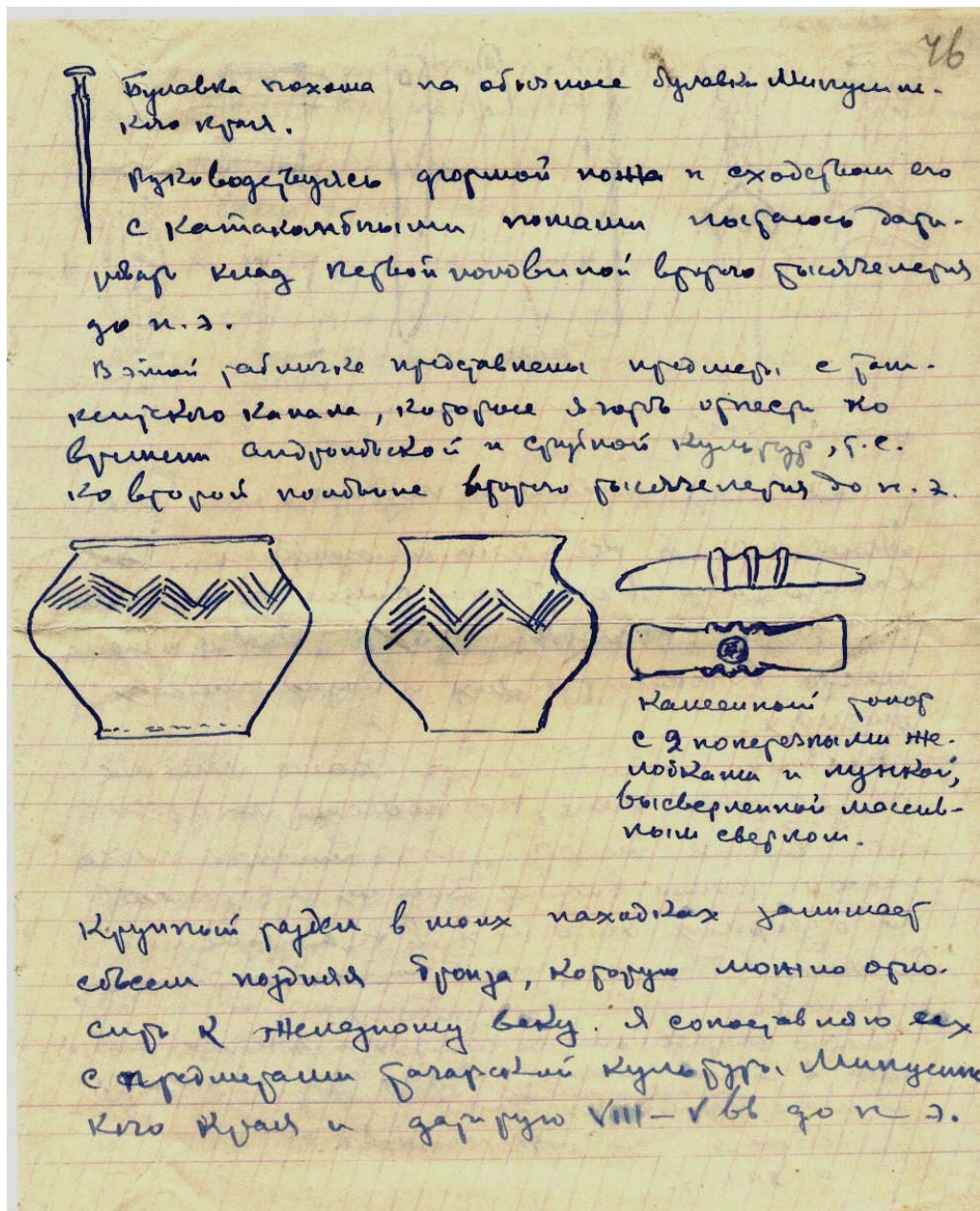


Рис. 6. Страница письма А.И. Тереножкина (23.12.1940) с рисунками находок эпохи бронзы.
Fig. 6. The page of the letter of A.I. Terenozhkin (23.12.1940) with drawings of finds of the Bronze Age.



Рис. 7. Страница письма А.И. Тереножкина (23.12.1940) с рисунками находок эпохи раннего железа.
 Fig. 7. The page of the letter of A.I. Terenozhkin (23.12.1940) with drawings of finds of the Early Iron age.

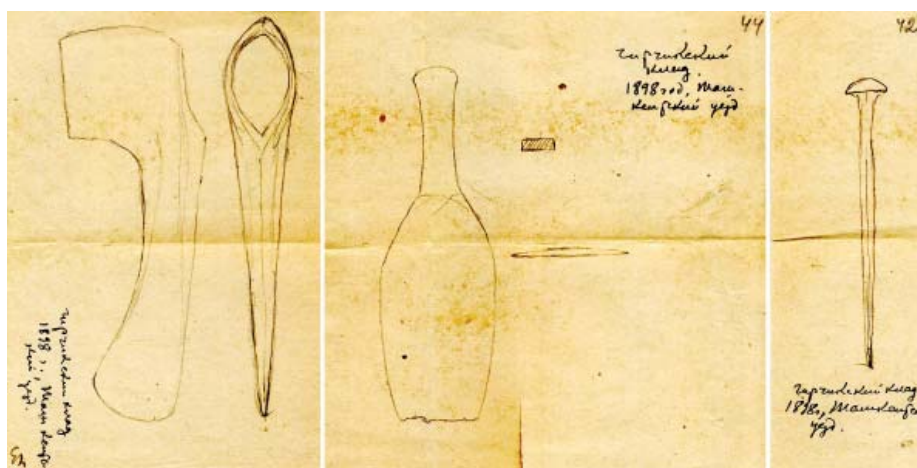


Рис. 8. Чимбайлыкский (Чирчикский) клад. Рисунки А.И. Тереножкина.
Fig. 8. The Chimboylyk (Chirchik) treasure. Drawings by A.I. Terenozhkin.

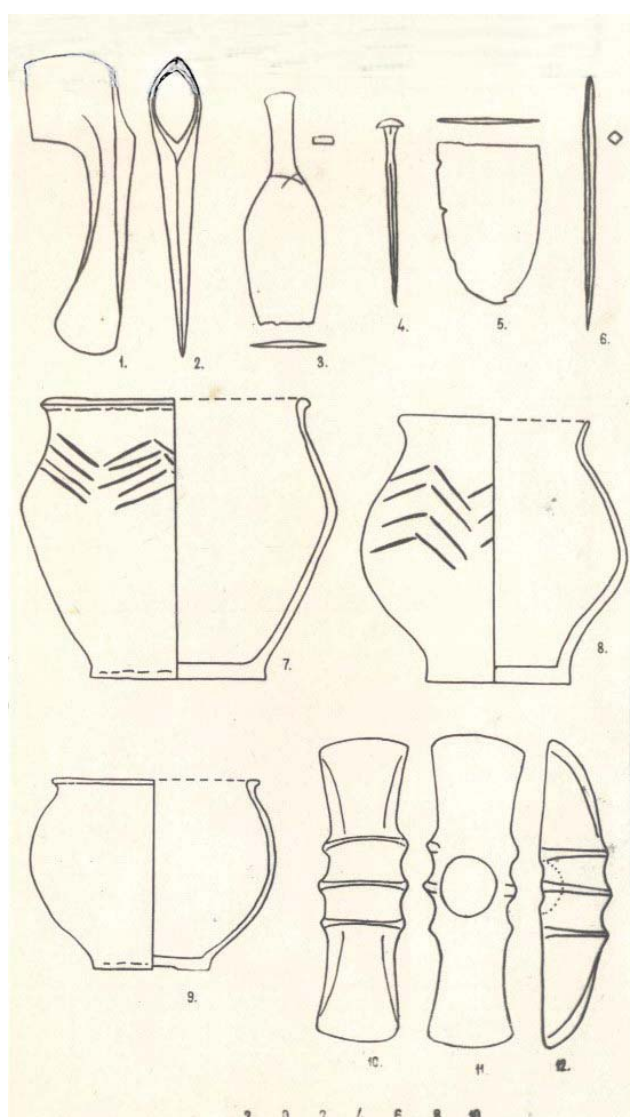


Рис. 9. Фото рисунков бронзовых изделий Чимбайлыкского клада и находок с трассы Ташкентского канала (эпоха бронзы).
Fig. 9. Photos of drawings of bronze products of the Chimbaylyk treasure and finds from the route of the Tashkent Canal (Bronze Age).

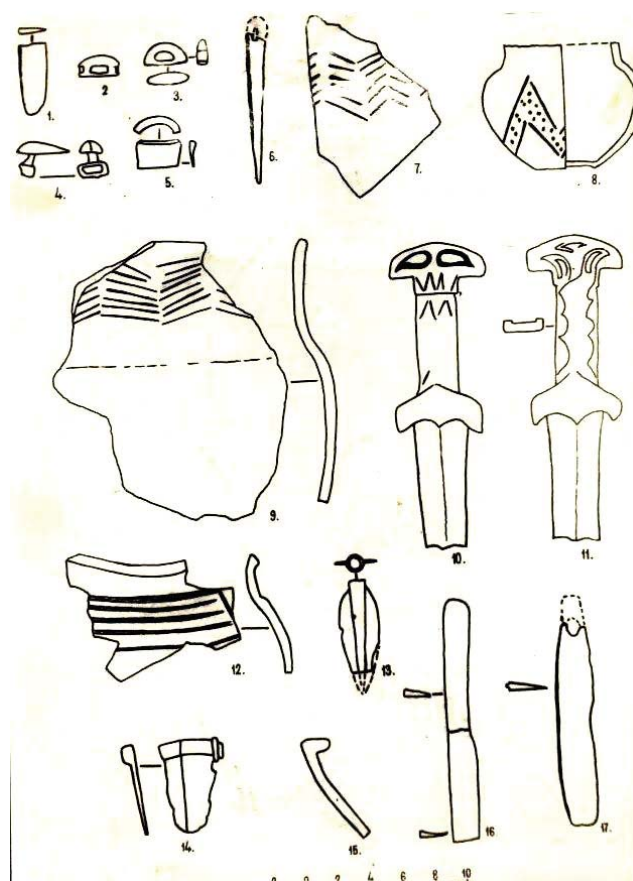


Рис. 10. Фото рисунков бронзовых изделий, собранных во время строительства Ташкентского канала (РЖВ).
Fig. 10. Photos of drawings of bronze products collected during the construction of the Tashkent Canal (RZHEV).

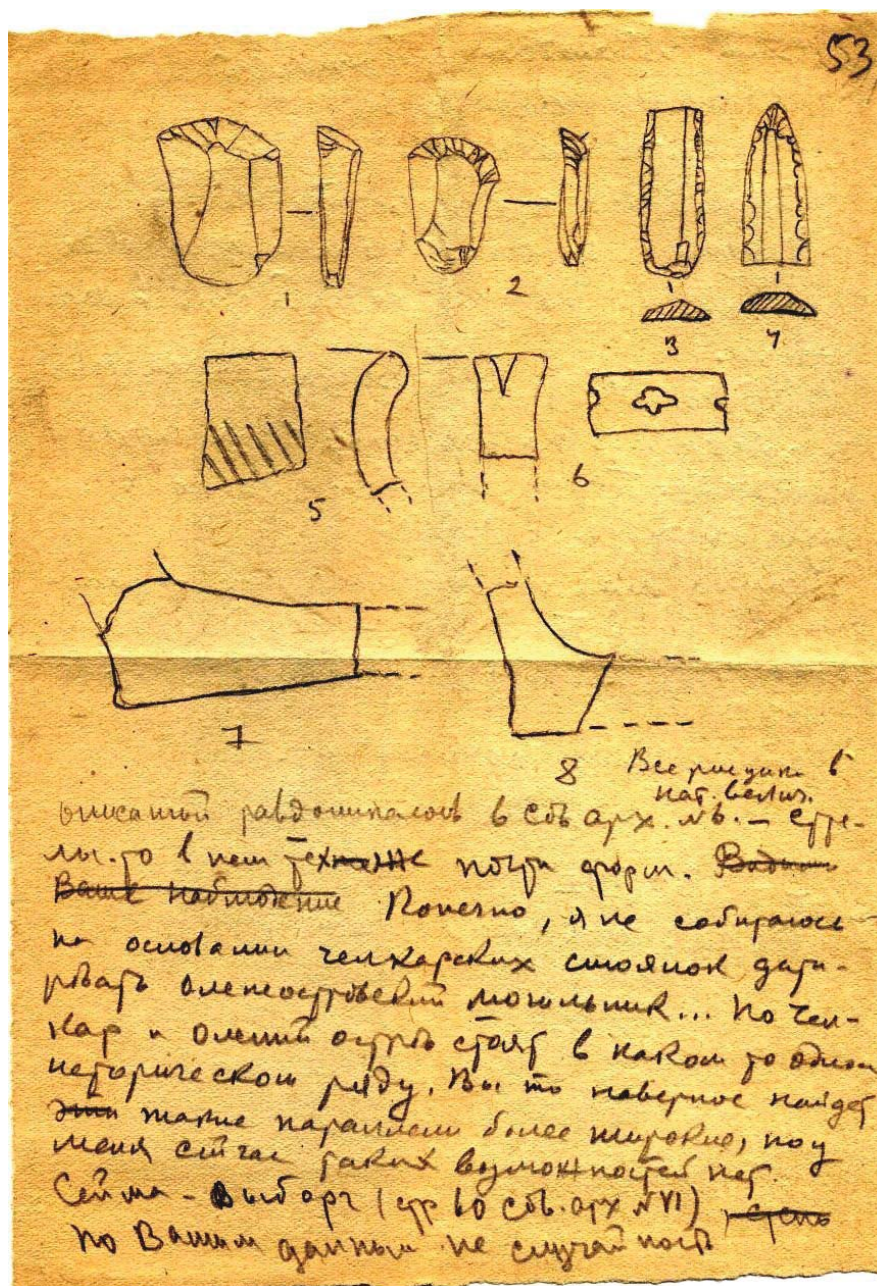


Рис. 11. Страница письма А.И. Тереножкина (30.06.1942)
с рисунками находок на стоянках у ст. Челкар.

Fig. 11. The page of the letter of A.I. Terenozhkin (30.06.1942)
with drawings of finds in the parking lots at the station Chelkar.

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Аржанцева И.А. Хорезм. История открытий и исследований. Этнографический альбом. Ульяновск: Артишок, 2016. 288 с., 654 илл.

Археологические экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР (1919–1956 гг.): Указатель / Ред. Н.Н. Воронин, М.А. Тиханова. М.: АН СССР, 1962. 264 с.

Балахонова Е.И. В.В. Троицкий и его коллекция в Музее антропологии // Вестник МГУ. Сер. XXIII: Антропология. 2009. № 3. С. 55–65.

Балабина В.И. О прекрасной даме, ее рыцарях и бардах (Т.С. Пассек, Б.А. Латынин и А.А. Потапов) // Stratum plus. 2001–2002. № 2. С. 14–31.

Белозёрова И.В., Гайдуков П.Г., Кузьминых С.В. К юбилею Института археологии РАН: Московская секция РАИМК–ГАИМК, Московское отделение ГАИМК–ИИМК // РА. 2019. № 4. С. 102–117.

Белозёрова И.В., Кузьминых С.В. Жизненный и научный путь В.А. Городцова (по архивным документам и воспоминаниям) // Городцов В.А. Дневники. 1928–1944: в 2 кн. Кн. 1: 1928–1935 / Сост. И.В. Белозёрова, С.В. Кузьминых. М.: Триумф принт, 2015. С. 12–72.

Бернштам А.Н. Археологические работы в Казахстане и Киргизии // ВДИ. 1939. № 4. С. 169–181.

Бернштам А.Н., Бибииков С.Н. Н.И. Репников (1882–1940) [Некролог] // КСИИМК. 1941. Вып. IX. С. 121–123.

Болелов С.Б. Толстов Сергей Павлович // БРЭ. 2016. Т. 32. С. 240.

Борисковский П.И., Окладников А.П. Д.Н. Лев (1905–1969) [Некролог] // СА. 1970. № 3. С. 298–299.

Бочкарев В.С. Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // Stratum plus. 2017. № 2. С. 159–204.

Буряков Ю.Ф. Пскентские наусы // СА. 1968. № 3. С. 131–136.

Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент: Фан, 1982. 212 с.

Василий Афанасьевич Шишкин как ученый-археолог и общественный деятель (к 70-летию со дня рождения) // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 6. / Отв. Ред.: Б.В. Лунин. Ташкент: Наука, 1965. С. 5–16.

Васильев И.Б. К вопросу о двух ямно-полтавкинских поселениях в Куйбышевском Заволжье // Очерки истории и культуры Поволжья. Вып. 2. / Отв. ред. Е.И. Медведев. Куйбышев: Куйбышев. гос. ун-т, 1976. С. 97–112.

Виноградов А.В. Неолитические памятники Хорезма. М.: Наука, 1968. 180 с.

Гольмстен В.В. Археологические памятники Самарской губернии // В.А. Городцову – XL / ТСА РАНИОН. Т. IV. / Ред. В.М. Фриче и др. М.: РАНИОН, 1928. С. 125–137.

Городцов В.А. Бытовая археология. Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте. М.: Печ. А.И. Снегиревой, 1910. 474 с.

Городцов В.А. Культуры бронзовой эпохи в Средней России // ОИРИМ за 1914 год. М.: Синод. тип., 1915. С. 121–226.

Городцов В.А. Археология. Т. 1. Каменный период. М.–Пг.: Гос. изд-во, 1923. 397 с.

Городцов В.А. Бронзовый век на территории СССР // БСЭ. 1927. Т. VII. Стлб. 610–626.

Городцов В.А. К вопросу о киммерийской культуре // ТСА РАНИОН. М.: РАНИОН, 1928. Т. II. С. 46–60.

Городцов Василий Алексеевич. Дневники (1928–1944): в 2-х кн. Кн. 1: 1928–1935 / Сост. И.В. Белозёрова, С.В. Кузьминых. М.: ИД Триумф принт, 2015а. 687 с.

Городцов Василий Алексеевич. Дневники (1928–1944): в 2-х кн. Кн. 2: 1936–1944 / Сост. И.В. Белозёрова, С.В. Кузьминых. М.: ИД Триумф принт, 2015б. 695 с.

Граков Б.Н. Работы в районе проектируемых южно-уральских гидроэлектростанций // Археологические работы Академии на новостройках 1932–1933 гг. Вып. 2. / Известия ГАИМК Вып. 110. / Отв. ред. И. Мещанинов. М.-Л.; Соцэкгиз, 1935. С. 91–119.

Граков Б.Н. Археологические раскопки близ Никополя // ВДИ. 1939. № 1. С. 271–276.

Гремяцкий В.А. Памяти В.В. Троицкого // Вопросы антропологии. 1963. Вып. 14. С. 112–114.

Григорьев Г.В. Поселения древнего Согда: (По данным исследования городищ Самаркандского района) // КСИИМК. 1940. Вып. 6. С. 24–34.

Григорьев Г.В. Находка мустьерского остроконечника в Самарканде // КСИИМК. 1940а. Вып. 8. С. 89–90.

Джуракулов М.Д. Самаркандская стоянка и проблемы верхнего палеолита в Средней Азии. Ташкент: Фан, 1987. 171 с.

Итина М.А. К 90-летию С.П. Толстова и 60-летию Хорезмской археолого-этнографической экспедиции // РА. 1997. № 4. С. 189–199.

Канторович А.Р. Заметки о преподавательской деятельности В.А. Городцова в Московском университете // Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева / Сост. А.Е. Мусин. М.: ЛеопАрт, 2009. С. 309–313.

Каргин Ю.Ю. Полевые археологические исследования И.В. Сеницына: (К 110-летию со дня рождения) // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 8. / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: ИЦ «Наука», 2010. С. 7–29.

Китова Л.Ю. История сибирской археологии (1920–1930-е годы): изучение памятников эпохи металла. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2007. 272 с.

Клюшкина И.В. (сост.). Отдел археологических памятников Государственного исторического музея: краткая историческая хроника. Часть первая: 1873–1935 гг. // Государственный исторический музей и отечественная археология. К 100-летию отдела археологических памятников / Тр. ГИМ. Вып. 201. / Отв. ред. Д.В. Журавлев, Н.И. Шишлина. М.: ГИМ, 2014. С. 232–288.

Козенкова В.И. Евгений Игнатьевич Крупнов (к 90-летию со дня рождения) // РА. 1994. № 1. С. 191–196.

Конопацкий А.К. Прошлого великий следопыт. Академик А.П. Окладников: страницы биографии. Кн. 1. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2001. 492 с.

Конопацкий А.К. Прошлого великий следопыт. Академик А.П. Окладников: страницы биографии. Кн. 2. М.: АИРО-XXI, Нов. хронограф, 2009. 549 с.

Крайнов Д.А. Памяти В.А. Городцова // Проблемы изучения древних культур Евразии / Отв. ред. Д.А. Крайнов. М.: Наука, 1991. С. 12–27.

Крупнов Е. К 50-летию юбилею научной деятельности проф. В.А. Городцова // ВДИ. 1938. № 3. С. 236–238.

Кузьминых С.В. Граков Борис Николаевич // БРЭ. 2007. Т. 7. С. 611.

Кузьминых С.В., Сафонов И.Е., Сташенков Д.А. Вера Владимировна Гольмстен: материалы к биографии. Самара: Офорт, 2007. 168 с.

Кызласова И.Л. Об археологе В.П. Левашевой и ее отце, протоиерее П.Н. Левашеве // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009) / Отв. ред. И.С. Каменецкий, А.Н. Сорокин. М.: Гриф и К, 2010. С. 751–769.

Лев Д.Н. Самаркандская палеолитическая стоянка (предварительное сообщение) // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 6. / Отв. ред. Б.В. Лунин. Ташкент: Наука, 1965. С. 22–29.

Лунин Б.В. В.А. Шишкин [Некролог] // СА. 1967. № 2. С. 301.

Максимов Е.К., Малов Н.М. Профессор Иван Васильевич Синицын – советский археолог XX века // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии / Ред. Е.К. Максимов и др. Саратов: СГУ, 2000. С. 9–19.

Мелюкова А.И., Свиридов А.В. Борис Николаевич Граков (1899–1970) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 3: Древний мир и Средние века / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов, Л.Т. Мильская. М.: Наука, 2004. С. 45–63.

Мизинова В.П., Сальников К.В. Памяти В.В. Гольмстен // СА. 1962. № 4. С. 121–123.

Молодин В.И. Академик Окладников – страницы творчества (в честь 105-юбилея). Новосибирск: НГУ, 2013. 96 с.

Молодин В.И. Окладников Алексей Павлович // БРЭ. 2014. Т. 24. С. 26–27.

Мунчаев Р.М. Евгений Игнатьевич Крупнов: к столетию со дня рождения // РА. 2004. № 1. С. 5–14.

Найденко А.В. Старейший археолог Северного Кавказа: (Памяти Т. М. Минаевой, 1896–1973) // МИСК. 1976. Вып. 14. С. 327–332.

Неразлик Е.Е. Сергей Павлович Толстов // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 4: Новая и новейшая история / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М.: Наука, 2004. С. 462–484.

Окладников А.П. Неандертальский человек и следы его культуры в Средней Азии. (Предварительные данные и выводы о раскопках в гроте Тешик-Таш) // СА. 1940. Т. VI. С. 5–19.

Отрощенко В. Проблема формування наукових шкіл на прикладі відділу археології енеоліту та бронзового віку ІА АН УРСР // Наукові студії: Збірник наукових праць. Львів-Винники: Апріорі, 2013. Вип. 6. С. 3–12.

Отрощенко В.В. О.І. Тереножкін як дослідник бронзової доби в Степовій Україні // Ранній залізний вік Євразії: до 100-річчя від дня народження О.І. Тереножкіна / Відп. ред. С.А. Скорий. Київ–Чигирин: Формат, 2007. С. 13–14.

И жизнь, и слезы, и любовь / сост. Плешивенко А.Г. Запорожье: ООО «ЛИПС» ЛТД, 2011. 368 с.

Потанов А.А. Обзор тепе среднего течения Чирчика / Архив ГУОПМК УзССР. Ташкент, 1929. Д. 96.

Потанов А.А. Пскентский курганный могильник / Архив ГУОПМК УзССР, 1930. Д. 31.

Равдоникас В.И. Неолитический могильник на Онежском озере: (Предварительное сообщение) // СА. 1940. Т. VI. С. 46–62.

Рапопорт Ю.А., Левина Л.М., Неразик Е.Е., Гертман А.Н., Болелов С.Б. Приложение 1. Хроника работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции // Аржанцева И.А. Хорезм. История открытий и исследований. Этнографический альбом. Ульяновск: Артишок, 2016. С. 198–234.

Сасенко В. Порівняльні життєписи: Борис Миколайович Граков та Олексій Іванович Тереножкін // МДАПВ. 2015. Вип. 19: Історія археології: міжособистісні та інституціональні комунікації. С. 123–135.

Сафонов И.Е. Подготовка В.А. Городцовым второго тома серии «Археология» // Археология в российских университетах / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: ВГУ, 2002. С. 62–70.

Синицын И.В. Кремневые орудия с дюнных стоянок Калмыцкой области // ИНВИК. 1931. Т. IV. С. 81–91.

Скаков А.Ю. Крупнов Евгений Игнатьевич // БРЭ. 2010. Т. 16. С. 128–129.

Смирнов А.П. М. В. Городцов [Некролог] // СА. 1969. № 4. С. 320.

Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф. Страницы истории самарской археологии: к юбилею В.В. Гольмстен. Самара: СОИКМ, 2020. 48 с.

Столяр А.Д. Деятельность Владислава Иосифовича Равдоникаса // Тихвинский сборник. Вып. 1: Археология Тихвинского края / Науч. ред. Г.С. Лебедев. Тихвин, 1988. С. 8–30.

Тереножский А.И. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале // ИУЗФАН СССР. 1940а. № 9. С. 30–36.

Тереножский А.И. Археологические разведки в Хорезме // СА. 1940б. Т. VI. С. 168–189.

Тереножский А.И. О древнем гончарстве в Хорезме // ИУЗФ АН СССР. 1940в. № 6. С. 54–64.

Тереножский А.И. Жилые постройки XI–XII вв. н. э. в Кара-Калпакской АССР // ИУЗФ АН СССР. 1940г. № 7. С. 58–73.

Тереножский А.И. Раскопки холма Ак-Тепе близ Ташкента в 1940 г. // ИУЗФ АН СССР. 1941. № 3. С. 30–36.

Тереножский А.И. Холм Ак-Тепе Ташкента (раскопки 1940 г.) // ТИИА АН УзССР. 1948. Т. I. С. 71–133.

Тереножский А.И. Согд и Чач (Автореф. канд. дисс.) // КСИИМК. 1950. Вып. 33. С. 152–169.

Тереножский А.И. Основы хронологии предскифского периода // СА. 1965. № 1. С. 63–85.

Тереножский А. И. Киммерийцы. Киев: Наукова думка, 1976. 223 с.

Тереножский А.И. Из жизни Алексея Тереножского (написано его рукой, собрано его сыном). Киев: Корвин пресс, 2006. 112 с.

Тихонов И.Л. Равдоникас Владислав Иосифович // БРЭ. 2015. Т. 28. С. 113.

Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М.: МГУ, 1948. 433 с.

Тункина И.В. Репников Николай Иванович / Биобиблиографический словарь членов РАО (1846–1924) // С.А. Жебелёв. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921: Исторический очерк. Изд. 2. М.: Индрик, 2017. С. 512–513.

Формозов А.А. К столетнему юбилею В.И. Равдоникаса // РА. 1996. № 3. С. 197–202.

Черных Е.Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.: Наука, 1976. 302 с.

Шишкин В.А. Исследование городища Варахша и его окрестностей // КСИИМК. 1941. Вып. 10. С. 3–15.

Шишкин В.А. Варахша. Опыт исторического исследования. М.: АН СССР, 1963. 250 с.

Щапов А.П. Историко-географическое распределение русского народонаселения // Русское Слово. 1865. №№ 6, 7, 8, 9.

Информация об авторах:

Кузьминных Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); kuzminykhsv@yandex.ru

Саенко Валерий Николаевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Музей книги и книгопечатания Украины (г. Киев, Украина); saykolaksay@gmail.com

REFERENCES

Arzhantseva, I. A. 2016. *Khorezm. Istoriia otkrytii i issledovani. Etnograficheskii al'bom (Khorezm. History of Discoveries and Studies. Ethnographic Album)*. Ul'ianovsk: "Artishok" Publ. (in Russian).

In Voronin, N. N., Tikhonova, M. A. (eds.). 1962. *Arkheologicheskie ekspeditsii Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury i Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (1919–1956 gg.): Ukazatel' (Archaeological Expeditions of the State Academy for the History of Material Culture and the Institute of Archaeol-*

ogy of the USSR Academy of Sciences (1919–1956): Index). Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Balakhonova, E. I. 2009. In *Vestnik MGU. Ser. 23, Antropologiya (Bulletin of Moscow University. Series 23. Anthropology)* 3. 55–65 (in Russian).

Balabina, V. I. 2001–2002. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (2), 14–31. (in Russian).

Belozerova, I. V., Gaidukov, P. G., Kuzminykh, S. V. 2019. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 102–117 (in Russian).

Belozerova, I. V., Kuzminykh, S. V. 2015. In Gaidukov, P. G., Yanovsky, A. D. (eds.). *V.A. Gorodtsov. Dnevnik (1928–1944) (V.A. Gorodtsov. Diaries (1928–1944))* 1. Moscow: “Triumf print” Publ., 12–72 (in Russian).

Bernshtam, A. N. 1939. In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* (4). 169–181 (in Russian).

Bernshtam, A. N., Bibikov, S. N. 1941. In *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* IX. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 121–123 (in Russian).

Bolelov, S. B. 2016. In *Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediya (Great Russian Encyclopedia)*. Vol. 32. Moscow: “Great Russian Encyclopedia” Publ., 240 (in Russian).

Boriskovsky, P. I., Okladnikov, A. P. 1970. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 298–299 (in Russian).

Bochkarev, V. S. 2017. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (2), 159–204. (in Russian).

Buryakov, Yu. F. 1968. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 131–136 (in Russian).

Buryakov, Yu. F. 1982. *Genezis i etapy razvitiia gorodskoi kul'tury Tashkentskogo oazisa (The Genesis and Development Stages of the Urban Culture of Tashkent Oasis)*. Tashkent: “Fan” Publ. (in Russian).

In Lunin, B. V. 1965. (ed.). *Istoriia material'noi kul'tury Uzbekistana (History of Material Culture of Uzbekistan)* 6. Tashkent: “Nauka” Publ., 5–16 (in Russian).

Vasiliev, I. B. 1976. In Medvedev, E. I. (ed.). *Ocherki istorii i kul'tury Povolzh'ia (Essays on the History and Culture of the Volga Region)*. 2. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 97–112 (in Russian).

Vinogradov, A. V. 1968. *Neoliticheskie pamyatniki Khorezma (Neolithic Monuments of Khwarezm)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Gol'msten, V. V. 1928. In *Trudy seksii arkheologii Instituta arkheologii i iskusstvoznaniia Rossiiskoi Assotsiatsii nauchno-issledovatel'skikh institutov obshchestvennykh nauk (Proceedings of the Archaeology Section of the Institute of Archaeology and Art Studies of the Russian Association of Scientific Research Institutes of Social Sciences)* 4. Moscow: Russian Association of Scientific Research Institutes of Social Sciences, 125–137 (in Russian).

Gorodtsov, V. A. 1910. *Bytovaia arkheologiya. Kurs lektsii, chitannykh v Moskovskom Arkheologicheskom Institute (Household Archaeology. Course of Lectures Read at the Moscow Archaeological Institute)*. Moscow: A.I. Snegireva Publ. (in Russian).

Gorodtsov, V. A. 1915. In *Otchety imperatorskogo Rossiiskogo Istoricheskogo muzeia za 1914 god (Reports of the Imperial Russian Historical Museum for 1914)*. Moscow: Synodal Printing House Publ., 121–226 (in Russian).

Gorodtsov, V. A. 1923. *Arkheologiya. T. I. Kamennyi period (Archaeology. Vol. 1. Stone Age)*. Moscow; Petrograd: “Gosizdat” Publ. (in Russian).

Gorodtsov, V. A. 1927. In *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya (Great Soviet Encyclopedia)*. Vol. 7. Moscow: “Sovetskaya entsiklopediya” Publ., 610–626 (in Russian).

Gorodtsov, V. A. 1928. In *Trudy seksii arkheologii Instituta arkheologii i iskusstvoznaniia Rossiiskoi Assotsiatsii nauchno-issledovatel'skikh institutov obshchestvennykh nauk (Proceedings of the Archaeology Section of the Institute of Archaeology and Art Studies of the Russian Association of Scientific Research Institutes of Social Sciences)* 2. Moscow: Russian Association of Scientific Research Institutes of Social Sciences, 46–60 (in Russian).

Belozerova, I. V., Kuzminykh, S. V. 2015a. *V.A. Gorodtsov. Dnevnik (1928–1944) (V.A. Gorodtsov. Diaries (1928–1944))* 1. Moscow: “Triumf print” Publ. (in Russian).

Belozerova, I. V., Kuzminykh, S. V. 2015b. *V.A. Gorodtsov. Dnevnik (1928–1944) (V.A. Gorodtsov. Diaries (1928–1944))* 2. Moscow: “Triumf print” Publ. (in Russian).

Grakov, B. N. 1935. In Meshchaninov, I. (ed.). *Arkheologicheskie raboty Akademii na novostroikakh 1932–1933 gg. (Archaeological Activities of the Academy at New Construction sites in 1932–1933)*. (2). Series:

Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy for the History of Material Culture) (110). Moscow-Leningrad: "Sotsekgiz" Publ., 100–165 (in Russian).

Grakov, B. N. 1939. In *Vestnik drevnei istorii* (Journal of Ancient History) (1). 271–276 (in Russian).

Gremiatskii, V. A. 1963. In *Voprosy antropologii* (Issues of Anthropology) 14, 101–109 (in Russian).

Grigor'ev, G. V. 1940a. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury* (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture) 6. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 24–34 (in Russian).

Grigor'ev, G. V. 1940a. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury* (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture) 8. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 89–90 (in Russian).

Dzhurakulov, M. D. 1987. *Samarkandskaia stoianka i problemy verkhnego paleolita v Srednei Azii* (Samarkand Site and the Issues of the Upper Paleolithic in Central Asia). Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).

Itina, M. A. 1997. In *Rossiiskaia Arkheologiya* (Russian Archaeology) (4), 189–199 (in Russian).

Kantorovich, A. R. 2009. In Musin, A. E. (comp). *Khoroshie dni. Pamiati Aleksandra Stepanovicha Khorosheva* (Good Times. In memory of Alexander Stepanovich Khoroshev). Moscow: "LeopArt" Publ., 309–313 (in Russian).

Kargin, Yu. Yu. 2010. In Lopatin, V. A. (ed.). *Arkheologiya vostochno-evropeiskoi stepi* (Archaeology of East-European Steppe). 8. Saratov: "Nauka" Publ., 7–29 (in Russian).

Kitova, L. Yu. 2007. *Istoriia sibirskoi arkheologii (1920–1930-e gody): izuchenie pamyatnikov epokhi metalla* (History of Siberian Archaeology (1920–1930s): Study of Monuments of the Metal Period.). Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).

Klyushkina, I. V. 2014. In Zhuravlev, D. V., Shishlina, N. I. (eds.). *Gosudarstvennyi istoricheskii muzei i otechestvennaia arkheologiya. K 100-letiiu otzela arkheologicheskikh pamyatnikov* (State Historical Museum and Russian Archaeology. The 100th anniversary of the Archaeological Monuments Department). Series: Proceedings of the State Historical Museum 201. Moscow: State Historical Museum, 232–288 (in Russian).

Kozenkova, V. I. 1994. In *Rossiiskaia Arkheologiya* (Russian Archaeology) (1), 191–196 (in Russian).

Konopatsky, A. K. 2009. *Proshlogo velikii sledopyt. Akademik A.P. Okladnikov: stranitsy biografii* (Great Tracker of the Past. Academician A. P. Okladnikov: Pages of Biography) 2. Moscow: "AIRO-XXI" Publ., "Novosibirskii khronograf" Publ. (in Russian).

Krainov, D. A. 1991. In Krainov, D. A. (ed.). *Problemy izucheniia drevnikh kul'tur Evrazii* (Issues of Study of Ancient Cultures of Eurasia). Moscow: "Nauka" Publ., 12–27 (in Russian).

Krupnova, E. 1938. In *Vestnik drevnei istorii* (Journal of Ancient History) (3). 236–238 (in Russian).

Kuzminykh, S. V. 2007. In *Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia* (Great Russian Encyclopedia). Vol. 7. Moscow: "Great Russian Encyclopedia" Publ., 611 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Safonov, I. E., Stashenkov, D. A. 2007. *Vera Vladimirovna Gol'stem: materialy k biografii* (Vera Vladimirovna Golmsten: Materials for the Biography). Samara: "Ofort" Publ. (in Russian).

Kyzlasova, I. L. 2010. In Kamenetskii, I. S., Sorokin, A. N. (eds.). *Chelovek i drevnosti. Pamiati Aleksandra Aleksandrovicha Formozova (1928–2009)* (Man and Antiquities: In memory of Alexander Alexandrovich Formozov (1928–2009)). Moscow: "Grif i K" Publ., 751–769 (in Russian).

Lev, D. L. 1965. In Lunin, B. V. (ed.). *Istoriia material'noi kul'tury Uzbekistana* (History of Material Culture of Uzbekistan) 6. Tashkent: "Nauka" Publ., 22–29 (in Russian).

Lunin, B. V. 1967. In *Sovetskaia Arkheologiya* (Soviet Archaeology) (2), 301 (in Russian).

Maksimov, E. K., Malov, N. M. 2000. In Maksimov, E. K. et al. (eds.). *Vzaimodeistvie i razvitie drevnikh kul'tur iuzhnogo pograniich'ia Evropy i Azii* (Interaction and Development of Ancient Cultures of the Southern Borderlands of Europe and Asia). Saratov: Saratov State University, 9–19 (in Russian).

Melyukova, A. I., Sviridov, A. V. 2004. In Sevost'yanov, G. N., Mil'skaya, L. T. (eds.) *Portrety istorikov. Vremia i sud'by. T. 3: Drevnii mir i Srednie veka* (Portraits of Historians. Time and Fates. Vol. 3: The Ancient World and the Middle Ages). Moscow: "Nauka" Publ., 45–63 (in Russian).

Mizinova, V. P., Sal'nikov, K. V. 1962. In *Sovetskaia Arkheologiya* (Soviet Archaeology) (4), 121–123 (in Russian).

Molodin, V. I. 2013. *Okladnikov – stranitsy tvorchestva (v chest' 105-iubileia)* (Okladnikov – Pages of Creative Work (In Commemoration of the 105th Anniversary)). Novosibirsk: Novosibirsk State University (in Russian).

- Molodin, V. I. 2014. In *Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia (Great Russian Encyclopedia)*. Vol. 24. Moscow: "Great Russian Encyclopedia" Publ., 26–27 (in Russian).
- Munchaev, R. M. 2004. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (1), 5–14 (in Russian).
- Naidenko, A. V. 1976. In *Materialy po izucheniiu Stavropol'skogo kraia (Materials for the Study of Stavropol Krai)* 14, 327–332 (in Russian).
- Nerazlik, E. E. 2004. In Sevost'yanov, G. N. (ed.) *Portrety istorikov. Vremia i sud'by. T. 4: Novaia i noveishaia istoriia (Portraits of Historians. Time and Fates. Vol. 4: Modern and Contemporary History)*. Moscow: "Nauka" Publ., 462–484 (in Russian).
- Okladnikov, A. P. 1940. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (6), 5–19 (in Russian).
- Otroshchenko, V. V. 2007. In Skorii, S. A. (ed.). *Rannii zaliznii vik Evropy (Early Iron Age of Eurasia)*. Kiev; Chirigin: "Format" Publ., 13–14 (in Russian).
- Otroshchenko, V. 2013. In Bilas, N. (ed.). *Naukovi studii (Scientific Studios)* 6. Lviv-Vinniki: "Apriori" Publ., 3–12 (in Ukrainian).
- Pleshivenko, A. G. (comp.). 2011. *I zhizn', i slezy, liubov' (The Life, the Tears, the Love)*. Zaporozh'e: "LIPS" LTD" Publ. (in Russian).
- Potapov, A. A. 1929. *Obzor tepe srednego techeniia Churchika (Overview of the tepe of the middle course of Chirchik)* (in Russian).
- Potapov, A. A. 1930. *Pskentskii kurgannyi mogil'nik (The Pskov kurgan burial ground)*. (in Russian).
- Ravdonikas, V. I. 1940. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (6), 46–62 (in Russian).
- Rapopoport, Yu. A., Levina, L. M., Nerazik, E. E., Gertman, A. N., Bolelov, S. B., 2016. In Arzhantseva, I. A. *Khorezm. Istoriia otkrytii i issledovanii. Etnograficheskii al'bom (Khorezm. History of Discoveries and Studies. Ethnographic Album)*. Ul'ianovsk: "Artishok" Publ., 198–234 (in Russian).
- Saenko, V. 2015. In *Materialy i doslezheniia z arkeologii Prikarpatiaia i Volyni (Materials and studies on archaeology of Sub-Carpathian and Volhynian area)* 19, 123–135 (in Ukrainian).
- Safonov, I. E. 2002. In Pryakhin, A. D. (ed.). *Arkheologiia v rossiiskikh universitetakh (Archaeology at Russian Universities)*. Voronezh: Voronezh State University, 62–70 (in Russian).
- Sinitsyn, I. V. 1931. In *Izvestiia Nizhnee-Volzhskogo instituta kraevedeniia im. M. Gor'kogo (Proceedings of the Lower Volga Institute of the Regional Studies Named after M. Gorky)* 4. Saratov, 81–91 (in Russian).
- Skakov, A. Yu. 2010. In *Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia (Great Russian Encyclopedia)*. Vol. 16. Moscow: "Great Russian Encyclopedia" Publ., 128–129 (in Russian).
- Smirnov, A. P. 1969. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 320 (in Russian).
- Stashenkov, D. A., Kochkina, A. F. 2020. *Sranitsy istorii samarskoi arheologii: K yubileiu V. V. Golmsten (Pages of the history of Samara archeology: to the anniversary of V.V. Golmsten)*. Samara: Samara Region Alabin Museum of History and Local Lore Publ. (in Russian).
- Kuzminykh, S. V., Safonov, I. E., Stashenkov, D. A. 2007. *Vera Vladimirovna Gol'stem: materialy k biografii (Vera Vladimirovna Golmsten: Materials for the Biography)*. Samara: "Ofort" Publ. (in Russian).
- Stolyar, A. D. 1988. In Lebedev, G. S. (ed.). *Tikhvinskii sbornik (Tikhvin Collection)* 1, 8–30 (in Russian).
- Terenozhkin, A. I. 1940. In *Izvestiia Uzbekistanskogo filiala AN SSSR (Bulletin of the Uzbek Branch of the USSR Academy of Sciences)* 9, 30–36 (in Russian).
- Terenozhkin, A. I. 1940b. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (6), 168–189 (in Russian).
- Terenozhkin, A. I. 1940. In *Izvestiia Uzbekistanskogo filiala AN SSSR (Bulletin of the Uzbek Branch of the USSR Academy of Sciences)* 6, 54–64 (in Russian).
- Terenozhkin, A. I. 1940. In *Izvestiia Uzbekistanskogo filiala AN SSSR (Bulletin of the Uzbek Branch of the USSR Academy of Sciences)* 7, 58–73 (in Russian).
- Terenozhkin, A. I. 1940. In *Izvestiia Uzbekistanskogo filiala AN SSSR (Bulletin of the Uzbek Branch of the USSR Academy of Sciences)* 7, 58–73 (in Russian).
- Terenozhkin, A. I. 1948. In *Trudy Instituta Istorii i arkheologii Akademii Nauk Uzbekskoi SSR (Proceedings of the Institute for History, and Archaeology, Academy of Sciences of the Uzbek Soviet Socialist Republic)* 1. Tashkent: Academy of Sciences of the Uzbek Soviet Socialist Republic, 71–133 (in Russian).
- Terenozhkin, A. I. 1950. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 33. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 152–169 (in Russian).
- Terenozhkin, A. I. 1965. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 63–85 (in Russian).
- Terenozhkin, A. I. 1976. *Kimmeriitsy (The Cimmerians)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Terenzhkin, A. I. 2006. *Iz zhizni Alekseia Terenzhkina (napisano ego rukoi, sobrano ego synom) (From the Life of Alexei Terenzhkin (Written by Himself, Collected by His Son))*. Kiev: "Korvin Press" Publ. (in Russian).

Tikhonov, I. L. 2015. In *Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia (Great Russian Encyclopedia)*. Vol. 28. Moscow: "Great Russian Encyclopedia" Publ., 113 (in Russian).

Tolstov, S. P. 1948. *Drevnii Khorezm. Opyt istoriko-arkheologicheskogo issledovaniia (Ancient Khwarezm. Experience of Historical and Archaeological Research)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Tunkina, I. V. 2017. In Zhebelev, S. A. *Russkoe arkheologicheskoe obshchestvo za tret'ju chetvert' veka svoego sushchestvovaniia. 1897–1921: Istoricheskii ocherk (The Russian Archaeological Society for the third quarter of a century of its existence. 1897–1921: Historical essay)*. Moscow: "Indrik" Publ., 512–513 (in Russian).

Formozov, A. A. 1996. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (3), 197–202 (in Russian).

Chernykh, E. N. 1976. *Drevniaia metalloobrabotka na Iugo-Zapade SSSR (Ancient Metalworking in the Southwest of the USSR)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Shishkin, V. A. 1941. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* X. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 3–15 (in Russian).

Shishkin, V. A. 1963. *Varakhsha. Opyt istoricheskogo issledovaniia (Varakhsha. Historical Research Experience)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Shchapov, A. P. 1865. In *Russkoe slovo (Russian Word)*. 6–9 (in Russian)

About the Authors:

Kuzminykh Sergey V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology RAS. Dm. Ulyanova 19, Moscow, 117036, Russian Federation; kuzminykhsv@yandex.ru

Saenko Valerii N. Candidate of Historical Sciences., Museum of Books and Printing of Ukraine Lavrskaia str., 21 k 9, Kiev, 01015, Ukraine; saykolaksay@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.08.2021 г.
Статья принята к публикации 01.10.2021 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 930.26 (09)
ББК 63.4 (2Р36) г–8

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.5.212.220>

ВЛАДИМИР САВЕЛЬЕВИЧ СТОКОЛОС В ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИИ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ

© 2021 г. Н.Б. Виноградов

Личность Владимира Савельевича Стоколоса как археолога, его место в истории южноуральской археологии еще не стали отдельным предметом изучения для профильных специалистов. Его вклад в археологию и очевиден и бесценен. Пересмотр В.С. Стоколосом культурно-хронологической концепции бронзового века Южного Зауралья К.В. Сальникова определил направленность осмысления древностей «андроновского мира» в целом вплоть до настоящего времени. Настоящая заметка не является исчерпывающим по полноте исследованием проблемы роли конкретной личности в истории археологии Южного Зауралья. Она лишь обозначает проблему и приглашает коллег к ее обсуждению.

Ключевые слова: история археологии, Южное Зауралье, бронзовый век, В.С. Стоколос, вклад в науку.

VLADIMIR SAVELIEVICH STOKOLOS IN THE HISTORY OF ARCHAEOLOGY OF THE SOUTH TRANS-URALS

N.B. Vinogradov

The personality of Vladimir Savelyevich Stokolos as an archaeologist, and his place in the history of South Ural archeology have not yet become a separate subject of study for subject matter experts. His contribution to archaeology is evident and priceless. The revision by V.S. Stokolos of the cultural-chronological concept of the Bronze Age in the Southern Trans-Urals suggested by K.V. Salnikov determined the trend for comprehension of antiquities from the “Andronovo world” as a whole until the present time. This publication is not an exhaustive study of the issue of the role of a specific person in the history of archaeology of the Southern Trans-Urals. It only identifies the issue and invites colleagues for discussion.

Keywords: history of archaeology, Southern Trans-Urals, Bronze Age, V. S. Stokolos, contribution to science.

Владимир Савельевич Стоколос был первым уральским археологом, с которым ровно полвека назад свела меня Судьба. Произошло это жарким летом 1971 г., когда я, студент историко-педагогического факультета Челябинского государственного педагогического института, после сдачи летней сессии за 4 курс прибыл в экспедицию В.С. Стоколоса, на берег Худолаза – старицы р. Урал в окрестностях райцентра с. Кизильского. Я привез на полевую археологическую практику группу студентов-историков – практикантов 1 курса и школьников первого в моей жизни археологического кружка в придачу.

Здесь и студентам, и мне предстояло освоить методику полевых исследований памятников бронзового века Южного Урала. Благо в этот сезон Владимир Савельевич планировал работы как на укрепленном поселении, названном им Кизильским, так и на расположенном рядом курганном могильнике. По дороге В.С. счел нужным завернуть к месту его раскопок в 1958 г. курганов у села Степно-го, чтобы показать эту площадку мне.

Не скажу, что на раскопках укрепленного Кизильского поселения наши археологические «университеты» состоялись в полном объеме. В.С. делал свою работу без оглядки на кого бы то ни было (рис. 1). Практиканты не дождались от него ни лекций, ни практических занятий. Об этом я, по возвращении из экспедиции, поведал в «Молодом Учителе» – институтской многотиражке (Виноградов, 1971).

Наблюдая за действиями В.С., тем не менее я многое увидел и понял в региональной методике полевых археологических работ. Как разительно она отличалась от освоенных мной за четыре предыдущих года методик раскопок античных городов в Северном Причерноморье, античных и раннесредневековых памятников Южного Туркменистана!

После описанного эпизода несколько десятилетий наши с В.С. Стоколосом дороги не пересекались...

Судьбе было угодно еще раз свести нас на излете его профессиональной карьеры. В 2004 и 2008 гг. он, будучи уже доктором историче-



Рис. 1. В.С. Стоколос на раскопках укрепленного поселения бронзового века у с. Кизильского. 1971 г.

Fig. 1. V.S. Stokolos at the excavations of a Bronze Age fortified settlement near Kizilskoe village. 1971.

ских наук, приезжал из Сыктывкара в Челябинск и работал с коллекциями из могильников Черняки I, II, которые хранились в фондах нашей археологической лаборатории (рис. 2). В этот раз мы тесно сотрудничали.

Горжусь своей причастностью к появлению публикаций в научных сборниках нашего университета материалов раскопок упомянутых выше Кизильского укрепленного поселения бронзового века (Стоколос, 2004), Кизильского курганного могильника (Стоколос В., Стоколос Г., 2004), поселения Черняки III (Стоколос, 2005). Особо дорога инициированная мной, блестяще исполненная В.С., удивительно искренняя и глубокая статья «Мои «Старики», посвященная его учителям (Стоколос, 2005).

xxx

Личность В.С. Стоколоса как археолога и его место в истории южноуральской археологии еще не стали предметом историографического изучения. Но пора эта уже пришла. Сразу оговорюсь, в строках ниже речь пойдет о вкладе ученого в изучение древнейших периодов истории лишь Южного Зауралья. Его археологическая деятельность на Северо-Востоке Европы должна рассматриваться отдельно.

Уроженец Северного Казахстана, В.С. профильное историческое образование полу-

чил на историческом отделении историко-филологического факультета престижного Уральского государственного университета в тогдашнем Свердловске.

Специализация в исторической науке для него состоялась уже на первом курсе, когда студент-первокурсник Владимир Стоколос с приятелем записались в кружок археологии, которым руководил замечательный уральский археолог Константин Владимирович Сальников. Как выяснилось, «записался» на всю жизнь.

Еще в студенчестве В.С. прошел школу полевой археологии у К.В. Сальникова (Гороховское (Чудаки) городище раннего железного века), у коллеги Сальникова, Н.П. Кипарисовой, на раскопках памятников на озере Иткуль (рис. 3), у феноменального краеведа и выпускника Московского археологического института В.П. Бирюкова (разведка по северу Челябинской области). «Под крылом» Учителя – К.В. Сальникова – Стоколос начал археологические исследования с личной ответственностью. Через два года после окончания УрГУ, в 1955 г., будучи преподавателем одного из техникумов в Каменск-Уральске, молодой археолог провел первую самостоятельную археологическую разведку по р. Исеть в пределах Катайского района современной Курганской области. Были открыты или пере-



Рис. 2. В.С. Стоколос в лаборатории археологических исследований ЧГПУ. 2008 г.

Fig. 2. V.S. Stokolos in the archaeological research laboratory at Chelyabinsk State Pedagogical University. 2008.

обследованы около десятка разновременных памятников археологии и первый научный отчет В.С. Стоколоса лег на полку Архива Института археологии АН СССР (Стоколос, 1955).

Перспективы трудоустройства для археологов, как и сейчас, в те времена не радовали разнообразием, материальным благополучием и возможностями профессионального роста. Возможно, этим частично объясняется и обширная география мест работы В.С., отраженная в его биографических справках. Для нас важны челябинские адреса его работы: в 1953–1954 и в 1957–1964 гг. Стоколос работал археологом в Челябинском областном краеведческом музее, а в начале 1970-х гг. преподавал историю в Челябинском государственном институте культуры.

Мне его личность видится гуманитарно ориентированной. Рискну предположить, что обнаружилось это еще в школьные годы. Оттуда и отменное владение русским языком, и богатство лексики. Автору известны лишь два случая обращения В.С. Стоколоса к популярной форме трансляции результатов его археологических открытий (Стоколос, 1960; Стоколос, 1961). Косвенные наблюдения позволяют сделать вывод о безупречном владении им столь необходимой для археолога техникой рисунка. Для своего времени он

получил фундаментальную академическую образованность. При этом образ мысли В.С. Стоколоса отличает выраженная самостоятельность и нежелание следовать *mainstream*, если археологические факты тому противостоят. Впервые с этим у В.С. я столкнулся в эпизоде с интерпретацией изображения повозки на сосуде из кургана I Спасского могильника. Изображение, безоговорочно названное коллегами боевой колесницей, Стоколос определил как «телега», «парная упряжка, возможно, в ярме», т. е. двуколка, которая вполне могла использоваться и в повседневной хозяйственной жизни (Стоколос, 1972, с. 50). Из примеров более позднего периода научного творчества можно вспомнить о его известных статьях с аргументами отрицания существования новокумакского хронологического горизонта.

Венцом самостоятельности мышления В.С. Стоколоса как археолога в научной среде заслуженно считается авторский пересмотр концепции истории «андроновской культуры» К.В. Сальникова. Его обнародование вызвало в свое время сильное «брожение умов» в отечественном археологическом сообществе.

У истоков разработки К.В. Сальниковым концепции истории «андроновской культуры» находим работы М.П. Грязнова на андроновских могильниках в Оренбуржье в 1920-х гг.



Рис. 3. В.С. Стоколос на раскопках на оз. Иткуль в составе отряда Н.П. Кипарисовой. 1955 г.
Fig. 3. V.S. Stokolos at the excavations on lake Itkul as part of the detachment of N.P. Kiparisova. 1955.

(Грязнов, 1927). Этими его раскопками была определена западная граница «андроновского мира», граница области контактов с культурами «срубного мира». Эту же информацию транслирует письмо М.П. Грязнова А.М. Тальгрену, опубликованное недавно С.В. Кузьминых (Кузьминых, 2014, с. 131).

Исследования К.В. Сальниковым в 1936 г. шести курганов Федоровского могильника (Сальников, 1940), а в 1938 году – 50 погребений под двумя курганами Алакульского могильника (Сальников, 1952) дали, как известно, принципиально различные материалы и были отнесены исследователем к разным этапам истории «андроновской культуры». Вопрос об их хронологической последовательности в значительной степени К.В. Сальников решил после работ в 1939 г. на поселении бронзового века Кипель на р. Юргамыш (Сальников, 1957). Главным итогом этих работ стал вывод автора раскопок о стратиграфии поселения Кипель. По К.В. Сальникову, на территории наземных построек с федоровской керамикой в слое позднее были отрыты котлованы сооружений, где отложилась алакульская посуда (там же, с. 200, 207, 208).

По К.В. Сальникову, «андроновская культура» (в понимании археологов первой половины XX века) прошла в своем развитии три

стадии (в хронологической последовательности): федоровскую, алакульскую и замараевскую (Сальников, 1948; 1951, с. 109, 112, 119, 147; 1967, с. 284, 285). В первые века II тыс. до н. э., как считал К.В. Сальников, в Южном Зауралье протекала история андроновского населения федоровского облика. В это время раннеандроновское (федоровское) население в Южном Зауралье соседствовало со срубно-полтавкинскими группами населения (Сальников, 1967, с. 343). Автохтонное происхождение федоровской культуры в Южном Зауралье и Северном Казахстане было для К.В. Сальникова несомненным. На следующей – алакульской стадии, как он считал, с одной стороны, резко усилились интеграционные процессы, приведшие к появлению срубно-алакульского и алакульско-абашевского пласта памятников (Сальников, 1967, с. 346), с другой – стали интенсивно оформляться территориальные варианты андроновской – алакульской культуры (Сальников, 1967, с. 344).

К.В. Сальников до конца остался последовательным сторонником тезиса своей концепции, касающегося единства андроновской культуры и атрибуции федоровских, алакульских и замараевских древностей как этапов истории одной и той же андроновской культуры. Он энергично противостоял попыткам ряда исследователей культурно обособить

алакульские и федоровские памятники (Сальников, 1967, с. 288, 297–304).

Что касается территориальной распространенности андроновской (по К.В. Сальникову) культуры, то из приведенной в его статье карты (Сальников, 1951) явствует, что она занимала не только собственно степное и лесостепное Южное Зауралье, но и Притоболье, Приишимье и Оренбургское Приуралье.

Представления К.В. Сальникова о датировке андроновских древностей Южного Урала от рубежа 1940–1950-х гг. до середины 1960-х гг. вслед за накоплением фактов и их осмыслением претерпели значительные изменения. Если в начале 1950-х гг. исследователь связывал историю федоровского и алакульского населения со 2 пол. II – нач. I тыс. до н. э. (Сальников, 1951, с. 119, 120), то позднее он счел возможным расширить хронологические рамки андроновской культуры до XVIII–VIII вв. до н. э. (Сальников, 1967, с. 311–325, 340–352), не отказавшись, однако, от утверждения о хронологическом приоритете федоровских древностей перед алакульскими.

Системный пересмотр концепции истории «андоновской культуры» К.В. Сальникова был выполнен одним из его учеников – В.С. Стоколосом.

Рассмотрение алакульских памятников Южного Урала и Казахстана как отдельной культуры впервые было выполнено В.С. Стоколосом (Стоколос, 1972) в развитие представлений М.Г. Мошковой и Э.А. Федоровой-Давыдовой (1964) о возможной различной культурной принадлежности федоровского и алакульского населения.

В.С. Стоколос вернулся к стратиграфии изученного К.В. Сальниковым поселения Кипель, выполнил ревизию его стратиграфии. По В.С. Стоколосу: «Кипель – памятник со смешанным разнородным материалом, отложившимся одновременно (*курсив мой* – Н.В.)» (Стоколос, 1970, с. 197). Выдвинул предположение и о предшествовании в Южном Зауралье алакульской культуры федоровской.

Зауралье с частью Казахстана и Оренбуржьем – вот тот регион, где, согласно В.С. Стоколосу, и сформировалась на базе местного энеолитического субстрата и при отсутствии сколько-нибудь выраженных внешних влияний алакульская культура. Сам генезис алакульской культуры, тем не менее, представлялся исследователю как «постепенный и неравномерный процесс смешивания групп зауральского населения с пришлым» (Стоколос, 1972, с. 139, 140). По В.С. Стоколо-

су, автохтонными здесь можно считать лишь алакульскую и черкаскульскую культуры. Под пришлым населением в Зауралье В.С. Стоколос понимает группы срубного и абашевского населения, следы контактов которых с алакульскими общинами были отмечены им при раскопках могильников у с. Степное и Спасское, а также федоровское население, за которым он и предложил закрепить термин «андоновская культура».

Историю алакульского населения в Зауралье В.С. Стоколос подразделяет на два этапа. Ранний этап представлен памятниками типа поселения Черняки III и Алакульского могильника (Стоколос, 1972, с. 132). Материальную культуру этих и им подобных памятников В.С. Стоколос выводит исключительно из культуры населения предшествующего (энеолитического?) периода истории Зауралья (Стоколос, 1972, с. 136–139). Поздний этап истории алакульских племен определен В.С. Стоколосом как «замараевский» и связывается им с интенсивными миграционными процессами и формированием целого ряда групп смешанных культурно памятников. Многочисленные инокультурные (срубные, абашевские и, наконец, федоровские (андоновские, по В.С. Стоколосу) воздействия проявляются, согласно рассматриваемой концепции, именно на позднем этапе истории алакульской культуры в Зауралье и относительно одновременно (стоколос, 1972, с. 132).

Таким образом, по версии В.С., древности алакульской и федоровской «стадий» этой культуры должны пониматься как отражение истории отдельных археологических культур со своим культурогенезом и исторической судьбой.

По сути, именно редакция культурно-хронологической концепции бронзового века Южного Зауралья, разработанная Стоколосом, определила направленность осмысления круга «андоновских» древностей всей территории «андоновского мира» вплоть до настоящего времени (курсив мой – Н.В.).

xxx

Вместе с тем не следует забывать, что, как и любой узкий специалист и во все времена, В.С. принадлежал к конкретной генерации археологов, чья теоретическая и методическая образованность, благодаря и учителям, корнями уходила в XIX век. В качестве подтверждения высказанного тезиса отправляю желающих убедиться в его справедливости в приложение к основной научной монографии



Рис. 4. Раскопки поселения Черняки III В.С. Стоколос и студенты ЧГПИ. 1962 г.

Fig. 4. Excavations of Chernyaki III settlement,

V.S. Stokolos and the students of Chelyabinsk State Pedagogical University. 1962.

ученого по бронзовому веку Южного Зауралья «Культура населения Южного Зауралья в бронзовом веке» (Стоколос, 1972).

Помню, как меня изумил в этой части монографии частый оборот для описания керамики из погребений могильников бронзового века у дер. Черняки: «Орнамент сосуда (рис.) ... близок сосуду (рис.)» (Стоколос, 1972, с. 154, 155 и др.). К сожалению, темпы и масштабы раскопок этих могильников диктовались строителями Шершневого водохранилища. По масштабам исследования они беспрецедентны для Южного Зауралья и намного превосходят все остальные.

Это обстоятельство не лучшим образом отразилось на качестве работ и, как результат, на частоте использования материалов этих памятников коллегами. Отсылка к материалам могильников Черняки I, II в литературе не соответствует по частоте масштабам и информативности этих памятников. Снятие насыпей курганов бронзового века с использованием тяжелой техники (могильник Степное I в 1958 г.) (Стоколос, 1962), что В.С. Стоколосу ставят обычно в вину, зафиксировано у иных исследователей и в более поздние времена.

Что до легендарного трепетного отношения В.С. к авторскому владению источниками, так это было общим местом для всей провинциальной археологии в СССР. Работая с эпистолярным наследием южноуральских

археологов, я неоднократно отмечал эту черту применительно и к иным ученым. В самом деле, владение источниковой базой было тогда одним из условий жизни в науке.

В.С. Стоколос останется в истории южноуральской археологии не только как талантливый полевой археолог – автор раскопок целой серии поселенческих и погребальных памятников бронзового века (поселение Лужки, курганные группы бронзового века у села Степного, охранные работы на средневековых могильниках на оз. Синеглазово, микрорайон археологических памятников у дер. Черняки под Челябинском, археологические исследования внутри средневекового мавзолея в окрестностях пос. Варна и раскопки рядом расположенных курганов, укрепленное поселение бронзового века Кизильское и сопутствующий ему курганный могильник в Кизильском районе, поселенческие и погребальные памятники в районе села Спасское в Верхнеуральском районе).

В 1964 г. В.С. Стоколос организует совместную археологическую экспедицию Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР и Челябинского государственного педагогического института для исследования погребальных памятников у расселенной деревни Черняки на берегу будущего Шершневого водохранилища. Для меня, как для патриота ЧГПИ (ЧГПУ, ЮУрГГПУ), участие



Рис. 5. 12. Кизильский могильник.

Курган 2. Погребение 2. Навершие булавы из горного хрусталя. 1971 г.

Fig. 5. 12. Kizilsky burial ground. Barrow 2. Burial 2. Mace head made of rock crystal. 1971.

наших студентов в исследовании этой группы памятников археологии – самый ранний факт присутствия археологии в вузе (рис. 4).

С его именем навсегда будут связаны уникальные комплексы средневековых артефактов из погребальных памятников на оз. Синеглазово (Стоколос, 1962а), в частности знаменитая «челябинская ткань», сотканная в Иране в постсасанидское время (Иерусалимская, 1969). Исследования курганов Кизильского могильника позднего бронзового века обогатили сокровищницу древнего прошлого Южного Зауралья навершием булавы – искусно выточенным сфероидом из кристалла горного хрусталя (рис. 5), и, наконец, уникальным набором женских украшений (Стоколос В., Стоколос Г., 2004). Не имеющее аналогов изображение двухколесной повозки на срубном сосуде из курганной группы Спасское I в Верхнеуральском районе (Стоколос, 1972, с.

50) также на века будет связано с именем В.С. Стоколоса.

Раскопки кургана VII–VI вв. до н. э. у мавзолея «Башня Тамерлана», предпринятые ученым в начале 1960-х гг. (Стоколос, 1962б), обогатили наши представления о духовном мире ранних кочевников южноуральских степей великолепным роговым псалием, который ныне экспонируется в Челябинском историческом музее Южного Урала.

Последнее. Сотрудники Челябинского государственного исторического музея Южного Урала начали реализацию масштабного многолетнего проекта по введению в научный оборот археологических коллекций из памятников, исследованных в Южном Зауралье на протяжении XX века. Есть в перечне этих коллекций и результаты трудов во имя археологии Владимира Савельевича Стоколоса.

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Виноградов Н.Б. Этюды об археологии // Молодой Учитель. 1971. 17 сентября.

Грязнов М.П. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане // Казаки: антропологические очерки. Вып. 2. / Ред. С.И. Руденко. М.: АН СССР, 1927. С. 172–221.

Кузьминых С.В. «Монтелиус» туркестанских степей: переписка М.П. Грязнова и А.М. Тальгрена (1926–1930 гг.) // Теория и практика археологических исследований. 2014. № 2 (10). С. 122–141.

Иерусалимская А.А. «Челябинская» ткань (к вопросу о постсасанидских шелках) // Культура и искусство народов Востока / Труды Государственного Эрмитажа. Т. X. / ред. М. Э. Матъе. Л.: Государственный Эрмитаж, 1969. С. 99–109.

Мошкова М.Г., Федорова-Давыдова Э.А. Погребения эпохи бронзы Ново-Кумакского могильника // КСИА. Вып. 101. М.: Наука, 1964. С. 135–141.

Сальников К.В. Андроновский курганный могильник у с. Федоровки // Археологические памятники Урала и Прикамья / МИА. № 1 / Под ред. П.Н. Третьякова. М.-Л.: АН СССР, 1940. С. 58–67.

Сальников К.В. К вопросу о стадиях в памятниках андроновской культуры Зауралья // Первое Уральское археологическое совещание при Молотовском университете 20–25 апр. 1947 г. / Отв. ред. Р.В. Мерцлин. Молотов: МолотовГУ, 1948. С. 21–26.

Сальников К.В. Бронзовый век Южного Зауралья // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. 2 / МИА. № 21 / Отв. ред. А.Я. Брюсов. М.: АН СССР, 1951. С. 94–151.

Сальников К.В. Курганы на озере Алакуль // Материалы и исследования по археологии Сибири. Т. 1. / МИА. № 24. / Отв. ред. С.В. Киселёв. М.: АН СССР, 1954. С. 51–71.

Сальников К.В. Кипельское селище // СА. 1957. Т. XXVII. С. 193–208.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 407 с.

Стоколос В.С. Отчет об археологической разведке в Катайском районе Курганской области в 1955 году / Архив ИА РАН. Р–1. № 1133.

Стоколос В.С. Археологические памятники Челябинской области. Челябинск: Челяб. кн. изд-во, 1960. 46 с.

Стоколос В.С. Сокровища озера Синеглазово // Уральский следопыт. 1961. № 4. С. 37–38

Стоколос В.С. Курганы эпохи бронзы у с. Степного // Краеведческие записки. Вып. 1. / Отв. ред. В.С. Стоколос. Челябинск: Челяб. кн. изд-во, 1962. С. 3–20.

Стоколос В.С. Курган на озере Синеглазово // АЭБ. Т. I. / Отв. ред. Р.Г. Кузеев, К.В. Сальников. Уфа: БФАН СССР, 1962а. С. 163–168.

Стоколос В.С. Археологические исследования Челябинского областного музея // ВАУ. Вып. 2. / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: УрГУ, 1962б. С. 21–26.

Стоколос В.С. Культура населения Южного Зауралья в эпоху бронзы. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.: ИА АН СССР, 1967. 24 с.

Стоколос В.С. О стратиграфии поселения Кипель // СА. 1970. № 3. С. 193–198.

Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М.: Наука, 1972. 168 с.

Стоколос В.С. Поселение Кизильское позднего бронзового века на реке Урал // Вестник ЧГПУ. Серия 1. Истор. науки. 2004. №2. С. 207–236.

Стоколос В.С., Стоколос Г.И. Кизильский курганный могильник эпохи поздней бронзы на р. Урал // Вестник ЧГПУ. Серия 1. Истор. науки. 2004. №2. С. 237–255.

Стоколос В.С. Черняки III – алакульское святилище в Южном Зауралье // Вестник ЧГПУ. Серия 1. Истор. науки. 2005. №3. С. 22–49.

Стоколос В.С. Мои «Старики» // Вестник ЧГПУ. Серия 1. Истор. науки. 2005а. №3. С. 141–155.

Информация об авторе:

Виноградов Николай Борисович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Челябинск, Россия); vinogradov_n@mail.ru

REFERENCES

Vinogradov, N. B. 1971. In *Molodoi uchitel' (Young Teacher)* 17th September (in Russian).

Gryaznov, M. P. 1927. In Rudenko, S. I. (ed.). *Kazaki: Antropologicheskie ocherki (Cossacks: Anthropological Essays)* 2. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 172–221 (in Russian).

Kuzminykh, S. V. 2014. In *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniy (Theory and Practice of Archaeological Research)* 2 (10). 122–141 (in Russian).

Ierusalimskaya, A. A. 1969. In Mat'е, M. E. (ed.). *Kul'tura i iskusstvo narodov Vostoka (Culture and Art of the Peoples of the East)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Proceedings of the State Hermitage Museum) 10. Leningrad: The State Hermitage Museum, 99–109 (in Russian).

Moshkova, M. G., Fedorov-Davydova, E. A. 1964. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 101. Moscow: "Nauka" Publ., 135–141 (in Russian).

Sal'nikov, K. V. 1940. In Tretyakov P. N. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 1. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 58–67 (in Russian).

Sal'nikov, K. V. 1948. In Mertslin, R. V. (ed.). *Pervoe Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie pri Molotovskom universitete 20–25 apr. 1947 g. (The First Ural Archaeological Meeting at Molotov University on April 20–25, 1947)*. Molotov: Molotov State University, 21–26 (in Russian).

Sal'nikov, K. V. 1951. In Bryusov, A. Ya. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area)* Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology)* 21. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 94–151 (in Russian).

Sal'nikov, K. V. 1954. In Kiselev, S. V. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology)* 24. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 51–71 (in Russian).

Salnikov, K. V. 1957. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (27), 193–208 (in Russian).

Sal'nikov, K. V. 1967. *Ocherki drevnei istorii Iuzhnogo Urala (Essays on the Ancient History of the Southern Urals)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Stokolos, V. S. 1955. *Otchet ob arkheologicheskoi razvedke v Kataiskom raione Kurganskoi oblasti v 1955 godu (Report on Archaeological Surveying in Kataysky District of Kurgan Oblast in 1955)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, inv. R.1, dossier 1133 (in Russian).

Stokolos, V. S. 1960. *Arkheologicheskie pamiatniki Cheliabinskoi oblasti (Archaeological Monuments of Chelyabinsk Oblast)*. Chelyabinsk: "Chelyabinsk knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Stokolos, V. S. 1961. In *Ural'skiy sledopyt (Uralsky Sledopyt)* (4). 37–38 (in Russian).

Stokolos, V. S. 1962. In Stokolos, V. S. (ed.). *Kraevedcheskie zapiski (Notes on Local History)* 1. Chelyabinsk: "Chelyabinsk knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 3–20. (in Russian).

Stokolos, V. S. 1962a. In Kuzeev, R. G., Salnikov, (ed.). *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* I. Ufa: Bashkir Branch of the USSR Academy of Sciences, 163–168 (in Russian).

Stokolos, V. S. 1962b. In Gening, V. F. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Problems of the Urals Archaeology)* 2. Sverdlovsk: Ural State University, 72–80 (in Russian).

Stokolos, V. S. 1967. *Kul'tura naseleniia Iuzhnogo Zaural'ia v epokhu bronzy (Culture of the Population of the Southern Trans-Urals in the Bronze Age)*. Thesis of Diss. of Candidate of historical Sciences. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute of Archaeology (in Russian).

Stokolos, V. S. 1970. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 193–198 (in Russian).

Stokolos, V. S. 1972. *Kul'tura naseleniia bronzovogo veka Iuzhnogo Zaural'ia (Culture of the Bronze Age Population of the Southern Trans-Urals)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Stokolos, V. S. 2004. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya 1: Istoricheskie nauki (Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University. Series 1: Historical Sciences)* 2, 207–236 (in Russian).

Stokolos, V. S., Stokolos, G. I. 2004. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya 1: Istoricheskie nauki (Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University. Series 1: Historical sciences)* 2, 237–255 (in Russian).

Stokolos, V. S. 2005a. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya 1: Istoricheskie nauki (Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University. Series 1: Historical sciences)* 3, 141–155 (in Russian).

Stokolos, V. S. 2005. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya 1: Istoricheskie nauki (Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University. Series 1: Historical sciences)* 3, 22–49 (in Russian).

Stokolos, V. S., Stokolos, G. I. 2004. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya 1: Istoricheskie nauki (Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University. Series 1: Historical sciences)* 2, 237–255 (in Russian).

About the Author:

Vinogradov Nikolai B. Doctor of Historical Sciences, Professor. South Ural State Humanitarian Pedagogical University. Lenin Ave., 69, 454080, Chelyabinsk, Russian Federation; vinogradov_n@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2021 г.

Статья принята к публикации 01.10.2021 г.

АРАБСКИЙ ГЕОГРАФ АЛ-ИДРИСИ (XII В.) О ТЮРКСКИХ НАРОДАХ СРЕДНЕЙ АЗИИ

© 2021 г. А.Н. Юзеев

Автором статьи представлены переводы с арабского языка на русский географа XII в. ал-Идриси фрагментов сочинения «Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак» («Развлечение истомленного в странствии по областям»), касающихся народов Средней Азии (казахов, киргизов, туркмен). Среди других подобных средневековых географических произведений оно до сих пор является малоизученным и даже не исследованным – нет полных переводов на русский язык источниковедческих материалов, имеющих отношение к тюркским народам Средней Азии. Несмотря на то, что сочинение ал-Идриси является географическим, в действительности оно несет массу информации касающейся жизни и быта многих тюркских племен и народов Средней Азии Средневековья. Поэтому его по праву можно назвать и историческим и этнографическим сочинением, отражающим дух средневековой эпохи. Более того, это произведение среди других арабо-мусульманских сочинений является одним из самых информационных географических источников о народах Средней Азии. Данный перевод послужит источником для развития археологии, поскольку связан с определением места расселения древних тюркских народов Средней Азии. Переводы выполнены автором публикации на основе итальянского издания 1970-1984 гг., которое наиболее правильно отражает название этнонимов и географических названий Средней Азии.

Ключевые слова: ал-Идриси, народы Средней Азии, кимаки, карлуки, огузы, археология, регионоведение.

THE ARAB GEOGRAPHER AL-IDRISI (XII CENTURY) ABOUT THE TURKIC PEOPLES OF CENTRAL ASIA

A. N. Yuzeev

The author of the article presents translations from Arabic into Russian by the 12th-century geographer al-Idrisi of fragments of the composition "Nuzhat al-mushtak fi ikhtirak al-afak" ("Entertainment of the exhausted in wandering through the regions") concerning the peoples of Central Asia (Kazakhs, Kirghizs, Turkmen). This translation will serve as a source for the development of archeology, since it is associated with the determination of the place of settlement. Among other similar medieval geographical works, it is still poorly studied and not even studied. Despite the fact that the work of al-Idrisi is geographical, in fact it carries a lot of information concerning the life and everyday life of many Turkic tribes and peoples of Central Asia of the Middle Ages. Therefore, it can rightly be called both a historical and ethnographic work that reflects the spirit of the medieval era. Moreover, this work, among other Arab-Muslim works, is one of the most informative geographical sources about the peoples of Central Asia. – there are no complete translations into Russian of source materials related to the Turkic peoples of Central Asia. of the ancient Turkic peoples of Central Asia. The translations were made by the author of the publication on the basis of the Italian edition of 1970-1984, which most correctly reflects the name of ethnonyms and geographical names of Central Asia.

Keywords: al-Idrisi, peoples of Central Asia, Kimaks, Karluks, Oguzes, archeology, regional studies.

Сочинение арабского географа XII века ал-Идриси «Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак» («Развлечение истомленного в странствии по областям») является важным источником для изучения средневековой истории тюркских народов Средней Азии. Среди других подобных средневековых географических произведений оно до сих пор является малоизученным и даже неисследованным – нет полных переводов на русский язык источниковедческих материалов, имеющих отношение к тюркским народам Средней Азии.

Настоящий перевод представляет собой фрагменты сочинения ал-Идриси «Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак» («Развлечение истомленного в странствии по областям») девятой части третьего климата, посвященные этнической истории (этнонимам и географическим названиям) тюркских народов Средней Азии. Арабский текст фрагментов сочинения публикуется по полному изданию труда ал-Идриси, изданного в Италии в 1970–1984 гг. (Al-Idrisi. Opus geographicum sive «Liber ad eorum delectationem qui terras peragraré

studeant» / Consilio et auctoritate E. Cerulli, F. Gabrieli, G. Levi Della Vida, L. Petech, G. Tucci. Una cum aliis ed. A. Bombaci, U. Rizzitano, R. Rubinacci, L. Veccia Vaglieri. Fasc. I–IX Neapoli – Romae, 1970–1984).

Ал-Идриси, или его полное имя Абу Абдаллах Мухаммад б. Мухаммад б. Абдаллах б. Идрис ал-Хаммуди ал-Хасани, происходил из эмирского рода Алидов-Идрисидов, возводивших свое происхождение к Хасану б. Али, внуку пророка Мухаммада. Поэтому он известен также под именем «аш-Шариф» («благородный, знатный»). Непосредственные предки ал-Идриси – Хаммудида – правили (1010–1057) в Малаге и Альхесирасе, на юге Испании. Затем переселились в г. Сеуту в Марокко, где в 1100 году и родился тот, чья биография описывается. Ал-Идриси получил образование в Кордове – крупном культурном центре южной Испании. Много путешествовал: побывал в Малой Азии и даже во Франции и Англии. В 1138 году ал-Идриси остановился в Палермо при дворе сицилийского короля Роджера II (1130–1154), по указанию которого и приступил к написанию своего географического труда «Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак» («Развлечение истомленного в странствии по областям»), также известного под названием «Китаб ар-Руджар» («Книга Роджера»).

Работа продолжалась в течение пятнадцати лет и была завершена в 1154 году. После смерти Роджера II ал-Идриси оставался в Палермо при дворе сына Роджера II и его приемника Вильгельма I (1154–1166). В конце жизни вернулся на родину в г. Сеуту, где и скончался в 1165 году.

При написании «Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак» ал-Идриси использовал множество нарративных, документальных, картографических, устных источников. Некоторые из них названы автором в предисловии к сочинению, на другие он ссылается в самом труде.

В настоящее время известно десять списков рукописей сочинения ал-Идриси, пять из которых находятся за рубежом: в Париже, Оксфорде, Стамбуле, Каире и Софии; одна из рукописей хранится в Санкт-Петербурге в Государственной Научной Библиотеке (Коновалова, 2006).

К настоящему времени имеются четыре издания сочинения ал-Идриси. Самое первое из изданий всего текста с арабским шрифтом, основанное на Парижской сокращенной редакции, опубликовано в Риме в 1592 году

в знаменитой типографии Медичи. Ученые полагают, что это издание неудовлетворительно передает текст ал-Идриси. Также только исторический интерес представляет латинский перевод вышеназванного издания, передававший текст в сокращенном виде, напечатанный в 1619 году в Париже двумя учеными-маронитами, которые занимались преподаванием восточных языков – Иоанном Хесронита (ал-Хасруни) и Гавриилом Сионита (ас-Сихйяуни) (Gunter, 1909, s. 113–123).

Полный перевод на французский язык оригинала сочинения ал-Идриси в двух томах вышел только в 1836–1840 годах. Его автором был французский востоковед П.А. Жобер (1799–1847) (P. Amedee Jaubert, 1836–1840). Однако детальное изучение перевода учеными Дози и де Гье обнаружило полную его неудовлетворительность (Dozy R., de Goeje M.J., 1866, p. VI–XXI).

В 60–70-е годы прошлого века в связи с изучением истории народов СССР среднеазиатскими учеными (киргизскими, казахскими и туркменскими) привлекалось множество фактического материала, в том числе источники средневековых ученых, написанных на арабском и персидском языках (Караев, 1973, с. 4–48; Кумеков, 1972). Так, фрагменты перевода О. Караева из географии ал-Идриси, посвященные территории проживания тугузгузов, карлуков, кимаков, киргизов, хазлажия и хилхия, содержат ряд неточностей, главным образом связанных как с разночтением названий этнонимов, городов, территорий (различные огласовки), основанных на старых изданиях текста ал-Идриси, так и с использованием критикуемого учеными французского перевода П.А. Жобера.

В последнее время пристальное внимание российские ученые уделяют сведениям ал-Идриси о народах Восточной Европы. Выделяются труды И.Г. Коноваловой своей новизной методики исследования, переводами на русский язык, основанными на последней римской редакции рукописи ал-Идриси, касательно народов и стран Восточной Европы (Коновалова, 2006, 328 с.).

Но главным образом вышеназванные труды (за исключением книг, опубликованных после 70–80-х годов прошлого столетия) были основаны на трех указанных изданиях сочинения ал-Идриси. Предлагаемые в данной публикации переводы девятой части третьего климата выполнены с четвертого римского издания 1970–1984 гг., подготовленного итальянскими востоковедами E. Cerulli, F. Gabrieli, G. Levi

Della Vida, L. Petech, G. Tucci, A. Bombaci, U. Rizzitano, R. Rubinacci, L. Veggia Vaglieri. Итальянские ученые привлекли массу до сих пор неиспользованного материала, и поэтому это издание в настоящее время является самым верным из имеющихся в смысле установления правильного чтения, транскрипции сочинения ал-Идриси.

Перевод с арабского языка на русский язык фрагментов сочинения «Нузхат ал-муштак» (на основе последнего издания), касающихся народов Средней Азии, дается впервые, в новом прочтении автора данной публикации.

II. Текст [с. 509–516]

Девятая часть третьего климата*

Эта девятая часть третьего климата включает страну Тибет¹, части земли тугузгузов² и харлухов³. В стране Тибет большими городами являются города: Тибет, Синх⁴, Вахан⁵, Шакина⁶, Барван⁷, Удж⁸, Рамхах⁹, Залхва¹⁰.

А в стране хакана тугузгузов есть столица хакана, которая называется Тантабаг¹¹ и города: Маша¹², Джармак¹³ и Бахван¹⁴.

Из городов внешнего Сина – Куджа¹⁵ и Дархун¹⁶. Из страны харлухов – Верхний Барсхан¹⁷ и Навакет¹⁸. В этих краях [имеются] озера с пресной водой и текущие реки, луга, летние места стойбищ тюрок. И мы хотим привести месторасположение городов на территории [этих стран] и границы их земли.

Здесь мы говорим о том, что подтверждается в книгах, основанных на достоверных сообщениях, со слов тюрок, которые проходили через эти земли, путешествовали по ним и сообщали о них. Мы говорим, что за страной внешнего Сина¹⁹ следует то, что примыкает к Восточному морю из страны тугузгуз. А за страной тугузгуз следует то же, что следует за страной Фергана²⁰ – страна Тибет. А земля Тибет является соседней Сину и некоторым краям Индии. И примыкает к ней с севера земля харлухов, а на востоке – страна тугузгуз.

Самый большой город в ней называется Тантабаг. В нем двенадцать железных ворот, а его жители – зиндики, из тугузгузских тюрок – народ-огнепоклонники, те, кто поклоняются огню. Правитель – хакан тугузгузов живет в городе Тантабаг. А это большой город, вокруг которого крепкая стена, и он находится на берегу большой реки, текущей в сторону востока. От этого города до Верхнего Барсхана из соседней земли до Ферганы два месяца пути. И примыкает земля тугузгуз к темному Восточному морю.

А из города Тантабаг до города Бахван – на северо-запад – двенадцать дней пути. Это город, подчиненный тугузгузам. В нем правитель из семейства хакана тугузгузов, у которого есть солдаты, охрана крепости и владения. У этого города – прочная стена, в нем имеются базары, в которых изготавливаются из железа всякие диковинки. Также есть ремесла по различным видам дерева, гончарных изделий и т. д. Этот город находится на берегу реки, текущей в сторону востока. Вокруг этого города поля и участки тюрок, а также воды [реки], по которым они спускаются и передвигаются. Из этого города вывозят большинство железных изделий в землю Тибет и в землю Сина. А за горами этого города – мускусные животные и они не степные. Мы уже упоминали, как обстоит [дело] с ними и как образуется мускус в природе при описании второго климата. И здесь нет никакой надобности для нас это [снова] рассказывать.

От города Бахван до города Джармак – четыре мархали* по деревням, полям, сплошным населенным местам, которые от него тянутся на юг с отклонением на запад. Город Джармак – доброй судьбы, с плодородной землей. В нем два земляных вала. Между стенами – ров. Он очень глубокий. Ширина этого рва равняется семидесяти шагам. В этом городе четверо железных ворот. И нет в нем рынка, а есть только производство оружия и все. В нем живет повелитель, а у него лошади и люди. И он охраняет свою сторону от правителей тибетских. От города Бахван до города Тибет – четырнадцать дней [пути]. Также от Джармака до Верхнего Барсхана – десять мархалей.

Город Тибет большой и земля его названа по нему [его имени]. И это страна тибетских тюрок. Ее жители народ, в который входят жители Ферганы, Буттам²¹ и земли Вахан. Они перемещаются по большей части страны, оснащаются железом, серебром, разноцветными камнями, леопардовыми шкурами и тибетским мускусом, имеющимся там. Этот город стоит на высоком месте, в низине, у него река, текущая к озеру Барван – к югу. У него крепкая стена; в нем живет правитель, у которого много людей, лошадей и конской брони; в нем много ремесел, которые оснащают одеждой, изготовленной в нем – толстой, грубой, и мягкой. Одежду продают за большие деньги, потому что она шелковая – из [нитей] коконов. Также этот город снабжается рабами и мускусом; большинство [из этого] увозят в страну Фергану и Индию. И нет на

земном шаре красивой цветом, мягче кожей, красивой, лучше телом, чем раб-тюрок. Тюрки воруют детей друг у друга и продают их при торговле. Цена рабыни достигает трехсот динар и выше. Земля тугузгуз находится между Тибетом и Сином, а с ней граничит на севере – хирхиз.

В стране Тибет – город, который называется Синх. Он средних размеров, расположен на верху неприступного холма. У него прочная, каменная стена, одни ворота. В нем [развиты] ремесла, которыми занимаются тюрки, и [у него] активные связи и торговля с соседями. К ним приезжают из земель: Кабул²², Вахан, Хуттал²³, Вахш²⁴ и из страны Рашт²⁵. Они везут в Тибет железо и мускус. Говорят, что на этой горе, которая соединяется с Синхом, растет много пшеницы и в чаще много мускусных животных. Они питаются пшеницей, пьют воду из реки, которая течет к Синху. И от такой пищи появляется этот мускус. В этой горе – глубокая пещера; из глубины пещеры слышно журчание текущей воды. Совершенно невозможно узнать, где дно у пропасти этой пещеры. Журчание воды очень хорошо слышно. Никто не знает истины, кроме самого Аллаха. На этой горе растет китайский ревень, и его там много. Из этого места его доставляют во многие страны. Он [город] связан с востоком и западом. В нем торгуют, и он известен. А река в Синхе называется рекой Шармах.

Из Синха в восточном направлении до озера Барван²⁶ пять мархалей по деревням и лесам тибетских тюрок. Там крепости и прочные укрепления. Озеро Барван велико. Длина его сорок фарсахов*, а ширина семьдесят две мили. Вода в нем вкусная. Там много рыбы. Ее ловят жители Барвана и Уджа. А Барван и Удж – это два города страны Тибет [расположенные] на берегу этого озера. Между Уджом и Барваном расстояние в двенадцать индийских фарсахов, что равно пяти милям. Барван и Удж размерами одинаковы. Они расположены на холмах, на берегу этого озера, из которого и пьют их жители. И [оба эти города] независимые государства. В них рынки и [развиты] ремесла, которых им достаточно. Они не нуждаются в товарах других стран, [довольствуются] тем, что у них есть. В озеро Барван во все его части впадает много боль-

ших рек. Поблизости городов Барван и Удж – к югу от них – находится гора, изогнутая в форме буквы «даль», вершину которой можно достигнуть с большим трудом. С обеих сторон она переходит в горы Хинд. А посередине – низменность, на которой построен дворец, в форме четырехугольника, без дверей. Так, кто достигнет его, идя по направлению к нему, почувствует в душе радость, подобно радости пьющего вино. Говорят, что тот, кто дойдет до этого дворца и поднимется на его крышу, не перестанет веселиться. Потом бросится [сверху] вниз дворца, ни на что не глядя. Я полагаю, что эти слова вымысел, неверны, однако этот слух очень распространен среди народа.

Город Куджа в стране Син, и он находится во внутренней стороне гор, окружающих Син. Этот город населен и невелик. В нем рынки и много зданий. Также от города Удж до Куджа десять мархалей на верблюде. К востоку от города Куджа – Дархун. Это город страны Син средних размеров; последняя провинция Сина на севере и с ней граничат города страны тугузгузских тюрок.

Что касается города Атбаш²⁷, то он находится на горе, защищенной от тюрок. От него до Тибета десять мархалей, а также от Атбаша до Верхнего

Барсхана [если ехать] по стране тюрок – шесть дней.

Верхний Барсхан – это укрепленный город страны тюрок. В нем две прочные стены, где укрывается большинство тюрок, живущих там, когда они в этом нуждаются. От Барсхана до Навакета по пограничным областям страны харлухов около десяти мархалей караванного пути, а с тюркской почтой – пять мархалей. Потом мы сообщим, с помощью Аллаха, обо всем этом.

А что касается города Маши, то от него до хакана тугузгузов пять дней. Маша находится в стране хакана тугузгузов. Это населенный город; в нем [развиты] многочисленные ремесла. От Маши до Бахвана восемь дней [пути] на запад. Это все, что имеется в девятой части этого климата. Хвала Аллаху, мы завершаем девятую часть этого климата. За ней последует, если пожелает Аллах, десятая часть.

Примечания:

* Под термином климат арабские авторы понимают географические пояса земного шара. Ал-Идриси делит землю на семь климатов, а каждый климат на десять поперечных частей. К описанию каждой части земного шара прилагаются карты (70), которые составляют атлас мира.

* Мархалю – мера длины, в равнинных условиях равняется примерно 30 км, а в горах – 20 км. Многие ученые полагают, что одна мархалю равна одному дню езды.

* фарсах – мера длины. Персидский фарсах равен 6,24 км, арабский приблизительно 5,78 км, приблизительно – трем милям.

¹ Тибет – современное название области на юге Китая. Средневековый арабский географ Йакут приводит различные огласовки: Туббат, Туббит и Таббут. Йакут отдает предпочтение первой огласовке – Туббат. О. Караев, возможно основываясь на данном предположении или на французском издании Жобера, переводит как Туббат. В используемом мною тексте этот термин дан без тажидида, что очень близко современному звучанию этого названия. Поэтому предпочтительно перевести – Тибет. В средневековых арабских источниках наряду с различными огласовками употребляется и термин Тибет (например, у ат-Табари, IX в., см. В.В. Бартольд, Сочинения. Т. 3. М., 1965, с. 509–510). По предположению В.В. Бартольда арабские географы понимали под Туббатом преимущественно Малый Тибет или Балтистан.

² Тугузгузы – тюркская народность. Имя писалось и произносилось по-разному. В тексте географии ал-Идриси расставлены многочисленные диактрические точки, что приводит к разночтению. В изданном основном тексте написано тугузгуз. В комментарии к основному тексту внизу указано, что это слово иногда писалось как «багаргар», «багугар» или «тугузгар» («тугузгур»). На карте ал-Идриси прочитан как багазгар (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С.12). О.Караев в своем переводе это слово читает как багаргар, хотя пишет, что «следуя за большинством ученых вместо багаргар и багазгар стоит употребить тогузгуз» (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С.8).

С термином тугузгуз связано немало споров в арабистике и тюркологии. Арабские сообщения о расселении тугузгузов, по мнению Бартольда, совпадают с китайскими и более поздними мусульманскими известиями о местах обитания уйгуров (Бартольд В.В. Сочинения. Т.V. Бартольд В.В. Сочинения. Т.V. М., 1968. С.568). Бартольд написал статью «Тугузгузы», в которой прослеживает этимологию этого слова (Бартольд В.В. Сочинения. Т.V. М., 1968. С.568-569). По написанию этого термина существует два мнения. Первое, В.Григорьев считает, что вместо тугузгуз следует читать тугузгур и что последнее слово является сокращением из «тогуз-уйгур» (Григорьев В.В. Землеведение К.Риттера. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией, Восточный или Китайский Туркестан. Вып.2. Дополнения. Отдел II-историко-географический. СПб., 1873.С.203). Второе, де Гье в VII томе «Encyclopedia Britannica» пишет тугузгуз. В предисловии к этому тому приведено несколько слов из письма Т.Нельдеке. Он отмечает, что в написанном в 881 г.н.э. сочинении персидского верховного жреца Менучихра абсолютно ясным персидским письмом написано тугузгуз. Следовательно, отсюда выходит гуз, а не уйгур. Бартольд полагает, что теперь «написание тугузгуз полностью подтверждено, столь же бесспорно, что в нем содержится имя народа гуз (огуз). Очевидно, арабы перенесли на уйгуров имя тугузгуз, которое, собственно, обозначало предшественников уйгуров-тюрков – шато. То, что шато были вытеснены тибетцами, а тибетцы – уйгурами, арабы, очевидно, не знали. Из каких источников заимствованы арабские известия о тугузгузах и к какому времени они относятся, еще не установлено. Важен тот факт, что «единственный арабский автор, который рассказывает о Средней Азии не по книгам, а по личным наблюдениям (Махмуд Кашгарский), ничего не знает о тугузгузах; зато у него появляется имя народа уйгур (без прибавления какого-либо числительного), совершенно неизвестное его арабским предшественникам» (Бартольд В.В. Сочинения. Т.V. М., 1968. С.569).

³ Харлух – тюркская народность, в более ранних арабских источниках – харлух, в персидских – халлух, в китайских – гэлolu, в тюркских – карлук. В рукописях ал-Идриси встречается различное написание этого термина. О.Караев прочитал как Хазлажия и в своем труде все время ведет речь о стране Хазлажия.

В ранних китайских источниках карлуки упоминаются как тюркская народность, кочевавшая на запад от Алтайских гор, по обеим сторонам реки Иртыш. Позднее в середине VIII века карлуки перекочевали в Среднюю Азию.

Впервые эта народность упоминается в VIII в.н.э. в тюркских орхонских надписях. После распада империи западно тюркских хаканов карлуки обосновались в долине реки Чу. В сообщениях арабских географов X в. карлуки фигурируют еще как неверные. Их область, по Ибн Хаукалю, простиралась от границ Ферганы на тридцать дней пути. Значительно меньшей предстает область карлуков в персидских источниках, например, «Худуд ал-алам» (см. текст Гардизи у В.В.Бартольда. Отчет о поездке в Среднюю Азию. С.81, 104; см. текст Ауфи у В.В.Бартольда Туркестан. Ч.1. С.99).

Как ближайшие соседи мусульманских областей карлуки больше, чем другие тюрки, подверглись влиянию персидской культуры и отличались от других тюрков также чертами лица. М.Кашгарский объединяет карлуков вместе с гузами под названием туркмен.

⁴ Синх – название города страны Тибет. В основном тексте читается «Синх», в комментарии разночтение, дано «Шах». В тексте О. Караева – Шах. На карте ал-Идриси город Синх не отмечен. По предположению О. Караева город Синх надо искать на юге и юго-западе территории Восточного Туркестана (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973, с. 18).

⁵ Вахан – название города страны Тибет. Название по основному тексту и по переводу О.Караева в основном совпадают (разница может быть только в разночтении буквы «х», так как в одном списке без точки). На карте ал-Идриси не отмечен.

⁶ Шакина – название города страны Тибет. На карте ал-Идриси не отмечен. Разночтение – в комментарии читается как Сакита, Сафина, Сафана. В переводе О.Караева взято слово Сакита.

⁷ Барван – название города страны Тибет. Разночтение – в комментарии – Будан. На карте ал-Идриси – Барван.

В переводе О.Караева этот город не упоминается, хотя в его исследовании о нем говорится.

^{8.} Удж – название города страны Тибет. На карте ал-Идриси отмечен как Уж. Разночтение – Ух. В переводе О.Караева и в данном переводе – Удж.

^{9.} Рамхах – название города страны Тибет. Разночтение – Махах. В переводе О.Караева – Махах.

^{10.} Залхва – название города страны Тибет. Разночтения – Зальхау, Далху, Залхакан, Дальхау. В переводе О.Караева Даху или Дахва.

^{11.} Тантабаг – столица страны тугузгузов. На карте ал-Идриси столица отмечена на юго-востоке от Бахвана и на юге Маши. Разночтения – Тананабаг, Танбаа, два примера без диактрических знаков. В переводе О.Караева Янтабаг.

Впервые сведения о столице тугузгузов встречаются у арабского автора Тамима б. Бахра, который в 820 году посетил ряд стран тюркских племен. Сведения Таима б. Бахра были заимствованы последующими авторами Ибн Хордадбеком и Кудамой б. Джафаром. По-видимому, ал-Идриси, посредством Ибн Хордадбека, также заимствовал сведения Тамима б. Бахра о столице тугузгузов. Но, в отличие от своих предшественников, ал-Идриси впервые дает название столицы тугузгузов. Кроме того. В этом отрывке он указывает расстояние между столицей и городами страны тугузгузов, что отсутствует в работах его предшественников.

^{12.} Маша – город страны тугузгуз. На карте ал-Идриси отмечен на востоке от Бахвана у безымянной реки. Разночтение – Масах. В переводе О.Караева и в данном переводе – Маша.

^{13.} Джармак – город страны тугузгузов. В данном переводе, как и у О.Караева – Джармак. В комментарии разночтение – Харас, Джарамк, Хармак. На карте ал-Идриси в одном издании город Джармак расположен на востоке от Верхнего Барсхана, в другом издании этой карты он находится на юго-востоке от Верхнего Барсхана, у подножья горного хребта. По предположению О.Караева город Джармак следует отождествлять с городом Ак-Су, расположенным недалеко от гор Центрального Тянь-Шаня.

^{14.} Бахван – город страны тугузгузов. Чтение О.Караева и данный перевод совпадают – Бахван. В комментарии разночтение – Вахван. На карте ал-Идриси Бахван отмечен на берегу той же безымянной реки, что протекает у г.Джармака. В другом издании этой карты данный город расположен в стороне от этой реки, у подножья горы Дардан. О.Караев отождествляет г.Бахван с г.Куджа, но далее по тексту он переводит г.Куджа как Туха. Поэтому предположение О.Караева выглядит сомнительным.

^{15.} Куджа – название города страны внешнего Сина. Разночтения в комментарии – Куха, Туха. В переводе О.Караева – Туха. Город Куджа на карте ал-Идриси отмечен на крайнем юго-востоке.

^{16.} Дархун – название города страны внешнего Сина. Название по основному тексту и по комментарию в основном совпадают (разница только в разночтении буквы «х», так как она дана в списке без точки). Это название у О.Караева и в данном переводе совпадает – Дархун.

^{17.} Верхний Барсхан – название города страны харлухов. Разночтения в комментарии – Барсджан (Нарсджан), Барсхан и один вариант без диактрических знаков. У О.Караева – Барсджан, хотя он в исследовании пишет Барсхан. Анонимный персидский автор X века сообщает, что Барсхан находится на берегу озера Иссык-Куль (Худуд ал-алам. #18.С.14). В наше время юго-восточнее озера Иссык-Куль встречаются речка, поселок, ущелье сохранившие это название. По-видимому, он имеет какое-то отношение к названию средневекового города того же имени.

^{18.} Навакет – название города страны харлухов. Разночтения – Навакес и три варианта без диактрических знаков. У О.Караева – Тавакас. Навакет отождествляется с поселком Орловка Кеминского района Киргизии, располагался на северной ветви Шелкового пути.

^{19.} Син – название нынешнего Китая. Последним тюркским народом, господствовавшим в Монголии, были, согласно китайским источникам, киргизы, в 840 году победившие уйгуров, вытеснение которых из Монголии связывают с усилением в X веке монгольского народа китаев. Китай основали сильное государство в Северном Китае и дали этой стране свое имя, хотя это название теперь употребляется только монголами, русскими и отчасти мусульманами, но не западноевропейцами. Турки усвоили на западе арабское название Китая (Син) вместо персидского – Чин и принесли с востока с орхонских надписей название Табгач. В XI веке различали уже Син и Масин как Северный и Южный Китай и только за Масином, оставшейся под властью китайской национальной династии Сун, сохранили название Табгач. У М.Кашгарского Тавгам, Тавгим или Средний Син, называли Китай, по имени господствовавшего там народа. У О.Караева – Син.

^{20.} Фергана – область в Средней Азии, в бассейне реки Сыр-Дарья. Название Фергана появляется только с V века н.э. в китайских источниках. Население Ферганы с древних времен занималось земледелием. Искусные ремесленники изготавливали утварь из золота, серебра. Ал-Идриси упоминает Фергану как одно из мест поселения тюрков.

^{21.} Буттам – под Буттамом в географической литературе средневековья обычно понималась горная область Верхнего Зеравшана. Различали также Первый, Средний (Внутренний) и Внешний Буттам. Буттам административно подчинялся Самарканду. Ныне – территория Таджикистана.

^{22.} Кабул – столица и самый крупный город Афганистана.

^{23.} Хуттал – Хуттал, часто также во множественном числе Хутталан (и варианты, такие как Хутлан, Хатлан, в китайских источниках Ко-тут-ло) – средневековая область и княжество на северном берегу реки Оксус (совр.

Амударья, лежащая между ее притоками Вахш и Пяндж. Это примерно соответствует современной Хатлонской области Таджикистана.

²⁴. Вахш – Вахшская долина – межгорная впадина в Таджикистане по среднему и нижнему течению реки Вахш.

²⁵. Рашт – Раштский район в Таджикистане. Районный центр Гарм, расположенный на правом берегу реки Сурхоб.

²⁶. Барван – озеро страны Тибет. На карте ал-Идриси различение – озеро Сахан; в другом издании это озеро названо Уж. По-видимому, имеется в виду озеро Иссык-Куль, хотя О.Караев отождествляет озеро Иссык-Куль с озером Сахан (Барсхан). Так, М.Кашгари пишет: «Иссык-Куль – название озера Барсхан. Его длина – тридцать фарсахов, а ширина – десять фарсахов» (Махмуд ал-Кашгари Книга диван луга тат-турк. Т.III. Стамбул, 1917. С.99).

²⁷. Атбаш – город у подножия горы, населенный хирхизами, отождествляемый О.Караевым с современными развалинами Кошой-Коргон – руинами древнего укрепления, находящегося близ села Кара-Суу Ат-Башинского района Нарынской области Киргизии. Различения – в одном из изданий карты ал-Идриси – Атас, в другом – Аташ. Сведения об этом городе повторяют данные приведенные Ибн Хордадбеком (Ибн Хордадбек. Книга масалик ва-л-мамалик. Лейден. 1889. С.30). Город находился на шелковом пути и был торговым местом и стоянкой для купцов.

Данный перевод и комментарий послужат источником для развития археологии, поскольку связаны с определением места расселения древних тюркских народов Средней Азии.

ЛИТЕРАТУРА

Караев О. Земли тогузгузов, карлуков, хазлазия, хилхия, кимаков и киргизов по карте ал-Идриси // Арабо-персидские источники о тюркских народах / Отв. ред. О.Караев. Фрунзе, 1973. С.4-48.

Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы. Москва: Издательство Восточная литература, 2006. 328 с.

Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX-XI вв. по источникам. Алма-ата, 1972, 155 с.

Dozy R., de Goeje M.J. Description de l'Afrique et de l'Espagne par Edrisi: Texte arabe avec une traduction. Leyde, 1866. P.VI-XXI.

Gunter S. Der Arabische Geograph Edrisi und seine maronitischen Herausgeber // Archiv für die Geschichte der Naturwissenschaften und Technik. Lpz. Bd.I.1909, S.113-123.

La Geographie d'Edrisi traduite de l'arabe en français d'après deux manuscrits de la bibliothèque du roi et accompagnée de notes par P. Amedee Jaubert. Paris, 1836-1840. T.I-II.

Информация об авторе:

Юзеев Айдар Нилович, доктор философских наук, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Казанский филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия» (г. Казань, Россия); youzeev@yandex.ru

REFERENCES

Karaev, O. 1973. In Karaev, O. (ed.). *Arabo-persidskie istochniki o turkskikh narodakh (Arab-Persian Sources on the Turkic Peoples)*. Frunze: "Ilim" Publ., 4-48..

Kononova, I. G. 2006. *Al-Idrisi o stranakh i narodakh Vostochnoi Evropy (Al-Idrisi on the Countries and Peoples of Eastern Europe)*. Moscow: "Vostochnaya literatura" Publ. (in Russian).

Kumekov, B. E. 1972. Gosudarstvo kimakov IX-XI vv. po istochnikam. (The State of the Kimaks in the 9th – 11th Centuries According to Sources). Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).

Dozy R., de Goeje M.J. 1866. *Description de l'Afrique et de l'Espagne par Edrisi: Texte arabe avec une traduction*. Leyde, P.VI-XXI.

Gunter S. Der Arabische Geograph Edrisi und seine maronitischen Herausgeber // Archiv für die Geschichte der Naturwissenschaften und Technik. Lpz. Bd.I.1909, S.113-123.

La Geographie d'Edrisi traduite de l'arabe en français d'après deux manuscrits de la bibliothèque du roi et accompagnée de notes par P. Amedee Jaubert. Paris, 1836-1840. T.I-II.

About the Author:

Yuzeev Aidar N. Doctor of Philosophy, Kazan branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State University of Justice". 2-ya Azinskaya Str., 7/A, Kazan, 420088, Russian Federation; youzeev@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2021 г.
Статья принята к публикации 01.10.2021 г.

УДК 572.71 572.024

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.5.228.236>

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ О ЧЕРЕПАХ С ПОСЕЛЕНИЯ ЧЕКУПС-2

© 2021 г. А.Н. Абрамова

В статье представлены результаты изучения серии черепов, полученных в ходе археологических раскопок на поселение Чекупс-2. Кроме самих черепных коробок не было обнаружено ни нижних челюстей, ни шейных позвонков. Вся коллекция происходит из хозяйственной ямы и была переданы автору на палеоантропологический анализ. При исследовании, в первую очередь, были отмечены следы разрушения, которые могут быть интерпретированы как результат выставления. 20 черепов несут на себе следы травм, в основном расположенных в области затылочной кости и задней части теменных костей. Часть зафиксированных повреждений были нацелены не на мгновенную смерть, а на ритуальные действия, связанные с отсечением фрагментов кожи головы с костной пластиной и частью прически. В результате изучения пола и возраста было установлено, что большая часть черепов принадлежала мужчинам, умерших в различных возрастных интервалах от 25 до 55 лет. Дети и подростки также присутствовали в изучаемой выборке. Самому маленькому ребенку на момент смерти было 7-10 лет, также присутствуют черепа подростков в возрасте 10-14 и 13-18 лет. Вопрос о том, кем же были люди, черепа которых стали объектом нашего изучения, а также о временном периоде, в который было совершено данное погребение, до сих пор остается открытым. Несмотря на это сам комплекс, а также ритуальные манипуляции, произведенные с черепами, вызывают интерес и требуют дальнейшего рассмотрения.

Ключевые слова: археология, палеоантропология, обычай скальпирования, Прикубанье, палеопатология, травматические повреждения черепа.

PRELIMINARY REPORT ABOUT TURTLES FROM CHECUPS-2

A.N. Abramova

The paper presents the results of study the series of skulls obtained during archaeological excavations at Chekups-2 settlement. Except for the skulls themselves, no mandibles or cervical vertebrae were found. The entire collection originates from a utility pit and was handed over to the author for paleoanthropological analysis. First of all, during the study, traces of destruction were noted, which can be interpreted as a result of exposure. A total 20 skulls feature traces of trauma, mainly located in the occipital bone and the back of the parietal bones. Some of the recorded injuries were aimed not at instant death, but at ritual actions associated with cutting off fragments of the scalp with the bone plate and part of the hair. As a result of a gender and age study, it was ascertained that most of the skulls belonged to men who died in different age intervals from 25 to 55. Children and adolescents were also present as the study sample. The youngest child was 7-10 years old at the time of death, and the skulls of adolescents aged 10-14 and 13-18 are also present. It remains unknown who the people whose skulls became the object of the study were, and in what time period the burial was performed. Nevertheless, the complex itself and the ritual manipulations performed with the skulls, arouse interest and require further consideration.

Keywords: archaeology, paleoanthropology, scalping custom, Kuban region, paleopathology, traumatic skull injuries.

В 2018–2019 гг. экспедицией Автономной некоммерческой научно-исследовательской организации «Центр краеведения» под руководством Баринаова Д.Г. в Крымской районе Краснодарского края проводились раскопки многослойного поселения Чекупс-2. За время работ было вскрыто больше 100 погребальных сооружений, датирующихся временем от эпохи бронзы до позднего Средневековья. Так как на сегодняшний день отчет по результатам археологических раскопок не сдан, затруднен

палеоантропологический анализ всей серии. Из всех открытых погребальных конструкций наибольшее внимание привлекла к себе хозяйственная яма диаметром около 2 метров, в которой было найдено 34 черепа. Весь датирующий материал, состоящий из фрагментов лепных сосудов и амфор, был обнаружен в верхнем слое заполнения ямы, то есть определить время совершения самого захоронения методами археологии не представляется возможным. Возник вопрос о том, сможет ли



Рис. 1. Объект 64, вид с юга, Чекупс-2.

Fig. 1. Object 64, view from the south, Checkups-2.

палеоантропология дать ответ, кем являлись эти люди и что стало причиной погребения голов отдельно от тел. Для этой цели все черепа были переданы автору для исследования.

Естественно, чем лучше сохранность костей, будь то череп или посткраниальный скелет, тем больше информации сможет извлечь палеоантрополог. И здесь не последнюю роль играет тщательность упаковки и транспортировки скелетов. Вопрос о способах сбора, очистки и хранения костных останков, полученных в ходе археологических работ, не так часто поднимается в палеоантропологической литературе. Однако все авторы сходятся в том, что при извлечении черепа из погребения в первую очередь его необходимо очистить от земли и просушить (Гохман, 1962; Мамонова и др., 1989; Методика сбора..., 2020). Аккуратность и тщательность еще на этом этапе, до начала самого исследования, значительно повышают информативность источника в целом¹.

В случае с поселением Чекупс-2 были допущены грубейшие ошибки при сборе и хранении всей палеоантропологической коллекции в целом², в результате чего даже достаточно плотные кости нейрокраниума стали мягкими и ломкими. Лицевой же отдел, особенно носовые кости, пострадали больше всего. Этикетки в большинстве своем стали нечитаемыми, а черепа, которые оказались внизу коробок, под тяжестью земли были не просто раздавлены, а фактически уничтожены. Огромная часть

палеоантропологической информации была утеряна. Всего этого можно было бы избежать, если бы авторы раскопок еще на стадии извлечения черепов из погребения использовали простые рекомендации:

- очистка черепа от находящейся внутри земли сразу после его извлечения из погребения;
- использование для упаковки простой оберточной бумаги, которая не препятствует циркуляции воздуха и позволяет кости высохнуть;
- транспортировка черепов в небольших коробках по 3–5 штук, при этом все пустоты должны быть заполнены бумагой или любым другим упругим материалом.

Материалы и методы

Материалом для данной работы послужили все 34 черепа, извлеченных из хозяйственной ямы, найденной на поселении Чекупс-2 в 2018 году (рис. 1). Кроме самих черепных коробок не было обнаружено ни нижних челюстей, ни шейных позвонков, ни каких-либо других фрагментов костей. Это дало нам возможность предположить, что черепа до их погребения могли находиться где-то в другом месте, в котором и произошло частичное или полное разложение мягких тканей.

Методика. В первую очередь, как только черепа были переданы для изучения, они были очищены от почвы и тщательно просушены. Затем, после высыхания остатков земли и самих костей, наступил этап очистки.

Тонкими зондами, кисточками и влажными зубными щетками с поверхности черепов была удалена вся земля, некоторые особенно крепкие фрагменты тщательно промывались водой, затем уже очищенные от земли черепа вновь подверглись просушке. При этом в помещении поддерживалась низкая влажность и постоянная температура воздуха.

После высыхания все черепа подверглись реставрации с применением воско-канифольной мастики, недостающие фрагменты также моделировались с ее помощью. Очистка, консервация и реставрация только 34 черепов заняла не один день и даже после всех принятых мер большая часть палеоантропологической информации была утрачена навсегда.

Для определения пола и возраста использовались методы, широко применяемые в отечественной палеоантропологии (Добряк, 1960; Пашкова, 1963; Алексеев, Дебец, 1964; Пашкова, Резников, 1978). Так как среди погребенных присутствовали дети и подростки, то также использовалась схема прорезывания зубов (Ubelaker, 1978).

Так как большинство черепов несли на себе следы перемортальных травм, все они были изучены с помощью луп различной степени мощности, все исследования проводились в помещении с хорошим освещением.

Цель данного исследования заключается в первичном антропологическом анализе черепов, происходящих из группового погребения (объект 64), найденного в ходе раскопок поселения Чекупс-2. В задачи входило проведение половозрастной характеристики данных индивидов и выполнение первичной характеристики травм, зафиксированных на черепях.

Результаты

Большинство черепов принадлежало мужчинам (24 черепа), подросткам и юношам до 18 лет (8 черепов), и только 2 черепа вызвали затруднение в определении пола. Им присущи признаки женского пола, однако, учитывая то, что возраст индивидов не превышает 25 лет, эти два черепа могли принадлежать молодым мужчинам. Самому маленькому ребенку на момент смерти было 7–10 лет, еще двоим детям – 10–14 лет, все остальные подростки попадают в возрастной интервал от 13 до 18 лет. Не было зафиксировано ни одного индивида старческого возраста (старше 55 лет), большинству мужчин на момент смерти было 25–35 лет (8 индивидов), к возрастному интервалу 35–45 лет относится 7 индивидов, в возрасте 45–55 лет умерло 7 мужчин и еще четверым на момент смерти было 18–25 лет.

На трех черепях была отмечена круговая лобно-затылочная искусственная деформация. Кроме того, на сосцевидных отростках и затылочных мыщелках присутствуют следы разрушений, произошедших не в результате неправильного хранения черепов, а возникших в древности (рис. 2). Подобные разрушения фиксируются на 80% черепов и могут быть интерпретированы как результат выставления. В таком случае становится понятным отсутствие шейных позвонков и челюстей. Эту версию подтверждает обнаружение на памятнике Чекупс 3 каменной площадки для выставления (Сударев, 2020).

На 12 черепях не было зафиксировано никаких травм, однако здесь стоит помнить, что из-за неправильного сбора и хранения очень многие фрагменты костей были утрачены или разрушены. На 22 черепях фиксируются прижизненные травмы без следов заживления (табл. 1).

Лишь у одного индивида присутствовала рубленая травма в лицевой части черепа. Удар пришелся на левую сторону верхней челюсти (рис. 3). Однако, так как данный череп сохранился очень плохо, интерпретировать данную травму достаточно затруднительно. Возможно, она является результатом отрубания головы.

У трех индивидов были зафиксированы рубленые травмы в области теменных костей, у двух индивидов следы травм присутствовали на обеих теменных костях. Причем у одного из них фиксируются следы воспалительного процесса. Еще у двоих одним ударом была отсечена верхняя часть обеих теменных костей. У 4 индивидов травмы находились в области левой височной кости. У двоих был отрублен сосцевидный отросток, у одного срублен скуловой отросток и у одного на сосцевидном отростке были зафиксированы насечки от ножа. Еще четыре черепа несут на себе насечки от скальпирования.

Большинство ранений пришлось в область затылочной кости или на заднюю часть теменных. Некоторые из них были результатом рубящего удара, прошедшего вскользь. Такой удар должен был срубить лоскут кожи с волосами и верхним кортикальным слоем кости черепа. Зафиксировано оно было на 7 черепях в области затылочной кости или нижней части теменных, еще в двух случаях скользящим ударом было отрезано ухо вместе с частью сосцевидного отростка. Такие повреждения, когда удар прошелся по касательной, срубив часть компактной пластины и, судя по всему,

Таблица 1. Расположение травм на черепах из группового погребения,
найденного на поселении Чекупс 2

Table 1. Location of injuries on the skulls from a group burial discovered at Chekups 2

Номер черепа	Возраст	Лицевой отдел	Правая теменная	Левая теменная	Затылочная кость	Височные кости
Череп 1	25-35 лет	Область верхней челюсти с левой стороны	Нет	Нет	Нет	Нет
Череп 2	35-45 лет	Нет	Нет	Нет	Рубленое проникающее ранение с левой стороны, область сосцевидно-затылочного шва	Нет
Череп 3	7-11 лет	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет
Череп 4	35-45 лет	Нет	Нет	Нет	Травма у основания затылочной кости, похоже на высокое отсечение головы	Нет
Череп 5	45-55 лет	Нет	Нет	Нет	Нет	На левой височной кости отсечен скуловой отросток; отрублен сосцевидный отросток
Череп 6	13-18 лет	Нет	Скользкий удар в области лямбдовидного шва	Нет	Два удара, один по касательной, второй – результат высокого отсечения головы	Нет
Череп 7	25-35 лет	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет
Череп 8	18-25 лет	Нет	Нет	Нет	Скользкий рубящий удар справа в районе сосцевидно-затылочного шва	Нет
Череп 9	15-20 лет	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет
Череп 10	25-35 лет	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет
Череп 11	45-55 лет	Нет	Нет	Нет	Скользкий удар в центре затылочной кости, срублен затылочный бугор	Нет
Череп 12	45-55 лет	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет
Череп 13	18-25 лет	Нет	Нет	Нет	Скользкий рубленый удар с левой стороны в районе лямбдовидного шва	Нет
Череп 14	45-55 лет	Нет	Нет	Нет	Справа в районе лямбды скользкий удар	Насечки на левом сосцевидном отростке, как при скальпировании
Череп 15	25-35 лет	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет

Череп 16	25-35 лет	Нет	Нет	Нет	Нет	Срублен левый сосцевидный отросток
Череп 17	13-18 лет	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет
Череп 18	18-25 лет	Нет	Обширная проникающая рана	Обширная проникающая рана	В центре след от скользящего удара	Нет
Череп 19	45-55 лет	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет
Череп 20	25-35 лет	Нет	Одним ударом отрублена верхняя часть теменных костей		Нет	Нет
Череп 21	25-35 лет	Насечки по всей окружности черепа, следы от снятия скальпа				
Череп 22	45-55 лет	Нет	Нет	Нет	След рубленной раны	Нет
Череп 23	35-45 лет	Нет	Область ламбды, следы воспаления	Область ламбды следы воспаления	Нет	Нет
Череп 24	25-35 лет	Нет	Отрублена верхняя часть обеих теменных костей		Справа, в районе сосцевидно-затылочного шва след от скользящего удара	Нет
Череп 25	35-45 лет	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет
Череп 26	35-45 лет	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет
Череп 27	35-45 лет	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет
Череп 28	13-20 лет	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет
Череп 29	18-25 лет	Нет	Нет	Нет	Нет	Отрублен левый сосцевидный отросток
Череп 30	35-45 лет	Насечки по всей окружности черепа, следы от снятия скальпа				
Череп 31	13-18 лет	Нет	Нет	Область чешуи височной кости и ламбдовидного шва, удар пришелся по касательной	Нет	Нет
Череп 32	10-15 лет	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет
Череп 33	45-55 лет	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет
Череп 34	10-15 лет	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет

часть кожи и волос, наводят на мысль о скальпировании.

У античных авторов мы часто встречаем описание обряда скальпирования, распространенного у племен, в раннем железном веке живших на территории Кавказа и Предкавказья. Первое письменное упоминание о данном обряде мы встречаем у Геродота при описа-

нии обычаев скифов: «С головы он сдирает кожу следующим образом: вокруг головы около ушей делает надрез, потом берет голову в руки и вытряхивает ее из кожи...» (Геродот, IV, 64; 1999, с. 225). Аммиан Марцеллин пишет о скальпировании, распространенном у древних аланов: «..., и в виде славных трофеев навешивают вместо украшения на



Рис. 2. Примеры следов разрушения на сосцевидных отростках и затылочных мыщелках.

Fig. 2. Examples of destruction marks on the mastoid processes and occipital condyles.

своих боевых коней кожи, содранные с отрезанных голов убитых» (Аммиан Марцеллин, XXXI, 1994, с. 494). Приведенные источники содержат данные о скальпировании, при котором кожа полностью снималась с головы, для чего по всей окружности черепа производились насечки, позволявшие сильным рывком отделить скальп. Такой вариант скальпирования наблюдался на изучаемых нами черепах только в четырех случаях. В большинстве своем скальпирование было произведено одним ударом, при котором срубалась костная пластина с небольшим кусочком кожи (рис. 4).

На сегодняшний день единственная аналогия такому обряду, которую мы можем найти в литературе, это обряд «срубания кос», зафиксированный на черепах, происходящих из памятников Западной Сибири, – это курганный могильник Иванов Мыс I, где был обнаружен череп мужчины с аналогичным ранением (Ражев, Пошехонова, 2009), и погребения могильника Сайгатинское III (Ражев, 2006).

Обсуждение

Отсутствие четкой датировки и опубликованных данных по схожим находкам на близлежащих территориях затрудняет интерпретацию результатов. Наличие круговой искусственной деформации на трех черепах также не сужает временной интервал. Так как данный обычай имел широкое распространение на всей изучаемой территории со времени бронзового века до эпохи Средневековья. Единственный момент, который позволяет нам только предположить принадлежность к какой-либо археологической культуре, – это обряд выставления, результаты которого мы, вероятно, наблюдаем в связи с данными черепами. Ряд археологов связывают данную погребальную традицию с синдской культурой (Иванов, Сударев, 2019). Выделение же самой синдской культуры, а также погребальные памятники, которые можно было бы отнести к данной культуре, в археологической среде до сих пор является вопросом дискус-

Рис. 3. Череп 1 с травмой в лицевой части черепа.

Fig. 3. Skull 1 with an injury to the face of the skull.





Рис. 4. Пример скользящего удара на черепе №18.

Fig. 4. Example of a glancing blow on the skull No. 18

сионным, и его обсуждение не может быть целью данного исследования (Анфимов, 1963, с. 184; Новичихин, 2010, с. 250–252; Алексеева, 2012).

Традиция же скальпирования хоть и связывает нас с автохтонным населением современной территории Прикубанья, которое стало объектом описания для греческих авторов, также не является достоверным датирующим фактором, так как данная традиция, так же как и искусственная деформация черепов, имеет самое широкое хронологическое и территориальное распространение. Поэтому вопрос о том, кем же были люди, черепа которых стали объектом нашего исследования, до сих пор остается открытым.

Выводы

Люди, черепа которых были изучены в данной работе, безусловно, погибли насильственной смертью. Большинство фиксиру-

емых травм нацелены не на мгновенную смерть, а на ритуальные действия, связанные с отсечением отдельных органов и фрагментов кожи головы с костной пластиной и частью прически.

Убиты были не только мужчины, но и подростки и дети. Шесть мужчин и один подросток были скальпированы путем «срубания косы». На некоторых черепах фиксируются следы высокого отсечения головы. Еще на семи черепах нами зафиксированы раны, которые могли быть смертельными, и лишь на одном черепе были зафиксированы следы воспалительного процесса в области травм. Три черепа несут на себе следы искусственной круговой деформации. Также разрушения в области сосцевидных отростков и затылочных мыщелков наводят нас на мысль об обряде выставления, что объясняет полное отсутствие нижних челюстей и шейных позвонков.

Примечания:

¹ Сегодня темпы новостроечных экспедиций диктуют нам другие требования. Часто скелет разрушается тяжестью техники еще до вскрытия самого погребения. Спешка и низкая квалификация работников, которых в последние годы в связи с наращиванием темпов застройки, особенно в южных регионах страны, становится все больше, также не способствуют сохранности палеоантропологических коллекций. В результате мы имеем не полностью и неправильно собранные скелеты, а значит, и потерю информации.

² Черепа, собранные монолитом вместе с землей, здесь же на раскопе упаковывались в плотные полиэтиленовые пакеты. Этикетки, написанные шариковой ручкой без дублирования, складывались в эти же мешки. Данные нарушения относятся ко всей палеоантропологической коллекции, переданной на изучение. Все 34 черепа были сложены в две большие коробки и забыты почти на год, завернутые в полиэтилен, в неотапливаемом помещении, до полного окончания раскопок. За прошедшие месяцы влага, содержащаяся в почве, земля и отсутствие доступа кислорода сделали свое дело.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.

Алексеева Е.М. Рец. Население архаической Синдики. По материалам некрополя у хут. Рассвет. Под ред. А.А. Малышева. М. 2010 (Некрополи Черноморья. III). // ВДИ. 2012. № 4 (283). С. 173–177.

Аммиан Марцеллин. Римская история. СПб.: Алетейя, 1994. 558 с.

Анфимов Н.В. Синдика в VI–IV вв. до н.э. // Труды Краснодарского государственного педагогического института. 1963. Вып. XXXIII. С. 182–184.

Геродот. История / Перевод Г.А. Стратановского. М.: АСТ: Ладомир, 2001. 752 с.

Гохман И.И. Некоторые вопросы методики консервации и упаковки палеоантропологических материалов в поле // КСИЭ. Вып. XXXVI. М.:АН СССР, 1962. С. 100–102.

Добряк В.И. Судебно-медицинская экспертиза скелетированного трупа. Киев: Гос. мед. изд-во УССР, 1960. 192 с.

Иванов А.В., Сударев Н.И. О двух необычных объектах исследованных в Синдике // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований. Боспорские чтения. Вып. XX / Ред.-сост.: В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Симферополь, Керчь: ИП Кифниди Г.И., 2019. С. 250–255.

Мамонова Н.Н., Романова Г.П., Харитонов В.М. Первичная обработка и определение антропологического материала в полевых условиях. Инструкция // Методика полевых археологических исследований / Отв. ред. Д. Б. Шелов. Л.: Наука, 1989. С. 50–83.

Методика работы с палеоантропологическими материалами в полевых условиях. / Отв. ред. М.В. Добровольская. М.: ИА РАН, 2020. 112 с.

Новичихин А.М. Планиграфия и погребальный обряд могильника у хутора Рассвет // Население архаической Синдики: по материалам некрополя у хутора Рассвет / Отв. ред. А.А. Малышев. М.: Гриф и К, 2010. С. 191–203.

Пашкова В.И. Очерки судебно-медицинской остеологии. М.: Медгиз 1963. 154с.

Пашкова В.И., Резников Б.Д. Судебно-медицинское отождествление личности по костным останкам. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1978. 320 с.

Ражев Д.И. Случаи черепных травм средневекового населения Западной Сибири // Вестник антропологии. Вып. 14. 2006. С. 98–101.

Ражев Д.И., Пошехонова О.Е. Обычай срубания кос у средневековых воинов Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 10. С. 83–89.

Ubelaker D.H. Human skeletal remains: excavation, analysis, interpretation. Smithsonian intuition. Chicago: Adline Publishing company, 1978. 172 p.

Информация об авторе:

Абрамова Александра Николаевна, заведующий отделом археологических фондов, Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына (г. Краснодар, Россия); abramovasacha0902@gmail.com

REFERENCES

Alekseev, V. P., Debets, G. F. 1964. *Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovaniï (Cranio-metry. Anthropologic Research Technique)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Alekseeva, E. M. 2012. In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* 283 (4). 173–177 (in Russian).

Ammian Martsellin. 1996. *Rimskaya istoriya (Roman History)*. Saint Petersburg: “Aleteia” Publ. (in Russian).

Anfimov, N. V. 1963. In *Trudy Krasnodarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta (Proceedings of the Krasnodar State Pedagogical Institute)* XXXIII, 182–184. (in Russian).

Gerodot. 2001. *Istoriia. (History). Translation by G.A. Stratanovsky*. Moscow: “AST: Ladomir” Publ. (in Russian).

Gokhman, I. I. 1962. *Kratkie soobshcheniia instituta etnografii (Brief communications of the Institute of Ethnography)*. XXXVI. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 100–102. (in Russian).

Dobriak, V. I. 1960. *Sudebno-meditinskaia ekspertiza skeletirovannogo trupa (Forensic Medical Examination of Skeletonized Cadaver)*. Kiev: State Medical Publisher House of the Ukrainian SSR (in Russian).

Ivanov, A. V., Sudarev, N. I. 2019. In Zin'ko, V. N., Zin'ko, E. A. (eds.). *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Osnovnye itogi i perspektivy issledovaniy. Bosporskie chteniya (Cimmerian Bosporus and the World of Barbarians in Antiquity and the Middle Ages. Main Study Results and Prospects. Bosporan Readings)* XX. Simferopol, Kerch: "IP Kifnidi G.I. Publ." Publ., 250–255 (in Russian).

Mamonova, N. N., Romanova, G. P., Kharitonov, V. M. 1989. In Shelov, D. B. (ed.). *Metodika polevykh arkhеologicheskikh issledovaniy (Methodology for Field Archaeological Research)*. Leningrad: "Nauka" Publ., 50–83 (in Russian).

Dobrovolskaia, M. V. 2020. *Metodika raboty s paleoantropologicheskimi materialami v polevykh usloviyakh (Methodology for Working with Paleoanthropological Materials in the Field)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Novichikhin, A. M. 2010. In Malyshev, A. A. (ed.). *Naseleniye arkhaicheskoy Sindiki: po materialam nekropolia u khutora Rassvet (Population of Archaic Sindiki: Based on Materials from a Necropolis near Rassvet Village)*. Moscow: "Grif i K" Publ., 191–203 (in Russian).

Pashkova, V. I. 1963. *Ocherki sudebno-meditsinskoi osteologii (Essays on Forensic Osteology)*. Moscow: "Medgiz" Publ. (in Russian).

Pashkova, V. I., Reznikov, B. D. 1978. *Sudebno-meditsinskoe otozhdestvlenie lichnosti po kostnym ostankam (Forensic Identification by Bones)*. Saratov: Saratov State University (in Russian).

Razhev, D. I. 2006. *Vestnik antropologii (Bulletin of Anthropology)*. 14. 98–101 (in Russian).

Razhev, D. I., Poshekhonova, O. E. 2009. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 10, 83–89 (in Russian).

Ubelaker, D. H. 1978. *Human skeletal remains: excavation, analysis, interpretation. Smithsonian intuition*. Chicago: Adline Publishing company (in English).

About the Author:

Abramova Aleksandra N. Krasnodar Felitsyn State Historical and Archaeological Museum-Reserve Gimnazicvheskaya Str., 69, Krasnodar, 350000, Krasnodar region, Russian Federation; abramovasacha0902@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.08.2021 г.
Статья принята к публикации 01.10.2021 г.

ИНОКУЛЬТУРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

© 2021 г. Е.В. Вильданова

В археологии ранних кочевников Южного Урала актуальной и дискуссионной является проблема происхождения раннекочевнической культуры. Источником для решения данной проблемы выступает погребальный обряд. Особенности ориентировки погребенного, некоторые типы погребальной конструкции и другие элементы погребальной обрядности в памятниках ранних кочевников Южного Урала имеют широкий круг аналогий на территории Евразийской степи. Цель данной статьи состоит в анализе литературы, затрагивающей проблему происхождения культуры ранних кочевников. Статья подводит некоторые итоги изучения инокультурных черт в погребальном обряде. Анализ литературы показал, что в качестве региона источника исследователи указывают на различные области Средней Азии, Центральной Азии (Восточный Туркестан), Северного Причерноморья, Северного Кавказа и лесостепной Скифии. Автор приходит к выводу о необходимости комплексного подхода к решению проблемы, используя данные из всех областей Южного Урала, а не локальной группы памятников.

Ключевые слова: археология, ранние кочевники, Южный Урал, погребальный обряд, историография.

FOREIGN CULTURAL PARALLELS IN THE BURIAL RITE OF THE EARLY NOMADS OF THE SOUTHERN URALS (THE HISTORIOGRAPHICAL ASPECT)

E.V. Vildanova

The archaeology of the early nomads of the Southern Urals features a relevant and debatable issue of the origin of the early nomadic culture. The source for resolving this issue is the burial ritual. The peculiarities of the buried person's orientation, certain types of burial structures and other elements of the burial ritual at the burial grounds of the early nomads of the Southern Urals have a wide range of analogies in the territory of the Eurasian steppe. The purpose of this paper is to analyze the literature related to the issue of the origin of the early nomads' culture. The paper summarizes some of the results of the study of foreign cultural features in the burial rite. An analysis of the literature demonstrated that the researchers indicate various regions of Soviet Central Asia, Central Asia (East Turkestan), the Northern Black Sea region, the North Caucasus and the forest-steppe Scythia as the source region. The author comes to a conclusion about the need for an integrated approach to resolving the issue using data from all regions of the Southern Urals as opposed to a local group of sites.

Keywords: archaeology, early nomads, Southern Urals, burial rite, historiography.

Проблема происхождения и развития культуры ранних кочевников на Южном Урале не раз становилась темой специальных исследований, круглых столов, конференций (Раннесарматская культура..., 2000; Погребальный обряд..., 2011). Отсутствие поселенческих памятников у ранних кочевников обусловило исключительную значимость погребальных памятников для раскрытия проблемы. Погребальные комплексы, зачастую имея лучшую сохранность по сравнению с поселенческими объектами, отражают генезис погребального обряда на протяжении длительного отрезка времени.

Рассматривая погребальный обряд, стоит помнить, что он состоит из двух компонентов: традиционных ритуальных действий и

набора материальных элементов. Данные составляющие дают возможность реконструировать погребальный обряд и после использовать его как источник (Алексин, 1981, с. 3). Использовать погребальный обряд в качестве этнического определителя археологических памятников всегда сложно, так как единство погребального обряда скорее указывает на единство религиозных воззрений (Каменецкий, 1999, с. 137). Кроме того, ошибочно применять для этногенетических построений только археологические данные (Яблонский, 2010, с. 53).

Цель данной статьи состоит в анализе научной литературы по вопросу генезиса погребального обряда в культуре ранних кочевников.

ков Южного Урала¹ и участия в этом процессе населения сопредельных территорий.

Довольно часто один и тот же элемент погребального обряда выступает в качестве подтверждения участия населения той или иной области в происхождении культуры ранних кочевников Южного Урала вт. пол. VI–IV вв. до н. э.² и дальнейшем формировании раннесарматской культуры IV–II вв. до н. э. на территории Южного Урала.

Отдельные раннесарматские черты начали проявляться в инвентаре и погребальном обряде уже в памятниках ранних кочевников Южного Урала второй половины VI – IV вв. до н. э. В этой связи особенно интересна возможность проследить эволюцию погребальной обрядности в раннекочевнической среде на протяжении длительного промежутка времени.

Основные признаки савроматских³ погребений были выделены еще в работе П.Д. Рау. К таким признакам были отнесены: трупоположение с западной, реже восточной ориентировкой, простые либо удлиненные ямы с покрытием из хвороста или плах, определенная погребальная пища и погребальный инвентарь. В погребальном инвентаре П.Д. Рау усматривал сходство с вещевым комплексом скифов Северного Причерноморья (Рау, 1929, с. 53–60).

Вслед за П.Д. Рау внимание на особенности погребального обряда раннекочевнических памятников Поволжья и Приуралья обратил Б.Н. Граков. Он выделил группу памятников, носителями которой являлась часть не передвинувшихся на запад скифов. Кроме того, в савроматской, или блюменфельдской культуре (VI–IV вв. до н. э.), он, как и П.Д. Рау, видел большое сходство со Скифией (Граков, 1947, с. 102).

В этих первых работах по савроматской культуре даются хронологические построения, очерчиваются географические рамки распространения культуры, выделяются особенности погребального обряда и только подчеркивается особая близость части погребального инвентаря к скифскому.

В научной литературе для всех археологических культур появление в погребальном обряде определенных новшеств (инноваций) обычно связывается с миграциями или культурным влиянием различной степени. О влияниях стоит говорить в том случае, когда фиксируются отдельные привнесенные черты. В случае миграции населения какого-либо региона местная погребальная тради-

ция некоторое время может сосуществовать с пришлой, это возможно зафиксировать на археологическом материале (Труфанов, 1987, с. 84). Данное условие фиксации миграции может отсутствовать. В таком случае практически единственным доказательством миграции могут стать данные антропологии.

В раннесарматской культуре Южного Урала некоторые элементы погребального обряда, являющиеся здесь инновациями, также важны в контексте поиска региона источника определенной традиции. На всем протяжении изучения погребального обряда ранних кочевников Южного Урала особенно привлекательными для поиска источников являлись погребальные конструкции подбойно-катакомбного и дромосного типов, южная ориентировка, применение дерева и огня, захоронения на уровне древней поверхности. Эта привлекательность объясняется наличием широкого круга аналогий в разных частях раннекочевнического мира Евразийской степи.

Появившиеся в конце VI в. до н. э. на территории Южного Урала дромосные захоронения известны на всей территории степной Евразии. Впервые подробно охарактеризовал погребения с дромосами К.Ф. Смирнов. Такие погребальные сооружения, по его мнению, подражали жилищам, известным в лесостепных городищах Зауралья раннего железного века. Ход дромоса давал возможность совершать последовательные захоронения членов одного коллектива (Смирнов, 1978, с. 62). Он также отмечал близость дромосных погребений к подбойно-катакомбным конструкциям.

Эту мысль о близости дромосных и подбойно-катакомбных конструкций поддерживал Р.Б. Исмагилов. Он отмечал сходство определенных черт погребального обряда ранних кочевников Южного Урала с памятниками Семиречья, заостря внимание на дромосных погребениях. В отличие от К.Ф. Смирнова, Р.Б. Исмагилов полагал, что погребения с дромосами появились в среде южноуральских ранних кочевников под влиянием населения из Южного и Юго-Восточного Казахстана (Исмагилов, 1996, с. 44).

В качестве возможных носителей дромосной традиции Б.Ф. Железчиков указывал на саков Приаралья, мигрировавших на территории Южного Приуралья и Нижнего Поволжья в VII–VI вв. до н. э. (Железчиков, 1988, с. 59). В Приаралье же видел источник деревянных каркасных (в том числе и дромосных) конструкций и С.Ю. Гуцалов (Гуцалов, 2011, с. 95).

В совместной статье А.Д. Таирова и А.Г. Гаврилюка конструктивные параллели в погребальном обряде прослежены в раннескифских и раннесакских памятниках (Таиров, Гаврилюк, 1988, с. 145). Помимо связи с памятниками Приаралья, Восточного Казахстана и Семиречья аналогии дромосным захоронениям, по мнению исследователей, присутствуют и на территории Северного Кавказа, Северного Причерноморья и Поднепровья в памятниках VII–VI вв. до н. э. (Таиров, Гаврилюк, 1988, с. 145). Позднее в качестве одного из прототипов дромосных гробниц как в Приаралье, так и на Южном Урале, А.Д. Таиров называл мавзолеи Северного Тагискаена эпохи поздней бронзы (Таиров, 2006б, с. 78).

Рассмотрев памятники Средней Азии и Южного Урала, Л.Т. Яблонский предлагал три гипотезы, объясняющие специфику погребального обряда ранних кочевников южноуральского региона (Яблонский, 2011, с. 234–237). Проведя анализ источников, автор отверг «этническую» гипотезу погребального обряда, останавливаясь на «социокультурной» и «хронологической». По мысли Л.Т. Яблонского, сложение погребального обряда (в частности появление дромосных захоронений) происходило в среде разнотнических кочевников, объединенных общим происхождением. Не исключал автор и миграций в пределах рассматриваемого в работе региона (Яблонский, 2011, с. 237).

На материалах могильника Филипповка I Н.С. Савельевым по форме могильной ямы были выделены два типа дромосных захоронений. Подтипы были выделены по ориентации дромоса, варианты – согласно ориентировке погребенных. Автором прослежены параллели дромосных погребений могильника Филипповка I с каменными святилищами байтинского типа на Устюрте и Мангышлаке (юго-западная область Казахстана). Кроме того, автор отмечал инновационный характер дромосных погребений в могильнике. Принимая во внимание предложенные Л.Т. Яблонским гипотезы о специфике погребального обряда у ранних кочевников Южного Урала, Н.С. Савельев придерживался социокультурного подхода (Савельев, 2019, с. 221–221).

В тесной связи с дромосными погребениями обычно рассматриваются подбойно-катакомбные захоронения.

Подбойно-катакомбные погребения были выделены в отдельную группу могил и разделены на три типа К.Ф. Смирновым (Смирнов, 1964, с. 82; Смирнов, 1972, с. 75). Исследо-

ватель относил катакомбы к разновидности дромосных захоронений, полагая, что катакомбные погребения могли возникнуть самостоятельно на территории ранних кочевников Южного Урала из больших дромосных прямоугольных могил с деревянным перекрытием (Смирнов, 1978, с. 64; Смирнов, 1964, с. 84). В целом К.Ф. Смирнов отмечал близость скифских, среднеазиатских и заволжско-уральских катакомб, указывая на родственность культур. Столь широкое распространение погребальных конструкций такого типа, по его мнению, отражало схожесть религиозных воззрений (Смирнов, 1972, с. 76).

Представленная К.Ф. Смирновым типология катакомбных погребений была расширена до 6 типов в работе М.Г. Мошковой и В.Ю. Малашева, где в последнем типе выделялось три варианта (Мошкова, Малашев, 1999). Проведя анализ новых данных по катакомбным и дромосным погребениям с территории Южного Урала, исследователи пришли к нескольким выводам. Во-первых, катакомбные погребения возникли в южноуральском регионе независимо от Северного Причерноморья и Боспора. Во-вторых, камерные погребения развивались от дромосных захоронений, через катакомбы I типа к катакомбам типов II, III и VI варианта 3 (Мошкова, Малашев, Мещеряков, 2011, с. 166–167). В этой работе особенно важен вывод о местном возникновении подбойно-катакомбных конструкций, соответственно, такие погребения не рассматриваются в качестве инокультурных заимствований.

Анализируя катакомбные погребения из памятников Зауральской Башкирии V–III вв. до н. э., С.В. Сиротин пришел к ряду выводов. Автор соотносил появление дромосных и катакомбных конструкций в V в. до н. э. с волной кочевников-мигрантов (Сиротин, 2015, с. 782–783; Сиротин, 2016, с. 206). Исходной точкой таких миграционных волн являются территории Средней Азии и Зауралья (Сиротин, 2016, с. 207). Наряду с этим С.В. Сиротин допускал, что катакомбные погребения являлись неким вариантом дромосных, указывая на их относительную одновременность (Сиротин, 2016, с. 206). Отметим, что данные выводы не противоречат друг другу.

В районах северо-западного Китая видели истоки подбойных погребений А.Д. Таиров и А.Г. Гаврилюк. Привнесение таких погребальных конструкций связывалось с населением, двигавшимся с территории Восточ-

ного Туркестана (Таиров, Гаврилюк, 1988, с. 146–147, Таиров, 2006а, с. 135).

«Западной» точки зрения по поводу источника распространения подбоев придерживался С.Ю. Гуцалов. Он отмечал, что распространение камерных могил и конструкций подбойно-катакомбного типа может быть связано и с населением Северного Причерноморья, украинской Лесостепи и Северного Кавказа VII–VI вв. до н. э. (Гуцалов, 2000, с. 62–63).

В настоящий момент мы имеем несколько точек зрения по вопросу появления в среде южноуральских ранних кочевников погребений подбойно-катакомбного и дромосного типов. Стоит заметить, что авторы выстраивали гипотезы, зачастую опираясь на материалы различных областей Южного Урала и различного число погребальных комплексов.

В распоряжении К.Ф. Смирнова было только 6 погребений с дромосами (оренбургское Приуралье). Источник появления таких погребений он видел в Зауралье. Катакомбные же погребения могли возникнуть из дромосных. В качестве свидетельства такого явления К.Ф. Смирнов приводил дромосные погребения из кургана № 1 Новокумакского могильника, где одно из погребений имело неглубокую и неширокую входную яму, не имевшую практического значения (Смирнов, 1964, с. 84; Смирнов, 1978, с. 62–64).

Точка зрения К.Ф. Смирнова о развитии катакомбных погребений от дромосов была поддержана в работе М.Г. Мошковой, В.Ю. Малашева, Д.В. Мещерякова (Мошкова, Малашев, Мещеряков, 2011). В этом исследовании представлено уже 38 дромосных погребений из оренбургского Приуралья, Зауралья и западного Казахстана. Особо отмечается Филипповский могильник (могильник Филипповка I), где обнаружено 21 дромосное погребение. Авторы склонялись к мысли о том, что могильник был оставлен мигрировавшей кочевнической группой, но затруднялись назвать регион-источник.

В Приаралье видел источник дромосных погребений Б.Ф. Железчиков (Железчиков, 1988). Л.Т. Яблонский и С.В. Сиротин усматривали его в юго-восточной части Приаралья (Яблонский, 2011; Сиротин, 2016). Причем С.В. Сиротин опирался преимущественно на памятники Башкирского Зауралья (Сиротин, 2015; Сиротин, 2016).

Юго-восток современного Казахстана рассматривал в качестве источника Р.Б. Исмагилов (Исмагилов, 1996), а Н.С. Савельев

видел параллели в юго-западном Казахстане (памятники Устюрта и Мангышлака). Этот вывод сделан Н.С. Савельевым с опорой на дромосные погребения могильника Филипповка I (Савельев, 2019).

В своем обобщающем исследовании по могильнику Филипповка I А.Х. Пшеничнюк отмечал прямую генетическую связь населения, оставившего могильник, с племенами сако-массагетского круга (Пшеничнюк, 2012, с. 89).

С.Ю. Гуцалов рассматривал погребальный обряд Орско-Уральского междуречья. Его выводы, с ориентацией на западное (скифское) направление, выстраиваются на материалах именно этого региона (Гуцалов, 2000; Гуцалов, 2003; Гуцалов, 2011).

Рассматривая подбойно-катакомбные погребения, авторы обращают внимание и на характерную южную ориентировку. Ориентировка погребенного, как и поза, одна из черт, имеющих принципиальное значение в погребальном обряде. Источники южной и юго-западной ориентировок, характерных для раннесарматской культуры, исследователи также усматривают в разных регионах. Истоки южности видят в Северном Причерноморье, украинской Лесостепи, на Северном Кавказе, в памятниках VII–VI вв. до н. э. (Гуцалов, 2000, с. 62–63), а также в Приаралье (Таиров, Гаврилюк, 1988, с. 144; Таиров, 2006б, с. 78).

В работе С.Ю. Гуцалова более позднего периода источник южной ориентировки видится в Приаралье (Гуцалов, 2011, с. 51). По мысли А.Д. Таирова, источник традиции подбоев с южной ориентировкой следовало искать в Восточном Туркестане (Таиров, 2006а, с. 135–136). Отметим, что на погребальном материале исследователями фиксируются разнонаправленные связи южноуральских кочевников (Таиров, Гуцалов, 2006).

Близость южноуральских памятников к сырцовым мавзолеям Приаралья с южным входом была отмечена А.Д. Таировым и А.Г. Гаврилюком (Таиров, Гаврилюк, 1988, с. 144). Еще раньше общность черт погребального обряда савроматов и саков Приаралья подчеркивал К.Ф. Смирнов. К таковым он относил: обряд трупосожжения на месте или подожжение деревянной конструкции над могилой, трупоположение на грунте и деревянные конструкции над ними, наличие квадратной камеры с длинным дромосом со ступеньками, широкое использование травы и камыша (Смирнов, 1964, с. 278–279). К таким

чертам А.Д. Таиров добавил сожжение перекрытия могильных ям, выстилание травой (на Южном Урале – деревом) древней дневной поверхности вокруг ям, разбрасывание углей над покойником или по кольцу, наличие парных и коллективных погребений, помещение керамических сосудов в могильную яму (Таиров, 2006б, с. 77). Появление в погребальном обряде отмеченных элементов автор относил ко второй половине VI – третьей четверти V в. до н. э. В качестве подтверждения миграции кочевых племен Приаралья на Южный Урал приводятся могильники Маровый шлях и Солончанка II (Таиров, 2006б, с. 78–91). Хотелось бы обратить внимание на то, что исследователь уделит внимание как обрядовым характеристикам, так и погребальному инвентарю. Помимо этого, сравнительный анализ памятников Южного Зауралья VII–VI вв. до н. э. и памятников Северного и Центрального Казахстана позволил А.Д. Таирову отнести южноуральские комплексы ранних кочевников к сакской историко-этнографической области в более раннем исследовании (Таиров, 1991, с. 13).

К материалам Зауралья в поисках источника происхождения раннесарматской культуры обращается и Н.С. Савельев (Савельев, 2000). В статье автор проанализировал погребальный обряд и погребальный инвентарь курганов Баишевской долины (используя материалы 5 памятников), расположенных в Башкирском Зауралье. По заключению исследователя, это комплекс памятников в культурном и типологическом плане принадлежит сакскому компоненту (Савельев, 2000, с. 48).

В.Н. Мышкин сосредотачивал внимание на глиняных мавзолеях Северного Тагискена как на источнике традиции создания погребальных сооружений из сырцового кирпича на территории Самаро-Уральского региона (Мышкин, 2014, с. 154). В Приаралье он видел и источник захоронений на древнем горизонте (Мышкин, 2014, с. 154). Автор провел сравнительный анализ захоронений, расположенных в Самаро-Уральском регионе и в Приаралье. Несомненным преимуществом данного исследования является его источниковая база. В.Н. Мышкин рассмотрел 37 комплексов с территории Южного Урала, куда вошли как памятники оренбургского Приуралья, Западного Казахстана, так и Зауралья. Проанализировав характер захоронений на дневной поверхности в курганах Самаро-Уральского региона (конец VI–V вв. до н. э.) и могильника Уйгарак, исследователь выявил

определенные сходства. К таким сходствам относится: наличие традиции сожжения деревянных гробниц (в памятниках Южного Урала в большей степени), наличие трупоположения, земляные насыпи, юго-западная ориентировка. Преобладает же на Южном Урале южная ориентировка, в Уйгараке – западная. В статье был отмечен и ряд различий (Мышкин, 2014, с. 151). На Южном Урале встречаются курганы с насыпями, обложенные каменными плитами, или каменные насыпи, преобладают коллективные захоронения. В Уйгараке большая часть захоронений одиночные, для памятника характерны погребения, совершенные на площадках, окруженных ямками для столбовых конструкций, зафиксировано наличие растительного покрытия над погребенным. Использование традиции с покрытием погребенного на Южном Урале не зафиксировано. Существуют отличия и в материалах, из которых изготовлены стены и перекрытия надмогильных конструкций, в двух регионах. В Приаралье для этого использовался камыш и хворост, на Южном Урале чаще применялось дерево (Мышкин, 2014, с. 151).

В этой же статье рассмотрены и мавзолеи из сырцового кирпича, которых на Южном Урале зафиксировано 7 (Мышкин, 2014, с. 151). Очевидные параллели автор видит в мавзолеях Северного Тагискена (Мышкин, 2014, с. 154).

Проведя сравнительный анализа погребальных комплексов, В.Н. Мышкин приходит к заключению о некой миграции приаральского населения в степи Южного Урала. Важен сделанный автором вывод о существующих различиях двух регионов. Эти различия могли быть вызваны изменением окружающих ландшафтов, не позволяющих использовать прежние материалы в погребальной обрядности. Привнесенные элементы погребального обряда были трансформированы по причине изменившейся среды и в результате контактов с окружающим населением (Мышкин, 2014, с. 151–154).

Таким образом, в научной литературе сложился ряд мнений по проблеме источника погребальной традиции ранних кочевников Южного Урала. В качестве регионов-источников предлагаются различные области Средней Азии, Центральной Азии (Восточный Туркестан), реже Северного Причерноморья, Северного Кавказа и лесостепной Скифии. Не отрицается и одновременное наличие

нескольких регионов-источников (Таиров, Гуцалов, 2006).

Исходя из анализа существующей литературы по проблеме, можно заключить, что в вопросе возникновения и развития культуры ранних кочевников Южного Урала господствующее положение занимают миграционные гипотезы. Несомненно, что определенные элементы погребального обряда могли быть привнесены как из областей Приаралья, так и из областей Центральной Азии, Северного Причерноморья, Северного Кавказа, территории лесостепной Скифии.

Необходимость привлечения антропологических данных для корректности выводов по происхождению и развитию культуры ранних кочевников Южного Урала была обоснована Л.Т. Яблонским (Яблонский, 2000, с. 29; Яблонский, 2010 с. 52–53). Опираясь на антропологические материалы могильников Приаралья, Центральной Азии (могильник Сакар-Чага), данные палеоантропологии Южной Сибири и Алтая, Л.Т. Яблонский обосновал «восточную диффузионную» гипотезу. Согласно этой гипотезе, антропологический тип сформировался на Южном Урале в результате постепенных диффузий. Произошло это в V–IV вв. до н. э. В этих диффузиях приняли участие потомки лесостепных культур Зауралья и Южной Сибири эпохи поздней бронзы (Яблонский, 2014, с. 254).

Обращаясь к критериям миграции (территориальный, хронологический и критерий локальности), не стоит забывать, что они были выработаны логическим путем (Титов, 1982, с. 92). Не все эти критерии нашли отражение в погребальном обряде южноуральских ранних кочевников. Пришлая традиция в «чистом» виде не зафиксирована на Южном Урале, т. е. отсутствует критерий локальности.

Закономерный вопрос о наличии на Южном Урале «чистых» комплексов поднимался еще в совместном исследовании А.Х. Пшеничнюка и Б.Ф. Железчикова. Отсутствие таких комплексов не исключает возможность миграций, но в большей степени свидетельствует о контактах во время сезонных перекочевок (Железчиков, Пшеничнюк, 1994). Если понимать под контактами включение какой-либо небольшой части местного населения в среду южноуральских кочевников во время таких перекочевок, то этим можно объяснить широкий круг параллелей в раннекочевнической погребальной обрядности.

Вместе с тем, как уже было сказано выше, критерии миграции выработаны логическим

путем, а не путем исследования достоверно известных по письменным, антропологическим и археологическим источникам миграций. Это означает, что такие критерии не могут быть с точностью применены для различных типов миграций. Соответственно, отсутствие «чистых» комплексов не может полностью отрицать миграционных процессов. А.Д. Таиров объясняет такое положение на Южном Урале прерыванием во II в. до н. э. развития местных культур, когда после короткого периода деструкции начинается стабилизация. В это время происходит вызревание черт общей археологической культуры в разнотничной среде. В итоге раннекочевническая культура предстает уже в смешанном виде (Таиров, 2000, Таиров, 2006; Титов, 1982, с. 142).

Еще одно объяснение столь широкого круга аналогий в погребальном обряде ранних кочевников на территории Южного Урала связано с его исключительным географическим положением. Расположение Южного Урала на границе Европы и Азии позволило Н.С. Савельеву рассмотреть этот регион как контактную зону (Савельев, 2019). Н.С. Савельев разделил южноуральский регион на три территориальные группы: лесостепь Южного Приуралья, Южное Зауралье, Степное Приуралье. По этим трем группам у автора и идет рассмотрение интеграции в единое постаринное кочевническое образование на Южном Урале со сходными культурными чертами (Савельев, 2019, с. 45).

Нельзя не отметить подход Л.Т. Яблонского, суть которого состоит в выделении культурно-хронологических горизонтов. Такой культурно-хронологический горизонт на определенном хронологическом этапе маркируется сходными артефактами, комплексами, признаками духовной культуры (Яблонский, 2015, с. 18).

Проведенный анализ научной литературы отражает наличие различных точек зрения по вопросу особенностей погребальной обрядности. Необходимо подчеркнуть, что авторы выстраивали гипотезы, зачастую опирались на материалы различных областей Южного Урала, как правило, имеющих свои локальные особенности. В таком случае выводы, сделанные на погребальном материале локальной группы памятников или одном памятнике, не всегда будут тождественны другой группе памятников. Кроме того, источниковая база для исследований постоянно пополняется.

В отдельных случаях, помимо обрядовых характеристик, авторы в подтверждение своей гипотезы приводят и определенные категории погребального инвентаря. Недостаток такого подхода состоит в сочетании элементов погребального инвентаря и конструктивных особенностей, обрядовых характеристик, зачастую присущих разным комплексам. Несомненно, погребальный инвентарь может указывать на источники влияния или миграции, но для получения полной картины необходимо рассматривать его в контексте того погребального комплекса, из которого он происходит.

Итак, говорить о миграциях стоит на основе комплексного исследования, привле-

кая данные археологии, антропологии и по возможности письменных источников. Особое внимание стоит обратить на корреляцию погребальных конструкций, обрядовых характеристик, погребального инвентаря и то, как этот материал будет соотноситься с антропологическими материалами из тех же комплексов.

В заключение отметим, что для получения объективной картины по вопросу происхождения культуры ранних кочевников Южного Урала необходима интеграция археологических и антропологических данных всех областей Южного Урала (башкирского Приуралья и Зауралья, оренбургского Приуралья, Западно-Казахстанской и юга Челябинской областей).

Примечания:

¹ Под Южным Уралом понимаются территории современного Западного Казахстана, Республики Башкортостан, Оренбургской и юга Челябинской областей. Территория Южного Урала делится на две подобласти – западную (Приуралье) и восточную (Зауралье) (Таиров, 2003).

² Вторая половина VI–IV вв. до н. э. в научной литературе именуется савроматским временем.

³ Под савроматской культурой понимается культура ранних кочевников Поволжья и Южного Урала вт. пол. VI – IV вв. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

Алексин В.А. Погребальный обряд как археологический источник // КСИА. №167. М.: Наука, 1981. С. 3–9.

Граков Б.Н. ГΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ: Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. 1947. № 3. С. 100–121.

Гуцалов С.Ю. О роли скифов в формировании прохоровской культуры // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 2. / Отв.ред. В.Н. Мышкин. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 65–69.

Гуцалов С.Ю. Погребальный обряд кочевников Южного Урала в конце VI–V вв. до н.э.: истоки // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. III / Отв. ред. Г.Г. Матишов, Л.Т. Яблонский, С.И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 49–56.

Гуцалов С.Ю. Скифы на Южном Урале // Дарьял. 2003. № 4. С. 179–189.

Железчиков Б.Ф. Степи Восточной Евразии в VI–II вв. до н.э. // Проблемы сарматской археологии и истории / Отв. ред. В.Е. Максименко. Азов, 1988. С. 57–64.

Железчиков Б.Ф., Пшеничнюк А.Х. Племена Южного Приуралья в VI–III вв. до н.э. // Проблемы истории и культуры сарматов / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУб 1994. С. 5–7.

Исмагилов Р.Б. Сарматское окно в Европу // Актуальные проблемы древней истории и археологии Южного Урала / Ред. Н.А. Мажитов, М.Ф. Обыденнов. Уфа: Восточный университет, 1996. С. 32–71.

Каменецкий И.С. Один из факторов искажения погребального обряда // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: Восточная литература, 1999. С. 137–146.

Мошкова М.Г., Малашев В.Ю. Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 1999. С. 172–212.

Мошкова М.Г., Малашев В.Ю., Мещеряков Д.В. Дромосные и катакомбные погребения Южного Приуралья савроматского и раннесарматского времени // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. III / Отв. ред. Г.Г. Матишов, Л.Т. Яблонский, С.И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 162–167.

Мышкин В.Н. Восточное Приуралье и Самаро-Уральский регион: к проблеме происхождения традиций захоронения на дневной поверхности и в глиняных мавзолеях у южноуральских кочевых племен скифского времени // Сарматы и внешний мир. Материалы VIII Всероссийской научной конференции

«Проблемы сарматской археологии и истории» (12–15 мая 2014 г.) / Уфимский археологический вестник. № 14. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. С. 149–151.

Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. III / Отв. ред. Г.Г. Матишов, Л.Т. Яблонский, С.И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2011. 246 с.

Пшеничнюк А.Х. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV в. до н.э. на Южном Урале. Уфа: ИИЯЛ, 2012. 280 с.

Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 1. / Отв.ред. В.Н. Мышкин. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. 168 с.

Савельев Н.С. Дромосные погребения Филипповки: планиграфия, типология, контекст // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. - IV в. н. э.). V. Материалы X Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Симферополь: ООО «Фирма «Салта» ЛТД», 2019. С. 214–223.

Савельев Н.С. Курганы Баишевской долины в контексте культурогенеза ранних кочевников Южного Урала // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 1. / Отв.ред. В.Н. Мышкин. Самара: СНЦ РАН. 2000. С. 41–52.

Савельев Н.С. Южный Урал в I тыс. до н. э. - особая контактная зона на крайнем Востоке Европы // Уфимский археологический вестник. 2019. № 19. С. 39–50.

Сиротин С.В. Дромосные и подбойно-катакомбные погребения ранних кочевников восточной и юго-восточной (степной) Башкирии // Степи Северной Евразии. Материалы VII Международного симпозиума / Под науч. ред. А.А. Чибилева. Оренбург: Печатный дом «Димур». 2015. С. 781–783.

Сиротин С.В. Катакомбные погребения ранних кочевников в Зауральской Башкирии // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2016. Т.18. №6. С. 204–208.

Смирнов К.Ф. Дромосные могилы ранних кочевников Южного Приуралья и вопрос о происхождении сарматских катакомб // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы / Отв. ред. В.И. Козенкова, Ю.А. Краснов, И.Г. Розенфельдт. М.: Наука, 1978. С. 56–64.

Смирнов К.Ф. Савроматы (ранняя история и культура сарматов). М.: Наука, 1964. 379 с.

Смирнов К.Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья, Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // СА. 1972. № 1. С. 73–81.

Таиров А.Д. Кочевники Восточного Туркестана и формирование раннесарматской культуры Южного Урала // ВДИ. 2006а. №1. С. 132–140.

Таиров А.Д. Саки Приаралья в степях Южного Зауралья (по материалам могильника Маровый шлях // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время / Отв. ред. Г.Т. Обыденнова, Н.С. Савельев. Уфа: Гилем, 2006б. С. 76–91.

Таиров А.Д. Ранние кочевники Южного Зауралья в VII–II веках до новой эры. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1991. 27 с.

Таиров А.Д., Гаврилюк А.Г. К вопросу о формировании раннесарматской (прохоровской) культуры // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей / Отв. ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: Челябинский государственный университет, 1988. С. 141–157.

Таиров А.Д., Гуцалов С.Ю. Этнокультурные процессы на Южном Урале в VII–II вв. до н.э. // Археология Южного Урала. Степь (проблема культурогенеза). / Ред. С.Г. Боталов и др. Челябинск: Рифей, 2006. С. 312–340.

Титов В.С. К изучению миграций бронзового века // Археология Старого и Нового Света / Археология Старого и Нового Света / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: Наука, 1982. С. 89–145.

Труфанов А.А. Традиции, новации, инновации // Смена культур и миграции в Западной Сибири / Отв. ред. Л.М. Плетнева. Томск: Изд-во ТГУ, 1987. С. 84.

Яблонский Л.Т. Антропологический аспект формирования раннесарматской культуры // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 1. / Отв.ред. В.Н. Мышкин. Самара: СНЦ РАН. 2000. С. 29–39.

Яблонский Л.Т. Культурно-хронологические горизонты и проблема формирования раннесарматской культуры // Вестник ВолГУ. 2015. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 35. № 5. С. 17–24. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.5.2>

Яблонский Л.Т. Осторожно: этническая археология (Спички детям не игрушка) // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология: Материалы XVIII Уральского археологического совещания / Науч. ред. Г.Т. Обыденнова и др. Уфа: Изд-во БГПУ, 2010 С. 52–63.

Яблонский Л.Т. Погребальный обряд ранних кочевников Приуралья переходного времени и вопросы археологической периодизации памятников // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. III / Отв. ред. Г.Г. Матишов, Л.Т. Яблонский, С.И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 234–240.

Яблонский Л.Т. Сарматы – «ранние восточные европеоиды»: время, экологические обстоятельства и ареал формирования физического типа // Сарматы и внешний мир. Материалы VIII Всероссийской научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» (12–15 мая 2014 г.) / Уфимский археологический вестник. № 14. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. С. 250–256.

Rau P. Die Gräber der Frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet // Mitteilungen des Zentralmuseums der ASSR der Wolgadeutschen. Pokrowsk, 1929. Jahrgang 4. Heft 1. S. 53–60.

Информация об авторе:

Вильданова Елена Владимировна, Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Россия); vildanova.elena@inbox.ru

REFERENCES

Alekshin, V. A. 1981. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 167. Moscow: “Nauka”, 3–9 (in Russian).

Grakov, B.N. 1947. In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* (3). 100–121 (in Russian).

Gutsalov, S. Yu. 2000. In Myshkin, V. N. (ed.). *Rannesarmatskaia kul'tura: formirovanie, razvitie, khronologiya (Early Sarmatian Culture: Formation, Development, Chronology)* 2. Samara: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 65–69 (in Russian).

Gutsalov, S. Yu. 2011. In Iablonskii, L. T., Luk'iashko, S. I. (eds.). *Pogrebal'nyi obriad rannikh kochevnikov Evrazii (Funerary Rite of the Original Eurasian Nomads)* III. Rostov-na-Donu: Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, 49–56 (in Russian).

Gutsalov, S. Yu. 2003. In *Dar'ial (Darial)*. 4, 179–189 (in Russian).

Zhelezchikov, B. F., 1988. In Maksimenko, V. E. (ed). *Problemy sarmatskoi arkheologii i istorii (Issues of the Sarmatian Archaeology and History)*. Azov, 57–64 (in Russian).

Zhelezchikov, B. F., Pshenichniuk, A. Kh. 1994. In Skripkin, A.S. (ed). *Problemy istorii i kul'tury sarmatov (Issues of the History and Culture of the Sarmatians)*. Volgograd: Volgograd State University, 5–7 (in Russian).

Ismagilov, R. B. 1996. In Mazhitov, N. A., Obydenнова, M. F. (ed). *Aktual'nye problemy drevnei istorii i arkheologii Iuzhnogo Urala (Current Issues of Ancient History and Archaeology of the Southern Urals)*. Ufa: “Vostochnyi universitet” Publ., 32–71 (in Russian).

Kamenetskii, I. S. 1999. In Guliaev, V. I. (ed.). *Pogrebal'nyi obriad: rekonstruktsiia i interpretatsiia drevnikh ideologicheskikh predstavlenii (Funeral Rite: Reconstruction and Interpretation of Ancient Ideological Perceptions)*. Moscow: “Vostochnaia literatura” Publ., 137–146 (in Russian).

Moshkova, M. G., Malashev, V. Yu. 1999. In Skripkin, A. S. (ed.). *Arkheologiya Volgo-Ural'skogo regiona v epokhu rannego zheleznogo veka i srednevekov'ia (Archaeology of the Volga-Ural Region in the Early Iron Age and the Middle Ages)*. Volgograd: Volgograd State University, 172–212 (in Russian).

Moshkova, M. G., Malashev, V. Yu., Meshcheryakov, D. V. 2011. In Iablonskii, L. T., Luk'iashko, S. I. (eds.). *Pogrebal'nyi obriad rannikh kochevnikov Evrazii (Funerary Rite of the Original Eurasian Nomads)* III. Rostov-na-Donu: Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, 162–167 (in Russian).

Myshkin, V. N. 2014. In Yablonsky, L. T., Savelev, N. S. (eds.). *Sarmaty i vneshnii mir (Sarmatians and the External World)*. Series: Ufmskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald) 14. Ufa: Russian Academy of Sciences, Urals Scientific Center, Institute for History, Language, and Literature, 149–151 (in Russian).

Iablonskii, L. T., Luk'iashko, S. I. 2011. (eds.). *Pogrebal'nyi obriad rannikh kochevnikov Evrazii (Funerary Rite of the Original Eurasian Nomads)* III. Rostov-na-Donu: Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences (in Russian).

Pshenichnyuk, A. Kh. 2012. *Filippovka: nekropol' kochevoy znati IV v. do n.e. na Yuzhnom Urale (Filippovka: Necropolis of Nomadic Nobility of the 4th c. BC in the Southern Urals)*. Ufa: Institute of History, Language and Literature of the Ufa Scientific Center of the RAS Publ. (in Russian).

Myshkin, V. N. 2000. (ed.). *Rannesarmatskaia kul'tura: formirovanie, razvitie, khronologiiia* (Early Sarmatian Culture: Formation, Development, Chronology) Samara: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Savel'ev, N. S. 2019. In Khrapunov, I. N. (ed.). *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.). The Crimea in the age of the Sarmatians (200 BC – AD 400)*. Simferopol: "Salta" Ltd Publ., 214–223 (in Russian).

Savel'ev, N. S. 2000. In Myshkin, V. N. (ed.). *Rannesarmatskaia kul'tura: formirovanie, razvitie, khronologiiia* (Early Sarmatian Culture: Formation, Development, Chronology) Samara: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 41–52 (in Russian).

Savel'ev, N.S. 2019. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik* (Ufa Archaeological Herald) 19. 39–50 (in Russian).

Sirotin, S. V. 2015. In Chibilev, A. A. (ed.). *Stepi Severnoi Evrazii. Materialy VII Mezhdunarodnogo simpoziuma* (Steppes of Northern Eurasia: Proceedings of the 7th International Symposium). Orenburg: "Dimur" Publ., 781–783 (in Russian).

Sirotin, S. V. 2016. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk* (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences). Vol. 18, no. 6, 204–208 (in Russian).

Smirnov, K. F. 1978. In Kozenkova, V. I., Rozenfel'dt, I. G. (eds.). *Voprosy drevnei i srednevekovoi arkheologii Vostochnoi Evropy* (Issues of Ancient and Medieval Archaeology of Eastern Europe). Moscow: "Nauka" Publ., 56–64 (in Russian).

Smirnov, K. F. 1964. *Savromaty. Ranniaia istoriia i kul'tura sarmatov* (The Sauromatians. Early History and Culture of the Sarmatians). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Smirnov, K. F. 1972. In *Sovetskaia Arkheologiiia* (Soviet Archaeology) (1), 73–81 (in Russian).

Tairov, A.D. 2006a. In *Vestnik drevnei istorii* (Journal of Ancient History) (1). 132–140 (in Russian).

Tairov, A.D. 2006b. In Obydenнова, G. T., Savelyev, N. S. (eds.). *Iuzhnyi Ural i sopredel'nye territorii v skifo-sarmatskoe vremia* (Southern Ural and Adjacent Territories in Scythian and Sarmatian Time). Ufa: "Gilem" Publ., 76–91 (in Russian).

Tairov, A. D. 1991. *Rannie kochevniki Iuzhnogo Zaural'ia v VII–II vekakh do novoi ery* (The early Nomads of the Southern Trans-Urals Region in the 7th–2nd Centuries BC). Thesis of Diss. of Candidate of historical sciences. Moscow (in Russian).

Tairov, A. D., Gavriluk, A. G. 1988. In Zdanovich, G. B. (ed.). *Problemy arkheologii Uralo-Kazakhstanskikh stepei* (Issues of the Archaeology of the Ural-Kazakhstan Steppes). Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 141–157 (in Russian).

Tairov, A. D., Gutsalov, S. Yu. 2006. In Botalov, S. G. (ed.). *Arkheologiiia Iuzhnogo Urala. Step' (problemy kul'turogeneza)* (Archaeology of the Southern Urals. Steppe (problems of cultural genesis). Series: Etnogenez ural'skikh narodov (Ethnogenesis of the Ural peoples). Chelyabinsk: "Riphean" Publ., 312–340 (in Russian).

Titov, V.S. 1982. In Gulyaev, V. I. (ed.). *Arkheologiiia Starogo i Novogo Sveta* (Archaeology of the Old World and New World). Moscow: "Nauka" Publ., 89–145 (in Russian).

Trufanov, A. Ya. 1987. In Pletneva, L.M. (ed.). *Smena kul'tur i migratsii v Zapadnoi Sibiri* (Change of Cultures and Migration in Western Siberia). Tomsk: Tomsk State University, 84 (in Russian).

Yablonsky, L. T. 2000. In Myshkin, V. N. (ed.). *Rannesarmatskaia kul'tura: formirovanie, razvitie, khronologiiia* (Early Sarmatian Culture: Formation, Development, Chronology) Samara: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 29–39. (in Russian).

Yablonsky, L. T. 2015. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii 4, Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia* (Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations) 5 (35). 17–24 DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.5.2> (in Russian).

Yablonskii, L.T. 2010. In Obydenнова, G. T. et al. (eds.). *XVIII Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie: kul'turnye oblasti, arkheologicheskie kul'tury, khronologiiia* (18th Ural Archaeological Conference: Cultural Areas, Archaeological Culture, Chronology). Ufa: Bashkir State Pedagogical University, 52–63 (in Russian).

Iablonskii, L.T. 2011. In Iablonskii, L. T., Luk'iashko, S. I. (eds.). *Pogrebal'nyi obriad rannikh kochevnikov Evrazii* (Funerary Rite of the Original Eurasian Nomads) III. Rostov-na-Donu: Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, 234–240 (in Russian).

Yablonsky, L. T. 2014. In Yablonsky, L. T., Savelev, N. S. (eds.). *Sarmaty i vneshnii mir* (Sarmatians and the External World). Series: Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald) 14. Ufa: Russian Academy of Sciences, Urals Scientific Center, Institute for History, Language, and Literature, 250–256 (in Russian).

Rau, P. 1929. In *Mitteilungen des Zentralmuseums der ASSR der Wolgadeutschen*. Publ. 1, 53–60 (in German).

About the Author:

Vildanova Elena V. Orenburg State Pedagogical University. Sovetskaya, Str., 19, Orenburg, 460014, Russian Federation; vildanovaelena@inbox.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2021 г.
Статья принята к публикации 01.10.2021 г.

УДК 904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.5.248.253>

ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКИХ СВЯЗЕЙ С ТЕРРИТОРИЕЙ ПЕРМСКО-ГО ПРЕДУРАЛЬЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ТРУДАХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ КАМСКОЙ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

© 2021 г. В.Е. Кузнецов

В статье представлено историографическое исследование этнокультурных связей Пермского Предуралья с Древней Русью в работах сотрудников Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. За сравнительно небольшой промежуток времени ученый состав педагогического университета внес весомый вклад в развитие данной темы. Была выявлена нижняя граница в датировке процесса древнерусской колонизации, доказана серьезная роль Волжской Болгарии в процессе проникновения импортных вещей на территорию Предуралья. Также посредством археологических данных укрепилось мнение о пути попадания сюда древнерусских предметов. Было высказано очень важное предположение о формах более раннего проникновения древнерусского населения. Было доказано, что янтарь импортировался на территорию Пермского Предуралья из Прибалтики, а также установлены истоки хозяйственно-культурного типа Предуралья.

Ключевые слова: археология, этнокультурные связи, Предуралье, Древняя Русь, древнерусская колонизация, миграция.

THE STUDY OF ANCIENT RUSSIA'S RELATIONS WITH THE TERRITORY OF THE PERM CIS-URALS IN THE MIDDLE AGES IN THE WORKS BY RESEARCHERS OF THE KAMA ARCHAEOLOGICAL AND ETHNOGRAPHIC EXPEDITION OF THE PERM STATE HUMANITARIAN AND PEDAGOGICAL UNIVERSITY

V. E. Kuznetsov

The paper features a historiographical study of the ethnic-cultural relations of the Perm Cis-Urals with Ancient Russia in the works by the specialists of the Perm State Humanitarian and Pedagogical University. In a relatively short period of time, the academic staff of the Pedagogical University made a significant contribution to the development of this topic. The lower limit in the dating of the process of ancient Russian colonization was identified, the serious role of Volga Bulgaria in the process of penetration of imported items to the territory of the Cis-Urals was proved, and the opinion on the ways of distribution of Ancient Russian items was also strengthened by means of archaeological data. A very important assumption was made about the forms of earlier penetration of the Ancient Russian population. It was proven that amber was imported to the territory of the Permian Urals from Baltic states, and the origins of the economic and cultural type of the Urals were established.

Keywords: archaeology, ethnic-cultural relations, Perm Cis-Urals, Ancient Russia, colonization, migration.

В данной статье проведена попытка комплексного изучения научных публикаций сотрудников Камской археолого-этнографической экспедиции, связанных с темой древнерусских связей с территорией Пермского Предуралья. Целью исследования является осмысление вклада, который внесли сотрудники Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (далее – ПГПУ) в изучение данной проблемы.

В 1983 г. первый декан возрожденного в ПГПУ исторического факультета доцент В.А. Шмыров пригласил на работу двух молодых

тогда археологов: Г.Т. Ленц и А.М. Белавина. И осенью 1983 г. Ученый совет института принял решение о создании на историческом факультете Камской археолого-этнографической экспедиции (далее – КАЭЭ) для проведения археологической полевой практики студентов-историков (Белавин, 2008, с. 64).

Именно с этого времени ведутся активные полевые и научные исследования сотрудниками экспедиции.

Большой вклад в изучение этнокультурных связей внес А.М. Белавин. В своей работе «Камский торговый путь» автор дополняет

проведенные ранее исследования, указывая, что в X–XII в. Северное Предуралье не имело прямых контактов с древнерусским населением, а предметы, обнаруженные на данной территории, проникли туда через Пермское Предуралье (Белавин, 2000, с. 139).

Андрей Михайлович указывает, что развитие древнерусской экспансии заставляет народы Северного Предуралья смещаться на Юго-Восток. Таким образом, исследователь приходит к выводу, что, рассуждая о взаимодействии Северного Предуралья и Древней Руси, можно говорить о совместном (едином) славяно-финском потоке колонизации этих территорий в XII–XIV вв. (Белавин, 2000, с. 142).

В XI–XIV вв. в Пермское Предуралье в большом количестве проникают вещи Перми Вычегодской, что, по мнению автора, свидетельствует о проникновении коми-населения незадолго до древнерусского населения (Белавин, 2000, с. 148).

Некоторые типы русской гончарной керамики, найденной на берегах р. Сылвы, позволяют говорить о начале древнерусского заселения региона в золотоордынский период. Таким образом, пишет автор, мы можем говорить не только о каких-либо торгово-обменных связях, в результате которых стало возможным появление у местного населения древнерусских предметов, но и о проникновении сюда во второй половине XIII–XV вв. небольшой группы древнерусского населения, возможно, беглых из Золотой Орды (Белавин, 2000, с. 154).

А.М. Белавин пишет, что, учитывая ареальные совпадения находок вещей поволжско-прибалтийско-финского, вымского и древнерусского типов, резонно предполагать, что импорт попадал в Пермские земли в результате процесса переселения сюда коми-населения, которому сопутствовали выходцы их финно-язычных регионов русского Севера (Белавин, 2000, с. 154).

По мнению исследователя, болгары были основными торговыми партнерами жителей Предуралья в обмене с Русью и Севером Европы, а Камский торговый путь служил своеобразным ответвлением трансевропейского Волжского торгового пути (Белавин, 2000, с. 162).

Говоря о древнерусской керамике, А.М. Белавин указывает, что на родановских памятниках в слоях XIII–XIV вв. ее найдено около 1%. Она представлена по меньшей мере 8 сосудами. Это горшки коричневого, темно-корич-

невого цвета с примесью песка, дресвы, сухой глины в тесте. Поверхность сосудов окрашена волной двух и более рядов и прочерченными линиями (Белавин, 2000, с. 69).

Интересным является то, что, по мнению А.М. Белавина, находки древнерусской посуды домонгольского времени не могут свидетельствовать о прямых контактах древнерусского населения с жителями Предуралья. Вероятнее всего, найденная керамика свидетельствует о проникновении древнерусской посуды в качестве тары для товаров, поступающих через Болгарию (Белавин, 2000, с. 69).

Также А.М. Белавин изучал знаки Рюриковичей, обнаруженные на территории Предуралья. Одной из самых интересных находок является подвеска со знаком Рюриковичей, найденная на Рождественском могильнике (Белавин, 2015, с. 37). Подробнее данную находку мы разберем, когда перейдем к изучению трудов ее публикатора – Н.Б. Крыласовой.

К моменту выхода в свет статьи известно еще лишь две серебряные подвески, на лицевой стороне которых имеются знаки Владимира Святославовича, а на оборотной – изображение «мечемолота». Помимо Рождественской, имеется подвеска, опубликованная С.В. Белецким в 2014 г. Она, в целом, аналогична рождественской находке, но на лицевой стороне в верхней части отсутствует изображение головы ушастого животного, чья морда переходит в ушко для кольца, через которое подвеска могла бы крепиться к шнуру, в основании трезубца имеются три отверстия (четвертое не доделано, а только намечено), что существенно отличает её от рождественской находки, где в основании трезубца имеется два аккуратных отверстия. Таким образом, по мнению А.М. Белавина, изделие производит впечатление относительно грубой копии, хотя и несколько модернизированной по сравнению с рождественским оригиналом (Белавин, 2015, с. 39).

Нахождение двух подвесок на территории Предуралья (Пермский край и Удмуртия) указывает на особое значение «мечемолота» для данной территории. Автор считает, что это может объясняться особой ролью Предуральских торговцев в связях между Булгарией, Прикамьем и Скандинавией (Белавин, 2015, с. 40).

Также А.М. Белавин пишет, что в 1977 г. на городище Иднакар (Удмуртия, окрестности г. Глазова) в слое № V был найден костяной односторонний гребень с высокой спинкой, на

которой вырезан знак, по мнению публикатора находки А.О. Амелькина, весьма схожий со знаком Владимира Святославовича. По справедливой оценке А.О. Амелькина, простой костяной гребень не мог быть импортным изделием и не мог нести признаков социального статуса. Возможно, это пример попытки подражать металлическим и костяным трапециевидным подвескам со знаками Рюриковичей, и знак на бытовой предмет был нанесен местным жителем с целью как-либо повысить свой социальный статус (Белавин, 2015, с. 40).

Еще один знак Рюриковичей из Предуралья имеется на Евхаристической серебряной золоченой чаше, найденной, по устному сообщению пермского коллекционера И.И. Гуляева, в лесном массиве под г. Соликамском. Знак процарапан острым предметом – иглой или острием ножа. Принадлежность к конкретному Рюриковичу не установлена, С.В. Белецким при экспертизе чаши высказано предположение, что знак относится к XII–XIII столетиям, ближайшие аналогии – на стенах Софийского собора в Киеве. Чаша, по мнению её публикаторов, скорее всего, изготовлена западным мастером в княжеских мастерских на Руси (возможно, в Киеве) (Белавин, 2015, с. 41).

Таким образом, подытоживает автор, в Предуралье в момент выхода статьи достоверно известно два знака Рюриковичей на геральдических подвесках, оба они относятся к X – первой четверти XI вв. Подвески в определенной степени демонстрируют наличие торговых связей населения Предуралья с Русью, осуществлявшихся через посредничество болгарских торговцев (Белавин, 2015, с. 41).

Также большой вклад в изучение рассматриваемой темы внесла Н.Б. Крыласова. В статье «Древнерусские изделия в материалах Рождественского могильника в Пермской области» автор указывает на уже упоминаемую нами подвеску со знаком Рюриковичей. Исследователь пишет, что она представляет собой литую пластину трапециевидной формы с подвижным колечком для ношения. На лицевой стороне подвески нанесено изображение трезубца; его боковые зубцы выполнены в виде клинков мечей с долом, а центральным зубец – в виде пики с треугольными выступами в основании. По общепринятой классификации княжеских знаков, описываемый трезубец принадлежит Владимиру Святославовичу (период правления 978–1015 гг.). На оборотной стороне подвески нанесено

изображение меча, соединенного с молотом бога Тора. Меч изображен рукоятью к основанию трапеции. По оформлению рукояти он близок к реальным прототипам X в. (тип 9, по определению А.Н. Кирпичникова). Лезвие меча плавно переходит в изображение молота бога Тора, который занимает всю верхнюю часть оборотной стороны пластины (Крыласова, 2000, с. 232).

Исследователь соглашается с мнением А.А. Молчанова и пишет, что подвеска с Рождественского могильника может быть истолкована как верительный знак, дававший право купцу на торговлю как на территории древнерусского государства, так и в скандинавских странах (Крыласова, 2000, с. 234).

Вторым предметом, который автор исследует в своей статье, является серебряный "усатый" перстень, имеющий широкие аналогии в материалах северных территорий Руси и расположенных по соседству финских земель. Подобные перстни датируются сравнительно узким промежутком времени – X–XI вв. На территории Пермского Предуралья была известна всего одна находка подобного перстня из д. Старица, опубликованная А.А. Спицыным (Крыласова, 2000, с. 238).

В статье 2014 г. Н.Б. Крыласова высказывает очень важное предположение: нельзя исключать возможности появления на территории Предуралья отдельных странствующих ремесленников. В частности, возможно, изделиями подобных мастеров могли быть наборные расчески с футлярами, относительно широко распространившиеся в X–XI вв. на прикамских городищах. Учитывая, что в целом древнерусские материалы в этот период представлены в Пермском Предуралье весьма скудно, сложно представить, что расчески являлись предметом импорта, поскольку продажа изделий из кости и рога не могла быть выгодной, тем более на территории, где в изобилии имелись собственные изделия подобного рода (Крыласова, 2014, с. 29–30).

В связи с этим, пишет Н.Б. Крыласова, интересна точка зрения В.Е. Нахапетян (Флеровой). Исследователь считает, что деятельность гребенщиков, судя по крайне незначительным остаткам производства, носила "коробейный" характер, свойственный для стадии перехода этого ремесла от домашнего к специализированному производству, являясь, по сути, частью импорта готовых изделий, а не собственно местным производством (Крыласова, 2014, с. 30).

Также автор связывает проникновение древнерусского населения на территорию Пермского Предуралья с появлением моды на свинцово-оловянистые украшения на данной территории. Так как данные украшения были чужды финно-уграм, автор предполагает, что сбыт товара происходил поселившимся там древнерусскому населению или местным жителям, испытывавшим культурное воздействие переселенцев при непосредственном контакте с ними (Крыласова, 2014, с. 32).

Интересными являются совместные статьи А.М. Белавина и Н.Б. Крыласовой. Например, «Славяно-финская колонизация Прикамья и ее роль в изменении материальной культуры». Авторы предполагают, что контакты с древнерусским (смешанным славяно-финским) населением не ограничивались лишь торговыми взаимоотношениями, и уже в XI–XII вв. началось проникновение в Пермское Предуралье древнерусских переселенцев (Белавин, Крыласова, 2014, с. 87).

В заключение исследователи приходят к выводу, что облик начавшей формироваться к XI в. родановской археологической культуры складывался во многом при участии нового населения, появившегося на первой волне древнерусской колонизации (Белавин, Крыласова, 2014, с. 88).

Важной является и более поздняя совместная статья авторов «Древнерусские материалы в Пермском Предуралье в X–XI вв.». Находки христианских крестиков-тельников домонгольского времени в Предуралье, возможно, маркируют появление отдельных славяно-финских поселенцев (Белавин, Крыласова, 2017, с. 286).

Авторы указывают, что, как правило, монетным гривнам новгородского, черниговского и киевского типов сопутствуют восточные сосуды, в т. ч. с куфическими надписями, что, видимо, указывает на их путь в Прикамье через арабских торговцев и Волжскую Булгарию. Однако среди находок серебряной утвари есть и византийские чаши с древнерусскими надписями, а иногда и со знаками Рюриковичей – эти предметы явно поступили из Руси (Белавин, Крыласова, 2017, с. 288).

Говоря о материальной культуре показательного Плотниковского могильника, авторы пишут, что она сформирована под мощным влиянием надэтничной культуры европейского Севера (как Северо-Запада, так и Северо-Востока). При этом данная группа имеет определенные связи с населением более южных крупных ремесленно-торговых центров.

Плотниковский могильник, таким образом, иллюстрирует начальный этап «древнерусской колонизации», выразившийся в проникновении в Предуралье небольших групп финского (или смешанного славяно-финского) населения европейского Северо-Востока (Белавин, Крыласова, 2017, с. 292).

Также важен вклад Г.Т. Ленц, которая в своей работе «Косторезное производство в Верхнем Прикамье» пишет о составных односторонних гребнях с дугообразной спинкой, на которой можно увидеть резной геометрический орнамент. Автор относит данные находки к XI–XIII вв. Галина Тимофеевна приходит к выводу, что большинство гребней такого вида принадлежит к древнерусскому импорту (Ленц, 2002, с. 227).

А.Н. Сарапулов, изучающий земледелие Предуралья, также внес свою лепту в изучение связей между Пермским Предуральем и Древней Русью. Автор пишет, что пашенное земледелие было привнесено из Древней Руси. Но наконечники пахотных орудий северорусского типа не получают распространения на территории Пермского Предуралья в эпоху Средневековья, а аналоги предуральским формам наконечников находятся в южнорусских землях (Сарапулов, 2015, с. 119).

А.Н. Сарапулов пишет, что маловероятен прямой торговый контакт или миграционный процесс южнорусского населения с Пермским Предуральем. По всей видимости, все контакты происходили посредством Волжской Булгарии. В итоге исследователь приходит к выводу, что новый хозяйственно-культурный тип имеет южнорусскую основу (Сарапулов, 2015, с. 121).

На Родановом городище, исследуемом с 2016 г. под руководством А.Н. Сарапулова, были обнаружены находки двух раннехристианских тельных крестов древнерусского происхождения. А.Н. Сарапулов и Ю.А. Подосенова считают, что, попав на новую территорию, эти изделия включались в состав женского убора как простые украшения-обереги без определенной христианской смысловой нагрузки (Каменщиков, Мокрушин, Подосенова, Сарапулов, 2020, с. 23–24).

Таким образом, обнаруженные на Родановом городище кресты имеют древнерусские истоки и попали на изучаемую территорию вместе с другими изделиями северорусского и южнорусского происхождения в XI–XII вв. через Северное Предуралье (Каменщиков, Мокрушин, Подосенова, Сарапулов, 2020, с. 25).

Важным является исследование, проведенное А.Н. Сарапуловым с химиками, по идентификации ископаемых смол. При помощи новых методов химического анализа, таких как синхронный термический анализ, инфракрасная спектроскопия и др., мы узнали, что янтарь, найденный при раскопках Роданова (Полютова) городища под руководством А.Н. Сарапулова, является импортом с балтийского месторождения (Сарапулов, Иванов, Каменщиков, Мокрушин, Красновских, 2020, с. 25–27).

Таким образом, мы можем сделать вывод, что благодаря многолетней научной работе сотрудников КАЭЭ изучение этнокультурных связей Пермского Предуралья с Древней Русью в эпоху Средневековья стремительно развивалось. Была выявлена нижняя граница в датировке процесса древнерусской колонизации – XI–XII вв. Была доказана серьезная роль Волжской Болгарии в процессе

проникновения импортных вещей на территорию Предуралья. Посредством археологических данных укрепилось мнение также и о пути попадания древнерусских предметов – посредством Двинских земель и Перми Вычегодской. Н.Б. Крыласовой было высказано очень важное предположение о более раннем проникновении древнерусского населения в форме так называемых ремесленников-коробейников. Также после анализа свинцово-оловянистых украшений мы можем говорить о совпадении моды на них с волнами древнерусских переселенцев. А.Н. Сарапулов доказал, что новый хозяйственно-культурный тип, появившийся на территории Предуралья, имеет южнорусскую основу. Также были использованы современные методы химического анализа, которые позволили доказать, что янтарь импортировался на территорию Пермского Предуралья из Прибалтики.

ЛИТЕРАТУРА

Белавин А.М. Знаки рюриковичей из Пермского Предуралья // Труды КАЭЭ. Вып. X / Под ред. А.М. Белавина. Пермь: ПГГПУ, 2015. С. 36–43.

Белавин А.М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: ПГПУ, 2000. 200 с.

Белавин А.М. Камская археолого-этнографическая экспедиция за двадцать пять лет // Труды КАЭЭ. Вып. V / Под ред. А.М. Белавина. Пермь: ПГГПУ, 2008. С. 63–70.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древнерусские материалы в Пермском Предуралье // Поволжская археология. 2017. № 1 (19). С. 284–298.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Славяно-финская колонизация Прикамья и ее роль в изменении материальной культуры // Труды IV (XX) всероссийского археологического съезда в Казани. Т. III / Ред. А.Г. Ситдилов, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 86–88.

Иванов П.А., Каменщиков О.Ю., Мокрушин И.Г. Красновских М.П., Сарапулов А.Н. Исследование и идентификация ископаемых археологических смол // Современные аспекты химии. Вып. VII. / Отв. ред. П.А. Топанов. Пермь: ПГНИУ, 2020. С. 25–28.

Каменщиков О.Ю., Мокрушин И.Г., Подосенова Ю.А., Сарапулов А.Н. Находки средневековых крестов на Родановом городище в Пермском крае // Труды КАЭЭ. Вып. XVI / Под ред. А.М. Белавина. Пермь: ПГГПУ, 2020. С. 21–27.

Крыласова Н.Б. Древнерусские изделия в материалах Рождественского могильника в Пермской области // Новгородская Русь: Историческое пространство и культурное наследие / Отв. ред. Шашков А.Т. Екатеринбург: УрГУ, 2000. С. 232–241.

Крыласова Н.Б. Начало "Древнерусской колонизации" Прикамья и ее роль в появлении новой территории под именем "Пермь" // Труды КАЭЭ. Вып. IX / Под ред. А.М. Белавина. Пермь: ПГГПУ, 2014. С. 28–39.

Ленц Г.Т. Косторезное производство в Верхнем Прикамье // Очерки археологии Пермского Предуралья: Учебное пособие для студентов и аспирантов. / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГПУ, 2002. С. 213–238.

Сарапулов А.Н. Средневековое земледелие пермского Предуралья по археологическим данным. Пермь: Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т, 2015. 170 с.

Информация об авторе:

Кузнецов Вадим Евгеньевич, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Россия); vadim_kuznetsov2000@mail.ru

REFERENCES

- Belavin, A. M. 2015. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* X. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 36–43 (in Russian).
- Belavin, A. M. 2000. *Kamskii torgovyi put'. Srednevekovoe Predural'e v ego ekonomicheskikh i etnokul'turnykh svyaziakh (Kama Trade Route: Medieval Cis-Urals in its Economic and Cultural Relations)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).
- Belavin, A. M. 2008. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* V. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 63–70 (in Russian).
- Belavin, A. M., Krylasova, N. B. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 19 (1), 284–298 (in Russian).
- Belavin, A. M., Krylasova, N. B. 2014. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevianko A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russia Archaeological Congress in Kazan)* III. Kazan: "Otechestvo" Publ., 86–88 (in Russian).
- Ivanov, P. A., Kamenshchikov, O. Yu., Mokrushin, I. G., Krasnovskikh, M. P., Sarapulov, A. N. 2020. In Topanov, P. A. (ed.). *Sovremennye aspekty khimii (Modern Aspects of Chemistry)*. Perm: Perm State National Research University (in Russian).
- Kamenshchikov, O. Yu., Mokrushin, I. G., Podosenova, Yu. A. 2020. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* XVI. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 21–27 (in Russian).
- Krylasova, N. B. 2000. In Shashkov, A. T. (ed.). *Novgorodskaya Rus': Istoricheskoe prostranstvo i kul'turnoe nasledie (Novgorod Rus: Historical Space and Cultural Heritage)*. Yekaterinburg: Ural State University, 232–241 (in Russian).
- Krylasova, N. B. 2014. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* IX. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 28–39 (in Russian).
- Sarapulov, A. N. 2015. *Srednevekovoe zemledelie permskogo Predural'ia po arkheologicheskim dannym (Medieval Agriculture of the Perm Cis-Urals Region by Archaeological Data)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).
- Lents, G. T. 2002. In Belavin, A. M. (ed.). *Ocherki arkheologii Permskogo Predural'ia. Uchebnoe posobie dlia studentov i aspirantov (Essays on the History of Perm Cis-Urals: Textbook for graduate and post-graduate students)*. Perm: Perm State Pedagogical University, 213–238 (in Russian).

About the Author:

Kuznetsov Vadim E. Perm State Humanitarian Pedagogical University (PSHPU). Sibirskaya Str., 24, Perm, 614990, Russian Federation; vadim_kuznetsov2000@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2021 г.
Статья принята к публикации 01.10.2021 г.

ГОРОДИЩА У Д. РЕЧКИ ВИЛЕЙСКОГО РАЙОНА МИНСКОЙ ОБЛАСТИ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПАМЯТНИКОВ

© 2021 г. П.С. Курлович, Е.И. Лукша, Г.Д. Панкевич

В статье рассматривается история археологического изучения двух городищ, расположенных у д. Речки Вилейского района Минской области. Оба памятника расположены на холмах природного происхождения и имеют сложную систему укреплений. На сегодняшний день наиболее изученным поселением является то, которое местные жители называют «Замковая гора». Впервые его обследовал А. Киркор, считавший его мощным укреплением кривичей, относящимся к дохристианским временам. В межвоенный период экспедиция Археологического музея Университета Стефана Батория сняла план городища. Сам памятник они относили к «доисторическому» или «раннеисторическому» времени. Во второй половине XX в. памятник был исследован Л.В. Алексеевым, М.М. Чернявским и Я.Г. Зверуго. М.М. Чернявский выявил здесь материалы третьей четверти I тыс. н.э. Я.Г. Зверуго интерпретировал памятник как феодальный замок. В 2019–2020 гг. на «Замковой горе» были проведены разведывательные исследования под руководством П.С. Курлович. Находки позволяют датировать поселение в пределах I тыс. н.э. На окраине площадки были обнаружены остатки металлургического комплекса. Второе городище «Городок» на сегодняшний день практически не изучено. Впервые о его существовании упоминает Ф.В. Покровский. В ходе исследований 2020 г. здесь была обнаружена лепная посуда с большим содержанием дресвы. Определение хронологии и интерпретация городищ у д. Речки станут возможны после дальнейших исследований.

Ключевые слова: археология, I тысячелетие н.э., Белорусское Повилье, городища, история археологического изучения памятников, древняя металлургия.

HILLFORTS NEAR RECHKI VILLAGE IN VILEYKA DISTRICT OF MINSKOBLAST: STUDY HISTORY AND CURRENT STATE OF THE SITES

P.S. Kurlovich, E.I. Luksha, G.D. Pankevich

The paper examines the history of the archaeological study of two hillforts located near Rechki village in Vileyka District of Minsk Oblast. Both sites are located on natural hills and feature a complex fortification system. The most studied hillfort is the one referred to by the locals as “Castle Hill”. It was originally investigated by A. Kirkor, who considered it to be a major fortification of the Krivichi belonging to the Pre-Christian period. In the interwar period, a plan of the hillfort was compiled in the course of an expedition by the Archaeological Museum of the Stefan Batory University. The monument itself was attributed to the “prehistoric” or “early historical” period. In the second half of the twentieth century, the site was explored by L.V. Alekseev, M.M. Charniauský and Y.G. Zvjarauga. M.M. Charniauský discovered materials at the site which date back to the third quarter of the 1st Millennium AD. According to J.G. Zvjarauga’s interpretation, the monument was a feudal castle. In 2019–2020, archaeological exploration was carried out on the “Castle Hill” under the supervision of P.S. Kurlovich. The finds allow to date the hillfort within the 1st Millennium AD. Remains of a metallurgical complex were discovered on the edge of the site. The second hillfort “Haradok” has remained practically unexplored. It was originally mentioned by F.V. Pokrovsky. In 2020, hand-made pottery with large content of crushed stone admixtures was discovered at the site. Determination of the chronology and interpretation of the hillforts located near Rechki village will become possible after further archaeological investigations.

Keywords: archaeology, 1st millennium AD, Belarusian Viliya Region, hillforts, study history of archaeological monuments, ancient metallurgy.

Около д. Речки Вилейского района Минской области (правый берег р. Вилия) расположен археологический комплекс, который можно широко датировать в пределах I – начала II тыс. н. э. Он состоит из двух горо-

дищ, к одному из которых примыкает селище, исследованное авторами статьи в 2019–2020 гг., а также курганного некрополя, который А.М. Медведев упоминает в тексте о культуре восточно-литовских курганов (Мядзведзеў,

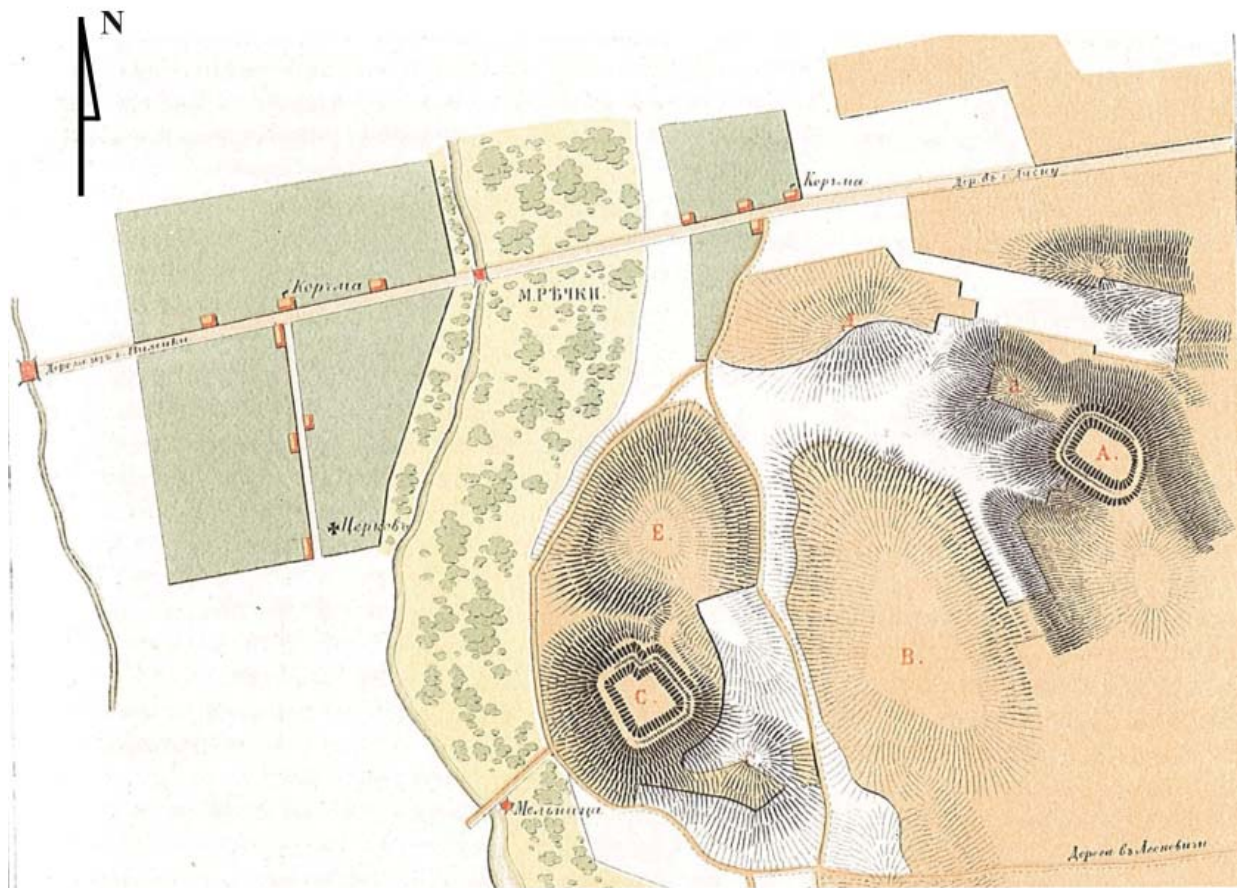


Рис. 1. План укреплений у д. Речки, составитель А. Корево (фрагмент) (А. Кор, 1867).

Fig. 1. Plan of fortifications near Rechki village compiled by A. Korevo (fragment) (A. Kor, 1867).

1999, с. 384). Наиболее изученным памятником здесь является городище, расположенное в 0,3 км к востоку от северной окраины деревни. Оно известно с 1855 г., когда его впервые описал Адам Киркор (Kirkor, 1855, с. 8–10).

Результаты исследования А. Киркора на городище у д. Речки представлены в ряде публикаций (Kirkor, 1855, с. 8–10; Киркор, 1858б, с. 188; Киркор, 1859, с. 16–17; Киркор, 1882а, с. 8; Киркор, 1882б, стр. 173; Dwunaste i trzynaste..., 1858, с. 482–485). Очевидно, памятник произвел впечатление на ученого, так как в своих трудах он отмечает, что городище, которое местное население называет «Городком», относится к самым древним и хорошо укрепленным поселениям в регионе. Описывая структуру памятника, А. Киркор отмечает, что он имел два вала и глубокий ров и возвышался над дневной поверхностью на высоту около 15 саженей. Второй вал выложен тесаными камнями, а сбоку есть «проем», с которым у местных жителей связаны разные легенды (Kirkor, 1855, с. 9). Несмотря на то, что А. Киркор не имел возможности полностью исследовать обнаруженное сооружение, он интерпретировал его как вход в подземелье или подземный ход, которые встречаются

в некоторых замках (Kirkor, 1855, с. 10). Изучение городища было продолжено в 1856 г. Тогда А. Киркор отметил наличие на этом месте культурного слоя («насыпного чернозема») и раскопал ранее обнаруженную им «арку», составленную из «каменных колонн», на глубину около 5 саженей, а также доставил одну из таких «колонн» в музей в г. Вильно (Киркор, 1859, с. 17; Dwunaste i trzynaste..., 1858, с. 482–483). Что касается интерпретации памятника в целом, то исследователь отнёс его к дохристианским временам (Kirkor, 1855, с. 9) и связал с кривичами (Dwunaste i trzynaste..., 1858, с. 483; А. Кор, 1867, с. 65). Следует отметить, что дохристианский период на этой территории А. Киркор доводит до XI в. (Алексеев, 1996, с. 70; Киркор, 1859, с. 17).

По просьбе А. Киркора военный А.К. Корево снял топографический план (рис. 1) и составил описание местности вокруг д. Речки (А. Кор, 1867, с. 65–67; Dwunaste i trzynaste..., 1858, с. 483–485). Из этой работы следует, что к востоку от деревни находилась холмистая территория из восьми холмов, два из которых (А и С) имели отчетливые черты укреплений с двумя рядами валов. Но в целом

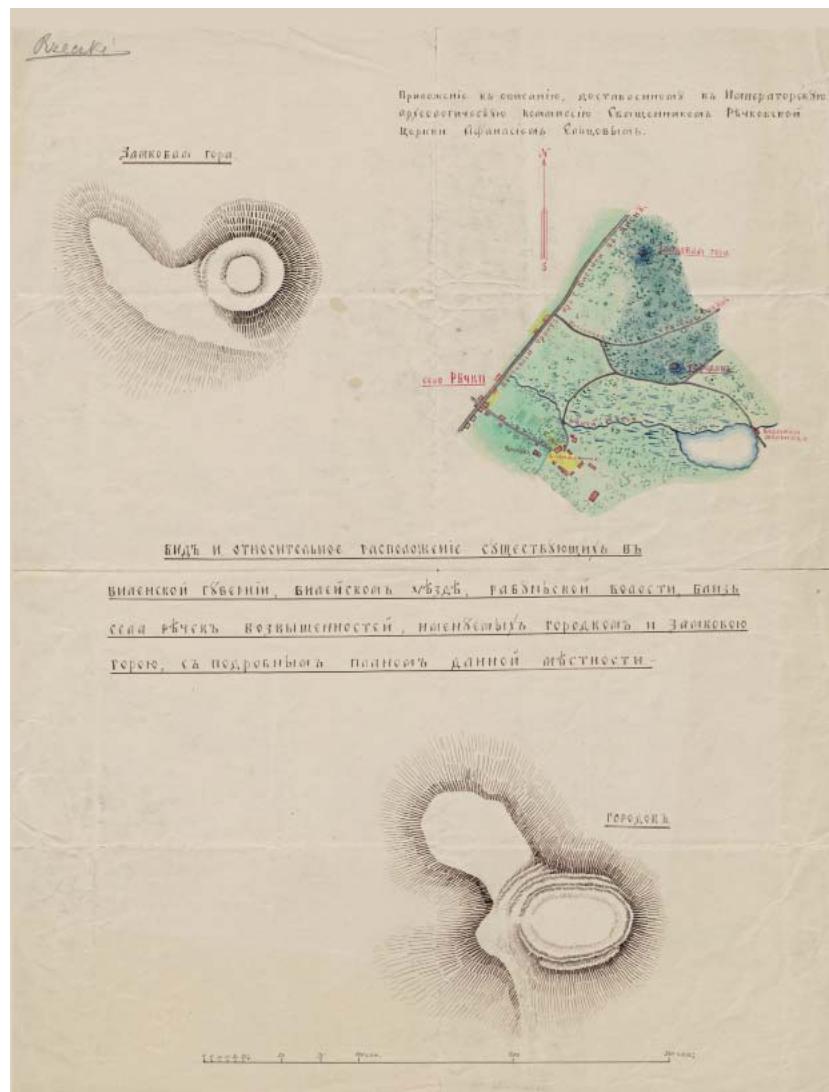


Рис. 2. Городища у д. Речки, доставленные в Императорскую археологическую комиссию Афанасием Ельцовым (Dviejū piliakalnių...).

Fig. 2. Hillforts near Rechki village, data provided to the Imperial Archaeological Commission by Afanasy Yeltsov (Dviejū piliakalnių...)

выводы А.К. Корева основывались на анализе рассматриваемого района с точки зрения военного потенциала. Он связал шесть обнаруженных холмов в одну линию обороны. Первое поселение (А) интерпретировалось им как «редюит», в котором когда-то располагалась оборонная и жилая постройка, от которой сохранился каменный фундамент, подсыпанный черноземом, и подземный ход. Такой же ход, согласно А.К. Корево, должен был быть на втором городище (С). Необходимость столь мощной системы укреплений в районе д. Речки объяснялась тем, что этот район находился на границе с зоной расселения других славянских племен, а также тем, что поблизости проходила дорога на Полоцк (Dwunaste i trzynaste..., 1858, с. 485).

О существовании двух городищ возле д. Речки писал в 1893 г. Ф.В. Покровский

(Покровский, 1893, с. 28). Он отметил, что одно из них называется «Городок», а другое – «Замок». Первое имело овальную форму и было окружено рвом и валом, которые на более пологой стороне образовывали несколько рядов. На расстоянии 3/4 версты отсюда находится еще одно укрепленное поселение, на котором был обнаружен подземный ход. По мнению Ф.В. Покровского, это было городище «Замок», в свое время исследованное А. Киркором. Возле него располагался курганный могильник с захоронениями как по обряду кремации с помещением кремированных останков в урны, так и с захоронениями по обряду ингумации. Исследователем также приводятся некоторые находки из деревни Речки: погребальная урна из раскопок кургана А. Киркором и каменное ядро, найденное у городища «Замок» (были опубликованы

в «Каталоге Виленского музея древностей» (Киркор, 1858а, с. 3, 9)), а также старинные урны и фрагмент золотой (?) сабли из раскопок полицией (?) «Городка» (по словам местного учителя).

Информация Ф.В. Покровского об археологических памятниках у д. Речки была переиздана в 1896 г. в труде «Материалы по истории и географии Дисненского и Вилейского уездов Виленской губернии» А.П. Сапунова и кн. В. Друцкого-Любецкого (Сапунов, Друцкий-Любецкий, 1896, с. 254–255). В приложении они также разместили топографический план и описание местности вокруг д. Речки А.К. Корево (Сапунов, Друцкий-Любецкий, 1896, с. 135–137).

Большой интерес представляет второй известный топографический план с обозначением обоих городищ вблизи д. Речки, который был передан Императорской археологической комиссии в 1899 г. местным священником Афанасием Ельциным (рис. 2). Что касается изображения местности в целом, то оно явно менее точно, чем план А.К. Корево, но сама форма городищ здесь намного ближе к реальности. В целом местные названия памятников подписаны правильно, но их изображения перепутаны местами.

В межвоенный период рассматриваемая территории входила в состав Второй Речи Посполитой. Городище у д. Речки обследовалось только один раз – в 1934 г. (Голубович, Голубович, 1945, рис. 53, № 171; Cehak-Но́лубовичова, 1936а, с. 808; Но́лубович, 1934; Но́лубович, 1937б, с. 86). Во время экспедиции Археологического музея Университета Стефана Батория в Вильно под руководством Х. Цегак-Голубович был снят предварительный план памятника, который, к сожалению, не был опубликован. Судя по тому, что городище в Речках описывается как двухуровневое («o dwu kondygnacjach») укрепление овальной формы (Cehak-Но́лубовичова, 1936б, с. 35–36), исследователи обследовали «Замковую гору». Возле городища отмечены и курганы (Cehak-Но́лубовичова, 1936б, с. 38). Интересно, что при раскопках курганов возле д. Галиново в ходе экспедиции 1937 г. от местных жителей поступила информация о том, что в древности территория, прилегающая к некрополю, принадлежала «замку» в Речках (Галиново находится примерно в 8 км к западу от него). В. Голубович отмечает, что в районе д. Речки действительно сохранилось «доисторическое» или, что более вероятно, «раннеисторическое» городище (Но́лубович, 1937а).

В послевоенный период изучение городищ у д. Речки по-прежнему носило эпизодический характер. Исследователи в основном ограничивались внешним осмотром и описанием памятника, но обширных археологических исследований здесь не проводилось. При этом все работы были сосредоточены вокруг городища «Замковая гора». В 1956 г. его обследовал Л.В. Алексеев, но никакой информации, кроме самого факта обследования, не сохранилось (Звяруга, 1987а; Алексеев, 1956, с. 1). Согласно данным, приведенным в «Сборе памятников истории и культуры Беларуси», в 1985 г. городище обследовал Я.Г. Зверуго (Звяруга, 1987а). Однако в отчете за этот год информация о работе в Вилейском районе отсутствует (Зверуго, 1985). Исследователь полагал, что городище у д. Речки являлось феодальным замком (Звяруга, 2005, с. 134). В 1983 г. М.М. Чернявский заложил шурф в южной части памятника, где выявил гладкостенную керамику третьей четверти I тыс. н. э., а также открыл у подножия городища селище, которое отнес к тому же времени (Черняўскі, 1983, с. 41–42, рис. 34; Чернявский, 1985, с. 413). В 1985 г. селище было обследовано Я.Г. Зверуго (Звяруга, 1987б).

Информация о наличии у д. Речки двух городищ приведена в публикации Л.Д. Поболь «Археологические памятники Беларуси: железный век» (Поболь, 1983, с. 356), но их локализация не совсем корректна. В полевом отчете Я.Г. Зверуго за 1995 г. также отмечается данный факт. Приводится история изучения первого городища, которая началась с А. Киркора, у которого оно фигурирует под названием «Городок», но местные жители называют этот памятник «Замковой горой». Отмечается, что локализация второго городища вызывает вопросы (Звяруга, 1995, с. 7).

Начиная с 2019 г. памятники у д. Речки исследовались под руководством П.С. Курлович. В 2019 г. на городище «Замковая гора» были расчищены грабительские ямы и заложены три шурфа на месте предполагаемого селища. В 2020 г. был заложен раскоп на селище, обнаруженном в 2019 г., а также шурф на городище «Замковая гора». Обследовано и второе городище «Городок».

Городище «Замковая гора» расположено на расстоянии около 300 м от северной окраины деревни, имеет площадку овальной (близкой к подпрямоугольной) формы и сложную систему укреплений. С восточной стороны холм городища плавно переходит в ров шириной около 4 м. За ним располагается кольцевой



Рис. 3. Каменная кладка, обнаруженная при расчистке ямы на валу городища «Замковая гора», 2019 г. (фото П. Курлович).

Fig. 3. Masonry found during the clearing of a pit on the rampart of Zamkovaya Gora hillfort, 2019 (photo by P. Kurlovich)

вал, который с востока имеет высоту около 3 м и ширину около 4 м (у основания). На юго-востоке вал сравнивается со рвом по глубине, образуя ровную площадку вокруг городища высотой около 2 м. С юго-запада вал поднимается над рвом на высоту около 1 м. Непосредственно городище представляет собой холм естественного происхождения высотой около 7 м с антропогенным воздействием (засыпался, выравнивался, склоны эскарпировались). В северной части городища находится так называемая пещера, с которой связаны разные легенды. Территория городища, как и прилегающего к нему селища, густо покрыта лесом. Дневная поверхность комплекса сильно повреждена ямами антропогенного происхождения. Некоторые из них явно связаны с деятельностью так называемых «черных копателей», некоторые, возможно, — с событиями Великой Отечественной войны в этом районе. Установить точный рельеф памятника, а также степень его повреждения позволит топографическая съемка местности с использованием современного оборудова-

ния с небольшим шагом съемки. Эти работы планируется провести в 2021 г.

Зачистка стенок отдельных ям на площадке городища в 2019 г. позволила зафиксировать здесь культурный слой темно-серого цвета. Его мощность в центре городища — около 40 см. Собран подъемный материал — 4 небольших фрагмента керамики, размер которых не позволяет установить ее культурную и хронологическую принадлежность. При зачистке стенки ямы на южной окраине площадки (на валу) была обнаружена выкладка из камней размерами около 10 см с прослойкой глины (рис. 3).

Второе городище («Городок») расположено примерно в 500 м к юго-западу от первого, в 200 м к северо-востоку от земляной дамбы на р. Жучке, расположенной к югу от д. Речки. Городище находится на природном холме, с восточной, северо-восточной и юго-восточной сторон расположены укрепления с двумя рядами валов. Вход на городище, вероятно, был с северной стороны. С западной стороны валы не просматриваются, а насыпь имеет



Рис. 4. Горновой шлак с городища «Замковая гора» (фото П. Курлович).

Fig. 4. Furnace slag from Zamkovaya Gora hillfort (photo by P. Kurlovich).

более крутой уклон. Также есть небольшая терраса. При осмотре памятника были обнаружены 3 небольших фрагмента лепной посуды с крупными примесями дресвы.

В 2020 г. с целью определения характера культурного слоя на городище «Замковая гора» и уточнения его хронологии в юго-западной части памятника был заложен шурф размером 3×1 м. Когда слой был выбран до материка (мощность около 40 см, представлял собой супесь серого цвета), здесь удалось зафиксировать объект в виде ямы, обмазанной глиной со следами обжига, заполненной черным слоем со шлаком и кусочками глины. Этот объект был интерпретирован как остаток сыродутной печи по производству железа.

Находки из шурфа представлены 111 фрагментами глиняной посуды, 163 фрагментами шлаков, 136 из которых были найдены в заполнении объекта, 78 экземплярами обожженной глины (интерпретируемой как части сыродутной печи) и 15 небольшими фрагментами костей животных. Здесь же была найдена трапецевидная подвеска из цветного металла. На расстоянии около 8 м к северо-востоку от ямы был обнаружен большой кусок горнового шлака размером около 10×10 см и весом около 1 кг (рис. 4). Он был явно обнаружен «черными копателями» с помощью металлоискателя, так как содержит достаточно большое количество железа, но был выброшен, поскольку не представлял для них интереса.

Керамика. К сожалению, большая часть найденной в шурфе глиняной посуды представлена небольшими фрагментами лепных сосудов. Основная часть находок (72 фрагмента) имеет размеры около 1 см в длину. Это части стенок со значительным количеством примесей в виде дресвы и песка со средней толщиной около 0,2–0,3 см. Остальные керамические фрагменты также имеют небольшие размеры (средняя длина около 2,5 см), что затрудняет атрибуцию этих материалов.

Среди относительно информативных фрагментов керамики, обнаруженных в шурфе, следует отметить 7 экземпляров с штриховкой (рис. 5: 1, 7, 8) (обычно не очень четкой), 3 фрагмента с шероховатой поверхностью (рис. 5: 6), 1 фрагмент – подлощенный (рис. 5: 4). Из-за небольшого размера венчиков точно определить форму сосудов очень сложно. 3 экземпляра, вероятно, относятся к слабопрофилированным сосудам (рис. 5: 3–5), 1 – к сосуду с прямым венцом и выразительным плечиком (рис. 5: 2).

Трапецевидная подвеска из цветного металла украшена двумя поясками из выпу-

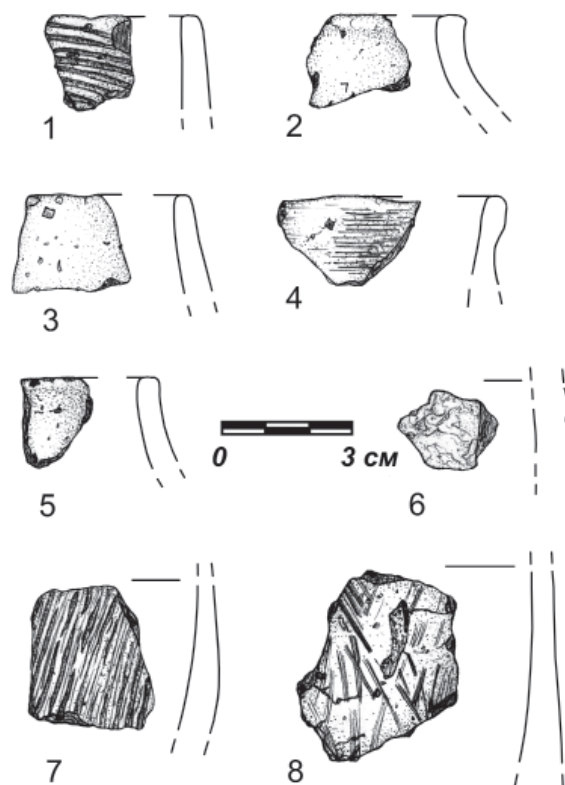


Рис. 5. Керамика с шурфа на городище «Замковая гора» (рисунок П. Курлович).

Fig. 5. Ceramics from a pit at Zamkovaya Gora hillfort (drawing by P. Kurlovich)

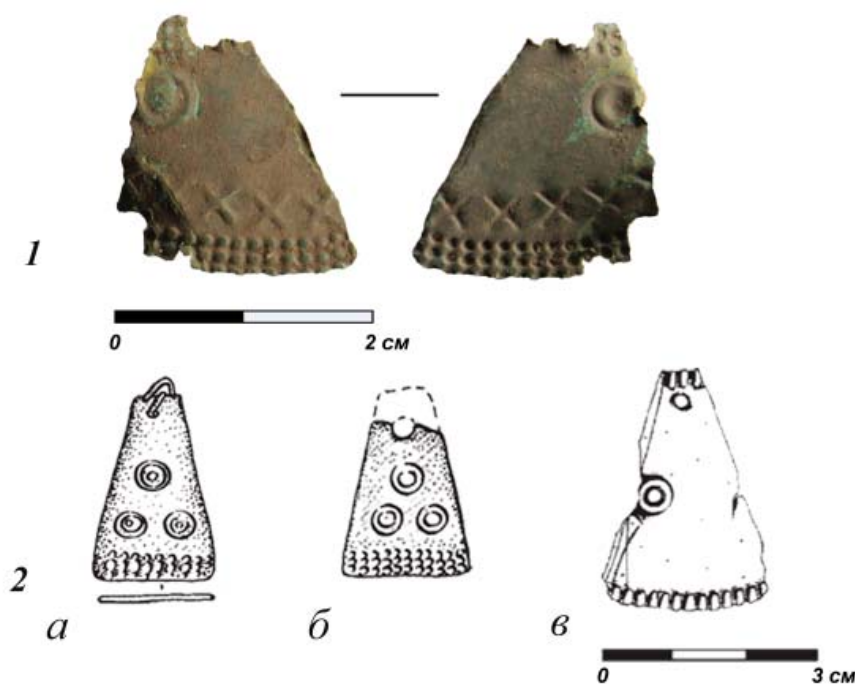


Рис. 6. 1 – трапециевидная подвеска из шурфа на городище «Замковая гора» (фото Е. Киселевой, обработка Е. Лукша); 2 – трапециевидные подвески с территории Беларуси: а – поселение Никольцы (раскопки Я.Г. Зверуга) (по: Звяруга, 2005, рис. 69:20), б – курганный могильник у д. Сосенка (раскопки Я.Г. Зверуга) (по: Звяруга, 2005, рис. 86: 9), в – поселение Курадово-I (раскопки В.С. Вергей) (по: Белявец, Вяргей, 2002, рис. 4:22).

Fig. 6. 1 – Trapezoid suspension from a pit at Zamkovaya Gora hillfort (photo by E. Kiseleva, edited by E. Luksha); 2 – Trapezoid pendants from the territory of Belarus: а – Nikoltzy settlement (excavations by Ya.G. Zverugo) (after: Zvyaruga, 2005, fig. 69:20); б – burial mound near Sosenska village (excavations by Ya.G. Zverugo) (after: Zvyaruga, 2005, fig. 86: 9); в – Kuradovo-I settlement (excavations by V.S. Vergei) (after: Belyavets, Vyargei, 2002, fig. 4:22)

клых точек по основанию и верху, серией крестиков над пояском из точек у основания и выпуклым «глазком» у края пластины (рис. 6: 1). Размеры подвески: ширина нижней части 1,8 см, верхней – 0,9 см, длина – 2,1 см. Пластина повреждена в нижнем углу у «глазка» и вверху, возле отверстия. Изделие слегка изогнуто вниз, что вместе со смещенным «глазком» может свидетельствовать о вторичном использовании в качестве подвески бляшки от другого украшения (Фино-угры и балты..., 1987, табл. CVI: 4, XXXIV: 12).

Точечный и «глазковый» орнамент на вещах данного типа для территории Беларуси не редкость и встречается в балтийских и славянских древностях (Звяруга, 2005, с. 104). Подобные стилистически трапециевидные подвески обнаружены на ближайших к Речкам памятниках – поселении Никольцы (рис. 6: 2а) и курганном могильнике у д. Сосенка (рис. 6: 2б). Подвеска со смещенным «глазком» также была обнаружена на памятнике Курадово-I (рис. 6: 2в) на юге Беларуси. Все находки датируются исследователями последней четвертью I тыс. н. э. (Белявец, Вяргей, 2002, с. 12; Звяруга, 2005, с. 104; 20, с. 232).

Кости. Определяемые костные фрагменты (определение А.В. Зыль) принадлежат домашним животным: 4 из них – домашний бык, 1 – домашняя свинья, 1 – мелкий рогатый скот (вероятно коза). Еще 8 фрагментов принадлежат парнокопытным животным. 1 кость кальцинированная.

Шлаки. Шлаки, найденные в шурфе, различаются по форме и размеру. Некоторые из них представляют собой сплавленную массу металлургических отходов (рис. 7: 4, 12, 14, 15, 17), другие представляют собой оплавленные или отдельные капли (рис. 7: 1–3). 92 фрагмента имеют на поверхности следы в виде параллельных полос (рис. 7: 5–7, 10, 14, 16) – отпечатки древесины, использованной в качестве топлива в сыродутной печи. На одном куске древесина не сгорела полностью (рис. 7: 8). 4 экземпляра шлака были сплавлены с глиной (рис. 7: 9, 11, 13).

Остатки сыродутной печи (?) представлены обломками обожженной глины, в которой прослеживаются примеси песка (рис. 8). Они темно-желтого или оранжевого цвета, некоторые экземпляры – дымчато-серые. Большинство из них не имеют четкой формы

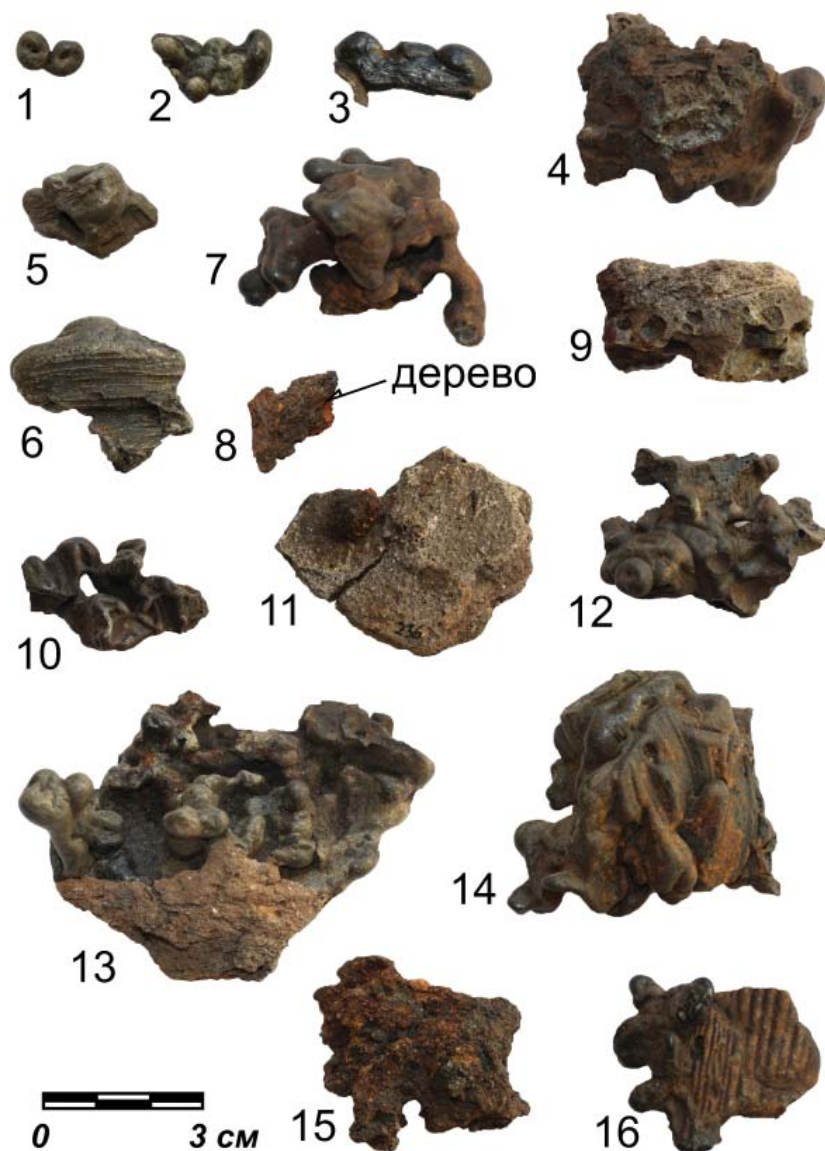


Рис. 7. Шлак с шурфа на городище «Замковая гора» (фото П. Курлович).

Fig. 7. Slag from a pit at Zamkovaya Gora hillfort (photo by P. Kurlovich)

и не могут быть соотнесены с отдельными частями конструкции печи. К сожалению, по обнаруженным материалам выявленный объект невозможно датировать уже, чем в пределах I тыс. н. э.

Расположение металлургических печей на городищах известно в белорусской науке с 30-х годов прошлого века (Ляўданскі, Палікарповіч, 1932). Наиболее известные из них обнаружены на памятниках Кимия (Борисовский район) и Лабенщина (Минский район) (Колчин, 1953, с. 22). Однако на сегодняшний день возникают вопросы по поводу их реконструкции и интерпретации. Известны находки сыродутных печей на городищах и в Повилье (Медведев, 2011, с. 34). Так, в Малышках (Вилейский район) они находились в центре

площадки. На краю площадки сыродутные печи были обнаружены на городище Ревячка (Мядельский район). Известны по городищам и находки кузниц (Медведев, 2011, с. 32, 34; Шадыро, 1985, с. 102).

В археологизированном виде сыродутные печи доходят до нас, как правило, в виде нижних частей глиняных стенок (иногда с примесью песка) толщиной до 10 см или в виде подов из обожженной глины или камня и раскиданным вокруг шлаком. Основания некоторых печей имели вид ямы глубиной около 20 см, над которой возводились стенки. Конструкции были цилиндрическими, круглыми или овальными в разрезе, диаметром около 50 см. После использования печи внутри нее остаются остатки шлаков. В сохра-

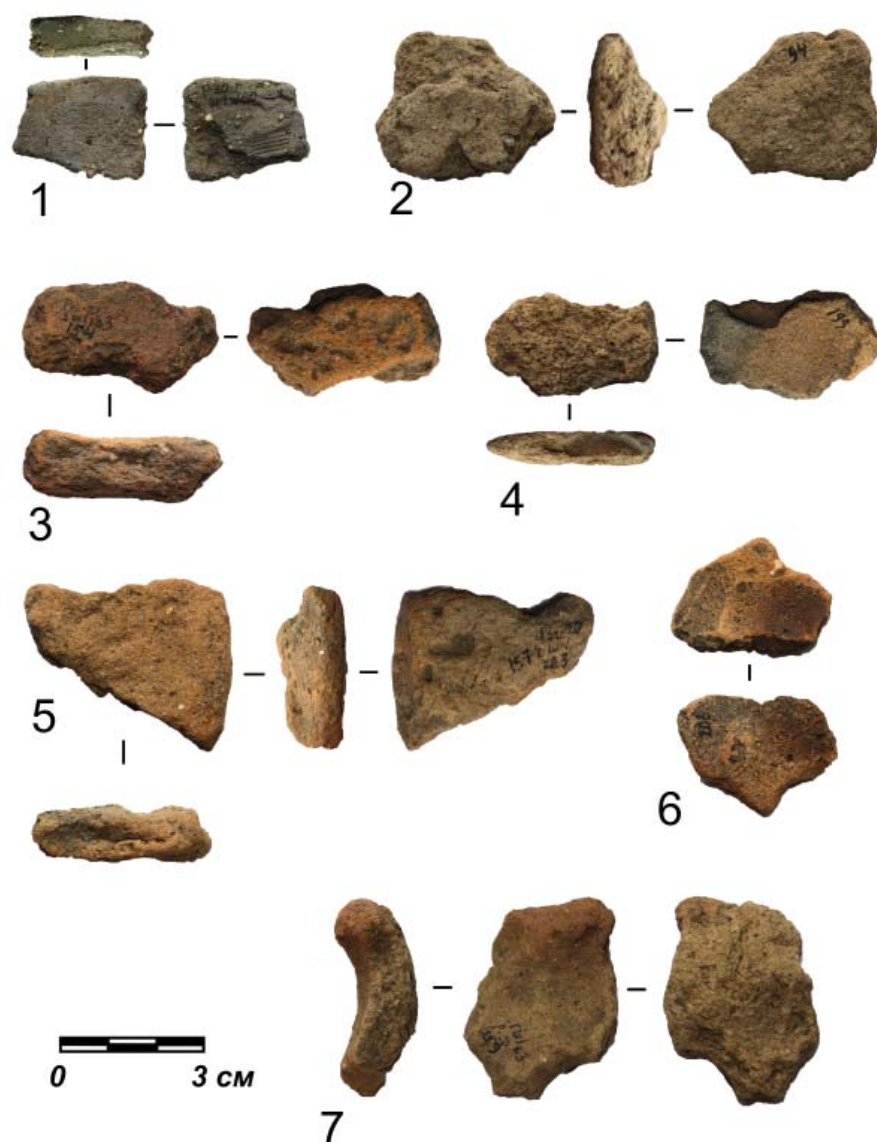


Рис. 8. Фрагменты сыроступной печи с шурфа на городище «Замковая гора» (фото П. Курлович).
Fig. 8. Fragments of a Catalan kiln from a pit at Zamkovaya Gora hillfort (photo by P. Kurlovich).

нившихся на достаточной высоте стенках есть отверстия для подачи воздуха (Бідзіля, 1963, с. 126–134; Лукшан, 1987, с. 7–9).

Обнаруженный в ходе исследований в 2020 г. на городище «Замковая гора» недалеко от д. Речки металлургический объект имел диаметр 48 см и глубину 28 см (рис. 9). Края ямы были покрыты обожженной глиной. Материк вокруг прокаленный. В заполнении – черный слой с мелкими кусками шлака (136 экз. весом около 0,8 кг) и обожженная глина. На наш взгляд, этот объект можно трактовать как основание сильно поврежденной сыроступной печи или как обмазанная глиной яма в составе более сложного металлургического комплекса. В обоих случаях такая конструкция использовалась для сбора шлаков.

Таким образом, около д. Речки Вилейского района Минской области находится прак-

тически неисследованный археологический комплекс из двух городищ, селища и курганного могильника. Он известен с середины XIX в., когда местными древностями заинтересовался А. Киркор. Основные исследования были сосредоточены на городище «Замковая гора». Этот памятник сначала интерпретировался как мощное укрепление кривичей дохристианских времен (до XI в.), затем как «доисторическое» или, скорее, «раннеисторическое» поселение и, наконец, как феодальный замок. По мнению М.М. Чернявского, здесь была обнаружена керамика третьей четверти I тыс. н. э. Современные исследования позволяют определить хронологию поселения «Замковая гора» в пределах I тыс. н.э. Остатки сыроступной печи, выявленные на краю площадки, а также подъемный материал в виде большого куска шлака позволяют пред-



Рис. 9. Metallurgical object with a pit at the hillfort «Zamkovaya Gora» (photo by P. Kurlovich).

Fig. 9. Metallurgical item from a pit at Zamkovaya Gora hillfort (photo by P. Kurlovich).

положить, что эта часть городища использовалась для производства железа. Размер и характер этого металлургического комплекса,

а также то, каким образом и какое население использовало городища у д. Речки, определяют дальнейшие исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев Л.В. Краткая информация о работах Полоцко-Прибалтийского отряда Прибалтийской комплексной экспедиции АН СССР в 1956 г. / ЦНА НАН Беларуси. ФАНД. Арх. № 16.

Алексеев Л.В. Археология и краеведение Беларуси XVI в. – 30-е годы XX в. Минск: Беларуская навука, 1996. 206 с.

Белявец В., Вяргей В. Курадава-I – шматслойнае паселішча з Цэнтральнага Палесся // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 5. / Уклад.: А.М. Мядзведзеў, І.М. Язэпенка. С. 5–24.

Бідзіля В.І. Залізоплавільні горні серэдніны I тысячоліття н.э. на Південному Бузі // Археалогія. 1963. Т. 15. С. 123–144.

Голубович Е., Голубович В. Славянские поселения правобережной Дисны в Вилейском округе БССР // КСИИМК. 1945. № XI. С. 126–137.

Зверуго Я.Г. Отчет о полевых исследованиях Верхненеманской группы в 1985 году / ЦНА НАН Беларуси. ФАНД. Арх. № 947.

Звяруга Я.Г. Справаздача аб археалагічных даследаваннях на тэрыторыі Вілейскага, Маладзечанскага і Мядзельскага раёнаў у 1995 годзе / ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Арх. № 1611.

Звяруга Я.Г. 677а. Гарадзішча // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць. Кн. 1. / гал. рэд.Марцэлеў С.В. Мінск: БелСЭ, 1987а. С. 158.

Звяруга Я.Г. 677б. Селішча // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць. Кн. 1. / гал. рэд.Марцэлеў С.В. Мінск: БелСЭ, 1987б. С. 158.

Звяруга Я.Г. Беларускае Павілле ў жалезным веку і раннім сярэднявякоўі / Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 10. Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2005. 174 с.

Киркор А. Перечневый каталог предметов в Виленском музее древностей. Вильно: Типография О. Завадзскаго, 1858а. 21 с.

Киркор А. Этнографический взгляд на Виленскую губернию // Этнографический сборник, издаваемый императорским Русским географическим обществом. Вып. III. Санкт-Петербург, 1858б. С. 115–276.

Киркор А. Археологические разыскания в Виленской губернии // Известия Императорского Археологического общества. Т. I. Санкт-Петербург, 1859. С. 15–19.

Киркор А. Первобытные времена Литовского Полесья // Живописная Россия / под общ. ред. П.П. Семенова: в. 12 т. Т. 3. Ч. 1: Литовское Полесье. СПб.; М., 1882а. С. 3–10.

Киркор А. Города и поселения в Литве // Живописная Россия / под общ. ред. П.П. Семенова: в. 12 т. Т. 3. Ч. 1: Литовское Полесье. СПб.; М., 1882б. С. 163–204.

Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (Домонгольский период) / МИА. № 32. М.: Наука, 1953. 260 с.

Кор. А. Речки // Древности. Труды Московского археологического общества. Т. 1. Вып. 2. М., 1867. С. 65–67.

Лухтан А.Б. Селище в Кярнаве на берегу р. Нерис // Научные труды высших учебных заведений Литовской ССР. История. 1987. XXVIII. С. 3–21.

Ляўданскі А.Н., Палікарповіч К.М. Да гісторыі жалезнай прамысловасці на Беларусі па даных археолёгіі (папярэднія даныя) // Савецкая краіна. 1932. № 5. С. 55–84.

Медведев А.М. Верхнее Понеманье в железном веке и раннем средневековье. Минск: Беларуская навука, 2011. 350 с.

Мядзведзеў А.М. Культура ўсходнелітоўскіх курганоў // Археалогія Беларусі: у 4 т. Т. 2. Жалезны век і раннія сярэднявечча. Мінск, 1999. С. 384–391.

Поболь Л.Д. Археологические памятники Белоруссии. Железный век. Минск: Наука и техника, 1983. 429 с.

Покровский Ф.В. Археологическая карта Виленской губернии. Вильна: Типография А.Г. Сыркина, 1893. XVIII с. + 163 с.

Сапунов А., Друцкий-Любецкий В. Материалы по истории и географии Дисненского и Вилейского уездов Виленской губернии. Витебск: Губернская типолитография, 1896. 262 + 144 с.

Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР. Т. 17 / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1987. 512 с.

Kirkor A. Wycieczka archeologiczna po guberni wileńskiej przez Jana ze Śliwina // Biblioteka Warszawska, t. 2–3. Warszawa, 1855. 46 s.

Чернявский М.М. Исследования на Немане, Вилюе и Двине // Археологические открытия 1983 года. / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. М.: Наука, 1985. С. 412–413.

Шадыро В.И. Ранний железный век Северной Белоруссии. Минск: Навука і тэхніка, 1985. 126 с.

Cehak-Holubowiczowa H. Muzeum Archeologii Przedhistorycznej U. S. B. w Wilnie // Ateneum Wileńskie. 1936. T. 11. S. 806–810.

Cehak-Holubowiczowa H. Zabytki archeologiczne województwa wileńskiego i nowogrodzkiego // Bezplatny dodatek nr 1 „Dziennika Urzędowego KOP Wil.”. Wilno, 1936. S. 4–40.

Dviejų piliakalnių sąlyginio aukščio matavimo brėžinys. Informacija apie buvusį savininką/kūrėją: „Приложение к описанию, доставленному в Императорскую археологическую комиссию Священником Речковской церкви Афанасием Ельцовым”. Seni inventoriniai numeriai: VII, 20, NN 20-30. Rankr., brėžinys, spalvotas. URL: https://kolekcijos.biblioteka.vu.lt/islandora/object/kolekcijos:VUB01_000679467#00001. Дата обращения: 21.02.2021.

Dwunaste i trzynaste posiedzenie wileńskiej archeologicznej komisji, dnia 11 listopada i 12 grudnia // Biblioteka Warszawska. Nowa Serya. T. 1. Warszawa, 1858. S. 480–489.

Holubowicz W. Szlakiem ekspedycji archeologicznej // Kurjer Wileński. 1934. № 350. S. 5.

Holubowicz W. Wykopiska koło Kurzenca // Kurjer Wileński. 1937. № 221. S. 6.

Holubowicz W. Pięć lat pracy terenowej Muzeum archeologicznego Uniwersytetu Stefana Batorego w Wilnie (1933–1937) // Rocznik archeologiczny (Wilno). 1937. № 1. S. 83–90.

Чарняўскі М.М. Справаздача Нёманскай неалітычнай групы аб даследаваннях археалагічных помнікаў у 1983 г. / ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Арх. № 849.

Информация об авторах:

Курлович Полина Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой археологии и специальных исторических дисциплин исторического факультета, Беларуский государственный университет (г. Минск, Республика Беларусь); nominusster@gmail.com

Лукша Екатерина Игоревна, выпускница магистратуры исторического факультета БГУ по специальности «Археология» (г. Минск, Республика Беларусь); luksha0402@gmail.com

Панкевич Глеб Дмитриевич, студент 4 курса исторического факультета БГУ (г. Минск, Республика Беларусь); gleb-pankevich@inbox.ru

REFERENCES

- Alekseev, L. V. 1956. *Kratkaia informatsija o rabotakh Polocko-Pribaltiiskogo otriada Pribaltiiskoi kompleksnoi ekspeditsii AN SSSR v 1956 g.* (Brief Summary of the Activities of the Polotsk-Baltic Detachment of the Baltic Complex Expedition of the USSR Academy of Sciences in 1956.). Central Scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus. Fund Arkh No 16 (in Russian).
- Alekseeva, L. V. 1996. *Arkheologiia i kraevedenie Belarusi XVI v. – 30-e gody XX v.* (Archaeology and Local History of Belarus of the 16th century - 1930s.). Minsk: “Beloruskaia navuka” Publ. (in Russian).
- Belyavets, V., Vyargei, V. 2002. In Myadzevedzeu, A. M., Yazepenka, I. M. (eds.). *Materialy pa arkheologii Belarusi* (Material on the Archaeology of Belarus) 5, 5–24 (in Belarusian).
- Bidzilya, V. I. 1963. In *Arkheologiia* (Archaeology) 15, 123–144 (in Ukrainian).
- Golubovich, E., Golubovich, V. 1945. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material’noi kul’tury* (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture) XI. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 126–137 (in Russian).
- Zverugo, Ya. G. *Otchet o polevykh issledovaniiah Verkhnenemanskoi gruppy v 1985 godu* (Report on Field Studies of the Upper Neman Group in 1985). Central Scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus. Fund Arkh No 947 (in Russian).
- Zverugo, Ya. G. *(Spravzdacha ab arkhealogichnykh dasledavanniakh na teritorii Vileiskaga, Maladzechanskaga i Miadzel’skaga raionau u 1995 godze)* (Report on archeological excavations in Vileyka, Molodechno and Myadel Districts in 1995). Central Scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus. Fund Arkh No 1611 (in Belarusian).
- Zverugo, Ya. G. 1987a. In Martselev, S. V. (ed. –in-chief). *Zbor pomnikab gistoryi i kul’tury Belarusi. Minskaia voblasts’* (Collection of Monuments of History and Culture of Belarus. Minsk Oblast). Minsk: “BelSE” Publ., 158 (in Belarusian).
- Zverugo, Ya. G. 1987b. In Martselev, S. V. (ed. –in-chief). *Zbor pomnikab gistoryi i kul’tury Belarusi. Minskaia voblasts’* (Collection of Monuments of History and Culture of Belarus. Minsk Oblast). Minsk: “BelSE” Publ., 158 (in Belarusian).
- Zveruga, Ya. G. 2005. *Belaruskae Paville u zhaleznykh veku i rannim siariednjaviakoi* (Belarusian Pavilion in the Iron Age and Early Middle Ages). Series: Belarusian Pavilion in the Iron Age and Early Middle Ages (Materials On The Archaeology Of Belarus) 10. Minsk: Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (in Belarusian).
- Kirkor, A. 1858a. *Perechnevyy katalog predmetov v Vilenskom muzeume drevnostei* (Catalog List of Items at the Vilna Museum of Antiquities). Vilno (in Russian)..
- Kirkor, A. 1858b. In *Etnograficheskii sbornik, izdavaemyi imperatorskim Russkim geograficheskim obshchestvom* (Ethnographic Collection published by the Imperial Russian Geographical Society) (3). Saint-Petersburg, 115–276 (in Russian).
- Kirkor, A. 1859. In *Izvestiia Imperatorskogo arkheologicheskogo obshchestva* (Proceedings of the Imperial Russian Archaeological Society) (1). Saint-Petersburg, 15–19 (in Russian).
- Kirkor, A. 1882a. In Semenov, P. P. (ed.). *Zhivopisnaia Rossia* (Artistic Russia) Vol. 3. Part. 1. Saint Petersburg; Moscow, 3–10
- Kirkor, A. 1882b. In Semenov, P. P. (ed.). *Zhivopisnaia Rossia* (Artistic Russia) Vol. 3. Part. 1. Saint Petersburg; Moscow, 163–204
- Kolchin, B. A. 1953. *Chernaia metallurgii i metalloobrabotka v drevnei Rusi* (Domongol’skii period) (Iron and Steel Metallurgy and Metal Processing in Early Rus’ (Pre-Mongol Period)). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR* (Materials and Research in the USSR Archaeology) 32. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Kor, A. 1867. In *Drevnosti. Trudy Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva* (Antiquities. Proceedings of Moscow Archaeological Society) I (2), 65–67 (in Russian).
- Lukhtan, A. B. 1987. In *Nauchnye trudy vysshikh uchebnykh zavedenii Litovskoi SSR. Istoriia* (Scientific works of higher educational institutions of the Lithuanian SSR. History). XXVIII, 3–21 (in Russian).
- Lyadansky, A. N., Palikarpovich, K. M. 1932. *Savetskaia kraina* (Savetskaya Kraina) 5, 55–84 (in Belarusian).
- Medvedev, A. M. 2011. *Verkhnee Poneman’e v zheleznom veke i rannem srednevekov’e* (Upper Neman Region in the Iron Age and the Early Middle Ages). Minsk: “Belaruskaia navuka” Publ. (in Russian).
- Medvedev, A. M. 1999. In Shadyra, V. I. (ed.). *Arkheologiia Belarusi. T. 2. Zhalezny vek i rannjaj siariedniavechcha* (Archaeology of Belarus) 2 (Iron Age and Early Middle Ages). Minsk: “Bel. Navuka” Publ., 384–391 (in Belarusian).

Pobol, L. D. 1983. *Arkheologicheskie pamiatniki Belorussii. Zheleznyi vek* (Archaeological Sites of Belarus. Iron Age). Minsk: "Nauka i tekhnika" Publ. (in Russian).

Pokrovsky, F. V. 1893. *Arkheologicheskaya karta Vilenskoi gubernii* (Archaeological Map of the Vilna Province). Vilna: Typo-lithography of A. G. Syrkin Publ. (in Russian).

Sapunov, A., Drutskii-Lyubetskii, V. 1896. *Materialy po istorii i geografii Disnenskogo i Vileiskogo uezdov Vilenskoi gubernii* (Materials on the history and geography of the Disnensky and Vileysky counties of the Vilna province). Vitebsk (in Russian).

Sedov, V. V. 1987. (ed.). *Finno-ugry i balty v epokhu Srednevekov'ia* (The Finno-Ugrians and Balts in the Middle Ages). Series: Archaeology of the USSR, 17. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Chernyavsky, M. M. *Spravzdacha Njomanskaj nealitychnaj grupy ab dasledavannjah arhealogichnyh pomnikaŭ u 1983 g.* (Report of the Neman Neolithic Group on the research of archaeological sites in 1983). Central Scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus. Fund Arkh No 849 (in Belarusian). Chernyavsky, M. M. 1985. In Munhaev, R. M. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1983 goda* (Archaeological Discoveries of 1983). Moscow: "Nauka" Publ., 412–413 (in Russian).

Shadyro, V. I. 1985. *Rannii zheleznyi vek Severnoi Belorussii* (Early Iron Age of Northern Belarus). Minsk "Navuka i tekhnika" Publ. (in Russian).

Cehak-Hołubowiczowa, H. 1936. In *Ateneum Wileńskie*. 11, 806–810 (in Polish).

Cehak-Hołubowiczowa H. 1936. In *Bezpłatny dodatek nr 1 „Dziennika Urzędowego KOP Wil.”*. Wilno, 1936. S. 4–40 (in Polish).

Dviejų piliakalnių sąlyginio aukščio matavimo brėžinys. Informacija apie buvusį savininką/kūrėją: „Приложение к описанию, доставленному в Императорскую археологическую комиссию Священником Речковской церкви Афанасием Ельцовым ". Seni inventoriniai numeriai: VII, 20, NN 20-30. Rankr., brėžinys, spalvotas. Available at: https://kolekcijos.biblioteka.vu.lt/object/kolekcijos/VUB01_000679467#00001. (accessed: 21.02.2021) (in Russian).

1858. Dwunaste i trzynaste posiedzenie wileńskiej archeologicznej kommisyyi, dnia 11 listopada i 12 grudnia In Biblioteka Warszawska. Nowa Serya. T. 1. Warszawa,. 480–489 (in Polish)

Hołubowicz, W. 1934. In *Kurjer Wileński*. 350, 5 (in Polish).

Hołubowicz, W. 1937. In *Kurjer Wileński*. 221, 6 (in Polish).

Hołubowicz, W. 1937. In *Rocznik archeologiczny (Wilno)*. 1, 83–90 (in Polish).

Kirkor A. *Wycieczka archeologiczna po guberni wileńskiej przez Jana ze Śliwina* // Biblioteka Warszawska, t. 2–3. Warszawa, 1855. 46 s.

About the Authors:

Kurlovich Palina S., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Archaeology and Special Historical Disciplines, Faculty of History, Belarusian State University. Mendeleev Str., 36, Minsk, 220037, Belarus; nominusster@gmail.com

Luksha Katsiaryna I. Belarusian State University. Mendeleev Str., 36, Minsk, 220037, Belarus; luksha0402@gmail.com

Pankevich Gleb D., Belarusian State University. Mendeleev Str., 36, Minsk, 220037, Belarus; gleb-pankevich@inbox.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2021 г.
Статья принята к публикации 01.10.2021 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 903.24

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.5.267.275>**«БОКТАГ» ИЗ ДВУХ ПОГРЕБЕНИЙ БАШКИР-БЕРКУТОВСКОГО КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)¹**

© 2021 г. Л.Э. Макласова, В.Ю. Макласов, Э.В. Камалеев

Всестороннее исследование золотоордынского костюма предполагает изучение не только одежды, но и многочисленных элементов аксессуаров, являющихся показателем социального статуса, практическим дополнением и завершением образа. Одним из таких элементов является «боктаг» – сложный головной убор знатной замужней женщины. В 1968–69 гг. в Кугарчинском районе Республики Башкортостан Институтом истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР были раскопаны Башкир-Беркутовские курганы. Целью публикации является анализ сохранившихся деталей и украшений женского головного убора «боктаг». В статье рассмотрены берестяные каркасы из двух погребений, а также амулетница и сохранившиеся фрагменты ткани. Приведены аналогии, выявленные в берестяных конструкциях памятников Новый Кумак III, Хабарный I и курганов Кара-Оба, Шляховский III и Гува III. Детальное исследование каркасов представленного типа это один из шагов к построению единой типологии для головных уборов «боктаг».

Ключевые слова: археология, Южный Урал, Золотая Орда, береста, конструкция, курган, могильник, головной убор, боктаг.

BOKTAG FROM TWO BURIALS OF THE BASHKIR-BERKUTOV BURIAL MOUND (PRELIMINARY ANALYSIS)²

L.E. Maklasova, V.Yu. Maklasov, E.V. Kamaleev

A comprehensive study of the Golden Horde costume involves the study of not only clothing, but also numerous elements of accessories indicating the social status, practically complementing and completing the image. One of these elements is a “boktag” – an intricate headdress of a noble married woman. In 1968–69, the Bashkir-Berkutov barrows were excavated in the Kugarchinsky region of the Republic of Bashkortostan by the Institute of History, Language and Literature of the Bashkir branch of the USSR Academy of Sciences. The purpose of the publication is to analyze the preserved details and jewelry from the “boktag” female headdress. The paper considers the birch bark frames from two burials, as well as an amulet box and preserved fragments of fabric. The analogies to this birch-bark structure revealed in the Novy Kumak III, Khabarny I sites as well as the burial mounds Kara-Oba, Shlyakhovsky III, Guva III mounds are detailed. The thorough study of this type of frames is a step towards a unified typology for boktag headdress.

Keywords: archaeology, South Ural region, Golden Horde, birch bark, design, mound, burial ground, headdress, boktag.

Изучая археологический материал памятников периода Золотой Орды, мы периодически встречаем в фондах музеев части каркасов и украшения женского головного убора «боктаг». Сохранность таких находок средняя и плохая, т. к. органика из погребений изымается в разрушенном состоянии, и последующее продолжительное хранение без реставрации или консервации не способствует сохранению предмета. Лучше всего хранятся украшения из металлов, но они не дают полноценную картину о головном уборе. Что каса-

ется каркасов «боктаг», на территории Поволжья, Северного Кавказа, Украины, Казахстана в отчетах, статьях и музейных коллекциях мы видим конструкции двух типов, с широким и узким диаметром ствола и разным способом формирования капители. Среди этого материала резко выделился своим размером головной убор с памятника Хабарный I, раскопанный В.А. Ивановым в 1984 г. Изучение археологических материалов данного региона в Институте этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева (г. Уфа) дало возможность по-новому

¹ Работа осуществлена в рамках государственного задания по теме «Культурные интеграции населения Южного Урала в древности, средневековье и Новое время: факторы, динамика, модели», № AAAA-A21-121012290083-9.

² The work was carried out within the framework of the state assignment “Cultural Integration of the Population of the South Urals in Antiquity, the Middle Ages and the New Age: Factors, Dynamics, Models”, No. AAAA-A21-121012290083-9.

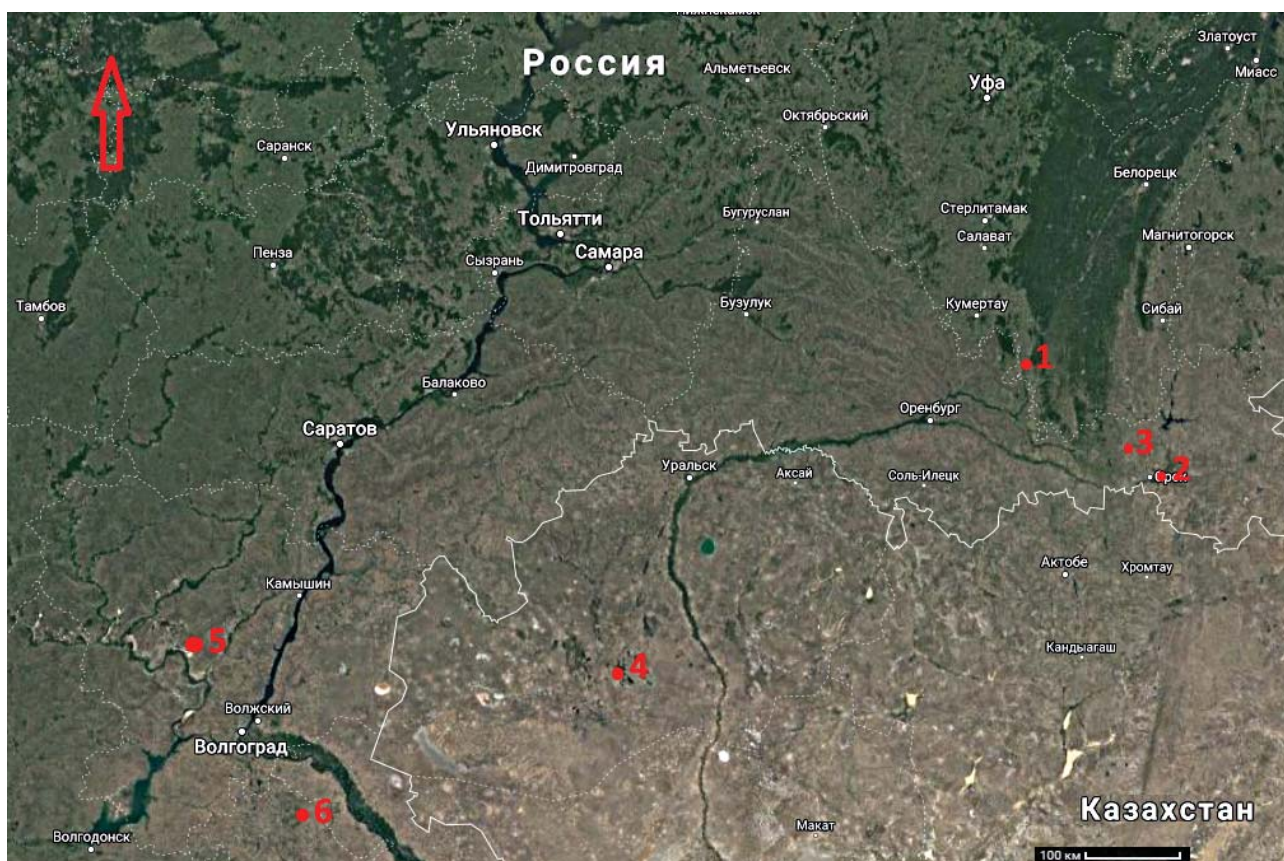


Рис. 1. Карта расположения курганов: 1 – Башкир-Беркутовский могильник; 2 – могильник Новый Кумак; 3 – могильник Хабарный I; 4 – курганная группа Кара-Оба; 5 – могильник Шляховский III; 6 – могильник Гува III.

а – условное обозначение курганов

Fig. 1. Map of burial mounds: 1 – Bashkir-Berkutovsky burial ground; 2 – Novy Kumak burial ground; 3 – Khabarny I burial ground; 4 – Kara-Oba burial ground; 5 – Shlyakhovsky III burial ground; 6 – Guva III barrow group.

а – symbolic designation of mounds.

взглянуть на некоторые находки с памятников на территории Золотой Орды и выделить подгруппу берестяных каркасов, отличных от ранее нами изученных.

Башкир-Беркутовские курганы – это редкий археологический памятник Южного Урала, находящийся на горе в 100 м северо-восточнее дер. Башкир-Беркутово Кугарчинского района Республики Башкортостан (рис. 1: 1). Памятник состоял из земляных насыпей 3-х курганов, 2 из которых были исследованы в 1968 г., а 3-й – в 1969 г. Институтом истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР под руководством Н.А. Мажитова. Интересующие нас погребения находились во 2 и 3 курганах. Предварительная датировка, установленная Н.А. Мажитовым, находилась в границах XII–XIII вв., впоследствии он её передвинул на столетие позже и отнес к золотоордынскому времени, так как были проанализированы однообразные вещи с ряда похожих памятников этого региона и установлена датировка в XIII–XIV вв. (Мажитов, 1977, с. 35–36).

Курган 2 был диаметром 6,5 м, высотой 25 см, состоял из 1 погребения. Размер могильной ямы $2,8 \times 0,8 \times 0,6$ м, глубина 1,6 м. На дне, в колоде, находился костяк женщины в вытянутом положении, на спине, ориентированный на запад (рис. 2: 1). У левого виска погребенной лежала берестяная трубочка (принятая первоначально Н.А. Мажитовым за чехол для хранения кос). На трубочке находились 2 небольшие пластинки-накладки (по отчету серебряные, но анализ не проводился). Под берестой, на которой сохранились фрагменты ткани, находился кусок кожи и бронзовая трубочка, на концах которой были две стеклянные бусины. На черепе погребенной находился обломок ножа и маленькая стеклянная бусина, под черепом две серьги в виде знака вопроса (Мажитов, 1968, с. 12). *Курган 3* был раскопан в 1969 г., диаметр 6,5 м, высота 20 см. В кургане со следами грабительского вкопа находилось 1 погребение (в восточной половине) размером $3,25 \times 0,9$ м и глубиной 1,3 м, скелет лежал на спине, ориентирован на северо-восток (рис. 2: 2). Слева от чере-

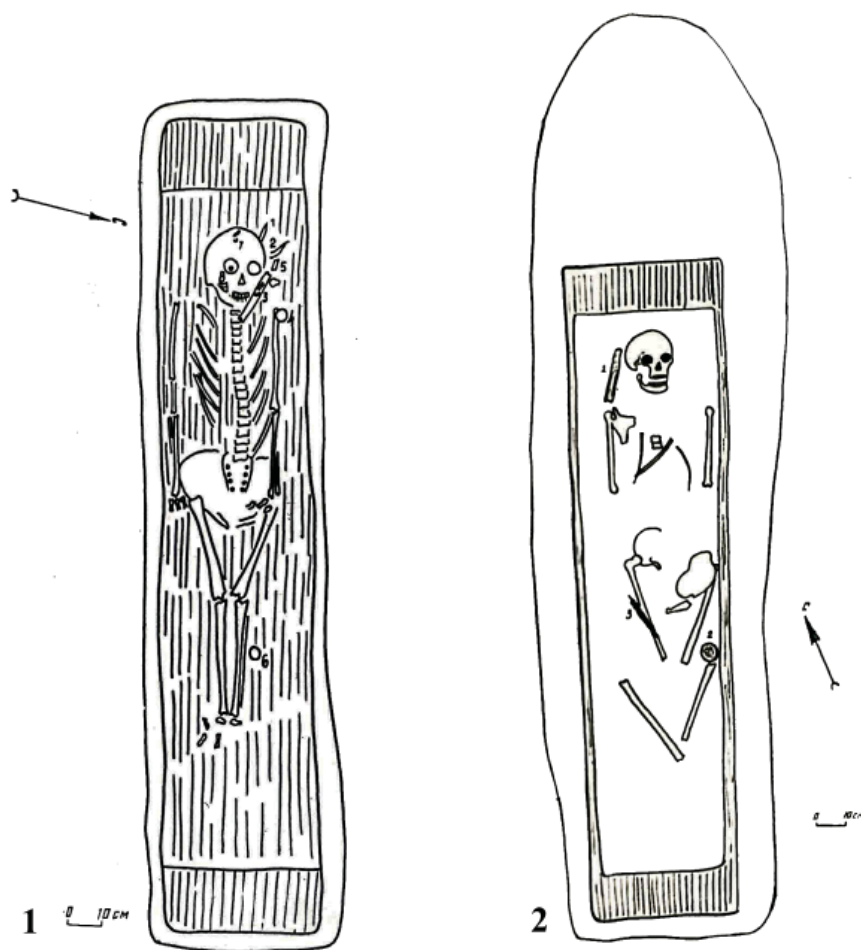


Рис. 2. План погребений:

1 – Башкир-Беркутовский могильник, курган 2; 2 – Башкир-Беркутовский могильник, курган 3

Fig. 2. Burial plan:

1 – Bashkir - Berkutov burial mound 2; 2 – Bashkir - Berkutovsky burial mound 3

па лежала берестяная трубочка (описанная в отчете как чехол для кос), в области пояса лежал кусок кожи. В заполнении ямы встречен кусок бересты со следами шва (Мажитов, 1969, с. 3). Для детального разбора конструкции головных уборов из Башкир-Беркутовских курганов проанализируем предметы из фонда музея Института этнологических исследований (г. Уфа).

Берестяной каркас (музей Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева, КП 444/303) головного убора из кургана 2 представлен стволом и капителью (рис. 3: 1). Был свернут из листа бересты размером 25×15 см (рис. 3: 1а), с учетом перехлестов бересты расчетный диаметр составлял 3,7–3,8 см. В верхней части ствола имеется отгиб от 3 до 5 мм для сшивания с крышкой капители. Передняя часть капители состояла из двух составных частей (1 маленький фрагмент обломан) (рис. 3: 1б). Шов соединения смещен от центра и выполнен парными стежками 0,3–0,4 см с неравным шагом 0,3–0,7 см.

Стоит отметить минимализм в деталях при изготовлении берестяного каркаса и заострить внимание на непривычном совмещении ствола с капителью под тупым углом (рис. 4: 4), за счет которого некоторые детали капители в «боктаг» упразднились, в отличие от некоторых изученных нами «боктаг» в коллекциях музеев Поволжья (в которых соединение капители со стволом происходило под прямым углом (рис. 4: 5)). За счет чего мы получили новое конструктивное решение и несколько измененный силуэт с задранной вверх «носом» капители под углом 130° и видимый в разрезе не полусферической (рис. 4: 5а), а прямоугольной формы (рис. 4: 4а).

На одной из деталей капители сохранились фрагменты ткани первичной и вторичной обтяжки полотняного переплетения. Реставрация ткани не проводилась. Цвет ткани в сегодняшнем состоянии желто-коричневый. На ткани сохранилось одно патинированное бронзовое крепление от амулетницы в виде гвоздя с проушиной, с нитью крепления

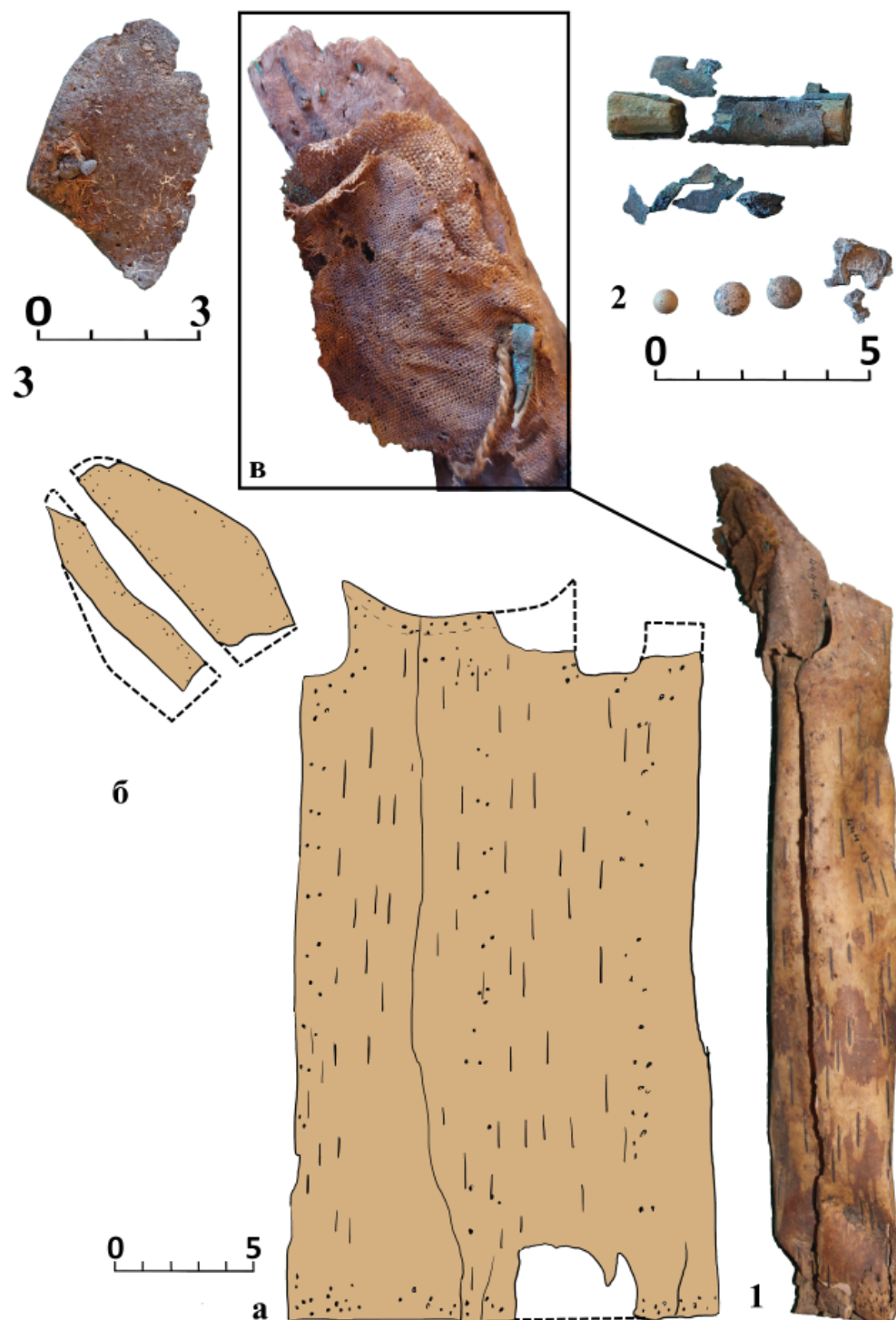


Рис.3. Башкир-Беркутовский могильник курган 2: 1 – ствол с капителью, берестяной каркас из фондов музея Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева, КП 444/303; а – развертка берестяного ствола боктаг; б – развертка передних составных частей капители; в – фрагменты ткани первичной и вторичной обтяжки с креплением от амулетницы на капители (гвоздь с проушиной); 2 – амулетница с кабошонами из фондов музея Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева, КП-444/9; 3 – фрагмент кожаной детали из фондов музея Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева

Fig. 3. Bashkir-Berkutovsky burial mound 2: 1 – trunk with a capital and a birch bark frame from the funds of the museum of the Institute of Ethnological Research named after R.G. Kuzeev, KP 444/303; а – scan of a boktag birch bark trunk; б – unfolded front components of the capital; в – fragments of the fabric of primary and secondary covering with amulet holder fastening on the capital (nail with an eyelet); 2 – amulet holder with cabochons from the funds of the Museum of the Institute of Ethnological Research named after R.G. Kuzeev, KP-444/9; 3 – fragment of a leather piece from the funds of the Museum of the Institute of Ethnological Research named after R.G. Kuzeev

S-крутки. Крепление фиксировалось только к ткани, береста не тронута (рис. 3: 1в).

Украшение головного убора – амулетница (музей Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева, КП-444/9) – представлено бронзовой основой (с утратами), внутренними деревянными чопиками, тремя кабошонами и частично сохранившейся оправкой. Сама амулетница имеет размер 4×1,1 см и состоит из одного фрагмента скрученного в цилиндр листа бронзы, с внутренними трапециевидными деревянными вставками, погруженными с обеих сторон заподлицо, зафиксированными гвоздями с проушинами (согнутыми из тонкой полоски) без использования пайки (рис. 3: 2).

Бронзовая часть сохранилась в 7 фрагментах: один основной, большой, размером 3,7×1,1 см, слегка выгнут, патинирован, на внутренней стороне следы дерева, с одного края имеется отверстие от вынутого гвоздя с проушиной; пять маленьких обломков размером 1,5×0,9 см и до 1 см и один неопределенный нами фрагмент, возможно, не имеющий отношения к амулетнице. Согласно отчету, по краям амулетницы находились две бусины (кабошоны) диаметром 0,8 см и высотой 0,4 см, которые, по всей видимости, крепились в оправки размером 1,5×1 см. Третий, самый маленький кабошон имел размер 0,6 см и высоту 0,35 см, предположительно он украшал центральную часть амулетницы, в отчете о нем нет информации.

Вместе с головным убором присутствовал фрагмент непонятной кожаной детали (ромбовидная нашивка на нижнюю шапочку, деталь одежды или фрагмент фески?). Кожа ромбической формы, размером 3,65×5 см, толщиной 2 мм, с четко просматриваемыми сквозными отверстиями и ровным углом с двух сторон, с остатками ткани и небольшим фрагментом завязки с узелком. Два других края детали оборваны, нет следов проколов, симметричных ровным краям. Посередине, со стороны оборванных краев, находится небольшой скругленный срез (?) с отверстиями по краю. Со стороны с отверстиями в углу детали имеются остатки ткани и сквозное отверстие с узелком от завязки. Ткань узорчатая, желто-коричневого цвета, служащая, скорее всего, лицевой стороной детали (рис. 3: 3).

Совместно с хранящимися в коробке фрагментами головного убора находился ромбический деревянный предмет, состоящий из двух частей (со следами склейки в месте слома)

размером 12×5 см и толщиной до 1,5 см, в отчете упоминаний о нем нет, скорее всего, отношения к «боктаг» деталь не имеет.

Сохранность головного убора из кургана 3 (музей Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева, КП-471) более плохая (береста крошится и расслаивается), по отчету «боктаг» идет как «берестяная трубочка», по факту от каркаса остались 7 фрагментов: 4 больших и 3 маленьких – часть ствола и передняя часть капители (крышечка утрачена). Фрагменты собираются в ствол высотой 25 см и приблизительным диаметром 3,5 см (рис. 4: 1а). Капитель представляет собой подтреугольную деталь, боковые стороны которой согнуты под прямым и острым углом, размером 8×8,5 см (рис. 4: 1б). На сохранившемся небольшом фрагменте ствола прослеживается место вшивания капители. В отличие от аналогичного головного убора из кургана 2, форма места вшивания капители была прямоугольной и в собранном состоянии составляла собой единый срез верхнего края капители и ствола. Ориентировочные размеры каркаса – высота «боктаг» 28,5 см, диаметр ствола 3,5 см, крышечка 9×4,4 см, угол подъема капители около 130°.

Одним из важных технологических моментов в сборке конструкции является сшивание по имеющимся многочисленным отверстиям. В процессе анализа выделяются парные отверстия на тыльной стороне ствола. На первый взгляд, можно предположить, что они предназначались для пришивания усиливающего прутика, дальнейшее изучение показало, что при такой высоте и малом диаметре надобность в вертикальных прутиках отпадает за счет перехлеста бересты друг на друга. Подтверждения наличия внутреннего усиления деревянными прутиками нет из-за отсутствия отпечатков и любых других следов на бересте. Вопрос: «Как сшивали ствол при таком малом диаметре?», и единственное логичное объяснение – прошивание конструкции насквозь.

Как аналогии данным головным уборам по сохранности берестяных деталей, позволяющих увидеть именно такой конструктивный подход к изготовлению «боктаг», выделяющегося своими размерами, можно привести головные уборы с памятников Новый Кумак III (рис. 1: 2), Хабарный I (рис. 1: 3), курганную группу Кара-Оба (рис. 1: 4), Шляховский III (рис. 1: 5), Гува III (рис. 1: 6). Данные каркасы схожи между собой в размерном ряде и возможных конструктивных решениях.

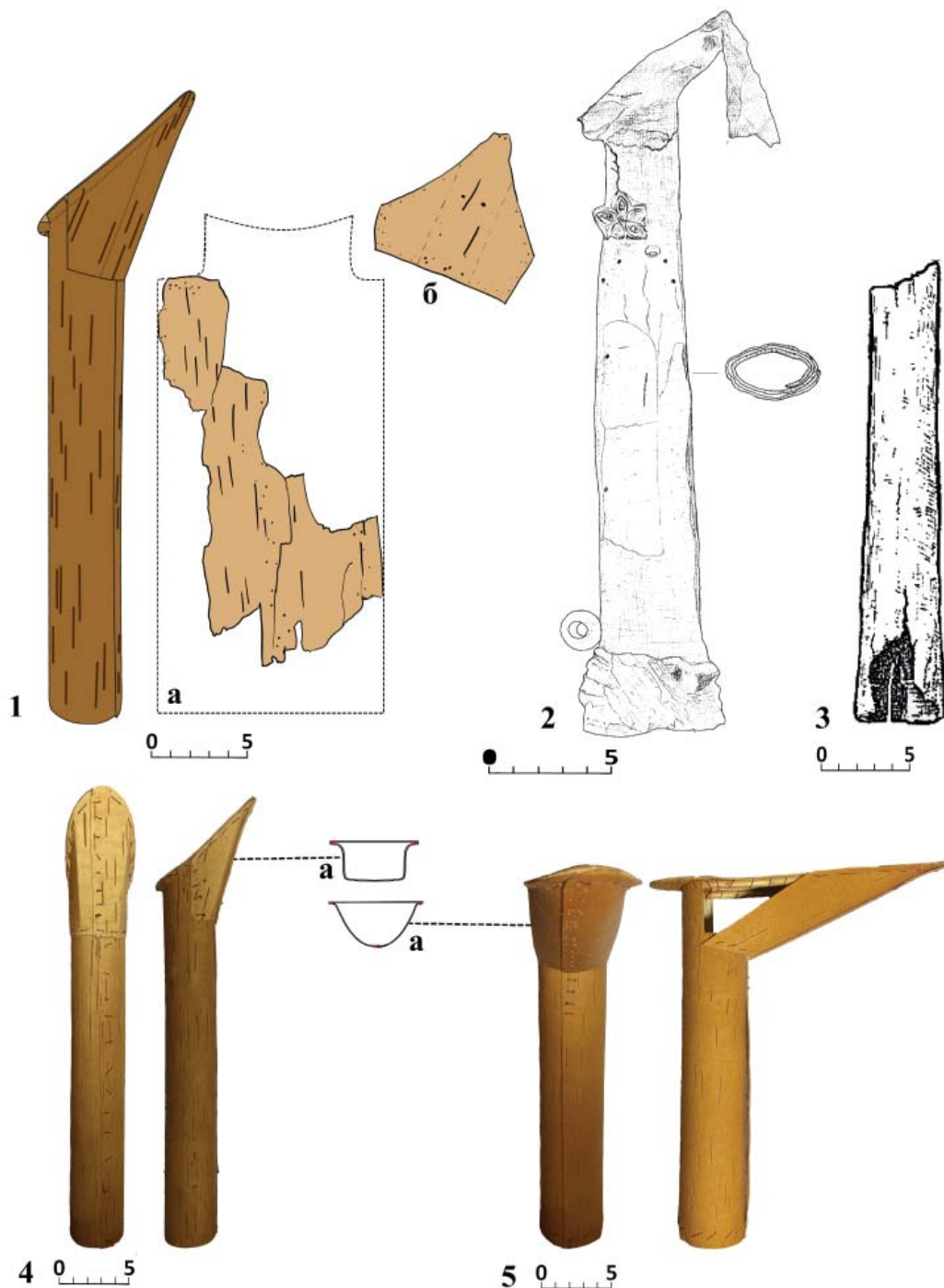


Рис.4. Археологический предмет и реконструкция: 1 – графическая реконструкция Башкир-Беркутовского могильника, курган 3: а – развертка ствола; б – развертка передней детали капители; 2 – Новый Кумак III, курган 7, погребение 1 – прорисовка берестяного каркаса боктаг с украшением и фрагментами ткани (по: Бытковский О.Ф. и др. , 2014 , с. 221, рис. 8.1); 3 – прорисовка берестяного каркаса из могильника Кара-Оба курган 4 (по: Гарустович, 2014, с. 284, рис.39.1); 4 – реконструкция берестяного каркаса боктаг из Башкир-Беркутовского могильника курган 2: а – разрез соединения крышки с передней деталью капители; 5 – реконструкция берестяного каркаса боктаг из могильника Усть-Курдюм, курган 7: а – разрез соединения крышки с передней деталью капители.

Fig. 4. Archaeological item and reconstruction: 1 – graphic reconstruction of the Bashkir-Berkutovsky burial mound 3: а – barrel reamer; б – unfolded the front part of the capital; 2 – Novy Kumak III barrow 7, burial 1 – drawing of a birch bark boktag frame with decoration and fragments of fabric (after: Bytkovsky O.F. et al., 2014, p. 221, fig. 8.1); 3 – drawing of a birch bark frame from the Kara-Oba burial mound, barrow 4 (after: Garustovich, 2014: 284, fig. 39.1); 4 – reconstruction of a birch bark boktag frame from the Bashkir-Berkutovsky burial mound, barrow 2: а – cross-section of the connection between the cover and the front part of the capital; 5 – reconstruction of a birch bark boktag frame from Ust-Kurdyum burial mound, barrow 7: а – cross-section of the connection between the cover and the front part of the capital

Новый Кумак III, крупный памятник кочевников Волго-Уральского региона, расположенный в пос. Новый Кумак в районе г. Орска, был раскопан в кон. 80 – нач. 90-х гг. XX вв. С.Н. Заседателевой. Интересующее нас женское погребение 1 находилось в кургане 7. Берестяное навершие «боктаг» в виде остроносого сапожка располагалось за головой погребенной, там же находились бронзовая пятилепестковая бляха-нашивка, деревянная заколка в виде цветка со стеблями, 2 бусины и фрагменты ткани. Общая длина «боктаг» составляла 28,2 см, ширина у основания – 5,5 см; в центральной части – 3,6 см, в верхней части – 2,9 см (рис. 4: 2). Данный головной убор своей формой напоминал «боктаг» с территорий Нижнего Поволжья и Южного Урала по археологическим материалам XIII–XIV вв. (Бытковский, 2014, с. 220.). Разница диаметров по стволу – это следствие деформации бересты под воздействием грунта и влаги, изначальная форма ствола берестяного каркаса была цилиндрическая, а не коническая. Предположение о схожести новокумакского головного убора с каркасами Поволжья ошибочно, т. к. различий в берестяной конструкции больше, чем сходства, но верно будет отнести его к «боктаг» Южно-Уральской группы. Из представленных аналогий данный головной убор хорошей сохранности сопоставим с «боктаг» из Башкир-Беркутовских курганов и показывает различие в конструктивных решениях и силуэте с «боктаг» Поволжья с узким диаметром ствола.

Курганный могильник Хабарный I был открыт в 1959 г. М.Г. Мошковой и раскапывался В.А. Ивановым в 1984 г. Расположен памятник на правом берегу р. Урал, в 10 км от пос. Шевченко Гайского района Оренбургской области. Женское погребение с головным убором находилось в кургане 7. «Боктаг» (с остатками шерстяной ткани синего и коричневого цветов) располагалось на левом предплечье и бедренной кости и имело размеры трубки длиной 35 см и диаметром 4 см (Иванов, 2004, с. 76). Сохранился ствол берестяного каркаса (музей Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева, КП 803/7) с отверстиями по нижнему краю и в местах сшивания полотна в цилиндр на передней и тыльной стороне ствола, верхняя часть с капителью не сохранилась. Измеренный нами размер ствола 38,5 см, но окончательная высота убора больше. Памятник Хабарный I добавлен нами в группу с Башкир-Беркутовскими курганами, несмо-

тря на отсутствующую капитель, из-за узкого диаметра и нестандартной высоты, позволяющей предположить, что капитель была схожей с представленными аналогиями формой.

Насыпи в курганной группе Кара-Оба (Новая Казанка) в разное время исследовали А.Н. Харузин, И.В. Сеницын, Т.Н. Сенигова. Расположены курганы в Джангалинском районе Уральской области Западного Казахстана, в урочище Курпе-Бай, на левом берегу р. Малый Узень, в 6 км к северо-востоку от с. Джангала. В 1950 г. раскопки проводил И.В. Сеницын; в кургане 1, находящемся в центре могильника, был обнаружен женский костяк. Из вещевого ряда была найдена берестяная трубочка – «боктаг» (длиной 35 см), лежащая вдоль левой руки, поверх локтя (Сеницын, 1956, с. 123–124). В 1953 г. проходили раскопки под руководством Т.Н. Сениговой. В кургане 4 находилось женское погребение, возле головы была найдена «боктаг» длиной 26 см и шириной 4 см (рис. 4: 3) (Сенигова, 1956, с. 152). Оба погребения были датированы XIII–XIV вв. Данные каркасы схожи с описанными выше в размерном ряде и возможных конструктивных решениях.

Памятник Шляховский III, курган 1, погребение 1, исследован в 1989–1990 гг. под руководством В.М. Клепикова и Е.В. Круглова. Расположен около х. Шляховский Фроловского района Волгоградской области. В погребении, за черепом, находились фрагменты берестяного каркаса «боктаг», названные автором «берестяным накосником» длиной 32 см. Справа и слева от черепа находились бронзовые провололочные подвески с бусинками (9 шт.) (Круглов, 1996, с. 138–151).

Курганная группа Гува III исследована в 1975 г. под руководством Е.В. Шнайдштейна, располагалась в Октябрьском районе Калмыкии недалеко от пос. Большой Царын. Группа состояла из трех курганов, но раскопан был один. В кургане 1 погребении 1 головной убор располагался «слева, перед лицом погребенной». От «боктаг» сохранилась берестяная трубка длиной 32 см и шириной в сплюсненном состоянии 4 см, на стволе имелись отверстия от сшивания. Сохранились белые пастовые бусины, возможно, от украшений головного убора. Памятник датирован Е.В. Шнайдштейном золотоордынским периодом (Шнайдштейн, 1979, с. 55–68).

О головных уборах из представленных как аналогии погребений можно сказать, что, за исключением небольших расхождений в диаметре ствола, высота «боктаг» с методом

сшивания капители со стволом под тупым углом превышает многие головные уборы с методом сшивания под прямым углом (рис. 4: 4, 5). Это происходит за счет большей высоты ствола и иного способа пришивания капители, за счет чего высота берестяной конструкции увеличивается на 5–6 см.

Исследованный нами археологический материал из музейного фонда Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева дал понимание построения некоторых берестяных каркасов с территории Золотой Орды и выделение новой подгруппы, отличной своей

высотой и конструктивными решениями среди «боктаг» с узким диаметром ствола. На основе исследованного материала нами были произведены реконструкции каркасов головных уборов из Башкир-Беркутовских курганов, позволяющие взглянуть на общий облик «боктаг» без учета деформаций и утрат (рис. 4: 4).

Учитывая появление новых данных, мы получили возможность пересмотреть ранее опубликованный материал, касающийся конструкции берестяных каркасов женского головного убора «боктаг» Золотой Орды.

ЛИТЕРАТУРА

Бытковский О.Ф., Заседателева С.Н., Матюшко И.В., Харламов П.В. Средневековые захоронения Новокумакского могильника (III северо-западная группа) // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 11. / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2014. С. 214–228.

Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Материалы по археологии средневековых кочевников Южного Урала (IX – XV вв. н.э.). Уфа: Изд-во БГУ, 2014. 328с.

Иванов В.А. Хабарный I - могильник золотоордынского времени в Центральном Оренбуржье // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 6. / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2004. С. 74–83.

Круглов Е.В., Клепиков В.М. Средневековые памятники из Фроловского района Волгоградской области // Древности Волго-Донских степей / Ред. В.И. Мамонтов, А.В. Кияшко, Е.П. Мыськов. Волгоград: Перемена, 1993. С. 138–151.

Мажитов Н.А. Отчет о результатах археологических исследований за 1968 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-7. N. 3704

Мажитов Н.А. Отчет об археологических исследованиях на территории Башкирской АССР в 1969 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. N. 3878

Мажитов Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. М.: Наука, 1977. 240 с.

Сенигова Т.Н. Отчет о работе Западно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 года // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. 1. / отв. ред. В.Ф. Шахматов. Алма-Ата: АН КазССР, 1956. С. 140–156.

Синицын И.В. Археологические исследования в Западном Казахстане (1948-1950) // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. 1. / отв. ред. В.Ф. Шахматов. Алма-Ата: АН КазССР, 1956. С. 87–139.

Шнайдиштейн Е.В. Раскопки курганов в урочище Гува // Археологические памятники Калмыцкой степи / Отв. ред. У.Э. Эрднеев. Элиста: Калмыцкий научно-исследовательский институт истории, филологии, экономики. 1979. С. 55–68.

Информация об авторах:

Макласова Людмила Эдуардовна, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); maklasova_luda@mail.ru

Макласов Вадим Юрьевич, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова (г. Элиста, Россия); vadim.maklasov@mail.ru

Камалеев Эльвир Вилерович, кандидат исторических наук, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН (г. Уфа, Россия); kamaleev-ilyir@mail.ru

REFERENCES

Bytkovsky, O. F., Zasedateleva, S. N., Matyushko, I. V., Kharlamov, P. V. 2014. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 11. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 214–228 (in Russian).

Garistovich, G. N., Ivanov, V. A. 2014. *Materialy po arkheologii srednevekovykh kochavnikov Yuzhnogo Urala (IX–XV vv. N.e.) (Materials on the Archaeology of the Medieval Nomads of the Southern Urals (9th–15th centuries AD))*. Ufa: Bashkir State University (in Russian).

Ivanov, V. A. 2004. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 6. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 74–83 (in Russian).

Kruglov, E. V., Klepikov, V. M. 1993. In Mamontov, V. I., Kiyashko, A. V., Mys'kov, E. P. (eds.). *Drevnosti Volgo-Donskikh stepei (Antiquities of the Volga–Don Steppes)*. Volgograd: “Peremena” Publ., 138–151 (in Russian).

Mazhitov, N. A. 1968. *Otchet o rezul'tatakh arkheologicheskikh issledovaniy za 1968 g. (Report on Archaeological Study Results for 1968)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Fund 1, inv. R.7, dossier 3704 (in Russian).

Mazhitov, N. A. 1968. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh na territorii Bashkirskoi ASSR v 1969 g. (Report on Archaeological Studies in the Territory of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic in 1969)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Fund 1, inv. R.1, dossier 3878 (in Russian).

Mazhitov, N. A. 1977. *Yuzhniy Ural v VII–XIV vv. (Southern Urals in the 7th–14th Centuries)* Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Senigova, T. N. 1956. In Shakhmatov, V. F. (ed.). *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii AN KazSSR (Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR)* 1. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR Publ., 140–156 (in Russian).

Sinityn, I. V. 1956. In Shakhmatov, V. F. (ed.). *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii AN KazSSR (Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR)* 1. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR Publ., 87–139 (in Russian).

Shnidshtein, E. V. 1979. In Erdniev, U. E. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Kalmyckoi stepi (Archaeological Sites of the Kalmyk Steppe)*. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology, Economics, 55–68 (in Russian).

About the Authors:

Maklasova Lyudmila E. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; maklasova_luda@mail.ru

Maklasov Vadim Yu. Kalmyk State University. Pushkin Str., 11, Elista, 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation; vadim.maklasov@mail.ru

Kamaleev Elvir V. Candidate of Historical Sciences. Federal State Institution of Science Institute of Ethnological Studies of R.G. Kuzeev. Karl Marx St., 6, Ufa, 450077, Russian Federation; kamaleev-ilvir@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2021 г.
Статья принята к публикации 01.10.2021 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 94 (574.1) "XIX"

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.5.276.284>

НАУЧНЫЙ ВКЛАД Н.Ф.КАТАНОВА В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ «ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ» ПРИ КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

© 2021 г. Ж.С. Бегимбаева, В.В. Мохиборода

В статье представлен анализ деятельности «Общества археологии, истории и этнографии» при Казанском университете. Посредством разнообразных форм, начиная от лекционно-пропагандистской деятельности, а также привлечением местной общественности на свои научные диспуты, члены научных обществ, в том числе и известные профессора, реализовывали проекты и выполняли просветительскую миссию по отношению к кочевым народам Южного Урала, влияли на формирование мировоззрения студентов. «Общество археологии, истории и этнографии» при Казанском университете стало центром, координирующим деятельность, как специалистов, изучающих многонациональное Поволжье и Западный регион Казахского края, так и многочисленной армии корреспондентов – знатоков народного быта.

Ключевые слова: университет, история, этнография, археология, научное общество.

SCIENTIFIC CONTRIBUTION OF N.F.KATANOV IN THE ACTIVITY OF THE "SOCIETY OF ARCHEOLOGY, HISTORY AND ETHNOGRAPHY" AT KAZAN UNIVERSITY IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

Z.S. Begimbayeva, V.V. Mohiboroda

In the article the analysis of activity of "Society of archaeology, histories and ethnographys", is presented at the Kazan university. By means of various forms, beginning from lecture-propagandist activity, and also bringing in of local public on the scientific disputes, the members of scientific societies, including well-known professors, realized projects and executed an elucidative mission in relation to the nomads of South Ural, influenced on forming of world view of students. "Society of archaeology, histories and ethnographys", at the Kazan university became a center, coordinating activity, both specialists studying multinational Volga-Ural region and Western region of the Kazakh edge and numerous army of correspondents - connoisseurs of folk way of life.

Keywords: university, history, ethnography, archaeology, scientific society.

Образованная в начале XVIII века Казанская губерния была самой многонациональной из всех поволжских губерний (Загоскин, 2005, с. 199). Центр многонационального Среднего Поволжья – город Казань – издавна привлекал внимание исследователей. *Казанский университет, являвшийся очагом демократической культуры, центром развития просвещения оказал большое влияние на культурную жизнь Казахстана. Основанный в 1804 году Казанский университет является одним из старейших университетов и по праву занимает видное место в истории культуры и науки, в развитии общественно-политической мысли России.*

Деятельность Казанского университета развивалась в исторически сложившемся регионе с преобладанием нерусского населения. Территория созданного Казанского учебного округа охватывала Поволжье, Северный Кавказ и Закавказье, Урал, Казахстан и всю Сибирь. Казанский университет на нацио-

нальной окраине по замыслу царских властей должен был выступать как политический и идеологический форпост в распространении влияния царизма на новые территории. В действительности Казанский университет стал центром учебно-научной, политической и культурной жизни многонационального Востока. К Казани население Западного Казахстана и Волго-Уральского региона тяготело не только территориально, но и как к научному и культурному центру (рис. 1).

С принятием в 1863 году нового Устава университета появилась возможность обучаться в высших учебных заведениях и тем лицам, которые прошли обучение и в других провинциальных гимназиях. Это давало шанс получить образование в высшей школе и представителям казахского народа. С 70-х годов XIX века до 1917 года в Казанском университете училось 33 казаха, из них 18 – из Тургайской области, 9 – из Внутренней Орды, 2 – из Семиреченской области и по одному чело-



Рис. 1. Казанский университет.

Начало XX века.

Fig. 1. Kazan University. Early 20th century.

веку из Акмолинской и Уральской областей. Среди студентов университета шесть человек по социальной принадлежности (Махзум Каратаев, Жансултан Сейдалин, Нурмухамед Айшуаков, Гали-Ахмед Арунгазиев, Салим Нуралиханов, Жансултан Чуваков) относились к султанам, Ахмедбек Балгожин был сыном бия, Ахмед Беремжанов и Эмиржан Бекмухамедов происходили из семей, отцы которых занимали определенные должности в царской администрации. Остальные студенты были детьми рядовых скотоводов (Султангалиева, 2002, с. 138). Полный курс Казанского университета окончило 22 казаха, среди них Ж.Ч. Сейдалин С. Суюнучгалиев, А.К. Беремжанов – выпускники юридического факультета университета, М. Карабаев – выпускник медицинского факультета, и другие (Султангалиева, 2002, с. 140) (рис. 2).

Студенты университета проявляли активность в различного рода деятельности, оттого появилась необходимость в следующем: во второй половине XIX века в Казани создавались небольшие кружки – литературные, исторические, экономические, а затем начали возникать добровольные общества. Импульсом к созданию «Общества археологии, истории и этнографии» (ОАИЭ) при Казанском университете явился IV Всероссийский археологический съезд. Общество было основано в 1877 году по предложению попечителя Казанского учебного округа П.Д. Шестакова (1826–1891) и состояло из трех отделений – истории, археологии и этнографии (НА РТ. Ф. 977, Оп. Совет, Д. 6279, Л. 3). В 1897 году в Устав Общества были внесены некоторые изменения, расширявшие сферу объектов его изучения, в число которых были включены народы Сибири и Средней Азии (Устав ОАИЭ, 1898, с. 1).

Состав членов общества был полиэтничным, представители казахского, татарско-

го, башкирского, русского и других народов были как действительными, так и членами-сотрудниками общества. Членом-сотрудником ОАИЭ был помощник мирового судьи села Ново-Сенаки Кутаисской губернии, казах, султан Бахытжан Бисалиевич Каратаев (1863–1934) (Отчет ОАИЭ, 1895, с. 25). Султан Бахытжан Бисалиевич Каратаев, выпускник юридического факультета Петербургского университета, видный общественный деятель, в 1907 году был избран депутатом в Государственную Думу II-го Созыва от Уральской области (Бикбулатов, 1982, с. 171) (рис. 3). Действительными членами Общества были татарский просветитель К.Насыров (1825–1902), башкирский этнограф А.А. Диваев (1856–1932), внесший большой вклад в изучение памятников духовной культуры казахского народа.

Выдающуюся роль в деятельности «Общества археологии, истории и этнографии» Казанского университета сыграл востоковед, профессор Николай Федорович Катанов (1862–1922). Более десяти лет (1898–1914) он возглавлял «Общество археологии, истории и этнографии» Казанского университета. В эти годы сотрудники Общества значительно расширили территорию, на которой велась научно-исследовательская работа. В нее входит вся Сибирь, вплоть до Дальнего Востока, а также Средняя Азия. В 1898 году в составе Общества насчитывалось 186 членов: 14 почетных, 4 члена-соревнователя, 106 действительных (58 городских и 48 иногородних) и 62 члена-сотрудника (21 городских и 41 иногородних) (НА РТ. Ф. 977, Оп. Совет, Д. 9815, Л. 226).

Хакас по национальности, Н.Ф. Катанов отчетливо видел неравноправное положение нерусских народов регионов в Российской империи, поэтому горячо сочувствовал всем начинаниям, направленным на развитие их



Рис. 2. Казахские студенты, обучавшиеся в Казани. 1896 г.

На фотографии слева направо в первом ряду: 1 – Асадулла Идигин; 2 – Ахмет Беремжанов; 4 – Матен Бекетаев; 5 – Мухамеджан Сыздыков; 6 – Магзум Каратаев; 8 – Муса Жасмагамбетов. Второй ряд: 2 – Оразгул Базанов; 4 – Мажит Чумбалов; 6 – Исенгали Кульпеисов и другие.

Fig. 2. Kazakh students who studied in Kazan. 1896.

On the photo, left to right, first row: 1 – Asadulla Idigin; 2 – Akhmet Beremzhanov; 4 – Maten Beketayev; 5 – Mukhamedzhan Syzdykov; 6 – Magzum Karataev; 8 – Musa Zhasmagambetov. Second row: 2 – Orazgul Bazanov; 4 – Mazhit Chumbalov; 6 – Isengali Kulpeisov and others.

образования и культуры. Николай Федорович Катанов – известный языковед и этнограф, исследователь тюркских народов, выпускник восточного факультета Санкт-Петербургского университета, с 1893 года – профессор Казанского университета (НА РТ. Ф. 969. Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 1–6) (рис. 4).

В 1890–1892 годах Н.Ф. Катанов совершил научную поездку в Сибирь и Восточный Туркестан, где изучал наречия казахов и узбеков, живших в восточной части Семиреченской области. Н.Ф. Катанов собрал ценные материалы по языку, фольклору и этнографии тюркоязычных народностей Сибири и Казахстана. Итогом этой поездки явился капитальный труд Н.Ф. Катанова «Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского края», опубликованный в Казани в 1903 году (НА РТ. Ф. 969. Оп. 1. Д. 68).

Тюркский мир во всем своем многообразии привлекал взор профессора Н. Катанова. Важным направлением его исследований, к которому он проявлял большой интерес, стала история казахского народа, его культура, язык. Его курс лекций на историко-филологическом факультете Казанского университета был построен на основе личных наблюдений и обобщения этнографических материалов, опубликованных в русской литературе.

В Национальном Архиве Республики Татарстан сохранились материалы публичной лекции профессора Н.Ф. Катанова на тему «Казахи: их прошлое и настоящее», прочитанной в Казанском университете (НА РТ. Ф. 969. Оп. 1. Д. 16, ЛЛ. 1–11).

Профессор начал лекцию с объяснения географического расположения «Казахской кочевой орды»: «Обширные степные пространства, которые тянутся от устья Волги на западе до хребта Тарбагатай на востоке и от Сырдарьи и Амударьи на юге до Иртыша и Оби на севере, занимает многочисленный кочевой народ, известный у нас более всего с XVIII столетия, но упоминаемый еще в начале XVII века...» (НА РТ. Ф. 969. Оп. 1. Д. 16. Л. 1). Н.Ф. Катанов охарактеризовал климатические особенности обширного степного региона, флору и фауну территории, отметил природные богатства края (НА РТ. Ф. 969. Оп. 1. Д. 16. Л. 2). В своей лекции профессор уделит внимание политической истории Казахского ханства со времен присоединения к Российской империи и до середины XIX века, когда была введена «кибиточная подать» (НА РТ. Ф. 969. Оп. 1. Д. 16. Л. 4).

Профессор Н.Ф. Катанов описал антропологический облик казахов, «происшедших из тюркских и монгольских элементов», отметил физические особенности организма, такие



Рис. 3. Бакытжан Бисалиевич Каратаев (1863-1934) – член-сотрудник «Общества археологии, истории и этнографии» при Казанском университете.

Fig. 3. Bakytzhan Bisalievich Karataev (1863-1934) – member of the “Society of Archaeology, History and Ethnography” at Kazan University.

как выносливость, силу, а также характер народа, как «умный, хитрый и любопытный» (НА РТ. Ф. 969. Оп. 1. Д. 16. Л. 4). По мнению казахского историка О.И. Исмагулова, палеоантропологические материалы Казахстана позволяют заключить, что свойственный казахам фенооблик окончательно сформировался не позднее XIV–XV веков на основе сложного взаимодействия двух больших рас – автохтонной европеоидной и привнесенной монголоидной (Исмагулов, 1993, с. 125).

Изучая казахский язык, профессор Н.Ф. Катанов отметил, что «язык казахов составляет одно из наречий тюркского языка, к которым относятся также наречия турок, крымских татар и многих других племен Сибири и Китая, но отличается от них кроме звуков и форм также богатством слов и оборотов речи» (НА РТ. Ф. 969. Оп. 1. Д. 16. Л. 5). Тем самым профессор подчеркнул близость лингвистического характера тюркоязычных народов.

Профессор Н.Ф. Катанов в интересной и яркой форме познакомил студентов с повседневной жизнью казахской семьи, затронул гендерную проблему, рассказав о бесправном положении женщины в казахской степи (НА РТ. Ф. 969. Оп. 1. Д. 16, Л. 6–8). В своей лекции профессор остановился на духовной культуре казахского народа, отметив, что большинство казахов придерживалось доисламских верований, основанных на анимистических представлениях и культе сил природы. Большую роль в жизни народа играл циклический календарь. Казахи считали время цикла-



Рис. 4. Председатель «Общества археологии, истории и этнографии» при Казанском университете, профессор Николай Федорович Катанов (1862-1922).

Fig. 4. Chairman of the “Society of Archaeology, History and Ethnography” of Kazan University, Professor Nikolai Fedorovich Katanov (1862-1922).

ми в 12 лет – мушел, каждый цикл назывался именем животного (НА РТ. Ф. 969. Оп. 1. Д. 16. ЛЛ. 9–11).

Николай Федорович раскрывал все стороны жизни тюркских народностей. Большой интерес представляют рукописи ученого, содержащие богатый этнографический материал о быте и фольклоре казахского народа (НА РТ. Ф. 969. Оп. 1. Д. 14; Д. 27; Д. 39). Следует отметить многочисленные работы профессора Н.Ф. Катанова, освещавшие различные стороны истории, культуры и быта тюркских народов. Особенно интересны его работы «О погребальных обычаях тюркских племен с древнейших времен до наших дней», «О свадебных обычаях татар Восточного Туркестана», «Исторические песни казанских татар», «Народные способы лечения у башкир» (Катанов, 1894). Н.Ф. Катанов перевел по поручению Общества арабские, персидские и тюркские надписи в мечети Ахмеда Яссави, присланные А. Диваевым (НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 9471. Л. 208). При его непосредственном содействии были опубликованы оригинальные труды Н.Н. Пантусова (1849–1909) «Материалы к изучению наречия таранчей Илийского округа» и «Материалы к изучению казак-киргизского языка», а также статьи и материалы А.А. Диваева по этнографии и фольклору казахов (НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 9591. Л. 234).

Председатель ОАИЭ профессор Н.Ф. Катанов был первым ученым, опубликовавшим в печати рецензии на книги, издаваемые по

истории хозяйства казахского народа. Необходимо отметить также работу А. Добросмыслова «Скотоводство в Тургайской области», Оренбург, 1895 (НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 9471. Л. 210). Кроме того, в «Известиях» ОАИЭ А. Добросмыслов опубликовал работу «Каменные бабы, найденные в Тургайской области» (Добросмыслов, 1903).

В «Известиях» ОАИЭ регулярно публиковались рецензии профессора Н.Ф. Катанова на новые книги по этнографии казахского народа, что давало возможность образованной общественности России знакомиться с этими изданиями, например, интересны в этом плане его отзыв на книгу А.А. Диваева «Этнографические материалы», Ташкент, 1895 (НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 9471. Л. 207), отзыв на книгу А.В. Васильева «Исторический очерк русского образования в Тургайской области и современное его состояние», Оренбург, 1896 (Известия, 1896, с. 556–557), рецензия на книгу И. Крафта «Из киргизской старины», Оренбург, 1900 (Известия, 1900, с. 253–254).

В этот период еще более усилилось внимание Общества к изучению истории, этнографии, фольклора, языка и литературы казахского народа. Н.Ф. Катанов сумел привлечь к работе Общества известных ученых, изучавших духовную культуру казахов: А. Диваева, Н.Н. Пантусова, А.Е. Алекторова, М.Н. Бекимова, Г. Балгимбаева и других (Бержанов, 1965, с. 110). Учитель русско-казахской школы М.Н. Бекимов опубликовал в 1905 году статьи «Материалы к изучению киргизского народного эпоса» и «Свадебные обряды киргизов Уральской области» (Известия, 1905).

Особенно большой заслугой Общества и его председателя Н.Ф. Катанова следует считать издание капитальной работы А.Е. Алекторова «Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах» (1900) (НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 10507. Л. 231). В 1908 году Н.Ф. Катанов опубликовал «Краткую программу для описания казахского аула», составленную М. Филипповым, чтобы обеспечить поступление рукописей научных работ по этнографии казахов (Масанов, 1966, с. 275). Можно сказать, что это был период расцвета деятельности ОАИЭ Казанского университета.

Стоит отметить, что Н.Ф. Катанов также занимался просветительской деятельностью: много внимания он уделял учителям русско-казахских школ, переписывался с ними, способствовал пробуждению у них научного интереса к сбору материалов по истории

культуры казахского народа. Внимательно подбирая членов редакционных комиссий, казанское «Общество археологии, истории и этнографии» вело значительную работу с авторами, не имеющими опыта научных исследований, особенно из нерусских народов, помогая им в научной работе. В этом отношении особенно большую работу проводил Председатель ОАИЭ профессор Н.Ф. Катанов, редакционная деятельность которого в течение многих лет помогала опубликованию ряда ценных источников и вывела на научную дорогу немало казахских краеведов. Это важное культурно-просветительское направление он осуществлял через руководимое им ОАИЭ, имевшее свой печатный орган «Известия», где печатались материалы по истории, языку, быту, науке, культуре, искусству народов Восточной России, в том числе и казахов. При содействии и редактировании профессора Н.Ф. Катанова были опубликованы в «Известиях» ОАИЭ работы казахских краеведов: учителей Бека Мухамедова, Жумагали Байтиева, Садыра Калиева, Г.Р. Джурсунова, Д. Журумбаева, студентов Мухаметжана Сыздыкова, Султана Идигина.

При содействии профессора Н.Ф. Катанова был обработан и подготовлен к печати этнографический материал об играх казахских детей во Внутренней Орде, собранный учителем начальной школы Беком Мухамедовым (Известия, 1895, с. 307–309). Выпускник Казанской учительской семинарии, учитель Внутренней Орды Жумагали Байтиев на основе собранных материалов о народном эпосе записал один из вариантов «Сказки об Едигее» (Известия, 1911, с. 304–306). Учитель Внутренней Орды Садыр Калиев написал в стихотворной форме «Краткую историю России», в рецензии на которую Н.Ф. Катанов писал, что автор «человек образованный и... сведующий в русской истории» и что в отличие от других тюркоязычных народов казахи отличаются особенностью стихотворного слога (Известия, 1911, с. 307–309). Возможно, первым опытом работы по лингвистике русского языка была работа учителя Г.Р. Джурсунова «Русские глагольные приставки и русские предлоги» на казахском языке (Султангалиева Г.С., 2002, с. 135).

Председатель ОАИЭ профессор Н.Ф. Катанов использовал методы совместного обсуждения научных работ на заседаниях ОАИЭ авторов докладов и ученых Казанского университета. Так, например, 27 января 1913 года на заседании Общества с докладом «Верования киргиз в злых духов» выступил

учитель Д. Журумбаев (Известия, 1913, с. 6–8). Чтение доклада сопровождалось замечаниями со стороны сотрудников Общества, а именно Н.Ф. Катанова, М.М. Хомякова. Профессор Н.Ф. Катанов посоветовал Д. Журумбаеву для полноты материала обратиться к верованиям в злых духов у других близких казахам народам и познакомиться с литературой по этому вопросу. Таким образом, на заседаниях ОАИЭ осуществлялось обсуждение доклада и обмен информацией с целью повышения уровня научной работы, тем самым сотрудники Общества реализовывали социально-организационную и коммуникативную функцию научного общества.

Новаторским шагом Н. Катанова стало привлечение к этнографическим исследованиям казахских студентов, обучавшихся в Казани. Студент Казанского ветеринарного института Мухаметжан Сыздыков выступил с научным сообщением о фотографическом снимке с киргизской рукописи первой половины XIX века, принадлежавшей В.И. Далю и сфотографированной действительным членом Общества В.А. Мошковым на заседании Общего собрания Общества 28 ноября 1895 года (НА РТ Ф. 977. Оп. Совет. Д. 9471. Л. 206). Сравнительный анализ рукописи «Башкирские песни», написанной на казахском языке, сделанный М. Сыздыковым, был отмечен членами Общества, и на страницах «Известий» ОАИЭ появилась статья М. Сыздыкова «Несколько слов об одной рукописи» (Сыздыков М., 1895, с. 460). Сыздыков М. отметил в своем исследовании, что историческая общность происхождения, вековые контакты казахов и башкир способствовали приписыванию казахских поэм и песен башкирскому народу.

На страницах «Известий» ОАИЭ была опубликована также работа студента юридического факультета Казанского университета Султана Идигина «Песня Тургайского киргиза, умеющего говорить по-русски», посвященная исследованию казахского фольклора (Идигин, 1895, с. 564–565). На страницах «Известий»

ОАИЭ была опубликована «Киргизская ода», написанная казахом Внутренней Орды, сыном Джумабая Габдолой, переведенная на русский язык инспектором школ Внутренней Орды А. Горячкиным (Известия, 1915, с. 76–83).

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что «Общество археологии, истории и этнографии» при Казанском университете было единственным научным центром в Российской империи, поставившим своей целью изучение истории народов Поволжья и Приуралья, Сибири и Средней Азии. Прогрессивным фактом в деятельности общества являлась полиэтничность состава общества, уважение и открытый интерес к истории народов региона, несмотря на то, что Министерство народного просвещения Российской империи одобрило создание «Общества археологии, истории и этнографии», преследуя колониальные интересы изучения народов. Материалы публичной лекции профессора Н.Ф. Катанова на тему «Казахи: их прошлое и настоящее», прочитанной в Казанском университете, имеют важное значение как исторический источник по истории дореволюционного Казахстана, его географии, быта, культуры, этнографии.

Печатный орган Общества – «Известия Общества археологии, истории и этнографии» – стал не только периодическим, но и весьма авторитетным изданием, публиковавшим материалы, ценность которых невозможно переоценить вплоть до настоящего времени. «Общество археологии, истории и этнографии» при Казанском университете координировало, поощряло и обеспечивало собирательскую деятельность. В период его существования были собраны огромные этнографические коллекции по культуре и быту поволжских и сибирских народов, этнографические материалы по культуре казахского народа. Этнографический музей Казанского университета приобрел тот законченный вид, по полноте и содержанию коллекций которого можно поставить его на одно из первых мест среди университетских музеев.

ЛИТЕРАТУРА

- Бержанов К. Русско-казахское содружество в развитии просвещения. Алма-Ата: Казахстан, 1965. 343 с.
- Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф. Становление и развитие этнографической науки // В научном поиске: к 50-летию Ин-та истории, языка и литературы / Отв. ред. Х.Ф. Усманов. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1982. С.
- Добросмыслов А. Каменные бабы, найденные в Тургайской области // ИОАИЭ. Т. XX. Вып.4-5. Казань, 1903. С.
- Идигин С. Песня Тургайского киргиза, умеющего говорить по-русски // ИОАИЭ. Т. XIII. Вып. 6, Казань, 1895. С.

ИОАИЭ. Т. XIII. Вып. 4. Казань, 1895.

ИОАИЭ. Т. XXVII. Вып. 4, Казань, 1911.

ИОАИЭ. Т. XXIX. Вып. 1-3. Казань, 1913.

ИОАИЭ. Т. XXIX. Вып. 1-3, Казань, 1915.

ИОАИЭ. Т. XIII. Вып. 6. Казань, 1896.

ИОАИЭ. Т. XVI. Вып. 2. Казань, 1900.

ИОАИЭ. Т. XX. Вып. 4-5. Казань, 1905.

ИОАИЭ. Том XXI, Вып. 5. Казань, 1905. С. 389-392

Исмагулов О.И. Антропологические аспекты происхождения казахского народа. История Казахстана с древнейших времен до наших дней (очерк). Алматы: Дәуір, 1993. 416 с.

Катанов Н.Ф. О свадебных обрядах татар Восточного Туркестана // ИОАИЭ. Т. XII. Вып. 5. Казань, 1894, С. 409-434.

Катанов Н.Ф. О погребальных обычаях тюркских племен с древнейших времен до наших дней // ИОАИЭ. Т. XII. Вып. 1, Казань, 1894. С.

Катанов Н.Ф. Исторические песни казанских татар с текстом и переводом // ИОАИЭ. Т. XV. Вып. 3, Казань, 1899. С. 273-306.

Катанов Н.Ф. Народные способы лечения у башкир // ИОАИЭ. Т. XVI. Вып. 1, Казань, 1900.

Масанов Э.А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата: Наука, 1966. 322 с.

НА РТ Ф.977, Оп.Совет, Д.9815

НА РТ Ф.969, Оп.1, Д.1

НА РТ Ф.969, Оп.1, Д.68

НА РТ Ф.969, Оп.1, Д.16

НА РТ Ф.969, Оп.1, Д.14

НА РТ Ф.969, Оп.1, Д.27

НА РТ Ф.969, Оп.1. Д.39

НА РТ Ф.977, Оп. Совет, Д.9471

НА РТ Ф.977, Оп. Совет, Д.9591

НА РТ Ф.977, Оп. Совет, Д.9471

НА РТ Ф.977, Оп. Совет, Д.10507

НА РТ Ф.977, Оп. Совет, Д.6279

Отчет ОАИЭ при Императорском Казанском университете за 1894 год. Казань: Типо-литография университета, 1895.

Сыздыков М. Несколько слов об одной рукописи // ИОАИЭ. Т. XIII. Вып. 4. Казань, 1895. С.

Спутник по Казани. Под ред. профессора Н.П.Загоскина. Казань: ООО ДОМО «Глобус», 2005. 847 с.

Султангалиева Г.С. Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII-нач.XX вв.). Уфа: РИО РУНМЦ Госкомнауки РБ, 2002. 257 с.

Устав ОАИЭ при Императорском Казанском университете. Казань, 1898. 11 с.

Информация об авторах:

Бегимбаева Жибек Сагинбаевна, кандидат исторических наук, доцент. Актюбинский региональный университет им.К.Жубанова (г.Актобе, Республика Казахстан); shibek_07@mail.ru

Мохиборода Виктория Вячеславовна, студентка 3-го курса исторического факультета. Актюбинский региональный университет им.К.Жубанова (г.Актобе, Республика Казахстан); anastasiya.mohiboroda@mail.ru

REFERENCES

Berzhanov, K. 1965. Russko-kazakhsskoe sodruzhestvo v razvitii prosveshcheniia (Русско-казахское содружество в развитии просвещения). Alma-Ata: "Kazakhstan" Publ. (in Russian).

Bikbulatov, N. B., Fatykhova, F. F. 1982. In Usmanov, Kh. F. (ed.). *V nauchnom poiske: k 50-letiiu Intituta istorii, iazyka i literatury* (In Scientific Search: To the 50th Anniversary of the Institute of History, Language and Literature). Ufa: "Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian)., (in Russian).

Sobrosmyslov, A. 1903. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete* (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University) XX (4–5) Kazan, (in Russian).

Idigin, S. 1895. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete* (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University) XIII (5) Kazan, (in Russian).

1895. *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete* (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University) XIII (4) Kazan (in Russian).

1911. *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete* (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University) XIII (4) Kazan (in Russian).

1913. *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete* (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University) XIII (1–3) Kazan (in Russian).

1915. *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete* (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University) XXIX (1–3) Kazan (in Russian).

1896. *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete* (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University) XIII (6) Kazan (in Russian).

1900. *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete* (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University) XVI (2) Kazan (in Russian).

1905. *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete* (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University) XX (4–5) Kazan (in Russian).

1905. *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete* (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University) XXI (5) Kazan, 389–392 (in Russian).

Ismagulov, O. I. 1993. *Antropologicheskie aspekty proiskhozhdeniia kazakhskogo naroda. Istoriia Kazakhstana s drevneishikh vremen do nashikh dnei (ocherk)* (Антропологические аспекты происхождения казахского народа. История Казахстана с древнейших времен до наших дней (очерк)). Almaty: “Dayir” Publ. (in Russian).

Ismagulov, O. I. 1993. *Antropologicheskie aspekty proiskhozhdeniia kazakhskogo naroda. Istoriia Kazakhstana s drevneishikh vremen do nashikh dnei (ocherk)* (Anthropological Aspects of the Origin of the Kazakh People. History of Kazakhstan from Ancient Times to the Present Day (Sketch)). Almaty: “Dayir” Publ. (in Russian).

Katanov, N. F. 1894. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete* (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University) XII (5) Kazan, 409–434 (in Russian).

Katanov, N. F. 1894. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete* (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University) XII (1) Kazan, (in Russian).

Katanov, N. F. 1899. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete* (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University) XV (3) Kazan, 273–306 (in Russian).

Katanov, N. F. 1900. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete* (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University) XVI (1) Kazan, (in Russian).

Masanov, E. A. 1966. *Ocherk istorii etnograficheskogo izuchenii kazakhskogo naroda v SSSR* (Essay on the history of ethnographic study of the Kazakh people in the USSR). Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).

NA RT F.977, Op.Covet, D.9815

NA RT F.969, Op.1, D.1

NA RT F.969, Op.1, D.68

NA RT F.969, Op.1, D.16

NA RT F.969, Op.1, D.14

NA RT F.969, Op.1, D.27

NA RT F.969, Op.1, D.39

1898. *Ustav Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete* (Code of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University). Kazan (in Russian).

NA RT F.977, Op. Covet, D.9591

NA RT F.977, Op. Covet, D.9471

NA RT F.977, Op. Covet, D.10507

NA RT F.977, Op. Covet, D.6279

1895. *Otchet Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete* (Report of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University). Kazan: Typo-Lithography of the Kazan Imperial University (in Russian).

Syzdykov, M. 1895. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete* (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University) XIII. Kazan, (in Russian).

Zagoskin, N. P. 2005. *Sputnik po Kazani. Illiustrirovannyi ukazatel' dostoprimechatel'nostei i spravochnaia kniga goroda* (Your Guide to Kazan. An Illustrated Reference-book for the Sightseeings and City Directory). Kazan: "Globus" Publ. (in Russian).

Sultangalieva, G. C. 2002. *Zapadnii Kazakhstan v sisteme etnokyltyrnykh kontaktov (XVIII-nach.XX vv.)* (Western Kazakhstan in the System of Ethnocultural Contacts (18th – Early 20th Centuries)). Ufa (in Russian).
NA RT F.977, Op. Covet, D.9471

About the Authors:

Beginbayeva Zhibek S. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Aktobe Regional University named after K.Zhubanov. A. Moldagulova, Ave. 34, Aktobe, 030000, Republic of Kazakhstan; shibek_07@mail.ru

Mokhiboroda Victoria V. Aktobe Regional University named after K.Zhubanov. A. Moldagulova, Ave. 34, Aktobe, 030000, Republic of Kazakhstan; anastasiya.mohiboroda@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2021 г.

Статья принята к публикации 01.10.2021 г.

Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902.01

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.5.285.296>

ПТИЦА С ЛИЧИНОЙ НА ГРУДИ: ИКОНОГРАФИЯ И ФУНКЦИЯ

© 2021 г. А.Д. Муратбакиева

Урало-сибирское культовое металлическое литье насчитывает множество образов, одним из которых является образ так называемой «птицы с личиной на груди». Подобный образ встречается в металлопластике пермского (IV–XI вв. н.э.), печорского (VI–IX вв. н.э.) и западносибирского (V–IX вв. н.э.) звериных стилей. В историографии большая часть исследований посвящена семантике образа. Вопросу иконографии уделено мало внимания, хотя некоторые иконографические признаки могут стать территориальными и хронологическими маркерами. Иконографию данного образа затрагивали в своих работах Ф.А. Теплоухов, А.В. Шмидт, Я.А. Яковлев, Л.А. Панкратова, Т.Ю. Туркина. В данной работе рассматриваются такие признаки, как количество голов орнитоморфной фигуры, видовая принадлежность головы и поза. На основании данных признаков выделено несколько групп, имеющих временную и территориальную привязку. Кроме того, выделены такие формы личин на груди, как личина без контура, личина сердцевидной формы, личина овальной формы. Согласно мифологии угорских народов, душа человека после смерти ищет себе пристанище, которыми и являлись металлические птицы. Ещё одним примером являются находки птиц иткульской культуры, расположенные на вершинах гор. По мнению В.Д. Викторовой, данные фигурки использовались как вместилища душ умерших металлургов. На основании мифологии, местонахождений и этнографических параллелей были выделены возможные функции подобных изображений: votive предметы, украшения, вместилища душ умерших.

Ключевые слова: археология, урало-сибирское культовое литье, птица с личиной на груди, Верхнее Прикамье, средневековье, иконография, votive предметы.

BIRD WITH A HUMAN MASK ON THE CHEST: ICONOGRAPHY AND FUNCTION

A.D. Muratbakieva

The Ural-Siberian cult metal casting includes many images, one of which it is an image of the so-called “bird with a human mask on the chest”. A similar image is found in metal-plastics of Perm (4th–11th centuries AD), Pechora (4th–9th centuries AD) and West Siberian (5th–9th centuries AD) animal styles. In historiography, most of the studies concern the semantics of this image. The question of historiography is less concentrated, although certain iconographic signs can become chronological and territorial markers. The iconography of this image was studied by F.A. Teploukhov, A.V. Schmidt, Ya.A. Yakovlev, L.A. Pankratova and T.Yu. Turkina. This paper addresses such features as the number of heads on an ornithomorphic figure, the attribution of the head, and the pose. Based on these features, several groups have been identified that have a temporal and territorial reference. In addition, such forms of masks on the chest as a mask without a contour, a heart-shaped mask, and an oval-shaped mask are distinguished. According to the mythology of the Ugric peoples, after death the soul of a person seeks a refuge, which was provided by metal birds. Another example is the finds of birds of the Itkul culture in locations on the tops of the mountains. According to V.D. Viktorova, these figures were used as containers for the souls of dead metallurgists. The possible functions were identified based on mythology, locations and ethnographic parallels: votive objects, adornments, receptacles for the souls of the dead.

Keywords: archaeology, Ural-Siberian cult casting, bird with a human mask on the chest, the Upper Kama region, Middle Ages, iconography, votive objects.

Урало-сибирское культовое литье — это плоское металлическое литье в односторонней форме, основными сюжетами которого являются единичные или многофигурные композиции с людьми, животными или птицами. Композиции чаще всего стилизованы и изображают фантастических существ (Чижова, 1982, с. 88–89). Примером этому служит

образ птицы с личиной на груди, который встречается в предметах пермского, печорского и западносибирского стилей. Пермский звериный стиль функционировал в IV–XI вв., печорский — VI–IX вв., западносибирский — V–IX вв.; печорский и пермский стили исчезли в X и XII вв. соответственно, а западносибирский, совершенствуясь, просуществовал

практически до XVII–XVIII вв. в виде медальонов и оберегов хантов и манси (Белавин, 2001, с. 20). Изображения птицы с личиной на груди широко распространены на территории Северной Евразии, однако при этом встречаются реже, чем, например, изображения медведей или человекокопеев. Находки изделий в святилищах и в погребениях с богатым инвентарём позволяют предположить статусный их характер.

Территориальные рамки исследования охватывают Верхнее Прикамье (Пермское Предуралье), Северное Приуралье (Европейский Северо-восток), Нижнее, Сургутское, Нарымское, Верхнее Приобье, Северное Прииртышье. Хронологические рамки охватывают период с VII в. до н. э. по XII в. н. э. Верхняя граница – VII в. до н. э. – дата, приписываемая орнитоморфной фигуре с человеческой головой, найденной на Пижемском городище. Опираясь на находку данного изделия, В.А. Оборин датировал появление образа птицы с личиной на груди ананьинской культурой (Оборин, 1976). XII в. н. э. датируются самые поздние изделия, относящиеся к родановской культуре Верхнего Прикамья (XI–XV вв. н. э.) и чепецкой культуре Северной Удмуртии (кон. IX – XIII вв. н. э.). Всего было рассмотрено 144 орнитоантропоморфных изображения, из которых 35 экз. происходят из кладов, 19 экз. – из могильников, 13 экз. – из святилищ, 8 экз. – из материалов городищ, 7 экз. – из костиц, 1 экз. – из жертвенного места, 2 экз. – из этнографических сборов. Случайные находки составляют 59 экз.

Собирание и описание находок культового литья началось в середине XIX века, тогда же были предприняты первые попытки интерпретации орнитоантропоморфного образа. В 1893 г. выходит фундаментальная работа Ф.А. Теплоухова «Древности Пермской чуди в виде баснословных людей и животных». Он делил имеющиеся изображения на три вида: баснословные животные, которые сочетают в себе признаки нескольких зверей; идола в виде птицы; идола в виде человека. Фигуры подразделялись на рельефные и пластинчатые, обработанные с лицевой стороны (Теплоухов, 1893, с. 4–5).

В 20-е годы XX века изучением пермского звериного стиля начал заниматься А.В. Шмидт, который выпустил статью «К вопросу о происхождении Пермского звериного стиля». По его мнению, существует три типа изображений: птица с человеческой головой, птица с головой орла, обращенной вправо,

птица с головой ушастого филина (Шмидт, 1927, с. 152).

Прежде чем обратиться к иконографии, стоит остановиться на некоторых методологических моментах. Иконография – это регламентированная система изображения сюжетов и персонажей (Щапова, 1991, с. 125). Однако попытка классифицировать культовые вещи с первого же шага встречает трудности: невозможно точно определить функциональную принадлежность вещей. Судя по всему, орнитоморфные подвески были у носителей взаимозаменяемы и использовались равно как украшения, так и как культовые вещи. В.Ф. Генинг выделял следующие свойства артефактов: морфофункциональные свойства (минимум значимых элементов, без которых невозможно существование предмета), субстанциональные (материал), технологические (технология изготовления), функциональные (следы воздействия другого объекта), дизайнские (внешнее оформление объекта), свойство взаимосвязей (сосуществование с другими элементами социальной системы) (Генинг, 1989, с. 71–72).

К морфофункциональным свойствам можно отнести такой элемент, как крылья, благодаря которым образ вообще может носить название орнитоморфного. Крылья являются неотъемлемым элементом образа птицы, при этом неважно, сложены они или распахнуты. Наличие двух (иногда четырех) «отростков», отходящих от тела, позволяет воспринимать изображение как стилизованный образ птицы. Основными формами крыльев являются распахнутые и сложенные, хотя в литературе встречаются такие определения, как «полураспахнутые» и «полураспущенные». Распахнутыми считаются крылья, расположенные перпендикулярно телу птицы. Концы крыльев при этом направлены вверх. У сложенных крыльев, напротив, концы смотрят вниз. Под «полураспахнутыми» обычно подразумеваются крылья, где стык плеча и предплечья выделен покатым бугорком. Следующим элементом является голова фигурки, т. к. по ней можно определить, какой именно образ представлен: птица, птица-медведь, птица-человек. Хищные представлены отрядами дневных (орлан-белохвост, белоголовый орлан, сокол-сапсан, ястреб) и ночных птиц (филин, ушастая сова).

Первую классификацию образа предложил А.В. Шмидт, выделивший 3 типа: птица с человеческой головой, орел с головой в профиль и орел с головой en face. Первый тип связывал-

ся с образом древнегреческой сирены, второй и третий – со скифскими орлами (Шмидт, 1927). Я.А. Яковлев считал, что разное положение крыльев – это лишь фиксация момента их динамики, что не помешало ему выстроить классификацию, основанную на данном признаке (Яковлев, 1996, с. 182). Л.А. Панкратова утверждала, что классификация по признакам «опущенные крылья» или «птица в полете» производиться не должна, так как в этом случае речь идет сразу об интерпретации образа (Панкратова, 2013, с. 259). Т.Ю. Туркина также создала классификацию материалов ЕСВ, в основу которой была положена композиция центрального образа – изображение в профиль и анфас (Туркина, 2014, с. 95).

Наиболее подходящая классификация, на наш взгляд, была предложена Л.А. Панкратовой: зооморфные/зооантропоморфные образы с развернутыми крыльями были разделены на 4 группы: птица, птица-антропид, птица-медведь, птица-антропид-медведь. По количеству голов были выделены подгруппы, по позе головы – варианты, по иконографии голов – подварианты. Было отмечено также наличие/отсутствие нижних конечностей и дополнительного образа на груди птицы (Панкратова, 2013, с. 260). Для полноты классификации позволим себе добавить дополнительную подгруппу в группу № 1 (птицы) и поместить туда двухголовые изображения; так подгруппа, в которую включены изображения с тремя головами, становится третьей по счету. Группа № 4 (птица-антропид-медведь) не актуальна, так как единственный упомянутый там предмет интерпретируется нами иначе, нежели автором. На это место стоит поставить группу, в которую войдут изображения лося-птицы (группа № 4). Для удобства стоит назвать группы не цифрами, а литерами (1-А, 2-В, 3-С, 4-Д).

Группа А: птица.

Подгруппа I – одноголовые. Представляют самую многочисленную категорию находок (111 экз.). Некоторые головы имеют ушки, которые обычно трактуются как признак ушастой совы.

Вариант 1 включает в себя 3 профильных изображения птицы, два из которых гравировкой на круглых медных бляхах из Истяцкого клада (кон. III – первая четверть II вв. до н. э.) (рис. 1).

Отметим, что данные изображения характерны для периода РЖВ; вероятно, головы анфас в высоком рельефе изображать еще не умели. В материалах ананьинской культуры

все хищные птицы изображались в профиль с сильно выступающим загнутым клювом. На святилище Усть-Полуй имеется рельефное изображение хищной птицы с профильной головой и кружком на груди, который В.Н. Чернецов принял за изображение личины (Чернецов, 1953, с. 139).

Вариант 2 включает в себя 93 фасовых изображения птицы.

Вариант 3 включает 15 изображений орнитоморфов, у которых либо имеется выступ вместо головы, либо голова вовсе отсутствует. В связи с чем можно разделить его на подварианты.

Подвариант а. Выступ вместо головы (13 экз.). Данная форма головы орнитоморфа была выделена Д.Н. Анучиным (Анучин, 1899, с. 91). В данную категорию входят изделия из Роголихинского клада (IV в. до н. э. – II в. н. э.); Парабельского культового места (VI в. до н. э. – V в. н. э.); Соровского культового места (IV – I вв. до н. э.); городища Барсов городок III/6 (III – II вв. до н. э.) (рис. 2).

Интересно посмотреть на распространение данного типа. Изделия с выступом вместо головы характерны для периода кон. I тыс. до н. э. и встречаются за Уралом, на территории Сургутского, Нижнего Приобья, а также Северного Прииртышья. Все они уже относятся к т. н. «геральдической позе», которая к рубежу эр становится доминирующей в иконографии птицевидных идолов (Чемякин, Кузьминых, 2011, с. 72).

Подвариант б. Голова отсутствует. Входят изделия из могильника Рёлка (кон. IV – нач. VIII вв. н. э.), Веселовского могильника (IX–XI вв. н. э.).

Подгруппа II – двухголовые. Бытует мнение, что двухголовые орнитоморфы повторяют мотив трехголовых, но функцию центральной головы исполняет личина на груди.

Вариант 1 – Орнитоморфное изображение с двумя профильными головами из Гляденовского костяка (II в. до н. э. – III в. н. э.).

Вариант 2 – изображения двухголовых птиц с головой анфас. Фигурки представлены случайными находками с территории Верхнего Прикамья (XI–XII вв. н. э.) (рис. 3).

Подгруппа III – трехголовые фигуры.

Вариант 1. Три головы в профиль. Отсутствует.

Вариант 2. Три головы анфас.

Подвариант а. Одинаковые птичьи головы. Встречены случайные находки с территории Верхнего Прикамья (VIII–IX вв. н. э.), в том числе из села Верхнее Мошево Соликамско-

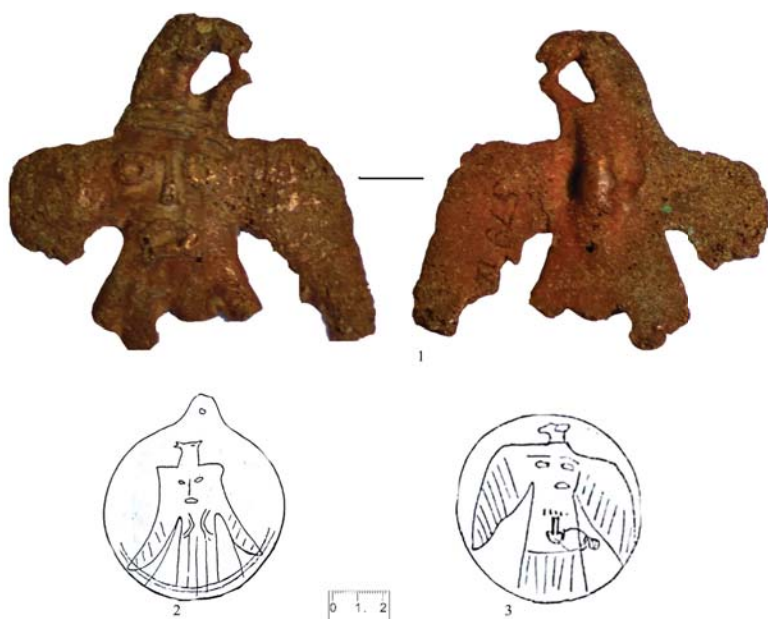


Рис.1. Орнитоморфы группы А.І.1.

1 – Екатерининский клад (ГЭ № 579/12);

2 – Истяцкий клад

(по: Спицын, 1906, с. 59).

Fig. 1. Ornithomorphs of group A.I.1.

1 – Catherine's hoard (State Hermitage, No.

579/12); 2 – Istyatsky hoard

(after: Spitsyn, 1906, p. 59).

го района (Белавин, 2012, с. 136). Находки из Парабельского культового места (VI в. до н. э. – V в. н. э.); среди находок с культового места присутствуют трехголовые орнитоморфы, но без личин на груди; Истяцкого клада (II–I вв. до н. э.), Ишимского клада (IV–III вв. до н. э.), Холмогорского клада (кон. IV – V вв. н. э.). В последнем случае имеется сочетание трех птиц, а не одной трехголовой птицы (рис. 4).

Подвариант б. Разновидовые головы анфас встречаются в единственном экземпляре в Истяцком клада – изображение птичьей головы с человеческими головами на крыльях.

Вариант 3. Центральная голова анфас, фланкирующие профильные. Изделия встречены на Гляденовском костыше (II в. до н. э. – III в. н. э.), Сорновском культовом месте (IV–I вв. до н. э.), в Скородумском клада (V–IV вв. до н. э.) (рис. 5).

Трехголовые фигуры широко встречаются на территории Прикамья и Западной Сибири. Образ с фланкирующими профильными головами окончательно складывается к концу эпохи РЖВ (Чемакин, Кузьминых, 2011, с. 71). Если обратиться к карте, то видно, что наибольшее распространение образ трехголовой птицы получает в Приобье как раз в эпоху РЖВ. В материалах святилища Усть-Полуй и Парабельского культового места встречены трехголовые фигурки без дополнительных антропоморфных признаков. При этом и в эпоху РЖВ, и в эпоху Средневековья на территории Приуралья трехголовые птицы обязательно дополняются антропоморфной личиной. Первые фасовые изображения трехголовых птиц появляются в Приуралье лишь в VI в. н. э. и имеют установившуюся иконографию: распахнутые крылья, украшенные

головами лосей, хвост, состоящий из нескольких частей, также богато орнаментированный кантом. Характерно, что в Приобье к этому моменту трехголовые изображения вообще не встречаются. Так, канон орнитоморфных трехголовых фигур возникает в кулайской культуре, о чем свидетельствуют находки на Усть-Полуйском святилище, Парабельском культовом месте и на городище Няксимволь. Скорее всего, дополнительные головы несли смысловую нагрузку; умножение деталей тела добавляло амулету защитные и магические функции. Вполне возможно говорить о заимствовании данного сюжета населением Пермского Предуралья, причем заимствования уже с личиной на груди. О заимствовании образа свидетельствует также близкая стилистика фигурки трехголовой птицы с Гляденовского костыша и из Ишимского клада. На территории Прикамья в Ломоватовское время распространены образы, стилистически более близкие ранним западносибирским образцам, нежели изображению с Гляденовского костыша. Скорее всего, данный образ не прижился в местной среде, но периодически по инерции дублировался, о чем свидетельствует фигурка из села Верхнее Мошево.

Группа В: птица-антропоид.

Подгруппа I. Одна голова.

Вариант 1. Одна голова анфас. Изделия происходят с Пижемского городища (VII–III вв. до н. э.), Истяцкого клада, из с. Пиковка (I в. до н. э.) Единственным аналогичным изделием является полая пронизка с телом птицы и массивной антропоморфной личиной из Большевисимского могильника (VII–VIII вв. н. э.) (рис. 6).

Подгруппа II. Три головы.



Рис. 2. Орнитоморфы группы А.І.3.а.

1-8 – Роголихинский клад (по: Сладкова, 2015, с.150); 9-10 – Парабельское культовое место (Эл. ресурс: [https://tomskmuseum.ru/catalog/7/21/]); 11 – Соровское культовое место (по: Кардаш, 2008, с.217); 12 – городище Барсов Городок III/6; 13 – могильник Неушья 1.2.

Fig. 2. Ornithomorphs of group A.I.3.a.

1-8 – Rogalikhinsky hoard (after: Sladkova, 2015, p. 150); 9-10 – Parabelskoe cult site (electronic resource: [https://tomskmuseum.ru/catalog/7/21/]); 11 – Sorovsky cult site (after: Kardash, 2008, p. 217); 12 – Barsov Gorodok III/6 hillfort; 13 – Neushya burial ground 1.2.

Вариант 3. Центральная голова анфас, фланкирующие профильные.

Подвариант а. Центральная голова человека, фланкирующие птички. Холмогорский клад (кон. IV – V вв. н. э.).

Группа С: птица-медведь.

Подгруппа I. Одна голова. Уньинский клад (III–IV вв. н. э.), Васюганский клад (VI–VIII вв. н. э.).

Подгруппа II. Три головы.

Вариант 3. Центральная анфас. Фланкирующие профильные.

Подвариант а. Центральная медвежья голова, фланкирующие – птички. Барсовский III могильник (I – нач. III вв. н. э.), городище Барсов городок I/20 (VI–IV вв. до н. э.).

Образ птицы-медведя встречается в западносибирском культовом литье, в пермском же зверином стиле образ медведя либо представлен полыми фигурками, либо вариациями образа медведя в «жертвенной позе». Птица с медвежьей головой из Уньинского клада – один из признаков влияния кулайского металлического литья на Печорский звериный стиль.

Группа D. Птица-лось.

Вариант 1. Профильная голова. Уньинский клад (III–IV вв. н. э.). Фигуры крылатых лосей с личинами на груди и мордами животных у основания крыльев.

Основным признаком, отличающим данные фигуры от других изображений птиц,



Рис. 3. Орнитоморфы группы А.II.2.

1 – д. Данилово Гайнского р-на Пермский край; 2 – Верхнее Прикамье (по: Кулябина, 2013, рис.136-137); 3 – коллекция Н.Г. Первухина (по: Анучин, 1927, с.162); 4 – Гляденовское костеище (по: Новокрещенных, 1914).

Fig. 3. Ornithomorphs of group A.II.2.

1 – Danilovo village, Gaynsky District, Perm Krai; 2 – Upper Kama region (after: Kulyabina, 2013, fig. 136-137); 3 – collection of N.G. Pervukhin (after: Anuchin, 1927, p. 162); 4 – Glyadenovskoe bone bed (after: Novokreschennykh, 1914).

является антропоморфность, которая может быть выражена человеческой личиной или фигурой на груди птицы. Выделяются следующие варианты: личина без контура, личина сердцевидной формы, личины с овальным контуром. Имеющиеся изображения повсеместно распространены в Северной Евразии и датируются I тыс. до н. э. – V в. н. э. Личины представляют собой глаза и рот в виде овалов.

Личина сердцевидной формы представляет собой абрис лица с углублением между бровями и сужающимся к низу подбородком. Впервые подобное изображение встречено среди рисунков Писаного Камня на р. Вишере. Наибольшая концентрация орнитоморфов с сердцевидной личиной приходится на территорию Верхнего Прикамья в период развитого Средневековья.

Антропоморфные фигуры на груди птицы появляются во II пол. I тыс. н. э. и распространяются в основном на территории Пермского Предуралья и ближайшей Северной Удмуртии. На смену вычурности и ажурности ломоватовских фигурок приходит сухой и сдержанный стиль родановской культуры. Незамысловатые зоо-/антропоморфные фигурки были просты в исполнении, что объясняет рост их популярности.

Вопрос функционального назначения культовых орнитоантропоморфных изображений наиболее актуален. За время пристального изучения предметов урало-сибирского литья данным изделиям приписывалось огромное количество функций. Однако главный вопрос: культовые ли это вещи или украшения, так и остается без ответа. Может показаться, что культовое и светское содержание определяется наличием креплений на изделиях, которые можно разделить на 3 группы: крепления на внутренней стороне изделия, крепления возле головы, крепления на крыльях. Изделия могли быть одинаково использованы и как нашивки, и как нагрудные украшения. В пользу обоих предположений говорят материалы могильников: в Веселовском (IX–XI вв. н. э.) и Кузьминском могильниках (XI–XII вв. н. э.), а также в могильнике Чердашный Лог III (VI–VIII вв.) орнитоморфы найдены в районе груди погребенных. В Веселовском могильнике даже сохранился фрагмент кожаного шнура, на который было подвешено изделие. В могильнике Окунево-III (кон. VI – VII вв.) орнитоморфы найдены в погребениях с кремациями, в которых бронзовые вещи разбросаны по всей площади могилы; это свидетельствует о том, что покойника сжигали на месте и вещи



Рис. 4. Орнитоморфы групп А.Ш.2.а и А.Ш.2.б

1-3, 7 – Парабельское культовое место (по: [https://tomskmuseum.ru/catalog/7/21/1096/]);
4 – Истяцкий клад (по: Чернецов, 1953, с. 270); 5 – Ишимский клад (по: Чернецов, с. 256); 6 – Холмогорский клад (по: Зыков, Федорова, 2001, с. 103); 8 – группа А.Ш.2.б. (по: Чернецов, 1953, с. 270).

Fig. 4. Ornithomorphs of groups A.Ш.2.a and A.Ш.2.б

1-3, 7 – Parabelskoe cult site (after: [https://tomskmuseum.ru/catalog/7/21/1096/]); 4 – Istyatsky hoard (after: Chernetsov, 1953, p. 270); 5 – Ishimsky hoard (after: Chernetsov, p. 256); 6 – Kholmogorsky hoard (after: Zykov, Fedorova, 2001, p. 103); 8 – group A.Ш.2.б. (after: Chernetsov, 1953, p. 270).

остались на тех же местах, где были на костюме при жизни.

Еще в обобщающих работах начала XX века отмечается принадлежность орнитоморфных фигурок костюму шамана. В пользу данной версии говорит находка клада кулайской культуры на Барсовой горе, который считается остатками погребения шамана. Даже в ритуальном погребении кукол-«иттарма» орнитоморфные фигуры пришиты к ткани, в которую завернуты деревянные куклы (Холмогорский клад).

Однако нельзя абсолютизировать деление на культовые вещи и украшения лишь на основе наличия крепления. Условность данного деления была отмечена еще в связи с орнитоморфами иткульской культуры, которые, хотя и находились на горном святилище и, скорее всего, были оставлены в жертву, все

равно имели крепления и были тщательно заполированы (Чемякин, Кузьминых, 2011, с. 69). Находки на горных святилищах Зауралья, по мнению В.Д. Викторовой, изображают либо духов-предков металлургов, либо служат вместилищами души самих мастеров (Викторова, 2001).

Если отойти от профессиональной принадлежности погребенных и обратиться к мифологии, то станет ясно, что среди обских угров имеются представления о наличии у человека пяти душ. 4-я душа представляет собой птицу и обитает в человеческих волосах, поэтому женщины часто используют украшения-накосники в виде птиц (Косарев, 2003, с. 81). После кремации одна из душ человека должна была получить пристанище, а металлические фигуры орнитоморфов совмещали в себе три образа души: человеческий, зооморфный и

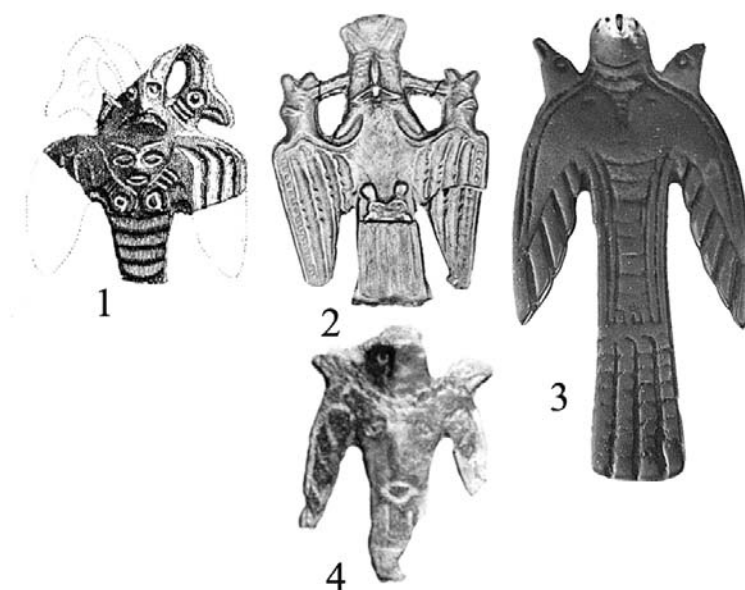


Рис.5. Орнитоморфы группы А.ІІІ.3.

1 – Гляденовское костеище (по: Новокрещенных, 1914, с. 88); 2 – Ишимский клад (по: Ермолаев, 1914, с. 25); 3 – Скородумский «клад» (по: Кореньюк, Майстренко, 2011, с. 146); 4 – Соровское культовое место (по: Кардаш, 2008, с. 217).

Fig. 5. Ornithomorphs of group A.III.3.

1 – Glyadenovskoe bone bed (after: Novokreschennykh, 1914, p. 88); 2 – Ishimsky hoard (after: Ermolaev, 1914, p. 25); 3 – Skorodumsky “hoard” (after: Korenyuk, Maistrenko, 2011, p. 146); 4 – Sorovskoe cult site (after: Kardash, 2008, p. 217).

антропоморфный. В Средневековье появляется образ птицы с распахнутыми крыльями, что символизирует душу, которая после смерти не остается во вместилище, а улетает навстречу Верховному божеству (Чижова, 1987, с. 132).

Рассматривая орнитоморфные изделия как непосредственно культовые, мы можем выделить определенные функции в данной весьма расплывчатой категории. Во-первых, жертвы богам, обильно находимые на святилищах. Судя по наличию кузнечного инструментария и выплескам металла, фигурки изготавливались прямо на святилище, чтобы тут же быть принесенными в жертву. Об этом свидетельствует и отсутствие креплений, и низкое качество отливки, и отсутствие последующей обработки. Очевидно, и фигурка, и облой (затеки металла между створками литейной формы) имели своё ритуальное значение. Но и на святилищах, а затем и в «кладах» имеются подвески с креплениями. До попадания на святилище в качестве жертвы они, вероятно, использовались как украшения, о чем говорит тщательность исполнения и обработки изделия. Случайные находки, составляющие большинство среди имеющихся изделий, могут свидетельствовать о наличии святилища. Однако уже отмечено, что для святилища характерно хотя бы несколько находок культового литья вместе. Так что

случайные находки, скорее всего, являются вотивами.

В качестве подобных приношений известны культовые места хантов и манси, функционирующие до этнографической современности. Они представляют собой небольшой амбар на возвышении, внутри которого хранятся священные предметы, иными словами, родовое святилище (Бауло, 2016). Примечательно то, что обские народы изредка продолжали выплавлять орнитоморфов вплоть до начала XX века, хоть и не в таких масштабах. Использование образа в качестве родового фетиша указывает на подзабытое, но все еще почитаемое тотемное значение.

В культовой обрядности удмуртов есть такое понятие, как «воршуд». Воршуд – это и коробка с особым содержимым, исполняющая роль семейной святыни, и божество – покровитель рода, и конкретное орнито-, зоо-, антропоморфное изображение божества (Владыкин, Христюлова, 1997, с. 112). Кроме того, воршуд обозначает вертикальный столб, расположенный возле очага в культовых постройках. Некоторые изогнутые подвески, вроде медведя из собрания Строгановых или крылатой медведицы из Васюганского клада, могли привязываться к воршудам (Оятева, 2003, с. 24; Богданов, 2008, с. 168). Однако подвески находились там не посто-

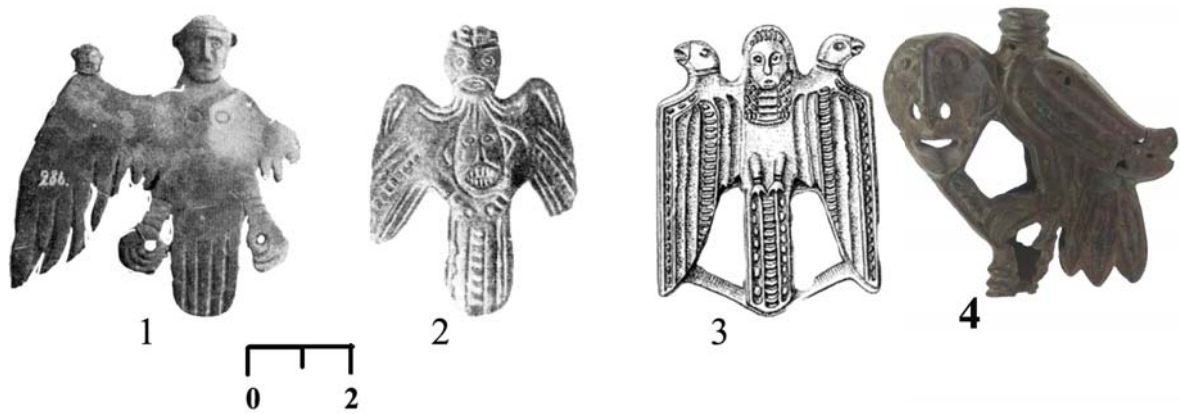


Рис. 6. Орнитооморфы группы В.

1 – фигура типа В.1.1. Пижемское городище (по: Шмидт, 1927, с. 151); 2 – с. Пиковка (по: Могильников, 1969, с. 258); 3 – Холмогорский клад (по: Зыков, Федорова, 2001, с. 104); 4 – Большевисимский могильник (по: Оборин, Чагин, 1988, с. 71).

Fig. 6. Ornithomorphs of group B.

1 – figure type B.1.1. Pizhenskoe hillfort (after: Schmidt, 1927, p. 151). 2 – Pikovka village (after: Mogilnikov, 1969, p. 258); 3 – Kholmogorsky hoard (after: Zykov, Fedorova, 2001, p. 104); 4 – Bolshevisimsky burial ground (after: Oborin, Chagin, 1988, p. 71).

янно и могли перевешиваться, например, на посох, чтобы быть иллюстрацией истории о родовых предках, рассказываемой на медвежьем празднике (Богданов, 2008, с. 168). Так, предметы литья могли выполнять и воспитательную функцию. Расположение на столбах или деревянных подставках на святилищах должно было иллюстрировать миф о мировом древе.

Характерными иконографическими признаками изделий являются крылья, голова и антропоморфное изображение на груди. Личина на груди, вопреки ожиданиям, является всего лишь дополнительным признаком. Хищные птицы без антропоморфных обра-

зов широко бытовали в гляденовской культуре, мифические трехголовые – в Кулайской. Однако, несмотря на это, форма и исполнение личины на груди орнитоморфа является датирующим признаком. Что касается функции орнитоморфных подвесок, то они могли быть родовыми тотемами, вместилищами душ умерших, жертвенными приношениями, вотивами, украшениями (нагрудными и нашивными). В мифологии населения Северной Евразии образ птицы занимает значительное место и включает в себя сюжеты о человекоподобной птице, птице-душе, птице-проводнике, птице-посреднике между людьми и богами.

ЛИТЕРАТУРА

Анучин Д.Н. К истории искусства и верований у приуральской чуди. Чудские изображения летящих птиц и мифических крылатых существ // Материалы по археологии восточных губерний России. Т. 3. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1899. С. 87–160

Бауло А.В. Древняя бронза из этнографических источников и случайных сборов. Новосибирск: Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. 260 с.

Белавин А.М. Антропоморфные фигуры Северной Евразии: Перун, Войпель или Нуми-Торум // Археология Арктики. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию открытия памятника археологии «Древнее святилище Усть-Полуй». Доклады. Салехард, 27-30 ноября 2012 г. / Отв. ред. Н.В. Федорова. Екатеринбург: Издательство «Деловая пресса», 2012. С. 131–137.

Белавин А.М. Об этнической принадлежности пермского средневекового звериного стиля // Труды КАЭЭ. Вып. I–II / Под ред. А.М. Белавина. Пермь: ПГГПУ, 2001. С. 14–24.

Богданов М.В. Художественные особенности фигурки крылатого медведя из Васюганского клада (опыт семантической дешифровки) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2008. Сер. 2. Вып. 2. С. 163–169.

Викторова В.Д. Сокровища филина. Духовная культура древних металлургов Зауралья. Уральская библиотека. URL: http://urbibl.ru/Stat/Kladi/sokrovasha_filina.htm (Дата обращения: 02.03.2020)

Владыкин В.Е., Христюлова Л.С. Этнография удмуртов: Учебное пособие по краеведению. 2-е изд., перераб. и доп. Ижевск: Удмуртия, 1997. 245 с.

Генинг В.Ф. Структура археологического познания: проблемы социально-исторического исследования. Киев: Наукова думка, 1989. 296 с.

Ермолаев А.П. Описание коллекций Красноярского музея. Отдел археологический. Ишимская коллекция. Красноярск: типография, б. М.И. Абалакова, 1914.

Зыков А.П., Федорова Н.В. Холмогорский клад: коллекция древностей III-IV веков из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург: Сократ, 2001. 176 с.

Кардаш О.В. Ритуальный комплекс кулайской культуры на Соревских озерах // Барсова гора: древности таежного Приобья / Отв. ред. А. Я. Труфанов. Екатеринбург-Сургут: Уральское издательство, 2008. С. 207–218.

Кореньюк С.Н., Майстренко Д.А. Скородумский «клад» // Шестые Берсовские чтения / Отв. ред В.М. Морозов. Екатеринбург: Квадрат, 2011. С. 139–146.

Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания: по сибирским археолого-этнографическим данным. М.: Ладога-100, 2003. 352 с.

Кулябина Н.В. Наследие Камской чуди: Пермский звериный стиль: из собрания Пермского краеведческого музея: Каталог. Пермь, 2013. 267 с.

Могильников В.А. Находки из с.Пиковки // СА. 1969. №3. 1969. С. 254–259.

Новокрещенных Н.Н. Гляденовское костыще // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Т. XI. Пермь, 1914. С. 19–97.

Оборин В.А. Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль. Пермь: Пермское кн. изд-во, 1976. 189 с.

Оборин В.А., Чагин Г.Н. Чудские древности Рифея: Пермский звериный стиль. Пермь: Пермское кн. изд-во, 1988. 178 с.

Оятева Е.И. Искусство Прикамья по материалам художественной металлической пластики. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2003. 127 с.

Панкратова Л.В. Иконография птицевидных образов с развернутыми крыльями в Кулайской металлопластике // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. №3 (23). С. 259–265.

Парабельское культовое место. Томский областной краеведческий музей им. М. Б. Шатинова. URL: <https://tomskmuseum.ru/catalog/7/21/>. (Дата обращения: 28.04.2020)

Сладкова Л.Н. Рогалихинский клад // Древние культы, обряды, ритуалы: памятники и практики / Гл. ред. Е.П. Токарева. Зимовники: Зимовниковский краеведческий музей, 2015. С. 150–160.

Спицын А.А. Шаманские изображения // ЗОРСА Т. VIII. Вып. 1. СПб, 1906. С. 29–145.

Теплоухов Ф.А. Древности Пермской чуди в виде баснословных людей и животных / Пермский край. Вып.2. Пермь, 1893. 74 с.

Туркина Т.Ю. Орнитоморфные мотивы в искусстве населения Европейского Северо-востока в I тыс. до н.э. – I тыс.н.э. // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2014. Вып.1 (17). С. 94–102.

Чернецов В.Н. Бронза Усть-Полуйского времени // МИА. №35. / Под ред. А.В. Збруевой. М.: АН СССР, 1953. С. 121–178.

Чижова Л.В. К вопросу об идеологии средневекового населения Прикамья (по сюжетам культового литья) // СА. 1982. №3. С. 81–96.

Чижова Л.В. Культовое литье лесной полосы Евразии в системе анимистических представлений угро-самодийцев // Новые археологические исследования на территории Урала / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: УдмГУ, 1987. С. 121–134.

Шмидт А.В. К вопросу о происхождении пермского звериного стиля // Сборник МАЭ. Вып 6. / ред. Е. Карский. Л.: АН СССР, 1927. С. 125–164.

Щапова Ю.Л. Археология и морфология // СА. 1991. № 2. С. 120–131.

Чемакин Ю.П., Кузьминых С.В. Металлические орнитоморфные изображения раннего железного века Восточной Европы, Урала и Западной Сибири // Тверской археологический сборник. Вып.8 Т.II. / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2011. С. 43–74.

Яковлев Я.А. К проблеме классификации и семантики орнитоморфных изображений с раскрытыми крыльями эпохи железа из Приобья // Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири / Отв. ред. Л. А. Чиндина. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1996. С. 178–197.

Информация об авторе:

Муратбакиева Анастасия Дмитриевна, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург, Россия); NMuratbakieva@gmail.com

REFERENCES

- Anuchin, D. N. 1899. In *Materialy po arkheologii vostochnykh gubernii Rossii (Materials on the Archaeology of Eastern Russian Governorates)* 3. Moscow: "Tipografiya M.G. Volchaninova" Publ., 87–160 (in Russian).
- Baulo, A. V. 2016. *Drevniaia bronza iz etnograficheskikh istochnikov i sluchainykh sborov (Ancient Bronze from Ethnographic Sources and Occasional Collections)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).
- Belavin, A. M. 2012. In Fedorova, N. V. (ed.). *Arkheologiya Artiki (Arctic Archaeology)*. Yekaterburg: "Delovaya pressa" Publ., 131–137 (in Russian).
- Belavin, A. M. 2001. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* I–II. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 14–24 (in Russian).
- Bogdanov, M. V. 2008. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya. Seria 2 (Vestnik of Saint Petersburg University. History. Series 2)* 2. 163–169 (in Russian).
- Viktorova, V. D. *Sokrovishcha filina. Dukhovnaia kul'tura drevnikh metallurgov Zaural'ia. Ural'skaia biblioteka (Treasures of an Owl. Spiritual Culture of the Ancient Metallurgists of the Trans-Urals)*. Ural library Available at: http://urbibl.ru/Stat/Kladi/sokrovasha_filina.htm (accessed: 02.03.2020) (in Russian).
- Vladykin, V. E., Khristolyubova, L. S. 1997. *Etnografiia udmurtov: Uchebnoe posobie po kraevedeniyu (Ethnography of the Udmurts: Study Guide on Local History)*. Izhevsk: "Udmurtia" Publ. (in Russian).
- Gening, V. F. 1989. *Struktura arkheologicheskogo poznaniia: problemy sotsial'no-istoricheskogo issledovaniia (The Structure of Archaeological Knowledge: Issues of Socio-Historical Research)*. Kiev: "Naukova dumka" (in Russian).
- Ermolaev, A. P. 1914. *Opisanie kollektsii Krasnoiarskogo muzeia. Otdel arkheologicheskii. Ishimskaia kollektsiia (Description of the Collections of the Krasnoyarsk Museum. Archaeological Department. Ishim Collection)*. Krasnoyarsk: "tipografiya, b. M.I. Abalakova" Publ. (in Russian).
- Zykov, A. P., Fedorova, N. V. 2001. *Kholmogorskii klad: kollektsiia drevnostei III-IV vekov iz sobraniia Surgutskogo khudozhestvennogo muzeia (Kholmogory Hoard: a Collection of Antiquities of the 3rd-4th Centuries from the Fund of the Surgut Art Museum)*. Yekaterinburg: "Sokrat" Publ. (in Russian).
- Kardash, O. V. 2008. In Trufanov, A. Ya. (ed.). *Barsova gora: drevnosti taezhnogo Priob'ia (Barsova Gora: Antiquities of the Taiga Ob Region)*. Ekaterinburg–Surgut: "Ural'skoe izdatel'stvo" Publ., 207–218 (in Russian).
- Korenyuk, S. N., Maistrenko, D. A. 2011. In Morozov, V. M. (ed.). *Shestye Bersovskie chteniia (Sixth Bers Readings)*. Yekaterinburg: "Kvadrat" Publ., 139–146 (in Russian).
- Kosarev, M. F. 2003. *Osnovy iazycheskogo miroponimaniia: po sibirskim arkheologicheskim dannym (Foundations of the Pagan Worldview: Based on Siberian Archaeological and Ethnographic Data)*. Moscow: "Ladoga-100" Publ. (in Russian).
- Kulyabina, N. V. 2013. *Nasledie Kamskoi chudi: Permskii zverinyi stil': iz sobraniia Permskogo kraevedcheskogo muzeia (The Heritage of Kamskaya Chud: Perm Zoomorphic Style: from the Collection of the Perm Museum of Local Lore: Catalog)*. Perm (in Russian).
- Mogil'nikov, V.A. 1969. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 254–259 (in Russian).
- Novokreshchennykh, N. N. 1914. In *Trudy Permskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Perm Academic Archival Commission)*. XI, Perm 619–97 (in Russian).
- Oborin, V. A. 1976. *Drevnee iskusstvo narodov Prikam'ya. Permskij zverinyi stil' (Ancient Art of the Peoples of the Kama Region. Perm Zoomorphic Style)*. Perm: "Permskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Oborin, V. A., Chagin, G. N. 1988. *Chudskie drevnosti Rifeia: permskii zverinnyi stil' (Chud Antiquities of the Riphean: the Animal style of Perm)*. Perm: "Permskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Oiateva, E. I. 2003. *Iskusstvo Prikam'ia po materialam khudozhestvennoi metallicheskoj plastiki (Art of the Kama Region on the Materials of Artistic Metal Plastics)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).
- Pankratova, L. V. 2013. In *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia (Bulletin of the Tomsk State University: History)* 23 (3), 259–265 (in Russian).
- Parabel'skoe kul'tovoe mesto. Tomskii oblastnoi kraevedcheskii muzei im. M. B. Shatipov (Parabel'skoe Cult Site. Tomsk Regional Museum of Local Lore named after M. B. Shatipov)*. Available at: <https://tomskmuseum.ru/catalog/7/21/> (accessed: 28.04.2020) (in Russian).

Sladkova, L. N. 2015. In Tokareva, E. P. (ed.). *Drevnie kul'ty, obryady, ritualy: pamyatniki i praktiki* (Ancient Cults, Ceremonies and Rituals: Monuments and Practices). Zimovniki: Zimovniki Museum of Local Lore, 150–160 (in Russian).

Spitsyn, A. A. 1906. In *Zapiski otdeleniia russkoi i slavianskoi arkheologii Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva* (Reports of the Department of Russian and Slavic Archaeology of the Imperial Russian Archaeological Society) VIII (1). Saint Petersburg, 29–145 (in Russian).

Teploukhov, F. A. 1893. *Drevnosti Permskoi chudi v vide basnoslovnykh lyudei i zivotnykh* (Antiquities of the Perm Chud in the Form of Fabled People and Animals) Series: Permskii Krai (Perm Krai) 2. Perm (in Russian).

Turkina, T. Yu. 2014. In *Izvestiia Komi nauchnogo tsentra UrO RAN. (Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences)* 1 (17). 94–102 (in Russian).

Chemyakin, Yu. P., Kuzminykh S. V. 2011. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik* (Tver Archaeological Collection of Articles) 8 (II). Tver: 'Triada' Publ., 43–74 (in Russian).

Chernetsov, V. N. 1953. In Zbrueva, A. V. *Materialy i issledovaniia po arkheologii* (Materials and Studies in the Archaeology) 35. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 121–178 (in Russian).

Chizhova, L. V. 1982. In *Sovetskaia Arkheologiya* (Soviet Archaeology) (3), 81–96 (in Russian).

Chizhova, L. V. 1987. In Goldina, R. D. (ed.). In *Novye arkheologicheskie issledovaniia na territorii Urala* (Recent Archaeological Research in the Territory of the Urals). Izhevsk: Udmurt State University, 121–134 (in Russian).

Shmidt, A. V. 1927. In Karsky, E. (ed.). *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii SSSR (Bulletin of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Academy of Sciences of the USSR)* 6. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 125–164 (in Russian).

Shchapova, Yu. L. 1991. In *Sovetskaia Arkheologiya* (Soviet Archaeology) (2), 120–131 (in Russian).

Yakovlev, Ya. A. 1996. In Chindina, L. A. (ed.). *Materialy i issledovaniia kul'turno-istoricheskikh problem narodov Sibiri* (Materials and Research of Cultural and Historical Issues of the Peoples of Siberia). Tomsk: Tomsk State University, 178–197 (in Russian).

About the Author:

Muratbakieva Anastasiia D. Saint Petersburg State University. 13B Universitetskaya Emb., Saint Petersburg 199034, Russian Federation; NMuratbakieva@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.08.2021 г.
Статья принята к публикации 01.10.2021 г.

УДК 902

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.5.297.301>**ПРОЦЕСС НЕОЛИТИЗАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ¹**

© 2021 г. А.Ю. Назарова

Статья посвящена анализу наиболее изученных культур неолита лесной полосы от Скандинавии и Восточной Прибалтики до Волго-Камья и Приуралья (VII–IV тыс. до н.э.). Для анализа были отобраны следующие признаки неолитического пакета: керамика, шлифованные деревообрабатывающие орудия, долговременные жилища, крупные могильники, святилища и предметы импорта. В ходе исследования были собраны материалы по 16 археологическим культурам региона. В результате были выделены наиболее развитые неолитические культуры лесной полосы, с учетом данных, которые существуют на сегодняшний день. Помимо этого, были выявлены наиболее часто встречающиеся признаки: керамика и шлифованные деревообрабатывающие орудия. Редким признаком является наличие святилищ. Были сделаны выводы об уровне развития исследуемых культур.

Ключевые слова: археология, неолит, неолитический пакет, лесная полоса, керамика, шлифованные деревообрабатывающие орудия, долговременное жилище, могильник, святилище, взаимовыгодный обмен.

THE PROCESS OF NEOLITHIZATION IN THE FOREST BELT²

A.Yu. Nazarova

The paper presents an analysis of the most studied Neolithic cultures of the forest belt from Scandinavia and the Eastern Baltic States to the Volga-Kama region and the Urals (7th-4th Millennia BC). The analysis was carried out using the following elements of the Neolithic package: ceramics, polished woodworking tools, long-term dwellings, large burial grounds, shrines and imported items. In the course of the study, the materials representing 16 archaeological cultures of this region were collected by the author. As a result, the most developed Neolithic cultures of the forest belt were identified, with due account of the currently existing data. The most common features – ceramics and polished woodworking tools – were also identified. The rare feature is the presence of shrines. Conclusions are made on the level of development of the studied cultures.

Keywords: archaeology, Neolithic, Neolithic package, forest belt, ceramics, polished woodworking tools, long-term dwelling, burial ground, sanctuary, mutually beneficial exchange.

Целью нашего исследования является выделение универсальных и особенных черт в наиболее изученных неолитических культурах Северной и Восточной Европы. Территориальные рамки – от Скандинавии и Восточной Прибалтики до Волго-Камья и Приуралья. Хронологические рамки исследования – с VII (VI) по IV (III) тыс. до н. э., так как этим периодом датируются культуры неолита данной территории.

Процесс неолитизации лесной зоны на протяжении долгого времени привлекает внимание исследователей. На территории Восточной Прибалтики, центральной России и Волго-Камья располагаются родственные неолитические культуры, которые можно объединить в единую группу, так как между ними прослеживаются тесные экономические связи. Наиболее фундаментальной работой по данной тематике является монография

«Неолит Северной Евразии» (1996 г.) под редакцией Ошибкиной С.В. (Неолит Северной Евразии, 1996), в которой собраны результаты исследования неолитических культур на конец XX в., выявлены их характерные черты и описаны основные признаки материальной культуры и способы хозяйствования. На современном этапе данной проблематикой занимаются как зарубежные (Крийска А. (Kriiska и др., 2017), Нордквист К. (Nordqvist, 2018) и др.), так и отечественные ученые (Выборнов А.А. (Выборнов, 2009), Карманов В.Н. (Карманов, 2008), Лычагина Е.Л. (Лычагина, 2019), Никитин В.В. (Никитин, 2017) и др.).

В ходе исследования (Назарова, 2020, 2021) были собраны материалы по 16 археологическим культурам (эртебелле, нарвская, цедмарская, прибалтийская, неманская, приморская, сертейская, усвятская, сперрингс, карель-

¹ Статья подготовлена при поддержке Министерства образования и науки Пермского края (соглашение С-26/1192 от 19.12.2019 г.).

² The paper was prepared with the support of the Ministry of Education and Science of Perm Krai (agreement С-26/1192 dated December 19, 2019).

ская, верхневолжская, льяловская, дубовская, балахнинская, волго-камская, камская), относящимся к данной территории и хронологическому периоду (Прил. № 1). Стоит отметить, что отечественные и зарубежные исследователи предлагают разные периодизации каменного века. Отечественные авторы разделяют неолит и энеолит (выделяя при этом ранний, средний и поздний этапы неолита), в то время как европейские исследователи выделяют лишь ранний, средний и поздний неолит, который хронологически отличается от периодизации российских исследователей (Прил. № 2).

В каждой из культур был проанализирован набор универсальных признаков – неолитический пакет, в который входили такие маркеры неолита, как: керамика, шлифованные каменные орудия для обработки дерева, долговременные жилища, святилища, могильники, а также предметы, которые могли попасть на территорию культуры вследствие экономического обмена (импорт).

Характерной чертой неолитического пакета лесной полосы является практически полное отсутствие земледелия и скотоводства. Многие европейские исследователи включают в это понятие появление производящего способа хозяйствования, но ввиду климатических условий региона этот критерий появляется в лесной зоне только в более поздний период (бронзовый – ранний железный век). Лишь в одной из рассмотренных культур в данный период появляются зачатки земледелия и скотоводства – в скандинавской культуре эртебелле. Мы относим данный признак к импорту, так как новый способ хозяйствования был освоен в процессе взаимодействия с соседними культурами с производящим хозяйством (Raemaekers, 1998, с. 156). Основной экономики в лесной полосе оставалось присваивающее хозяйство – собирательство, охота, рыболовство, а также морской промысел.

По мнению отечественных исследователей (Ошибкина, 1996, с. 7–8), основным признаком, характеризующим начало неолита в лесной полосе, является появление керамики и новых техник обработки камня (шлифование, сверление, пиление). Исходя из анализа вышеуказанных культур, в каждой из них был найден керамический комплекс. Посуда лесной полосы имеет полуяйцевидную и плоскодонную форму. Исключением является неманская культура, в которой были обнаружены остродонные сосуды. Можно выделить

несколько групп культур, схожих по орнаментации керамики: узор из оттисков гребенчатого и зубчатого штампа с ямочной орнаментацией (камская, льяловская, карельская, балахнинская), слабо орнаментированные наколами и прочерчиванием или неорнаментированные (волго-камская, дубовская, цедмарская), шнуровой керамики (прибалтийская, приморская, усвяткая) и гребенчатая и накольчатая посуда (верхневолжская и сертейская).

Следующим признаком является появление шлифованных рубящих орудий (топоры, тесла, долота). Данный признак был зафиксирован во всех рассмотренных культурах, кроме дубовской, в которой шлифованные деревообрабатывающие орудия были выявлены на более позднем этапе.

Несмотря на отсутствие производящего хозяйства в культурах лесной полосы северо-восточной Европы, уже на ранних этапах в них заметен переход к оседлому образу жизни. Это подтверждает наличие таких признаков, как появление долговременных жилищ и крупных могильников вне территории поселений. Долговременные жилища – один из наиболее часто встречающихся признаков в лесной полосе. Мы видим распространение этого признака не только в поздних неолитических культурах, но и в ранних, таких как эртебелле, дубовской и волго-камской. В основном эти жилища представлены землянками и полу-землянками.

Крупные могильники вне поселений – это один из редких признаков для данного региона. Он был выделен лишь на территории Скандинавии, восточной Эстонии, Крайнем Севере Восточной Европы и на позднем этапе развития культур Центра Русской равнины.

Взаимовыгодный обмен наиболее характерен для неолитических культур Восточной Прибалтики и Скандинавии. Данный признак был выделен также для культур Центра Русской равнины и в Днепро-Двинском междуречье. В основном экономический обмен выражен в таких находках, как кремневые орудия в тех районах, где отсутствует природный источник данного сырья, и янтарные украшения.

Самым редко встречающимся признаком является наличие святилищ. При выявлении этого признака мы рассматривали памятники, на которых зафиксированы петроглифы и писаницы. Этот критерий присущ только лишь карельской и камской культурам.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что керамика и шлифованные деревообраба-

Приложение №1 Неолитические культуры лесной полосы (VII-IV тыс. до н.э.)
Neolithic cultures of the forest belt (7th-4th Millennium BC)

	Керамика	Каменные орудия с обработкой	Долговременные жилища	Могильники	Святылища	Импорт
Скандинавия						
Культура эртебелле (кон. VII-IV тыс. до н.э.)	+	+	+	+	-	+
Восточная Прибалтика						
Нарвская культура (VI-IV тыс. до н.э.)	+	+	+	+	-	+
Цедмарская культура (VI-V тыс. до н.э.)	+	+	-	-	-	+
Прибалтийская культура (V-III тыс. до н.э.)	+	+	-	-	-	+
Приморская культура (кон. V-III тыс. до н.э.)	+	+	+	-	-	+
Неманская культура (VI-III тыс. до н.э.)	+	+	-	-	-	-
Днепро-Двинское междуречье						
Сертейская культура (VI – сер. V тыс. до н.э.)	+	+	-	-	-	-
Усвятская культура (V-III тыс. до н.э.)	+	+	+	-	-	+
Север Восточной Европы						
Культура сперрингс (VI – V тыс. до н.э.)	+	+	-	+	-	-
Карельская культура (кон. V – нач. III тыс. до н.э.)	+	+	+	+	+	-
Центр Русской равнины						
Верхневолжская культура (VII-VI тыс. до н.э.)	+	+	-	-	-	-
Льяловская культура (VI-V тыс. до н.э. – до IV тыс. до н.э.)	+	+	+	+	-	+
Марийское Поволжье						
Дубовская культура (рубеж VII-VI тыс. до н.э.)	+	-	+	-	-	-
Балахнинская культура (VI-IV тыс. до н.э.)	+	+	+	-	-	-
Прикамье						
Волго-камская культура (VII – вторая половина VI тыс. до н.э.)	+	+	+	-	-	-
Камская культура (VI – IV тыс. до н.э.)	+	+	+	-	+	-

тывающие орудия встречаются во всех неолитических культурах лесной полосы Северной и Восточной Европы. Долговременные постройки зафиксированы более чем в половине культур. Могильники и взаимовыгодный обмен встречаются лишь в нескольких культурах, в то время как святилища являются

самым редким признаком для данных культур. Исходя из этого, мы видим, как прослеживается процесс неолитизации в лесной полосе. В Скандинавии, Восточной Прибалтике (нарвская культура), Севере Восточной Европы (карельская культура) и Центре Русской равнины (льяловская культура) этот

calBC	Early Metal Age	Bronze Age / Early Metal Age	Bronze Age / Early Metal Period	Bronze Age / Early Metal Period	Bronze Age	Bronze Age
2000	Younger Stone Age, phase III	Late Neolithic	Final Neolithic (Late Neolithic)	Eneolithic / Early Metal Period	Late Neolithic	Late Neolithic
3000	Younger Stone Age, phase II	Middle Neolithic (A and B)	Late Neolithic (Middle Neolithic)		Early Neolithic (Middle Neolithic)	Middle Neolithic
4000	Younger Stone Age, phase I	Early Neolithic	Middle Neolithic	Late Neolithic	Mesolithic (Early Neolithic)	Early Neolithic
5000	Older Stone Age, phase III	Mesolithic	Early Neolithic	Middle Neolithic		
6000			Mesolithic	Early Neolithic		
			Mesolithic	Mesolithic	(Mesolithic)	Mesolithic
	N-Norway	Sweden	Finland	NW-Russia	Estonia	Latvia

процесс был практически завершен. В некоторых культурах (неманская, сертейская, верхневожская, дубовская) данный процесс толь-

ко начался, так как в них выявлено лишь два признака неолитического пакета.

ЛИТЕРАТУРА

Выборнов А.А. Неолит степного-лесостепного Поволжья и Прикамья. Дисс. ... докт. истор. наук. СаВыборнов А.А. Неолит степного-лесостепного Поволжья и Прикамья. Дисс. ... докт. истор. наук. Самара, 2009. 393 с.

Карманов В.Н. Неолит европейского Северо-Востока. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2008. 226 с.

Лычагина Е.Л. Неолит Верхнего и Среднего Прикамья. Дисс... докт. ист. наук. Пермь, 2019. 632 с.

Назарова А.Ю. Проявление признаков неолитического пакета на территории лесной полосы в VII – IV тыс. до н.э. // Археология Евразийских степей. 2020. №5. С. 69–76.

Назарова А.Ю. Сравнение неолитического пакета культур Восточной Прибалтики и Скандинавии // ЛП Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (УПАСК, 1-3 февраля 2021 г.): материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. / Отв. ред. А.А. Евгеньев. Оренбург: ОГПУ, 2021. С. 42-44

Неолит Северной Евразии / Археология СССР / Отв.ред. С.В. Ошибкина. М.: Наука, 1996. 380 с.

Никитин В.В. Итоги изучения каменного века в Марийском Поволжье // Поволжская Археология. №3 (21). 2017. С. 168–189.

Ошибкина С.В. Понятие о неолите // Неолит Северной Евразии. / Археология СССР / Отв. ред. С.В. Ошибкина. М.: Наука, 1996, С. 6–10.

Kriiska A., Oras E., Lõugas L., Meadows J., Lucquinand A., Craig O. E. Late Mesolithic Narva Stage in Estonia: pottery, settlement types and chronology // Estonian Journal of Archaeology. 2017. No 1 (21). P. 52–86.

Nordqvist, K., 2018. *The Stone Age of north-eastern Europe 5500-1800 calBC. Bridging the gap between the East and the West*. Academic dissertstion. Acta Universitatis Ouluensis. B Humanitaria 160. 2018. 164 p.

Raemaekers D. Ertebolle and Swifterbant a comparison of attitudes // *Anthropologie et Prehistoire*. 1998. № 109. P. 155–161..

Информация об авторе:

Назарова Анастасия Юрьевна, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Россия); nnazarowa@mail.ru

REFERENCES

Vybornov, A. A. 2009. *Neolit stepnogo-lesostepnogo Povolzh'ia i Prikam'ia (Neolithic of Steppe and Forest-Steppe Belts in the Volga and Kama Rivers Basin)*. Diss. Of Doctor of Historical Dciences. Samara (in Russian).

Karmanov, V. N. 2008. *Neolit evropeiskogo Severo-Vostoka (Neolithic of European Notheast)*. Syktyvkar: Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Lychagina, E. L. 2019 *Neolit Verkhnego i Srednego Prikam'ia (Neolithic of the Upper and Middle Kama Regions)* Diss. of doctor of historical Sciences. Perm (in Russian).

Nazarova, A. Yu. 2020. In *Arkheologiiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5. 69–76 (in Russian).

Nazarova, A. Yu. 2021. In Evgen'ev, A. A. (ed.). *LIII Uralo-Povolzhskaya arkheologicheskaya studencheskaya konferentsiya (UPASK, 1-3 fevralya 2021 goda): materialy vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiem) konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh (53rd Ural-Volga Archaeological Student Conference (UPASK, February 1–3, 2021): Proceedings of the All-Russian (with International Participation) Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 42–44 (in Russian).

In Oshibkina, S. V. (ed.). 1996. *Neolit Severnoi Evrazii The (The Neolithic of Northern Eurasia)*. Series: *Arkheologiiia SSSR (Archaeology of the USSR)*. Moscow: “Nauka” Publ.(in Russian).

Nikitin, V. V. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 21 (3), 168–189 (in Russian).

Oshibkina, S. V. 1996. In Oshibkina, S. V. (ed.). *Neolit Severnoi Evrazii The (The Neolithic of Northern Eurasia)*. Series: *Arkheologiiia SSSR (Archaeology of the USSR)*. Moscow: “Nauka” Publ., 6–10 (in Russian).

Kriiska A., Oras E., Lõugas L., Meadows J., Lucquinand A., Craig O. E. 2017. In *Estonian Journal of Archaeology*, 21 (1), 52–86.

Nordqvist, K. 2018. *The Stone Age of north-eastern Europe 5500-1800 calBC. Bridging the gap between the East and the West*. Academic dissertstion. Acta Universitatis Ouluensis. B Humanitaria 160.

Raemaekers, D. 1998. In *Anthropologie et Prehistoire*. (109). 155–161 (in English).

About the Author:

Nazarova Anastasia Yu. Perm State Humanitarian Pedagogical University (PSHPU). Sibirskaya Str., 24, Perm, 614990, Russian Federation; nnazarowa@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2021 г.
Статья принята к публикации 01.10.2021 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.5.302.305>

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД НОСИТЕЛЕЙ ДОЛЬМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА: КРАТКИЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

© 2021 г. Е.В. Осипова

В статье приведен краткий историографический обзор научных работ, посвящённых изучению погребального обряда дольменной культурно-исторической общности на территории Северо-Западного Кавказа и Абхазии. В обзор включены публикации археологов и историков дореволюционного, советского и постсоветского периодов. Автором статьи рассмотрены суждения о предназначениях дольменов: это родовые гробницы или храмы. Выявлено несколько проблемных вопросов. Среди которых датировка дольменных памятников, а также их периодизация, которые представляют одно из ключевых направлений в изучении дольменной культуры. Перечислены теории погребального обряда, где преобладает мнение о захоронениях в сидячем положении. Приведен краткий перечень инвентаря, сопровождающий погребения. Описаны случаи вторичных захоронений, в которых встречаются и предметы средневекового времени.

Ключевые слова: археология, бронзовый век, Кавказ, мегалитические памятники, дольмены, историография, погребальный обряд.

BURIAL RITE OF DOLMEN CULTURE CARRIERS FROM NORTHWESTERN CAUCASUS: BRIEF HISTORIOGRAPHIC REVIEW

E.V. Osipova

The paper features a brief historiographic review of scientific works considered the funeral rite of the dolmen cultural and historical community from the territory of the Northwestern Caucasus and Abkhazia. The review includes publications by archaeologists and historians of the pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet periods. The author of the paper discusses the opinions on the purpose of dolmens, arguing whether they are ancestral tombs or temples. Several problematic issues have been identified. These include the dating of dolmen monuments, as well as their periodization, and constitute one of the key directions in the study of the dolmen culture. The theories of the funeral rite are listed, where according to the prevailing opinion burials were made in a sitting position. A short list of the grave inventory accompanying the burials is provided. Cases of secondary burials, where medieval items are also found, are described.

Keywords: archaeology, Bronze Age, the Caucasus, megalithic monuments, dolmens, historiography, burial rite.

Многие исследователи, археологи, историки-кавказоведы изучали погребальный обряд культуры строителей дольменов. До сих пор этот аспект остается мало изученным. Это обусловлено природным и антропогенным воздействием на археологические памятники, отсутствием исходного остеологического материала, плохой сохранностью погребального инвентаря, грабежами кладоискателей и др.

Еще в дореволюционный период большинство исследователей склонялось к гипотезе, что определяла дольмены как семейно-родовые гробницы или усыпальницы. Характерным признаком погребения в дольменах считалось коллективное захоронение в сидячем положении. Н.Г. Ловпаче считает, что дольменной культуре на территории Западного Кавказа свойственны семейные захоронения (Ловпаче, 2014, с. 91–92). Предположение

об использовании дольменов не только в качестве семейного захоронения, но и в реализации функции храма выдвигают В.А. Трифонов (Трифонов, 2009, с. 127) и А.М. Смирнов (Смирнов, 2010, с. 170).

Известный кавказовед Е.Д. Фелицын одним из первых стал изучать дольмены на Западном Кавказе. Ведя раскопки ст. Баговской, он отмечал, что в дольменах кости разбросаны и лежат кучками, что указывает на захоронение в сидячем положении (Фелицын, 1879, с. 15–16). По мнению исследователя, одна челюсть принадлежала индивиду пожилого возраста, вторая – молодому человеку в возрасте от 18 до 25 лет. Один из трех черепов был не разрушен, и Е.Д. Фелицын отнес его к «широкоголовому племени первобытных людей или брахицефальному типу» (Фелицын, 1879, с. 16, 25).

Д.Я. Самоквасов описывает погребение в сидячем положении в дольмене. На останках были найдены следы окиси от железных предметов. На дне находилось еще погребение, с инвентарём, включавшем в себя предметы из бронзы (Самоквасов, 1887, с. 41).

И.И. Иващенко был одним из первых археологов, кто начал проводить исследования дольменов на территории Абхазии. Во время исследования группы дольменов на дне одного из них было найдено несколько погребений с инвентарем (бронзовые бусы, бронзовый топор, бочонкообразного вида подвеска, бронзовый наконечник копья, фрагменты двух сосудов из черной обожженной глины). Положение погребенных было тоже сидячее. В другом дольмене останки погребенного были расположены головой к центру, а ногами к круглому отверстию (Иващенко, 1935, с. 28–29). В остальных случаях кости погребенных также располагались в хаотичном порядке (Иващенко, 1935, с. 16–18).

Представление о сидячем положении покойников в дольменах сохраняется и на советском этапе изучения погребального обряда. Л.И. Лавров отмечает, что останки явно были захоронены в одежде и с погребальной утварью, в основном в сидячем положении (Лавров, 1960, с. 106). И.И. Аханов в своей работе отмечает, что погребенные покоились в сидячем или скорченном положениях вдоль стен и по углам (Аханов, 1961, с. 143). Погребенных сопровождал инвентарь из бронзы и меди (пряслица, иголки, топоры, ювелирные украшения, бусины, ножи, топоры-секиры, наконечники стрел, копий, кремь, присутствовали глиняные сосуды) (Аханов, 1961, с. 140, 144, 147).

Что касается самого обряда погребения, то здесь мнения исследователей разнятся. Например, существует теория, согласно которой дольмены сооружались заранее, при жизни. При этом далеко не все члены рода могли быть погребенными в дольменах, видимо, только избранные члены общества, ввиду сложной постройки таких сооружений, заслуживали такой почести (Воронов, 1979, с. 51, 54).

В.П. Пачулия, говоря об абхазских дольменах, отмечает наличие многочисленных разрозненных человеческих костей в погребениях (Пачулия, 1968, с. 116). До этого мы встречаем такую же особенность и при раскопках Л.Н. Соловьева (Соловьев, 1960, с. 75). Исследователь предполагает, что через отверстия в эшерских дольменах вносили не целое тело умершего, а его разрозненные

кости (Соловьев, 1960, с. 79). Тело погибшего оставляли в назначенном месте до полного загнивания, а затем родственники собирали кости и захоранивали его в дольмене через отверстие (Пачулия, 1968, с. 124). В сочинских дольменах также встречаются крупные кости, отдельно захороненные черепа, есть следы кремации (Воронов, 1979, с. 55).

М.Б. Рысин в работе «Культурная трансформация и культура строителей дольменов на Кавказе» придерживается теории вторичного погребения. Кости укладывались кучкой, без анатомического порядка (Рысин, 1994, с. 99–100).

А.М. Смирнов обратил внимание на отсутствие погребального содержимого у большинства дольменов (Смирнов, 2010, с. 170). По его мнению, перед новым погребением дольмен зачищался от старых останков, поэтому скопления костей внутри дольмена не было (Смирнов, 2010, с. 171–172).

По мнению советских исследователей, установление характера погребального инвентаря поможет в установлении хронологии и классификации дольменов (Куфтин, 1949, с. 265–266). Так, выдвигается предположение, что в погребениях чаще всего встречаются украшения, а не медные топоры и предметы бронзы (булавки, орудия труда и оружие (Куфтин, 1949, с. 269).

Мнения специалистов в вопросе установления хронологии расходятся с позициями дореволюционных исследователей. Е.Д. Фелицын относил дольмены к каменному веку или к эпохе бронзы, не позже (Фелицын, 1879, с. 26). В доказательство он приводит погребения в сидячем положении в 564 английских могилах (Фелицын, 1879, с. 17–18). Материал из дольменов эшерской группы эпохи ранней бронзы, по мнению И.И. Иващенко, отрицает сходство с кобанской культурой и относится примерно ко II тыс. до н. э. (Иващенко, 1935, с. 45, 50). Противоположное мнение у И.И. Аханова. По мнению исследователя, топоры-секиры, раскопанные в Геленджике, имеют сходство с бронзовыми кобанскими секирами, а традиции захоронения в дольменах у поселения, жившего во II тыс. до н. э., продолжают до IV в. до н. э. (Аханов, 1961, с. 147, 149).

Вопрос о периодизации мегалитического сооружения на Кавказе для В.А. Трифонова остается открытым, поскольку большинство находок, обнаруженных при раскопках дольменов в долине Жане, относится к началу

I тыс. до н. э., присутствуют предметы Средневековья (Трифонов, 2009, с. 128).

О вторичном использовании дольменов в Средневековье говорят многие специалисты. Раскопки дольменов в с. Отхара дали исследователям железные орудия труда, средневековые пифос и посуд, измельчённые человеческие кости и зубы (Цвинария, 1980, с. 27). Рядом с дольменами были разбросаны предметы и украшения эпохи бронзы, фрагменты человеческих костей и животных. По мнению автора исследований, «покойники были изъятые из дольменов в средневековье по неизвестным причинам» (Цвинария, 1980, с. 27–28).

При раскопках дольменов в с. Хуап Гудаутского района Абхазии в 1982 г. также были зафиксированы свидетельства вторичного захоронения (Бжания, Цвинария, 1985, с. 9–10, 12). В одном из дольменов обнаружено бронзовое кольцо в виде птичьей лапки с боченкообразного вида бронзовыми бусинами. Аналогий данному украшению не было найдено (Бжания, Цвинария, 1985, с. 13).

В результате раскопок дольмена № 1 в с. Верхняя Эшера Сухумского района Абхазии Л.Н. Соловьевым (его исследовал также И.И. Иващенко) были выявлены вторичные и последующие захоронения (Соловьев, 1960, с. 75). В слое Б найдены предметы эллинистического периода, орудия эпохи палеолита (Соловьев, 1960, с. 77).

В погребальном инвентаре двух дольменов в Кюр-Дере найдены предметы римского времени и бронзового века (Куфтин, 1949, с. 272–298).

В дольменах в бассейне р. Кыфар были найдены как предметы эпохи бронзы, так и эпохи Средневековья (Марковин, 1983, с. 92, 102–103). По мнению исследователя, это говорит о повторных захоронениях знатных лиц в Средневековье (Марковин, 1983, с. 105).

Свидетельства повторного использования дольменов есть и в долине р. Жане. В дольмене были найдены предметы начала I тыс. до н. э. и Средневековья (Трифонов, 2009, с. 128).

Таким образом, отсутствие достаточного количества материала, плохая сохранность костных останков и сооружений мешали исследователям сделать точное описание способа погребений, в достаточной степени охарактеризовать население. Кроме этого, сформировалось общепринятое мнение о вторичном захоронении в дольменных сооружениях. Работа советских археологов и историков показала, что дольмены использовались в качестве погребального объекта многократно. Подобная практика захоронения вызвала споры в вопросах датировки у исследователей дольменной культуры. Стоит отметить, что на сегодняшний день не перестают идти дискуссии, связанные не только с хронологией, но и с преемственностью дольменных памятников.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Аханов И.И. Геленджикские курганные дольмены // СА. 1961. № 1. С. 139–150.
- Бжания В.В. Раскопки дольменов в селе Хуап в 1982 году / В. В. Бжания, И. И. Цвинария, Д. С. Бжания // Археологические открытия 1981–1982 гг. в Абхазии / Отв. ред. Г.К. Шамба. Тбилиси: МЕЦНИ-ЕРЕБА, 1985. С. 8–14.
- Воронов Ю.Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1979. 125 с.
- Иващенко И.И. Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии. Тифлис, 1935. 86 с.
- Куфтин Б.А. Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси: Техника да шрома, 1949. 360 с.
- Лавров Л.И. Дольмены северо-западного Кавказа // Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа. Вып. 31. / Гл. ред. Х. С. Бгажба. Сухуми, 1960. С. 101–179.
- Ловпаче Н.Г. Преемственная связь адыго-абхазской культуры с испыунами (дольменами) Западного Кавказа // Древняя и средневековая культура адыгов. Материалы Международной научно-практической конференции (Нальчик, 16–20 октября 2013 г.). Ч. I / Отв. ред. Б.Х. Бгажноков, В.А. Фоменко. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. С. 88–100.
- Марковин В.И. Дольменные постройки в бассейне реки Кыфар // СА. 1983. № 3. С. 90–109.
- Пачулиа В.П. Исторические памятники Абхазии, их значение и охрана. М.: Наука, 1968. 168 с.
- Рысин М.Б. Культурная трансформация и культура строителей дольменов на Кавказе // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации) / Археологические изыскания. Вып. 46. / Отв. ред. В.М. Массон. Санкт-Петербург: Европейский Дом, 1997. № 46. С. 85–123.
- Самоковасов Д.Я. Могильные древности Пятигорского округа // Труды V археологического съезда в Тифлисе в 1881 г. М. 1887. 411 с.
- Смирнов А.М. Пустой дольмен: утрата источника или норма погребальной практики // Stratum Plus. 2010. №2 С. 169–184.

Соловьев Л.Н. Погребения дольменной культуры в Абхазии и прилегающей части Адлерского района // Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа. Вып. 31. / Гл. ред. Х. С. Бгажба. Сухуми, 1960. С. 69-101.

Трифонов В.А. Дольмены в долине реки Жане // Археологические открытия: Европейская Россия 1991-2004 / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2009. С. 115-128.

Фелицын Е.Д. Кубанские древности. Дольмены - богатырские дома ст. Баговской, Майкопского уезда // Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1879. № 31. 28 с.

Цвинария И.И. Раскопки дольменов в с. Отхара (Гудуатский район) // Полевые археологические исследования в 1977 г. / Под ред. О. Лордкипанидзе, Т. Микеладзе, И. Джалагания. Тбилиси: Мецниереба, 1980. С. 26-32.

Информация об авторе:

Осипова Екатерина Владиславовна, аспирант, Центр палеоэтнологических исследований, Институт Востоковедения РАН (г. Москва, Россия); oskate4@mail.ru

REFERENCES

- Akhanov, I. I. 1961. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 139-150 (in Russian).
- Bzhaniya, V. V. 1985. In Shamba, G. K. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1981-1982 gg v Abkhazii (Archaeological Discoveries of 1981-1982 in Abkhazia)*. Tbilisi: "Metsniereba" Publ., 8-14 (in Russian).
- Voronov, Yu. N. 1979. *Drevnosti Sochi i ego okrestnostei (Antiquities of Sochi and Its Neighbouring Area)*. Krasnodar: "Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Ivashchenko, I. I. 1935. *Issledovanie arkhaicheskikh pamiatnikov material'noi kul'tury v Abkhazii (The Study of Archaic Monuments of Material Culture in Abkhazia)*. Tiflis (in Russian).
- Kuftin, B. A. 1949. *Materialy k arkheologii Kolkhidy (Materials on the Archaeology of Colchis)*. Tbilisi: "Tekhnika da shroma" Publ. (in Russian).
- Lavrov, L. I. 1960. In Bgazhba, Kh. S. (ed. in chief.). *Trudy Abkhazskogo instituta iazyka, literatury i istorii im. D. I. Gulia (Proceedings of the Abkhaz Institute of Language, Literature and History named after D. I. Gulia)*. Sukhumi, 101-179 (in Russian).
- Lovpache N. G. 2014. In Bgazhnokov, B. Kh., Fomenko, V. A. (eds.). *Drevniaia i srednevekovaiia kul'tura adygov. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Nal'chik, 16-20 oktiabria 2013 g.) Ancient and Medieval Culture of the Adyges. Materials of the International Scientific and Practical Conference (Nalchik, October 16-20, 2013)* 1. Nal'chik: Kabardino-Balkarian Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences, 88-100 (in Russian).
- Markovin, V. I. 1983. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 90-109 (in Russian).
- Pachulia, V. P. 1968. *Istoricheskie pamiatniki Abkhazii, ikh znachenie i okhrana (Historical Monuments of Abkhazia, their Significance and Protection)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Rysin, M. B. 1997. In Masson, V. M. (ed.). *Drevnie obshchestva Kavkaza v epokhu paleometalla (rannie kompleksnye obshchestva i voprosy kul'turnoi transformatsii) (Caucasian Ancient Societies in Paleometal Epoch (early complex societies and questions of cultural transformation))*. Series: *Arkheologicheskie izyskaniia (Archaeological Surveys)* 46. Saint Petersburg: "Evropeiskii Dom" Publ., 85-123 (in Russian).
- Samokvasov, D. Ya. 1887. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevianko A. P. (eds.). *Trudy V arkheologicheskogo s"ezda v Tiflise v 1881 g (Proceedings of the 5th Archaeological Congress in Tiflis in 1881)*. Moscow (in Russian).
- Smirnov, A. M. 2010. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology*. (2), 169-184 (in Russian).
- Solovyev L. N. 1960. In Bgazhba, Kh. S. (ed. in chief.). *Trudy Abkhazskogo instituta iazyka, literatury i istorii im. D. I. Gulia (Proceedings of the Abkhaz Institute of Language, Literature and History Named After D. I. Gulia)*. Sukhumi, 101-179 (in Russian).
- Trifonov, V. A. 2009. In Makarov, N. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia: Evropeiskaia Rossiia 1991-2004 (Archaeological Discoveries: European Russia, 1991-2004)*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 115-128 (in Russian).
- Felitsyn, E. D. 1879. In *Izvestija Imperatorskogo obshchestva liubitelei estestvoznaniia, antropologii i etnografii (Society of the Devotees of Natural Science, Anthropology, and Ethnography)* (31) 28 (in Russian).
- Tsvinariya, I. I. 1980. In Lordkipanidze, O., Mikeladze, T., Dzhalagania, I. (eds.). *Polevyie arkheologicheskie issledovaniia v 1977 g. (Field Archaeological Studies in 1977.)*. Tbilisi: "Metsniereba" Publ., 26-32 (in Russian).

About the Author:

Osipova Ekaterina V. Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. Rozhdestvenskaya, str., 12. Moscow, 107031, Russian Federation; oskate4@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2021 г.
Статья принята к публикации 01.10.2021 г.

УДК 904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.5.306.312>

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КЛАДА АСТРАГАЛОВ XI–XII ВЕКА С САМОСДЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА¹

© 2021 г. Т.О. Петровичева

Обнаружение клада астрагалов – нечастое явление, что вызывает необходимость специального исследования. Контекст обнаружения находки (у стены дома в центральной части городища) с большой долей вероятности позволяет приписать заклад болгарскому населению. Целью сокрытия данного набора альчиков было исполнение ритуала. Так же нельзя до конца исключить, что это был детский схрон или тайник для игрового набора. Три альчика из 26 имеют граффити, которые можно определить, как сочетание двух «елочек», простой крест и сочетание решетки и лесенки. Эти символы имеют защитную семантику и связаны с знаками дома, сети, рода. Анализ комплекса астрагалов показал, что до закладки они могли одновременно использоваться с разными целями: для игры в битки, как амулеты или лошала, как гадальные или игральные кости. В XI–XII веке под влиянием мусульманства происходила потеря магической роли астрагалов, поэтому различные функции астрагалов не вступали в противоречие друг с другом. Множество находок альчиков в поселенческом слое подтверждают переходный этап бытования астрагалов.

Ключевые слова: археология, средние века, Поволжье, Самосделка; клад; альчик; астрагал; граффити.

INTERPRETATION OF THE 11TH–12TH CENTURY HOARD OF ASTRAGALUS FROM SAMOSDELKA SETTLEMENT²

T.O. Petrovicheva

The discovery of a hoard of astragalus is not a common occurrence at medieval archaeological sites in the Volga region, and it therefore required individual research. The context of the find (by the wall of a building in the center of the settlement) very likely implies that it was left by the Bolgar population. Presumably, those who left this hoard were performing a ritual. But one cannot rule out the possibility that it was a cache for a game set or a child's hiding place. Three of the 26 astragalus have graffiti on their surface which can be defined as a combination of two “fir trees”, a cross and a combination of a lattice and ladder. These symbols were associated with protection and have parallels with the symbols of home, fish net and family. The results of an analysis demonstrate that before the astragalus were buried they could have been used as cue ball game items, amulets, smoothing tools, fortune-telling or game dice. In an 11th – 12th centuries, astragalus were losing their magic role due to the spread of the Muslim religion. Thus, they were used for various activities without any controversy. The numerous stones found in the dwelling layer confirm the transitional stage of the use of astragalus.

Keywords: archaeology, Middle Ages, Volga region, Samosdelka, hoard, astragalus, graffiti.

География и датировка находок астрагалов (альчиков) широка – это территория Евразии начиная с бронзового века и вплоть до новейшего времени (Руденко, 2017, с. 27). Однако обнаружение кладов является единичным явлением. Велика вариативность использования альчиков: как лошала для выделки кожи, игровых костей, ритуальных предметов (особенно для погребений), амулетов и оберегов. Поэтому новые данные об использова-

нии астрагалов могут пролить свет на формы бытования и мифологические представления, связанные с ними. В статье на основе контекста, археологических и этнографических аналогий будет сделана попытка интерпретации клада. Другой важной задачей является введение клада в научный оборот и публикация граффити, вырезанных на астрагалах.

Клад был найден 2011 году в ходе раскопок на Самосдельском городище, расположенном

¹ Выражаю благодарность Д. В. Васильеву за материалы для исследования и ценные комментарии, а так же сотрудникам фонда «Археология» ГБУК АО «Астраханский музей-заповедник»: А. А. Тимофееву, Г.В. Стукалову и Д.С. Соловьеву за возможность работать в фонде «Археология».

² The author expressed gratitude to D.V. Vasiliev for studied materials and valuable comments, as well as to the specialists of the Archeology Foundation of the Astrakhan Museum-Reserve A.A. Timofeev, G.V. Stukalov and D.S. Soloviev for the opportunity to work in the Archaeology Foundation.

на территории современной Астраханской области в Камызякском районе неподалеку от села Самосделка. Городище существовало с конца X по первую четверть XIV в. Клад находился внутри сооружения № 25 под кладкой, примыкающей к улице, восточной стены (Зиливинская, т. 1, 2011, с. 97). На основании керамического материала дом датирован XI–XII веком (Зиливинская, т. 1, 2011, с. 158). В земле было зарыто 26 бараньих надпяточных (таранных) костей (рис. 1). Шесть из них были искусственно обработаны. Стоит отметить, что находки альчи́ков широко распространены на памятнике.

Д.В. Васильев отождествляет Самосдельское городище с городом Саксин, описанным арабскими путешественниками. Согласно Абу

Хамид ал-Гарнати, этносы Саксина селились отдельными кварталами (Путешествие..., 1971). Определить, представители какого этноса оставили клад, достаточно сложно, поскольку альчи́ки обнаруживают в большом количестве у огузов, болгар, хазар и сави́ров. Широкое бытование астрагалов можно объяснить схожим мировоззрением населения европейской части Евразии в раннее Средневековье. К этому выводу пришла В.Е. Нахапетян, анализируя символы на астрагалах, которые имели много общего, несмотря на разные техники нанесения (Нахапетян, 1989, с. 82). Учитывая контекст находки, клад, вероятнее всего, оставили болгары. Во-первых, наибольший процент населения городища составляли болгары (Путешествие..., 1971).

Таблица 1 Список обработанных альчи́ков в кладе сооружения №25
Table 1 List of astragalus with traces of processing of the treasure from structure No. 25

№	Описание	Классификация (по Пальцевой)
1	Со следами стесывания на одной боковой стороне	Предметы повседневности: подгруппа 3. Орудия для снятия мездры. Тип 3. Астрагал КРС со следами затесывания и шлифовки (лощения?) или Группа 5. Предметы досуга и культа. Подгруппа 1. Астрагалы. Подтип 1. Астрагалы со следами обработки на поверхности
2	Со следами стесывания и шлифовки на одной широкой стороне и с граффити на выпуклой широкой стороне. В отчете изображение определено как ряды зигзагообразных насечек, однако более правильно его будет трактовать как два изображения «ёлочки».	Подгр. 3. Тип 3. или Гр.5. Подгр.1. Подтип 1.+ граффити
3	С знаком на широкой стороне в виде двух крестообразно пересекающихся линий (крест)	Подгр. 1. + граффити
4	С вырезанной решеткой и лесенкой на выпуклой широкой стороне, другая широкая сторона зашлифована	Подгр. 3. Тип 3. или Гр.5. Подгр.1. Подтип 1. + граффити
5	Со следами стесывания и шлифовки на двух широких сторонах	Подгр. 3. Тип 3. или Гр.5. Подгр.1. Подтип 1.
6	Со следами стесывания и шлифовки с трех сторон и сквозным круглым отверстием (d меньше см)	Гр. 5. Подгр. 1. Подтип 2. Астрагалы со следами обработки на поверхности и отверстиями.

Во-вторых, согласно ал-Гарнати, болгары жили в центральной, наиболее элитной, части городища, где и был найден клад. В-третьих, клад найден в доме, что свойственно для оседлых болгар.

Приступим к анализу данного набора астрагалов. По морфологическому признаку находки астрагалов можно разделить на две группы: необработанные и обработанные (Калмаков, 2010, с. 266). Естественно, первая наиболее распространённая. Существует более разветвлённая классификация по

функционально-морфологическим критериям (Пальцева, 2020, с. 135).

Как уже было сказано, в составе клада лишь 6 альчи́ков из 26 имеют следы обработки¹:

Функциональное значение предметов определяет характер обработки и выбор сюжетов для граффити. Есть несколько версий объяснения назначения астрагалов: игровая, ритуальная (обереги, обрядовые предметы), бытовая. В повседневной жизни известно применение их в кожевенном ремесле: в качестве лоцил, для заглаживания швов на



Рис. 1. Клад альчиков под восточной стеной сооружения № 25. Вид с запада (Зиливинская, 2011. Т. 2., рис. 81).

Fig. 1. The treasure of astragalus under the eastern wall of structure No. 25. The view from the west (Зиливинская, 2011. Т. 2., рис. 81).

одежде (Пальцева, 2020, с. 44), а также для растирания мела и красок, довода поверхности отлитых бронзовых изделий (Шмырина, 2019, с. 182). На Самосдельском городище обнаруживают множество изделий, свидетельствующих о кожевенном ремесле. Например, лопатки МРС для выделки шкур, «костяные коньки» (Торговля и хозяйство..., 2015, с. 32). Это делает весьма вероятным использования альчиков как ремесленного приспособления. В кладе четыре альчика имеют следы шлифовки и, вероятно, могли использоваться для вышеописанных целей. Для окончательного вывода необходимо провести трасологический анализ (Пальцева, 2020, с. 135).

Игра в альчики (битки, лодыжки, бабки) известна у многих народов: мордвы, татар, марийцев, русских, бурят и хакасов (Руденко, 2017, с. 28). Игровой набор состоит из казны и битки. Казна – кучка альчиков, которые выбивали с помощью битки. Для казны использовали как обработанные, так и необработанные астрагалы. Битка изготавливалась так: астрагал подрезали, затем стачивали уплощенные стороны. В битке могли высверливать сквозное отверстие, чтобы залить свинец. Существуют находки полностью металлических биток. Среди астрагалов нашего клада нет битки с классическими параметрами. Среди других находок разных годов на Самосдельском городище есть четыре альчика с отверстиями, залитыми свинцом (Пальцева, 2020, с. 134). В сооружении № 23, находящемся недалеко от сооружения, в котором был найден данный заклад, был найден клад свинцовых слитков. Вместе со слитками (использовались вместо денег) были две грубые отливки

в форме альчиков (Торговля и хозяйство..., 2015, с. 30). Находки свинцовых и утяжеленных альчиков свидетельствуют о бытовании игры. Все астрагалы из набора могли потенциально использоваться для игры, тем более для игры обычно используют не менее двух десятков костей (Руденко, 2017, с. 28).

Кроме этого, из альчиков делали обереги и амулеты. Находки астрагалов с сквозными отверстиями подтверждают такую возможность (Пальцева, 2020, с. 134).

Граффити на астрагалы наносили в технологии холодного прочерчивания, характерного для изделий из кости (Майко, 2014, с. 131). Инструмент слетал, часто оставляя побочные штрихи. Изображения условны и примитивны, что говорит о том, что астрагалы не стремились украсить (Нахапетян, 1989, с. 82). Маловероятно, что их использовали для гаданий. Тогда имело бы смысл наносить изображение только на одну сторону, чтобы выбор символа был случайным (Нахапетян, 1989, с. 82). Поскольку граффити часто присутствуют на нескольких сторонах, более вероятно использование альчиков как предметов ритуала.

Таким образом, для альчиков из данного клада нельзя исключать все вышеуказанные способы применения: для лощения, растирания, игры, в ходе ритуалов и в качестве амулетов.

Подходя к решению вопроса о цели сокрытия клада, стоит отметить, что пока нельзя дать окончательный ответ. Можно сразу исключить случайное скопление нескольких десятков альчиков в одном месте. Предположение, что это был детский схрон, почти невозмож-

но подтвердить или опровергнуть. Косвенным аргументом могла бы стать статистика обнаружения закладов астрагалов, оставленных вне помещений. Кроме вышеперечисленного это мог быть тайник для игрального набора. Закладка клада астрагалов внутри дома вероятно носила ритуальный характер. Во-первых, об этом свидетельствует местоположение клада – дом – сакральное пространство (Бурнаков, 2011, с. 309). Подтверждает эту версию существование аналогичных закладов внутри домов на других памятниках. Во-вторых, факт присутствия альчи́ков в ямах, связанных с проведением ритуалов. В-третьих, наличие символов дома и охранительных знаков-граффити на поверхности астрагалов.

В традиционных обществах жилище отождествлялось с вселенной, его пространство делилось на различные зоны (мужскую и женскую, стороны добрых и злых духов и т. д.). Внутри проводились важнейшие обряды жизненного цикла (Бурнаков, 2011, с. 308–321). Широко известен обряд закладки перед строительством определенных предметов ради благополучия будущих обитателей. Хакасы, например, закладывали камень (Бурнаков, 2011, с. 317). Хотя клад находится не под порогом, тем не менее можно предположить, что он служил в качестве оберега, охраняющего дом. Защищать было от чего – жилище было построено на разровненном фундаменте недавно сгоревшего дома.

Кроме данной находки на Самосдельском городище известно еще несколько подобных закладов. В 2003 году в специально вырытой ямке был найден клад из 48 альчи́ков (Зиливинская, 2004, с. 25). В нескольких десятках сантиметров от неё располагалась закладка – вероятно, упавшие нижние ряды сооружения 17. В отчете заклад был назван тайником для игровых костей (Зиливинская, 2004, с. 25). На 11 из 48 астрагалов были следы сработанности, отверстия или насечки. Дно ямки имело следы прокалывания. Вряд ли мы можем интерпретировать ее как очаг, поскольку ямка была цилиндрической формы. Скорее всего, это следы ритуальных действий с огнем, чему нередко, как будет ясно из примеров ниже, сопутствуют альчи́ки.

Самосдельский клад имеет прямую аналогию на Калинском городище эпохи Средневековья (Пермское Предуралье). Там в жилище был найден набор из 13 астрагалов: 12 со следами сработанности и 1 с вырезанными полосами (Шмырина, 2019, с. 183). На

Животинном городище (VIII – начало X века, боршевская культура славянского круга) 74 астрагала из 215 были найдены на территории помещений (Винников, 2011, с. 87), из них 19 на полу, 3 в печах. Значительное число было заложено перед закладкой домов в котлованах построек. Причем на этом памятнике не было найдено ни одного набора альчи́ков свыше 3 штук.

Известны примеры использования астрагалов в ритуалах. Например, на Животинном городище в яме № 55 на деревянной подставке найден бронзовый котел, большое скопление зерен злаков и астрагалов (Винников, 2011, с. 89–90). Предметы были сильно обгоревшие. Кроме этого, обнаружено ритуальное погребение головы лошади. Череп лежал на слое угля, рядом были найдены несколько десятков астрагалов. Часть из них были со сквозными отверстиями. Винников отмечает, что для ритуалов использовали любые астрагалы. По моему предположению, яма № 98 (начало XI века) на Самосдельском городище может тоже иметь ритуальное происхождение. В ней был обнаружен череп подростка вместе с фрагментами керамики, костями и 19 альчи́ками (из них 3 со следами обработки) (Зиливинская, т. 1, 2011, с. 125–127).

В.Е. Нахапетян классифицировала изображения на астрагалах и выделила три группы наиболее часто повторяющихся знаков. Первая – знаки, символизирующие дороги в другой мир: лесенки, деревья, веревки, ступеньки. Вторая – квадраты с часто вписанным крестом – схема горизонтального мира. Третья – это решетки, сетки – оберег от злых сил, символизирующий схему дома, ритуальную рыбную ловлю, охотничьи силки (Нахапетян, 1989, с. 76–77). Семантика решетки прослеживается у болгар – символ рода, многоквартирный дом. Решетка у населения Северного Кавказа связана с сетью и является защитным символом (Нахапетян, 1989, с. 77). Набор символов в самосдельском кладе включает примеры всех трех групп самых распространенных и типичных изображений: ёлочка, крест и решетка (рис. 2). Все они защитного круга и связаны с пограничьем мира живых и мертвых (Нахапетян, 1989, с. 76). Решетка может быть связана с рыбной ловлей, поскольку это был один из главных промыслов Саксина.

В.В. Майко заметил уменьшение численности астрагалов на памятниках Крыма с распространением христианства и исчезновением салтово-маяцкой культуры (Майко, 2013,

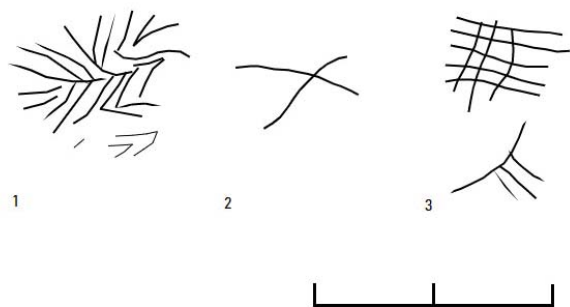


Рис. 2. Граффити на астрагалах: 1. Сочетание двух «елочек», 2. Две пересекающиеся линии (простой крест), 3. Сочетание решетки и лесенки.

Fig. 2. Graffiti on astragalus: 1. A combination of two "fir tree", 2. Two intersecting lines (a cross), 3. A combination of a lattice and a ladder.

с. 323). Астрагалы постепенно теряют свое сакральное значение в XI–XII веке, переживая переходный этап от ритуала к игре. Альчики оседают в культурном слое поселенческих памятников в количестве примерно равном погребальным (этот процесс находит полную аналогию на Самосдельском городище). В Саксине подобный процесс мог происходить под влиянием иудаизма и мусульманства. Существуют письменные свидетельства наличия в городе нескольких мечетей (ал-Гарнати). Несмотря на это, на протяжении XI–XII веков астрагалы продолжают использоваться в ритуалах. Возможно, существовали ритуализированные игры, известные у других народов (Майко, 2013, с. 323). Хотя в предыдущие периоды, особенно для бронзового века, они типичны для погребений (Сотникова, 2014, с. 60.). В XIII–XIV веке игра с астрагалами окончательно потеряла мифологическую привязку. Игра в битки распространилась среди народов, населяющих Восточную Европу, Крым, Поволжье, Урал и Сибирь. Многочисленны находки биток на памятниках Золотой Орды и Киевской Руси (Шмырина, 2019, с. 27–28). Игра просуществовала до начала XX века.

Проводить этнографические аналогии из-за смены роли астрагалов необходимо с осторожностью. Тем не менее прослеживается защитная семантика альчиков. У тюркских народов сохранилась традиция подвешивать и закапывать альчики в доме и загонах со скотом. Хакасы и казахи подвешивали альчики в юртах, чтобы они приносили счастье и удачу. Тувинцы и хакасы зарывали несколько

астрагалов в загонах для овец, обеспечивая тем самым плодотворное потомство. Киргизы и казахи использовали астрагалы как обереги, которые защищали скот и имущество. Карачаевцы привязывали её рядом с изголовьем ребёнка косточку-оберег. Если ребёнок заболел, то совершали следующий ритуал: овечью или волчью косточку клали в сосуд с водой и омывали ребёнка.

Подведем итоги. С большой долей вероятности клад был оставлен болгарским населением. Он был сознательно зарыт в доме в ходе ритуала. Граффити на альчиках согласуются с защитной функцией клада. Они представлены символами дома, рода, сетей (для рыбы?). Одновременно с этим нельзя исключать, что это был тайник с игральным набором. Анализ комплекса астрагалов показал, что до закладки они могли одновременно использоваться с разными целями: для игры в битки, как амулеты или лошала, как гадальные или игральные кости. Поскольку в этот исторический период происходила потеря магической роли астрагалов, различные функции не вступали в противоречие друг с другом. Множество находок в слое поселения подтверждают переходный этап бытования астрагалов.

Статистика археологического контекста обнаружения астрагалов и изображений на них сможет дать окончательный ответ об их предназначении. Дальнейшим перспективным направлением для исследования будет составление статистики мест обнаружения альчиков на Самосдельском городище.

Примечания:

¹ ГБУК АО Астраханский музей-заповедник. Коллекция "Археология": Альчики без следов обработки (20 шт.) оп. № 8.5.15. НВ 19305/277-296; со следами обработки: 1. Оп. № 8.5.16. НВ 19305/297, 2. Оп. 8. 5. 17. КП 48161/222, 3. Оп. 8. 5. 18. КП 48161/222, 4. Оп. 8. 5. 19. КП 48161/224, 5. 4. Оп. 8. 5. 20. КП 48161/225, 6. Оп. 8. 5. 21. КП 48161/226.

ЛИТЕРАТУРА

Путешествие Абу Хаида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / Публ. и коммент. О.Г. Большакова, А.Л. Монгайта. М.: Наука. 1971. 134 с. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Garnati/frametext1.htm> (Дата обращения: 07.12.2020)

Бурнаков В.А. Жилище в традиционных верованиях и обрядности хакасов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т.11. №. 7. С. 308–322.

Васильев Д.В. Город Саксин: Местоположение и население (по письменным источникам и материалам Самосдельского городища) // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2015. Т. 157, кн. 3. С. 12–24.

Васильев Д.В. Новые данные о городе и области Саксин // Поволжская археология. 2015. №2 (12). 2015а. С. 189–267.

Васильев Д. В. Торговля и хозяйство города Саксина в XI–XIII вв. (по письменным источникам и по материалам Самосдельского городища) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2015б. № 2 (32) С. 25–35.

Винников А.З. Костяные амулеты со славянского Животинного городища VIII – начала X века // Вестник ВГУ. Серия: история, политология, социология. 2011. №1. С. 87–94.

Зиливинская Э.Д. Отчет о раскопках городища Самосделка в Камызякском районе Астраханской области в 2011 году Том 1 / НОА ИА РАН Ф. 1. Р. 1 №61/635.

Зиливинская Э.Д. Отчет о раскопках городища Самосделка в Камызякском районе Астраханской области в 2011 году Том 2 / НОА ИА РАН Ф. 1. Р. 1 №61/636.

Зиливинская Э.Д. Отчет о раскопках городища Самосделка в Камызякском районе Астраханской области в 2011 году Том 4 / НОА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. №61/638.

Калмаков А.Б. Астрагалы из материалов Самосдельского городища // XLII Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция / Отв. ред. В.Н. Рассадин. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010. С. 266–268.

Майко В.В. Восточный Крым во второй половине X–XII вв. Киев, 2014. 265 с.

Майко В.В. Изделия из кости и рога византийской Сугдеи X–XII вв. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (МАИЭТ). 2013. Вып. XVIII. С. 316–332.

Шмырина М.Е. Средневековые орнаментированные астрагалы с территории пермского Предуралья: функциональное использование // LI Урало-поволжская археологическая студенческая конференция материалы всероссийской (с международным участием) конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Курган: Курганский гос. Ун-т, 2019. С. 182–184.

Пальцева Д.У. Костяные изделия городов Волжской Булгарии и болгарского улуса Золотой Орды X–XIV вв. Дисс. ... канд. ист. наук. Казань: ИА АН РТ, 2020. 194 с.

Руденко К.А. Игровая культура народов среднего // Вестник КазГУКИ. 2017. № 3. С. 27–31.

Сотникова С.В. Детские погребения с наборами астрагалов как отражение детской сферы сакральности // Вестник Пермского университета. История. 2014. Вып. 1 (24). С. 60–70.

Нахапетян В.Е. О назначении знаков на астрагалах (салтово-маяцкая культура) // Ранние болгары в Восточной Европе / Отв. ред. А. Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1989. С. 73–89.

Информация об авторе:

Петровичева Таисия Олеговна, Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН) (г. Москва, Россия); taisia-petrovi4eva@ya.ru

REFERENCES

In Bol'shakov, O. G., Mongait, A. L. 1971. *Puteshestvie Abu Khamida al-Garnati v Vostochnuiu i Tsentral'nuiu Evropu (1131–1153 gg.) (The Journey of Abu Hamid al-Gharnati in Eastern and Central Europe (1131–1153))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian). Available at: <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Garnati/frametext1.htm> (Accessed 07.12.2020).

Burnakov, V. A. 2011. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 11 (7), 308–322 (in Russian).

Vasiliev, D. V. 2015. In *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki (Scientific Bulletin of the Kazan University. Series: Humanities)* 157. Book 3, 12–24 (in Russian).

Vasiliev, D. V. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 12 (2), 189–267 (in Russian).

Vasiliev, D. V. 2015. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia (Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations)* 2 (32). 25–35 (in Russian).

Vinnikov, A. Z. 2011. In *Vestnik Voronezhskogo Gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriia, politologiya, sociologiya»* (Bulletin of the Voronezh State University. History, Political Science, Sociology Series) (1). 87–94 (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 2011. *Otchet o raskopkakh gorodishcha Samosdelka v Kamyziakskom raione Astrakhanskoi oblasti v 2011 godu* (Report on the Excavations of Samosdelka Settlement in Kamyzyaksky District of Astrakhan Oblast in 2011) 1. Archive of the Institute of Archaeology of the RAS, Found-1. R-1, Inv. no 61/635 (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 2011. *Otchet o raskopkakh gorodishcha Samosdelka v Kamyziakskom raione Astrakhanskoi oblasti v 2011 godu* (Report on the Excavations of Samosdelka Settlement in Kamyzyaksky District of Astrakhan Oblast in 2011) 2. Archive of the Institute of Archaeology of the RAS, Found-1. R-1, Inv. no 61/636 (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 2011. *Otchet o raskopkakh gorodishcha Samosdelka v Kamyziakskom raione Astrakhanskoi oblasti v 2011 godu* (Report on the Excavations of Samosdelka Settlement in Kamyzyaksky District of Astrakhan Oblast in 2011) 4. Archive of the Institute of Archaeology of the RAS, Found-1. R-1, Inv. no 61/638 (in Russian).

Kalmakov, A. B. 2010. In Rassadin, V. V. (ed.). *XLII Uralo-Povolzhskaya arkheologicheskaya studencheskaya konferentsiya (42nd Ural-Volga Archaeological Student Conference*. Kostroma: Kostroma State University, 266–268 (in Russian).

Maiko, V. V. 2013. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria) (18). 316–332 (in Russian).

Maiko, V. V. 2014. *Vostochnyi Krym vo vtoroi polovine X-XII vv. (Eastern Crimea in the Second Half of the 10th – 12th Centuries.)*. Kiev (in Russian).

Nakhapetyan, V. E. 1989. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Rannie bolgary v Vostochnoi Evrope (The Early Bulgars in Eastern Europe)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 73–89 (in Russian).

Paltseva, D. U. 2020. *Kostianye izdeliia gorodov Volzhskoi Bulgarii i bolgarskogo ulusa Zolotoi Ordyy X–XIV vv. (Bone Products from the Towns of Volga Bulgaria and the Bulgarian Ulus of the Golden Horde in the 10th – 14th Centuries.)*. Diss. of Candidate of historical Sciences. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Rudenko, K. A. 2017. In *Vestnik Kazanskogo Gosudarstvennogo Universiteta Kul'tury I Iskusstv* (Bulletin of the Kazan State University of Culture and Arts) 3, 27–31 (in Russian).

Sotnikova, S. V. 2014. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istoriia* (Bulletin of the Perm University: History Series). 24 (1), 60–70 (in Russian).

Smyrina, M. E. 2019. In Maslyuzhenko, D. N., Novikov I. K. (eds.). *LI Uralo-Povolzhskaya arkheologicheskaya studencheskaya konferentsiya (UPASK, 5-8 fevralya 2019 goda): materialy vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiem) konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh (51st Ural-Volga Archaeological Student Conference (UPASK, February 5–8, 2019): Proceedings of the All-Russian (with International Participation) Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists)*. Kurgan: Kurgan State University Publ., 182–184 (in Russian).

About the Author:

Petrovicha Taisiia O. State Academic University for the Humanities. Maronovskiy pereulok, 26, Moscow, 119049, Russian Federation; taisia-petrovi4eva@ya.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2021 г.
Статья принята к публикации 01.10.2021 г.

ГОНЧАРНАЯ ПЕЧЬ ДЛЯ ОБЖИГА С ГОРОДИЩА САРАЙЧИК ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 1950 ГОДА

© 2021 г. Д.З. Сагидуллаев

Статья посвящена печи для обжига, исследованной раскопками Г.И. Пацевича в 1950 году на золотоордынском городе Сарайчик в Северо-Восточном Прикаспии. Предназначение обнаруженной печи изначально было не ясным из-за того, что она являлась одним из первых сооружений этого типа, найденных в городах Улуса Джучи. Аналогичные печи позже были выявлены в городах Центральной Азии, на Урале, в Поволжье и в Восточной Европе. Целью настоящей статьи является уточнение функционального назначения исследованного объекта и определение круга существующих аналогий. Результаты сравнительного анализа подобных печей, найденных на памятниках Золотой Орды в течение второй половины XX – начала XXI веков, позволили идентифицировать и определить функциональное назначение сарайчикской печи. В итоге работы было определено ее функциональное предназначение – печь для обжига кирпичей.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, Северо-Восточный Прикаспий, памятник, кирпичеобжигательная печь, раскопки, идентификация.

POTTERY KILN FROM SARAYCHIK SETTLEMENT BASED ON THE EXCAVATION MATERIALS OF 1950

D.Z. Sagidullaev

The paper examines a kiln investigated by G.I. Patsevich's excavations in 1950 at the Golden Horde's city Saraichik in the North-Eastern Caspian Sea region. The purpose of the discovered furnace was initially unclear due to the fact that it was one of the first structures of this type found in the cities of the Ulus of Jochi. Similar furnaces were later identified in the cities of Central Asia, the Urals, the Volga region and Eastern Europe. The purpose of this paper is to clarify the functional purpose of the studied object and to determine the range of existing analogies. The results of a comparative analysis of similar furnaces discovered at the monuments of the Golden Horde during the second half of the 20th – the early 21st centuries allowed to identify and determine the functional purpose of the Saraichik furnace. As a result of the work, the functional purpose of the furnace was determined – a brick kiln..

Keywords: archaeology, Golden Horde, North-Eastern Caspian region, monument, brick kiln, excavation, identification.

Территория Золотой Орды включала в себя множество улусов и земель, начиная от Иртыша и до Дуная. Городище Сарайчик, рассматриваемое в настоящей статье, находится на территории северо-восточного Прикаспия, то есть в составе доменного региона Золотой Орды. Территория бассейна реки Урал изучена неравномерно по сравнению с другими регионами. Так, например, городища Нижнего Поволжья неоднократно подвергались масштабным исследованиям, начиная с середины прошлого века и до настоящих дней. Сопоставляя результаты исследования Нижнего Поволжья с результатами изучения памятников вышеуказанного региона, можно прийти к выводу, что северо-восточный Прикаспий золотоордынской эпохи остается относительно малоизученным регионом. В этой части золотоордынской ойкумены располагается целый ряд крупных поселенческих

памятников, важнейшим из которых является городище Сарайчик.

Детальное изучение городища Сарайчик позволяет определить локальные особенности развития северо-восточного Прикаспия золотоордынского времени, а изучение обжигательных печей очень важно для исследования экономики Золотой Орды. Изучение их конструкции может дать новые сведения о путях распространения ремесленных традиций и технологий. Каждая находка такой печи представляет огромную важность. Тем более важны такие исследования для памятников, которые были исследованы мало и плохо, как Сарайчик.

Археологические исследования на городище Сарайчик впервые производились в 1937 году экспедицией Западно-Казахстанского отдела Общества изучения Казахстана под руководством Н. Артюзова (Артюзов, 1937).

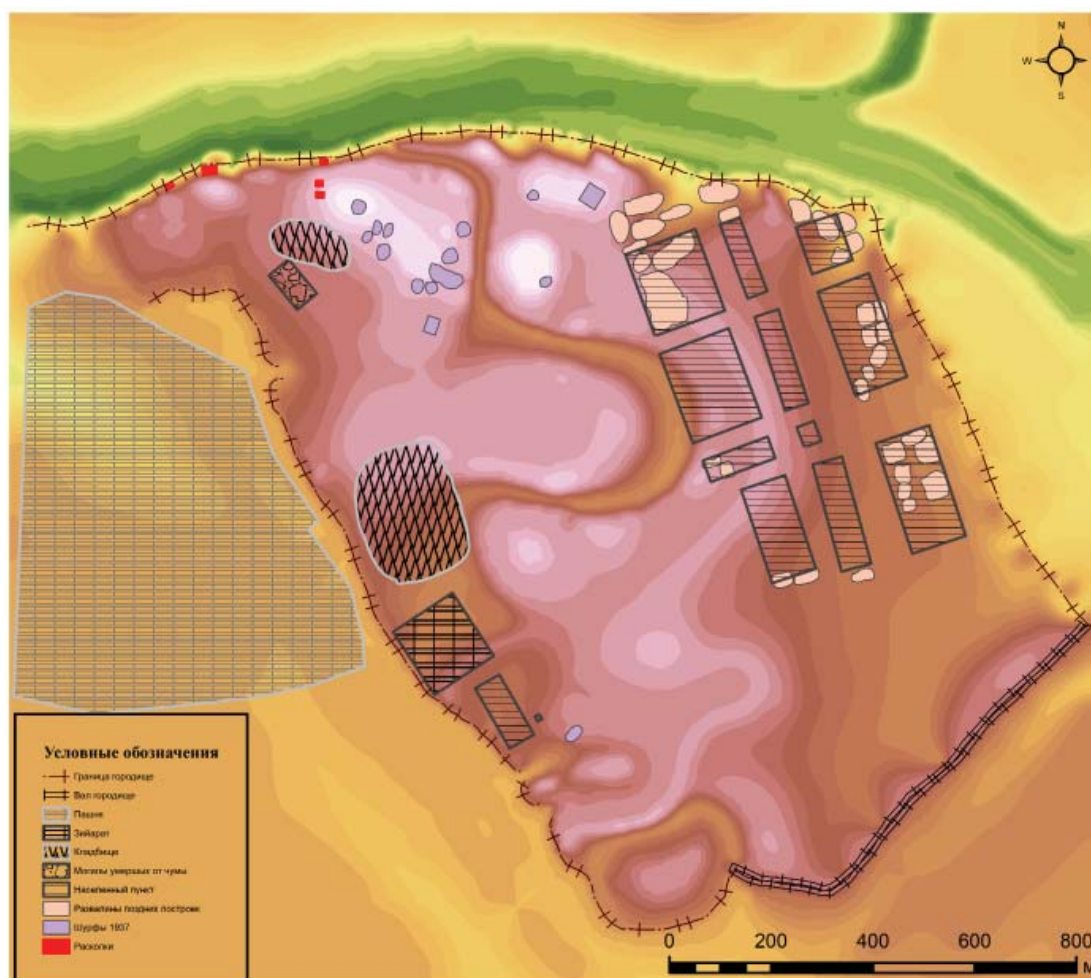


Рис. 1. План городище Сарайчик 1950 года

Fig. 1. Plan of the Saraychik settlement, 1950

Следующие археологические раскопки проводились в 1950–1952 годах под руководством Е.И. Агеевой, Т.Н. Сениговой и Г.И. Пацевича (Агеева, Сенигова, Пацевич, 1953). В полевом сезоне 1950 года было произведено 5 раскопов (рис. 1). На втором раскопе на глубине 2,10 метра, который был заложен в 100 метрах к западу от первого, была найдена керамическая обжигательная печь (Пацевич, 1950, 1952, 1957).

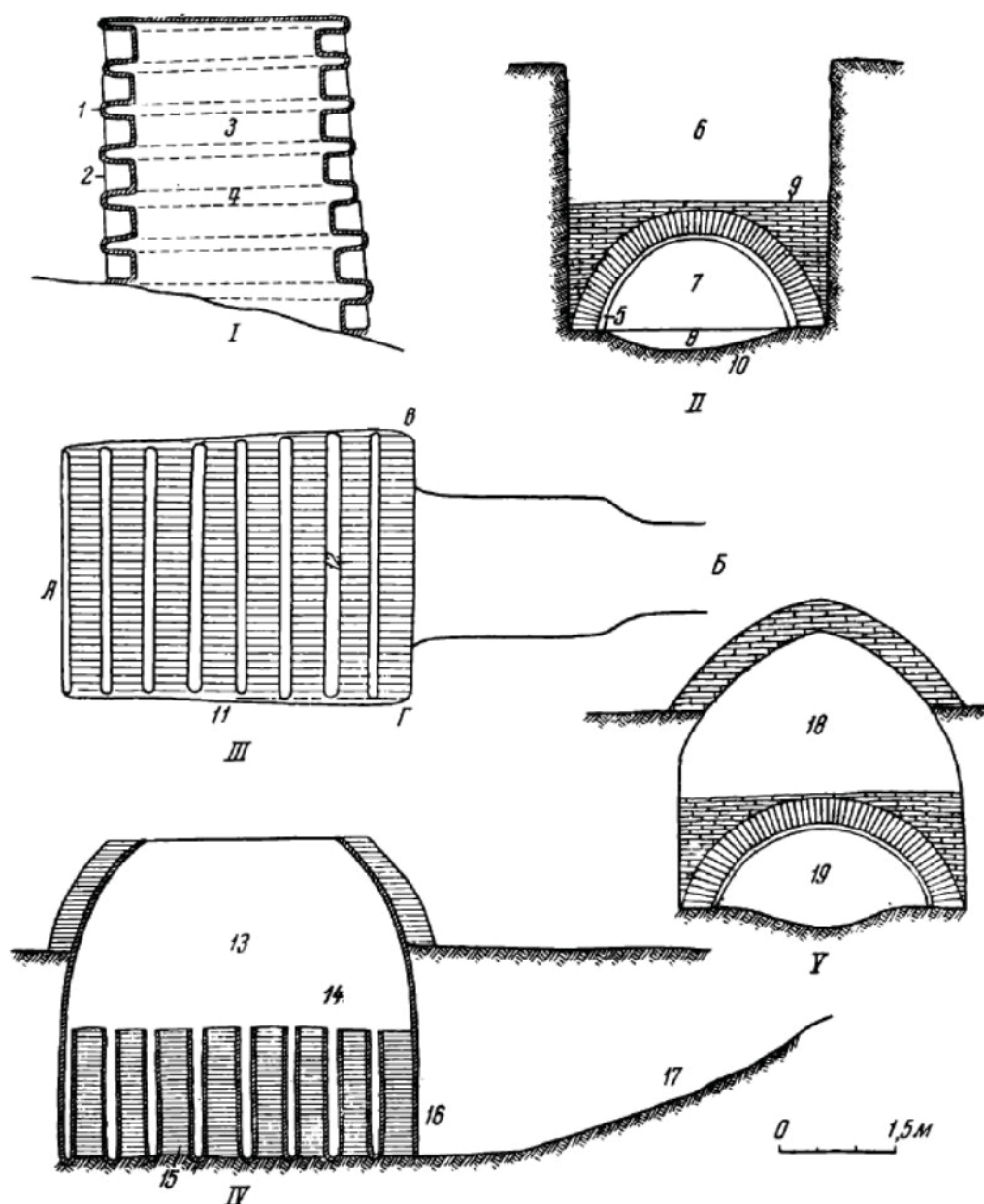
Исследованная печь является относительно малоизвестной находкой, она представляет интерес с точки зрения определения общих традиций кирпичеобжигательного производства северо-восточного Прикаспия золотоордынского времени.

В отчете Г.И. Пацевича печь описана как сложный объект, состоявший из нескольких арок полуциркульной снизу формы, верхняя сторона которых имела горизонтальную площадку. Арки эти были сооружены из сырцового кирпича-плитки размером 36–37 на 36–37 см, 7–8 см высотой, уложенного в один ряд на глиняном растворе. Верхняя горизонтальная площадка арки образована путем

закладки пазух сводов таким же сырцовым кирпичом, уложенным плашмя. Сохранилось 6 полных и одна (наружная) неполная арки. Они расположены в ряд, параллельно одна другой, с промежутками в 13–20 см, а между последней аркой и оштукатуренной задней (южной) стенкой оставлен промежуток шириной всего в 8 см (Пацевич, 1950).

Высота сохранившихся шести арок от середины канавообразного углубленного пода до средней части их – 1,65 м, а до уровня основания арок – 1,20 м. Ширина пролета между нижними концами арок, у их основания, не одинаковая, а именно: первой арки – 2,57 метра, 2-й – 2,51 м, 3-й – 2,43 м, 4-й – 2,40 м, 5-й – 2,40 м и 6-й, последней, – 2,35 м, т. е. они постепенно сужаются (рис. 2). Общая длина сохранившейся части огневой камеры была около 4,0 м (западная сторона 4,40 м и восточная 3,70 м) (Пацевич, 1957).

Таким образом, в результате произведенных раскопок установлено, что печь конструктивно была двухъярусной, нижняя часть служила огненной (топочной) камерой, а верхняя – камерой обжига. Печь была соору-



План и разрезы печи для обжига кирпича.

I — план сохранившейся части сооружения; *II* — разрез сохранившейся части сооружения; *III* — план печи; *IV* — разрез печи по *AB*; *V* — разрез печи по *BГ* (*III—V* — реконструкция); 1, 5 — многослойная обмазка; 2 — сырцовая кирпичная кладка; 3, 15 — арка; 4, 12, 14 — жаровой канал — продух; 6, 13, 18 — камера обжига; 7, 16, 19 — топочная (или огневая) камера; 8 — слой золы; 9, 11 — под камерой обжига; 10 — под огневой камеры; 17 — спуск к топке.

Рис. 2. План и разрезы печи для обжига
Fig. 2. Plan and sections of a kiln

жена в специально вырытом котловане, значительная часть камеры обжига была впущена в грунт. Все арки огневой камеры были сооружены без фундамента, непосредственно на уплотненном грунте. Верхняя, выступавшая из грунта наружу часть камеры обжига была сооружена из кирпича в виде несколько вытянутой с севера на юг пирамиды или, вернее, короба. Доступ к топочному устью огневой камеры происходил по траншее, прорезанной в грунте с северной, разрушенной водой,

стороны печи до глубины пода огневой камеры (Пацевич, 1950).

В результате расчистки не было найдено почти никаких остатков предметов материальной культуры, кроме небольших фрагментов исключительно неполивной керамики. Судя по массивности арок огневой камеры, могущих выдержать большую загрузку, Пацевич предполагал, что печь предназначалась для обжига кирпича-плитки. Но из-за небольшой ширины жаропроводных каналов он

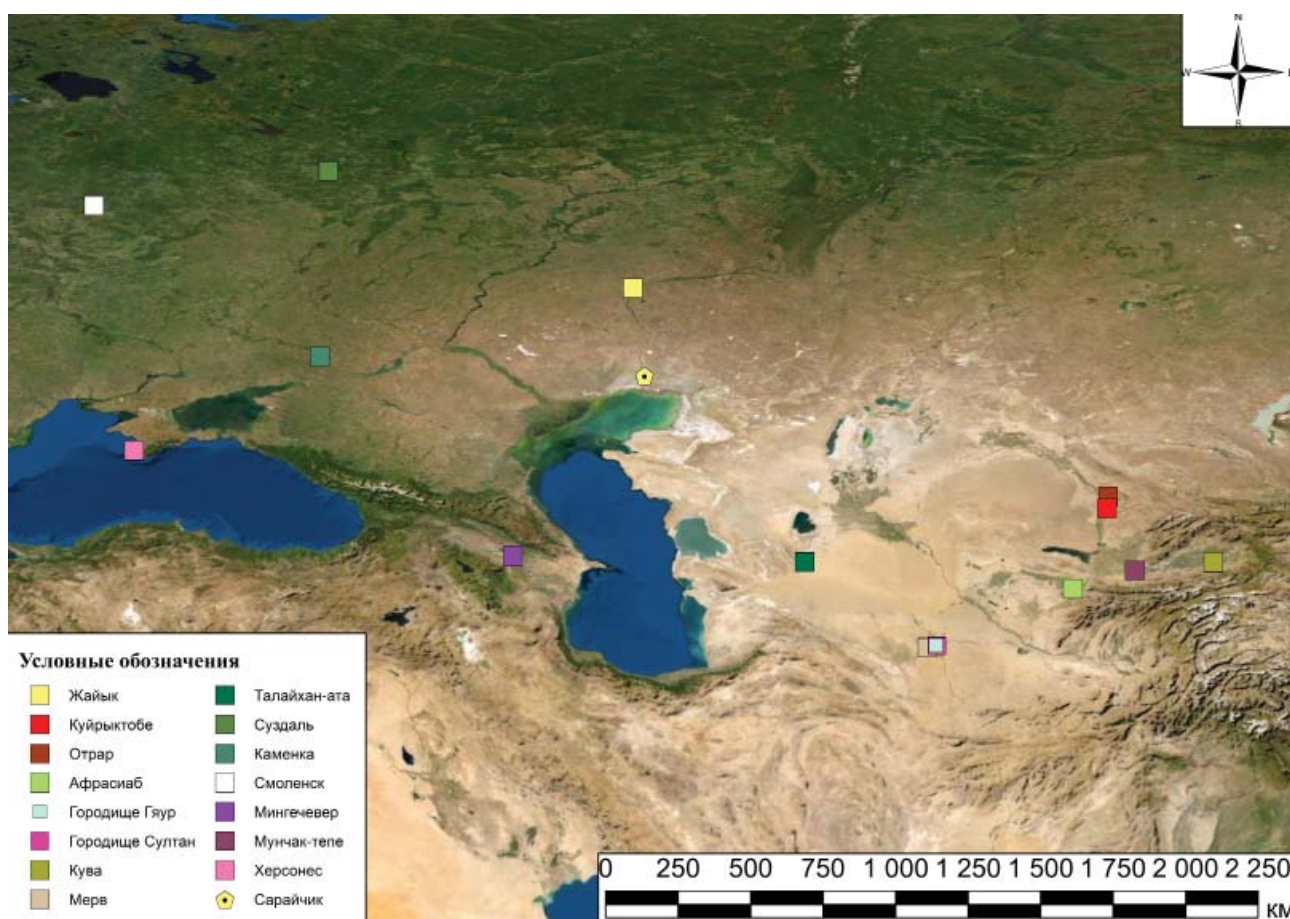


Рис. 3. Карта городов с кирпичеобжигательными печами

Fig. 3. Map of cities with brick kilns

допустил вероятность, что в этой печи могли производить также обжиг мелкой посуды. Точное определение назначения печи оказалось невозможным из-за отсутствия остатков посуды или кирпича как внутри огневой камеры, так и внутри камеры обжига (Пацевич, 1950).

В качестве аналогий раскопанному сооружению Г.И. Пацевич приводит примеры печей, раскопанных в 1940 году А.Л. Якобсоном в Херсонесе, Г.И. Ионе в Азербайджане и В.Ф. Гайдукевичем в 1943 году в городище Мунчак-тепе (левый берег верхнего течения р. Сыр-Дарьи) (рис. 3).

А.Л. Якобсон определил выявленные им остатки трех печей как гончарные горны. Длина одной из них, грушевидной формы, была 3,44 м. Верхняя часть канала в середине топочной камеры была возведена из кирпичей в виде купола. Длина другой печи составляла 3,72 м. Печь прямоугольная, углы закруглены. Третья печь сохранилось плохо, поэтому не рассмотрели. Судя по покрытиям из керамики, найденной рядом, их датировали к XI–XII вв. (Якобсон, 1941; Ионе, 1949; Гайдукевич, 1949).

Близкие по форме к херсонесским печи были исследованы на древнерусских памятниках. Так, в 1949 году на берегу реки Каменки обнаружили печь для обжига плинфы. Похожая печь была найдена в 1950 году возле кремля Суздаля. А.Д. Варганов датировал их XI–XII вв. (Варганов, 1956). Все они были интерпретированы как кирпичеобжигательные печи.

Еще одна аналогия была выявлена в 1963 году экспедицией под руководством Н.Н. Ворониной на восточной стороне городища Смоленск. А.А. Юшко датировал их концом XII в. (Юшко, 1966)

Схожие печи, состоявшие из двух частей и близкие по размерам, предназначенные для обжига кирпичей, были найдены в Средней Азии довольно в большом количестве. Так, например, в 1952 году в результате археологических раскопок под руководством О.А. Вишневского возле караван-сарая Талайхан-ата выявлена печь, возведенная из обожженного кирпича. Печь датируется концом XIV в. – началом XV в. (Вишневская, 1958). В 1953 году К. Адыков обнаружил две печи в городе Мерв, построенные смежно друг с другом.

Он датировал эти печи концом XII – началом XIII в. (Адыков, 1955). В 1954–1955 годах в средневековом городище Мерв Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией в течение двух лет было выявлено еще десять печей. По исследованию С.Б. Луниной, печи относятся к началу XII – XIII в. (Лунина, 1958). В 1956 году И. Архаровым выявлены 5 печей, расположенных на склоне рабада старого города Кува (Центральная Фергана). Автор раскопок датировал одну из них XI в. (Архаров, 1962). А в 1959–1960 гг. Е.Б. Пругер выявил три печи на городище Султан в средневековой местности Мерв и одну печь в городище Гяур. Проанализировав все кирпичеобжигательные печи, он заключил, что обнаруженные печи в городище Султан датируются XI–XII вв. (Пругер, 1969). В 1971 году Ш. Шарахимов нашел печь в Афрасиабе. Печь относилась к XIV–XV вв. (Шарахимов, 1974). Обнаруженные в 2 км западнее центральной части городища Отрара и в рабаде городища Куйрыктобе печи существовали во второй половине XIII в. – в первой половине XIV в. (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987).

В течение последующих лет и до настоящего времени аналогичные печи были найдены и на территории Северо-Восточного Прикаспия, на том же городище Сарайчик и на городище Жайык. Печь Сарайчика прямоугольной формы размерами 5,9×3,75 м обнаружена в 1981 году Л.Л. Галкиным в ходе ежегодных наблюдений береговых линий памятника (Галкин, 1981). На городище Жайык изучены две печи. Первая печь найдена в результате исследовательских работ, проведенных восточнее городища Жайык в 2001 году, и

датируется XIII–XIV вв. (Байпаков, Смагулов, Ахатов, 2005). А в 2012 году археологические раскопки были проведены восточнее городища Жайык, в результате чего выявлена вторая печь с сохранившейся топочной камерой. Датируется XIII–XIV вв. (Калменов, 2013).

Исходя из вышесказанного, мы можем констатировать, что печь, раскопанная Пацевичем, является, несомненно, кирпичеобжигательной. Отсутствие остатков керамических изделий как внутри, так и снаружи помешало Пацевичу точно определить предназначение печи. Это прослеживается в отчете 1950 года, где он описал печь как гончарную, но допустил вероятность, что в печи, возможно, обжигали кирпичи. Позже, в 1957 году, вышла его статья, в которой он интерпретирует данную печь как предназначенную для обжига кирпича. Вероятно, основанием для отнесения печи к гончарным сооружениям было недостаточное количество известных объектов в прикаспийском регионе. Более поздние раскопки существенно обогатили сравнительную базу и показали, что сооружения подобной конструкции не предназначались для обжига керамических изделий. Анализ гончарных печей из Крыма, Нижнего Поволжья, Урала, Хорезма, Средней Азии показывает, что все они были довольно однотипными, круглыми в плане и небольшими по размеру двухъярусными объектами, сильно отличающимися от кирпичеобжигательных (Пигарёв, 2015).

Таким образом, раскопки золотоордынских городищ в настоящее время позволяют однозначно определить печь, исследованную Г.И. Пацевичем в Сарайчике, как кирпичеобжигательную.

ЛИТЕРАТУРА

- Агеева Е.И., Сенигова Т.Н., Пацевич Г.И. Отчеты 1950–1952 гг. Алматы, 1953 / Архив Института археологии имени А.Х. Маргулана.
- Адыков К. К характеристике гончарного производства в Мерве конца XII – начала XIII вв. // Известия АН Туркменской ССР. 1955. №6. С. 30–37.
- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар XIII–XV вв. Алма-Ата: Наука, 1987. 255 с.
- Артюзов Н. Отчеты раскопок в Сарайчике 1937 года. Алматы, 1937 / Архив Института археологии имени А.Х. Маргулана.
- Архаров И. Кирпичеобжигательная печь XI в. на старом городище Кува // История материальной культуры Узбекистана. 1962. Вып. 3. С. 80–86.
- Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ахатов Г.А. Средневековое городище Жайык. Алматы: Credo, 2005. 222 с.
- Варганов А.Д. Обжигательные печи XI–XII веков в Суздале // КСИИМК. Вып. 65. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 49–54.
- Вишневская О.А. Раскопки караван-сараев Ак-Яйла и Талайхан-Ата // Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1949–1953 / Труды ХАЭЭ. Т. II / Отв. ред. С.П. Толстов. М., 1958. С. 431–466.

Гайдукевич В.Ф. Керамическая обжигательная печь Мунак-тепе // КСИИМК. Вып. 28. М.-Л.: АН СССР, 1949. С. 77–82.

Галкин Л.Л. Отчет о работе Волго-Уральской экспедиции ИА АН СССР в северо-восточном Прикаспии в 1981 г. Алматы / Архив Института археологии имени А.Х. Маргулана, 1981.

Ионе Г.И. Гончарные печи древнего Мингечаура // КСИИМК. Вып. 24. М.-Л.: АН СССР, 1949. С. 42–54.

Калменов М.Д. Кирпичеобжигательная печь с городища Жайык // Поволжская археология. 2013. №4(6). С. 205–213.

Лунина С.Б. Техническое устройство гончарных печей средневекового Мерва // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ). Т. VIII. / Отв. ред. М.Е. Массон. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1958. С. 349–365.

Пацевич Г.И. Гончарная печь на городище Сарайчик // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. 1. / отв. ред. В.Ф. Шахматов. Алма-Ата: АН КазССР, 1956. С. 221–224.

Пацевич Г.И. Печь для обжига кирпича в древнем городе Сарайчике // КСИИМК. Вып. 69. М.-Л.: АН СССР, 1957. С. 111–114.

Пацевич Г.И., Сенигова Т.Н. Археологические работы в 1949–1952 годах. Алматы / Архив Института археологии имени А.Х. Маргулана. 1952.

Пигарёв Е.М. Гончарное производство золотоордынского города Сарай (Селитренное городище) // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 7 / Отв. ред. Ю.А. Зеленев. Йошкар-Ола: МарГУ, 2015. 208 с.

Пругер Е.Б. Кирпичеобжигательное производство средневекового Мерва // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ). Т. XIV / Отв. ред. М.Е. Массон. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1969. С. 227–241.

Шарахимов Ш. Кирпичеобжигательная печь средневекового Самарканда // Афрасиаб. 1974. Вып. 3. С. 84–89.

Юшко А.А. Кирпичеобжигательная печь конца XII в. в Смоленске // Культура Древней Руси / Отв. ред. А.Л. Монгайт. М.: Наука, 1966. С. 307–312.

Якобсон А.Л. Гончарные печи средневекового Херсонеса // КСИИМК. Вып. 10. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1941. С. 53–62.

Информация об авторе:

Сагидуллаев Дарын Зайнуллаевич, аспирант 3 курса, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); daryn_sagidullin@mail.ru

REFERENCES

Ageeva, E. I., Senigova, T. N., Patsevich, G. I. 1953. *Otchety 1950–1952 gg. (Reports of 1950–1952)*. Almaty. Archive of the Institute of archaeology named after A.Kh. Margulan (in Russian).

Adykov, K. 1955. In *Izvestiia Akademii nauk Turkmenskoi SSR (Bulletin of the Academy of Sciences of the Turkmen SSR)* 6, 30–37 (in Russian).

Akishev, K. A., Baipakov, K. M., Erzakovich, L. B. 1987. *Otrar XIII–XV vv. (Otrar in 13th – 15th Centuries)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).

Artuzov N. 1937. *Otchety raskopok v Saraichike 1937 goda (Excavation Reports of Saraychik in 1937)*. Almaty. Archive of the Institute of archaeology named after A.Kh. Margulan (in Russian).

Arkharov I. 1962. In *Istoriia material'noi kul'tury Uzbekistana (History of Material Culture of Uzbekistan)* 3, 80–86 (in Russian).

Baipakov, K. M., Smagulov, E. A., Akhatov, G. A. 2005. *Srednevekovoe gorodishche Zhaiyk (Medieval Fortified Site of Zhayyk)*. Almaty: “Credo” Publ. (in Russian).

Varganov, A. D. 1956. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 65. Moscow- Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 49–54 (in Russian).

Vishnevskaya, O. A. 1958. In Tolstov, S. P. (ed.). *Arkheologicheskie i etnograficheskie raboty Khorezmskoi ekspeditsii 1949–1953 (Archaeological and Ethnographic Activities of the Khwarezm Expedition in 1949–1953)*. Series: Trudy Khorezmskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Khorezm archaeological and ethnographic expedition) 2. Moscow: “Nauka” Publ., 431–466 (in Russian).

Gaidukevich, V. F. 1949. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 28. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 77–82 (in Russian).

Galkin, L. L. 1981. *Otchet o rabote Volgo-Uralskoi ekspeditsii IA AN SSSR v severo-vostochnom Prikaspii v 1981 g. (Report on the work of the Volga-Ural expedition of the IA of the USSR Academy of Sciences in the north-eastern Caspian region in 1981)*. Almaty. Archive of the Institute of archaeology named after A.Kh. Margulan (in Russian).

Ione, G. I. 1949. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 24. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 42–54 (in Russian).

Kalmenov, M. D. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 6 (4), 205–213 (in Russian).

Lunina, S. B. 1958. In Masson, M. E. (ed.). In *Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii (Proceedings of the South Turkmenistan Archaeological Integrated Expedition)* VIII. Ashkhabad: Academy of Sciences of the Turkmen SSR, 349–365 (in Russian).

Patsevich, G. I. 1956. In Shakhmatov, V. F. (ed.). *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii AN KazSSR (Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR)* 1. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR Publ., 221–224 (in Russian).

Patskevich, G. I. 1957. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 69. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 111–114 (in Russian).

Patsevich, G. I., Senigova, T. N. 1952. *Arheologicheskie raboty v 1949–1952 godakh (Archaeological Activities in 1949–1952)*. Almaty. Archive of the Institute of archaeology named after A.Kh. Margulan (in Russian).

Pigarev, E. M. 2015. In Zeleneev, Yu. A. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Povolzh'ia (Materials and Research on the Archaeology of the Volga Region)* 7. Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).

Yakobson, A. L. 1941. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 10. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 53–62 (in Russian).

Sharahimov, Sh. 1974. In *Afrasiab*, 3, 84–89 (in Russian).

Yushko, A. A. 1966. In Mongait, A. L. (ed.). *Kul'tura Drevnei Rusi (Culture of Ancient Russia)*. Moscow: “Nauka” Publ., 307–312 (in Russian).

Pruger, E. B. 1969. In Masson, M. E. (ed.). In *Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii (Proceedings of the South Turkmenistan Archaeological Integrated Expedition)* XIV. Ashkhabad: Academy of Sciences of the Turkmen SSR, 227–241 (in Russian).

About the Author:

Sagidullaev Daryn Z. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; daryn_sagidullin@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2021 г.
Статья принята к публикации 01.10.2021 г.

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДИЩ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИКАСПИЯ

© 2021 г. Д.З. Сагидуллаев, Н.С. Яранцева

В настоящей статье рассматриваются исследовательские работы на золотоордынских памятниках Северо-Восточного Прикаспия. В связи с этим были рассмотрены отчеты археологических раскопок разных периодов на памятниках Сарайчик, Жайык, Жалпактал и Актобе-Лаэти выбранного региона. Изучение и анализ полученных результатов археологических раскопок на памятниках является основой при определении направления и целей дальнейших исследовательских работ и поэтому не теряет своей актуальности на сегодняшний день. Цель статьи – воссоздать историю изучения памятников Северо-Восточного Прикаспия на основе результатов археологических исследований. Результаты исследования рассматриваемых памятников были разделены на три этапа. Определены основные результаты раскопок останавливаясь на проведенных исследовательских работах каждого памятника.

Ключевые слова: археологические исследования, Золотая Орда, средневековье, раскопки, Северо-Восточный Прикаспий, городище, Улус Джучи, река Урал.

HISTORY OF ARCHAEOLOGICAL STUDY OF GOLDEN HORDE'S SETTLEMENTS IN NORTH-EASTERN CASPIAN SEA REGION

D.Z. Sagidullaev, N. S. Yarantseva

This paper concerns the research works on the Golden Horde sites in the North-Eastern Caspian Sea region. In this regard, the reports on archaeological excavations of different time periods carried out on the monuments of Saraychik, Zhaiyk, Zhalpaktal and Aktobe-Laeti of the studied region were reviewed. The analysis of the obtained results of archaeological excavations on the monuments form the basis for determining the direction and goals of further research and therefore does not lose its relevance today. The purpose of the paper is to compile the history of the study of the monuments of the North-Eastern Caspian Sea on the basis of archaeological research results. The results of the study of the monuments in question were subdivided into three stages. The main results of the excavations were determined, focusing on the research activities carried out at each of the monuments.

Keywords: archaeological research, the Golden Horde, the Middle Ages, excavations, the North-Eastern Caspian Sea region, settlement, the Ulus of Jochi, the Ural River.

Первые сведения о поселенческих памятниках междуречий Урала и Волги встречаются в источниках золотоордынского времени. Упоминания об этих памятниках содержат также письменные источники, относящиеся к первым десятилетиям XVIII в.

В начале XVIII в. были составлены подробные карты Каспийского моря, Средней Азии и Кавказа. Одной из них является рукописная карта под названием «Описание Каспийского моря и Узбекской страны с подлежащими провинциями точно означены путешествия царя и другие примечания достойные вещи» (Самашев, 1997).

В материалах, оставленных исследователями и путешественниками, такими как П.И. Рычков, П.С. Паллас, В.Н. Витевский, имеются упоминания о памятниках золотоордынского времени бассейна реки Урал, что являются ценными сведениями для представления исторической топографии памятников этого региона.

В середине XVIII века П.И. Рычков в своей топографии Оренбургской губернии оставил описание развалин Сарайчика (Рычков, 1762, с. 5). Немного позже путешествовавший по пойме реки Урал П.С. Паллас дает некоторые сведения о развалинах Сарайчика и о памятнике золотоордынского времени в районе Узени. Его описания этих памятников содержат исключительно полезную информацию для понимания масштаба этих поселений (Паллас, 1788, с. 108–116; 2006, с. 250). Упомянутый памятник в Узенях, вероятнее всего, можно отождествить с известным золотоордынским городищем Жалпактал. Кроме этого, в его сведениях находились и упоминания о ногайском городе Шакашин, который он помещал близ Кинделя в русле реки Урал. По совпадению названий Шакашина с городом Shakafni в карте А. Дженкинсона археологи предположили, что, вероятно, это современное городище Жайык (Байпаков, Смагулов, Ахатов, 2005).

Историк, краевед, педагог и почётный член Оренбургской учёной архивной комиссии (1898) В.Н. Витевский в своей книге отмечает обоснование казаков близ местности т. н. «Голубого городища» (Витевский, 1897), что совпадает с современным расположением города Уральск и городища Жайык.

А.И. Левшин упомянул местность, где, по его предложениям, находились развалины строений и погребений какого-то «калмыцкого города» (Левшин, 1832). В середине XX века на этом памятнике, известном как городище Актобе, производились археологические исследования. Л.Л. Галкин посчитал возможным соотнести это городище с отмеченным на карте братьев Пицигани пунктом Лаэти (Галкин, 1974).

Памятники северо-восточного Прикаспия золотоордынской эпохи впервые привлекли внимание исследователей в середине XIX века (рис. 1). Так, в 1861 г. на Сарайчике произвел небольшие раскопки и визуальную съёмку развалин заведующий Уральским войсковым чертежным корпусом, топограф, штабс-капитан А.Е. Алексеев (Алексеев, 1867).

Позже, в начале XX века, священник сарайчиковской церкви Лоскутов в своем письме в Оренбургскую ученую архивную комиссию предоставляет сведения о топографии Сарайчика того времени (Артюзов, 1937).

Новый этап изучения Сарайчика берёт свое начало с исследований Н. Артюзова в 1937 году, которые проводились впервые за 70 лет, прошедшие после работ А.Е. Алексеева. В результате его работ на памятнике были заложены 13 траншей, небольшие раскопы; ученому удалось выявить планировку жилых сооружений, но, к сожалению, все иллюстрации, составленные в ходе этих исследований, были утрачены (Артюзов, 1937).

Инициатором следующего этапа исследования стал А.Х. Маргулан. Под его руководством были организованы полевые экспедиции в северо-восточный Прикаспий в 1950–1952 гг., в том числе работы проводились и на памятниках золотоордынской эпохи. Главной целью экспедиции был Сарайчик, на котором экспедиция поставила своей задачей исследование стратиграфии памятника (Маргулан, 1951).

В 1950 году во главе с археологами Е.И. Агеевой, Т.И. Сениговой и Г.И. Пацевичем производились раскопки Сарайчика. В итоге из 5 раскопов три заложены на береговой линии. В раскопах были зафиксированы жилые объекты, некрополи и кирпичеобжи-

гательная печь (Агеева, Сенигова, Пацевич, 1953). Вскрытая кирпичеобжигательная печь у юго-западного края территории развалин Сарайчика Г.И. Пацевичем и Т.И. Сениговым датируется XIII–XIV вв. (Пацевич, 1950).

В течение несколько лет, начиная с 1958 по 1976 годы, краеведом В. Афанасьевым изучались литературные материалы, проводились археологические наблюдения, также собирались подъемные материалы на территории Сарайчика (Афанасьев, 1977).

Археологические раскопки золотоордынского поселения **Актобе-Лаэти** начались с 1974 года и проводились Л.Л. Галкиным. Поселение, вытянутое в меридиональном направлении на 200–250 м к западу от древнего русла, активно разрушалось проходящими через него проселочными дорогами и находилось под угрозой разрушения планируемые строительными работами. Раскопочные работы 1974 года проводились на усадьбе № 1, расположенной в южной части памятника (Галкин, 1947).

Исследования последующих лет производились в разных частях памятника. Так, заложенный в 1977 году раскоп на юго-восточной окраине имел размеры 35×18 м, и в нем исследовалась усадьба № 3. В центральной части поселения у усадьбы № 1 были взяты на анализ пробы пыльцы (Галкин, 1977). В сезоне 1978 года в северной части поселения раскапывалась медеплавильная мастерская (Галкин, 1978). В следующем году исследования была вскрыта площадь 1320 м² в юго-восточной части, где была обнаружена усадьба квартала «А» (Галкин, 1979). Работы 1981 года в раскопе площадью 326 м² проводились в южной части памятника, в квартале «Б», южнее квартала «А». В раскопе зафиксирована усадьба № 1 квартала «Б». Остеологический материал, происходящий из этого раскопа, определялся остеологом Института археологии АН СССР В.П. Данильченко (Галкин, 1981). Продолжением исследования квартала «Б» стал сезон 1983 года, где изучалась усадьба № 2 этого квартала (Галкин, 1983).

Дальнейшие археологические работы Актобе-Лаэти продолжались краеведом В. Афанасьевым. В 1991 г. под его руководством произведены раскопки площадью 350 м² в юго-восточной части поселения, которая примыкала с западной, северной и юго-восточной стороны к раскопкам Л.Л. Галкина (Афанасьев, 1991). Раскопки 1993 года проводились в центральной части поселения, где



Рис. 1. Расположения памятников Золотой Орды Северо-Восточного Прикаспия
Fig. 1. Locations of the Golden Horde monuments in the North-Eastern Caspian region

также с севера и с востока примыкали раскопки Л.Л. Галкина (Афанасьев, 1993).

Помимо произведенных археологических раскопок на Актобе-Лаэти исследовательской группой во главе с Л.Л. Галкиным и В. Афанасьевым с начала середины 70-х до начала 90-х годов XX века проводились сезонные наблюдения состояния развалин Сарайчика.

С 1996 г. начинается новейший этап изучения районов Уральской долины и городища Сарайчик Западно-Казахстанской археологической экспедицией Института археологии им. А.Х. Маргулана МН – АН РК. В течение более десяти лет исследования, с 1996 года по 2009, на Сарайчике проводились обширные археологические раскопки археолога З.С. Самашева. В результате раскопок была вскрыта большая часть городища, которая подвергалась размыву из-за течения р. Урал. Были раскопаны некрополи, восточные бани, ханака, жилые дома, обжигательные печи. Также обнаружено множество керамических сосудов, металлические изделия и выявлены топография и стратиграфия памятника (Самашев, 1996–2009).

В начале XXI в. сделано новое открытие в бассейне реки Урал, где археологи обнаружили остатки поселения золотоордынского времени, находившегося в 10 км южнее современного г. Уральска. Раскопки этого памятника начались в 2001 году, в результате памятнику дали название **Жайык**.

Начатые в 2001 во главе К.М. Байпаковым археологические раскопки на городище Жайык продолжались в течение нескольких лет и закончились в 2005 году. Памятник состоял из собственно поселений площадью около 10 га и некрополя, находящегося в 2 км от поселений, на возвышении Свистун горы. В ходе археологических исследований изучены кирпичеобжигательная печь, «малая усадьба», «большая усадьба», общественная баня и мавзолеи в некрополе (Байпаков, 2001, 2003, 2004, 2005, 2006).

Археологические исследования на памятнике продолжила экспедиция Центра истории и археологии ЗКО под руководством М.Д. Калменова. В полевых сезонах 2012–2014 годов были проведены исследования с целью получения материалов по особенностям планиграфии городища и раскопки проводились на центральном участке поселения. В результате исследованы общественная баня, обнаружены еще одна кирпичеобжигательная печь, печь для обжига извести и мавзолейное сооружение в некрополе (Калменов, 2013, 2015).

Исследования городища Жалпактал площадью 68 га, расположенного на границе Казталовского и Жангалинского районов ЗКО, начинаются с 2010 года. В 2010 году на центральной части памятника были произведены разведочные раскопки, а дальнейшие археологические работы проводились с 2011

по 2015 годы. В результате проведенных исследований на памятнике раскопаны три жилых объекта в виде усадеб с несколькими помещениями, а также общественное сооружение – мечеть с минаретом и нефами. Полученные в ходе изучения памятника данные дали важные сведения для понимания поселенческой структуры этого региона, а результаты исследования некрополей памятника дополнили представления о жизни и культуре их населения (Марыксин, 2012, 2013, 2015).

На сегодняшний день ведутся раскопки на городище Актобе-Лаэти под эгидой краевого музея Атырауской области, также были проведены аварийно-спасательные раскопки в Сарайчике под руководством З.С. Самашева. Для предотвращения дальнейшей береговой эрозии в районе городища Сарайчик были построены берегоукрепляющие сооружения. В городищах Жайык и Жалпактал археологические раскопочные работы на данный момент не производятся.

Несмотря на небольшое количество и низкую плотность концентрации поселений и городищ в пойме реки Урал, этот регион не оставался вне сферы внимания путешественников и исследователей. Оставленные путешественниками, проходившими по этим местам, известия о наличии остатков памятников сыграли важную роль в последующем обнаружении и идентификации этих объектов археологическими экспедициями. Первые полноценные раскопочные работы в городище Сарайчик показали дальнейшие перспективы исследования в этом направлении. Но, к сожалению, эти работы не были продолжены. Работы Л.Л. Галкина на городище Актобе-Лаэти дали значительные результаты по материальной культуре и градостроительству, а его наблюдения береговых линий городища Сарайчик являются полезными сведениями для представления топографии памятника.

Современное изучение золотоордынских городов этого региона дало нам огромную информацию о жизни и быте средневекового населения Северо-Восточного Прикаспия. Раскопки, продолженные в Сарайчике, а также начатые исследования в городищах Жайык и Жалпактал, привлекли внимание большого количества ученых, но на сегодняшний день

работы продолжаются только на городище Сарайчик.

В результате за все время изучения городов Золотой Орды Северо-Восточного Прикаспия было раскопано в общей сложности около 25 500 м². Археологические исследования были проведены в два этапа. Первым этапом исследования считаются раскопки советских времен, а второй этап начинается с середины девяностых и продолжается до сегодняшних дней. В советское время при исследованиях на городище Сарайчик было раскопано около 180 м², а на городище Актобе-Лаэти Л.Л. Галкиным и В. Афанасьевым проведены раскопки на площади более 3000 м². С середины девяностых на городище Сарайчик было исследовано около 16 100 м², а с начала 2000-х начались раскопки на городище Жайык и раскопано более 5 500 м², с 2010 года по 2014 году были заложены раскопки в городище Жалпактал на площади около 500 м². В ходе раскопок были достаточно хорошо изучены жилые сооружения памятников. Кирпичеобжигательные печи, керамические мастерские, мечеть и бани исследованы в основном в единичных случаях, а некрополи памятников неравномерны, что является показателем плохой изученности таких сооружений на рассматриваемых памятниках. Если посмотреть в качестве сравнения на результаты исследований поволжских памятников, таких как Селитренное, Болгар, Царев и Увек, за период с начала 2000-х годов, можно увидеть достаточно большие изученные площади (Зеленеев, Пигарев, 2018; Шарифуллин, 2014; Кубанкин, 2018; Глухов, 2015). Сравнение этих показателей привело к выводу, что памятники Северо-Восточного Прикаспия нуждаются в более масштабных и тщательных исследованиях для более конкретного определения влияния традиции в основании градостроительства и строительных сооружений на этих памятниках.

Золотоордынские памятники Северо-Восточного Прикаспия находились в центральной части государства и являлись связующим узлом городов Поволжья с Центральной Азией. Изучение этих памятников дает возможность воссоздать картину истории жизни и быта народов Золотой Орды.

ЛИТЕРАТУРА

- Агеева Е.И., Сенигова Т.Н., Пацевич Г.И. Отчет об археологических работах в Сарайчике за 1950-1952 гг. Алматы, 1953 / Архив Института археологии имени А.Х. Маргулана.
- Алексеев А.Е. О развалинах татарского города Сарайль-Джадита // Уральские войсковые ведомости. 1867. №30. С. 2–7.

Артюзов Н. Отчет о раскопках на месте развалин золотоордынского города Сарайчик в 1937 г. Алматы, 1937 / Архив Института археологии имени А.Х. Маргулана.

Афанасьев В.Г. Описание подъемного материала с городища Сарайчик 1976 г. Алматы, 1977 / Архив Института археологии имени А.Х. Маргулана.

Афанасьев В.Г. Отчет о работе Гурьевского археологического отряда на раскопках поселения Актобе-Лаэти в 1993 г. Алматы, 1993 / Архив Института археологии имени А.Х. Маргулана.

Афанасьев В.Г. Отчет о работе Гурьевского отряда на раскопках золотоордынского поселения Актобе-Лаэти. Алматы, 1991 / Архив Института археологии имени А.Х. Маргулана.

Байпаков К.М. Отчет Уральской археологической экспедиции в 2001 году. Археологические работы в Западно-Казахстанской области. Уральск, 2001 / Архив Западно-Казахстанского центра археологии и истории.

Байпаков К.М. Отчет Уральской археологической экспедиции в 2002 году. Алматы, 2003 / Архив Института археологии имени А.Х. Маргулана.

Байпаков К.М. Отчет Уральской археологической экспедиции в 2003 году. Археологические работы в Западно-Казахстанской области. Алматы, 2004 / Архив Института археологии имени А.Х. Маргулана.

Байпаков К.М. Отчет о работах на некрополе Кырқоба и городище Жайык Западно-Казахстанской области 2004 года. Алматы, 2005 / Архив Института археологии имени А.Х. Маргулана.

Байпаков К.М. Отчет по теме: «Культурное наследие Западно-Казахстанской области: городище Жайык» 2005 года. Алматы, 2006 / Архив Института археологии имени А.Х. Маргулана.

Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ахатов Г.А. Средневековое городище Жайык. Алматы: Credo, 2005. 222 с.

Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т. 1. Казань: 1897. 299 с.

Галкин Л.Л. Отчет о полевых исследованиях в Гурьевской области в 1974 г. Алматы, 1974 / Архив Института археологии имени А.Х. Маргулана.

Галкин Л.Л. Отчет о полевых исследованиях в Гурьевской области в 1977 г. Алматы / Архив Института археологии имени А.Х. Маргулана, 1977.

Галкин Л.Л. Отчет о работах в Гурьевской, Мангышлакской областях Казахской ССР в 1978 г. Алматы, 1978 / Архив Института археологии имени А.Х. Маргулана.

Галкин Л.Л. Отчет об археологических работах Волго-Уральского археологической экспедиции АН СССР в 1979 г. Алматы, 1979 / Архив Института археологии имени А.Х. Маргулана.

Галкин Л.Л. Отчет о работе Волго-Уральской экспедиции ИА АН СССР в северо-восточном Прикаспии в 1981 г. Алматы, 1981 / Архив Института археологии имени А.Х. Маргулана.

Галкин Л.Л. Отчет о работах Волго-Уральской археологической экспедиции за 1983 год. Алматы, 1983 / Архив Института археологии имени А.Х. Маргулана.

Глухов А.А. Царевское городище: история изучения: историческая топография, хронология. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2015. 101 с.

Зеленев Ю.А., Пигарев Е.М. Работы археологической экспедиции на Селитренном городище в XXI в. // Поволжская археология, 2018. №4 (26). С. 235–247.

Калменов М.Д. Отчет об археологических исследованиях средневекового городища Жайык 2012 г. Алматы, 2013 / Архив Института археологии имени А.Х. Маргулана.

Калменов М.Д. Отчет о научно-исследовательской работе: Археологические исследования объектов историко-культурного наследия по теме «Городище Жайык» 2014 года. Алматы, 2015 / Архив Института археологии имени А.Х. Маргулана.

Кубанкин Д.А. Археологические исследования на Увекском городище в 2014 – 2017 гг. Основные итоги и перспективы // Археология Евразийских степей. 2018. №5. С. 48–53.

Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. II. Исторические известия. СПб: Типография Карла Крайя, 1832. 335 с.

Маргулан А.Х. Тезисы доклада «Раскопки Сарайчика» на Всесоюзном археологическом совещании 1951 года / Архив Института археологии имени А.Х. Маргулана, 1951.

Марыксин Д.В. Отчет о раскопках курганного комплекса Лебедевка VIII, Мокринский I, Караозен и городища Жалпактал в 2011 году. Алматы, 2012 / Архив Института археологии имени А.Х. Маргулана.

Марыксин Д.В. Отчет о раскопках городища Жалпактал, посления Бауржан-Аяк и курганных комплексов Кошкар и Карозен в 2012 г. Алматы, 2013 / Архив Института археологии имени А.Х. Маргулана.

Марыксин Д.В. Отчет о раскопках курганных комплексов Райым I, Алебастрово I, Сегизсай (Лебедевка) VIII и городища Жалпактал в 2014 г. Алматы, 2015 / Архив Института археологии имени А.Х. Маргулана.

Шарифуллин Р.Ф. К истории археологического изучения Болгара // Поволжская археология. 2014. №3 (9). С. 56–74.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Часть III, половина вторая. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1788.

Пацевич Г.И. Гончарная печь на городище Сарайчик // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. 1. / отв. ред. В.Ф. Шахматов. Алма-Ата: АН КазССР, 1956. С. 221–224.

Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Ч.1. 1762. Оренбург: Тип. Б. Бреслина, 1887. 439 с.

Самашев З.С. Отчет о работах Западно-Казахстанской экспедиции в Атырауской и Мангыстауской областях в 1996 году. Алматы, 1997 / Архив Института археологии имени А.Х. Маргулана.

Самашев З.С. Отчеты археологических раскопок в городище Сарайчик за 1996-2009 гг. Алматы, 1996-2009. / Архив Института археологии имени А.Х. Маргулана.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи (избранные главы). Уральск: Оптима, 2006. 272 с.

Информация об авторах:

Сагидуллаев Дарын Зайнуллаевич, аспирант 3 курса, Казанский (Приволжский) федерального университет (г. Казань, Россия); daryn_sagidullin@mail.ru

Яранцева Наталья Станиславовна, смотритель Музея археологии. Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); natalya300194@mail.ru

REFERENCES

Ageeva, E. I., Senigova, T. N., Patsevich, G. I. 1953. *Otchety 1950–1952 gg. (Reports of 1950-1952)*. Almaty. Archive of the Institute of archaeology named after A.Kh. Margulan (in Russian).

Alekseev, A. E. 1867. In *Ural'skie voiskovye vedomosti (Ural Military News)* 30, 2–7 (in Russian).

Artuzov, N. 1937. *Otchety raskopok v Saraichike 1937 goda (Excavation Reports of Saraychik in 1937)*. Almaty. Archive of the Institute of archaeology named after A.Kh. Margulan (in Russian).

Afanasiev, V. G. 1977. *Opis podiemnogo materiala s gorodishe Saraichik 1976 g. (Inventory of Lifting Material from Saraychik Settlement, 1976)*. Almaty. Archive of the Institute of archaeology named after A.Kh. Margulan (in Russian).

Afanasiev, V. G. 1991. *Otchet o rabote Gurevskogo otryada na raskopkakh zolotoordynskogo poseleniya Aktobe-Laeti (Report on the A of the Guryev Team at the Excavations of the Golden Horde Settlement of Aktobe-Laeti)*. Almaty. Archive of the Institute of archaeology named after A.Kh. Margulan (in Russian).

Afanasiev, V. G. 1993. *Otchet o rabote Gurievskogo arheologicheskogo otryada na raskopkakh poseleniya Aktobe-Laeti v 1993 g. (Report on the Activity of the Guryev Archaeological Team at the Excavations of Aktobe-Laeti Settlement in 1993)*. Almaty. Archive of the Institute of archaeology named after A.Kh. Margulan (in Russian).

Baipakov, K. M. 2001. *Otchet Uralskoi arheologicheskoi ekspeditsii v 2001 godu. Arheologicheskie raboty v Zapadno-Kazakhstanskoi oblasti (Report of the Ural Archaeological Expedition in 2001. Archaeological Activities in the West Kazakhstan Region)*. Uralsk. Archive of the West Kazakhstan Center of Archaeology and History (in Russian).

Baipakov, K. M. 2003. *Otchet Uralskoi arheologicheskoi ekspeditsii v 2002 godu (Report of the Ural Archaeological Expedition in 2002)*. Almaty. Archive of the Institute of archaeology named after A.Kh. Margulan (in Russian).

Baipakov, K. M. 2004. *Otchet Uralskoi arheologicheskoi ekspeditsii v 2003 godu. Arkheologicheskie raboty v Zapadno-Kazakhstanskoi oblasti (Report of the Ural Archaeological Expedition in 2003. Archaeological Activities in the West Kazakhstan Region)*. Almaty. Archive of the Institute of archaeology named after A.Kh. Margulan (in Russian).

Baipakov, K. M. 2005. *Otchet o rabotakh na nekropole Kyrkoba I gorodishe Zhaik Zapadno-Kazakhstanskoi oblasti 2004 goda (Report on the Activities at the Kyrkoba Necropolis and the Zhaik Settlement of the West*

Kazakhstan Region in 2004). Almaty. Archive of the Institute of archaeology named after A.Kh. Margulan (in Russian).

Baipakov, K. M. 2006. *Otchet po teme: «Kulturnoe nasledie Zapadno-Kazakhstanskoi oblasti: gorodishe Zhaiyk» 2005 goda* (Report on the Topic: “Cultural Heritage of the West Kazakhstan Region: Zhaiyk Settlement” in 2005). Almaty. Archive of the Institute of archaeology named after A.Kh. Margulan (in Russian).

Baipakov, K. M., Smagulov, E. A., Akhatov, G. A. 2005. *Srednevekovoe gorodishche Zhaiyk* (Medieval Fortified Site of Zhaiyk). Almaty: “Credo” Publ. (in Russian).

Vitevskii, V. N. 1897. *I.I. Nepluiev i Orenburgskii krai v prezhnem ego sostave do 1758 g.* (I. I. Nepluyev and the Orenburg Region in its Former Composition Until 1758.). Vol. 1. Kazan (in Russian).

Galkin, L. L. 1974. *Otchet o polevykh issledovaniyakh v Gurievskoi oblasti v 1974 g.* (Report on Field Research in the Guryev Region in 1974). Almaty. Archive of the Institute of archaeology named after A.Kh. Margulan (in Russian).

Galkin, L. L. 1977. *Otchet o polevykh issledovaniyakh v Gurievskoi oblasti v 1977 g.* (Report on Field Research in the Guryev Region in 1977). Almaty. Archive of the Institute of archaeology named after A.Kh. Margulan (in Russian).

Galkin, L. L. 1978. *Otchet o rabotakh v Gurevskoi, Mangyshlaskoi oblastiakh Kazakhskoi SSR v 1978 g.* (Report on the Activities in the Guriyev and Mangyshlak Regions of the Kazakh SSR in 1978). Almaty. Archive of the Institute of archaeology named after A.Kh. Margulan (in Russian).

Galkin, L. L. 1979. *Otchet ob arkhologicheskikh rabotakh Volgo-Uralskogo arheologicheskoi ekspeditsii AN SSSR v 1979 g.* (Report on the Archaeological Activities of the Volga–Ural Archaeological Expedition of the USSR Academy of Sciences in 1979). Almaty. Archive of the Institute of archaeology named after A.Kh. Margulan (in Russian).

Galkin, L. L. 1981. *Otchet o rabote Volgo-Uralskoi ekspeditsii IA AN SSSR v severo-vostochnom Prikaspii v 1981 g.* (Report on the Activities of the Volga-Ural Expedition of the IA of the USSR Academy of Sciences in the North–Eastern Caspian Region in 1981). Almaty. Archive of the Institute of archaeology named after A.Kh. Margulan (in Russian).

Galkin, L. L. 1983. *Otchet o rabotakh Volgo-Uralskoi arkhologicheskoi ekspeditsii za 1983 god* (Report on the Activities of the Volga–Ural Archaeological Expedition in 1983). Almaty. Archive of the Institute of archaeology named after A.Kh. Margulan (in Russian).

Glukhov, A. A. 2015. *Tsarevskoe gorodishche: istoriya izucheniia: istoricheskaya topografiya, khronologiya* (Tsarevskoye settlement: study history: historical topography, chronology). Volgograd: “Volgogradskoe nauchnoe izdatelstvo” Publ. (in Russian).

Zeleneev, Yu. A., Pigarev, E. M. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya* (Volga River Region Archaeology) 26 (4), 235–247 (in Russian).

Kalmenov, M. D. 2013. *Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyakh srednevekovogo gorodisha Zhaiyk 2012 g.* (Report on the Archaeological Research of the Medieval Settlement of Zhaiyk, 2012). Almaty. Archive of the Institute of archaeology named after A.Kh. Margulan (in Russian).

Kalmenov, M. D. 2015. *Otchet o nauchno-issledovatel'skoi rabote: Arheologicheskie issledovaniya ob'ektov istoriko-kulturnoe naslediya po teme «Gorodishe Zhaiyk» 2014 goda* (Research Report: Archaeological Research of Historical and Cultural Heritage Sites on the Topic “Zhaiyk Settlement” in 2014). Almaty. Archive of the Institute of archaeology named after A.Kh. Margulan (in Russian).

Kubankin, D. A. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei* (Archaeology of Eurasian Steppes) 5. 48–53 (in Russian).

Levshin, A. I. 1832. *Opisanie Kirgiz-kazachiih ili kirgiz-kaitschikh ord i stepei* (Description of the Kirghiz-Cossack or Kirghiz-Kaisak Hordes and Steppes). Part II. Istoricheskie izvestiia (Historical News). Saint Petersburg (in Russian).

Margulan, A. Kh. 1951. *Tezisy doklada «Raskopki Saraishika» na Vsesoiuznom arheologicheskom soveshanii 1951 goda* (Abstracts of the “Excavations of Saraychik” Report at the All-Union Archaeological Meeting of 1951). Almaty. Archive of the Institute of archaeology named after A.Kh. Margulan (in Russian).

Sharifullin, R. F. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya* (Volga River Region Archaeology) 9 (3), 56–74 (in Russian).

Maryksin, D. V. 2013. *Otchet o raskopkakh gorodishe Zhalpaktal, poseleniya Baurzhan-Aiyak i kurgannykh kompleksov Koshkar i Karaozen v 2012 g.* (Report on the Excavations of Zhalpaktal Settlement, Baurzhan-Aiyak Settlement, and Koshkar and Karozen Burial Mounds in 2012). Almaty. Archive of the Institute of archaeology named after A.Kh. Margulan (in Russian).

Maryksin, D. V. 2015. *Otchet o raskopkakh kurgannykh komplexov Raiym I, Alebastrovo I, Segizsai (Lebedevka) VIII I gorodisha Zhalpaktal v 2014 g. (Report on the Excavations of the Burial Mounds of Raiym I, Alabastrovo I, Segizsai (Lebedevka) VIII and Zhalpaktal Settlement in 2014)*. Almaty. Archive of the Institute of archaeology named after A.Kh. Margulan (in Russian).

Pallas, P. S. 2006. *Puteshestvie po raznym provintsiiam Rossiiskoi imperii (Traveling across Various Provinces of the Russian Empire). (selected chapters)*. Ursalsk: "Optima" Publ. (in Russian).

Pallas, P. S. 1788. *Puteshestvie po raznym provintsiiam Rossiiskoi imperii (Traveling across Various Provinces of the Russian Empire)*. Part 3. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Patsevich, G. I. 1956. In Shakhmatov, V. F. (ed.). *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii AN KazSSR (Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR)* 1. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR Publ., 221–224 (in Russian).

Rychkov, P. I. 1887. *Topografiia Orenburgskoi gubernii (Topography of the Orenburg Province)*. 1. 1792. Orenburg: "B. Breslin" Publ. (in Russian).

Samashev, Z. S. 1997. *Onchet o rabotakh Zapadno-Kazakhstanskoi ekspeditsii v Atyrauskoii b Mangystauskoi oblastiakh v 1996 godu (Report on the Activities of the West Kazakhstan Expedition in Atyrau and Mangystau Regions in 1996)*. Almaty. Archive of the Institute of archaeology named after A.Kh. Margulan (in Russian).

Samashev, Z. S. 1996–2009. *Otchety arkheologicheskikh raskopok v gorodishche Saraichik za 1996-2009 gg. (Reports of Archaeological Excavation at the Saraychik Settlement in 1996-2009)*. Almaty. Archive of the Institute of archaeology named after A.Kh. Margulan (in Russian).

Maryksin, D. V. 2012. *Otchet o raskopkakh kurgannogo kompleksa Lebedevka VIII, Mokrinskii I, Karaozen I gorodishe Zhalpaktal v 2011 godu (Report on the Excavations of the Mound Complex Lebedevka VIII, Mokrinsky I, Karaozen and Zhalpaktal Settlement in 2011)*. Almaty. Archive of the Institute of archaeology named after A.Kh. Margulan (in Russian).

About the Authors:

Sagidullaev Daryn Z. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan; daryn_sagidullin@mail.ru

Yarantseva Natalya S. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; natalya300194@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2021 г.

Статья принята к публикации 01.10.2021 г.

Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 903.01

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.5.328.334>

К ВОПРОСУ О ШЛИФОВАННЫХ ДИСКАХ СРЕДНЕГО ЗАУРАЛЬЯ: ТЕХНОЛОГИЯ, ФУНКЦИЯ, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

© 2021 г. М.В. Храмцов

Шлифованные диски – категория артефактов, распространенная на широкой территории: от Восточной Прибалтики и Скандинавии до Дальнего Востока. Диски в коллекциях памятников Среднего Зауралья обладают значительным разнообразием, однако в исследовательской литературе отсутствует сформированная типология данной категории артефактов. Скучны и представления о технологии их производства. В результате анализа историографии проблемы, в статье приведено большинство известных шлифованных дисков Среднего Зауралья и построена типология данных артефактов. Рассмотрена проблема соотношения формы изделий и их функции. Несмотря на небольшую выборку, был применен метод статистики с помощью программного пакета STATGRAPHICS Plus. Кроме того, в научный оборот введены два диска из коллекции Липчинского поселения, которые интерпретируются как грузила.

Ключевые слова: археология, историография, каменный инвентарь, Зауралье, шлифованные диски, неолит, энеолит, бронзовый век, типология, технология.

THE GRINDED DISCS OF THE MIDDLE URALS: TECHNOLOGY, FUNCTION, INTERPRETATION

M.V. Khrantsov

Grinded disks represent a category of artefacts widely spread across a vast territory from East Baltics and Scandinavia to Far East. The disks from the collections of the Middle Trans-Ural sites feature a significant variety. However, the research literature lacks a formed typology of this category of artifacts. The understanding of their production technology is also scarce. As a result of the analysis of the historiography of the issue, the paper lists most of the known grinded disks of the Trans-Urals and presents a typology of these artifacts. The issue of the relationship between the shape of the products and their functions is reviewed. Despite the small sample, statistical methods were applied using the STAGRAPHICS Plus software package. In addition, two discs from the collection of the Lipchinsky settlement, which are interpreted as sinkers, were introduced into scientific discourse.

Keywords: archaeology, historiography, stone inventory, Trans-Urals, grinded discs, Neolithic, Eneolithic, Bronze Age, typology, technology.

Шлифованные диски редко встречаются в археологических памятниках мезолита – энеолита Зауралья. С изучением данной категории находок связано несколько проблем: отсутствует сформированная типология дисков, не всегда полно обозначена технология их производства и неизвестно функциональное назначение подобных артефактов. Актуальность данной темы обусловлена фрагментарностью исследовательских представлений о шлифованных дисках Среднего Зауралья. В данной статье мы попытаемся в первом приближении подойти к решению поставленных вопросов и ввести новые данные в научный оборот.

Шлифованные каменные диски встречаются дискретно на различных памятниках Уральского региона, а их размеры, форма и сырье плохо поддаются классификации. Несмотря на это, попробуем систематизировать имеющуюся информацию и наметить критерии к выделению типов. На данный момент

известно несколько крупных гравированных шлифованных дисков-наверший в Среднем Зауралье, в частности артефакты со стоянок Шайдуриха 33, Палатки II и случайная находка у пос. Антоновский. Диск со стоянки Палатки II был обнаружен в рамках жилища бархатовской культуры позднего бронзового века, имеет размер 12×9,5×1,8 см и изготовлен из тальк-хлоритовой породы темно-серого цвета. Изделие имеет гравированный орнамент в виде «еловых веток» и ромбической сетки. Главным орнаментальным мотивом на диске является большой крест, идущий через отверстие. Культурный слой памятника смешанный и содержит материалы энеолита – раннего железного века, поэтому датировать диск невозможно (Савченко, Жилин, 2016).

Диск, найденный у пос. Антоновский, имеет тоже достаточно крупные размеры (14×11,8×1,5 см) и изготовлен из хлоритовой породы. Артефакт покрыт гравировкой

в виде антропоморфной фигуры. Плоскости диска отшлифованы с помощью мелкозернистого абразива, боковая грань – более крупным. Диаметр сквозного отверстия составляет $3,7 \times 3,5$ см, оно пробито пикетажем с двух сторон. Фиксируются насечки на ребрах диска, которые были выполнены в технике пиления тонким лезвием (Савченко, Жилин, 2016).

«Аятский» диск, найденный в шурфе на стоянке Шайдуриха 33, обладает сходными крупными размерами: $15,6 \times 12,7 \times 3,5$ см. Артефакт изготовлен из зеленовато-серой хлоритовой породы, покрыт гравировкой в виде креста. Поверхность диска обработана разнонаправленной шлифовкой на грубом крупнозернистом абразиве, края диска острые, заточены шлифовкой на мелкозернистом абразиве. Сквозное отверстие изделия имеет внешний диаметр $3,6 \times 3,1$ см и внутренний диаметр $2,7 \times 2,4$ см, стенки были выровнены изнутри шлифовкой. Артефакт был обнаружен в стратиграфически нерасчлененном культурном слое мезолита – энеолита (Савченко, Жилин, 2016). Все вышеперечисленные диски имеют ряд общих признаков: подовальную форму, относительно крупные размеры, наличие гравировки и использование хлоритовых или тальк-хлоритовых пород, сравнительно легко поддающихся шлифованию.

Три округлых шлифованных диска были обнаружены на поселении Исетское Правобережное 1. Предметы изготовлены из зеленовато-серой хлоритовой породы, их объединяет размер отверстия (0,8–1,1 см), размер же самих изделий несколько различается: $3,3 \times 3,3 \times 0,8$ см (№ 3), $4,9 \times 4,9 \times 1,7$ см (№ 1) и $7,2 \times 7,2 \times 1,6$ см (№ 2). Все изделия качественно зашлифованы. Два из трех дисков несут следы гравировки, кроме того их отверстия несут следы блеска, что, по мнению авторов, является следствием надевания дисков на деревянные стержни. Рисунок на диске № 1 представляет собой 5 сдвоенных зигзагообразных линий, идущих от отверстия к краям изделия, на торце предмета сделано 28 коротких насечек, на ребре – 31 насечка. Диск № 2 несет следы рисунка в виде зигзагообразной линии по краю, двух концентрических кругов около отверстия и отрезков, проходящих от зигзага к отверстию. На поверхности диска № 3 «видны нечеткие следы от привязывания». Предметы залегали в культурных слоях эпохи неолита (Кернер и др., 2003).

Округлый диск из хлоритовой породы найден в энеолитическом слое поселения Шувакиш I. Судя по рисунку, диаметр диска составляет 5,4 см, толщина – 1 см. Внешний диаметр отверстия составляет около 1,5 см. Диск пришлифован, на одной из плоских сторон несет следы гравировки в виде трех силуэтов рыб. Кроме того, на данном поселении был обнаружен еще один перфорированный диск подпрямоугольной формы, также изготовленный из хлоритовой породы, однако без следов шлифовки. По утверждению автора, данные изделия использовались в качестве грузил (Чаиркина, 2005).

Обломок округлого каменного диска был обнаружен в раннеэнеолитическом слое заторфованной части стоянки Береговая II. Диск имел диаметр около 10 см, а диаметр отверстия составлял 2,5 см. Изделие шлифовано, однако не несет следов гравировки (Жилин и др., 2020). В позднеэнеолитическом слое той же стоянки был обнаружен подовальный шлифованный диск из тальк-хлоритовой породы размером $12 \times 9 \times 3,7$ см, его сечение вытянуто-овальное. Максимальный внешний диаметр отверстия составляет $3,1 \times 3$ см, внутренний диаметр – 1,9 см. Артефакт имеет небольшой выступ, его поверхность гравирована в виде креста с одной стороны и силуэта антропоморфного существа – с другой. В такой конфигурации выступ является головой существа (Савченко, Жилин, 2020).

Значительную категорию находок составляют округлые диски из талька, обнаруженные в коллекциях ряда археологических памятников Среднего Зауралья. Округлый тальковый шлифованный диск был найден на берегу Шигирского торфяника, его размер: $9,2 \times 9,2 \times 2,5$ см. Отверстие было выполнено посредством биконического сверления, и его диаметр составляет 2–2,5 см. Другой округлый шлифованный диск из талька был обнаружен в коллекции святилища Шайтанский Шихан. Предмет имеет примерный размер $9 \times 9 \times 1,5$ см, диаметр отверстия составлял 1,6 см. Оба предмета могут быть датированы лишь в широком диапазоне – от энеолита до раннего железного века. Третий округлый шлифованный тальковый диск из коллекции Балакинского поселения эпохи бронзы имеет диаметр в 6,4 см, диаметр отверстия – 0,8 см. Три вышеуказанных диска были расколоты, что, по мнению автора, доказывает их ритуальное значение. Кроме того, на Палатках I был обнаружен тальковый диск размером $8 \times 8 \times 1,8$ см с диаметром отверстия в 0,8 см,

который «залегал недалеко от плавильного горна» (Сериков, 2011).

Известны и округлые тальковые шлифованные диски без отверстий. Один из таких предметов диаметром 4 и толщиной 0,3 см был обнаружен на поселении Аятское озеро, другой – на берегу Шигирского торфяника и имеет размер 5,8×5,6×1 см. На энеолитическом святилище Шайтанское озеро I в погребении были обнаружены два небольших диска из зеленоватого талька размером 4,5×4,7×0,2 см и 5,2×5×0,2 см, которые прикрывали глаза погребенного. Все вышеуказанные предметы связываются автором с духовной сферой жизни древнего человека, являются солярными знаками и, соответственно, имеют сакральное назначение (Сериков, 2011).

Шлифованные изделия с отверстиями различных форм и размеров встречаются далеко за пределами Среднего Зауралья. Отдаленными аналогиями шлифованным дискам будут сланцевые кольца, найденные в погребениях могильника Андозеро 2, Караваевского могильника и в коллекции Караваевской стоянки, относимых исследователями к каргопольской археологической культуре, локализуемой на юго-западе Архангельской и на севере Вологодской области. Аналогичные сланцевые изделия известны в неолите Карелии, Восточной Прибалтики и Финляндии, где они также соотносятся с погребальным обрядом (Неолит Северной Евразии, с. 225).

Известны подобные артефакты и на территории Восточной Сибири. В коллекции могильника Старый Качуг – Белоусово, расположенном на правом берегу р. Лены, в энеолитических погребениях было обнаружено 9 округлых небольших (2,9–4,8 см в диаметре) дисков из нефрита, поверхность которых была тщательно отшлифована (Зубков, 2010). В коллекции Соколовского могильника в Приморье присутствуют 5 халцедоновых шлифованных дисков. Диаметр наибольшего из них составляет 9,5 см, наибольшая толщина – 1,1 см. (Слепцов и др., 2001). Таким образом, шлифованные каменные диски различных размеров и из разного материала распространены на территории от Прибалтики и Скандинавии до Дальнего Востока.

Подобные находки были обнаружены на Липчинском поселении во время раскопок 1995–1996 гг. Данный памятник расположен в Слободо-Туринском районе Свердловской области, на правом берегу р. Туры при впадении в нее р. Липки. В коллекции поселения присутствует один каменный шлифованный

диск и фрагмент такого же орудия (см. рис. 1). Шлифованный диск с отверстием изготовлен из бордовой мягкой породы и имеет размер 4,8×3,9×2,05 см. Имеет овальную форму в плане, прямоугольную в профиле и в сечении. Следы оббивки покрывают все боковые края орудия и заходят на одну из поверхностей. Обе стороны диска хорошо зашлифованы. На каждой из них видны линейные следы шлифовки – на одной стороне практически параллельные, на другой – бессистемные, пересекающиеся друг с другом под разными углами. Диск имеет трещину, которая проходит от одной стороны до другой по боковому краю и достигает отверстия. Какие-либо орнаментальные композиции, мотивы либо геометрические фигуры не обнаружены. Отверстие биконическое, внешний диаметр составляет 0,83 см, внутренний – 0,7 см.

Фрагмент шлифованного диска с отверстием из бордовой мягкой породы имеет размер 2,95×2,8×1,45 см. При приложении к предыдущему дуги двух отверстий идеально подходят друг другу, поэтому мы исходим из предположения, что целый диск имел метрические параметры предыдущего: приблизительно 5×4×2 см. У данного фрагмента зашлифованы не только противоположные поверхности, но и боковой край. Однако на нем есть небольшое снятие, а на одной из поверхностей – следы «замятости», будто в результате пикетажа. Сам боковой край несет следы такой же «замятости». Все эти повреждения были нанесены уже после полной шлифовки фрагмента и не являются элементами естественного рельефа. Концентрические и пересекающие их следы шлифовки заметны на обеих поверхностях, однако менее явно, чем на предыдущем диске. Отверстие сужается к центру диска, однако измерить его с точностью не представляется возможным. Порода, вероятно, является шифером. Орнаментальные мотивы либо геометрические фигуры отсутствуют.

Интересна технология производства данных дисков. Основная форма придавалась с помощью оббивки. В дальнейшем следовало шлифование на крупнозернистом абразиве, об использовании которого свидетельствует наличие концентрических и иных линейных следов на шлифованной поверхности, которые видны невооруженным глазом.

Различие в наружном и внутреннем диаметре отверстия первого диска приводит нас к выводу, что сверление проводилось с двух сторон. В пользу биконического сверления



Рис. 1. Шлифованные диски из коллекции Липчинского поселения: 1, 3 – целый диск; 2, 4 – фрагмент шлифованного диска

Fig. 1. Grinded discs from the collection of Lipchinsky site: 1,3 – whole disc; 2,4 – fragment of a grinded disc

свидетельствуют другие примеры сверленных изделий с подобными метрическими параметрами. По мнению Ю.Б. Серикова, при использовании костяного сверла диаметр изначального отверстия всегда будет больше, чем диаметр в середине сверлины, из-за трудностей закрепления сверла на заготовке – первое время «сверло бура елозит по ровной поверхности» (Сериков, 2018).

Однако что может использоваться в качестве сверла? Возникает три варианта: сверление медной трубкой, сверление каменным инструментом, сверление полый костью животного. Первый метод был описан молодым исследователем С.В. Греховым, который проводил сверление медной трубкой «египетским способом». Сверление производилось с одной стороны, диаметр входного отверстия составил 1,85 см, выходного – 1,7 см (Грехов, 2020). Данная картина не похожа на то, что наблюдается в случае с диском с Липчинского поселения, потому что диаметр отверстия с обеих сторон равен и только в центре сужается.

Сверление каменным инструментом – более подходящий вариант, однако в таком случае при использовании сверла и развертки, учитывая толщину диска (2,05 см), диаметр входного отверстия был бы больше, даже при использовании биконического сверления. Наиболее реальным вариантом нам видится сверление полый костью относительно небольшого животного, к примеру, крупной птицы (глухарь, гусь и пр.), судя по размерам отверстия. Вероятно, именно с помощью трубчатой кости птицы было просверлено данное отверстие.

Суммируя все известные данные о шлифованных дисках Среднего Зауралья и соседних регионов (см. табл. 1), мы можем создать типологию данных орудий, которая в дальнейшем будет дополняться с появлением новых источников. Было выделено четыре основных признака типологизации: форма, сырье, наличие гравировки, размер (диаметр до 6 см – небольшие, более 6 см – крупные). Таким образом, можно выделить 6 типов шлифованных каменных дисков:

Подовальные хлоритовые крупные диски с гравировкой – 4 экз.: Шайдуриха 33, Палатки II, находка у пос. Антоновский, Береговая II.

Округлые хлоритовые небольшие диски с гравировкой – 3 экз.: Исетское правобережное I (№ 1, 2), Шувакиш I.

Округлые хлоритовые небольшие диски без гравировки – 1 экз.: Исетское правобережное I (№ 3).

Округлый крупный диск без гравировки – 1 экз.: Береговая II.

Округлые тальковые крупные диски без гравировки с отверстиями – 4 экз.: Шигирский торфяник (№ 1), Шайтанский Шихан, Балакинское поселение, Палатки I.

Округлые тальковые небольшие диски без гравировки и без отверстий – 4 экз.: Шигирский торфяник (№ 2), Шайтанское озеро I, Аятское озеро.

Однако в данную типологию не встраиваются диски с Липчинского поселения – наиболее полно они похожи на тип 3, т. к. имеют небольшой размер и не имеют гравировки, но сделаны из бордовой мягкой породы (шифера) и имеют подовальную форму, из-за чего необходимо выделить их в отдельный 7-й тип.

Таблица 1. Основные параметры шлифованных дисков Среднего Зауралья
Table 1. Main parameters of the polished discs from the Middle Trans-Urals

Наименование	Длина	Ширина	Толщина	Внешний диаметр отверстия	Внутренний диаметр отверстия	Сырье	Форма	Гравировка	Датировка
Диск со стоянки Палатки II	12	9,5	1,8	х	х	талык-хлоритовая порода	подовальная	есть	энеолит - ранний железный век
Диск, найденный у пос. Антоновский	14	11,8	1,5	3,7	3,7	хлоритовая порода	подовальная	есть	мезолит - ранний железный век
"Антский" диск	15,6	12,7	3,5	3,6	2,7	талык-хлоритовая порода	подовальная	есть	мезолит - энеолит
Диск с пос. Исетское Правобережное 1 (№ 1)	4,9	4,9	1,7	0,9	0,9	хлоритовая порода	округлая	есть	неолит
Диск с пос. Исетское Правобережное 1 (№ 2)	7,2	7,2	1,6	1,1	1,1	хлоритовая порода	округлая	есть	неолит
Диск с пос. Исетское Правобережное 1 (№ 3)	3,3	3,3	0,8	0,8	0,8	хлоритовая порода	округлая	отсутствует	неолит
Диск с пос. Шувалов I	5,4	5,4	1	1,5	1,5	хлоритовая порода	округлая	есть	энеолит
Обломок диска со стоянки Береговая II (ранний неолит)	10	10	х	2,5	2,5	х	округлая	отсутствует	ранний неолит
Диск со стоянки Береговая II (поздний мезолит)	12	9	3,7	3,1	1,9	талык-хлоритовая порода	подовальная	есть	поздний мезолит
Диск с берега Шигирского торфяника (№ 1)	9,2	9,2	2,5	2,5	2	талык	округлая	отсутствует	энеолит - ранний железный век
Диск со святилища Шайтанский Шихан	9	9	1,5	1,6	1,6	талык	округлая	отсутствует	энеолит - ранний железный век
Диск с балакинского поселения	6,4	6,4	х	0,8	0,8	талык	округлая	отсутствует	бронзовый век
Диск со стоянки Палатки I	8	8	1,8	0,8	0,8	талык	округлая	отсутствует	неолит
Диск со святилища Шайтанское озеро I (№ 1)	4,5	4,7	0,2	отсутствует	отсутствует	талык	округлая	отсутствует	энеолит
Диск со святилища Шайтанское озеро I (№ 2)	5,2	5	0,2	отсутствует	отсутствует	талык	округлая	отсутствует	энеолит
Диск с пос. Алатское озеро	4	4	0,3	отсутствует	отсутствует	талык	округлая	отсутствует	энеолит?
Диск с берега Шигирского торфяника (№ 2)	5,8	5,6	1	отсутствует	отсутствует	талык	округлая	отсутствует	мезолит - ранний железный век
Диск с Липчинского поселения	4,8	3,9	2,05	0,83	0,7	бордовая мягкая порода	подовальная	отсутствует	неолит - ранний энеолит
Фрагмент диска с Липчинского поселения	5	4	2	х	х	бордовая мягкая порода	подовальная	отсутствует	неолит - ранний энеолит

В связи с обилием обнаружения шлифованных дисков в стратиграфически нерасчлененных слоях достаточно трудно определить хронологию бытования отдельных типов, что предопределяет наличие широких хронологических диапазонов. Первый тип датируется от мезолита до раннего железного века. Точно известно лишь то, что диск с Береговой II был обнаружен в позднемезолитическом культурном горизонте. Тип 2 бытовал на протяжении раннего неолита – энеолита. Округлый хлоритовый диск без гравировки (тип 3) датируется неолитом, округлый крупный диск без гравировки (тип 4) – ранним неолитом. Диски типа 5 могли существовать от неолита до раннего железного века. Тип 6, в свою очередь, в основном датирован энеолитической эпохой. Диски с Липчинского поселения (тип 7) датируются неолитом – ранним энеолитом.

Какую информацию мы можем получить из типологии, составленной на основе морфологии изделий? Проблема соотношения формы и функции давно и остро стоит в археологии каменного века. Чрезвычайно часто внешний вид орудия не соответствует его функции – к примеру, в коллекциях позднемезолитических стоянок при относительной однообразности инвентаря в качестве скребков могут использоваться ножевидные пластины без какой-либо дополнительной подработки (Галимова, 2010). С точностью решить данную задачу помогут лишь данные микротрасологии, однако трасологический анализ не использовался для большинства шлифованных дисков Среднего Зауралья.

Обратимся к статистике. Рассмотрим зависимость диаметра диска, его толщины, диаметра внешнего и внутреннего отверстия. Для выяснения наличия или отсутствия корреляции между признаками были использована программа STATGRAPHICS Plus. В выборку попали 11 дисков, т. к. лишь для них известны значения всех вышеуказанных величин. К сожалению, выборка небольшая. При проверке нормальности распределения выяснилось, что диаметры внешнего и внутреннего отверстия не обладают таким качеством, поэтому к результатам их сравнения с другими величинами нужно относиться несколько скептически. Параметры диаметра диска и его толщины распределены нормально и имеют коэффициент корреляции 0,67, соответственно, связь существует, и она относительно сильная – чем больше диаметр диска, тем он толще. Проверим зависимость между всеми признаками: коэффициент корреляции

диаметра диска от диаметра внешнего отверстия составляет 0,92, от диаметра внутреннего отверстия – 0,86. В случае с параметром толщины связь заметно слабее: коэффициент корреляции толщины диска от диаметра внешнего отверстия составляет 0,62, от диаметра внутреннего отверстия – 0,33. Соответственно, чем больше диаметр диска, тем больше диаметр его отверстия, с толщиной же существует такая же зависимость, но менее строгая.

Учитывая небольшую величину выборки, было бы непродуктивно сравнивать отдельно подовальные и округлые диски. Общая картина такова: все диски выборки уплощены, однако чем больше диаметр диска, тем больше его толщина, а также чем больше диаметр диска, тем больше диаметр его отверстия. С накоплением источников данные выводы, возможно, будут подтверждены более точно либо опровергнуты.

Статистика не дает нам возможности определить функцию дисков по их морфометрическим параметрам. Несмотря на это, можно выделить определенную зависимость. Все

диски с гравировкой, за исключением артефакта с памятника Шувакиш I, связываются исследователями с ритуальной сферой деятельности древнего человека. Более того, подовальные крупные диски были навершиями булав, жезлов. С сакральным Ю.Б. Сериков связывает и тальковые диски. Округлый диск без гравировки из коллекции неолитического поселения Исетское Правобережное 1 имеет следы от привязывания, из чего можно предположить, что предмет имел функцию грузила. Боковые края дисков с Липчинского поселения несут следы сбитости по краю, хотя края фрагмента и были пришлифованы – вероятно, данные предметы также использовались в качестве рыболовных грузил. Дополнительным аргументом является хронологическая локализация артефактов с Исетского Правобережного 1 и Липчинского поселения в рамках неолита – раннего энеолита. Таким образом, метод формальной типологии при недостатке иных данных позволил нам в первом приближении определить функцию различных типов шлифованных дисков Среднего Зауралья.

ЛИТЕРАТУРА

Галимова М.Ш. О соотношении формы и функции каменных орудий // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2010. Т. 152. № 3–1. С. 30–41.

Грехов С.В. Эксперименты по сверлению камня медной трубкой // ЛП Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых. (УПАСК, 5-9 февраля 2020 г.): материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов, молодых ученых / Отв. ред. М.К. Мингалева. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет. С. 95–97.

Жилин М.Г., Савченко С.Н., Косинская Л.Л., Сериков Ю.Б., Александровский А.Л., Лантева Е.Г., Корона О.М., Косинцев П.А. Мезолитические памятники Горбуновского торфяника. М.; СПб: Нестор-История, 2020. 368 с.

Зубков В.С. Материалы из древних могил с территории поселка Качуг и у деревни Шишкино на Верхней Лене (раскопки А. П. Окладникова 1928-1930, 1941 гг.) // Известия лаборатории древних технологий. 2010. № 1(8). С. 135–146.

Кернер В.Ф., Нестерова Г.М., Иванов О.К. Хлоритовые гравированные диски неолитического поселения Исетское Правобережное IV Екатеринбурга, их петрографический состав и возможный источник // Уральский геологический журнал. 2003. № 3. С. 113–134.

Неолит Северной Евразии / Археология СССР / Отв.ред. С.В. Ошибкина. М.: Наука, 1996. 380 с.

Савченко С.Н., Жилин М.Г. Новая находка каменного диска-навершия (к вопросу о перфорированных каменных дисках в Среднем Зауралье) // РА. 2016. № 3. С. 136–151.

Савченко С.Н., Жилин М.Г. Каменный диск-навершие из позднемезолитического слоя стоянки Береговая II в среднем Зауралье // КСИА. 2020. № 259. С. 86–99.

Сериков Ю.Б. К вопросу о сакральных свойствах талька // Челябинский гуманитарий. 2011. № 4. С. 117–130.

Сериков Ю.Б. К вопросу о технике изготовления отверстий большого диаметра в каменных изделиях неолита-бронзы Урала // Поволжская археология. 2018. №1 (23). С. 56–73.

Слепцов И.Ю., Ключев Н.А., Гарковик А.В., Горюшин Ю.А. Могильник Соколовский: результаты археологической разведки 2001 г // Россия и АТР. 2002. № 3. С. 88–95.

Чаиркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. 313 с.

Информация об авторе:

Храмцов Михаил Вадимович, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук; Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина, (г. Екатеринбург, Россия); khramtsov1475@gmail.com

REFERENCES

Galimova, M. Sh. 2010. In *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki (Scientific Bulletin of the Kazan University. Series: Humanities)* 152. Book 3–1, 63–73 (in Russian).

Grekhov, S. V. 2020. In Mingaleva, M. K. (ed.). *LII Uralo-Povolzhskaya arkheologicheskaya studencheskaya konferentsiya (UPASK, 5-8 fevralya 2020 goda): materialy vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiem) konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh (52nd Ural-Volga Archaeological Student Conference (UPASK, February 5–8, 2020): Proceedings of the All-Russian (with International Participation) Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists)*. Perm: Perm State University, 95–97 (in Russian).

Zhilin, M. G., Savchenko, S. N., Kosinskaya, L. L., Serikov, Yu. B., Aleksandrovsky, A. L., Lapteva, E. G., Korona, O. M., Kosintsev, P. A. 2020. *Mezoliticheskie pamiatniki Gorbunovskogo torfianika (Mesolithic Monuments of Gorbunovsky Peatbog)*. Moscow; Saint Petersburg: “Nestor-Istoriia” Publ. (in Russian).

Zubkov, V. S. 2010. In *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy: sbornik nauchnykh trudov (Review of the Laboratory of ancient technologies: a collection of scientific papers)* 8 (1), 215–220 (in Russian).

Kerner, V. F., Nesterova, G. M., Ivanov, O. K. 2003. In *Ural'skii geologicheskii zhurnal (Ural Geological Journal)* 2, 113–134 (in Russian).

In Oshibkina, S. V. (ed.). 1996. *Neolit Severnoi Evrazii The (The Neolithic of Northern Eurasia)*. Series: Arkheologiya SSSR (Archaeology of the USSR). Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Chairkina, N. M. 2005. *Eneolit Srednego Zaural'ia (The Eneolithic of the Middle Urals)*. Ekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Savchenko, S. N., Zhilin, M. G. 2016. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (3), 136–151 (in Russian).

Savchenko, S. N., Zhilin, M. G. 2020. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)*. 259, 86–99 (in Russian).

Serikov, Yu. B. 2011. In *Cheliabinskiy gumanitarniy (Chelyabinsk Humanitarian)* 4, 117–130 (in Russian).

Serikov, Yu. B. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 23 (1), 56–73 (in Russian).

Sleptsov, I. Yu., Klyuev, N. A., Garkovik, A. V., Goryushin, Yu. A. 2002. In *Rossiya i ATR (Russia and Asia-Pacific Region)* 3, 88–95 (in Russian).

About the Author:

Khramtsov Mikhail V. Institute of History and Archaeology, Ural Branch, Russian Academy of Science. S. Kovalevskoy st., 16, Yekaterinburg, 620990, Russian Federation; Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin. Lenin Av., 51, Yekaterinburg, 620083, Russian Federation; khramtsov1475@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.08.2021 г.
Статья принята к публикации 01.10.2021 г.

НОВОЕ АНТРОПОМОРФНОЕ ИЗВАЯНИЕ С ЕДИНИЧНОЙ САРМАТСКОЙ ТАМГОЙ ИЗ УЩЕЛЬЯ РЕКИ СОЛОНЕЦ

© 2021 г. И.А. Бондарь

Новое антропоморфное изваяние с единичной сарматской тамгой, происходящее из ущелья реки Солонец и расположенное близ сёл Рошиетичий Векь и Рогожены в Северной Молдавии, не относится к типичным сарматским каменным стелам. На личине памятника находится единичный сарматский тамговый знак, имеющий аналогии по схеме начертания в тамговых знаках, встречающихся в Северной Молдавии и Южной Украине. Лицевая сторона антропоморфного изваяния ориентирована на юг и на пологий противоположный склон ущелья, на котором, по всей видимости, находилась древняя дорога, ведущая к броду и водопою. Вместе с тем, стела с единичной сарматской тамгой на личине является центром скопления, состоящего из трёх камней. Камни расположены по разным сторонам от стелы и несут следы механической обработки в виде насечек, выемок, ниш, и желобообразных углублений, что также может говорить о возможной культовой ориентированности комплекса. Антропоморфное изваяние служило указателем места переправы через реку, а также указателем места для забора воды и водопоя лошадей. В тоже время оно могло являться культовым объектом сакрального почитания божества, связанного с культом воды и быть камнем, маркирующим владения сарматов.

Ключевые слова: археология, Республика Молдова, Рошиетичий Векь; река Реут, река Солонец, степь, сарматы, культовый объект, антропоморфное изваяние, каменная стела, тамга.

THE NEW ANTHROPOMORPHIC STONE STELE WITH A SINGLE SARMATIAN TAMGA FROM THE GORGE OF THE RIVER OF SOLONETS

I. A. Bondar

The new anthropomorphic stone stele with a single Sarmatian tamga, originating from the Solonets River gorge and located near Rosieticii Vechi and Rogojeni in Northern Moldavia, does not belong to the typical Sarmatian stone steles. A Sarmatian tamga is carved on the face of the monument. This symbol has a number of analogies in terms of the carving pattern which are found in the region of Northern Moldavia and Southern Ukraine. The front side of the anthropomorphic statue is oriented to the South, and to the opposite gentle slope of gorge, on which there presumably was an ancient road leading to a ford and a watering hole. The stele with a single Sarmatian tamga on the mask is also the center of a cluster of three stones, which are located on different sides of the stele and bear traces of machining in the form of notches, hollows, niches, and groove-shaped depressions, which can also imply the possible cult orientation of the complex. The anthropomorphic statue served as a sign indicating the ford on the river and the watering hole for people and horses. At the same time, it could have been a cult object of sacred worship of a deity associated with water. Also, the stele could have been used as a stone marking the borders of the Sarmatian domain.

Keywords: archaeology, Republic of Moldova; Roşieticii Vechi; Reut river, Solonets river; steppe; the Sarmatians; cult object; anthropomorphic statue; stone stele; tamga.

24 июня 2017 года в поле зрения группы туристов-краеведов и спелеологов во время похода по ущелью реки Солонец попал необычный камень со «странными символами», высеченными на нём. 26 октября 2018 года руководитель похода — кишинёвский краевед Юрий Шве́ц, передал изображение и местоположение «загадочного объекта» автору настоящего исследования. Данное обстоятельство послужило толчком к его изучению и поиску аналогий как на территории Днестровско-Прутского междуречья, так и в сопредельных регионах.

На территории Днестровско-Прутского междуречья сосредоточено немалое количество самых разнообразных по типу и назначению каменных стел и изваяний, относящихся к различным археологическим культурам. Так как вышеупомянутый регион расположен на осадочном чехле, образованном в результате седиментации отложений Сарматского моря¹ в период миоцена, выходы известняка издревле известны на обширных территориях центральной и северной части междуречья. Данным обстоятельством обусловлено широкое использование местной породы в качестве

материала для изготовления. Среди общего числа каменных объектов региона отдельную нишу занимают культовые стелы гунно-сарматского времени, часто маркированные сарматскими тамгами. Сарматские стелы Днестровско-Прутского междуречья в основном несут в себе культовое назначение, однако встречаются и плиты с единичными тамгами, выполняющие роль пограничных камней с межевым знаком, закрепляющих территорию за отдельным родоплеменным образованием сарматов, а возможно, и маркирующих внешние границы их государственного образования (Агульников, Бубулич, 2009, с. 206–207).

Описываемое в настоящей работе новое антропоморфное изваяние, по всей видимости, нельзя отнести ни к погребальным стелам, ни к камням, выполняющим только межевые функции.

Описание объекта. Новая антропоморфная стела (рис. 1)² находится в живописном каменистом ущелье реки Солонец, близ села Рошиетичий Вець и расположена на левом берегу, в пяти метрах от зеркала реки (рис. 2)³. Объект удалён в пределах двух километров от устья реки Солонец⁴ при впадении в реку Реут и находится в степной зоне (рис. 9). Лицевая сторона изваяния ориентирована на русло реки и пологий противоположный склон, в то время как за оборотной стороной находится крутой каменистый склон ущелья.

Стела находится в «ансамбле» с двумя каменными блоками, сопоставимыми по габаритам, несущими следы антропогенного воздействия, и расположена в центре «ансамбля» (рис. 3). Центральное изваяние «ансамбля» имеет довольно выраженный антропоморфный облик⁵, ярко выделяется личина, намечены плечи. Высота стелы от дневной поверхности порядка 1,02 м, ширина 0,70–0,75 м, толщина порядка 0,43 м. Справа от центрального изваяния находится «плита», заходящая за центральное изваяние. Плоскость плиты наклонена в пределах 45°, несёт следы механической обработки, слегка дугообразно огибает центральное изваяние и имеет желобовидное углубление в горизонтальной плоскости верхней части плиты, по форме выделки напоминающее устройство полки (рис. 3). Обратная сторона плиты вдаётся в наносные слои склона. Высота плиты в пределах 0,70 м, длина порядка 1,30 м, возвышение «полки» над дневной поверхностью порядка 0,40 м, глубина полки 0,20–0,30 м. Антропоморфная стела ориентирована лицевой стороной на юг с небольшой погреш-



Рис. 1. Вид лицевой стороны изваяния
Fig. 1. View of the front of the stone stele

ностью на запад, составляющей около 12–15°. Плита за изваянием также ориентирована по сторонам света.

На лицевой стороне антропоморфного изваяния обнаруживается рукотворная структура, имеющая ряд углублений, обладающих симметрией, и интерпретируется в настоящем исследовании как тамга, стилизованная под антропоморфизм личины изваяния (рис. 4). Тамга имеет общую высоту порядка 0,43 м и ширину порядка 0,26 м. Горизонтальная перекидаина тамги сильно заглублена, в то время как вертикальные перекидаины имеют неглубокий характер выделки. Длина глубокой перекидаины 18 см, ширина 4–5 см, глубина перекидаины варьируется от 4 до 9 см. Вертикальные перекидаины неглубокие и заглублены не более чем на 1–2 см. Нижняя часть тамги имеет контур геометрической фигуры, напоминающей пентагон с округлыми краями. Относительные размеры поверхности фигуры 25,5×25 см, выполнена в технике высокого рельефа и выдаётся над плоскостью лицевой стороны изваяния до 3–5 см.⁶

Тамга стилизована под личину изваяния и своей формой подчёркивает семантику элементов личины. Так, например, в глубокой горизонтальной перекидаине имеются намеченные и весьма утрированные глаза. Под нижней округлой частью тамги, выполненной в высоком рельефе, обнаруживают-



Рис. 2. Вид вершины изваяния с рекой Солонец, и пологим спуском к броду
Fig. 2. The view of top of the stone stele with Solonets river and easy slop to ford in the background.



Рис. 3. Культурный «ансамбль» объекта
Fig. 3. The cult “ensemble” of the object.

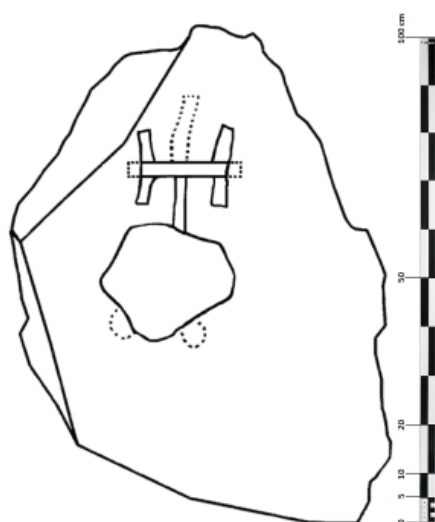


Рис. 4. Схема лицевой стороны и схема тамгового знака со стилизованными элементами личины
Fig. 4. The outline of the front side of the object and scheme of the symbol with stylized elements of the face



Рис. 5. Схема боковой (восточной) стороны изваяния с указателем на Север.
Fig. 5. The outline of lateral (eastern) side of the stone stele with north arrow

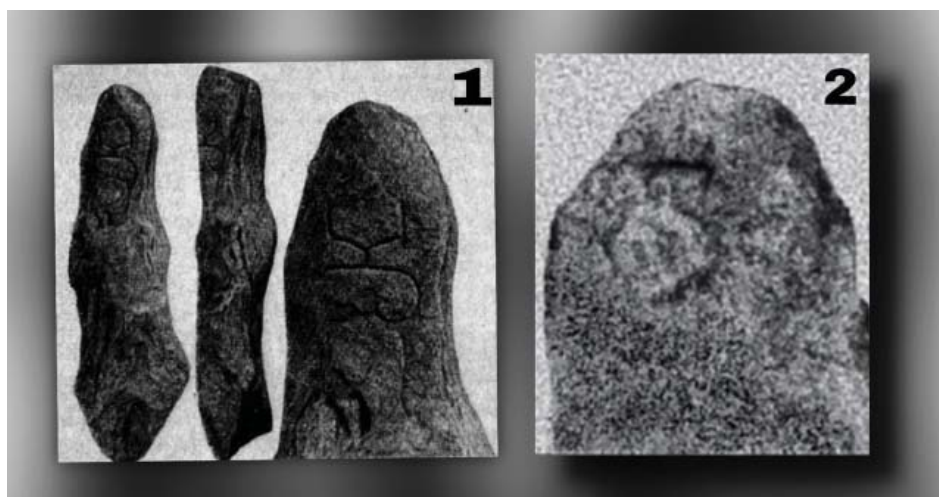


Рис. 6: 1. Антропоморфное изваяние с единичной тамгой на личине, из Запорожья. (По Драчук 1972); 2.

Антропоморфное изваяние с единичной тамгой на личине, ущелья реки Солонец.

Fig. 6: 1. The anthropomorphic stele with single tamga on the face from Zaporozhye. (After Drachuk 1972); 2. The anthropomorphic stele with single tamga on the face from the gorge of the river of Solonets.

ся два приблизительно равных по размерам углубления, предположительно изображающих ноздри, тем самым центральный округлый барельефный элемент изваяния, интерпретируемый в настоящем исследовании как нижняя часть тамги, несёт в себе семантику носа. Диаметр круглых углублений⁷ порядка 4 см, глубина около 3 см, располагаются симметрично на нижнем участке «носа» на удалении друг от друга около 10 см. (рис. 4).

Вершина изваяния (рис. 2) и боковая плоскость восточной стороны (рис. 5) несут следы механической обработки, а ряд засечек и симметричных выемок, возможно, могут являться в значительной степени эродированными космогоническими символами. На боковой плоскости обнаруживаются небольшие рукотворные ниши, вероятно, культового назначения.

Изваяние находит ближайшую аналогию в сопоставлении с сарматской антропоморфной стелой (рис. 6: 1), выполненной из гранита с единичной тамгой на личине и происходящей из впускного погребения кургана в Запорожье (Драчук, 1972, с. 105). Тамговый знак имеет определённое сходство со знаком солонецкого истукана (Драчук, 1975, табл. XXXI:2). Символ также располагается на личине изваяния, аналогичным образом неся в себе как значение самого символа, так и семантику утрированных глаз, носа, возможно, и иных черт, присущих антропоморфной личине (Курчатов, 2014, с. 136, рис. 2:3; Драчук, 1972, с. 106, рис. 42). Единичная лицевая тамга запорожского изваяния имеет сопоставимые размеры с единичной лицевой тамгой солонецкого изва-

яния. Аналогичный символ тамговому знаку запорожского изваяния вытесан на фрагменте плиты из Тецкан Северной Молдавии, размеры символа сопоставимы с тамговым знаком как запорожского изваяния, так и солонецкого (Курчатов, 2014, с. 136, рис. 2:2). В.С. Драчук, отмечает, что данный ряд сарматских тамговых знаков обнаруживается на сравнительно ограниченной территории Южной Украины⁸ и Северной Молдавии (Драчук, 1972, с. 106). В определённой степени антропоморфизмом обладает и стела с единичной тамгой из Танса в Румынии (Курчатов, 2014, рис. 2:1). Стела из Танса, как и фрагмент стелы из Тецкан⁹ в Северной Молдавии, происходят

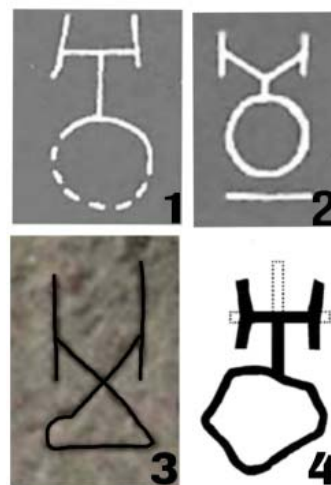


Рис.7. Схема начертания тамгового знака: 1. Пантикапей (По Драчук 1975); 2. Танаис (По Драчук 1975); 3. Танаис (По Соломоник 1959); 4. Солонец.

Fig.7. The outline scheme of tamga: 1. Panticapaeum (After Drachuk 1975); 2. Tanais (After Drachuk 1975); 3. Tanais (After Solomonick 1959); 4. Solonets.

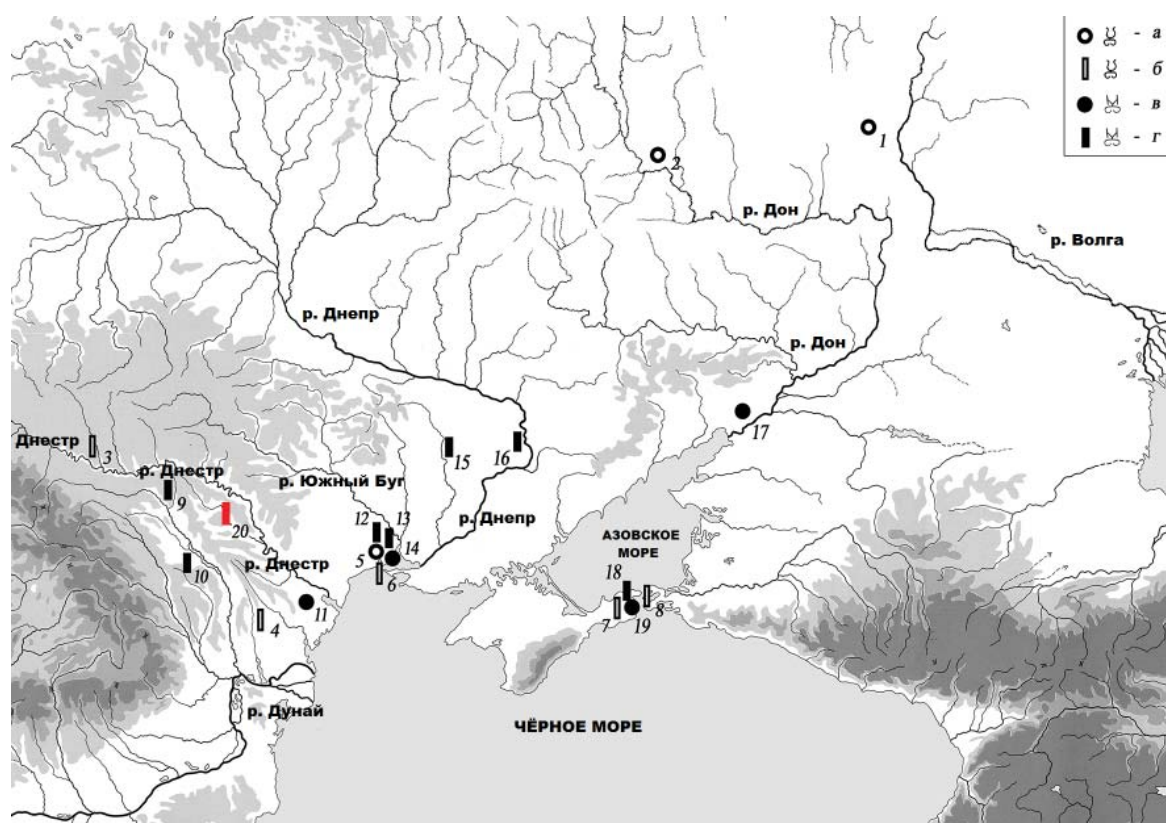


Рис. 8. Карта обнаружений стел и вещей с единичными сарматскими тамгами схожими по схеме начертания в Причерноморье. Карта дополнена местом расположения нового изваяния. (По Курчатов 2014).

«а», «в» – вещи с соответствующими знаками; «б», «г» – стелы:

- 1 – Комаровка; 2 – Титчиха; 3 – Заздрость; 4 – Тараклия; 5-6 – Ольвия; 7-8 – Керчь; 9 – Тецканы; 10 – Танса; 11 – Низовья Днестра; 12 – хут. Малая Козырка; 13-14 – Ольвия; 15 – Кривой Рог; 16 – Запорожье; 17 – Темерницкое Городище; 18-19 Керчь; 20 – Солонец.

Fig. 8. Map of finds of stone steles and things with single Sarmatian tamgas similar in outline from Black Sea region. The map is supplemented with the location of the new stone stele. (After Kurchatov 2014).

„a”, „v” – things with appropriate signs; „b”, „g” – stele:

- 1 – Komarovka; 2 – Titchikha; 3 – Zazdrost; 4 – Tarakliya; 5-6 – Olbia; 7-8 – Kerch; 9 – Tețcani; 10 – Tansa; 11 – Lower reaches of the Dniester river; 12 – Malaya Kozyrka; 13-14 – Olbia; 15 – Krivoy Rog; 16 – Zaporozhye; 17 – Temernik Settlement; 18-19 Kerch; 20 – Solonets river.

из сопредельных регионов русла Среднего Прута, единичные тамги которых идентичны (Курчатов, 2014, рис. 2:1) и схожи по схеме начертания с тамговым знаком «солонецкого истукана». Весьма близка по схеме начертания тамга на антропоморфном надгробии (Драчук, 1975, с. 143, Соломоник, 1959, с. 69) из Керчи¹⁰, её нижняя часть имеет округлую форму, а верхняя часть отличается от тамги солонецкого изваяния только вариативно, тамга также является единичной¹¹ (Драчук, 1975, табл. XXXI:7; Соломоник, 1959, с. 69, рис. 21). Близкая аналогия символу на антропоморфной стеле из ущелья реки Солонец по схеме начертания имеется на глиняной амфоре из Танаиса (Драчук, 1975, табл. XI:838). Также в Танаисе на каменной плите вырезана вариация данной тамги, где вместо нижней округлой части предстаёт треугольная фигура

(рис. 7: 3), прямые аналогии которой дважды встречаются в Ольвии (Соломоник, 1959, с. 111–112, рис. 56).

Закключение и выводы. Антропоморфное изваяние, обнаруженное в ущелье реки Солонец, являет собой нетипичный и уникальный объект гунно-сарматского времени. Объект расположен в лесостепной зоне Северной Молдавии, в бассейне Среднего Днестра (рис. 8; 9; 10). Микрозона, в которой обнаружена стела, является местом сосредоточения сарматских памятников (Свод памятников истории и культуры МССР, 1987, с. 858). Вариации сарматского тамгового знака, семантически стилизованного под личину солонецкого изваяния, распространены в Северном Причерноморье на рубеже эры и в первых веках н. э. Наибольшая концентрация вариаций схемы начертания данного знака обнару-

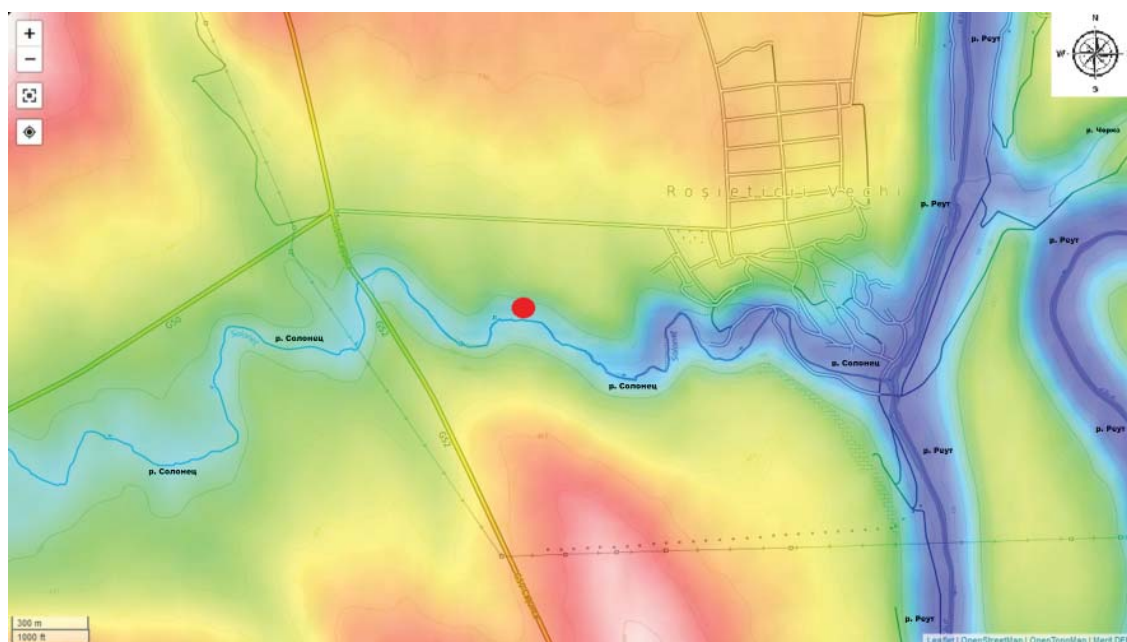


Рис. 9. Топографический план с локализацией объекта.

Fig. 9. Topographic map with localization of the object.

живается в Крыму, в регионе Южной Украины и Северной Молдавии (рис. 8). Тамговый знак находит ряд вышеописанных аналогий и может быть охарактеризован как один из вариантов общей схемы начертания (рис. 7). Примечателен способ исполнения знака, а именно сочетание углублений и барельефа. Ориентация лицевой стороны памятника на Юг (рис. 5) может также свидетельствовать о его кочевом происхождении.

Назначение антропоморфной стелы р. Солонец, скорее всего, не связано исключительно с погребальными или межевыми функциями, что выводит памятник из привычного ряда функционального замысла каменных сарматских плит¹² и изваяний.

Здесь стоит провести прямую аналогию с другим уникальным антропоморфным памятником кочевых племён степи, расположенным ниже по течению р. Реут, в заповеднике Старый Орхей. Половецкое изваяние, выполненное из небольшой известняковой скалы¹³, также располагается в каменистом ущелье, и скорее всего, как и изваяние ущелья р. Солонец, создавалось из удобно расположенной местной скалы с минимальными изменениями положения глыбы известняка относительно изначального местоположения. Половецкое изваяние находится в непосредственной близости от зеркала реки Реут, возле тропы, ведущей к броду, и по предположению В.Д. Гукина, является указателем брода через Реут (Гукин, 1991, с. 68–71). В этом же ключе стоит интерпретировать и новое сарматское

изваяние из ущелья реки Солонец. Представляется возможным предположить существование некогда древней дороги (рис. 10) на противоположном пологом склоне¹⁴, спускающейся к удобному месту брода¹⁵ в ущелье. Таким образом, изваяние «Солонец» могло являться указателем древнего брода¹⁶. В то же время изваяние с единичной тамгой было призвано решать задачи пограничного или межевого камня сарматов и быть культовым объектом, олицетворяющим поклонение божеству, символизирующему воду¹⁷. Об этом свидетельствует стилизация тамги под антропоморфные черты личины, придающая

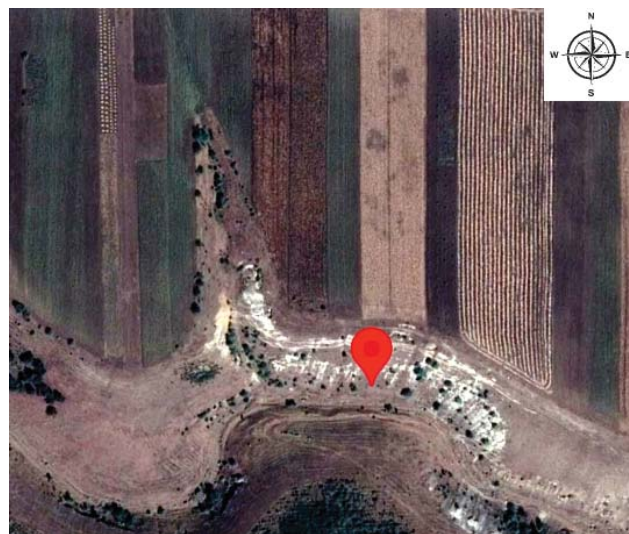


Рис.10. Спутниковый снимок „Google“ с локализацией объекта.

Fig.10. Satellite picture „Google“ with localization of the object.

изваянию подобие мужского облика (рис. 6: 2). Здесь стоит отметить, что в туранских религиях вода наделена мужским образом (Гасанов, 2002, с. 193). В скифо-сарматских (туранских) религиозных воззрениях известен бог Тагимасад¹⁸, ассоциирующейся с водой (Раевский, 2018, с. 37) и являющейся покровителем коневодства (Гасанов, 2002, с. 154, 340, 346, 378, 412, 413), Тагимасад особо почитался царскими особами (Акишев, 1984, с. 83). Также необходимо подчеркнуть, что водоснабжение являлось формой поклонения богу Тагимасаду (Гасанов, 2002, с. 274), что в контексте данного памятника может означать и место для набирания воды, и водопой для лошадей. Стоит отметить, что ещё один из

атрибутов Тагимасада¹⁹, помимо «священной земли-воды» и «покровительства над конями», это «пробивающий гору» (Гасанов, 2002, с. 340–342). Данная мифологема весьма интересна в свете расположения «изваяния Солонец» не только вблизи зеркала реки у древней переправы и водопоя, но и на дне каменистого ущелья с гористым ландшафтом, которое было «пробито» рекой Солонец в минувшие геологические эпохи²⁰.

Таким образом, новая антропоморфная стела с единичной сарматской тамгой является уникальным памятником, по всей видимости, выполнявшим целый ряд функций, как сакрального значения, так и практического характера.

Примечание:

¹ В данном случае - геологический термин, обозначающий существовавшее в период миоцена море. Сарматское море занимало территорию современных Чёрного, Каспийского и Аральского морей и обширные сопредельные регионы. Название получило по проживающим на этих территориях с IV в. до н. э. по IV в. н. э. кочевым скотоводческим ираноязычным племенам - сарматам.

² «Стела» применительно к описываемому объекту, используется условно. Учитывая особенности объекта (барельефный элемент, антропоморфная форма личины хотя и грубо выдолбленная ваятелем), делает термин «изваяние», более применимым по отношению к данному объекту, несмотря на ряд оговорок.

³ При большей полноводности уровень зеркала реки подходит вплотную к камню.

⁴ Современная река Солонец имеет сезонный характер полноводности на всём протяжении своего русла в остальное время, склонна к частичному пересыханию. На участке местонахождения изваяния, Солонец в периоды полноводности, обладает чертами горной реки.

⁵ Помимо стилизованных элементов тамги, таких как: глаза, барельефный нос, ноздри, и т.д., антропоморфный облик стеле придаёт округлость самой личины, и намеченные плечи (рис.3).

⁶ Стоит отметить, что это единственный элемент, выполненный не в технике заглабления путём выбивки, а в технике высокого рельефа, что придаёт данному элементу характер барельефа.

⁷ Углубления выделены штриховкой на схеме (рис.4).

⁸ Прямые аналогии тамге запорожской стелы (рис.6: 1), в частности имеются на находках в Кривом Роге и Ольвии (Драчук, 1975, с. 151; таб XXXI:3:2,3).

⁹ Плита из Танса и фрагмент плиты из Тецкан атрибутируются как пограничные камни, ограничивающие владения государственного образования сарматов.

¹⁰ Однако тамга находится не на личине, а на тулове изваяния, и не несёт семантических функций антропоморфных черт личины.

¹¹ На антропоморфной стеле имеется ряд более поздних сарматских знаков (Драчук, 1975, с. 152).

¹² Исследователи склонны атрибутировать плиты с единичными сарматскими знаками в качестве пограничных камней (Курчатов, 2014, с. 138; Агульников, Бубулич, 2010, с. 206).

¹³ Антропоморфный вид имеет только лицевая сторона половецкого изваяния, оборотная же располагается на склоне. Личина изваяния детализирована и имеет ярко выраженные монголоидные черты, выделены глаза, брови, нос и ноздри. Интересна техника выполнения – изображение выделяется над плоскостью скалы, и имеет характер барельефа (Гукин, 1991, с. 70).

¹⁴ При спуске с противоположного склона изваяние довольно чётко визуализируется и локализуется за рекой Солонец, личина «взирает» на спуск и располагается напротив центральной области пологого склона (рис.2).

¹⁵ Данное предположение косвенно подтверждается спутниковыми снимками, на них отчётливо видна структура, которую можно интерпретировать как древний спуск, ведущий к броду (рис.10).

¹⁶ Русло реки Солонец на данном участке никогда не менялось, об этом предельно ясно свидетельствует геология ущелья и резкий характер его склонов прорезанных рекой в геологическое время (рис.10).

¹⁷ И сегодня потомки некоторых кочевых народов, в частности в Туве, поклоняются бродам через ручьи, и водопоям, приносят им преподношения (Примечание автора из личных наблюдений во время экспедиции по Центральной и Западной Туве).

¹⁸ Тагимасад отождествлён Геродотом с древнегреческим Посейдоном (Акишев, 1984, с. 83).

¹⁹ Примечательно, что в пантеоне богов древнетюркских народов – бог Ыдук Йер-Суб, обладает аналогичными атрибутами, что и скифо-сарматский бог Тагимасад. Бог Сартакпай из мифологии алтайских тюрков, также близок

по божественным способностям - Тагимасаду, тождественному Посейдону. Так, например, Сартакпай с лёгкостью прокладывает русла рекам в Алтайских горах (Гасанов, 2002, с. 342, 343). В этой связи мужское половецкое изваяние на реке Реут из Старого Орхья, описанное В.Д. Гукиным, могло олицетворять образ древнетюрского бога Ыдук Йер-Суба.

²⁰ Геродот ссылается на утверждение фессалийцев что Посейдон прорубил в горах русло для реки Пеней (Гасанов, 2002, с. 342).

ЛИТЕРАТУРА

Агульников С., Бубулич В. Сарматская стела с тамгой из окрестностей п. Тараклия // Tyragetia, s.n., vol. IV [XIX], nr. 1, 2010. С. 205–208.

Акишев А.К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата: Наука, 1984. 176 с.

Гасанов З. Царские скифы. Этноязыковая идентификация «царских скифов» и древних огузов. New York: Liberty Publishing House, 2002. 486 с.

Гукин В.Д. Половецкое изваяние из Старого Орхья // Археологические исследования в Старом Орхее / Отв. ред. П.П. Бырня. Кишинев: Штиинца, 1991. С. 68–71.

Драчук В.С. Новые антропоморфные стелы с единичными сарматскими тамгами // КСИА. Вып. 130. М.: Наука, 1972. С. 105–111.

Драчук В.С. Системы знаков Северного Причерноморья (Тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры). Киев: Наукова думка, 1975. 173 с.

Курчатова С. Следы неведомых «царей» // Revista Arheologică. 2014. Vol. X. Nr. 1–2. С. 132–142.

Раевский Д.С. Скифский пантеон: семантика структуры // Nartamongae Vol. XIII, N 1–2, 2018. С. 37–52.

Свод памятников истории и культуры МССР. Северная зона / Отв. ред. Н.А. Демченко. Кишинев: Штиинца, АН МССР, 1987. 865 с.

Соломоник Э.И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев: АН УССР. 1959. 178 с.

Информация об авторе:

Бондарь Игорь Александрович, независимый исследователь (г.Кишинёв, Молдавия); igorrr8829@gmail.com

REFERENCES

Agul'nikov, S., Bubulich, V. 2010. In Tyragetia. vol. IV [XIX], nr. 1, 205–208 (in Russian).

Akishev, A. K. 1984. *Iskusstvo i mifologiya sakov (Art and Mythology of the Saka)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).

Solomonik, E. I. 1959. *Sarmatskie znaki Severnogo Prichernomor'ia (Sarmatian Signs from the Northern Black Sea Region)*. Kiev: Academy of Sciences of the Ukrainian SSR Publ. (in Russian).

Gukin, V. D. 1991. In Byrnia, P. P. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia v Starom Orkhee (Archaeological Studies in Old Orhei)*. Kishinev: "Shtiintsa" Publ., 68–71 (in Russian).

Drachuk, V. S. 1972. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)*. 130. Moscow: "Nauka" Publ., 105–111 (in Russian).

Drachuk, V. S. 1975. *Sistemy znakov Severnogo Prichernomor'ia (Tamgoobraznye znaki severopontiiskoi periferii antichnogo mira pervykh vekov nashei ery)*. (Sign Systems of the Northern Black Sea Region (Tanga Signs of the Northern Pontic Periphery of the Ancient World of in First Centuries of the Common Era). Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Kurchatov, S. 2014. In *Revista Arheologică*. 10 (1–2). 132–142 (in Russian).

Raevsky, D. S. 2018. In *Nartamongae* Vol. XIII, N 1, 2, 37–52.

Demchenko, N. A. (ed.). 1987. *Svod pamyatnikov istorii i kultury Moldavskoi SSR. Severnaia zona (Corpus of Sites of Historical and Cultural of the Moldova ASSR. Northern zone)*. Kishinev: "Shtiintsa" Publ. (in Russian).

Gasanov, Z. 2002. *Tsarskie skify. Etnoiazykovaia identifikatsiia «tsarskikh skifov» i drevnikh oguzov (Royal Scythians. Ethno-Lingual Identification of the "Royal Scythians" and the Ancient Oghuz)*. New York: Liberty Publishing House (in Russian).

About the Author:

Bondar Igor A. Independent researcher, Chisinau, Moldova; igorrr8829@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.08.2021 г.
Статья принята к публикации 01.10.2021 г.

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ КОЧЕВЫХ ПЛЕМЁН СТЕПИ НА ПРОИСХОЖДЕНИЕ РЯДА СИМВОЛОВ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ПОКЛОННОГО КАМНЯ БЛИЗ СЕЛА РУДЬ

© 2021 г. Е.Н. Ленкова, И.А. Бондарь

Настоящая статья посвящена открытию и изучению результатов исследования нового славянского культового памятника периода распространения христианства в Днестровско-Прутском междуречье. Поклонный камень расположен близ села Рудь в Молдавии. Новый памятник является центральной доминантой раннесредневекового археологического комплекса IX–X вв, и может быть охарактеризован как пирамидальная стела с ярко выраженным антропоморфным обликом лицевой стороны. Поклонный камень предназначался для нужд культового и календарного характера и ориентирован на астрономически важные события. Некоторые знаки стелы прошли через процесс регионального и локального синкретизма. Главные символы и знаки лицевой стороны поклонного камня группируются в три сакральных сюжета. Уникальный объект не имеет прямых известных аналогов и содержит в себе признаки влияния древнерусского государства, Византии и викингов. На сакральном объекте представлены солярные и лунарные знаки, антропоморфные фигуры, крестообразные тамги, ранее неизвестный тип двузубца. Главной целью исследования авторов является обнаружение и идентификация влияния кочевых племён и полукочевников в происхождении некоторых символов, изображённых на поклонном камне «Рудь». Настоящее исследование призвано выявить следы раннего взаимодействия между славянскими племенами летописных тиверцев и уличей с кочевыми племенами Евразийской степи.

Ключевые слова: археология, евразийская степь, Молдавия, Средний Днестр, Рудь; раннее средневековье, распространение христианства, синкретизм, славяне, лука-райковецкая культура, кочевые племена, древние тюрки, тюркские руны, сарматские тамги, поклонный камень, космогонические символы.

THE ISSUE OF THE INFLUENCE OF STEPPE NOMADIC TRIBES ON THE ORIGIN OF SEVERAL SYMBOLS ON THE EARLY MEDIEVAL WORSHIP STONE NEAR RUDI VILLAGE

E.N. Lenkova, I.A. Bondar

The paper addresses the discovery and review of the results of a study of a new Slavic cult monument dating back to the period of the spread of Christianity in the Dniester-Prut interfluvium. The worship stone is located near Rudi village in the Republic of Moldova. The new monument is the central dominant of the early medieval archaeological complex of the 9th–10th centuries and can be described as a lapidarian pyramidal stele with a pronounced anthropomorphic outline of the front side. The worship stone was intended for cult and calendar needs, and had an orientation towards astronomically relevant events. Several symbols of the worship stone are due to its local and regional syncretism. The main symbols and signs on its front are grouped into three sacred plots. The object is unique, has no known direct analogies, and bears traces of Old Russian, Byzantine and Viking influence. The sacred stone has various solar and lunar signs, rune-like symbols, anthropomorphic figures, cruciform tamgas, and a previously unknown type of bi-dent. The main purpose of the authors' research is to find and identify the influence of nomadic tribes and semi-nomadic tribes on the origin of several symbols on the Rudi worship stone. By means of this research, the authors attempt to shed light of early interactions between the Slavic tribes described in the chronicle – the Tivertsy and the Ulichy with the nomadic tribes of Eurasian Steppe.

Keywords: archaeology, Eurasian Steppe, Republic of Moldova, the Middle Dniester, Rudi, early Middle Age, spread of Christianity, syncretism. Slavic tribes, Luka-Raikovets culture, nomadic tribes, ancient turkic, turkic runes, sarmatian tamgas, worship stone, cosmogonic symbols.

Данное исследование представляет собой предметный анализ по выявлению присутствия прямого или опосредованного влияния степи на систему лапидарных символов поклонного камня «Рудь» (рис. 1), открытого в 2017 году И.А. Бондарем, а затем исследованного и введённого им в научный оборот¹ в результате апробации на

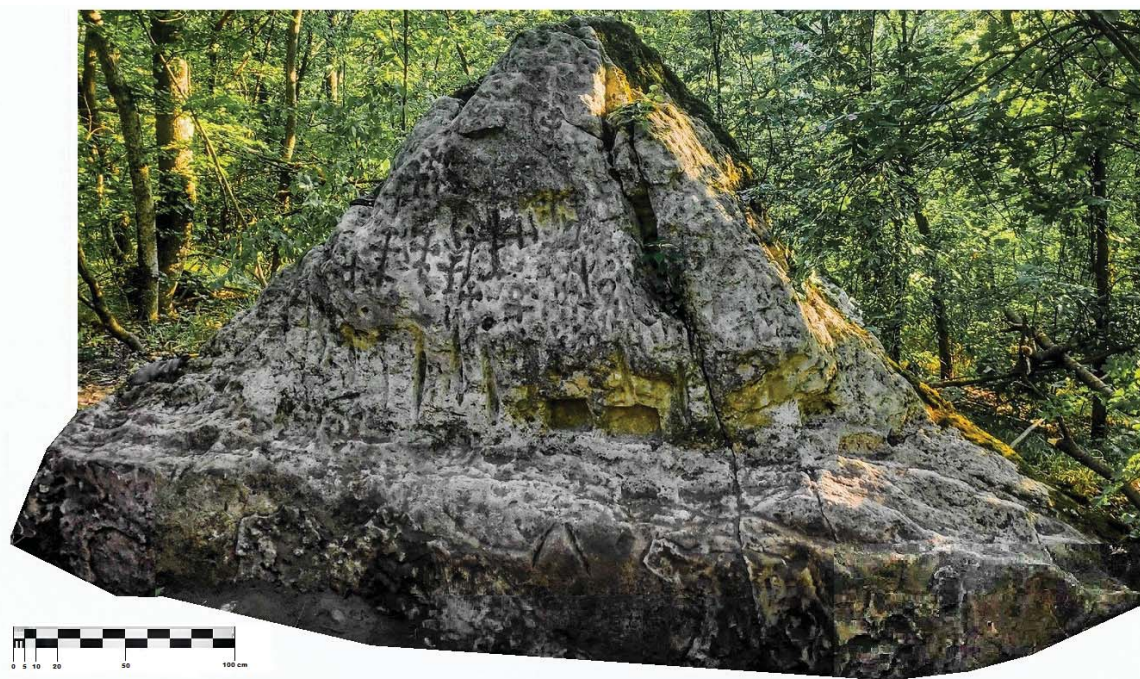


Рис. 1. Общий вид поклонного камня «Рудь».

Fig. 1. General view of the “Rudi” worship stone

XXX Ежегодной научной конференции с международным участием «Исследование, документирование и освоение историко-культурного наследия» (Бондарь, 2020, с. 32). Основные задачи настоящего исследования состоят в поиске аналогов и атрибуции ряда знаков, обнаруженных на рудском поклонном камне и имеющих схожее начертание среди тамгообразных и руноподобных систем ряда кочевых племён Евразии. Ввиду нахождения объекта в лесостепной зоне Среднего Днестра (рис. 7, 8) и присутствия кочевых племён на протяжении первого тысячелетия н. э., а также использования реки Днестр в качестве древнего речного пути, авторы не могут обойти стороной вопрос прямого и/или опосредованного влияния кочевников на систему знаков культового комплекса тиверцев. Также немаловажным является и факт нахождения поклонного камня в микроразоне, где путём археологических исследований было выявлено присутствие влияния салтово-маяцкой культуры², и выдвинуто предположение об участии в генезисе местного славянского населения лука-райковецкой археологической культуры салтово-маяцкого культурного компонента (Рабинович, Ткачук, 1995, с. 167–169). В качестве двух наиболее вероятных цивилизационных очагов³, предположительно оказавших влияние на знаки камня «Рудь», в настоящей работе рассмотрено лапидарное наследие сарматских и тюркских племён, обладавших хорошо развитыми

графическими системами и оставивших в истории величайшие лапидарные памятники на просторах Евразийской степи.

Знаки лицевой стороны поклонного камня «Рудь» формируют три сюжетные зоны с ярко-выраженной христианской тематикой. Символы, находящие свои параллели среди знаков письменных и тамговых систем кочевников, имеются во всех трёх сюжетах лицевой стороны поклонного камня и частично на его оборотной стороне.

Знак типа «тавро», или знак «бараний рог». На лицевой стороне памятника имеются несколько символов, аналогичных по схожести начертания графемам древнетюркского письма, а также тюркских и сарматских тамг. Самым первым символом, имеющим ряд аналогий у кочевых племён Евразии, является условно называемый знак «тавро», расположенный в самом центре лицевой стороны антропоморфного поклонного камня раннего Средневековья (рис. 2: 1). Знак «тавро» на поклонном камне «Рудь» не входит ни в одну из трёх сюжетных зон лицевой стороны изваяния и является «надсюжетным». Полностью аналогичные по начертанию тамги и их вариации хорошо известны у тюркских народов (Ямаева, 2004, с. 41, рис. 146; 42, рис. 185). Тамговый знак «бараний рог» широко распространён у тюрко-монгольских народов, в качестве узора встречался и в орнаментации скифского искусства. Тюркская семантика данного знака происходит от персонифика-

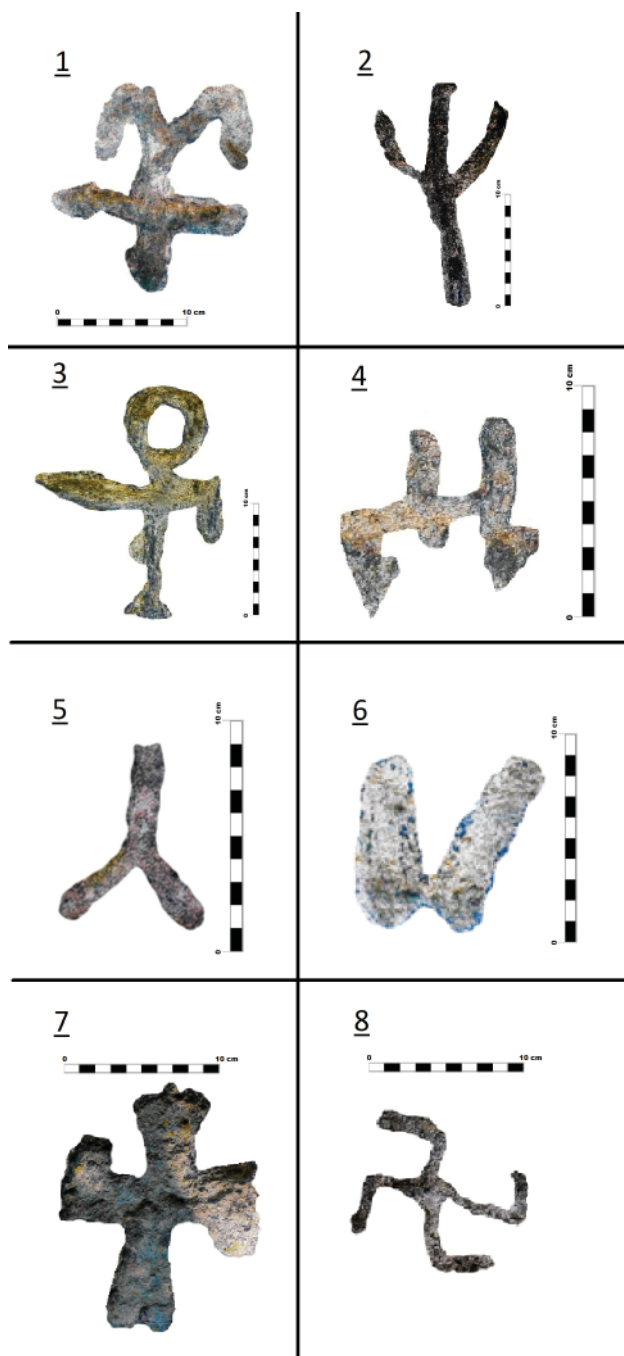


Рис. 2. Знаки, имеющие аналогии среди символов кочевых народов степи:

1.- Знак типа «тавро» или знак «бараний рог»; 2.- Знак типа «птичьих лапок»; 3.- Антропоморфная фигура третьей сюжетной зоны; 4.- Тамговый знак типа двузубца; 5.- Знак типа опрокинутого «ипсилон» или опрокинутого «виллообразного» креста; 6.- «V-образный» знак; 7.- Гаммированный знак; 8.- Гаммированный знак.

Fig. 2. Symbols finding analogies along symbols of nomadic tribes of steppe:

1.- “Ram’s horn” type symbol; 2.- Bird’s feet type symbol (runelike symbol); 3.- An anthropomorphic figure of third plot zone.; 4.- Bident type symbol; 5.- Overturned ipsilon type symbol; 6.- “V – shaped” symbol; 7. - Gammadion type symbol; 8. - Gammadion type symbol.

горизонтальной перекладины, встречаются на сарматских тамговых знаках Северного Причерноморья (Соломоник, 1959, с. 168, рис. 111), в частности на мраморном льве римского времени из Ольвии (Драчук, 1975, с. 159, таб. LI). Полная аналогия имеется на печати из Малой Азии и интерпретируется как знак, относящийся к ахеменидам (Яценко, 2001, с. 182, рис. 32:138). Аналогичные знаки известны в первых веках нашей эры как культовые сарматские символы, или «тавро», которые высекались владельцами отдельных табунов. В Северном Причерноморье они встречаются на известняковых плитах Кривого Рога, Керчи (Соломоник, 1959, с. 29; 99–100).

Однако знак «тавро» на лицевой стороне поклонного камня «Рудь» встречает и ряд других близких аналогий, не имеющих прямого отношения к кочевым племенам. Так, в труднодоступном скальном комплексе II каньона реки Реут в Старом Орхее, у села Бутучены, среди прочих символов вырезан знак типа «тавро» (Гросу, Василяки, 1984, с. 63, рис. 2). Ещё два знака, схожих с «тавро», но имеющих небольшие различия между собой, вырезаны в другом труднодоступном скальном комплексе, расположенном по соседству с культовым сакральным комплексом Холеркань-Маркэуц (Bâzgu, Şinhani, 1997, p. 88, fig.1). Символ, подобный по начертанию знаку «тавро», встречается в болгарских скальных комплексах (Дончева-Петкова, 1980, таб. XIV-7-11; Атанасов, 1993, 73, табл. 6. № 20.26). Известен целый ряд привесок XI–XIII века из Рязанской земли, на одной стороне которых находится изображение, аналогичное знаку «тавро» камня «Рудь», а на обратной стороне изображён лапчатый крест (Коршун, 2010, с. 63, таб. 1:14; Рязанцев, 2010, с. 123, рис. 2:2; Остапенко, 2015, с. 214, рис. 35:13). Крайне схожей

ции «горного козла» в алтайском фольклоре и мифологии в ипостаси духа – хозяина земли (Ямаева, 2004, с. 8). Подобные тюркские тамговые знаки «тавро», но без перекладины, встречаются среди петроглифов южного Алтая и Монголии (Яценко, 2001, с. 185, рис. 35:39; 71). Графема, близкая по аналогии данному знаку, но без перекладины, известна в древнетюркском руническом алфавите (Малов, 1951, с. 17; Кляшторный, 1964, с. 73). Подобный знак без горизонтальной перекладины процарапан на аббасидском динаре из коллекции Эрмитажа, находок кладов торгового пути «из Варяг в Греки и Персы» (Добровольский, Дубов, Кузьменко, 1991, с. 76). Схожие мотивы и аналогии, без

формой со знаком «тавро» камня «Рудь» обладают так называемые крестоспиральные привески XI века из Новгорода. Привески с кольцевидными спиралями из Троицкого XIV раскопа (Покровская, Степанов, Сингх, 2017, с. 473, рис. 7:5) и со щитковыми спиралями из Троицкого XIII раскопа выявлены на усадьбе «Ж» (Покровская, Степанов, Сингх, 2017, с. 473, рис. 7:4). Литейная форма крестоспиральных привесок со щитковыми спиралями была раскопана в Белоозерье (Голубева, с. 1973, 67, рис. 12:9). Символ, весьма близкий по аналогии с изображением знака типа «тавро» на камне «Рудь», несколько раз встречается в качестве графемы для буквы «оук» в древнерусских датированных надписях XI–XIII веков (Рыбаков, с. 1964, 5-48, табл. I-II-2; табл. V-VI-24; XXI-3).

Можно предположить семантику данного символа и ему подобных исходя из космогонических представлений древних. Вертикальная перекладина представляет собой космогоническую вертикаль «Земля-Небо», горизонтальная перекладина – земную твердь, дугообразные своды, расходящиеся от вершины вертикальной перекладины влево и вправо, – небесные арки, по одной из которых движется восточное солнце, а по другой – западное. Точка, где смыкаются дугообразные своды, может означать день солнцестояния, особо почитаемого в языческих верованиях. Возможно, именно поэтому в древности для горизонтальной фиксации светил в дни летних и зимних солнцестояний использовали «U-образные» и рогатые алтари и переносные визирные устройства (Музыченко, Слободянюк, Стафеев, Томилин, 2009, с. 95, рис. 86). Визирная рогатая апертура, в которой «зафиксирован» солнечный диск над «аркой небосвода», изображённая на спине каменного истукана с острова Рапануи (Хейердал, 1982, с. 165, fig. 5/b), имеет очень близкую форму со знаком «тавро» на камне «Рудь». Единственное отличие – отсутствие горизонтальной перекладины. Ввиду всего вышеизложенного совершенно не удивляет факт расположения знака в самом центре антропоморфного поклонного камня «Рудь». Символ сочетает в себе как космогоническую вертикаль «Земля-Небо», так и пространственную горизонталь «Восток-Запад», на стыке которых происходят солнцестояния и равноденствия. Таким образом, выражается семантическая середина мира, известного сакрального космологического понятия в различных религиозно-мифологических традициях как «пуп Земли».

Несмотря на явные языческие корни символа, сакральный знак продолжал почитаться в первых веках христианизации в силу синкретических тенденций в переходный период.

Несомненно, глубинные истоки возникновения знака «тавро» уходят в древние корни индоевропейской культурной общности. Магический образ рогов парнокопытного, ставший сакральным в силу космологической⁴, календарной, мифологической и религиозной составляющей, вероятно, послужил прототипом для знака «тавро», придав ему некую универсальность и паневразийскую общность⁵. Однако нельзя сбрасывать со счетов как локальное изменение очертания символа, так и эволюцию его семантической составляющей, вплоть до появления омоглифов. Вместе с тем необходимо подчеркнуть сильное влияние тамговых знаков кочевников степи на появление сакральных символов типа «тавро» у оседлых племён лесостепной и лесной зоны.

Знак типа «птичьих лапок». Очень большое значение в третьем сюжете (рис. 3) лицевой стороны антропоморфного изваяния имеет знак типа «птичьих лапок»⁶. Данный символ (рис. 2: 2) широко встречается в различных письменных системах Евразии, представлен он и в качестве идеограмм и тамговых знаков. У кочевых народов он известен в древнетюркском руническом письме и как тамговый знак. На сарматских памятниках Северного Причерноморья данный символ встречается как самостоятельно, так и в различных вариациях и сочетаниях. Среди сарматских тамговых знаков Северного Причерноморья символ встречается на мраморных львах Ольвии, (Драчук, 1975, с. 147, табл. XVIII/2/1; 113, табл. III/127), на плите из Танаиса (Яценко, 2001, рис. 21:2) и на известняковых плитах Пантикапея (Драчук, 1975, с. 113, табл. III/123–124). Среди тюркских средневековых тамговых знаков Северного Причерноморья символ встречается в Крыму (Драчук, 1975, с. 150–151, табл. XXV/21; табл. XXX/22–24) и среди знаков средневекового Саркела (Драчук 1975, с. 150, табл. XXVIII/93). Графема древнетюркского рунического алфавита (Малов, 1951, с. 17) также совпадает по начертанию с символом «П» на рудьском поклонном камне.

В то же самое время вне знаков кочевых племён первого тысячелетия н. э. символ обладает определёнными чертами сходства с графемой греческого письма – буквой «ψ» (пси), и кириллической буквой «Ψ» (пси) старославянской азбуки. Символ находит

близкую аналогию по начертанию со скандинавской руной младшего футарка «П» (m) и со скандинавской руной старшего футарка «Р» (R). Влияние как греков Византии в раннем Средневековье, так и викингов Скандинавии на регион Среднего Днестра хорошо известно по историческим источникам и археологическим раскопкам. Однако ни буква «пси» греческого алфавита, ни буква «пси» старославянской азбуки не встраивается в смысловую и семантическую логику третьего сюжета лицевой стороны поклонного камня. В то же время в буквенном выражении ни младшеруническая «П» (m), ни старшеруническая «Р» (R) также не вписываются как в контекст логического построения символов третьего сюжета, так и в общий контекст значения сюжетов лицевой стороны поклонного камня «Рудь». В варианте значения собственного имени младшая руна выступает в магическом значении «тадр» (человек). Трактовка данного знака в качестве идеограммы младшей руны «П» (человек) также не встраивается в контекст и выглядит бессмысленной. Старшая руна «Р» (R), в магическом значении идеограммы, интерпретируется в соответствии со своим древнегерманским именем «algic/algir» (ср. шв. *älg*, др.-англ. *ealgjan*) – «защита, заступничество» (Warren, Elliott, 1980, с. 51–53). Скандинавская руна (R) «Р» старшего рунического ряда широко использовалась в раннем Средневековье в качестве идеограммы защиты на культовых христианских и языческих предметах, таких как: амулеты, храмовые комплексы, лапидарные объекты. Известно руническое граффито на амулете из Вальбю, «*uir afund R*» (против дурного глаза – защита), где руна «R» трактуется в соответствии со своим названием «защита» (Добровольский, Дубов, Кузьменко, 1991, с. 50). Руна «R» также нанесена на амулет из Хёгстены XII в. как защитное заклинание против призраков (Svårdströin, 1967, с. 20; Jungner, 1936, с. 302). Роль идеограммы данная руна выполняет и в рунической надписи амулетного характера на уникальном зооморфном скандинавском амулете «гнездовского» типа, обнаруженном близ Алчедара на Среднем Днестре (Бондарь, 2021, с. 192, рис. 3). На монете 852 года, опубликованной И. Хаммарбергом и Г. Рисплингом (Hammarberg, Rispling, 1985, с. 70–71), старшеруническая руна «R» нанесена и на лицевую, и на оборотную сторону, а три её конца упираются в пробитые для привешивания отверстия. На одной из сторон между линиями руны «R» имеются две надписи младшими

рунами «kur», что, по мнению Добровольского, Дубова и Кузьменко, несомненно, свидетельствует об амулетном, защитном характере руны старшего футарка «R» на данной монете (Добровольский, Дубов, Кузьменко, 1991, с. 50), тем самым значение следует понимать, как «защита богом». И. Хаммарберг и Г. Рисплинг сообщают о полутора сотнях монет со старшерунической надписью «gud», являющейся эквивалентом младшерунической «kur» (Hammarberg, Rispling, 1985). Надписи младшими рунами «kur», как и нанесённые старшими рунами «gud» и двумя вариантами их комбинаций (kud или gup), а также в сочетании «kur» и «gud», означало бога, в большинстве случаев христианского. Известно большое количество амулетов и монет с подобной надписью (Добровольский, Дубов, Кузьменко, 1977, с. 148; Добровольский, Дубов, Кузьменко, 1991, с. 42, 104). Три знака в ряд, идентичных руне «R», обнаруживаются над входом в Храм Гроба Господня в Иерусалиме, а на двух монетах – имитациях анонимных византийских фоллисов середины XI века из Силистры изображён Иисус Христос с нимбом на аверсе и знак, полностью идентичный руне «R» старшего рунического ряда, на реверсе (рис. 4: 1) (Инкова, 2014, с. 3, обр. I: 5). Безусловно, семантика очень распространённого начертания сакрального знака типа «птичьи лапки» могла видоизменяться, претерпевать переосмысление под влиянием взаимопроникновения культур или же замещаться новым значением, а вместе с ним и назначением. В случае со знаком «П» третьего сюжета поклонного камня «Рудь» его интерпретация с тамговыми знаками и руной древнетюркского письма сомнительна, так как не вписывается в общий контекст знаков и крестов третьего сюжета в частности и поклонного камня в целом. Знак «П» на рудьском камне в интерпретации руны «П» (R) старшего рунического ряда в идеограмматическом значении «защита» наиболее полно вписывается в контекст, в том числе и по причине использования данной идеограммы в качестве «защиты» не только в язычестве, но и в отношении христианского бога. Данное явление наблюдается во время проникновения христианства и, возможно, является проявлением синкретизма.

Антропоморфная фигура третьей сюжетной зоны. В тесном композиционном сочетании со знаком «П», что в настоящем исследовании интерпретируется как идеограмма «защиты», представлена антропоморфная фигура с выраженной личиной в композиции

третьей сюжетной зоны (рис. 4: 2)⁷. Фигура имеет некое сходство с рядом тюркских тамг средневекового Крыма (Драчук, 1975, с. 150, табл. XXV/163–166) и тамг тюрко-монгольских (Драчук, 1975, с. 150, табл. XXIV/163–166). Однако тюрко-монгольские тамги сильно разнятся по виду и характеру начертания. Главным образом, неизвестны примеры и аналогии тюрко-монгольских тамг в сочетании с ярко-выраженной христианской символикой – лапчатыми крестами, орнитоморфными фигурами, иконными нишами и алтарной полкой. Фигура имеет ярчайшим образом выдающийся христианский контекст и должна интерпретироваться в данном ключе. Антропоморфная фигура с выраженной личиной третьей сюжетной зоны в настоящем исследовании интерпретируется как образ Иисуса Христа с нимбом (рис. 2: 3). Ближайшая аналогия схожего изображения происходит с аверса второго обнаруженного анонимного фоллиса середины XI века из Силистры (рис. 4: 1), на котором изображён схожий образ Иисуса Христа с нимбом, а на оборотной стороне расположен знак, идентичный руне «R» старшего Футарка (Инкова, 2014, с. 3, обр. I: 4).

Тамговый знак типа двузубца. Двузубец представляет собой тамгообразный знак (рис. 3: 4), состоящий из двух зубьев, идущих от горизонтальной перекладины вниз и заканчивающихся клиновидным, расширяющимся заострением с треугольным выступом вправо (рис. 2: 4). Полных аналогий двузубцу в настоящем исследовании не обнаружено, однако достаточно много схожих по начертанию тамг имеются среди тюркских фамильных знаков (Драчук, 1975, табл. XXV; Рогова, 2020, с. 58, рис. 4). Ряд тамговых знаков Саркела VII–X веков имеет близкое сходство с двузубцем на камне «Рудь» (Яценко, 2001, с. 186, рис. 36:68; 81–82). Очень близкая аналогия, без дополнительной вертикальной перекладины, высечена на плите из мягкого белого известняка, происходит из Кубани, введена в научный оборот Соломоником (Соломоник, 1959, с. 110, № 54). Близкая аналогия, но также без дополнительной вертикальной перекладины, обнаруживается среди тамговых знаков Крыма и относится к средневековым аланам⁸ (Яценко, 2001, с. 186, рис. 36:128).

Учитывая общий культурный и исторический контекст местонахождения двузубца, необходимо рассмотреть и аналогии личных тамговых княжеских знаков восточнославянского происхождения. У двузубца третьей

сюжетной зоны камня «Рудь» очень много схожего с разнообразными двузубцами и трезубцами древнерусских князей (Рыбаков, 1940, с. 227–257). В определённой мере сходство обнаруживается на перстнях-печатах, найденных в составе древнерусскогоклада в 100 км севернее камня «Рудь», в бассейне реки Днестр, у села Городище Хмельницкой области Украины (Якубовський, 1975, с. 103, рис. 18). Стоит отметить, что большинство из двузубцев и трезубцев древнерусских князей направлены зубцами вверх, однако встречаются и перевёрнутые двузубцы, и трезубцы с зубцами, направленными вниз, как у двузубца третьей сюжетной зоны скального изваяния «Рудь». Такие тамги обнаружены на матрицах для теснения колтов и свинцовой пломбе XI века (Рыбаков, 1940, с. 254, рис. 83; 84). В этой связи в качестве определенной схожести интересен трезубец на печати Вячеслава; предмет происходит из Волыни (Михеев, 2017, с. 32, рис. 17). Трезубец и двузубец с добавленным третьим зубцом, направленные зубцами вниз, имеются на трапецевидной костяной подвеске X века из 26 Троицкого раскопа Новгорода (Янин, 1982, с. 151, рис. 8). На древнерусских печатах помимо двузубцев изображались орнитоморфные фигуры архангелов и святые, покровительствующие князьям (Михеев, 2017, с. 26, рис. 9; 24, рис. 6). «Знаки Рюриковичей» обнаружены на саркофаге кладбища у храма XII–XIII веков во время раскопок летописного древнерусского города Василев, находившегося на слиянии рек Серет и Днестр в Черновицкой области Украины (Археология Украинской ССР, 1986, с. 340). Знак, схожий с «тамгой Рюриковичей», обнаруживается на стене нефа одной из церквей в скальном комплексе Мурфатлар в Румынии (Agrigogoaei, 2006, p. 49, fig. 10; Bârnea, 1963, p. 207–208). Три двузубца на стенах гробницы Царского кургана в Керчи исследователями идентифицируются как «знаки Рюриковичей», два двузубца из трёх направлены зубьями вниз (Амелькин, 2001, с. 250, рис. 8–10). Двузубец, изображённый на рудьском камне, находится в композиции с орнитоморфными фигурами и фигурой святого с нимбом. Ввиду общего контекста лапидарных изображений и представленных выше аналогий святой идентифицируется как образ Иисуса Христа, а две орнитоморфные фигуры – как изображения ангелов/архангелов. Схожие композиции двузубцев и трезубцев со святыми и ангелами широко представлены на княжеских печатах и принадлежали наиболее

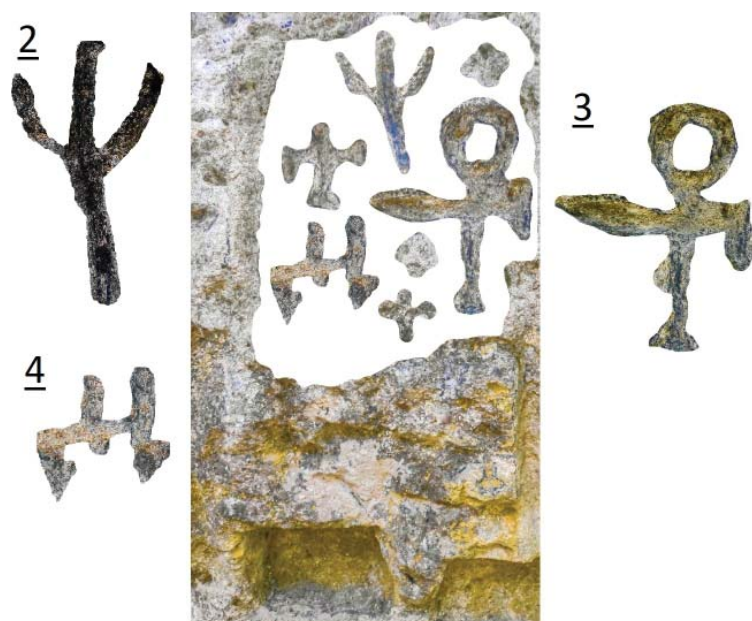


Рис. 3. Третий сюжет лицевой стороны поклонного камня:

2.- Знак типа «птичьих лапок»; 3.- Антропоморфная фигура; 4.- Тамговый знак типа двузубца.

Fig. 3. The third plot of the front side of the worship-stone:

2.- Bird's feet type symbol (runelike symbol); 3.- An anthropomorphic figure; 4.- Bident type symbol.

значительным князьям своего времени (Михеев, 2017, с. 35). По всей видимости, перед нами двузубец, принадлежащий правителю местного княжества. Вполне вероятно, что со временем к двузубцу добавилась правая верхняя вертикальная перекладина – подобная практика была широко распространена, дети князей часто развивали или варьировали княжеские знаки отцов (Михеев, 2017, с. 34).

Интересным представляется тот факт, что на ряде мраморных плит, найденных на Таманском полуострове, изображаются царские тамговые знаки сарматов в форме двузубца и/или трезубца с расположенными по бокам образами двух богинь Ника, своими руками «благословляющими» царский знак (Соломоник, 1959, с. 51–52, № 3; 4).

Итак, по всей видимости, перед нами восточнославянский княжеский знак, имеющий, как и все подобные восточнославянские и древнерусские княжеские знаки, «степное» происхождение. Князья заимствовали тамгообразные знаки и переосмыслили их в контексте христианской традиции, продолжая систему использования фамильных и личных тамговых знаков, сложившуюся в степи задолго до появления восточнославянских протогосударственных образований и древнерусского государства.

«Х-образный» знак на алтарной плоскости. Справа от предположительно иконных ниш, на алтарной полке имеются «Х-образные» знаки (рис. 5: 1). Подобный знак обнаруживается у сарматов (Драчук, 1975, табл. II/93–95; табл. VIII/587–598). Имеется он и у древнетюркских народов, в частности в древнетюркском руническом алфавите (Малов, 1951, с. 17). Среди неочевидных аналогий, в

частности, знак встречается в скандинавском руническом письме, а также распространён в качестве христианской символики «косоуго» креста. Любопытно, что так начерталась скандинавская руна «g» старшего футарка, в идеограмматическом значении *gyfu* (*geofu* – «дар»). В частности, именно так трактуется «Х-образный» символ на монете 865 года (Добровольский, Дубов, Кузьменко, 1991, с. 39; 110–111). Подобная интерпретация весьма удобна, учитывая нахождение знаков на жертвенной полке и расположение над иконными нишами идеограмматической скандинавской руны «R» старшего футарка, идентификация и интерпретация которой в настоящем исследовании считается полностью обоснованной и доказанной. С другой стороны, если предположить «Х-образный» знак простой насечкой или косым крестом для обозначения преподношений, семантика данного знака совершенно не меняется. Скорее всего, в данном случае мы наблюдаем лишь универсальную схожесть простейшего, но сакрального символа. Во всяком случае, находясь на алтарной плоскости поклонного камня «Рудь», данный символ может быть причислен к культовым знакам.

Знак типа опрокинутого «иисилон», или опрокинутого «вилообразного» креста. Под средним лапчатым крестом, с полным сохранением симметрии и композиции, находится знак, который возможно описать как перевернутый знак типа «иисилон» (рис. 2: 5), в неперевернутом виде широко встречаемый изображённым на культовых местах и предметах в Болгарии (Инкова, 2014). Происхождение этого знака Рашев относит к древнетюркскому язычеству, приводя в качестве аргументации древнетюркские аналогии

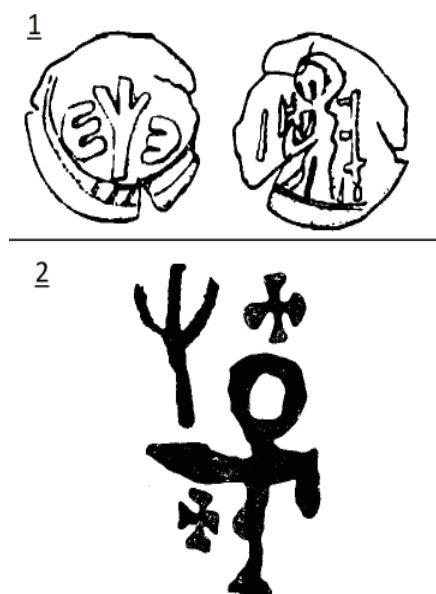


Рис. 4.: 1 - Изображение Иисуса Христа на монетах Силистры по Пенчеву (Инкова, 2014, с. 3, обр. I: 4); 2. Изображение антропоморфной фигуры на поклонном камне «Рудь».

Fig. 4; 1. - The image of Jesus Christ on the coins from Silistra after Penchev (Инкова, 2014, с. 3, обр. I: 4); 2 - The image of anthropomorphic figure on the worship-stone "Rudi".

(Рашев, 2008, с. 26). Встраивание и переосмысление данного символа вышеупомянутый автор относит к переходному периоду, к процессу синкретизма. Интересно отметить, что данный символ встречается в качестве графемы в древнетюркском алфавите (Малов, 1951, с. 17). Данный знак на лицевой стороне поклонного камня «Рудь» встроен в систему второго сюжета и имеет ярко выраженную христианскую семантику, относящуюся, по всей видимости, как и сам второй сюжет, к восхвалению троицы. Знак, идентичный так называемому «опрокинутому вилообразному» кресту, распространённому в геральдике. На известняковом блоке, обнаруженном в раннесредневековом болгарском комплексе Кабиюк, западнее Плиски, среди прочих символов и знаков изображён очень близкий к лапчатым крестам уширенный клинчатый крест, от нижней лопасти которого симметрично исходит опрокинутый вилообразный крест. На поверхности этой же плиты отдельно обнаруживается и знак типа «иисилон», и знак типа «тавро», но без горизонтальной перекладины (Рашев, 2008, с. 29, обр. 3; с. 30, обр. 4). Очень похожая по структуре комбинация уширенного клинчатого креста с «опрокинутым вилообразным» крестом анатолийского или ближневосточного происхождения встречается на языческих древностях бриттов (Waddell, 1924, p. 295, fig. 47.H). Аналогичный знак встречается и на скандинавских древностях, в частности на тонкой серебряной монете брактеате из Львовской области Украины (Androschchuk, 2019, p. 88, fig. 9) и на скандинавском амулете X века – «Birka 835» – в форме лапчатого креста (Хамайко, 2010, с. 426, рис. 3:8), происходящем из круп-

нейшего торгового центра викингов – Бирки. Здесь «опрокинутые вилообразные» кресты представлены также в сочетании с лапчатым крестом формы самого амулета.

«V-образный» знак. Под небольшим опрокинутым «U-образным» завершением основания большого центрального креста необычного вида (рис. 5) расположен «V-образный» знак (рис. 2: 6), составные линии которого едва смыкаются. Знак расположен симметрично по отношению к «U-образному» наверху и опрокинутому «U-образному» завершению большого центрального креста необычного вида и располагается симметрично ко всей вертикальной композиции знаков второй сюжетной зоны. В очень похожем «несмыкающемся» начертании символ встречается среди сарматских знаков Северного Причерноморья (Драчук, 1975, табл. II/27).

Ближайший знак по схожести расположен в культовом пещерном комплексе Холеркань-Маркэуц – это «V-образный» знак в овале, с округлым и глубоким углублением над ним (Коваленко, Грамма, Левинский, 2008, с. 205, рис. 10/1). «V-образные» знаки в идеограмматическом значении представлены на раннесредневековых скандинавских амулетах, происходящих с территорий Руси и Скандинавии, и встречаются как в сочетании с другими рунами и знаками, так и отдельно (Добровольский, Дубов, Кузьменко, 1991, с. 164–171, № 4, 15, 21, 41, 76, 90, 148). Однако, принимая во внимание общий семантический контекст и расположение знака под крестом на одной вертикальной оси симметрии с вышерасположенными фигурами, напрашивается вывод о хтонической семантике «V-образного» знака. Расположенный «V-образный» знак, по всей видимости, связан с хтоническими представлениями и может быть интерпретирован как «ад» или врата в подземный мир.

Крест мотива «птичьих лапок» на оборотной стороне поклонного камня. Интересным объектом является двенадцати-конечный четырёхчастный центральносимметричный криновидный знак в форме креста (рис. 6). Ряд авторов именуют аналогичные по

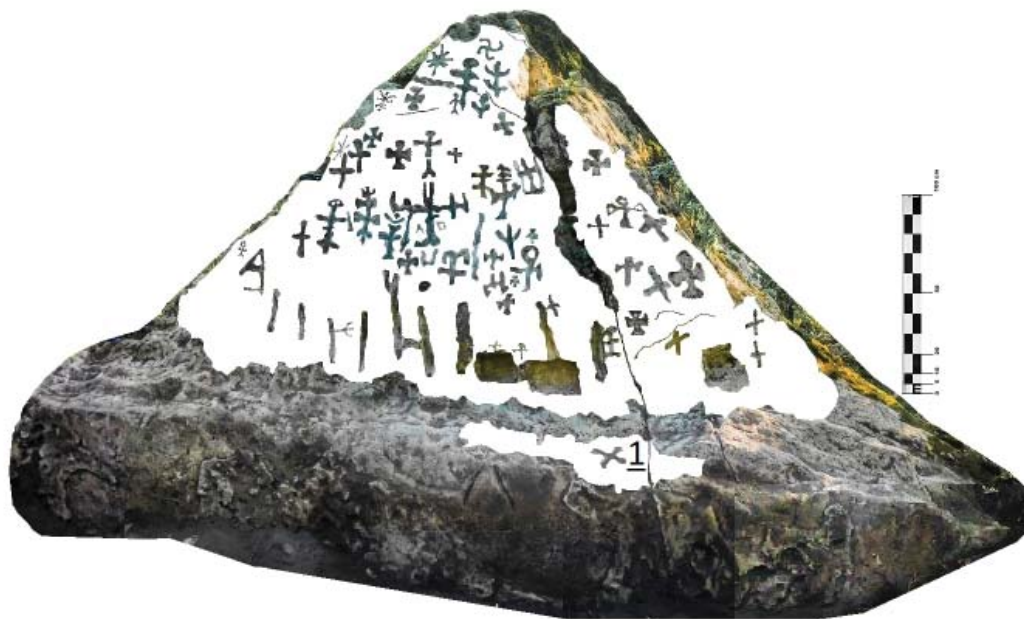


Рис. 5. Схема лицевой стороны поклонного камня.
Fig. 5. The scheme of front side of the worship-stone.

начертанию знаки мотивом «птичьих лапок» (Драчук, 1975, с. 78). Три элемента условного «крина» верхней части креста подверглись эрозии, вследствие чего произошло обрушение перегородок, разделяющих три верхних конца фигуры. Полная аналогия данного знака обнаруживается среди сарматских зеркал, найденных в Ольвии (Драчук, 1975, табл. XVI/53; табл. XVII/19). По сути, фигуру симметрично слагают 4 знака, идентичных руне «П», о которых было подробно рассказано выше. Однако данная фигура широко представлена в раннем Средневековье и находит многочисленные аналогии среди христианских святынь и наиболее часто встречается в XI–XIV веках (Могаричев, с. 1997, с. 22). Полная аналогия данного креста встречается на стенах скальной церкви № 7 комплекса восточной части Загайтанской скалы Инкермана (Могаричев, 1997, с. 168, рис. 79) и в церкви скального комплекса Челтер-Мармара в Крыму (Веймарн, Чореф, 1978, с. 149, рис. 7:1). Частичная аналогия вырезана христианами на камнях кладки дромоса гробницы Царского кургана в Керчи и датируется эпохой раннего Средневековья (Гайдукевич, 1981, с. 30, рис. 7). Подобный крест, датируемый XI–XII веками, имеется в церкви № 21 из долины Гёреме в Каппадокии (Jolivet-Lévy, 1991, p. 79, fig. 3). Знак, аналогичный данному кресту, известен и у ильменских (новгородских) словен (Мячикова, 2008, с. 144, рис. 28). В данном случае мы можем говорить лишь об общей тенденции к сакрализации подоб-

ных фигур и, возможно, приданию им разных семантических особенностей.

Заключение. Рассмотренные и проанализированные лапидарные знаки схожего вида со знаками тюркских и ирано-язычных народов Великой Степи показали, что в ряде случаев имеет место только схожее начертание, по типу омоглифов, и не имеющее никакого прямого влияния кочевников, а лишь опосредованное. Имеющиеся сходства в большинстве случаев продиктованы общностью сакральной геометрии Евразии или же естественной схожестью антропоморфизма фигур, как это имеет место с образом Иисуса Христа в третьем сюжете лицевой стороны изваяния. В случае со знаком типа «тавро» необходимо



Рис. 6. Крестообразный знак мотива «птичьих лапок».
Fig. 6. Cruciform symbol.



Рис. 7. Расположение объекта на карте Центральной Европы.

Fig. 7. Location of the object on the map of Central Europe.

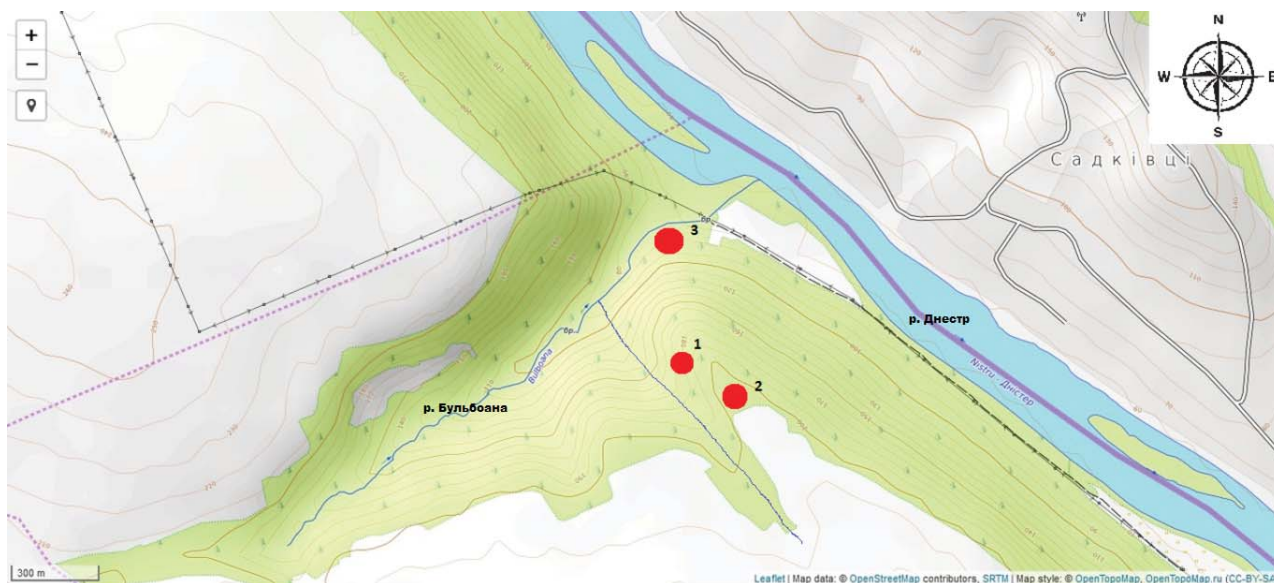


Рис. 8. Локализация объекта на топоплане микрозоны «Рудь»: 1 – Раннесредневековый поклонный камень; 2 – Сложномысовое городище «Три креста»; 3 – Кольцевое раннесредневековое городище «Турецкая тарелка».

Fig. 8. Localization of the object on the topographic plan of microzone “Rudi”: 1 – The early medieval worship-stone; 2 – The cape-fort “La trei cruci”; 3 – The early medieval ring-fort “Farfurii turcului”.

отметить возможное влияние степи в возникновении и распространении данного символа и его заимствование восточнославянскими племенами в сакральном, а возможно, и практическом применении. Как уже отмечалось, данный знак, возникший в эпоху языческих верований, проходил процесс синкретизма в переходный период восприятия христианства, как и целый ряд других символов. Двухзубец, интерпретируемый в настоящем исследовании как княжеский знак, предположительно правителя протогосударственного образования тиверцев, с большой степенью вероятности является тюркским тамговым знаком. Заимствование и восприятие тюркских тамговых знаков восточнославянскими князьями являлось естественной практикой раннесредневекового времени для восточнославянских и древнерусских земель, вплоть до золотоордынского периода.

Что же касается гаммированных знаков (рис. 2: 7, 8) и знака со схожим начертани-

ем с «мировым деревом», расположенных выше остальных знаков на камне «Рудь» (рис. 5), необходимо отметить паневразийскую общность в изображении данных сакральных, по большей части космогонических символов, каковыми они и являются на вершине антропоморфного изваяния «Рудь».

Космогонические знаки первого сюжета камня «Рудь» восприняты и переосмыслены христианством и повествуют о божественном мире, возможно, о сотворении, знаки и кресты второго сюжета – о троице и распятии, а третий сюжет – о христовой защите князя, возможно, княжества. Объект представляет собой христианский храм «под открытым небом» с ярко выраженной тенденцией синкретизма, созданный не позднее IX–X вв. местным восточнославянским населением лука-райковецкой культуры, и несёт в себе главным образом черты древнерусского, скандинавского и византийского влияния.

Примечания:

¹ В настоящее время культовый памятник раннего Средневековья находится в процессе пополнения списка национального достояния Республики Молдова.

² В непосредственной близости от поклонного камня «Рудь», на посаде VIII–XI вв. городища «Турецкая тарелка», были найдены предметы салтово-маяцкой материальной культуры, в частности двухъярусный гончарный горн салтовской традиции (Рабинович, Ткачук, 1995, с. 167–169). Известны находки элементов салтово-маяцкой культуры в Днестровско-Прутском междуречье, такие как: очаги, тамбуры входа, юртообразные жилища и погребальные памятники (Рабинович, 2018, с. 474).

³ Данные цивилизационные очаги Великой Степи присутствовали в том или ином качестве на территории Днестровско-Прутского междуречья и могли оказать прямое или опосредованное влияние, что могло быть отражено в появлении ряда символов на поклонном камне «Рудь». Так, после эпохи сарматского присутствия в V–VII вв. в регион проникает степной народ кутригуры (Рабинович, 2018, с. 468–470). Имели место и волны воздействия на регион различных племён кочевников в IX–IX вв., в частности аланов скифо-сарматского происхождения и венгров (Рабинович, 2018, с. 473–474). Стоит отметить и продолжительные приграничные контакты с тюркскими племенами (Рабинович, 2018, с. 474), печенегами и половцами, последние привели во второй половине XI в. к уничтожению или угасанию местных славянских центров лука-райковецкой культуры на Среднем Днестре (Рабинович, 2018, с. 474–475; 477).

⁴ У многих народов мира популярен образ небесной ладьи, или небесного светила между рогов парнокопытного.

⁵ Данный знак встречается от Европы (Драчук, 1975, таб. XX/17) до Курильских островов (Яншина, 2009, с. 110), что можно сказать и о целом ряде иных знаков. Таким образом, в большинстве случаев речь идёт об омоглифах.

⁶ Ряд исследователей называют подобные знаки мотивом «птичьих лапок» (Драчук, 1975, с. 78).

⁷ Фигура имеет определённые черты, отдалённо напоминающие коптский крест, однако коптский крест имеет совсем иные черты и вид.

⁸ Народ скифо-сарматского, иранского происхождения, временно присутствующий в Днестровско-Прутском междуречье в период раннего Средневековья (Рабинович, 2018, с. 473).

ЛИТЕРАТУРА

Амелькин А. О. «Знаки Рюриковичей» на стенах гробницы Царского кургана под Керчью // Древнейшие государства Восточной Европы 1999 год / Отв. ред. Г.В. Глазырина. М.: Восточная литература, 2001. С. 239–254.

Археология Украинской ССР. Т. 3. Раннеславянский и древнерусский периоды / Отв. ред. В.Д. Баран. Киев: Наукова думка, 1986. 575 с.

Атанасов Г. За един старобългарски скален манастир от X–XI век в Централна Молдова // Българите в Северното Причерноморие. Изследования и материали. Том втори. Велико Търново: Аста, 1993. С. 61–73.

Бондарь И. Интерпретация лапидарных символов на раннесредневековом поклонном камне близ села Рудь. // Conferința științifică internațională. Chișinău 2020, 131 p.

Бондарь И. Интерпретация сакральных символов и сюжетов на раннесредневековом поклонном камне близ села Рудь. // Tyragetia. 2021. Vol. XV. Nr. 1 С. 361–385.

Бондарь И.А. Новый скандинавский амулет в зверином стиле и рунической надписью в контексте древнегерманской мифологической системы мира // Скандинавская филология. Т. 19. Вып. 1, 2021. С. 190–213.

Веймарн Е. В., Чореф М. Я. Пещерный ансамбль Чильтер в Крыму// Пещеры Грузии / Отв. ред. К.Ш. РаквиашвилиТбилиси: Мецниереба, 1978. С. 139–153.

Гайдукевич В.Ф. Боспорские города. Уступчатые склепы. Эллинистическая усадьба. Илурат. Л.: Наука, 1981. 136 с.

Голубева Л.А. Весь и славяне на Белом озере. X–XIII вв. М.: Наука, 1973. 216 с.

Гросу В.Г., Василяки К.Г. Лапидарные знаки бутученских пещер // Известия Академии Наук Молдавской ССР. Серия общественных наук. 1984. №3. С. 63–69.

Добровольский И.Г., Дубов И.В., Кузьменко Ю.К. Рунические граффити на восточных монетах // Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. М.: Наука, 1977. С. 142–152.

Добровольский И.Г., Дубов И.В., Кузьменко Ю.К. Граффити на восточных монетах: Древняя Русь и сопредельные страны. Л.: Изд-во Л. ун-та, 1991. 192 с.

Дончева-Петкова Л. Знаци върху археологически паметници от средновековна България IV-X век. София: Изд-во на Българската ак-ия на науките, 1980. 184 с.

Драчук В.С. Системы знаков Северного Причерноморья (Тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры). Киев: Наукова думка, 1975. 173 с.

Инкова М. За християнска символика на знака «ипсилон» в старобългарската култура// Проблеми на изкуството. 2014. №3. С. 3–10.

Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Наука. 1964. 215 с.

Коваленко С., Грамма А., Левинский А. Культовый пещерный комплекс Холеркань-Мэркауць// Revista Archeologică. 2008. Vol. IV. Nr.2 . С. 186–207.

Коришун В. Привески 11-13 веков из коллекции сайта «Домонгол»// Домонгол. Альманах древней культуры и искусства / Отв. ред. А.Н. Трошин. Рыбинск: Искатели, 2010. С. 62–69.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 111 с.

Михеев С.М. Княжеские печати с тамгами и атрибуция знаков Рюриковичей XI–XII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. №4 (70). С. 17–41.

Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики. Симферополь: Таврия. 1997. 384 с.

Музыченко Б.Я., Слободянюк С.В., Стафеев С.К., Томилини М.Г. История оптики: Часть 1. Визирные системы древности. СПб.: СПбГУ ИТМО, 2009. 104 с.

Остапенко А.А. Христианские древности Рязанской земли XI–XVI вв. Дисс. ... канд. ист. наук. М.: ИА РАН, 2015. 508 с.

Покровская Л.В., Степанов А.М., Сингх В.К. Нателные кресты, крестовидные и крестовключенные привески XI – начала XII в. // В камне и в бронзе / Сост. А.Е. Мусин, О.Д. Щеглова / Труды ИИМК РАН. Т. XLVIII. СПб.: ИИМК РАН, 2017. С. 467–474.

Рабинович Р.А., Ткачук М.Е. Исследования на поселении древнерусской культуры у с. Рудь в Молдове // Археологические вести. 1995. № 4. С. 165–170.

Рабинович Р.А. Пруто-Днестровское междуречье в контексте культурно-исторических связей окружающих регионов в середине V – середине XI вв. // Древности. Исследования. Проблемы. Сборник статей в честь 70-летия Н.П.Тельнова / Отв. ред. В.С.Синика, Р.А. Рабинович. Кишинёв-Тирасполь: ПГУ им. Т.Г.Шевченко; НИЛ «Археология»; ВАШ, 2018. С. 465–483.

Рашев Р. Още за християнска смисъл на някои „прабългарски знаци“. // Историки. Юбилеен сборник в чест на доц. д-р Ст. Витлянов по случай неговата 60-годишнина. Т. 3/ Отв. ред. И. Карайотов. Шумен, 2008. С. 25–31.

Рогова И.Г. «М-образные» тамги-петроглифы Среднего Енисея: опыт типологии и хронологической атрибуции знаков// Теория и практика археологических исследований. 2020. №3 (31). С. 53–64.

Рыбаков Б.А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X–XII вв. // СА. 1940. Вып. VI. С. 227–257.

Рыбаков Б.А. Русские датированные надписи XI–XIV веков / САИ. Вып. Е1-44. М.: Наука, 1964. 48 с.

Рязанцев А. Новый археологический комплекс в левобережье р. Прони // Домонгол. Альманах древней культуры и искусства / Отв. ред. А.Н. Трошин. Рыбинск: Искатели, 2010. С. 122–125.

Соломоник Э.И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев: АН УССР, 1959. 175 с.

Хамайко Н.В. Древнерусская бронзовая ювелирная форма из раскопок на Киевском Подоле // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Гали Фёдоровны Корзухиной (Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г.) / Ред. А.А. Пескова, О.А. Щеглова, А.Е. Мусин. СПб.: Нестор-история, 2010. С. 420–429.

Хейердал Т. Искусство острова Пасхи. М.: Искусство, 1982. 165 с.

Якубовський В. І. Давньоруський скарб з с. Городище Хмельницької області // Археологія. 1975. № 16, С. 87–104.

Ямаева Е.Я. Алтайские тамги (некоторые проблемы этнокультурных контактов народов Алтая и Центральной Азии). Горно-Алтайск, 2004. 56 с.

Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.: Восточная литература, 2001. 190 с.

Agrigoroaei V. „Vikingi sau ruși. Noi cercetări asupra complexului de la Basarabi-Murfatlar” // Apulum. 2006. XLIII/2, P. 25–49.

Androshchuk F. When and How Were Byzantine Miliaria Brought to Scandinavia? Constantinople and the dissemination of silver coinage outside the empire. Constantinople as Center and Crossroad. // Transactions of the Swedish Research Institute in Istanbul, vol. 23, 2019. P. 55–88.

Bârnea I. Les monuments rupestres des Basarabi en Dobroudja // Cahiers archéologiques. Fin de l'antiquité et Moyen Âge, vol. 13, 1963. P. 207–208.

Bâzgu E., Şinhani T. Şinhani, Un schit rupestru necunoscut – Holercani-Marcăuți // Sud-Est Cultural, Nr. 4, 1997. P. 86-89.

Hammarberg I., Rispling G. Graffiter på vikingatida mynt. (Festskrift om mønter til Brita Malmer) // Hikuin N. 11, 1985. P. 63–78.

Jolivet-Lévy C. Les églises byzantines de Cappadoce. Le programme iconographique de l'abside et de ses abords. Paris: Presses du CNRS, 1991. 391 p.

Jungner H. Högstena-galdern: en västgötsk runbesvärjelse mot gengångare // Fornvännen. Journal of Swedish antiquarian research. Bd. 33, 1936. P. 277-304.

Svärdstzöin E. Högstenableckets rungalder // Fornvännen. Journal of Swedish antiquarian research. Bd. 62, 1967. P. 12–21.

Waddell L. A. Phoenician Origin of Britons, Scots, and Anglo-Saxon. London: Williams and Norgate, LTD. 1924. 450 p.

Warren R., Elliott V. Runes: An Introduction. Manchester: Manchester University Press, 1980. 124 p. .

Информация об авторах:

Ленькова Екатерина Николаевна, независимый исследователь (г. Москва, Россия); en.lenkova@physics.msu.ru

Бондарь Игорь Александрович, независимый исследователь (г. Кишинёв, Молдавия); igorrr8829@gmail.com

REFERENCES

Amel'kin, A. O. 2001. In Glazyrina, G. V. (ed.). *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 1999 (The Earliest States of Eastern Europe: 1999)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ., 239–254 (in Russian).

In Baran, V. D. (ed.). 1986. *Arkheologiiia Ukrainskoi SSR (Archaeology of the Ukrainian SSR)* 3. Kiev: "Naukova Dumka" Publ. (in Russian).

Atanasov, G. 1993. In *Balgarite v Severnoto Prichernomorie. Izsledovaniia i materialii (Bulgars in the Northern Black Sea Region. Studies and Materials)* 2. Veliko Tarnovo: "Asta" Publ., 61–73 (in Bulgarian).

Bondar, I. 2020. In *Conferința științifică internațională*. Chișinău. (in Russian).

Bondar, I. 2021. In *Tyragetia*. vol. XV. Nr. 1Б 361–385 (in Russian).

Bondar, I. 2021. In *Skandinavskaya filologiiia (Scandinavian Philology)* 19 (1), 190–213 (in Russian).

Veimarn, E. V., Choref, M. Ya. 1978. In *Rakviashvili, K. Sh. (ed.) Peshchery Gruzii (Georgian caves)*. Tbilisi: "Metsniereba" Publ., 139–153 (in Russian).

- Gaidukevich, V. V. 1981. *Bosporskie goroda. Ustupchatye sklepy. Ellinisticheskaia usad'ba. Ilurat* (Bosporan Towns. Stepped Crypts. Hellenistic Manor. Ilurat). Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Golubeva, L. A. 1973. *Ves' i slaviane na Belom ozere. X–XIII vv. (The Ves and the Slavs on Lake Beloye. 10th–13th Centuries.)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Grosu, V. G., Vasilaki, K. G. 1984. In *Izvestiia Akademii Nauk Moldavskoi SSR. Serii obshchestvennykh nauk* (Bulletin of the Academy of Sciences of Moldavian SSR. Social Sciences), 3, 63–69 (in Russian).
- Dobrovol'skii, I. G., Dubov, I. V., Kuz'menko, Yu. K. 1977. In Mel'nikova, E. A. *Skandinavskie runicheskie nadpisi* (Scandinavian Runic Inscriptions). Moscow: "Nauka" Publ., 142–152 (in Russian).
- Dobrovol'skii, I. G., Dubov, I. V., Kuz'menko, Yu. K. 1991. *Graffiti na vostochnykh monetakh: Drevniaia Rus i sopredel'nye strany* (Graffiti on Oriental Coins: Ancient Rus and the Neighboring Countries). Leningrad: Leningrad State University (in Russian).
- Doncheva-Petkova, L. 1980. *Znatsi vrkhu arkheologicheski pametnitsi ot srednovekovna Blgariia IV–X vek* (Signs on the Archaeological Monuments of Medieval Bulgaria of the 4th–10th Centuries). Sofia: Bulgarian Academy of Sciences Publ. (in Bulgarian).
- Drachuk, V. S. 1975. *Sistemy znakov Severnogo Prichernomor'ia (Tamgoobraznye znaki severopontiiskoi periferii antichnogo mira pervykh vekov nashei ery)*. (Sign Systems of the Northern Black Sea Region (Tamga Signs of the Northern Pontic Periphery of the Ancient World of in First Centuries of the Common Era)). Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
- Inkova, M. 2014. In *Problemi na izkustvoto* (Issues of Art) 3, 3–10 (in Bulgarian).
- Klyashtorny, S. G. 1964. *Drevnetiurkskie runicheskie pamiatniki kak istochnik po istorii Srednei Azii* (Ancient Turkic Runic Monuments as a Source of Information on the History of Central Asia). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Kovalenko, S., Gramma, A., Levinsky, A. 2008. In *Revista Arheologică*. 4. (2). 132–142 (in Russian).
- Korshun, V. 2010. In Troshin, A. N. *Domongol. Almanakh drevnei kul'tury i iskusstva* (Pre-Mongol Almanac of Ancient Culture and Art). Rybinsk: "Iskateli" Publ., 62–69 (in Russian).
- Malov, S. E. 1959. *Pamiatniki drevnetyurkskoi pis'mennosti Mongolii i Kirgizii* (Monuments of Ancient Turkic Writing in Mongolia and Kyrgyzstan). Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Mikheev, S. M. 2017. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. (Ancient Russia. Issues of Medieval Studies.) 70 (4), 17–41 (in Russian).
- Mogarichev, Yu. M. 1997. *Peshchernye tserkvi Tavriki* (Cave Churches of Tauris). Simferopol: "Tavriia" Publ. (in Russian).
- Muzychenko, B. Ya., Slobodyanyuk, S. V., Stafeev, S. K., Tomilin, M. G. 2009. *Istoriia optiki: Chast 1. Vizirnye sistemy drevnosti* (History of Optics: Part 1. Sighting Systems in Antiquity). Saint Petersburg (in Russian).
- Ostapenko, A. A. 2015. *Khristianskie drevnosti Riazanskoi zemli XI–XVI vv. (Christian Antiquities of Ryazan Region of the 11th–16th Centuries.)*. Diss. of Candidate of historical sciences. Moscow: Institute of Archaeology of the RAS (in Russian).
- Pokrovskaia, L. V., Stepanov, A. M., Singkh, V. K. 2017. In Musin, A. E., Shcheglova, O. D. (comp.). *V kamne i v broze* (In Stone and Bronze) Series: Proceedings of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences XLVIII. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 467–474 (in Russian).
- Rabinovaich, R. A. 2018. In Sinika, V. S., Rabinovich, R. A. (ed.). *Drevnosti. Issledovaniia. Problemy. Sbornik statei v chest' 70-letii N.P.Tel'nova* (Antiquities. Studies. Issues. Collection of Paper in Honor of the 70th Anniversary of N. P. Telnov). Kishinev-Tiraspol: Taras Shevchenko Pridnestrovian State University; "Arkheologiya" Publ., 465–483
- Rabinovaich, R. A., Tkachuk, M. E. 1995. In *Arkheologicheskie vesti* (Archaeological News) 4. 165–170 (in Russian).
- Rashev, R. 2008. In Karayotov, I. (ed.). *Istoriikii. Iubileen sbornik v chest na doc. d-r St. Vitlianov po sluchai negovata 60-godishnina* (Historians. Jubilee Collection in Honor of Assoc. Prof. Dr. St. Vitlyanov Dedicated to His 60th Anniversary) 3. Shumen, 25–31 (in Bulgarian).
- Rogova, I. G. 2020. In *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniia* (Theory and Practice of Archaeological Research) 3 (31). 53–64 (in Russian).
- Rybakov, B. A. 1940. In *Sovetskaia Arkheologiya* (Soviet Archaeology) (6), 227–257 (in Russian).

- Rybakov, B. A. 1964. *Russkie datirovannye nadpisi IX–XIV vekov. (Russian Dated Inscriptions of the 11th–14th Centuries)*. Series: Corpus of Archaeological Sources E1–44. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Ryazantsev, A. 2010. In Troshin, A. N. *Domongol. Almanakh drevnei kul'tury i iskusstva (Pre-Mongol Almanac of Ancient Culture and Art)*. Rybinsk: “Iskateli” Publ., 122–125 (in Russian).
- Solomonik, E. I. 1959. *Sarmatskie znaki Severnogo Prichernomor'ia (Sarmatian Signs from the Northern Black Sea Region)*. Kiev: Academy of Sciences of the Ukrainian SSR (in Russian).
- Khamaiko, N. V. 2010. In Peskova, A. A., Shcheglova, O. A., Musin, A. E. (eds.). *Slaviano-russkoe iuvierlirnoe delo i ego istoki (Slavic-Russian Jewelry Craft and its Origins)*. Saint-Petersburg: “Nestor-Historia” Publ., 420–429.
- Heyerdahl, T. 1982. *Iskusstvo ostrova Paskhi (Art of Easter Island)*. Moscow: “Iskusstvo” Publ. (in Russian).
- Yakubovsky, V. I. 1975. In *Arkheologiya (Archaeology)* 16, 87–104 (in Russian).
- Yamaeva, E. Ya. 2004. *Altaiskie tamgi (nekotorye problemy etnokul'turnykh kontaktov narodov Altaia i Tsentral'noi Azii) (Altai Tamgas (some problems of ethnocultural contacts of the peoples of Altai and Central Asia))*. Gorno-Altai (in Russian).
- Yanin, V. L. 1982. In Kolchin, B. A., Yanin, V. L. (eds.). *Novgorodskii sbornik (50 let raskopok Novgoroda) (Novgorod Collected Works (50 Years of Excavations in Novgorod))*. Moscow: “Nauka” Publ., 138–155 (in Russian).
- Yanshina, O. V. 2009. *Naskal'nye risunki o. Iturup. (Po materialam polevykh issledovaniy Yu. V. Knorozova) (Rock Paintings of Iturup Island. (Based on Field Study Materials by Yu. V. Knorozov))*. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Iatsenko, S. A. 2001. *Znaki-tamgi iranoiazychnykh narodov drevnosti i rannego srednevekov'ia (Tamga Symbols of Iranian-Speaking Ancient and Medieval People)*. Moscow: “Vostochnaia literatura” Publ. (in Russian).
- Agrigoroaei, V. 2006. In *Apulum* XLIII/2, 25–49.
- Androshchuk, F. 2019. In *Transactions of the Swedish Research Institute in Istanbul* 23, P. 55–88 (in Russian).
- Bârnea, I. 1963. In *Cahiers archéologiques. Fin de l'antiquité et Moyen Âge*, vol. 13, 207–208.
- Bâzgu E., Şinhani T. 1997. In *Sud-Est Cultural*. Nr. 4, 86–89 (in Romanian).
- Hammarberg I., Rispling G. 1985. In *Hikuin* 11, 63–78 (in Norwegian).
- Jolivet-Lévy C. 1991. *Les églises byzantines de Cappadoce. Le programme iconographique de l'abside et de ses abords*. Paris: Presses du CNRS (in French).
- Jungner H. 1936. In *Fornvännen. Journal of Swedish antiquarian research*. Bd. 33, 277–304 (in Swedish).
- Svårdströin E. 1967. In *Fornvännen. Journal of Swedish antiquarian research*. Bd. 62, 12–21 (in Swedish).
- Waddell, L. A. 1924. *Phœnician Origin of Britons, Scots, and Anglo-Saxon*. London: Williams and Norgate, LTD (in English).
- Warren, R., Elliott, V. 1980. *Runes: An Introduction*. Manchester: Manchester University Press (in English).

About the Authors:

Lenkova Ekaterina N. Independent researcher, Moscow Russian Federation; en.lenkova@physics.msu.ru

Bondar Igor A. Independent researcher, Chisinau, Moldova; igorrr8829@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.08.2021 г.
Статья принята к публикации 01.10.2021 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

Хроника

УДК 902(091)(045)

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.5.358.364>**АРХЕОЛОГ КАК ИСТОРИК НАУКИ
(ПО СТРАНИЦАМ ИСТОРИКО-НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ
С. В. КУЗЬМИНЫХ)**

© 2021 г. О. М. Мельникова

Исследуется историко-научная и историографическая составляющая творчества археолога С.В. Кузьминых, анализируется трансформация историко-научных интересов ученого от проблемной историографии к работам по истории археологии, рассматриваются ключевые проблемы истории российской археологии, постановка и решение которых во многом связаны с именем ученого.

Ключевые слова: история археологии, С.В. Кузьминых, историк науки, «стихийная историография».

**ARCHAEOLOGIST AS A HISTORIAN OF SCIENCE
(ACCORDING TO HISTORICAL AND SCIENTIFIC PUBLICATIONS
BY S. V. KUZMINYKH)**

О. М. Melnikova

The paper studies the historical-scientific and historiographic component of the work of the archaeologist S.V. Kuzminykh, analyzes the process of transformation of the historical and scientific interests of the researcher from problem historiography to study of the history of archaeology are analyzed, and outlines the key historical and scientific problems of the history of Russian archaeology, the formulation and solution of which is largely associated with the scientist's name.

Keywords: history of archaeology, S.V. Kuzminykh, historian of science, "spontaneous historiography".

История археологии и ее историография как значимый компонент археологической науки активно развиваются на протяжении всего наступившего XXI века. Импульсом в этом поступательном движении, несомненно, стало во многом уже мемориальное событие, имеющее непосредственный отсыл к истории российской археологии, – возобновлённый в 2006 г. археологический съезд в Новосибирске. На секции по историографии состоялся серьезный разговор об истории науки, ее месте в структуре современной археологии.

Сегодня сформировалась целая группа археологов, которые на регулярной основе целенаправленно занимаются изучением различных аспектов истории российской археологии. В ряду этих ученых, несомненно, одна из ярких фигур – Сергей Владимирович Кузьминых.

В этой связи весьма полезно пройти по страницам историко-научных и историографических работ С.В. Кузьминых с тем, чтобы понять, каким образом формируется историко-научный интерес у археолога. В основу этого рассмотрения положен концепт «стихийной историографии», обоснованный и разработанный применительно к сибирской

археологии омскими учеными В.П. Корзун и М.А. Мамонтовой (Корзун, Мамонтова, 2018а, с. 39–47; 2018б, с. 151–159). Они обратили внимание на проблему историко-научных и историографических занятий учеными, чья историческая специализация непосредственно не связана с этим предметным полем. По аналогии с концептом «стихийный науковед» (Юревич, 2008, с. 12, 13) исследовательницы считают, что ученый не может не задумываться над историографическим процессом своей науки и исследует не только свою проблемную область, но и становится «стихийным историографом».

По мнению В.П. Корзуна и М.А. Мамонтовой, процесс формирования стихийного историографа состоит в последовательной трансформации его исследовательского интереса от истории конкретной научной проблемы, решаемой археологом, к истории своей науки (Корзун, Мамонтова, 2018, с. 40).

Рассмотрим, в какой степени этот путь актуален для археолога С.В. Кузьминых. Источником для этого служат его публикации по историко-научной тематике. Не имея полного списка научных трудов ученого, тем не менее сошлемся на сайт Института архе-

ологии РАН, где в Лаборатории естественно-научных методов в археологии трудится С.В. Кузьминых. Там указано, что он автор более 600 научных публикаций (Кузьминых Сергей Владимирович, <https://www.archaeolog.ru/ru/staff/kuzminykh-sergey-vladimirovich>). Список «Основные работы С.В. Кузьминых по истории археологии», опубликованный в 2012 г., насчитывает 137 публикаций (Вдовин, Тункина, 2012, с. 30–37). За прошедшее десятилетие он значительно разросся.

После анализа трудов С.В. Кузьминых по истории археологии стало очевидно, что первые работы ученого посвящены проблемной историографии. Они связаны с изучением ключевых историографических вопросов по исходным научным интересам археолога: древнейшей металлургии Северной Евразии; археологии бронзового и раннего железного веков; предыстории уральских народов. В большей мере эти исследования приурочены к истории изучения памятников Волго-Камья и Приуралья, импульс в исследовании которых был задан проблематикой кандидатской диссертации «Бронзовые орудия и оружие в Среднем Поволжье и Приуралье (I тысячелетие до н. э.)» (1978).

Говоря языком В.П. Корзун и М.А. Мамонтовой, речь идет о «квалификационной историографии» как истории изучения интересующей ученого проблематики (Корзун, Мамонтова, 2018, с. 40) или ««внутренней» истории в изучении определённой научной проблемы, которая предстает как последовательная смена научных идей, методов, теорий, имеющей определенную направленность и логику» (Попова, 2019, с. 21).

Постепенно в круге работ появляются историографические тематические обзоры достижений археологии за определенный промежуток времени. «Каталогизация» результатов научных разработок (по: Попова, 2019, с. 217) стала для ученого одним из путей расширения историографической проблематики и свидетельствовала о движении научного поиска в сторону более широких историко-научных обобщений (Кузьминых, 1982; 2000; и др.).

В исследованиях 1980-х – самого начала 2000-х гг. широко представлен и биографический мир археологии, главным образом, казанских ученых. Это предшественники в изучении археологической тематики, коллеги, учителя, оказавшие интеллектуальное и личностное воздействие на С.В. Кузьминых: М.Г. Худяков, В.Ф. Смолин, А.Х. Халиков, Т.А. Хлебникова, В.Е. Стоянов, В.В. Никитин.

Такой интерес связан с тем, что исследователь учился в Казанском университете, а затем в 1973–1976 гг. был аспирантом Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КФАН СССР.

Переход от проблемной историографии к истории российской археологии, судя по библиографии работ ученого, восходит к 2003 г. Он связан с работой С.В. Кузьминых с архивом Арне Михаэля Тальгрена – одной из ключевых фигур археологии Старого Света первой трети XX в. А.М. Тальгрена с 1908 по 1935 гг. неоднократно посещал Россию и СССР, знал лично многих русских и советских археологов. Во время поездок по стране финский археолог активно взаимодействовал с местными деятелями, знакомился с коллекциями провинциальных музеев и различных научно-просветительских обществ.

Безусловно, личность А.М. Тальгрена интересовала С.В. Кузьминых в первую очередь в контексте его предметных археологических интересов в связи с изучением бронзового и раннего железного века Восточной Европы. Однако обширная переписка с разными российскими деятелями позволила увидеть широкую коммуникационную сеть российской археологии первой трети XX в. Благодаря выявленным С.В. Кузьминых письмам обретал персонифицированные черты слой образованного сообщества, в особенности в российской провинции, увлеченный археологическими изысканиями и готовый к решению сложных научных проблем в сотрудничестве с учеными.

С.В. Кузьминых выбрал эффективный путь изучения эпистолярного наследия А.М. Тальгрена через «реставрацию» коммуникационных каналов с коллегами, работающими на ниве археологии в различных регионах страны и ближнего зарубежья, обозначенных в переписке с российскими корреспондентами. Археолог не только нашел заинтересованных коллег, но и щедро делился с ними письмами, адресованными А.М. Тальгрена, побуждая обращать внимание не только на проблемную историографию в связи с обсуждаемыми в письмах научными археологическими проблемами, но и на широкий социокультурный контекст переписки.

Изучение писем корреспондентов А.М. Тальгрена стало импульсом к возникновению широкого историко-научного интереса среди археологов, работающих на обширных пространствах России и СНГ, и вылилось в обширную профессионально осуществлен-

ную комментированную публикацию писем. Она задавала высокие стандарты для последователей в этой области историко-археологических изысканий (Кузьминых, Сафонов, 2003; Кузьминых, 2006; Китова, Кузьминых, 2006; Вдовин, Кузьминых, 2006; Кузьминых, Яковлев, 2007; Кузьминых, Сафонов, Сташенков, 2007; Кузьминых, Усачук, 2008; "Надо торопиться жить, торопиться работать", 2008; Кузьминых, Тишкина, 2009; и др.).

Глубокий текстологический анализ в этих работах сочетается с изучением исторического, социокультурного и даже мировоззренческого контекста написания писем. Комментарии к письмам позволили не только очертить образ археологической науки первой трети XX в., выявить неизвестные прежде историко-научные факты, но и формировали вкус к историко-научным исследованиям в российском археологическом сообществе, их актуальную проблематику, позволяя преодолевать определенный дисбаланс в изучении столичной и региональной версий истории российской археологии. В частности, возник интерес к переписке между археологами как важному историко-научному источнику (например: Ванюшева, 2015а; Мельникова, 2014; Руденко, 2020; и др.). Обозначилась проблематика изучения научных коммуникаций в археологии (Ванюшева, 2015).

Немаловажным стало и личное знакомство соавторов С.В. Кузьминых между собой, а сам ученый стал своеобразным системообразующим центром взаимодействий этого круга стихийных историографов. Формировалась потребность регулярного общения между археологами-историографами. Изначально оно выражалось в том, что исследователь поддерживал личные связи с кругом ученых, для которых история науки становилась предметом специальных изысканий. Коммуницирование между ними выражалось в регулярном информировании о вышедших историко-научных трудах коллег и рассылке этих публикаций всем заинтересованным исследователям. Оно активно продолжается и сейчас: С.В. Кузьминых по-прежнему формирует наши личные библиотеки новыми публикациями коллег.

Потребность в активных взаимосвязях между учеными выразилась и в регулярном проведении секций по историографии археологии на Всероссийских археологических съездах. Серьезным шагом в укреплении научных коммуникаций историков археологии, а вместе с тем и полной институциализацией

историографических и историко-научных исследований в России, стало проведение при участии или под эгидой Института археологии РАН регулярных конференций, деятельным членом оргкомитета которых является С.В. Кузьминых: Международной научно-практической конференции к 160-летию со дня рождения В.В. Хвойки; «История археологии: исследователи и научные центры (к 165-летию со дня рождения Ф.К. Вовка)»; «Ученые и идеи: страницы истории археологического знания»; «1917 год: российская археология на переломе эпох»; «У истоков советской археологии: организации и учреждения археологического профиля в новых реалиях»; «Советская археология до и после Великой Отечественной войны (вторая половина 1930-х – конец 1940-х годов)».

Дальнейшая траектория в развитии историко-научных исследований С.В. Кузьминых связана с обращением к новому источнику – дневникам выдающегося российского археолога В.А. Городцова. Скрупулезная подготовительная работа над дневниками совместно с И.В. Белозёровой позволила представить образ российской/советской археологии в восприятии одного из ее важнейших деятелей (Городцов, 2015; Городцов Василий Алексеевич..., 2019). Комментарии к этому фундаментальному изданию имеют такое же важное значение, как и сами тексты дневников, позволяя детально характеризовать генерацию археологов описываемой в дневниках эпохи, характер их взаимоотношений, научную конкуренцию, социальные факторы, возвышавшие или разрушавшие научные карьеры.

Представляется, что работа над дневниками В.А. Городцова стала определенным этапным моментом в научном творчестве С.В. Кузьминых как историка науки. Она позволила перейти от биографической истории археологии к ее более строгой институциональной версии, соединяющей в единое целое деятельность отдельных исследователей, чье творчество изучено в многочисленных, но разрозненных публикациях. В особенности это касается периода становления советской археологической науки. Предметом интереса становятся научно-исследовательские, организационные, коммуникативные практики археологии, в которые включены коллективные, групповые и персональные устремления ученых, исследуется трансляция определенных идеологических догматов со стороны власти в археологическую деятельность.

Работы, посвященные деятельности Северо-Восточного археологического и этнографического института в Казани (Кузьминых, Смирнов, 2015), Института археологии и искусствознания в Москве (Кузьминых, Белозерова, 2018), Московской секции РАИМК–ГАИМК (Белозёрова, Гайдуков, Кузьминых, 2019), истории Всесоюзного археологического совещания 1945 года (Кузьминых, Серых, 2021), позволяют судить о движении историко-научных интересов С.В. Кузьминых от внутренней к внешней истории археологии как «истории социальных структур науки» (по: Попова, 2019, с. 216). Они нашли и дидактическое воплощение в учебнике МГУ по археологии (Канторович, Кузьминых, 2006).

Подведем итоги размышлений над работами С.В. Кузьминых. Анализируя их содержание, можно говорить об эволюции интересов исследователя в области истории археологии. Это путь от проблемной историографии в области изучения бронзового и железного века к историографическим обобщениям научных

достижений за определенный промежуток времени, от антропологически ориентированной истории археологии с ее вниманием к творческой личности археолога к изучению археологических институций, ответственных за производство научного знания, подготовку археологических кадров, обеспечивающих сохранение и трансляцию исследовательской культуры и корпоративных ценностей внутри археологической профессии. Все эти исследования базируются на тщательном изучении историко-научных и историографических источников и активном вовлечении в процесс их изучения широкого круга коллег из различных регионов России и ближнего зарубежья.

Таким мне видится процесс развития историко-научных изысканий археолога через анализ весьма плодотворных и полезных для археологической науки работ С.В. Кузьминых. Вполне возможно, он является показательным для понимания процесса формирования археолога как историка науки, как стихийного историографа.

ЛИТЕРАТУРА

Белозерова И.В., Гайдуков П.Г., Кузьминых С.В. К юбилею Института археологии РАН: Московская секция РАИМК–ГАИМК // Поволжская археология. 2019. № 2 (28). С. 172–188.

Ванюшева К.В. Научные коммуникации в российской провинциальной археологии (конец XIX – 20-е гг. XX в.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск: УдГУ, 2015. 29 с.

Ванюшева К.В. Письма О.Е. Клера В.Г. Дружинину как источник по истории изучения финно-угорских народов // Ежегодник финно-угорских исследований. 2015а. №1. С. 99–111.

Вдовин А.С., Кузьминых С.В. Сергеев Сергей Михайлович (1879–1947): начало научной деятельности // Археология Южной Сибири. Вып. 24. / Отв. ред. В.В. Бобров. Кемерово: Летопись, 2006. С. 168–174.

Вдовин А.С., Тункина И.В. Основные работы С.В. Кузьминых по истории археологии // Евразийский археолого-историографический сборник / Отв. ред. А.С. Вдовин, И.В. Тункина. СПб.: СПбФ АРАН; Красноярск: КГПУ, 2012. С. 30–37.

Городцов В.А. Дневники (1928–1944). В 2-х кн. Кн. 1: 1928–1935 / Отв. ред. П.Г.Гайдуков, А.Д.Яновский. М.: ИД Триумф принт, 2015. 687 с.

Городцов В.А. Дневники (1928–1944). В 2-х кн. Кн. 2. 1936–1944 / Отв. ред. П.Г.Гайдуков, А.Д.Яновский. М.: ИД Триумф принт, 2015. 694 с.

Городцов Василий Алексеевич. Дневники ученого. 1914–1918: Из собрания Государственного исторического музея. В 2-х кн.: Кн. 1. 1914–1915. / Сост. И.В. Белозерова, С.В. Кузьминых, Г.С. Марштупа, Т.А. Цапина. Отв. ред. А.Д. Яновский. М.: ГИМ, 2019. 544 с.

Городцов Василий Алексеевич. Дневники ученого. 1914–1918: Из собрания Государственного исторического музея. В 2-х кн.: Кн. 2. 1916–1918. / Сост. И.В. Белозерова, С.В. Кузьминых, Г.С. Марштупа, Т.А. Цапина. Отв. ред. А.Д. Яновский. М.: ГИМ, 2019. 384 с.

Канторович А.Р., Кузьминых С.В. Введение // Археология: Учебник / Под ред. акад. В.Л. Янина. М.: Моск. ун-т, 2006. С. 8–28.

Китова Л.Ю., Кузьминых С.В. Штрихи к научной биографии С.А. Теплоухова: два письма А.М. Тальгрёну // Археология Южной Сибири Вып. 24. / Отв. ред. В.В. Бобров. Кемерово: Летопись, 2006. С.152–159.

Корзун В.П., Мамонтова М.А. Археолог В.И. Матюшенко: «вкус к историографии» // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018а. № 3 (19). С. 39–47.

Корзун В.П., Мамонтова М.А. «Стихийные историографы» в региональном интеллектуальном ландшафте: В.И. Матющенко, Н.А. Томилов // Вестник Томского государственного университета. 20186. № 436. С. 151–159.

Кузьминых С.В. Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Волго-Камье в 1968–1981 гг. // Новое в археологии и этнографии Татарии / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН, 1982. С. 13–23.

Кузьминых С.В. Археологическое изучение ананьинского мира в XX веке: основные достижения и проблемы // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Матер. науч. конф. к 75-летию В.А. Генинга / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Удмуртский университет, 2000. С. 37–42.

Кузьминых С.В. Письма В.Н. Чернецова А.М.Тальгрину: прерванный диалог // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии. Памяти Валерия Николаевича Чернецова / Отв. ред. М.Ф. Косарев. М.: ИА РАН, 2006. С. 17–34.

Кузьминых Сергей Владимирович, <https://www.archaeolog.ru/ru/staff/kuzminykh-sergey-vladimirovich> (дата обращения 01.07.2021).

Кузьминых С.В., Белозерова И.В. Институт археологии и искусствознания РАНИОН в судьбах отечественной археологии // Поволжская археология. 2018. № 1. С. 321–341.

Кузьминых С.В., Сафонов И.Е. В.А. Городцов и А.М. Тальгрин: диалог в переписке // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее: Тезисы конференции, ч. 1 / Отв. ред. Н.И. Шишлина. М.: ГИМ, 2003. С. 6–8.

Кузьминых С.В., Сафонов И.Е., Сташенков Д.А. Вера Владимировна Гольмстен: материалы к биографии. Самара: Офорт, 2007. 168 с.

Кузьминых С.В., Серых Д.В. Всесоюзное археологическое совещание 1945 года как ключевой фактор развития советской археологии // Советская археология до и после Великой Отечественной войны (вторая половина 1930-х – конец 1940-х годов). Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: ИА РАН, 2021. С. 36–37.

Кузьминых С.В., Смирнов А.С. Археология в Северо-Восточном археологическом и этнографическом институте // Поволжская археология. 2015. №1 (11). С. 214–239.

Кузьминых С.В., Тишкина Т.В. «Вам надо повторить поездку на Алтай» (письмо Н.С. Гуляева А. М. Тальгрину) // Теория и практика археологических исследований. 2009. Вып. 5. С. 178–190.

Кузьминых С.В., Усачук А.Н. Письма С.А. Локтюшева А.М. Тальгрину // Краеведческие записки / Ред. В.В. Рябых. Луганск: Виртуальная реальность, 2008. Вып. IV. С. 59–65.

Кузьминых С.В., Яковлев Я.А. Письмо В.Н. Пигнатти к А.М. Тальгрину // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 4. / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Баско, 2007. С. 257–267.

Мельникова О.М. Переписка А. М. Тальгрена с музеем Сарапульского земства: (к истории публикации статьи "Два железных меча в Сарапульском музее") // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология Евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 53–56.

Кузьминых С.В., Мельникова О.М., Ванюшева К.В. "Надо торопиться жить, торопиться работать": письма А.С. Лебедева А.М. Тальгрину // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2008. Вып. 2. С. 171–200.

Попова Т.Н. Дисциплинарный образ науки: подходы и понятия. Одесса: Бондаренко М. А., 2019. 392 с.

Руденко К.А. Казанские археологи в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) (по материалам переписки А.П. Смирнова и А.М. Ефимовой). Казань: Школа, 2020. 92 с.

Юревич А.В. Новые тенденции в развитии науковедения и истории науки // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2009. № 3 (56). С. 8–15.

Информация об авторе:

Мельникова Ольга Михайловна, доктор исторических наук, заведующая кафедрой истории Удмуртии, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); superlvovich2012@yandex.ru

REFERENCES

Belozerova, I. V., Gaidukov, P. G., Kuzminykh, S. V., 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 28 (2), 172–188 (in Russian).

Vanyusheva, K. V. 2015. *Nauchnye kommunikatsii v rossiiskoi provintsial'noi arkheologii (konets XIX – 20-e gg. XX v.). (Scientific Communications in Russian Provincial Archaeology (Late 19th - 1920s).)* Thesis of Diss. of Candidate of historical sciences. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Vanyusheva, K. V. 2015a. In *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy (Yearbook of Finno-Ugric Studies)* (1), 99–111 (in Russian).

Vdovin, A. S., Kuzminykh, S. V. 2006. In Bobrov, V. V. (ed.). *Arkheologiya Iuzhnoi Sibiri (Archaeology of South Siberia)* 24. Kemerovo: "Letopis" Publ., 168–174 (in Russian).

Vdovin, A. S., Tunkina, I. V. 2012. In Vdovin, A. S., Tunkina, I. V. (eds.). *Evrasiiskii arkheologo-istoriograficheskii sbornik (Eurasian Archaeological and Historiographic Collection)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg Filial Archive of the Russian Academy of Sciences. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University Publ., 30–37 (in Russian).

Gaidukov, P. G., Yanovsky, A. D. 2015. (eds.). *V.A. Gorodtsov. Dnevniky (1928–1944) (V.A. Gorodtsov. Diaries (1928–1944))* 1. Moscow: "Triumf print" Publ. (in Russian).

Gaidukov, P. G., Yanovsky, A. D. 2015. (eds.). *V.A. Gorodtsov. Dnevniky (1928–1944) (V.A. Gorodtsov. Diaries (1928–1944))* 2. Moscow: "Triumf print" Publ. (in Russian).

Belozerova, I. V., Kuzminykh, S. V., Marshutpa, G. S., Tsapina, T. A. (comp.). 2019. *Gorodtsov Vasilii Alekseevich. Dnevniky uchenogo. 1914–1918: Iz sobraniia Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Vasily Alekseevich Gorodtsov. Scientist's Journals. 1914–1918: From the Collection of the State Historical Museum)* Book 1: 1914–1915. Moscow: State Historical Museum (in Russian).

Belozerova, I. V., Kuzminykh, S. V., Marshutpa, G. S., Tsapina, T. A. (comp.). 2019. *Gorodtsov Vasilii Alekseevich. Dnevniky uchenogo. 1914–1918: Iz sobraniia Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Vasily Alekseevich Gorodtsov. Scientist's Journals. 1914–1918: From the Collection of the State Historical Museum)* Book 2: 1916–1918. Moscow: State Historical Museum (in Russian).

Kantorovich, A. R., Kuzminykh, S. V. 2006. In Yanin, V. L. (ed.). *Arheologiya (Archaeology)*. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 8–28 (in Russian).

Kitova, L. Yu., Kuzminykh, S. V. 2006. In Bobrov, V. V. (ed.). *Arkheologiya Iuzhnoi Sibiri (Archaeology of South Siberia)* 24. Kemerovo: "Letopis" Publ., 152–159 (in Russian).

Korzun, V. P., Mamontova, M. A. 2018a. In *Vestnik Omskogo universiteta (Bulletin of the Omsk University)* 19 (3), 39–47.

Korzun, V. P., Mamontova, M. A. 2018b. In *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia (Bulletin of the Tomsk State University: History)* 436, 151–159 (in Russian).

Kuzminykh, S. V. 1982. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Novoe v arkheologii i etnografii Tatarii (Recent in the archaeology and ethnography of Tataria)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 13–23 (in Russian).

Kuzminykh, S. V. 2000. In Goldina, R. D. (ed.). *Rossiiskaia arkheologiya: dostizheniia XX i perspektivy XXI vv. (Russian Archaeology: Achievements of 20th and Prospects for 21st Centuries)*. Izhevsk: "Udmurtskii universitet" Publ., 37–42 (in Russian).

Kuzminykh, S. V. 2006. In Kosarev, M. F. (ed.). *Miroponimanie drevnikh i traditsionnykh obshchestv Evrazii. Pamiati Valerii Nikolaevicha Chernetsova (The Worldview of Ancient and Traditional Societies of Eurasia. In Memory of Valery Nikolaevich Chernetsov)*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 17–34 (in Russian).

Kuzminykh Sergei Vladimirovich. Available at: <https://www.archaeolog.ru/ru/staff/kuzminykh-sergey-vladimirovich> (accessed: 01.07.2021) (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Belozerova, I. V. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (1), 321–341 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Safonov, I. E. 2003. In Shishlina, N. I. (ed.). *Chtenii, posviashchennye 100-letiiu deiatel'nosti Vasilii Alekseevicha Gorodtsova v Gosudarstvennom Istoricheskom muzee (Readings dedicated to the 100th Anniversary of the Activity of Vasily Alekseevich Gorodtsov at the State Historical Museum)* 1. Moscow: State Historical Museum, 6–8 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Safonov, I. E., Stashenkov, D. A. 2007. *Vera Vladimirovna Gol'stem: materialy k biografii (Vera Vladimirovna Golmsten: Materials for the Biography)*. Samara: "Ofort" Publ. (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Serykh, D. V. 2021. In Sorokina, I. A. (ed.). *Sovetskaia arkheologiya do i posle Velikoi Otechestvennoi voiny (vtoraia polovina 1930-kh – konets 1940-kh godov) (Soviet Archaeology Before and After the Great Patriotic War (Second Half of 1930s – Late 1940s))*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 36–37 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Smirnov, A. S. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 11 (1), 214–239 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Tishkina, T. V. 2009. In *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniy (Theory and Practice of Archaeological Research)* 5. 178–190 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Usachuk, A. N. 2008. In Ryabykh, V. V. (ed.). *Kraevedcheskie zapiski (Notes on Local History)*. 4. Lugansk: “Virtual’naia real’nost’” Publ., 59–65.

Kuzminykh, S. V., Yakovlev, Ya. A. 2007. In Yakovlev, A. Ya. (ed.). *Khanty-Mansiyskiy avtonomniy okrug v zerkale proshlogo (Khanty-Mansi Autonomous Area in the Mirror of the Past)* (4). Ekaterinburg; Khanty-Mansiysk: “Basko” Publ., 84–107 (in Russian).

Mel’nikova, O. M. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan’inskii mir: istoki, razvitie, svyazi, istoricheskie sud’by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 20. Kazan: “Otechestvo” Publ., 53–56 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Mel’nikova, O. M., Vanyusheva, K. V. 2008. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta. (Bulletin of Udmurt University)* 2, 171–200 (in Russian).

Popova, T. N. 2019. *Disciplinarnyi obraz nauki: podhody i poniatia (Disciplinary Image of Science: Approaches and Concepts)*. Odessa: “Bondarenko M.A.” Publ. (in Russian).

Rudenko, K. A. 2020. *Kazanskii arkheologi v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.) (po materialam perepiski A.P. Smirnova i A.M. Efimovoi) (Kazan Archaeologists during the Great Patriotic War (1941–1945) (Based on the Correspondence of A.P. Smirnov and A.M. Efimova))*. Kazan: “Shkola” Publ. (in Russian).

Yurevich, A. V. 2009. In *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda (Bulletin of the Russian Foundation for Humanities)* 3 (56). 8–15 (in Russian).

About the Author:

Melnikova Olga M. Doctor of Historical Sciences. Udmurt State University, Institute of History and Sociology. Universitetskaya St., 1, building 2, Izhevsk, 426034, Russian Federation; superlvovich2012@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2021 г.
Статья принята к публикации 01.10.2021 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИАЭТ СО РАН – Архив Института археологии и этнографии СО РАН
 АИМК – Академия истории материальной культуры
 АлтГУ – Алтайский государственный университет
 АН – Академия наук
 АН СССР – Академия наук СССР
 АН УзССР – Академия наук Узбекской ССР
 АН УССР – Академия наук Украинской советской социалистической республики
 АС – Археологический съезд
 АЭБ – Археология и этнография Башкирии
 БГИАМЗ – Болгарской государственный историко-архитектурный музей-заповедник
 БГПУ – Баргаульский государственный педагогический университет
 БРЭ – Большая российская энциклопедия. М.
 БСЭ – Большая советская энциклопедия. М.
 ВАРНИТСО – Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР
 ВАУ – Вопросы археологии Урала.
 ВГУ – Воронежский государственный университет
 ВДИ – Вестник древней истории. М.; Л.
 ВНИИР – Всесоюзный научно-исследовательский институт реставрации
 ВОКМ – Воронежский областной краеведческий музей
 ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры
 ГАКО – Государственный архив Курской области.
 ГАНО – Государственный архив Новосибирской области
 ГАЯО – Государственный архив Ярославской области
 ГБЛ – Государственная библиотека им. В.И. Ленина
 ГИМ – Государственный исторический музей
 Главнаука – Главное управление научными, музейными и научно художественными учреждениями Наркомата просвещения РСФСР
 ГМТР – Государственный музей Татарской Республики
 Губоно – губернский отдел народного образования
 ГУОПМК – Государственное управление охраны памятников материальной культуры Министерства культуры Узбекской ССР
 ГУС – Государственный ученый совет НКП РСФСР
 ДГС II – Древности Геродотовой Скифии
 ДТМАО – Древности. Труды Московского археологического общества. М.
 ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
 ЗВОРАО – Записки Восточного отделения имп. Русского археологического общества. СПб.-Пг.
 ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей
 ЗОРСА – Записки отделения русской и славянской археологии императорского Русского археологического общества
 ЗРАО – Записки имп. Русского археологического общества. СПб.-Пг.
 ИА АН СССР/РАН – Институт археологии АН СССР/РАН
 ИА АН УССР – Институт археологии АН УССР
 ИАИ – Институт археологии и искусствознания РАНИОН
 ИАК – Императорская археологическая комиссия
 ИАЭ–ИААЭ – Институт антропологии и этнографии / Институт антропологии, археологии и этнографии АН СССР
 ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН
 ИГАИМК – Известия ГАИМК. Л.
 ИИМК – Институт истории материальной культуры АН СССР/РАН
 ИНВИК – Известия Нижне-Волжского института краеведения. Саратов. Института археологии АН СССР. М.
 ИОЛЕАЭ – Известия ОЛЕАЭ. М.
 ИРАО – Императорское Русское археологическое общество
 ИРВИО – Императорское Русское Военно-историческое общество
 ИРГО – Известия Императорского Русского географического общества. СПб.
 ИРИ РАН – Институт российской истории РАН
 ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии
 ИУзФАН СССР – Известия Узбекстанского филиала АН СССР. Ташкент.
 ИЯЛИ КФАН СССР – Институт языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР
 ИЯЛИ УзФАН – Институт языка, литературы и истории УзФАН
 ИА АН УРСР – Институт археологии Академии наук Украинской ССР
 КГПУ – Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
 КГУ – Казанский государственный университет
 КСИА – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях
 КСИА – Краткие сообщения Института археологии
 КСИИМК – Краткие сообщения докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
 КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.; Л.
 МАИ – Московский археологический институт
 МАМЮ – Московский архив Министерства юстиции Российской империи
 МАО – имп. Московское археологическое общество
 МАР – Материалы по археологии России
 МВЖК – Московские Высшие женские курсы
 МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
 МДАПВ – Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Львів.
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
 МИСК – Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь.
 МИФЛИ – Московский институт философии, литературы и истории
 МИХММ – Муромский историко-художественный и мемориальный музей
 ММНК – Материалы международной научной конференции
 ММНПК – Материалы Международной научно-практической конференции
 МНК – Материалы научной конференции
 МО ГАИМК–ИИМК – Московское отделение ГАИМК–ИИМК

- МОиН РТ – Министерство образования и науки Республики Татарстан
 МРНК – Материалы региональной научной конференции
 МС ГАИМК – Московская секция ГАИМК
 МХЭ – Материалы Хорезмской экспедиции. М.
 НА – Научный архив
 НА ВИМАИВиВС – Научный архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи
 НА ИА НАНУ – Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины
 РО НА ИИМК РАН – Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН
 Наркомзем – Народный комиссариат земледелия СССР
 Наркомпрос, НКП – Народный комиссариат просвещения РСФСР
 НГУ – Новосибирский государственный университет
 Нег. – негатив
 НИИ – научно-исследовательский институт
 НОА ИА РАН – Научно-отраслевой архив Института археологии РАН
 НЦАИ АН РТ – Национальный центр археологических исследований Академии наук Республики Татарстан
 ОАИЭ – Общество археологии, истории и этнографии
 ОАК – Отчет археологической комиссии
 ОГОК – Орджоникидзе́вский горно-обогатительный комбинат
 ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет
 ОИАЭ – Общество истории, археологии и этнографии
 ОИРИМ – Отчеты императорского Российского Исторического музея. М.
 ОЛЕАЭ – Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете
 ОмГУ – Омский государственный университет
 ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея
 ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
 ПАИ – Петербургский археологический институт
 ПГПУ – Пензенский государственный педагогический университет
 ПИДО – Проблемы истории докапиталистических обществ. М.; Л.
 РА – Российская археология. М.
 РАИМК – Российская Академия истории материальной культуры
 РАН – Российская академия наук
 РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
 РАО – имп. Русское археологическое общество
 РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет
 РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд
 РГО – Русское географическое общество
 РИАМЗ – Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник
 РИМ – Российский исторический музей
 РИЦ – Редакционно-издательский центр
 СА – Советская археология. М.; Л.
 САИ – Свод археологических источников
 САТИ – Семейный архив Тереножкиных–Ильинских
 СГУ – Саратовский государственный университет
 СГЭ – Сообщения Гос. Эрмитажа. Л.; СПб.
 СНК – Совет народных комиссаров
 СО РАН – Сибирское отделение РАН
 СОИМК – Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина
 СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
 СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
 СССР – Союз Советских Социалистических Республик
 СЭ – Советская этнография. М.; Л.
 ТАССР – Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика
 ТВУАК – Труды Владимирской ученой архивной комиссии
 ТГУ – Томский государственный университет
 ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа. Л.; СПб.
 ТД – Тезисы докладов
 ТДС – Тезисы докладов и сообщений
 ТИИА АН УзССР – Труды Института истории и археологии АН УзССР. Ташкент.
 ТСА РАНИОН – Труды секции археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН. М.
 Труды ХАЭЭ – Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
 УзФАН – Узбекский филиал АН СССР
 УГПИ – Уссурийский государственный педагогический институт
 ФО – Фотографический отдел
 ФОН – Факультет общественных наук
 ЦАМО СССР (РФ) – Центральный архив Министерства обороны СССР (Российской Федерации).
 ЦГАЛИ – Центральный государственный архив литературы и искусства
 ЦГРМ – Центральные государственные реставрационные мастерские
 ЦМТР – Центральный музей Татарской Республики
 ЧГПИ – Челябинский государственный педагогический институт
 ЧГПУ – Челябинский государственный педагогический университет
 ЮТАКЭ – Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
 ЮУрГГПУ – Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
 ЯГУАК – Ярославская губернская ученая архивная комиссия
 ЯЕИО – Ярославское естественноисторическое общество
 АÉ – Archaeologiai Értesítő
 ESA – Eurasia Septentrionalis Antiqua
 KK – Kansalliskirjasto. Käsikirjoituskokoelmat
 MTA Könyvtár – Magyar Tudományos Akadémia Könyvtár
 OD ÚDU AV ČR. AINPK – Oddělení dokumentace Ústavu dějin umění AV ČR. Fond Archeologický institut N.P. Kondakova (AINPK). 1925–1952.
 SK – Seminarium Kondakovianum

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов регулирующих взаимоотношения автора и издателя представлены на сайте журнала по адресу:

http://evrazstep.ru/index.php/aes/author_guidelines

Порядок приема материалов

№ 1 (февраль) – не позднее 1 декабря

№ 2 (апрель) – не позднее 1 февраля текущего года

№ 3 (июнь) – не позднее 1 апреля текущего года

№ 4 (август) – не позднее 1 июня текущего года

№ 5 (октябрь) – не позднее 1 августа текущего года

№ 6 (декабрь) – не позднее 1 октября текущего года

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

INSTRUCTIONS FOR AUTHORS

All information for authors concerning the submission of papers, the procedure of their examination, review, instructions and recommendations for the execution of materials, issues regulating the communication between the author and the publisher are provided on the journal's website at:

http://evrazstep.ru/index.php/aes/author_guidelines

Manuscripts shall be submitted by the following dates:

Vol.1 (February) – not later than December 1 of the current year

Vol.2 (April) – not later than February 1 of the current year

Vol.3 (June) – not later than April 1 of the current year

Vol.4 (August) – not later than June 1 of the current year

Vol.5 (October) – not later than August 1 of the current year

Vol.6 (December) – not later than October 1 of the current year

Manuscripts not meeting the specified requirements in terms of execution shall not be examined by the editorial board!

These instructions come into effect since their publication in the journal and on the journal's website.

Журнал основан в мае 2017 г.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77– 79080

от 28 августа 2020 г. выдано Роскомнадзором

Оригинал–макет – *А. С. Беспалова*

420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Подписано в печать 29.10.2021

Дата выхода в свет 17.12.2021 г.

Формат 60×84 1/8

Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 42.78

Тираж 1000 экз. Первый завод 100 экз. Заказ №

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии "Orange Key"

г. Казань, ул. Галактионова, 14

